

П. Н. КРАСНОВЪ.

ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ

Томъ I

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ АВТОРОМЪ ИЗДАНІЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ" РИГА.

П. Н. КРАСНОВЪ.

ОТЪ ДВУГЛАВАГО ОРЛА КЪ КРАСНОМУ ЗНАМЕНИ

1894 — 1921.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

Изданіе третье,
пересмотрѣнное и исправленное авторомъ.

ТОМЪ I.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ № 37.
1 9 3 0

Печатано въ типографіи „Глобусъ“
Рига, Латвія, Елизаветинская 22.

ПРОЛОГЪ.

Если бы кто-нибудь нарочно захотѣлъ собрать людей столь различныхъ по положенію, профессіямъ, понятіямъ, національности, даже по цвѣту кожи, и посадить ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ помѣщеніи, равномъ двумъ квадратнымъ саженямъ, то врядъ ли бы ему это удалось такъ, какъ сдѣлалъ это случай зимою 1918 года на одной изъ маленькихъ станцій на югѣ Россіи.

Это было тогда, когда одурѣвшая, помѣшавшаяся Россійская армія вдругъ побросала позиціи и кинулась куда глаза глядятъ — домой, не разбирая ни эшелоновъ, ни направленій, когда начался по всѣмъ большимъ городамъ кровавый терроръ и когда казалось, что только на югѣ можно найти спасеніе и сколько-нибудь сносную жизнь. На одной изъ большихъ узловыхъ станцій юга Россіи застряла компанія людей, стремившихся попасть на скоромъ поѣздѣ въ Ростовъ. Билеты имъ въ Москвѣ продали, но предупредили, что поѣздъ можетъ и не дойти. Донскіе казаки и ихъ атаманъ Калéдинъ, какъ его называли, не признали совѣтской власти и идутъ на Москву. Гдѣ-то идутъ переговоры. Это можетъ помѣшать движенію поѣзда.

Дѣйствительно, поѣздъ докатилъ до Воронежа, но потомъ повернулъ обратно, дошелъ до узловой станціи, здѣсь остановился и пассажирамъ было заявлено, что онъ дальше не пойдетъ. Новая толпа жаждущихъ попасть въ Москву навалилась на поѣздъ и пассажиры изъ Пульмановскаго международнаго вагона очутились на

грязной, заплеванной шелухой отъ сѣмячекъ и страшно загаженной станціи, среди громаднаго людского стада солдатъ, ожидавшихъ движенія на югъ.

Были среди пассажировъ люди значительной энергіи, они пошептались между собою, поговорили, сложились и за триста рублей — шестнадцать буржуевъ получили въ полное свое распоряженіе товарный и довольно чистый, правда холодный, вагонъ, въ которомъ и предполагали не безъ нѣкотораго удобства, на своихъ вещахъ и увязкахъ, а главное, въ своей компаніи, доѣхать до мѣста назначенія.

Тутъ былъ человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, видимо многое перенесшій въ жизни, сѣдой, въ сѣдыхъ холеныхъ усахъ. Онъ былъ одѣтъ въ хорошее пальто съ мѣховымъ воротникомъ и такую же шапку, однако, какъ-будто бы и не по немъ шитое, нѣсколько широковатое и свободное. Къ нему пугливо жалась свѣжая блондинка, извѣстная столичному міру пѣвица Моргенштернъ, по сценѣ Онѣгина, два совсѣмъ юныхъ, изящно одѣтыхъ въ штатское и тоже съ чужого плеча, человѣка — Ника Полежаевъ и его братъ Павликъ и съ ними ихъ сестра Оля, совсѣмъ еще молоденькая дѣвушка съ наивными круглыми глазами, вдумчиво и печально смотрѣвшими кругомъ, инженеръ Арцхановъ съ красивой, болѣзненной дамой, которую онъ взялся проводить отъ Москвы до Ростова, толстый, въ рыжей бородѣ, богатый еврей Михаилъ Осиповичъ Капшельбаумъ и солидный нѣмецъ, банкиръ Нотбекъ. Была публика и попроще, побѣднѣе, такъ сказать, второго сорта, но все-таки своя, буржуйская, какъ презрительно отзывались о нихъ на станціи товарищи-солдаты. Молодой офицеръ кубанецъ, ѣхавшій хотя безъ оружія и погонъ, но въ черкескѣ съ газырями и съ нимъ его жена, изъ простыхъ хохлушекъ; маленькая, но очень юркая и находчивая старушка, наконецъ, еще мелкій телеграфный чиновникъ съ женою, неряшливой женщиной съ ребенкомъ, грязнымъ и неопрятнымъ.

Всѣ эти люди, въ сумракѣ вечера, при помощи стан-

ціонной прислуги прицѣпили вагонъ къ поѣзду и, помогая другъ другу, втащили свои вещи и стали устраиваться на черномъ досчатомъ полу, покрытомъ угольными крошками. У стѣны усѣлся старикъ, посадившій подлѣ себя нѣвицу. Тутъ же сбоку расположились братья и сестра Полежаевы. Инженеръ Арцхановъ изъ своей шубы и какихъ-то пледовъ устроилъ нѣкоторое подобіе ложа для своей болѣзненной спутницы, а самъ сѣлъ у нея въ головахъ, — словомъ, каждый устроился такъ, что могъ и лежать и сидѣть, а въ серединѣ вагона и у дверей, изъ которыхъ дуло, оставили свободный проходъ.

И только устроились и Арцхановъ, приклеивъ свѣчку къ краю вагоннаго переплета, началъ раскладываться, вслухъ мечтая о томъ, какъ онъ закуситъ, какъ подлѣ вагона собралась громадная, человѣкъ въ триста, толпа солдатъ, тоже хотѣвшихъ ѣхать на югъ, и устроился митингъ. Больше всѣхъ волновался, шумѣлъ и возбужденно кричалъ молодой красивый солдатъ съ очень блѣднымъ лицомъ, съ тонкими, злыми чертами и блестящими сѣрыми глазами. Былъ онъ хорошо одѣтъ въ шинель и папаху, сдвинутую на затылокъ. Изъ подъ папахи выбивался подвитой клокъ волосъ. Сухое, жесткое лицо его съ неморгающимъ взглядомъ зеленоватыхъ глазъ было твердо и сухо красиво.

— Товарищи! — кричалъ онъ, — кто мы есть? Мы трудовой народъ! Мы тѣ, кто проливалъ свою кровь, добиваясь свободы... Намъ надо ѣхать на югъ по своимъ домамъ.... Но намъ нѣтъ мѣста. Вездѣ устроились капиталисты. Ихъ везутъ, а намъ — ждать на морозѣ и снѣгу. Что же, товарищи! Теперь, когда свобода! Правильно это, или нѣтъ?

— Мы въ окопахъ сидѣли, кровь проливали, а они на нашей крови наживали, брюхо набивали, — мрачно сказалъ пожилой солдатъ съ большимъ мѣшкомъ за плечами и съ винтовкой въ рукахъ.

— Кто мени съ кручи пихае — я того самъ пихну! Нема теперичко пановъ. Пановъ треба, якъ грязные

портки. скинуть! — сказалъ угрюмый солдатъ - малороссъ.

— Мало, что-ль, кровушки нашей попили, — проговоритъ солдатъ съ плоскимъ лицомъ и блѣдно - сѣрыми злобными глазами, глядѣвшими кругомъ съ непримиримой ненавистью.

— Что церемонію съ ними разводить, товарищи, — воскликнулъ тотъ, — давайте повыкидаемъ буржуевъ вонъ, а сами поѣдемъ.

— Повыкидаемъ... Оце мало того! Съ ихъ, съ пановъ, отъ овчину треба драть... Имъ губи рвать... Мало, што-ль, воны на войнѣ народъ помордували? — вскинѣлъ малороссъ злобой и неломающимся взглядомъ уперся въ лицо молодого красиваго солдата.

— Чего вздоръ молоть, — сказалъ высокій и сохранившій еще выправку солдатъ, — тоже люди. Тамъ женщины есть, съ дѣтями. Выкидать! Имъ тоже нужда ѣхать. Потѣснимся, намъ не въ первый разъ привыкать.

— Ахъ ты, рабъ! — сплюнулъ злобный солдатъ. — Всѣхъ выкидать безпремѣнно. Чего возиться!

— Али, товарищи, вещи повыкидывать, пусть безъ вещевъ ѣдутъ, съ одной котомкой. — весело крикнулъ молодой солдатъ, тоже съ ружьемъ, и разсмѣялся, широко раскрывъ ротъ и такъ оскаливая крупные ровные зубы, что они и въ сумракѣ заблестѣли.

— Ну, вали, товарищи, чего время терять.

Толпа навалилась, дверь, которую пробовалъ придержать телеграфный чиновникъ, распахнулась, и въ вагонъ, кто подсаживаемый товарищами, кто грудью наваливаясь въ полъ, стали влѣзать солдаты. Ни самихъ пассажировъ, ни ихъ вещей, однако, не тронули, но стѣснили ихъ такъ, что они сидѣли, чуть не другъ на другѣ. Толстаго и коротконогаго Каппельбаума усадили въ углу на его чемоданѣ, поставленномъ стоймя такъ, что онъ ногами не доставалъ до пола. Болѣзненную даму заставили подняться и сѣсть.

— Нечего тутъ разлеживаться, — говорилъ, обходя вагонъ, молодой солдатъ.

— Развѣ не видите, что она больная? — сказалъ Арцхановъ.

— Я самъ нездоровый, — злобно сказалъ солдатъ съ блестящими сѣрыми глазами.

Когда вагонъ набился такъ, что многимъ уже нельзя было сидѣть и приходилось стоять, сами солдаты заперли дверь и перестали пропускать другихъ, отстаивая свои интересы и интересы попавшихъ раньше пассажировъ.

Но тутъ оказалось, что въ вагонъ пролѣзло двое китайцевъ, а третій, ихъ товарищъ, притомъ не говорящій по-русски, остался одинъ на станціи и теперь стучалъ и ломился въ вагонъ, требуя, чтобы его пропустили.

Его товарищъ, уже устроившійся на полкѣ, завопилъ дикимъ голосомъ:

— Плопусти. Это моя товалища, вмѣстѣ ѣдемъ.

— Надо впустить его, — вмѣшалась жена телеграфиста, — какъ же онъ одинъ-то будетъ, коли языка не знаетъ.

— Впустить, или всѣхъ ихъ къ чортовой матери вышвырнуть, — сказалъ злобный солдатъ.

- Да что одинъ человѣкъ сдѣлаетъ, впустить! — раздались голоса.

Дверь пріоткрыли и въ вагонъ, куда, казалось, ничего нельзя было больше проникнуть, протискался третій китаецъ, сейчасъ же залопотавшій по-китайски со своими товарищами.

Озлобленіе не улегалось. Буржуи стѣсняли и вопросъ о томъ, чтобы ихъ выбросить, былъ поднятъ снова.

Оля Полежаева дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и говорила своему старшему брату, Никѣ:

— Mais sortons donc, retournons à Moskoû, je ne puis plus rester ici.*)

— Успокойся, Оля, — отвѣчалъ тихо, по-русски, ея братъ. — Все образуется. Вѣдь не звѣри же.

— Я такъ боюсь... боюсь, — шептала Оля.

Сѣдой господинъ неподвижно сидѣлъ у стѣны и ста-

*) — Выйдемъ, вернемся въ Москву. Я не могу больше здѣсь оставаться.

рался быть въ тѣни, внѣ свѣта зажженныхъ Арцхановымъ и телеграфистомъ свѣчей. Каппельбаумъ рѣшительно вступился за свои права. Сидя на нѣкоторомъ возвышеніи и сердито сверкая глазами изъ-за золотыхъ очковъ, онъ обратился вдругъ къ солдатамъ:

— Какъ же это можно, товарищи, насъ вышвырнуть? Да по какому праву? У меня билетъ I класса до самаго Ростова, у меня плацъ-карта, я еще здѣсь на станціи заплатилъ за этотъ вагонъ сорокъ рублей и меня вышвырнуть!? Это какая же справедливость? Я спрошу,— у васъ билеты есть?

— А ты на войнѣ воевалъ? Въ окопахъ сидѣлъ? А? Вши есть у тебя, есть? А? — вдругъ напустился на него злобный солдатъ.

— Капиталистъ! — сказалъ молодой солдатъ.

Каппельбаумъ вскипѣлъ.

— Вы почему же знаете, что я капиталистъ? Вы у меня деньги считали?

— Ишь, брюха толстая — вотъ те и капиталистъ, — смѣясь. сказалъ солдатъ.

Въ разговоръ вмѣшался Арцхановъ. Его всего передергивало. Онъ давно хотѣлъ образумить этихъ людей, но его спутница останавливала, увѣряя, что будетъ хуже.

— У васъ у кого брюхо толстое, тотъ и капиталистъ, — вдругъ выкрикнулъ онъ, — а я кто же по-вашему?

— Буржуй, — презрительно сказалъ, сплевывая сѣмячки, солдатъ со злыми сѣрыми глазами.

— Почему? Это доказать надо! — сказалъ Арцхановъ.

— Чего тамъ доказывать. По платью видать и такъ.

— Ничего не видно. Я, товарищи, на фабрикѣ служу. Я такой же пролетарій, какъ и вы. Я такъ же, какъ и вы, нахожусь въ зависимости отъ капитала. Вотъ вы меня, товарищи, вышвырнуть хотѣли. А я выборный отъ союза рабочихъ, я везу важныя постановленія, рабочіе меня ожидаютъ, а вы — вышвырнуть!

— Завелъ шарманку, — сказалъ злобный солдатъ.— Ты мандатъ покажи.

— Не говорите мнѣ *ты*, я вамъ *вы* говорю.

— А я тебѣ — ты.

— Оставьте его. Михаилъ Ивановичъ. — шептала болѣзненная дама. — умоляю васъ.

Но Арцханова остановить было нелегко. Онъ кипѣлъ возмущеніемъ.

— А по какому праву? — воскликнулъ онъ.

— А по такому, что ты буржуй.

— Что же, буржуи не люди, что ли? — воскликнулъ Арцхановъ.

— Извѣстно, не люди, — раздались голоса въ разныхъ концахъ вагона.

— Що ми съ ими [illegible], якъ гуси у [illegible]. — сказалъ малороссъ, раскуривавшій вонючую кручонку. — Гаркни ему рызко — геть вонъ!

Онъ ткнулъ коричневымъ толстымъ пальцемъ въ сторону Арцханова.

— Ну, это посмотримъ, — пробормоталъ тотъ.

— Уйдемъ, уйдемъ, Ника, — молила Оля Полежаева, кладя свою руку на руку брата. — Вѣдь это ужасно.

— Ничего, ничего, милая Оля, — все образуется. Это только ихъ manière de parler*) — ничего они съ нами не сдѣлаютъ.

Въ разговоръ вмѣшался солдатъ съ клокомъ волосъ, выбившимся изъ-подъ папахи.

— Пусть ѣдутъ, — покровительственно сказалъ онъ. — Въ пути мы разберемъ, кто ѣдетъ по своимъ дѣламъ, и кто отправляется, чтобы пить народную кровь, кто пособникъ Корнилова и Каледина и хочетъ отнимать землю у крестьянина и въ угоду капиталистамъ продолжать убійственную войну.

— Правильно, товарищъ, — сказалъ малороссъ. — Треба у того загнать пулю, кто посылае людей у пэкло. У генераловъ... у охвицеровъ... Нонѣ вэлика хвыля. Гона [illegible]! Кого найду сучечки буржуя — въ дубову домовыну!

---

*) — Способъ выражаться.

— Да за что? — сказалъ Каппельбаумъ.

— За шо, — сплевывая кручонку, крикнулъ малороссъ, — за войну!

— Война была, есть и будетъ, — сказалъ Арцхановъ. — Не отъ насъ это повелось — война.

— Якъ буде у кажномъ государствѣ рабоча власть, тоды-бъ и войны не треба. И у германцивъ, и у хранцузивъ — власть рабоча и хлиборобська. За шо-жъ мы тоди будемо брухаться? Чорну злобу — гэть... По всему свиту червонна жизнь!

— А вы, товарищъ, воевали? — вдругъ спросила маленькая старушка въ платкѣ, опять-таки ловко протиснувшись и страшно стѣсняя, чуть не на колѣни садясь къ Олѣ Полежаевой, обращаясь угодливо къ молодому рослому солдату съ гвардейскими петлицами на шинели.

— Воевалъ, — неохотно отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ же?

— Въ Питербурхѣ. Права народныя брали.

— Ахъ ты, Боже мой, — засуетилась старушка. — Вотъ страсти-то!

— Ну, чего страсти, — сказалъ солдатъ. — Безоружныхъ били. Я городового штыкомъ цапнулъ.

— Ну?

— Ничего. Кровь фонтаномъ, какъ изъ свиньи. Онъ въ штатскомъ былъ. Безъ оружія.

— Въ штатскомъ? А по чемъ же вы узнали, что онъ городовой?

— Женщина указала. Я иду, онъ навстрѣчу, а женщина сзади и говоритъ мнѣ: — смотрите, товарищъ, это городовой. Ну, я штыкомъ его въ грудь...

Поѣздъ все стоялъ. Устроившіеся солдаты начали бѣгать за кипяткомъ, и рослый солдатъ, сохранившій выправку, предложилъ и буржуямъ принести кипятку. На доскахъ наверху китайцы ссорились между собою и говорившій по-русски китаецъ, указывая на своего пріятеля, говорилъ солдатамъ:

— Моя лаботникъ, — а это булжуй; купеза.

— Ты откуда же, ходя? — спрашивалъ у него солдатъ съ круглымъ веснушчатымъ лицомъ.

— Моя Шанхай. Сянь — Харбинъ. Кулеса — буржуй...

И онъ тыкалъ пальцемъ въ лежащаго китайца.

— Нѣтъ хорошо! Буржуй.

Тотъ вскочилъ и сталъ ругаться. Спокойныя лица китайцевъ исказились злобой и солдаты, смѣясь, стали стравливать ихъ между собою.

Оля Полежаева смотрѣла на все, что происходило передъ нею на маленькомъ пространствѣ вагона, и тоска и недоумѣніе отражались на ея юномъ лицѣ. Почему такъ? Откуда эта страшная ненависть? Не всѣ ли они братья во Христѣ, не всѣ ли одинаково Русскіе, страдающіе Русскіе люди? Почему солдаты ненавидятъ ихъ всѣхъ, и откуда, откуда явилось это слово «буржуи»? Были крестьяне, дворяне, мѣщане, и какъ-то уживались между собою. Можетъ быть, и много было несправедливаго въ ихъ отношеніяхъ, ненормальнаго и жестокаго, но такой злобы не было... Ей разсказывали, какъ трогательно на войнѣ денщики заботились и, какъ няньки, ходили за своими офицерами. Въ бою солдаты прикрывали своимъ тѣломъ офицеровъ, чтобы спасти ихъ отъ удара врага... Оля Полежаева каждый день ходила въ лазаретъ, писала письма и читала солдатамъ книги, приносила имъ бѣлый хлѣбъ, фрукты, и какъ ее любили! Неужели — все, что она видала за свои девятнадцать лѣтъ — была ложь, а правда въ этомъ новомъ дѣленіи людей на два ненавидящихъ другъ друга класса буржуевъ и пролетаріевъ, неужели правда въ этомъ слѣпомъ преслѣдованіи капиталистовъ?

Вагонъ затихалъ. Кое-кто, свернувшись на своихъ узелочкахъ и укладкахъ, дремалъ. Солдатъ съ нелюдимымъ взглядомъ сидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ Оли и смотрѣлъ вдаль, думая какую-то свою угрюмую думу. Противъ него сидѣлъ тотъ, который хвастался тѣмъ, что онъ убилъ городового. Китайцы еще переругивались вполго-

лоса. Ника и Павликъ, прижавшись другъ къ другу, дремали.

Оля посмотрѣла на нихъ, на солдата, на старика, сидѣвшаго рядомъ съ пѣвицей, на толстаго Кашпельбаума, застывшаго въ позѣ буддійскаго бога, и вдругъ странная мысль родилась въ ея головѣ, стала развиваться и выростать.

«Вотъ этотъ», думала она, глядя на солдата, убившаго городового, — «этотъ все можетъ. И тотъ, что такъ злобно смотритъ вдаль, тоже вездѣ найдется и вездѣ справится. Брось его на необитаемую землю — онъ сумѣетъ тамъ первобытными орудіями, которыя самъ же смастеритъ, обработать землю, собрать урожай, смолоть муку и спечь хлѣба. Онъ умѣетъ убить животное, содрать съ него шкуру, очистить и приготовить пищу. Онъ выкопаетъ землянку, построитъ жилище, найдетъ топливо: — онъ проживетъ. Это та страшная рабочая сила, что кирпичъ за кирпичомъ терпѣливо складывала храмы и дворцы, укладывала рельсы, изъ полосъ желѣза и стали, ковала паровозы, пахала, сѣяла, молотила, пекла, кормила и согрѣвала весь міръ»...

«Найдется ли она, или Павликъ, или Ника, или хотя бы этотъ, такъ близкій ей господинъ съ благородной осанкой стараго россійскаго и маленькими породистыми руками, если ихъ лишить всякой помощи со стороны?» Оля вспомнила, какъ Ника, убивъ зайца на охотѣ, несъ его къ кухаркѣ, такъ какъ ни выпотрошить, ни ободрать его онъ не могъ и не умѣлъ... «Сможетъ Ника построить домъ, приготовить пряжу, ткать матерію и сшить себѣ платье?»

Она разсмѣялась въ душѣ отъ этой мысли. «Ни онъ, ни она, ни этотъ дорогой старикъ, что умно смотритъ вдаль печальными сѣрыми глазами, не могутъ и не знаютъ ничего такого. Они — паразиты въ этомъ мірѣ. Они — б у р ж у и. И все то, что работаетъ и можетъ жить самостоятельно, не прибѣгая къ посторонней помощи, ненавидитъ ихъ за это и считаетъ ихъ эксплоататорами и кровопійцами. Надо стать, какъ они. Надо опро-

ститься, — самой убирать свою постель, стирать бѣлье, смотрѣть за полемъ, огородомъ и скотиной, готовить обѣдъ, обшивать себя и тѣхъ, кто работаетъ въ полѣ, работать цѣлый день, не покладая рукъ, какъ это дѣлаютъ крестьянки. Господи! да и дня тогда не хватитъ! А когда же читать, изучать языки, когда же думать, гулять, любоваться красотою Божьяго міра и претворять эту красоту въ пѣсни, стихи, думы, музыку, краски картинъ и линіи статуй и зданій? Когда же изучать и отыскивать божество и повиноваться его законамъ? Тогда, значитъ, весь міръ долженъ пасть до уровня этихъ людей и стать на одну притупляющую работу для добычи себѣ пищи: — ни поэзіи, ни искусства, ни религіи, ни красоты... Красоты міра не будетъ»...

Оля смотрѣла на лица злобнаго малоросса и рослаго парня, хваставшагося тѣмъ, что закололъ штыкомъ городового. Ихъ лица были красивы, но и топорно грубы. Они гармонировали съ грубыми солдатскими шинелями, но представила ихъ у себя въ гостиной, въ офицерскомъ платьѣ, или въ изящномъ штатскомъ костюмѣ и почувствовала, что это невозможно. Картинами каменнаго вѣка, первобытными людьми вѣяло отъ этихъ рѣзкихъ очертаній лицъ, отъ большихъ челюстей, здоровыхъ крупныхъ зубовъ, череповъ, нависшихъ прочною лобною костью надъ глазными впадинами и густыхъ жесткихъ волосъ. Жизнь приспособила ихъ тѣла для работы, для тяжелаго физическаго труда.

Ей вспомнился случай изъ ея ранняго дѣтства. Олѣ четыре года. Вырвавшись отъ няньки, она убѣжала на дворъ и усѣлась рядомъ съ четырехлѣтней малюткой, дочерью кухарки, Катей. Кухарка на дворѣ рубила головы курамъ. Положитъ бьющуюся курицу головою на ступени крыльца, вытянетъ ей шею и ударитъ острою тяпкой. Куриная головка съ алымъ гребешкомъ и черными, окаймленными желтымъ, глазами, падаетъ на песокъ и нѣсколько секундъ мигаютъ тускнѣющіе глаза. А курица, пущенная кухаркой, вдругъ вскакиваетъ и бѣжитъ безъ головы по двору, странно взмахивая крылья-

ми. Изъ шеи течетъ кровь. Курица падаетъ и затихаетъ. Катя въ восторгѣ хлопаетъ въ ладоши и радостно смѣется. Она поднимаетъ головки, смотритъ въ ихъ мигающіе глаза. Ея пальцы въ крови... Олѣ дѣлается дурно и со страшнымъ крикомъ, въ первомъ припадкѣ, она падаетъ на песокъ. И долго потомъ ее мучило воспоминаніе объ этой рѣзнѣ куръ... И сейчасъ ей тяжело... Для этихъ кровь одно — для нея и ей подобныхъ совсѣмъ другое.

Съ какимъ восторгомъ разсказывалъ вотъ тотъ молодой солдатъ, какъ онъ штыкомъ закололъ городового и какъ у него кровь брызнула, какъ изъ свиньи. Сочувственно его слушала старушка, и эта худая и болѣзненная жена телеграфиста съ неопрятнымъ ребенкомъ, смотрѣла на него, какъ на героя. И жена кубанскаго офицера подняла на него свои темные глаза съ выраженіемъ не ужаса, но восхищенія.

«Для насъ онъ убійца, и мы сторонимся отъ него. Для нихъ — это герой. Герой революціи».

Вспомнила и еще... Изъ такого недавняго прошлаго... Оля шла по Фонтанкѣ. На мосту и по набережной черной стѣною толпился народъ. Изъ толпы слышались выстрѣлы. На большой льдинѣ, окруженной полыньями, былъ человѣкъ. По немъ и стрѣлялъ какой-то солдатъ изъ толпы. Человѣкъ сначала бѣгалъ, смотрѣлъ на воду, но броситься въ паромъ клубящуюся темную пучину не рискнулъ. Онъ сталъ на колѣни и молитвенно сложилъ руки, обратившись къ толпѣ.

— За что его? — раздавались голоса.

— А кошелекъ у солдата укралъ.

— Такъ ему и надо... Не кради... Да еще у служиваго!

— Экъ, солдатъ и стрѣлокъ-то плохой.

— Да не солдатъ это, а милицейскій.

Пули щелкали, и видно было, какъ онѣ взрывали снѣгъ, а человѣкъ стоялъ, молился толпѣ и надѣялся. Но вотъ онъ пошатнулся.

— А, попалъ, попалъ! — прогудѣло одобрительно въ толпѣ.

Еще два выстрѣла и человѣкъ упалъ и вытянулся на снѣгу. Выстрѣлы прекратились, толпа начала расходиться. Никто не возмутился, никто не ссудилъ и не проклялъ убійцу. Это было въ тѣ дни, когда красныя знамена съ надписями: «свобода, равенство и братство», гордо рѣяли надъ городомъ и совершалась воспѣваемая газетами великая безкровная революція!

Оля не могла успокоиться. Все мерещился ей этотъ несчастный воръ, на колѣняхъ стоящій передъ толпою и молящій о пощадѣ въ смертной мукѣ...

Поѣздъ, наконецъ, тронулся. Скрипя и звеня цѣпями, наталкиваясь буферами другъ на друга, подались вагоны сначала назадъ, остановились, дернулись впередъ и покатились, отсчитывая стыки рельсовъ и вздрагивая на стрѣлкахъ.

Поѣздъ шелъ и останавливался. Почти всѣ въ вагонѣ спали. Не спали сѣдой господинъ и пѣвица, не спалъ и тотъ молодой возбужденный солдатъ съ злобными чертами лица. Не спала Оля.

Она думала. Она пришла уже въ своихъ думахъ къ тому, что, можетъ быть, они правы. Они, трудящіеся надъ землею, они, живущіе въ маленькихъ тѣсныхъ избушкахъ, гдѣ спертый дурной воздухъ, они, голодающіе и мерзнущіе. — «Міръ и всѣ его богатства принадлежатъ имъ, и буржуи, — словомъ, всѣ тѣ, кто не умѣетъ самъ работать и добывать все своими руками, — должны или стать такими, какъ они, или уйти въ иной міръ, но на землѣ не мѣсто тунеядцамъ...» Придя къ этой мысли, Оля почувствовала страшную жажду жизни. «Ну, хорошо», — говорила она себѣ, — «я буду работать, какъ они. Я буду прачкой, я стану садить и полоть огороды . . . »

Съ этою мыслью она задремала. Но сейчасъ же вернулась въ явь отъ новой яркой мысли.

«Да вѣдь тогда», — думала Оля и мысли точно торопились въ ея мозгу, стремясь что-то доказать ей важное и убѣдительное, — «тогда, когда всѣ станутъ, какъ они и не будетъ насъ, погибнетъ красота. Тогда погибнетъ

вѣра въ Бога, погибнетъ любовь. Тогда исчезнетъ сознаніе, что позволено и что не позволено. Тогда убійство не будетъ грѣхомъ и сильные и дерзкіе станутъ уничтожать слабыхъ. Слабые станутъ раболѣпствовать передъ сильными, угождать тѣмъ, кто свирѣпѣе осуществляетъ свое право жизни. Тогда все обратится въ сплошную рѣзню. Христосъ съ Его кроткимъ ученіемъ уйдетъ изъ нашего міра, съ нимъ уйдетъ красота и прощеніе, и въ дикой свалкѣ погибнутъ люди. Они, какъ хищные звѣри, разбѣгутся по пещерамъ и будутъ жить, боясь встрѣтиться съ себѣ подобными.»

«Такъ, значитъ», — думала Оля, — «и мы нужны. Мы не тунеядцы. Тѣмъ, что съ насъ сняты непосредственныя заботы о хлѣбѣ насущномъ, мы создаемъ красоту міра. Мы удерживаемъ этихъ людей отъ преступленій, однихъ страхомъ наказанія, другихъ силою своей души. Мы нужны міру. И мы — Растрелли, Воронихинъ, Стефенсонъ, Уаттъ, Яблочковъ, Морзе — создали прекрасные дворцы и соборы, паровозы и электрическій свѣтъ, придумали телеграфъ, мы, а не они. — Даже такія, какъ я, свѣтскія барышни, ничего не умѣющія, но нарядныя, веселыя, красиво одѣтыя, нужны, — потому, что въ насъ влюбляются, намъ пишутъ стихи, для насъ создаютъ картины, за насъ умираютъ и трудятся, и мы, возбуждая возлюбленныхъ, двигаемъ міръ впередъ!

На этой радостной и горделивой мысли Оля успокоилась. Она опустила голову на плечо крѣпко спавшаго старшаго брата и заснула. Поѣздъ мѣрно стучалъ колесами и баюкалъ ее.

Проснулась она отъ громкаго крика и дуновенія холоднаго вѣтра. Поѣздъ стоялъ, но стоялъ не у станціи, а вѣроятно случилось что-нибудь съ паровозомъ, и онъ остановился среди лѣса. Было утро. Солдаты для свѣта и воздуха, который ночью былъ очень тяжелымъ, отодвинули наполовину дверь и черезъ нее былъ виденъ густой, голый, лиственный лѣсъ, талый снѣгъ, слышалась частая капель воды, упадавшей съ вѣтвей и шумѣвшей по старой листвѣ, мѣстами освободившейся отъ снѣга.

Кто-то рѣзко, хриплымъ голосомъ, крикнулъ въ сторону паровоза: — «Гаврила, крути!» — и нѣсколько человѣкъ грубо засмѣялись. Жена телеграфиста, возившаяся со своимъ ребенкомъ, подобострастно засмѣялась и воскликнула:

— Ахъ уже и солдатики, солдатики! Ну придумаютъ же, право! И съ чего-й та они всѣхъ машинистовъ Гаврилами прозвали?

Солдаты хмуро потягивались и зѣвали. Сѣдой господинъ и пѣвица сидѣли въ прежнихъ позахъ и, видно, всю ночь не спали. Не спалъ, и все такъ же стоялъ и молодой солдатъ. Теперь онъ смотрѣлъ острымъ, внимательнымъ взглядомъ на сѣдого господина. Оля невольно сравнила ихъ. Между изящнымъ, съ благородной осанкой, господиномъ и этимъ солдатомъ, съ ухватками петроградскаго хулигана, было странное сходство. У обоихъ были маленькія породистыя, точеныя руки, глубокіе сѣрые глаза, одинаковый изгибъ бровей, длинныя рѣсницы, тонкіе носы съ чуть раздутыми страстными ноздрями, полныя, чувственныя губы и одинаковые подбородки съ маленькой ямочкой посерединѣ.

Сынъ и отецъ. Порочный, блудный сынъ и благородный отецъ вдругъ оказались другъ противъ друга. Пѣвица Моргенштернъ, казалось, тоже что-то замѣтила. Она съ тоскою смотрѣла то на того, то на другого и словно чего-то ждала.

Солдатъ внимательно вглядывался въ господина, чуть освѣщеннаго утреннимъ свѣтомъ, и точно припоминалъ что-то. Онъ подозвалъ изъ глубины вагона другого солдата, маленькаго, кряжистаго и немолодого, со слѣдами сорванныхъ георгіевскихъ ленточекъ на шинели и показалъ ему на господина. Оба долго смотрѣли и тихо шептались.

Сѣдой господинъ продолжалъ глядѣть въ сторону, казалось, не обращая ни на кого вниманія, но острый взглядъ его становился тоскливѣе. Онъ глубже уходилъ въ воротникъ своего пальто и лицо его, гладко выбритое, блѣднѣло и становилось сѣрымъ.

Кряжистый солдатъ вышелъ изъ вагона.

Поѣздъ все стоялъ на пути и видно было, что сдерживаемое волненіе господина увеличивалось. Оно незамѣтно передавалось пѣвицѣ и Олѣ Полежаевой. Всѣ ждали чего-то.

Прошло минуть пять. Солдаты входили и выходили изъ вагона. Вдругъ послышался гулъ голосовъ и къ вагону придвинулась толпа солдатъ, человѣкъ въ пятьдесятъ или болѣе, какъ видно, приведенная посланнымъ. Многіе были съ ружьями.

Въ ту же минуту молодой солдатъ широко шагнулъ черезъ лежащихъ и сидѣвшихъ, сильно толкнувъ Арцханова, и, глядя въ упоръ своимъ неломающимся взглядомъ въ глаза господину, твердо и ясно спросилъ:

— Вы будете не генералъ Саблинъ?

Господинъ молчалъ. Онъ внимательно и безъ страха смотрѣлъ на спрашивавшаго. Рука его быстро опустилась въ карманъ.

— Я васъ спрашиваю, — вскрикнулъ молодой, гнѣвно протягивая руку къ господину.

— Да, я генералъ Саблинъ, — спокойно отвѣтилъ тотъ, при гробовомъ, напряженнѣйшемъ молчаніи всего вагона и стоявшей внизу на путяхъ солдатской толпы. — Что вамъ отъ меня угодно?

Стало такъ тихо, что Олѣ казалось, что она слышитъ біеніе своего сердца. Молодой солдатъ круто повернулся къ дверямъ вагона, гдѣ толпились солдаты, и сказалъ полнымъ ненависти голосомъ:

— Товарищи! Это генералъ Саблинъ, который уложилъ не одну тысячу солдатъ на этой войнѣ! Это генералъ, который за сорокъ тысячъ продалъ свою позицію нѣмцамъ и изъ-за котораго разстрѣляли десятки лучшихъ борцовъ за революцію. Я узналъ его. Онъ бѣжитъ теперь къ Корнилову и Каледину, чтобы бороться противъ народа и завоеваній революціи! Товарищи! мы не допустимъ до этого!

— Ишь-ты! — съ неистовою злобою прошипѣлъ солдатъ со злыми глазами, спорившій наканунѣ вечеромъ

съ Каппельбаумомъ, и схватился за ружье, лежавшее надъ дверью.

Генералъ Саблинъ вдругъ неожиданно, упругимъ движеніемъ вскочилъ со своего мѣста, выхватилъ револьверъ и бросился къ дверямъ вагона, въ самую толпу солдатъ . . .

Прежде чѣмъ продолжать описаніе этого случая, попробуемъ посмотрѣть и разобраться въ томъ, какъ могло произойти то, что одна часть Русской арміи стала въ такое непримиримое отношеніе къ другой, какъ могли солдаты, еще такъ недавно слѣпо повиновавшіеся офицерамъ, готовые умереть за нихъ и порою искренно ихъ любившіе, вдругъ до такой степени ихъ возненавидѣть.

Но для этого намъ придется отвернуть нѣсколько листовъ пережитаго прошлаго и узнать жизнь всѣхъ этихъ людей до самыхъ ея мелочей. Тогда мы увидимъ, что все что случилось, было не неожиданно и случайно, но медленно и тщательно подготовлялось долгіе годы длиннымъ рядомъ ошибокъ, которыя никто не хотѣлъ ни замѣчать, ни исправлять.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

У Павла Ивановича Гриценко, командира 2-го эскадрона, балъ и, по юнкерскому выраженію, съ женщинами. На его холостую квартиру приглашены офицеры полка, кое-кто изъ его пріятелей другихъ полковъ и двѣ восходящія звѣздочки Петербургскаго полусвѣта: Катерина Филипповна Фишеръ и Владислава Игнатьевна Панкратова — Китти и Владя. Онѣ родныя сестры, но живутъ подъ разными фамиліями, для удобства своей профессіи. Обѣ молодыя — Китти 22 года, а Владѣ едва минуло 19, красивыя, нарядно одѣтыя, рослыя, полныя. Китти бѣлокурая, свѣтлая, золотоволосая. Владя темная шатенка. Онѣ начали съ того, что были натурщицами. Потомъ вошли въ Петербургскій полусвѣтъ и пошли по рукамъ гвардейской молодежи. Онѣ кончили гимназію, недурно болтали по-французски, грамотно писали записки, быстро познали толкъ въ винѣ и лошадяхъ и были украшеніемъ свободныхъ холостыхъ пирушекъ.

Въ Петербургѣ ранняя весна. Ночь свѣтлая, томная. Съ бульвара пахнетъ клейкими почками распускающихся тополей. Небо бѣлесое, уже загорающееся на востокѣ, за городомъ, блѣдной зарею. Улицы пустынныя и тихія. Отъ Невы несетъ водою и каменнымъ углемъ. Изрѣдка прогудитъ длинно и басовито буксирный пароходъ. У подъѣзда офицерскаго флигеля стоитъ наемная хорошая карета — это для Китти и Влади, да на огни въ квартирѣ съѣхалось нѣсколько ночныхъ извозчиковъ.

Въ комнатахъ Гриценки сильно накурено и душно. Хозяинъ настежь раскрылъ окна и оттуда на улицу слышенъ говоръ людей, женскій смѣхъ, обрывки пѣнія и игры на піанино. Ужинъ оконченъ. На большомъ, богато сервированномъ дорогимъ фамильнымъ серебромъ столѣ въ безпорядкѣ стоятъ тарелки, блюдо съ ободраннымъ копченымъ сигомъ, большой окорокъ ветчины, холодная телятина, лососина подъ провансалемъ, сладкіе пироги, конфекты, фрукты, земляника и много бутылокъ изъ-подъ шампанскаго и съ шампанскимъ, коньякъ и ликеры. Столъ залитъ виномъ. Денщикъ Гриценки и два солдата изъ собранія не успѣваютъ прибирать за гостями. Кто сидитъ за столомъ, кто бродитъ по комнатѣ, кто устроился у окна, поджавъ ноги, сѣлъ на подоконникъ.

Гриценко, молодой ротмистръ, съ черными, какъ смоль, чуть вьющимися волосами, большими цыганскими на выкатѣ глазами, смуглымъ лицомъ, съ длинными, кольцомъ, усами, въ красной шелковой рубахѣ, подъ разстегнутымъ вицъ-мундиромъ, въ длинныхъ рейтузахъ и въ маленькихъ лакированныхъ сапогахъ, забрался съ ногами на ковровую софу и, небрежно развалясь, бренчитъ на гитарѣ. Китти въ бальномъ голубомъ шелковомъ платьѣ, съ большими буфами у плеча и Владя въ розовомъ платьѣ полулежатъ рядомъ. Владя сильно пьяна и чувствуетъ себя нехорошо. Китти только разошлась. Она мурлычетъ вполголоса пѣсенки и большими голубыми глазами весело осматриваетъ собравшихся гостей.

Все офицеры. Всѣхъ она болѣе или менѣе знаетъ. Пожилой, маленькій полковникъ, Степанъ Алексѣевичъ Воробьевъ, постоянный посѣтитель всѣхъ холостыхъ пирушекъ, страстный картежникъ, съ коричневымъ, нездоровымъ, прокуреннымъ лицомъ, съ густыми русыми волосами и длинными усами, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ стоптанныхъ мягкихъ сапогахъ, на которые буфами упадаютъ широкіе сѣро-синіе рейтузы. Онъ въ длинномъ, наглухо застегнутомъ сюртукѣ. Онъ мечтаетъ о картахъ и все поглядываетъ въ растворенныя въ каби-

неть хозяина двери, гдѣ разставлены карточные столы и лежатъ нераспечатанныя колоды.

Штабсъ-ротмистръ Иванъ Сергѣевичъ Мацневъ, мужчина лѣтъ тридцати, некрасивый, лысый, безъ усовъ и бороды, слывущій циникомъ и философомъ, любитель юношей, съ лицейскимъ значкомъ на вицъ-мундирѣ, откинулъ портьеру и мечтательно глядитъ вдаль, на пустынный бульваръ и блѣдное предразсвѣтное небо.

Сотникъ Маноцковъ, гвардейскаго казачьяго полка, ввязался въ споръ о качествахъ своей лошади и, куря папиросу за папиросой, сидитъ въ углу стола за большимъ бокаломъ шампанскаго, окруженный молодежью полка.

Всего человѣкъ четырнадцать было въ гостяхъ у Гриценки.

Наступало время, когда нужно что-нибудь придумать, или разъѣзжаться. Воробьевъ считалъ, что пора приступить къ главному, для чего онъ пришелъ: — къ картамъ. Отпустить дамъ, снабдить ихъ кѣмъ-нибудь изъ молодежи и засѣсть за макао, или паровозъ.

Молодежи хотѣлось еще поболтать, попѣть, покуражиться. Вина было выпито много, но всѣ были болѣе или менѣе трезвы. Пьянѣе другихъ былъ самъ хозяинъ. Онъ какъ-то очень скоро хмелѣлъ, но охмелѣвъ, могъ пить, сколько угодно, все оставаясь въ одномъ градусѣ разгульнаго, безшабашнаго веселья, шумныхъ пѣсенъ, широкихъ жестовъ и любви ко всему человѣчеству.

Онъ бросилъ гитару, вскочилъ на свои упругія тонкія ноги и крикнулъ веселымъ голосомъ, звонко пронесшимся по всей квартирѣ:

— Захаръ! Вина!

Захаръ, денщикъ Гриценки, изъ молодыхъ солдатъ, рослый, красивый парень, въ снѣжно-бѣлой рубахѣ, писаный Русскій молодецъ, подскочилъ къ нему съ бутылкой краснаго вина и большимъ стаканомъ.

Звонкая оплеуха раздалась по комнатѣ и заставила всѣхъ вздрогнуть и обернуться. Гриценко ударилъ солдата по лицу.

— С-скотина! Сколько времени у меня служишь и не можешь различить, что какъ называется! — кричалъ Гриценко. — Я чего требовалъ?

— Вина, ваше высокоблагородіе, — растерянно отвѣчалъ поблѣднѣвшій солдатъ.

— А ты, скотина, принесъ пойла! Вино — это шампанское, дуракъ!...

— Павелъ Ивановичъ, — вдругъ раздался изъ угла звонкій молодой, полный искренняго возмущенія, голосъ: — я попрошу васъ не бить солдата! Это мерзко и... недостойно дворянина и офицера.

Изъ угла вышелъ молодой стройный юноша. Его розовое лицо съ чуть пробивающимися, почти невидными усами, горѣло отъ негодованія. Большіе темно-сѣрые глаза были налиты гнѣвомъ. Застегнутый на всѣ пуговицы своего мундира, изящный, въ узкихъ по тогдашней модѣ, рейтузахъ, онъ сталъ противъ Гриценки, заслоняя собою окончательно растерявшагося денщика.

— Корнетъ Саблинъ! Вы з-забыв-ваетесь! Вы съ ума сошли. Корнетъ Саблинъ, я п-по-п-прошу васъ н-е смѣть мнѣ дѣлать з-амѣчаній! — заикаясь отъ гнѣва, воскликнулъ Гриценко, становясь багрово-краснымъ.

— Что такое? Что такое? Господа! — быстро заговорилъ Степанъ Алексѣевичъ Воробьевъ, неслышными мягкими шагами подкатываясь къ Саблину.

— Корнетъ Саблинъ! Вы не правы! Вы не имѣете права дѣлать замѣчаній своему эскадронному командиру! Ротмистръ Гриценко, вы слишкомъ погорячились, ударивъ денщика! Да... Да... Но предмета ссоры нѣтъ. Вы сами виноваты, ротмистръ... И, господа!... Миръ... Ну... миръ... во имя чести полка! А... Руки другъ другу... Н-ну!

— Я не могу, — тихо, но твердо выговорилъ Саблинъ. — Если бы онъ меня оскорбилъ. Онъ оскорбилъ солдата. Онъ себя оскорбилъ.

Гриценко уже отошелъ.

— Захаръ, поди сюда! — сказалъ онъ. — Я тебя по-

билъ, любя побилъ, понялъ? — я тебя и поцѣлую. — любя поцѣлую.

Взявъ обѣими руками за щеки Захара, онъ нагнулъ его лицо къ своему и сочными губами впился въ крѣпкія губы солдата.

Потомъ, отодвинувъ его лицо отъ своего, онъ погрозилъ ему пальцемъ и укоризненно сказалъ:

— Эхъ, Захаръ, Захаръ! Ввелъ ты меня-таки во искушеніе. Помни: — вино только шампанское, прочее вино — пойло, вѣдь училъ же я тебя? А?... Училъ?... А чай?

— Кишкомой, ваше высокоблагородіе, — быстро отвѣчалъ солдатъ.

— Ну, вотъ видишь... — Гриценко снова сочно поцѣловалъ солдата и, слегка толкнувъ, сказалъ: — ступай!

Но едва тотъ повернулся, какъ онъ крикнулъ:

—Пѣсенниковъ! Захаръ, да ж-живо... Моихъ.

— Эхъ, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Воробьевъ, — четыре часа утра. Люди спятъ еще, а тамъ на уборку надо. Ну, какіе пѣсенники!

Гриценко улыбался широкой, радостной улыбкой.

— Х-хочу! Ж-желаю... Хочу показать пижону, что люди меня любятъ и что это ничего — (онъ сдѣлалъ жестъ рукою). — Они на это не обижаются. Лишь бы любили ихъ и не помыкали ими. Такъ-то, милый Степочка. И не препятствуй мнѣ. Двѣ пѣсни... Понялъ? двѣ пѣсни. И онъ споетъ намъ — сей юный. — онъ захохоталъ. — Левъ Толстой!

Саблинъ пожалъ плечами и отошелъ. Сердиться на Гриценку онъ не могъ.

II.

Въ ожиданіи пѣсенниковъ карты разстроились. Манацковъ сердито говорилъ корнету Ротбеку, одного выпуска съ Саблинымъ и поручику Бахметеву, заядлому спортсмену:

— Я васъ увѣряю, мой Фигаро прыгнетъ.

— Черезъ стулъ? — спрашивалъ Ротбекъ.

— Черезъ стулъ.

— Обнесетъ, — убѣжденно сказалъ Бахметевъ.

— Никогда. Все дѣло въ дрессировкѣ. Надо только, чтобы лошадь поняла... Или хотите... черезъ веревку, на которой я повѣшу носовой платокъ.

— Ну это легче. Но черезъ стулъ?

— Хотите пари?... Завтра у васъ въ манежѣ... Я пріѣду.

Степочка ходилъ мягкими шагами вдоль стола и недовольно поглядывалъ на дамъ. Онѣ не догадались во время уѣхать и теперь задерживали игру въ карты. При нихъ не хотѣли играть.

— Вы бы спѣли намъ что-нибудь, Катерина Филипповна, — сказалъ онъ. — А? Что такъ то сидѣть.

— И то подъ гитару? — подсаживаясь къ дамамъ сказалъ Грищенко. — Ну!

— Ну,—сказалъ Степочка, и самъ недурно пѣвавшій цыганскіе романсы тоненькимъ, жидкимъ, но вѣрнымъ теноромъ.

Китти встряхнулась. Разрумянившаяся, молодая, начинающая полнѣть, она была прелестна.

— Хотите «Письмецо»? — сказала она.

— Идетъ! — воскликнулъ Грищенко и, раскачиваясь и помахивая декой гитары, сталъ брать аккорды.

Жду я вѣсточки отъ дру-у-га,
Все въ слезахъ мое лицо.
Напиши же, другъ мой ми-лый,
Поскорѣй мнѣ письмецо!

Пропѣла Китти и вдругъ, съ разныхъ концовъ столовой, настроившійся хоръ дружно подхватилъ вторыя строки куплета.

— Отлично, браво! браво, — крикнулъ Степочка.

Грищенко, фальцетомъ, безъ голоса, но музыкально

и вѣрно, сверкая цыганскими глазами, завелъ второй куплетъ.

Вольтижируя въ манежѣ,
Я разбилъ . . . . и хо-хо-хо!
Напиши же, другъ мой милый,
Поскорѣй мнѣ письмецо.

Всѣ гости громко хохотали. Китти и Владя веселѣе всѣхъ.

— Нѣтъ, Саблина заставьте пѣть... Саблина... юнкерскую, — закричалъ румяный Ротбекъ и потащилъ Саблина къ піанино, стоявшему въ углу.

Саблинъ взялъ нѣсколько аккордовъ. Офицеры подошли къ піанино. Манодковъ съ Бахметевымъ остались въ сторонѣ, они все спорили.

— Ты говоришь, минута двѣнадцать. — Никогда.

— Это дерби! — кипятился Манодковъ.

— Дерби — минута восемь. Ну, хочешь, пари?..

Саблинъ взялъ бравурный аккордъ, лицо его разгорѣлось и стало шаловливымъ. Бойко играя веселый маршъ, онъ только сказалъ первое слово, какъ всѣ дружно грянули:

Циргъ поѣхалъ за-границу,
Обозрѣть Евро-пу!
А жена, чтобъ не скучать,
Стала молодежь цукать!..
Цирга, Цирга, Цирга, Циргъ, Циргъ, Циргъ...

Юнкерская пѣсня про училищнаго офицера Цирга, полная циничныхъ намековъ, весело гремѣла, и звонкій голосъ Китти выдѣлялся среди мужскихъ голосовъ въ самыхъ рискованныхъ мѣстахъ.

III.

Пришли пѣсенники. Ихъ было двадцать пять человѣкъ, и съ ними толстый заслуженный вахмистръ. Солдаты были одѣты въ свѣжихъ, бѣлыхъ рубахахъ, подпоясаны лосиными ремнями, въ чистыхъ рейтузахъ и ярко начищенныхъ сапогахъ со шпорами. Вахмистръ былъ въ мундирѣ, расшитомъ золотыми и серебряными шевронами, съ медалями на груди и на шеѣ и съ цѣпочкой изъ ружей за отличную стрѣльбу. Они принесли съ собою ароматъ тополей, утра и весны, и запахъ крѣпкой сапожной смазки.

Степочка поздоровался съ ними. Запѣвало, — молодой солдатъ, эскадронный писарь, невысокаго роста, худощавый, съ интеллигентнымъ лицомъ, вышелъ впередъ, заложилъ руки за спину и выставилъ ногу. У него былъ очень хорошій теноръ, онъ былъ музыкально образованъ и зналъ себѣ цѣну. Злыми глазами онъ оглянулъ всю столовую, вино и женщинъ и запѣлъ звонкимъ, за душу берущимъ голосомъ:

Ахъ, братцы, лѣто настанетъ,
Съ своими лагерями.
Великій князь насъ поведетъ
И господа всѣ съ нами!

Онъ взмахнулъ рукой, обернулся къ хору и хоръ чуть слышно, мягкими аккордами, проговорилъ:

Ура! Нашъ славный полкъ, ура!
Великій князь насъ поведетъ,
И господа всѣ съ нами..

— Нѣтъ, — размякая отъ пѣнія и отъ горделиваго сознанія, что это его пѣсенники, его эскадронъ, — сказалъ Гриценко, — вы послушайте, какъ нашъ свирѣпый Саша Саблинъ съ Любовинымъ дуэтомъ поетъ. Опера!

— Спойте, Саблинъ!

— Саша, спой! — раздались голоса.

Саблинъ отошелъ отъ піанино и сталъ передъ пѣсенниками. Хорошій музыкантъ, привыкшій въ корпусѣ и въ училищѣ пѣть въ хорѣ, Саблинъ теперь увлекался запѣвалой Любовинымъ и его теноромъ и все мечталъ отдать его въ консерваторію и на сцену. Любовинъ училъ его новымъ пѣснямъ, такимъ, какихъ Саблинъ не зналъ.

— Давай, Любовинъ, твою, — сказалъ Саблинъ.

— Слушаю.

Два голоса слились и пошли разсказывать Кольцовскую пѣснь бобыля.

— Ни кола, ни двора,
Зипунъ весь пожитокъ,
Вѣкъ живи, не тужи —
Умрешь — не убытокъ.

Китти, сидя рядомъ со Степочкой, пожималась, поводя плечами, и щурила синіе глаза на Саблина.

— Степочка, — шептала она Воробьеву, — неужели правда, что Саблинъ? — никогда?.. ни разу?..

— Ну да, конечно, — говорилъ Степочка, разглядывая кольца на рукѣ у Китти и перебирая ея мягкіе, горячіе пальцы.

— Нѣтъ, этакая прелесть!.. Совсѣмъ даже не знаетъ?.. Не былъ?

— Увѣряю васъ.

— Этакій восторгъ!.. Степочка, милый. Устройте мнѣ его... Устройте, чтобы я была... первая... Хорошо?

— А хочется? — улыбаясь спрашивалъ Воробьевъ.

— Ахъ... И даже — очень!

— Ну, ладно!

— Вотъ милый!

— Тише вы.

Мужику богачу
И съ казной не спится

пѣли Саблинъ съ Любовинымъ.

Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ веселится!..

Степочкѣ надоѣли эти пѣсни. Шесть часовъ утра уже. Яркое солнце безстыдно глядится въ открытыя окна и слышенъ благовѣстъ.

— Надо кончать, Павелъ Ивановичъ, и на уборку, — сказалъ онъ.

— Ну еще одну... Мою! — сказалъ Гриценко.

— Командирскую, — приказалъ вахмистръ.

Хоръ разомъ весело грянулъ:

Шелъ солдатъ съ похода,
Зашелъ солдатъ въ кабакъ,
Сѣлъ солдатъ на лавку,
Закуривалъ табакъ!..

Широко лилась любимая пѣсня Гриценки.

Нашъ полкъ впередъ несется,
Всѣхъ рубитъ наповалъ.
Выстрѣлъ раздается,
И командиръ нашъ палъ!

Пѣсенники кончили пѣсню. Гриценко всталъ и торжественно перецѣловался съ солдатами. Слезы блистали у него на глазахъ. Онъ искренно любилъ въ эту минуту ихъ всѣхъ. Онъ досталъ двадцать пять рублей и далъ ихъ вахмистру.

— Спасибо, братцы, — размягченно сказалъ онъ.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! — крикнули пѣсенники.

— Ну и по домамъ. Утреннія занятія я отмѣняю, вахмистръ, — сказалъ Гриценко.

Пѣсенники стали выходить. Поднялись и дамы.

— Корнетъ Саблинъ, — повелительно сказалъ Степочка, — проводите барышень домой.

— Но... Господинъ полковникъ, — краснѣя до ушей пробормоталъ Саблинъ. — Я...

— Никакихъ «но», дорогой мой. Вы одинъ не играете въ карты и вполнѣ трезвы. Ну... Маршъ!

Саблинъ развелъ руками и со смущеніемъ подходя къ дамамъ сказалъ: — я къ вашимъ услугамъ!..

IV.

Въ каретѣ они молчали. Было жарко, пахло духами и виномъ. Владя сидѣла блѣдная, ее укачивало, она едва держалась. Китти была пьяна отъ вина, но еще болѣе ее пьянила близость молодого офицера. Его благородный поступокъ, его пѣніе, молодость и красота — туманили ей голову. Страстное желаніе охватило ее всю. Говорить она не рѣшалась. Она боялась испугать его, робкаго и застѣнчиваго. Думала, какъ побѣдить его.

Ѣхать было недалеко. На Офицерской, у высокаго, еще спавшаго дома остановились. Дворникъ открылъ калитку тяжелыхъ воротъ. Подъ воротами былъ подъѣздъ. Китти позвонила. Пожилая, солидная горничная, въ чепцѣ и передникѣ въ кружевахъ, открыла дверь. Лицо ея было спокойное и безстрастное.

Саблинъ сталъ прощаться.

— Куда же вы, милый человѣкъ, — ласково сказала Китти. — Прошу васъ, зайдите ко мнѣ на минуту. Мнѣ надо написать два слова Гриценкѣ... Ну... пожалуйста!

Неловко снявъ пальто, Саблинъ вошелъ въ гостиную съ фуражкой въ рукахъ. Шторы блѣдно-желтаго цвѣта были опущены. Солнце лило на нихъ яркіе лучи. Во всей комнатѣ стоялъ пріятный, золотистый ровный свѣтъ. Большое зеркало въ золоченой рамѣ висѣло между оконъ. Подъ нимъ въ золотой корзинѣ гіацинты точно дышали нѣжнымъ, свѣжимъ запахомъ. Другая большая корзина съ гіацинтами была поставлена у окна на золоченой жар-

диньеркѣ. Вдоль одной изъ стѣнъ стоялъ рояль, накрытый пестрымъ покрываломъ блѣдно-сиреневаго цвѣта съ японской вышивкой. Надъ роялемъ висѣлъ портретъ Китти, неискусно сдѣланный пастелью начинающимъ художникомъ. На роялѣ фотографіи юнкеровъ и очень молодыхъ офицеровъ стояли безпорядочной толпой. Воспоминаніе минутныхъ утѣхъ любви. На стѣнѣ висѣло зеркало и полочки, уставленныя фарфоровыми и бронзовыми бездѣлушками. Еще замѣтилъ Саблинъ круглый столъ со скатертью. Высокую на немъ лампу съ шелковымъ абажуромъ и подъ ней альбомы. Подлѣ стола, на коврѣ были диванъ и кресла, такія же кресла стояли и въ простѣнкахъ. Мебель, занавѣски и покрывало были выдержаны въ одинаковыхъ тонахъ — блѣдно-сиреневыхъ съ золотомъ. Такой же былъ коверъ, такая же и лампа. Въ углу на каминѣ, въ большихъ рамкахъ изъ мореннаго дуба, на почетномъ, отдѣльномъ мѣстѣ были большіе фотографическіе портреты Государя Императора и Императрицы. Три двери вели изъ гостиной. Одна въ маленькую, темную прихожую, другая, направо, въ комнату Влади и третья, налѣво, въ комнату Китти. Эта дверь была занавѣшена японской портьерой изъ камыша и бусъ.

Владя, не прощаясь, быстро прошла въ свою комнату и сердито захлопнула дверь. Китти ушла къ себѣ, но двери не закрыла. Саблинъ остался стоять посерединѣ гостиной. Онъ себя преглупо чувствовалъ. Хотѣлъ уйти, но и неловко было уйти, не попрощавшись, не дождавшись записки Китти.

А Китти и не думала ничего писать. Было слышно, какъ она снимала платье, ходила по комнатѣ, мурлыкая пѣсенку, сняла башмаки, заскрипѣлъ корсетъ. Она подходила къ дверямъ, и сквозь камышъ и бусы, Саблинъ въ полутьмѣ спальни видѣлъ стройную, бѣлую фигуру въ соблазнительномъ бѣльѣ. Запахъ гіацинтовъ кружилъ голову.

Прошло минутъ пятнадцать. Въ комнатѣ Китти лилась вода. Китти приводила свой туалетъ въ порядокъ.

Наконецъ, неслышно ступая по паркету и ковру, она вышла въ гостиную. Золотистые волосы были сложены въ красивую греческую прическу, и какъ видалъ Саблинъ на картинахъ Баковича и Семирадскаго были туго перевязаны голубыми лентами. Лицо, несмотря на безсонную ночь, было свѣжо и юно. Подрисованные глаза блестѣли изъ-подъ казавшихся громадными отъ туши рѣсницъ. На ея плечи былъ накинутъ японскій лиловый шелковый халатикъ, нѣжно облегавшій ея тѣло. Она мягко, по кошачьи, мелко шагая босыми ногами, подошла къ зеркалу и стала, горделиво оглядывая себя черезъ плечо, въ изящную позу натурщицы.

— Ну что, не долго? — сказала она словами, а глаза ея говорили: — «ну, посмотри, какова я?... Ну, что же?... я вся твоя!.. Бери... сжимай меня!.. Снеси на своихъ сильныхъ молодыхъ рукахъ въ спальню... Можно... Позволено»...

Саблинъ тяжело дышалъ. Кровь то приливала къ его лицу, то отливала. Туманъ застилалъ глаза. Онъ былъ смущенъ. Онъ не зналъ куда дѣвать руки и безпомощно мялъ фуражку.

Лиловый халатикъ, державшійся на одной пуговкѣ, мягко соскользнулъ съ плеча и упалъ вокругъ ногъ Китти. Она стала на немъ обнаженная. Солнце сквозь шторы бросало на нее теплый прозрачный свѣтъ, и она стояла передъ юношей, дивно прекрасная въ своей наготѣ съ безупречными линіями ногъ и спины. Чуть улыбаясь, смотрѣла она на него и медленно поворачивалась передъ зеркаломъ — видная вся.

Саблинъ тяжело вздохнулъ, но не тронулся съ мѣста. Китти казалась ему несказанно красивой, казалась богиней. Въ этотъ мигъ онъ забылъ кто она.

Китти ждала. Прошла томительная минута. Вдругъ жгучій стыдъ охватилъ ее. Она закрыла лицо руками. Взглянула еще разъ изъ-подъ пальцевъ на Саблина и, быстро подобравъ халатикъ и кое-какъ закрываясь имъ, убѣжала къ себѣ въ спальню, захлопнула дверь и два раза щелкнула ключомъ.

Не страсть, но стыдъ и смущеніе прочитала она въ чистомъ взорѣ прекраснаго юноши и въ эту минуту почувствовала, что она его любитъ — слишкомъ любитъ, чтобы сразу отдаться! И если бы теперь Саблинъ ломился къ ней въ дверь, стучалъ, умолялъ и просилъ его впустить, она ни за что не пустила бы его. Ей было мучительно стыдно. Уткнувшись лицомъ въ подушки, она безотчетно натягивала на себя до самыхъ ушей одѣяло и тихо плакала отъ горя, смѣшаннаго съ ликующимъ восторгомъ.

Саблинъ постоялъ еще, какъ будто о чемъ то раздумывая. Онъ прислушался. Изъ комнаты Влади неслись придушенные стоны. Владю тошнило. Въ комнатѣ Китти была тишина. Саблинъ прошелъ въ прихожую. Тамъ не было никого. Онъ надѣлъ на себя пальто, отложилъ крюкъ съ двери, открылъ американскій замокъ и быстро вышелъ на лѣстницу.

V.

Кровь стучала ему въ виски. Онъ чувствовалъ себя сильнымъ и бодрымъ. Спать не хотѣлось. Земля горѣла у него подъ ногами. Онъ шелъ пѣшкомъ быстрыми шагами, мягко позванивая шпорами. Запахъ гіацинтовъ и образъ обнаженной женщины его преслѣдовали. Теперь, въ своихъ мысляхъ, онъ былъ смѣлъ съ нею. Ему хотѣлось обнять и схватить ее, но вернуться онъ не могъ. ...Какъ же? Снова — тихая полутемная прихожая съ вѣшалкой, гдѣ виситъ напоенная запахомъ ея духовъ накидка и куда горничная будетъ вѣшать его пальто? Онъ сгоритъ отъ стыда подъ ея холоднымъ, спокойнымъ, безразличнымъ, чужимъ взглядомъ... А потомъ... — гостиная въ золотомъ свѣтѣ утренняго солнца, въ лиловыхъ тонахъ мебели съ лиловыми гіацинтами и съ ихъ чистымъ, свѣжимъ ароматомъ... Прямо войти туда?... въ спальню?... за звонко трещащія камышины японской занавѣски?... Сердце билось... Духъ захватывало.... Сму-

шеніе сжимало сердце и чувствовалъ, что тамъ все пропадетъ у него и ничего не выйдетъ отъ стыда, отъ слишкомъ большого счастья.

Полною грудью онъ вбиралъ утренній воздухъ. Пилъ его бодрящую, какъ душистое вино, свѣжесть. Онъ торопился домой къ казармамъ. Петербургъ сіялъ передъ нимъ въ несказанной красотѣ солнечнаго весенняго утра. Прозрачный воздухъ былъ звонокъ. Солнце съ чистаго неба золотило голубые переплески волнъ канала. Красная кирка со стройной колокольней открывала даль красивой улицы. По свѣжему, пахнущему смолой торцу, четко отбивая ногами, бѣжалъ на утренней проѣздкѣ нарядный сѣрый рысакъ. Городовые въ длинныхъ черныхъ кафтанахъ стояли на пустынной улицѣ. Лиственницы Исаакіевскаго сквера чуть зеленѣли, и было что-то трогательно наивное въ ихъ кривыхъ вѣтвяхъ. Ярко, застилая полнеба, горѣлъ громадный золотой куполъ, окруженный тонкими колоннами. Съ лѣваго бока неуклюже надвинулись на соборъ темною сѣткою лѣса, но и они нравились Саблину. Они напоминали годы дѣтства. Безъ нихъ Исаакіевскій соборъ не былъ бы роднымъ для него.

Александровскій садъ покрывался пухомъ молодой зелени. Мягкая трава тоненькими иголками проступала изъ земли. Отъ Невы шло могучее дыханіе свѣжести, простора и шири. Блѣдное небо и колонны сената, широкое зданіе манежа, Адмиралтейство, просвѣчивающее сквозь сучья и стволы сада своими бѣлыми фасадами, чередующимися съ колоннадами и арками воротъ — все въ эти утренніе часы было строго и прекрасно и заполняло собою прелесть золотокудрой обнаженной Китти...

Куда идти?.. По времени: — было восемь часовъ утра, надо было идти въ эскадронъ. По занятій въ эскадронѣ не было. Идти домой и остаться одному въ своей квартирѣ, пить холостой чай, а потомъ не знать куда дѣвать все длинное утро до завтрака въ полковой артели, было невмоготу. Саблинъ подходилъ къ квартирѣ

Гриценки. Онъ пріостановился, подумалъ и сталъ подниматься къ нему.

Двери на лѣстницу были растворены. Прислуга собранія выносила корзины съ пустыми бутылками, посудой и собранскимъ бѣльемъ. Въ столовой на столѣ кипѣлъ, пуская клубы пара къ потолку, самоваръ, и Захаръ, не спавшій всю ночь, разставлялъ стаканы. Изъ кабинета, гдѣ, несмотря на ясный день, горѣли свѣчи и гдѣ были спущены портьеры, слышались отрывистые, хриплые голоса.

Играли на двухъ столахъ. Въ углу, гдѣ сидѣлъ Гриценко, Воробьевъ и еще четыре офицера, шла крупная серьезная игра. На столѣ лежала куча золота и пестрыхъ ассигнацій. Маноцковъ съ сѣрымъ лицомъ и блестящими глазами, въ разстегнутомъ казачьемъ чекменѣ, изъ-подъ котораго былъ виденъ бѣлый пикейный жилетъ, стоялъ сзади, жадно смотрѣлъ на столъ и изрѣдка бралъ себѣ карту. Гриценко безъ сюртука въ алой рубашкѣ съ помочами, засучивъ по локоть свои темныя волосатыя руки, нервно рвалъ и тасовалъ колоды. Степочка, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ, напѣвая и насвистывая, игралъ какъ будто бы и небрежно, но глаза его смотрѣли остро и внимательно, и выдавали азартъ, охватившій его.

За другимъ столомъ не играли, а баловались. Тамъ засѣдалъ окруженный молодежью Мацневъ. Играли на мѣлокъ. Тамъ былъ товарищъ Саблина, румяный и бѣловолосый Ротбекъ, простоватый Фетисовъ, годомъ старше Саблина и еще три офицера другого эскадрона, которые все порывались встать и идти на занятія, но никакъ не могли этого сдѣлать. При входѣ Саблина, Мацневъ поднялъ голову, значительно посмотрѣлъ на него и, обращая общее вниманіе, воскликнулъ:

— А! Съ легкимъ паромъ! Что такъ скоро, Саша?

Саблинъ смутился. Молодежь жадно любопытными глазами смотрѣла на него.

Даже Степочка оторвалъ глаза отъ картъ и коротко, но внимательно посмотрѣлъ на Саблина и крикнулъ ему:

— Отвезли? благополучно?

— Да. — сказалъ Саблинъ.

— Ну и что дальше? — спросилъ Мацневъ.

— Ничего. — сказалъ Саблинъ.

— Разсказывай сказки. — сказалъ Мацневъ.

— Разскажите вы ей, цвѣты мои. — напѣвалъ изъ «Фауста» Степочка. — Такъ нельзя, Павелъ Ивановичъ, мы не въ шашки играемъ. Мажете? — обратился онъ къ Маноцкову.

— Ставлю десять.

— Идетъ въ двадцати пяти.

Саблина забыли. Не до него было. Онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ была библіотека Гриценки, забрался съ ногами на софу, взялъ первую попавшуюся книгу съ полки и углубился въ чтеніе.

Онъ читалъ и не понималъ того, что читаетъ. Видѣлъ буквы, слагалъ ихъ въ слова, но смыслъ словъ перебивало сладкое воспоминаніе пережитого. Онъ опять чувствовалъ нѣжный запахъ гіацинтовъ, полный весенней чистой свѣжести, видѣлъ бѣлое тѣло и чувствовалъ жгучій стыдъ и сладостную истому.

Книга выпала изъ рукъ, онъ задремалъ.

Очнулся онъ отъ прикосновенія чьей то большой, горячей руки къ его колѣну.

— Спишь, Саша, — ну спи, ангелъ мой, я не буду тебѣ мѣшать, — сказалъ кто то, садясь рядомъ съ нимъ.

Саблинъ открылъ глаза: — Мацневъ.

— Что тебѣ, — сердито сказалъ Саблинъ, неохотно отрываясь отъ охватившей его дремоты.

— Ничего... Ничего, иль очень мало... — отвѣтилъ Мацневъ. — Такъ то, Саша. Что?.. не выгорѣло?

— Оставь меня, Иванъ Сергѣевичъ.

— Отчего? Послушай меня, стараго, опытнаго въ сихъ дѣлахъ человѣка.

Мацневъ тѣснѣе подвинулся къ Саблину и взялъ его маленькую породистую руку въ свою большую съ узловатыми пальцами руку.

— Ты еще не умѣешь любить... — продекламировалъ

онъ. — Слушай, Саша... Какъ жаль, что ты не читалъ Анакреона... Не знаешь Овидія. О, классики! О, міръ античной красоты! Съ ними и за ними я забываю всю пошлость современной жизни! Какъ жаль, Саша, что ты не образованъ. Не сердись и не протестуй, милый другъ. Твое образованіе — образованіе дѣвицы легкаго поведенія. Не больше. Немножко исторіи, немножко географіи, патріотизма, безпредѣльная преданность Государю Императору...

— Не говори такъ, Иванъ Сергѣевичъ, — высвобождая свою руку изъ крупной руки Мацнева, сказалъ Саблинъ.

— Знаю, Саша. Но помни, что мнѣ то говорить это можно. Я могу это сказать, потому что я самъ преданъ Монархіи и Монарху. Россія иною быть не можетъ... Но, Саша, — тосковать то и мнѣ позволено, томиться, рваться и летѣть. А Саша? Саша, ты не читалъ исторіи французской революціи? Ты... Понялъ ли ты Наполеона? Ты не парилъ духомъ... А я... Я ночами зачитывался мемуарами той великой эпохи... Сегюръ... Марбо... Фэнъ... Два міра понятны и достойны подражанія — тотъ міръ, гдѣ рождались великіе принцы droit de l'homme*) и міръ античной красоты. Саша, пойми: ты съ своею дивной красотой... Ты вѣдь самъ — антикъ. Статуя молодого бога. — Ты невѣжда, и понимаешь въ жизни и красотѣ не больше молодого теленка, который скачетъ по лугу, задравъ хвостъ.

Саблинъ вспомнилъ, что Мацневъ былъ самымъ плохимъ ѣздокомъ и офицеромъ въ полку и что никто такъ часто не получалъ выговоры за нерадивость по службѣ, какъ Мацневъ, и снисходительно улыбнулся.

Мацневъ понялъ его улыбку.

— Ахъ, Саша! Неужели и ты только комокъ красиваго пушечнаго мяса, безъ нервовъ и мозговъ? Неужели ты никогда не поднимешься и не воспаришь духомъ? А

---

*) Права человѣка.

впрочемъ?.. Ты созданъ для міра сего. Что-жъ, — со злобою воскликнулъ Мацневъ, — бей ворону, бей сороку!.. Что попалось — бери, хватай, люби, торопись захватить себѣ побольше счастья, побольше моментовъ, когда сладострастно сжимается сердце и міръ кажется прекраснымъ, когда чухонка-горничная рисуется богиней красоты, а балетная корифейка мнится недосягаемымъ идеаломъ. Лови моментъ! Тебѣ ли, мазочкѣ Сашѣ, понять весь глубокій смыслъ жизни и любви безъ удовлетворенія... Но только... Не гонись за идеалами Крейцеровой сонаты. Не ищи чистоты любви, но ищи только красоты. Тогда, когда ты возмутился поступкомъ Гриценки, всѣ видѣли благородство твоей души, а я видѣлъ красоту твоего гнѣвнаго тѣла. Молодчикъ Саша. Такъ имъ и надо! Пора бросить и забыть всѣ эти пережитки крѣпостного права. Пора стать людьми. Но помни, милый Саша, что людьми на военной службѣ стать нельзя.

— Почему, — сказалъ Саблинъ. — Какъ нельзя? Напротивъ. Именно на военной. Вѣдь это рыцарство! Вѣдь это отреченіе отъ себя, проведеніе въ жизнь самаго великаго завѣта Христа.

— Ахъ, Саша!.. Ребенокъ Саша... И притомъ... необразованный ребенокъ. Ты вѣришь: — a Dieu mon âme, ma vie au roi, mon coeur aux dames, l'honneur pour moi!*) Счастливецъ! Ты въ это вѣришь, потому что ты — ребенокъ. Ну... пусть... И будь такимъ... Но помни: — бей ворону, бей сороку — тебѣ дано и бери! Бери, не смущайся! Ты читалъ Шопенгауера «Міръ, какъ воля и представленіе» — нѣтъ! гдѣ тебѣ! Ты ничего не читалъ! Для тебя выше философіи Мопассана нѣтъ и Золя уже тяжелъ для тебя. Еще «Нана» ты прочтешь, пожалуй, а уже дальше... Куда!.. Ну, что же,

*) Душа моя Богу, жизнь — королю, сердце — женщинѣ, честь — мнѣ самому!

Саша? Не вышло?.. Не выгорѣло?.. И чортъ съ ней, найдемъ другую...

— Оставь меня, — блѣднѣя, сказалъ Саблинъ. — Неужели безъ пошлости ты не можешь обойтись!

— Прелестно! Очень хорошо сказано.

— Иванъ Сергѣевичъ, я серьезно прошу, — вставая, сказалъ Саблинъ.

Мацневъ остался на софѣ, оглядывая съ головы до ногъ возмущеннаго Саблина.

— Ну, можетъ ли женщина быть такъ красива, какъ красивъ юноша, — тихо, какъ бы самъ себѣ, сказалъ Мацневъ.

Саблинъ пожалъ плечами и вышелъ изъ библіотеки.

Въ кабинетѣ все такъ же играли. Гриценко гнѣвно кричалъ на Степочку:

— Я не понимаю, Степанъ Алексѣевичъ, какъ можно! какъ можно такъ ставить! Что ты издѣваешься надо мною?

— Не кипятись, милый другъ. Спокойствіе, прежде всего.

— Да, бросьте, господа, — сказалъ Маноцковъ. — Я ставлю еще пятьдесятъ. Идетъ? Дайте мнѣ карту.

— Куплю и я, — сказалъ сидѣвшій поручикъ.

Ротбекъ спалъ въ неудобной позѣ на трехъ стульяхъ. Его розовое, еще безусое лицо раскраснѣлось и онъ походилъ на большого ребенка. Захаръ въ столовой наливалъ чай и носилъ его господамъ. Саблинъ пошелъ домой. Ему хотѣлось одного — спать и сномъ сломить всѣ ощущенія этого вечера и ночи.

VI.

Во второмъ эскадронѣ занятій не было. Всѣ окна длинной казармы съ рядами желѣзныхъ коекъ, тщательно постланныхъ сѣрыми одѣялами, съ подушками и фуражками, висѣвшими надъ ними, были открыты настежь. У оконъ стояли безъ дѣла скучающіе солдаты и смотрѣли

на большой, усыпанный пескомъ, дворъ. Одна сторона этого двора была отдѣлена высокимъ жердевымъ заборомъ, образовавшимъ со стѣною узкій коридоръ. Поперекъ коридора были устроены препятствія: земляной валъ, канава, плетень, лежало бревно, обмотанное соломой. Солдаты перегоняли черезъ нихъ лошадей, выпуская ихъ по одной и подгоняя хлыстами и бичами. Тамъ слышались крики, и бѣгали люди, разлавливая лошадей. Въ другомъ концѣ двора учили рубить. Были поставлены прутья въ деревянныя крестовины, и солдаты проѣзжали мимо нихъ, стараясь срубить прутья. У гауптвахты, гдѣ стояла полосатая будка и на стойкѣ лежала начищенная труба, ходилъ затянутый въ мундиръ часовой. Солнце заливало дворъ лучами, ярко блестѣло, отражаясь въ лужѣ, и придавало двору съ учащимися солдатами, бѣгающими людьми и офицерами, кучкой столпившимися посрединѣ, веселый и праздничный видъ. Тянуло на волю, въ поля, въ зелень лѣсовъ.

Люди второго эскадрона лежали на подоконникахъ, смотрѣли въ окна и переговаривались между собою. Пѣсенники, только что напившіеся чаю, стояли у окна отдѣльной кучкой.

— Гляди, гляди!.. унтеръ-офицеръ то!.. въ четвертомъ... вишь, какой!... такъ и норовитъ по ляжкѣ бичомъ попасть, какъ промахнется солдатъ, — говорилъ Артемьевъ, лупоглазый, бѣлокурый парень, показывая на смѣну, обучавшуюся рубкѣ.

— Знакомое дѣло, — сказалъ черноусый бравый ефрейторъ Недодай. — А ты старайся больше... Вотъ тебѣ и не попадетъ.

— Господи! — сказалъ Артемьевъ. — Да я завсегда стараюсь... Ажъ молитву творю... Да рука ошибется иной разъ, али лошадь не потрафитъ... А онъ почемъ зря хватитъ... И пожалиться не смѣй...

— Онъ те пожалуется... Онъ долгъ свой сполняетъ... учитъ тебя, обормота, — сказалъ другой молодой солдатъ, бѣлолицый, румяный, чернобровый Собцовъ.

— Энто что жъ, — снисходительно молвилъ Недо-

дай. — Наука! За битаго двухъ небитыхъ даютъ. Нашего брата ежели не бить... Самъ знаешь... Раньше то и не такъ было... Оно обидно, ежели офицеръ бьетъ, да еще съ издѣвкой...

— А тебѣ случалось?

Недодай косо посмотрѣлъ на Артемьева.

— Случалось... Молодъ былъ... Въ правду вѣрилъ... Въ законъ... Ну, на конюшнѣ дневалилъ... И Мацневъ... папироска въ зубахъ... входитъ... А на конюшнѣ свѣжую солому раскидали. Сѣно въ кидкахъ въ проходѣ лежитъ. Самый пожаръ... А онъ спичку обжегъ, на полъ кинулъ, глядитъ на меня.

— Это онъ нарочно... Какъ бы для испытанія, — кинулъ черноусый солдатъ Макаренко.

— Не таранти зря... Я къ ему подошелъ: — ваше благородіе, курить на конюшнѣ не полагается.

— Ахъ, ты! — всплеснулъ руками Артемьевъ. — Ну, и дурной.

— А Мацневъ, — продолжалъ Недодай, — весь бѣлый издѣлался. Трясется ажъ отъ злобы... «Пагнись», кричитъ, «сукинъ сынъ! Солдатъ не смѣетъ дѣлать замѣчанія! Ззабылъ, кто я!».. И лязь, лязь... по мордѣ...

— По мордѣ говоришь? — вмѣшался стройный унтеръ-офицеръ Антоновъ... — Ну, тебѣ это ничего. У тебя она, морда то, толстая.

Кругомъ засмѣялись.

— Мацневъ, — нахмурясь, продолжалъ Недодай. — Кабы другой кто!? А то — Мацневъ!.. Гадъ... Склизскій... паршивый... Ни тебѣ ѣздить, ни рубить. Одновал... помните, братцы, — коню «Караиму» ухо лѣвое срубилъ... Вояка!... На препятствія идти опасается. Либо закинется, а то обнесетъ.

— Это въ полъ-горя, — мрачно сказалъ солдатъ послѣдняго года службы Балинскій, — это не господское дѣло... Срубимъ, когда надобность будетъ, и безъ него... А вотъ — кантонистовъ мальчишекъ въ баню таскаетъ... Вотъ это!...

Наступило неловкое молчаніе. Его прервалъ Недо-

дай. Глядя мимо другихъ солдатъ, онъ точно про себя сказалъ: —

— Господамъ все позволено.

Опять замолчали. Точно въ разговорѣ подходили къ чему то страшному и уже боялись говорить.

Одинъ изъ пѣсенниковъ, болѣзненнаго вида, блѣдный солдатъ Волконскій, тихо сказалъ Недодаю:

— Видалъ у Гриценки. Вино, пьянство, разливанное море, самъ куражится, растегнутый. Ну-ка, кто изъ насъ водки шкаликъ принеси — по головкѣ не погладятъ. Тутъ же и дѣвки. При дѣвкахъ, — мнѣ прислуга собранская сказывала, — своего денщика по мордѣ за то, что не такъ ему угодилъ. Ну, хорошо это?

— Это что жъ, — снисходительно замѣтилъ Недодай.—Гриценко — баринъ хорошій, душевный баринъ. Ударитъ Авдѣенко, что за бѣда. Вмѣстѣ живутъ. Авдѣенко то у него одного сахара или папиросъ, что накрадетъ. — Гриценко никогда и слова не скажетъ. Это уже такъ — баринъ и слуга. Отношенія особыя. Гриценко уважительный баринъ. Съ нимъ хоть и въ бой — весело.

— А Саша нашъ, слыхали? вступился за денщика, — сказалъ унтеръ-офицеръ Бондаревъ.

— Саша душевный баринъ. Хорошій баринъ, — сказалъ Артемьевъ. — Прямо — красная дѣвица. Съ солдатами поетъ. Слова обиднаго не скажетъ. Я ему какъ то чести не отдалъ. Просто... позабылъ. Остановилъ, а сказать что и не знаетъ. «Это», говоритъ — «не хорошо, зѣвать». Да... Ну, я думаю, доложитъ эскадронному, — баня будетъ. Самъ вахмистру сказалъ. Тотъ меня въ походную... на стойку. Саблинъ корнетъ, значитъ, увидалъ, спросилъ, за что, отпустить приказалъ. Говоритъ, его похвалить надо. Другой бы смолчалъ, а — онъ доложилъ.

— Да, что-жъ. Молодой. Потомъ такой же будетъ, — сказалъ Недодай.

— Кто его знаетъ, — задумчиво сказалъ Бондаревъ, — извѣстно, служба — она ожесточаетъ.

— Не то обидно, — желчно вмѣшался Лѣницынъ, —

угрюмый, молчавшій до сихъ поръ солдатъ, пѣвшій въ хорѣ басомъ, — что толкнутъ, ударятъ, или что, а то обидно, что правды нѣтъ.

— Гдѣ же ее сыскать! — сказалъ Недодай.

— Нѣтъ, братцы, въ самомъ дѣлѣ, ну вотъ хотя бы расчетъ? Всѣ видали сколько пѣсенникамъ Гриценко далъ.

— Двадцать пять рублей, — вздохнувъ сказалъ Артемьевъ.

— А пѣло насъ двадцать пять человѣкъ — значитъ ровно по рублю на брата. А выдали?

— По восьми гривенъ, — сказалъ Балинскій.

— Гдѣ же пять то рублей осталось? — спросилъ Недодай.

— Гдѣ? У вахмистра. Ну я понимаю, запѣвалѣ бы дали, онъ хоръ обучаетъ, его первое дѣло, а то вахмистру. Ему то за что?

Опять помолчали. Любовинъ стоялъ въ сторонѣ, оперпись спиною о стѣну, и слушалъ. Лицо его злобно передергивалось.

— А вы почему же правды не добиваетесь? — рѣзко спросилъ онъ хрипнущимъ отъ волненія голосомъ.

— Гдѣ же ее добьешься? — спросилъ искоса, недружелюбно глядя на Любовина, Недодай.

— А вотъ тебя Мацневъ ударилъ не по праву — почему не жаловался?

— Кому жаловаться?

— Кому? — передразнилъ его, срываясь съ голоса Любовинъ. — Эскадронному.

— Гриценкѣ-то! Ну этотъ, братъ, шутить не станетъ. Вдвое дастъ. Да и на высидку въ темный карцеръ посадитъ.

— Эхъ, вы! Дальше жалуйся. Протестуй! Ищи правды.

— Гдѣ найдешь то. Кругомъ — господа. Одинъ другого тянетъ.

— Господа!.. А что такое господа? Ты думалъ когда, почему они господа?

Богатые... ученые... Вотъ и господа.

— А вы что же — мужики сиволапые? Крѣпостные? Баръ нынче нѣтъ и господъ быть не должно. Они такіе же люди, а многіе — вотъ хоть бы Мацневъ, и хуже насъ, такъ за что же имъ почетъ и уваженіе? Земли у нихъ много? Земля то это — ваша. Развѣ они сами работаютъ на землѣ? Они пьютъ, кутятъ, а вы за нихъ своимъ горбомъ распинаетесь. Земля Божья, какъ воздухъ, какъ вода... А не ихъ.

— Это оставить надо, — строго сказалъ Бондаревъ.

— Что оставить? Почему? — горячо воскликнулъ Любовинъ.

— А вотъ то, что говоришь. Поди, самъ понимаешь.

Любовинъ оглянулся, ища поддержки. Но стоявшіе кругомъ пѣсенники расходились. У каждаго нашлась причина отойти отъ окна. Одному — «смерть курить захотѣлось», у другого отвязалась шпора, третій вспомнилъ, что у него койка еще не прибрана. Всѣ разошлись. Остался одинъ Бондаревъ. Онъ строгимъ, испытующимъ взглядомъ, смотрѣлъ на Любовина.

— Вы это, Любовинъ, оставьте, — сказалъ онъ ему, вдругъ говоря на «вы».

— Но, позвольте, Павелъ Абрамовичъ, — вѣдь вы же сами крестьянинъ. Неужели вы не согласны со мною, что правды нѣтъ?

— Крестьянинъ я, и притомъ безземельный. Въ батракахъ служу, и все-таки такого ничего не скажу и вамъ надо это оставить.

— А правда?

— Правды, Любовинъ, вы нигдѣ не найдете... Такъ отъ Бога установлено.

— Отъ Бога?

— Такъ точно. Отъ Бога. Правда только у Бога въ Царствіи его, а на землѣ нѣтъ правды.

— Вы въ это вѣрите?

— Вѣрую.

Бондаревъ повернулся и пошелъ вдоль по казармѣ.

Любовинъ постоялъ въ нерѣшительности, пожалъ плечами и прошепталъ со злобою: —

— У, кислая шерсть!.. Несознательный народъ!.. Рабы!

Душно стало ему въ прохладной казармѣ. Щелканье бичей и крики команды на дворѣ его раздражали. Онъ обчистилъ на себѣ мундиръ, надѣлъ новую «выходную» шинель, «свою» безкозырку, палашъ и пошелъ къ вахмистру проситься въ отпускъ.

VII.

Вахмистръ только что напился чая съ мягкими свѣжими булками, далъ своей женѣ спрятать заработанные съ пѣсенниками пять рублей, умылся ледяной водою изъ подъ крана, щеткой пригладилъ свои начинавшіе рѣдѣть красно-рыжіе, коротко остриженные волосы, смазалъ фиксатуаромъ усы, распушилъ ихъ, и въ чистой рубахѣ, туго подпоясанной на кругломъ животѣ бѣлымъ лосинымъ ремнемъ — собрался идти выгонять людей на уборку конюшни.

Въ дверяхъ онъ столкнулся съ Любовинымъ.

— Ты чего, Любовинъ, безъ доклада лѣзешь, — окрикнулъ онъ.

— Я къ вамъ, Иванъ Карповичъ, по дѣлу.

— Какое такое дѣло въ будній день и въ городской формѣ?

— Разрѣшите въ отпускъ сходить. Къ отцу. До одиннадцати.

— Баловство одно, — снисходительно сказалъ вахмистръ.

По тону его голоса Любовинъ догадался, что дѣло выгорѣло.

— Ей Богу, Иванъ Карповичъ, отца навѣстить надо.

— Ну, ладно. Вѣдомостя переписалъ?

— Готовы, Иванъ Карповичъ.

— Поди. Заявись дежурному.

— Покорно благодарю.

Любовинъ повернулся, чтобы уходить, но вахмистръ остановилъ его сердитымъ окрикомъ: — Постой!

Любовинъ обернулся къ вахмистру и не узналъ его. Лицо вахмистра было сурово и важно. Глаза метали искры.

— Идти-то въ отпускъ ты иди!—сердитымъ шопотомъ проговорилъ вахмистръ, — но, помни, Любовинъ, и знай, что я подъ тобою землю на семь кукишей вижу, — и вахмистръ поднесъ къ самому лицу Любовина свой громадный багровый кулакъ съ пальцами, покрытыми веснушками и рыжими блестящими волосами. — И если ты попробуешь тамъ ребятъ мнѣ смущать, или про-па-ганду какую — уморю... Живой не уйдешь! У тебя протекція, — знаю, — генералъ Мартовъ за тебя просили — это мнѣ все одно. У меня одно на умѣ — долгъ службы и присяга... Да... Разное тутъ бывало. И крали, и пьянствовали... Одинъ разъ человѣка затащили на чердакъ ребята, зарѣзали, и ограбили... Все прощу, все спущу и покрою... Но никогда! слышишь, Любовинъ, никогда тутъ, въ этихъ стѣнахъ, никакого соціализма не было... Такъ, смекни, понимаешь — какая дурь въ головѣ у кого появится — ты мнѣ отвѣтишь. Головой отвѣтишь. И заступы тебѣ ниоткуда не будетъ. Своими руками задушу! — почти прохрипѣлъ вахмистръ. — Ну, ступай, это я такъ только. Я и въ мысляхъ того не имѣю, чтобы въ нашемъ полку нашелся хоть одинъ, кто бы думать позволитъ себѣ что противъ вѣры, Государя и Родины. Ступай!

Любовинъ круто повернулся и пошелъ къ дежурному.

«Знаетъ что вахмистръ, или такъ только, на всякій случай, стращаетъ его потому, что онъ сынъ рабочаго и почти кончилъ гимназію?» — думалъ Любовинъ, идя по ярко освѣщеннымъ весеннимъ солнцемъ улицамъ. — «И, если знаетъ, то что знаетъ?... Знакомство съ Коржиковымъ... принадлежность къ зарождающейся рабочей партіи, то, что у него дома есть кое-какія брошюры, или то..

что онъ иногда говоритъ солдатамъ? Перваго онъ знать никакъ не можетъ. Брошюръ онъ никогда въ казармы не носилъ, а то, что говорилъ солдатамъ... Кто же донесетъ на него? Кто?... Да они же — солдаты. За ласковое слово, за облегченіе въ работѣ, за то, чтобы не почистить лишнюю лошадь, не вынести навозъ, они готовы шептать вахмистру и передавать его слова въ извращенномъ видѣ. Вотъ и работай тутъ! Веди пропаганду! А Коржиковъ говоритъ, что главное: — войска, что рабочіе уже готовы, но боятся солдатъ, а солдатъ? какъ ихъ свернешь, пока сидятъ эти продажныя шкуры Иваны Карповичи съ толстыми багровыми кулаками».

Путь Любовину былъ не близкій. Онъ прошелъ весь Невскій проспектъ и на Знаменской площади, перейдя по деревянному мосту черезъ вонючую Лиговку, сѣлъ на паровую «конку», чтобы ѣхать за Невскую заставу.

Любовинъ былъ сыномъ заводскаго рабочаго, мастера на машинномъ заводѣ, и попалъ въ полкъ совершенно случайно, по особой протекціи. Отецъ Любовина былъ всѣми уважаемый человѣкъ, начавшій съ работы простымъ подкладчикомъ, изучившій токарное по металлу ремесло и на старости лѣтъ сумѣвшій трезвою жизнью и кропотливымъ трудомъ скопить маленькій домикъ, въ которомъ и жилъ съ сыномъ и дочерью. Онъ давно овдовѣлъ. Сына и дочь онъ отдалъ въ гимназіи и мечталъ вывести ихъ въ люди — пустить по интеллигентной дорогѣ. Но сынъ въ старшихъ классахъ сталъ увлекаться рабочимъ вопросомъ, запустилъ ученье и былъ выгнанъ изъ гимназіи. Старый Любовинъ хотѣлъ его пристроить къ заводской работѣ, но Викторъ былъ неспособенъ къ этому и только портилъ матеріалъ. Въ безплодныхъ попыткахъ пріучить Виктора къ дѣлу прошло три года. Наступило время тянуть жребій. Викторъ вынулъ малый номеръ и попалъ на службу.

Отцу не хотѣлось разставаться съ сыномъ, онъ боялся, что военная служба испортитъ его, отобьетъ отъ работы. Въ это время дочь его кончала гимназію. Въ гимназіи у нея лучшей подругой была дочь генерала Мар-

това. Черезъ нее удалось устроить такъ, что Любовинъ попалъ въ гвардейскій полкъ и тамъ его сдѣлали эскадроннымъ писаремъ. И сынъ — Викторъ, и дочь — Маруся — оба были талантливые, одаренные люди. У сына была природная музыкальность и прекрасный нѣжный теноръ. Маруся мечтала о консерваторіи и сценѣ, но старый Любовинъ смотрѣлъ на артистическую карьеру свысока и хотѣлъ, чтобы его дочь пошла на курсы и была ученою женщиной.

Въ семьѣ, несмотря на наружное согласіе, былъ внутренній разладъ. Отецъ крѣпился, молчалъ, работалъ, цѣлые дни проводя на заводѣ, бралъ работу на домъ, но не былъ счастливъ. Онъ не того ожидалъ отъ дѣтей, для которыхъ онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ могъ.

Любовинъ вышелъ изъ вагона за стекляннымъ заводомъ и прошелъ по деревянному тротуару шаговъ двѣсти до отцовскаго дома. Это была низкая деревянная одноэтажная постройка въ три большихъ окна на улицу, крашеная коричневой охрой, съ небольшимъ крылечкомъ и окнами, обведенными бѣлыми деревянными рамами. На входной двери была бронзовая доска. Любовинъ позвонилъ. Сейчасъ же за дверью раздались быстрые легкіе шаги, и сердце Любовина радостно забилось. Онъ любилъ сестру горячею и нѣжною любовью.

— Викторъ!... Вотъ неожиданная радость!—воскликнула Маруся, отворяя дверь и нѣжно цѣлуя брата.

— Маруся!... Ну, какъ?

Сестра сейчасъ же поняла брата.

— Двѣнадцать, Викторъ, полные двѣнадцать, — проговорила она и счастьемъ сверкнули ея глаза.

Маруся была на три года моложе брата. Ей шелъ восемнадцатый. Она была красавица. Густые темно-каштановые волосы были заплетены въ двѣ косы, спускавшіяся ниже пояса толстыми блестящими змѣями. Лицо съ розовыми щеками и маленькими, красиво очерченными губами было прекраснаго овала съ правильнымъ тонкимъ носомъ. Оно свѣтилось отъ громадныхъ прекрасныхъ глазъ нѣжно-голубого цвѣта. Эти свѣтлые

глаза, оттѣненные длинными густыми пушистыми рѣсницами, дѣвственно чистые, какъ у дѣвочки, смотрѣли изъ-подъ тонкихъ бровей, красивой дугой навѣсшихъ надъ ними. Они мѣняли выраженіе, даже цвѣтъ, степень синевы своей каждую минуту. Каждое слово, движеніе души, мысль, молніей скользнувшая въ мозгу, за бѣлымъ чистымъ лбомъ, гдѣ легло два - три случайныхъ непокорныхъ локона — сейчасъ же отражались въ нихъ. То свѣтились они восторгомъ и счастьемъ побѣды, искры летѣли изъ нихъ и синяя кайма кругомъ блестящаго зрачка переливала цвѣтами сапфира, то вдругъ останавливались, тускнѣли, становились грустными, блѣднѣли, точно выцвѣтали и блѣдною бирюзою былъ обведенъ глубокій черный зрачокъ.

Сложена она была на рѣдкость. Руки и ноги маленькія, талія тонкая, грудь, чуть начавшая слагаться, дышала глубоко и порывисто, отвѣчая ея чувствамъ и словамъ. Братъ Викторъ былъ болѣзненъ, угрюмъ и желченъ. Отъ нея дышало здоровьемъ, молодою силою, крѣпостью тѣла, кровью, кипѣвшею въ ея жилахъ.

— Что же и отвѣчать заставили? — спросилъ братъ, чувствуя, какъ счастье сестры передается ему.

— Немного. Но, главное, Андрей Алексѣевичъ читалъ передъ всѣмъ классомъ мое сочиненіе, — краснѣя отъ счастья, сказала Маруся. — Вотъ-то было неловко!... И знаешь, у него оно вышло и дѣйствительно хорошо. Такъ онъ читалъ. Я мѣстами колебалась. Да я ли это написала? Такъ красиво... А ты что? Чѣмъ-то недоволенъ? Ну, пойдемъ ко мнѣ. Все не можешь привыкнуть?

Черезъ столовую и кабинетъ отца, гдѣ стоялъ слесарный станокъ и аккуратно, по стѣнѣ, въ особыхъ гнѣздахъ изъ кожи были развѣшаны сверла и другіе инструменты, они прошли въ комнату Маруси. Синяя занавѣска закрывала нижнія стекла и отдѣляла ее отъ улицы. Передъ окномъ былъ простой письменный столъ, обтянутый черной клеенкой, съ большой хрустальной чернильницей и множествомъ тетрадей и книгъ. Полка съ кни-

гами висѣла на стѣнѣ. Вдоль стѣны стояла узкая, накрытая бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, съ подушками, прикрытыми чехломъ съ кружевами, желѣзная кровать. По другую сторону небольшой комодъ, фотографіи на немъ, пучокъ вербочекъ, пустившихъ ростки въ стеклянномъ стаканѣ, старенькій альбомъ съ деревянной крышкой, гдѣ были нарисованы васильки и маки, фарфоровый зайчикъ и въ сторонѣ большая кипа нотъ. Три вѣнскихъ соломенныхъ стула и въ углу платья, занавѣшанныя темной матеріей, дополняли обстановку комнаты Маруси.

Надъ постелью, въ черномъ багетѣ, висѣла увеличенная фотографія пожилой женщины въ простомъ платьѣ и платкѣ на головѣ — мать Маруси. Надъ комодомъ была пришпилена кнопками фотографія — группа гимназистокъ и по краямъ ея большіе портреты Достоевскаго, гр. Льва Толстого и Шевченки.

— Ну, садись, — ласково сказала Маруся. — Сейчасъ придетъ Федоръ Федоровичъ, чаю напьемся. Обѣдать вѣдь не скоро... Такъ не привыкаешь?

— Развѣ можно къ этому привыкнуть! — воскликнулъ съ отчаяніемъ Любовинъ. — Развѣ это служба?... ученіе?... жизнь? Издѣвательство надъ личностью. Сегодня — будятъ въ четыре часа утра. Что такое?... Пожаръ?... Тревога?... Нѣтъ, его высокоблагородію пѣсенники понадобились. Изволь одѣваться, чиститься, и иди — пой. А тамъ — дымъ коромысломъ! Вино, пьяные, разстегнутые офицеры, уличныя дѣвки... Срамъ. Это у нихъ служба Государю и Родинѣ!

Маруся молчала. Грусть перелилась въ ея глаза и они печально и сочувственно смотрѣли на брата.

— Что же дѣлать, Викторъ, — тихо сказала она, — терпи. Вѣдь кругомъ такъ. Думаешь одно, — а жизнь дѣлаетъ другое.

— Вчера... Гриценко, эскадронный, побилъ своего денщика за то, что тотъ ему вмѣсто шампанскаго подалъ красное вино. И вдругъ Саша, — помнишь, я тебѣ про него разсказывалъ, — все меня пѣть учитъ, — вступился. Мнѣ вѣстовые разсказывали, что чуть до ссоры у

нихъ не дошло. А вѣдь у нихъ чуть-что — сейчасъ и дуэль, и драка, и убійство. Звѣриные нравы, Маруся.

Въ сосѣдней комнатѣ заливались канарейки, висѣвшія въ клѣткѣ подъ окномъ, уличный шумъ врывался въ открытую форточку звонками паровой конки, лязгомъ желѣза и грохотомъ тяжелыхъ ломовыхъ подводъ. И сквозь этотъ шумъ прозвучалъ тонкій дребезжащій звонъ колокольчика.

— Это, навѣрно, Өедоръ Өедоровичъ, — сказала Маруся. — Я видала его у воротъ завода, онъ разговаривалъ съ рабочими.

— Все брошюры имъ раздаетъ, — раздражительно сказалъ Викторъ, — а они ихъ на цыгарки изводятъ.

— Разскажи ему все. Хорошо? — сказала Маруся и побѣжала отворять дверь.

VIII

Өедоръ Өедоровичъ Коржиковъ былъ вѣчный студентъ. Онъ такъ давно не былъ въ университетѣ, что и самъ забылъ студентъ онъ, или нѣтъ. Другое увлекало его. Увлекала пропаганда среди рабочихъ, партійная дѣятельность въ соціалъ-революціонной партіи, гдѣ онъ считался виднымъ и дѣятельнымъ работникомъ. Ему было тридцать лѣтъ. Маленькій, сгорбленный, неловкій, весь заросшій рыжими волосами, съ небольшой рыжей бородой, которой онъ не давалъ покоя, то комкая ее, то сминая рукою, то засовывая въ ротъ, въ рыжемъ пиджакѣ и рыжихъ штанахъ, неопрятный, въ веснушкахъ на блѣдномъ исхудаломъ лицѣ, онъ производилъ сначала непріятное впечатлѣніе. Но умъ у него былъ быстрый, сужденія рѣзкія, говорилъ онъ отлично, умѣлъ влѣзть въ душу и своимъ чуть хриплымъ, медленнымъ, точно усталымъ голосомъ внушить мысль. Терпѣливый и настойчивый, на все готовый, онъ велъ работу для будущаго, не торопясь и считая, что если черезъ сто лѣтъ будетъ революція и то хорошо.

— А, вонъ! — сказалъ онъ, здороваясь съ Любовинымъ, — что въ будни пожаловали? Или Монаршая милость какая объявлена?

— Да, милость! Кабакъ былъ ночью у господъ, а мы, рабы, сегодня гуляемъ. И занятій нѣтъ. Праздникъ у ста человѣкъ потому, что одинъ выпилъ лишнюю рюмку.

И Любовинъ подробно разсказалъ о всемъ томъ, что видѣлъ и слышалъ этой ночью у Гриценки.

— Такъ, такъ, хорошо, — говорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, внимательно слушая Любовина.

— Что же хорошаго-то, Ѳедоръ Ѳедоровичъ! — со злобою воскликнулъ Любовинъ.

— Сами намъ помогаютъ, Викторъ Михайловичъ. Вѣдь солдатики-то, поди, возмутились... Вѣдь вотъ тутъ капельку прибавить... такъ... штришокъ одинъ поставить, подчеркнуть, гдѣ не надо—гляди, и до бунта не далеко.

— Эхъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ! Не знаете вы нашего брата-солдата. Это же такая сѣрость, такое смиреніе, такое... чортъ его знаетъ, что такое — ему въ морду дай— онъ другую щеку подставляетъ. Евангеліе какое-то ходячее!...

— Ну, не совсѣмъ оно такъ выходитъ, — сказалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — вотъ Саша-то вашъ... возмутился... говорите...

— Ахъ, что Саша! — махнулъ рукою Любовинъ.

— А вотъ такого-то и надо. Вѣдь вы, Викторъ Михайловичъ, сами виноваты. Горячка, кипятилка, шумъ, пыфи, да пуфы, а это въ нашемъ дѣлѣ не годится. Надо, какъ говорятъ нѣмцы, — langsam, ruhig*) — вотъ и ладно будетъ. Вы говорили съ солдатами послѣ? Воспользовались психологическимъ моментомъ?

— Воспользовался, говорилъ... Эхъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, вотъ этотъ столъ вы скорѣе убѣдите, чѣмъ ихъ. «Господа! господа!... На то господа!... Правды на землѣ нѣтъ, правда только у Бога», а сталъ имъ объяснять — разошлись. Боятся.

*) Медленно, спокойно.

— Такъ, такъ... Викторъ Михайловичъ, да развѣ можно такъ? Вѣдь этакъ вы и людей запугаете, и сами буйную голову не сносите. Эхъ, вѣдь и училъ же я васъ и говорилъ, какъ надо. Наше дѣло тайное. Не пришло еще время по площадямъ-то кричать, да открыто проповѣдывать. Правда-то, Викторъ Михайловичъ, пока что по подпольямъ скрывается, да имени своего не сказываетъ. Зачѣмъ оглашать ее? Выдадутъ — это вы вѣрно говорите, — выдадутъ. Одинъ другого боится и, чтобы тотъ не выдалъ, самъ выдастъ. Что говорить? Подлецъ человѣкъ сталъ, ухъ, какой подлецъ. Да вѣдь и судить-то строго нельзя. Сами разсказывали, какой кулакъ у вахмистра. Молотъ кузнечный, а не кулакъ. А душонки-то дряблыя, какъ ветошки, гдѣ же имъ противостоять-то? Ну, и падаютъ. А вы, Викторъ Михайловичъ, по-одиночкѣ, да ласково. Есть такое слово хорошее: т о в а р и щ ъ. Вотъ съ нимъ и подойдите къ солдату. Наединѣ. Онъ этого слова не слыхалъ, не знаетъ. Оно ему въ диковинку. Какъ мармеладка это слово. Такъ въ душу и вползетъ. Вы мнѣ одного воспитайте въ духѣ возмущенія — вотъ и дѣло сдѣлаете. Пусть одинъ станетъ всѣмъ недоволенъ, все критикуетъ, все не по нему, а тогда за другого принимайтесь. Да офицера бы надо. Безъ офицера, вѣрно, трудно. Надо офицера обработать.

—Невозможное это дѣло, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, какъ же вы ихъ возьмете, когда они, можно сказать, и не люди даже. У нихъ свои понятія.

— Ну, къ чему такъ... Были и между ними... Возьмите: Пестель, Рылѣевъ... Да вѣдь и Левъ Николаевичъ офицеръ былъ, а смотрите, какъ работаетъ. «Офицерскую и солдатскую памятки» давалъ я вамъ?...

— Ну, то, можетъ быть, въ другихъ какихъ полкахъ, а у насъ это невозможно. У насъ офицеръ на лошадь лучше смотритъ, чѣмъ на человѣка. На прошлой недѣлѣ въ третьемъ эскадронѣ солдатъ на препятствіи убился, такъ эскадронный командиръ, знаете, что сказалъ?— что онъ, сукинъ сынъ, убился — туда ему и дорога, а что

онъ лучшую лошадь въ эскадронѣ загубилъ, это я ему и въ будущей жизни не прощу! Вотъ вамъ какіе они.

— Да вѣдь не всѣ же? — сказалъ Θедоръ Θедоровичъ.

— Всѣ. — злобно кинулъ Викторъ.

— Ну, а Саша? — тихо сказала Маруся.

— И Саша такой же будетъ.

— А ты не дай ему такимъ стать. Разбуди въ немъ человѣка, — сказала Маруся и взяла за руку брата. Это прикосновеніе какъ-будто смягчило Виктора.

— Какъ же быть-то, уже и не знаю, — сказалъ онъ.

Θедоръ Θедоровичъ перемѣнилъ разговоръ. Онъ сталъ разсказывать о забастовкахъ, какъ средствѣ борьбы, успѣшно примѣняемой заграницей.

Маруся пригласила въ столовую и стала поить брата и Θедора Θедоровича чаемъ.

— Наши товарищи еще не сорганизованы для этого. Но я думаю, что это удастся. Есть уже живыя головы, которыя это понимаютъ. Вотъ отецъ намъ сильно мѣшаетъ, — говорилъ Θедоръ Θедоровичъ, — а вѣдь онъ мастеръ. Что офицеръ въ полку, то мастеръ на заводѣ.

— Вы вотъ совратите его, — воскликнулъ Викторъ.

— Ну, онъ старый человѣкъ. Его трудно переубѣдить. Нѣтъ, надо вотъ такого, какъ вашъ Саша. Чѣмъ больше вы мнѣ про него разсказываете, тѣмъ болѣе мнѣ сдается, что это матеріалъ, который можно обработать.

Θедоръ Θедоровичъ всталъ изъ-за стола и сталъ прощаться. Маруся и Викторъ пошли провожать его.

— Опять къ рабочимъ? — сказала Маруся.

— Да, есть у меня тутъ молодчикъ одинъ. Товарищъ Павелъ. Мозглякъ такой. И съ виду невзрачный, а злоба такъ и кипитъ, — сказалъ Θедоръ Θедоровичъ и внимательно посмотрѣлъ на Марусю.

Она стояла, прислонившись спиною къ сѣрой желѣзной печкѣ. Ея руки были опущены вдоль тѣла. Гордо приподнявъ голову, она изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ глядѣла то на брата, то на Коржикова. Воля и умъ свѣтились въ ея глазахъ. Невольно заглядѣлся на нее Кор-

жиковъ. «Экъ, какая!» — подумалъ онъ, — «совсѣмъ княжна Тараканова въ крѣпости, или Шарлотта Кордэ передъ убійствомъ Марата. Ножъ только въ руки дать. Героиня! И какъ не похожа на брата! Вотъ эта пошла бы на все и сгорѣла бы живьемъ за идею... за слово... за дѣло!...» Коржиковъ перевелъ глаза на Любовина и тихо, вкрадчивымъ голосомъ сказалъ:

— А что, если бы Марію Михайловну намъ попробовать?

Любовинъ вспыхнулъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Өедора Өедоровича.

— Понимаете-ли вы, что говорите? — прошепталъ онъ.

— Очень понимаю, Викторъ Михайловичъ. Но, если жертва нужна, мы ее принесемъ. Передъ такою, какъ Марія Михайловна, никто не устоитъ. И вашъ Саша станетъ ея послушнымъ рабомъ.

Наступило зловѣщее молчаніе. Маруся еще болѣе запрокинула голову затылкомъ къ печкѣ и стояла, неровно дыша и не глядя ни на брата, ни на Өедора Өедоровича. Любовинъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на Өедора Өедоровича. Вѣдь зналъ же онъ, какъ безконечно любилъ его сестру этотъ несуразный Коржиковъ!

— Вы съ ума сошли! — злобно кинулъ онъ Өедору Өедоровичу.

— Такъ, такъ, — спокойно сказалъ Коржиковъ. — Марія Михайловна, если понадобится, вы принесете эту жертву?

Маруся ничего не отвѣтила. Тяжелый вздохъ вырвался у нея изъ груди. Она медленно опустила голову и устремила совсѣмъ синіе, васильковые глаза на Коржикова. Онъ какъ-то съежился, скомкалъ въ кулачокъ свою бородку и, пожимаясь плечами, какъ-то бокомъ пошелъ къ двери.

— Если партія признаетъ это нужнымъ, — сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, — Марія Михайловна, мы васъ попросимъ..

И скрылся за дверью...

IX

Густыя черныя тучи низко клубились надъ землею, застилая горизонтъ. Далекая молнія играла въ нихъ таинственными зарницами. Въ природѣ что-то свершалось и земля приникла въ испугѣ... Высокія березы стояли тихо и ни одинъ листокъ не трепеталъ на нихъ. Широкіе болотные луга точно набухли водой и за ними грозный и глухой стоялъ лѣсъ. За лѣсомъ, серебромъ, подъ черными тучами тянулась узкая полоса далекаго залива. Ночь наступала.

Въ маленькой избушкѣ, на окраинѣ Краснаго Села, гдѣ одну комнату на время лагерей занимали Саблинъ съ Ротбекомъ, было нестерпимо душно. Въ оба открытыя окна, вмѣсто воздуха, шла густая темнота, полная болотныхъ испареній. Ротбекъ завалился спать съ десяти часовъ и теперь храпѣлъ громко и переливисто. Саблинъ сидѣлъ у окна въ темной комнатѣ. Ему стало жутко и одиноко въ этой маленькой комнатѣ, и онъ вышелъ и пошелъ по березовой аллеѣ къ окраинѣ Краснаго Села.

Было такъ темно, что онъ скорѣе по догадкѣ нашелъ небольшую скамейку подъ березой и сѣлъ на нее.

Черное небо, рѣдкія мигающія зарницы, таинство, совершавшееся въ природѣ, для него имѣли связь съ тѣмъ, что творилось на землѣ.

Эти послѣдніе три дня лагерь жилъ особенною жизнью. Днемъ и ночью по военному полю, по Дудергофу, по слободамъ Краснаго Села, у вокзала, по линейкамъ лагеря разъѣзжали статные люди на сѣрыхъ лошадяхъ, въ голубыхъ мундирахъ и съ ними лучшіе унтеръ-офицеры, прикомандированные отъ гвардейскихъ полковъ. Староста и десятскіе селенія не снимали съ себя цѣпей и часто обходили дома. Въ самомъ Красномъ Селѣ появились люди, одѣтые въ штатское платье, но широкоплечіе, могучіе, отлично выправленные. Они ѣздили на велосипедахъ, гуляли по дорожкамъ, сидѣли на заваленкахъ. Всѣ чего-то ждали, къ чему-то прислушивались, за чѣмъ-то слѣдили. Простое Красное Село,

съ пыльнымъ, кое-гдѣ покрытымъ истоптанною травою полемъ, вдругъ стало таинственнымъ и жуткимъ.

Произошло это потому, что въ Красное Село пріѣхалъ съ молодою и прекрасною женою Государь и поселился въ серединѣ Краснаго Села, во дворцѣ.

Саблинъ глубоко, съ дѣтства вѣрилъ, что Государь Помазанникъ Божій, и теперешнее состояніе природы, съ надвигающеюся грозою и тревожно мигающими зарницами, сопоставлялъ съ тѣмъ, что творилось на землѣ, и ему было страшно.

Кто-то, одѣтый, какъ крестьянинъ, слѣдилъ за нимъ отъ самой избы и шелъ сзади, тихо ступая по дорожкѣ. Саблинъ сѣлъ на скамью на краю селенія, гдѣ дорога спускалась внизъ, и прислонился къ стволу березы. Шедшій за нимъ человѣкъ остановился неподалеку отъ него, у телефоннаго столба, и какъ-будто вглядывался въ Саблина. Это не былъ солдатъ, но что-то знакомое показалось Саблину въ невысокой фигурѣ. Черный картузъ оттѣнялъ еле видную блѣдность лица. Этотъ человѣкъ былъ непріятенъ Саблину: онъ мѣшалъ его одинокимъ думамъ.

— Кто тамъ!? — крикнулъ Саблинъ.

— Прохожій, — глухо отвѣтилъ незнакомецъ и совершенно слился со столбомъ.

Проволока гудѣла на столбѣ, прохожій молчалъ и Саблину начало казаться, что тутъ никого нѣтъ. Лишь иногда, при вспышкахъ зарницы, едва намѣчалось блѣднымъ пятномъ лицо прохожаго. — «Что ему нужно отъ меня? Кто этотъ прохожій?» — подумалъ Саблинъ. Ему было непріятно присутствіе чужого человѣка, онъ хотѣлъ встать и уйти.

— Что, товарищъ, и васъ томитъ погодка-то? — вдругъ спросилъ взволнованнымъ ломающимся голосомъ незнакомецъ, и слово товарищъ прозвучало у него неувѣренно и странно.

Саблинъ не отвѣчалъ. Его возмутила эта фамильярность чужого человѣка, Богъ знаетъ, кого. «Можетъ

быть», — подумалъ Саблинъ, — «это кто-нибудь изъ агентовъ тайной полиціи соскучился ночнымъ бодрствованіемъ и рѣшилъ скоротать ночь разговоромъ. Саблинъ сознавалъ необходимость охраны, но въ то же время испытывалъ къ ея агентамъ чувство брезгливости и недовѣрія.

— А погодка на рѣдкость. Самая настоящая воробьиная ночь. Вѣдьмы на Лысой Горѣ, поди, въ такую ночь шабашъ справляютъ. Что завтра еще будетъ! А вѣдь завтра, товарищъ, парадъ. Нехорошо это. А?

— Да, — невольно сказалъ Саблинъ. — Для парада это нехорошо.

— И, ахъ, какъ не хорошо-то еще! — точно обрадовался тому, что сказалъ Саблинъ, заговорилъ незнакомецъ, и Саблину показалось, что онъ гдѣ-то слыхалъ этотъ теноровый хрипловатый голосъ.

— Вы-то, товарищъ, подумайте: Государь завтра будетъ свое явленіе имѣть къ народу. Да... Помазанникъ Божій... Богъ земной... Вѣдь по крестьянству-то, — а солдаты наши, почитай, всѣ крестьяне, — вѣра-то какая по этому поводу. Государь — во всей славѣ является — и солнце, и ангелы съ неба трубятъ, и золото, и порфира, и виссонъ, и великолѣпіе парада, и вдругъ завтра польетъ дождь, вымочитъ Государя Императора, и вмѣсто Бога въ ореолѣ золотыхъ лучей, увидятъ всѣ просто мокраго человѣка, пожимающагося подъ холодными струями воды и такого же смертнаго, какъ и мы всѣ... Ахъ, товарищъ, что тогда будетъ! Вѣдь, какъ бы пелена съ глазъ не спала. Не сказалъ бы народъ: — а на что намъ Государь, коли-ежели онъ такой же, какъ и мы. И причемъ тутъ Помазанникъ Божій?

— Кто вы такой? — нетерпѣливо крикнулъ Саблинъ.

— Я-то? Да на что вамъ знать? Я васъ не знаю, вы меня не знаете. Ночь прямо до ужаса страшная, зги не видать — вотъ и поговоримъ откровенно. И вы свою душу облегчите, и я бремя скину. Обоимъ легко будетъ.

Да... Прохожій я. Не здѣшній человѣкъ. Увидѣлъ, что вы идете, ну, и рѣшилъ поболтать съ вами.

— Но какъ смѣете вы такъ говорить о Государѣ Императорѣ!?

— То-есть, какъ это такъ? Я, простите, васъ не особенно понялъ,—вздрогнувъ отъ окрика Саблина, сказалъ незнакомецъ.

— Такъ непочтительно... и смѣло.

— Ахъ, такъ... Извольте видѣть, я-то вѣдь этого гипноза не имѣю. Я не вѣрю, что царь Помазанникъ Божій, да и въ Бога я не вѣрую. Какъ можно вѣровать въ Бога, если ученость имѣешь и знаешь, какъ и откуда, что произошло. Когда понимаешь, что такое атомъ, или тамъ бацилла и какъ человѣкъ отъ обезьяны произошелъ, то, полагаю, странно вѣровать въ Бога, сотвореніе міра и прочія сказки... Вамъ, можетъ быть, это и неинтересно совсѣмъ?

— Да, совсѣмъ неинтересно, и съ такими людьми я ни спорить, ни разговаривать не желаю. Уходите отъ меня!...

Незнакомецъ поежился, тѣснѣе прижался къ столбу, помолчалъ немного, и сказалъ тихо:

— Зачѣмъ уходить? Правду вамъ, ваше благородіе, мало кто скажетъ. Отъ другого не услышите, а услышите отъ меня, можетъ кое-что и задумаете новое. Я бы и помолчалъ, да молчать вѣдь тоже неинтересно. А и ночь-то больно жуткая! Вѣдь то, товарищъ, надо имѣть въ виду, что все это просто гипнозъ и обманъ простого народа для того, чтобы держать его въ рабствѣ. Вотъ, было освободительное движеніе. Вы слыхали, конечно, какъ убили Государя Александра II. Ну, развѣ можно такъ? Исподтишка, на глухой улицѣ...Разбили карету, а тутъ сани. Усадили Государя въ сани и увезли во дворецъ. Кровь на снѣгу осталась. Часовыхъ приставили. Святая, молъ, кровь! Цвѣтовъ нанесли, иконъ, золота, серебра— ну, и, конечно, ничего не вышло. Царь — Мученикъ. Я мальчикомъ былъ, ходилъ смотрѣть. Такъ тоже чувство

эдакое испытывалъ, на манеръ святости, или страха какого. Да... Ну, а народъ-то, онъ и взрослый, какъ дѣти. Ахъ, не такъ надо, не такъ. Надо такъ, чтобы показать, что все это обманъ. Ну, вотъ, къ примѣру, завтра, на парадѣ, когда всѣ будутъ держать ружья на-караулъ и не смѣть будутъ дышать, выйдетъ изъ строя одинъ солдатъ... Смѣлый... Вѣдь ихъ-то, смѣлыхъ, такихъ, что на вѣрную смерть шли, много, и даже очень много... Возьметъ ружье на-изготовку и выстрѣлитъ въ Государя. Ну, пусть его хоть на части разорвутъ потомъ. Да вѣдь то — потомъ, а дѣло-то сдѣлано будетъ. Вѣдь тогда — аминь — вмѣсто Помазанника Божія трупъ въ грязи и пыли, и всенародно, понимаете, всенародно! Потомъ уже не убѣдишь другихъ, что этого нельзя. Кончено.

Саблинъ вздрогнулъ. Онъ былъ готовъ вскочить и схватить этого человѣка. Но отъ волненія, какъ свинцомъ, были налиты ноги, и дыханіе стало тяжелымъ. Мелькнула мысль, что это агентъ полиціи, старается узнать его мысли, испытываетъ его.

Незнакомецъ замѣтилъ движеніе Саблина и продолжалъ. Его голосъ чуть дрожалъ, но говорилъ онъ смѣло

— Ахъ, товарищъ... Ну, что? — арестуйте меня. Я вамъ душу свою изливаю. Царство земное на пескѣ построено. Дунетъ вѣтеръ, понесетъ пески, и развалится все. Къ примѣру, — завтра... Да... Вдругъ всѣ ваши правильные квадраты войскъ, батальонныя и полковыя колонны разстроятся, сойдутъ съ мѣста, перебьютъ офицеровъ и разойдутся по всему полю, и вмѣсто великолѣпнаго парада, будетъ страшная, вооруженная толпа, къ которой жутко подойти. Вѣдь это только придумано, что нельзя. Да — одному нельзя, а всѣмъ? Всѣмъ можно, всѣ-то вѣдь сила, и вотъ, когда всѣ этого захотятъ, такъ ихъ не испугаешь. Никто не повѣритъ, что Царь — избранникъ Божій, Богомъ помазанный, — а много ли надо? Вотъ, только, чтобы завтра дождь пошелъ, или тамъ кто-нибудь смѣлый нашелся. Углѣдишь

развѣ за нимъ? Знаете вы своихъ солдатъ? Что у нихъ на умѣ?

Саблинъ всталъ.

— Кто вы? — задыхаясь, крикнулъ онъ. — Какъ смѣете вы... Я васъ!

Темная фигура отдѣлилась отъ столба и, пригнувшись, пустилась бѣжать по шоссе.

— Стой! — крикнулъ Саблинъ.

Но въ это мгновеніе страшный вихрь внезапно налетѣлъ на землю, затрепетала всѣми листьями своими громадная береза, молнія прорѣзала небо сверху до низу, и сейчасъ же громовой ударъ загрохоталъ надъ головою. При свѣтѣ молніи Саблину показалось, что онъ узналъ прохожаго.

— Любовинъ!

Хаосъ подхватилъ его. Небо гремѣло громовыми раскатами. Хлынулъ холодный ливень. Онъ до послѣдней нитки рубахи промочилъ Саблина. Налетавшіе вихри хватали его за ноги и мѣшали идти. Вода, пѣнясь и сверкая при блескѣ молніи, пузырями, потоками неслась по скату шоссе. Молнія сверкала за молніей. Онѣ по двѣ и по три, пучками, прорѣзывали черное небо, и тогда, вдругъ на мигъ выявлялась вся улица Краснаго Села, березы по сторонамъ шоссе, кипящія водою канавы, бараки за ними и промокшій насквозь, въ шинели, кажущейся черной, дневальный подъ пестрымъ деревяннымъ грибомъ. Страшные раскаты грома оглушали, небо опрокидывалось на землю, мракъ скрывалъ все, и только вода сверкала крупными вспыхивающими по ней пузырями. Сильными толстыми струями билъ и сѣкъ по лицу, по груди и по ногамъ косой дождь, гонимый яростнымъ вихремъ. Было не до Любовина, или иного незнакомца, было не до гоньбы за нимъ. Саблинъ добѣжалъ до своей избы, и тутъ одумался, стряхнулся, тихо, оставляя за собою лужи воды, прошелъ въ горницу, зажегъ свѣчу и, не будя денщика, спавшаго за перегородкой, съ трудомъ стянулъ съ себя промокшій китель, рей-

гузы, бѣлье, обтерся мохнатымъ полотенцемъ и, голый, кинулся подъ одѣяло. У противоположной стѣны храпѣлъ безмятежнымъ крѣпкимъ сномъ Ротбекъ. Саблинъ взглянулъ на часы. Было три часа утра. Гроза уходила къ Гатчинѣ, рѣже сверкали молніи, дальше гремѣлъ громъ, вихри стихли, и только ровный мелодичный дождь билъ по крышѣ и шумѣлъ по листьямъ березъ и лужамъ садика.

«Какъ же завтра парадъ?» — подумалъ Саблинъ, и сейчасъ же почувствовалъ, какъ онъ словно отдѣлился отъ земли и понесся куда-то. Молодой сонъ охватилъ его освѣженное дождемъ тѣло. Онъ едва успѣлъ задуть свѣчу, какъ погрузился въ сладкое небытіе, которому такъ славно и ровно сопутствовалъ не прекращавшійся дождь.

X

Когда Саблинъ проснулся, было утро и не рано. Ротбекъ, совершенно одѣтый, въ новыхъ рейтузахъ и сапогахъ, съ ярко блестящими шпорами, въ вицъ-мундирѣ, съ сверкающей портупеей и перевязью черезъ грудь — пилъ за столомъ, у окна, чай. Денщикъ намазывалъ ему масломъ ломти хлѣба. Денщикъ Саблина приготовилъ ему все новое. Мокрые китель и рейтузы были убраны съ пола и лужи воды затерты.

И едва только Саблинъ созналъ, гдѣ онъ и что онъ, какъ особенное праздничное настроеніе охватило его. Такое настроеніе бывало въ дѣтствѣ, когда еще жива была его мать, въ именины, или въ день Причастія. Онъ понялъ, что это оттого, что сегодня парадъ и онъ увидитъ Государя. Какъ былъ, не одѣваясь, вскочилъ онъ съ постели и бросился къ окну. Какова-то погода?

Дождь пересталъ, но все въ природѣ было мокро, тускло и не по-праздничному убрано. Сѣдыя тучи спустились низко и клочьями тумана легли на поля и

огородъ. Было свѣжо. Въ воздухѣ, переполненномъ влагой, хрипло звучали голоса. Изъ двора солдаты выводили лошадей и садились на нихъ. Бравый ефрейторъ Степаненко, принаряженный, чисто вымытый, блестящій, точно лакомъ покрытый, осматривалъ ихъ и давалъ последнія наставленія.

— Пучки соломы всѣ захватили, ребятежъ? Смотри затирать чтобы было чѣмъ ноги лошадямъ. Ватрущенко, спорхай къ взводному, снеси ведерко, надоть въ подводу положить. Не пришлось бы копыта замывать.

«Парадъ будетъ, парадъ не отмѣненъ!» — радостно подумалъ Саблинъ.

— Стыдись, срамникъ, — проговорилъ Ротбекъ, прожевывая хлѣбъ съ масломъ, — хоть бы рубашку надѣлъ. Гдѣ вчера шатался? Всю комнату наслѣдилъ.

— Милый Пикъ! парадъ... парадъ... сегодня... Шерстобитовъ! умываться! одѣваться!...

Въ двѣ минуты Саблинъ былъ готовъ. Праздничное настроеніе, охватившее его, не унималось, но шумными, весело перекликавшимися колоколами звонило у него на душѣ, и было славно хорошо, и хотѣлось обнять весь міръ отъ этого ощущенія молодости, здоровья, красоты своего полка, строившагося по улицѣ.

Было радостно увидать своего Мирабо, сытаго, холенаго мёнера, блестящаго, какъ атласъ, гладкаго, косившаго за сахаромъ свой чудный черный глазъ. Еще отраднѣе было важно подъѣхать къ своему эскадрону, неподвижно замершему на улицѣ, услышать команду Ротбека: «смирно», и курцъ-галопомъ подъѣхавъ къ флангу, поздороваться съ людьми и выслушать бодрое и радостное — «здравія желаемъ, ваше благородіе»... А потомъ горделиво, шагомъ ѣхать по фронту и смотрѣть прямо въ лица солдатамъ. Вчерашняя ночная сказка вспомнилась ему. Весь разговоръ, разсказъ про солдата, про бунтъ, про непогоду встали въ его памяти. Стало жутко смотрѣть на людей. Неужели Любовинъ?!...

Вотъ и Любовинъ... Онъ стоитъ во второмъ взводѣ въ

задней шеренгѣ. Блѣдное лицо нахмурено, но голова повернута на Саблина, и медленно провожаетъ онъ его глазами.

Нѣтъ, и Любовинъ ничего. Блѣденъ немного. Но онъ всегда такой. Нездоровый какой-то. Только бы погода не подгадила.

За эскадрономъ — вахмистръ, Иванъ Карповичъ. Вся грудь въ медаляхъ, цѣпочка изъ ружей спускается по животу. Какой онъ красавецъ! Лучше его въ полку никто не ѣздитъ. Даромъ, что ему уже за тридцать лѣтъ и онъ въ отцы годится Саблину; какъ осторожно почтительно глядитъ онъ на него и глазами показываетъ въ сторону. А?... — это поручикъ Фетисовъ уже подъѣзжаетъ къ строю.

И съ тѣмъ же праздничнымъ восторгомъ Саблинъ поскакалъ къ флангу эскадрона и весело скомандовалъ: — «Смирно! Глаза направо! Господа офицеры! ...

Когда выѣзжали на военное поле, оно кипѣло жизнью. Длинныя вереницы пѣхотныхъ артельныхъ и крестьянскихъ подводъ съ пескомъ тянулись къ Царскому валику, чтобы исправлять то, что сдѣлала вчерашняя непогода.

Въ собственныхъ экипажахъ, на извозчикахъ, пѣшкомъ, ѣхали и шли одѣтыя въ свѣтлыя, розовыя, голубыя, лиловыя и бѣлыя платья, въ большихъ шляпахъ съ страусовыми перьями, цвѣтами и лентами, дамы и барышни. Все свои, полковыя, батарейныя, или ихъ знакомыя, по особымъ билетамъ допущенныя къ тому мѣсту, гдѣ будетъ Государь. Матери, жены и сестры офицеровъ. Жандармы въ свѣтлоголубыхъ съ серебромъ мундирахъ на сѣрыхъ лошадяхъ провѣряли билеты и пропуски. По военному полю бодро гремѣла музыка, и темныя колонны пѣхоты выходили изъ проходовъ между бараками Авангарднаго лагеря. Люди тяжело и медленно шли по размокшей глинѣ, до самаго голенища залѣплявшей ярко начищенные сапоги.

Остановившись на мѣстахъ, гдѣ уже съ пяти часовъ

утра стояли жалонеры съ пестрыми флачками на штыкахъ и были отъ колышка къ колышку протянуты веревки, люди сдвигались въ шумныя кучи и начинали смывать и счищать глину съ сапогъ и приводить себя въ такой видъ, какъ будто бы они только что вышли изъ палатокъ.

Все поле кипѣло работающими людьми. Пѣхота чистила сапоги, конница, слѣзши съ лошадей, замывала копыта, распушивала хвосты, разбирая ихъ по волоску, и всѣ тревожно поглядывали на небо и на холмы Дудергофа. Это уже такая примѣта, что если покажется изъ тумана темная шапка Дудергофскихъ лѣсовъ, то будетъ хорошая погода. Но Дудергофъ скрылся за тучами и внизу, вдоль татарскаго ресторана, тянулись полосы сѣдого тумана. Ничто не обѣщало солнца, а между тѣмъ оно должно было быть, должно было осіять вѣнчаннаго Царя, Божія помазанника!

Такъ вѣрили сѣдые генералы, начальники дивизій, командиры бригадъ и полковъ, въ яркихъ лентахъ и звѣздахъ, насупившись, смотрѣвшіе, какъ чистились ихъ люди; такъ вѣрили молодые офицеры, старые фельдфебели и солдаты всѣхъ сроковъ службы... и Любовинъ такъ вѣрилъ. Саблинъ подмѣтилъ, что и онъ бросалъ тревожные взгляды къ сѣрому безотрадному небу и поглядывалъ на клубящійся туманомъ Дудергофъ.

Въ сказочной красотѣ и величіи долженъ былъ явиться передъ своимъ войскомъ Царь, солнцемъ осіянный, прекрасный, великолѣпный и далекій. Не отъ міра сего. Такъ было всегда, — говорили старые люди, — что, какая бы погода ни была, но Государя неизмѣнно сопровождало солнце. И одни видѣли въ этомъ милость Божію, чудо, явленное народу въ подтвержденіе того, что Царь не людьми поставленъ, но Богомъ, другіе, скептики и маловѣры, усматривали въ этомъ отличную работу Петербургской физической обсерваторіи на Васильевскомъ островѣ, знающей когда будетъ какая погода; третьи, мо-

лодежь, сами мало видавшіе, считали, что это просто случай.

Саблинъ глубоко вѣрилъ, что солнце должно быть, но иногда, когда глядѣлъ на сѣрое небо, откуда вотъ вотъ прыснетъ дождь, сомнѣвался, и страхъ тогда закрадывался ему въ душу. А что, какъ не будетъ? Вѣдь тогда все то, о чемъ говорилъ вчера неизвѣстный прохожій, весь этотъ ужасъ можетъ осуществиться.

Онъ подходилъ къ Ротбеку и съ тоскою говорилъ:

— Пикъ, что же солнце?..

— Будетъ солнце.

— Но почему, почему?..

— Потому, что будетъ Государь-Императоръ. Такъ всегда было! — убѣжденно говорилъ Ротбекъ.

«Вотъ онъ вѣритъ», — думалъ Саблинъ, — «а я не могу! Господи! Помоги моему невѣрію».

Любовинъ изъ рядовъ 2-го взвода со злорадствомъ посматривалъ на небо. Это былъ онъ, наговорившій случайно такъ много Саблину. Вчера, накинувъ крестьянское пальто и картузъ, онъ съ вечера слѣдилъ за Саблинымъ. Онъ примѣтилъ тревогу молодого офицера и понялъ, что слова его подѣйствовали и, если солнце сегодня не явится, а очевидно, что оно не явится, — поколеблется Саблинъ и съ нимъ много поколеблется народа. То то будетъ хвастать онъ передъ Коржиковымъ, ликовать своею смѣлостью. Саблина онъ не боялся. Онъ слышалъ, какъ Саблинъ окликнулъ его ночью. Значитъ, узналъ, но сомнѣвался. А разъ сомнѣвался, то не спроситъ. Онъ отопрется и Саблинъ самъ будетъ радъ, что не надо начинать такого дѣла, гдѣ третьяго свидѣтеля нѣтъ и все шло съ глаза на глазъ и гдѣ всѣ преимущества на сторонѣ Любовина. Онъ то можетъ говорить, что угодно, нести какую угодно ложь, ну а Саблинъ, что скажетъ? Что слушалъ и не прервалъ, что молчалъ? Нѣтъ, Саблинъ не спроситъ! Не въ его выгодѣ. А солнца не будетъ! Вотъ вамъ и помазанникъ Божій! — Любовинъ презрительно оглядывалъ своихъ товарищей и

мысленно ругалъ ихъ сѣрыми, скотами и кислою шерстью.

— Ты, чаво, Любовинъ, тутъ распетюкиваешься, ничего не дѣлаешь, когда люди копыта замываютъ. Гордо больно смотрѣть сталъ! — услышалъ онъ властный голосъ вахмистра. — Смотри, кабы я тебѣ твою обязанность не напомнилъ.

— Не было бы дождя опять, Иванъ Карповичъ, — скромно сказалъ Любовинъ.

— До-ждя! — протянулъ вахмистръ. — Сказалъ тоже, дурной. Солнце будетъ! Государь-Императоръ будетъ!..

XI

Все поле покрылось темными квадратами пѣхотныхъ колоннъ. Краснѣли погоны и тускло блестѣло серебро и золото офицерскихъ уборовъ. Сзади пѣхоты неподвижно вытянулись запряжки артиллеріи и банникъ въ банникъ, дуло въ дуло выравнялись орудія. Великій князь на темно гнѣдомъ сытомъ конѣ, съ сѣдломъ, покрытымъ каракулевымъ вальтрацомъ объѣхалъ полки. Великая княгиня Марія Павловна съ сыномъ, кадетомъ въ черномъ мундирѣ съ алыми погонами, прелестной дѣвушкой съ дивными каштановыми волосами и двумя мальчиками въ бѣлыхъ матроскахъ, въ коляскѣ, запряженной тройкой, съ лихимъ кучеромъ въ голубой шолковой рубахѣ, поддевкѣ чернаго бархата и шапкѣ съ павлиньими перьями, подъѣхала къ валику, гдѣ была установлена большая палатка. По широкой лѣстницѣ, обставленной цвѣтами въ горшкахъ, между блестящей свиты и иностранныхъ агентовъ въ ихъ пестрыхъ формахъ, она, сопровождаемая дѣтьми, поднялась наверхъ и сверху окинула глазами громадное поле.

Такъ же сѣро было небо и туманъ клубился шапкой надъ Дудергофомъ, скрывая его лѣса и дачи. Сзади ва-

лика длинной пестрой лентой на зеленомъ лугу стояли полки кавалеріи. Бѣлой широкой полосой тянулась кирасирская дивизія, три пятна — красное, синее и малиновое, обозначали казаковъ, а лѣвѣе, темная, вторая дивизія, заканчивалась пестрымъ, бѣлымъ съ краснымъ пятномъ гусарскаго полка. У Лабораторной рощи, хмурой и набухшей отъ дождя, стояли пушки и видны были всадники конныхъ батарей.

Поле вздрагивало, охорашиваясь и равняясь послѣдній разъ. Провѣряли по шнуру носки. Бѣгомъ разбѣжались по мѣстамъ жалонеры и пѣшіе линейные кавалеріи сѣли на лошадей. Жандармы отгоняли разносчиковъ лимонада и бутербродовъ отъ войска, и видно было, какъ бѣжалъ на согнутыхъ ногахъ старикъ съ лоткомъ, покрытымъ пестрымъ полотномъ на головѣ, а его рысью преслѣдовалъ жандармъ. Двѣ собаки возились на усыпанной пескомъ площадкѣ, предназначенной для церемоніальнаго марша, и пѣшій стражникъ гонялся за ними и не могъ ихъ прогнать.

Подлѣ валика на стульяхъ и скамейкахъ, еще съ ранняго утра принесенныхъ денщиками, сидѣли и стояли зрители. Больше дамы и барышни, дѣти, офицеры штабовъ. Кое-гдѣ виднѣлась хорошо одѣтая штатская фигура, умиленно смотрѣвшая на войска. Всѣ головы были повернуты въ сторону Краснаго Села. Туда же смотрѣлъ, небрежно сидя на конѣ съ обнаженной шашкой въ рукѣ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ и разговаривалъ громкимъ голосомъ, звучавшимъ на все поле, со своимъ начальникомъ штаба, статнымъ сѣдымъ, стройнымъ генераломъ.

— Въ Финляндскомъ полку, — говорилъ Великій Князь, — вы замѣтили, Николай Ивановичъ, собачка...

— Ѣдетъ, ваше императорское высочество, — почтительно прервалъ его начальникъ штаба, указывая глазами на Красное Село.

Оттуда вылетѣла тройка и быстро приближалась къ пестрой группѣ, стоявшей между парадомъ и Краснымъ

Селомъ. Тамъ были свита, лошадь Государя и коляска императрицы.

Великій Князь нахмурился и посмотрѣлъ на Дудергофъ. Изъ сѣрыхъ тучъ ясно отдѣлилась его косматая, покрытая елями, соснами и орѣхомъ вершина, вѣтеръ рвалъ въ клочья туманы надъ нимъ и уже обнажились верхнія дачи. Внизу отчетливо стали видны павильоны и галлерея татарскаго ресторана. Но солнца не было.

Коляска подлетѣла къ свитѣ и остановилась. Великій князь посмотрѣлъ на часы. Было безъ двухъ минутъ одиннадцать.

— Точенъ, — сказалъ онъ начальнику штаба,—какъ отецъ, какъ дѣдъ и особенно прадѣдъ были точны.

Онъ незамѣтно, мелкимъ крестомъ перекрестился. Волненіе отразилось на его красивомъ холеномъ лицѣ.

— Па-радъ! сми-рно! — скомандовалъ онъ.

Затихшіе полки чуть шелохнулись. Въ разныхъ мѣстахъ бураго мокраго поля раздалась разноголосая команда: «смир-рна! смир-рна!» и все замерло въ напряженномъ ожиданіи.

— По полкамъ, слу-шай, на краулъ!...

Великій Князь поднялъ свою рослую лошадь въ галопъ и тяжело поскакалъ на встрѣчу Государю.

Нарушая общую тишину рѣзкими, отрывистыми звуками, играли гвардейскій походъ трубачи собственнаго Его Величества конвоя. Государь поздоровался съ казаками и ура вспыхнуло на правомъ флангѣ. Государь подъѣзжалъ къ полку военныхъ училищъ. Полкъ вздрогнулъ двумя рѣзкими толчками, юнкера взяли на караулъ и тысяча молодыхъ лицъ повернулись въ сторону Государя.

Впереди свиты на небольшой сѣрой, арабской лошади съ темной мордой, съ умно смотрящими большими черными глазами, накрытой громаднымъ темносинимъ вальтрапомъ, расшитымъ золотомъ, легко и свободно ѣхалъ Государь. Красная гусарская фуражка была надѣта слегка на бокъ. Изъ - подъ чернаго козырька при-

вѣтливо смотрѣли сѣрые глаза, алый доломанъ былъ расшитъ золотыми шнурами, на лакированныхъ сапогахъ ярко блестѣли розетки и чуть звенѣла шпора.

— Здравствуйте, господа! — раздался отчетливый голосъ и изъ тысячи молодыхъ грудей исторгъ восторженный выкрикъ, шедшій отъ самаго сердца.

И сейчасъ величественные плавные звуки Русскаго гимна полились на флангѣ и слились съ ликующимъ юнымъ ура.

Въ ту же минуту яркій солнечный лучъ блеснулъ на алой фуражкѣ и залилъ царственнаго всадника, свиту и коляску, запряженную четверкой бѣлыхъ лошадей, въ которой въ бѣлыхъ платьяхъ сидѣли обѣ императрицы.

Природа точно ждала этого могучаго крика ура, этого властнаго, твердой молитвой звучащаго гимна, чтобы начать свою работу. Невидимый вѣтеръ рвалъ на клочья сѣрый туманъ и наверху ослѣпительно горѣло точно омытое вчерашнимъ дождемъ солнце и на синѣющемъ небѣ показались мягкіе пушистые барашки.

Чудо совершилось.

Помазанникъ Божій явился во всей своей славѣ и красотѣ, сказочно яркій на сѣромъ арабскомъ конѣ, смотрѣвшемъ какъ то особенно умно, выступавшемъ какъ то особенно легко и горделиво. Сказка о великомъ и далекомъ Царѣ раскрывалась передъ солдатами и народомъ, и они видѣли эту сказку въ золотѣ шнуровъ доломана, въ расшитомъ вальтрапѣ съ косыми углами, въ царственномъ конѣ, въ вопляхъ ура, исторгаемыхъ изъ тысячъ грудей, и въ плавныхъ звукахъ величественной музыки. Полубогъ былъ передъ народомъ и земныя мысли отлетали отъ людей и чувствовалась близость къ небу. Парили сердца.

Саблинъ, привставъ на стремена, смотрѣлъ туда, гдѣ все шире и громче гремѣло ура, гдѣ полкъ за полкомъ брали на-караулъ, щетинились штыками, гдѣ, казалось, земля пѣла небу восторженный Русскій гимнъ.

Онъ торжествовалъ. Онъ понялъ, что теперь, какой

бы ни было злодѣи въ рядахъ арміи, онъ не можетъ, не посмѣетъ не только выйти изъ рядовъ и выстрѣлить, но не посмѣетъ иначе думать какъ всѣ. Онъ не посмѣетъ не молиться.

Саблинъ оглянулся на Любовина.

Блѣдный, широко раскрывъ воспаленные глаза, смотрѣлъ Любовинъ то въ поле, то на солнце и уже не злоба, но недоумѣніе и тоска отражались на его лицѣ.

XII

Ура становилось громче и мощнѣе. Новые полки примыкали къ нему. Государь объѣзжалъ артиллерію. Все насторожилось въ рядахъ конницы.

Высокій всадникъ на бѣломъ конѣ, покрытомъ черными пѣжинами, скомандовалъ:

— Кавалерія! шашки вонъ, пики въ руку слуша-ай...

Волна счастливаго волненія захлестнула сердце Саблина. Стало тяжело дышать. Къ глазамъ подступили слезы.

Изъ-за трубачей на сѣрыхъ коняхъ ему былъ виденъ небольшой интервалъ между полками. Здѣсь сейчасъ долженъ былъ показаться Государь. Сосѣдній полкъ уже кричалъ ура. Трубачи разомъ взяли трубы къ губамъ. Раздалась команда «господа офицеры», и зарокотали мощнымъ призывомъ трубы величественный «гвардейскій походъ». Изъ-за лѣваго фланга сосѣдняго полка вышла нарядная сѣрая лошадь. Вотъ и онъ...

Саблину казалось, что Государь смотрѣлъ ему одному прямо въ глаза. Саблинъ смотрѣлъ въ глаза Государю и мысленно говорилъ: — «ты видишь? я корнетъ Саблинъ! Прикажи и умру, и погибну, и потону въ морѣ блаженства смерти, потому что умереть за тебя — блаженство»...

Саблину казалось, что Государь слышитъ и понимаетъ его.

Какъ благородно ласково его лицо, какъ одухотворенно красивы черты его!»

Сзади ѣхала на четверкѣ лошадей въ бѣлой съ золотомъ, открытой коляскѣ, съ жокеями въ лосинахъ и красныхъ шитыхъ золотомъ курточкахъ, молодая императрица, за ней блестящая свита, гдѣ каждый всадникъ былъ красавецъ. Тамъ сѣдыя бороды и благородныя осанки старыхъ великихъ князей и генераловъ оттѣнялись красивыми юношами. — Саблинъ ничего этого не видѣлъ. Онъ видѣлъ только одного всадника въ аломъ доломанѣ и красной фуражкѣ, видѣлъ его и его лошадь, залитыхъ солнечными лучами, покрытыхъ благодатью неба.

Трубачи оторвали трубы и бросили играть. Государь сказалъ два слова: — «здорово, трубачи!» — а Саблину показалось, что онъ сказалъ что то дивно прекрасное, мудрое и полное глубокаго значенія. Трубачи отвѣтили, и Государь скрылся за ними и первымъ эскадрономъ. Оттуда донеслось привѣтствіе полку. Исторически неизмѣнное трогательное привѣтствіе! Полкъ потрясся отъ отвѣта, и могуче и радостно крикнулъ — ура!

Звонкимъ молодымъ голосомъ Саблинъ кричалъ отъ всего сердца. Государь давно проѣхалъ дальше, а Саблинъ, опьяненный безумнымъ счастьемъ, все кричалъ, сливая свой крикъ съ сотнями молодыхъ голосовъ. Одно мгновеніе онъ подумалъ — «а Любовинъ?»... Обернулся... Но и Любовинъ кричалъ. Рядомъ Адамайтисъ широко раскрылъ ротъ и крупныя слезы счастья текли по его щекамъ и онъ кричалъ, самъ не понимая, что съ нимъ происходитъ.

«Вчера былъ сонъ. Въ нашемъ полку ничего не можетъ быть такого», — подумалъ Саблинъ и горячее счастье быть въ *нашемъ* полку согрѣло его.

Долго шла пѣхота. Сверкали штыки, гремѣла музыка и билъ турецкій барабанъ. Кавалерія вдругъ повернула повзводно направо и резервными колоннами рысью пошла огибать военное поле. Пахло свѣжей при-

мятой травою, мягко ступали по сочной землѣ лошади и шли легко, точно опьяненныя криками, музыкой, видомъ человѣка, поставленнаго Богомъ. Звенѣли шпоры и мундштуки и все это: — легкое движеніе коней, далекая музыка, перезвякиваніе стремянъ и шпоръ, неугасшее настроеніе отъ близости Государя подымало духъ и дѣлало легкими мысли.

Полки выстраивались у крайняго жалонера въ эскадронную колонну. Всѣ суетились. Толстый баронъ Древеницъ, командиръ полка, распушивъ густые сѣдые усы, сотый разъ проѣзжалъ вдоль полка и подравнивалъ. Его помощникъ, худощавый, стройный, красивый, съ узкой черной, пробитой сѣдиною бородою, князь Рѣпнинъ, флигель-адъютантъ покойнаго Государя, никакъ не могъ установить Ротбека и то подавалъ его разгорячившагося Мумма на полшага впередъ, то осаживалъ. Гриценко давалъ послѣднія наставленія и кричалъ звонкимъ теноромъ: — «задняя, смотри, не напирай, держи два шага и кулаки подравнивай чище. Отвѣтъ дружнѣе и смотри лѣвый флангъ не заваливай!»

Эта суета, эти поправки усиливали и подогрѣвали взволнованное состояніе, электризовали людей, говорили, что происходитъ что то особенное.

Подались впередъ и сейчасъ же остановились. Еще подвинулись впередъ и стали. Передній полкъ уже отдѣлялся поэскадронно отъ жалонера. Слышно было, какъ глухо гудѣли литавры, прерываемые звонкими возгласами трубъ.

— Чище глазъ... Покойнѣе руки!.. — хрипло, послѣдній разъ, проговорилъ командиръ перваго эскадрона и выскочилъ впередъ. Раздалась его солиднымъ баскомъ произнесенная команда «маршъ!», и линія блестящихъ круповъ лошадей съ сверкающими мѣдными котелками на синихъ чемоданахъ плавно отошла отъ Саблина и стала удаляться въ поле, гдѣ былъ о н ъ.

Серебряный звукъ звонкаго сигнала «рысь» прозвучалъ какъ приказъ отъ н е г о. Гриценко чортомъ вертѣ-

шійся на своемъ бѣшеномъ англо-арабѣ, завопилъ полнымъ голосомъ: — «маршъ». Саблинскій Мирабо точно ожидалъ этой команды, онъ подставилъ заднія ноги подъ передъ, выкинулъ правую переднюю впередъ и плавно, загребая ногами землю, пошелъ въ пустое пространство, гдѣ виднѣлся первый эскадронъ и дружно кричали люди.

Слѣва лилась мягкая мелодія рыси, играемой трубачами. То сладко пѣлъ корнетъ и ему вторили трубы, то отчитывалъ темнъ баритонъ и будто говорилъ лошадямъ: разъ, разъ, разъ! Лошади пряли ушами, ловили тактъ, и эскадронъ шелъ ровно, сливаясь съ музыкой. Вправо былъ о н ъ! Тамъ была громадная свита, тамъ былъ валикъ, гдѣ сверкающей шелками группой стояли императрицы и великія княгини и княжны, тамъ была пестрая линія зонтиковъ лазурныхъ, легкихъ, синихъ, розовыхъ, пунцовыхъ, бѣлыхъ, казавшихся громаднымъ цвѣтникомъ, но Саблинъ видѣлъ только нарядного сѣраго араба и царственнаго всадника на немъ. Въ эти мгновенія онъ любилъ его до восторга и мечталъ объ одномъ, какъ бы лучше пройти. Онъ видѣлъ нечеловѣческія усилія Ротбека, который никакъ не могъ справиться съ своимъ Муммомъ, и злился и ненавидѣлъ пухлаго розоваго Пика и сердился на Мумма. Но это было только одно мгновеніе. Раздался ласковый голосъ Государя — «спасибо, ребята!» и уже не стало его видно.

Впереди было пустое поле и музыка летѣла уже сзади обрывками, точно клочки воспоминаній чего то несказанно счастливаго и прекраснаго. Первый эскадронъ выдвинулся во взводную колонну и скакалъ галопомъ, Гриценко скомандовалъ, и ихъ эскадронъ поскакалъ за нимъ. И нѣтъ е г о, нѣтъ свиты... Впереди пустое поле съ уходящими полками.

XIII

Тамъ... у Царскаго валика... еще гремѣла музыка. Въ карьеръ неслись казаки, лихимъ галопомъ шли гусары.

звенѣла конная артиллерія, а здѣсь, въ полку, уже все было кончено. Сѣрые будни наступали. Хотя былъ данъ отдыхъ и три дня праздника, но какой же это праздникъ безъ него?

Полкъ свернулся въ колонну по шести. Пѣсенники были вызваны передъ эскадроны и офицеры выѣхали впередъ.

Ходила я дѣвица
Во боро-о-чикъ,
Наколола я ноженьку,
На пене-о-чикъ

пѣли пѣсенники. Трубачи на сѣрыхъ лошадяхъ рысью обгоняли полкъ. Громадный геликонъ шелъ галопомъ и прыгалъ раструбомъ вверхъ и казался нелѣпымъ и грознымъ. Точно хотѣлъ крикнуть что то въ самое небо. Изящный штабъ трубачъ, вольнонаемный, окончившій консерваторію, растопыривъ носки и развернувъ тощія колѣни, трясся съ серебрянымъ корнетомъ въ правой рукѣ. Видъ у трубачей былъ уже будничный. Все говорило: праздникъ конченъ.

Гриценко замахалъ рукою адъютанту и тотъ, сдерживая толстаго сѣраго коня, отдѣлился отъ трубачей и подъѣхалъ къ Гриценкѣ.

— Ну, какъ? — спросилъ его Гриценко.

Пѣсенники перестали пѣть и прислушивались къ тому, что скажетъ адъютантъ о томъ, какъ проходилъ полкъ.

— Отлично. Лучше всѣхъ... Равненіе идеальное... Господа не равнялись. Это немного портило. Но я пропустилъ всю дивизію, н а ш ъ полкъ лучше всѣхъ!... Мнѣ говорилъ баронъ, что Государь отмѣнно доволенъ и сказалъ: мои, какъ всегда, великолѣпны!..

— Такъ и сказалъ?

— Да... Генерала Бакаева въ первой пѣхотной отставить приказалъ отъ командованія бригадой. Не спра-

вился съ лошадью, прямо въ свиту влетѣлъ, чуть великаго князя не сбилъ.

— Ну!

— Ужасно. Откуда у него такая лошадь?

— А вообще парадъ?

— Удивителенъ. Мнѣ французскій агентъ говорилъ, что онъ никогда ничего подобнаго не видалъ. Его особенно поразила армейская пѣхота. Маленькіе люди, а такой шагъ развили — говорятъ, полтора аршина!

— Ишь ты крупа наша, — ласково сказалъ Гриценко.

— Но мнѣ, лично, не нравится, какъ они правой рукой машутъ, слишкомъ далеко отбрасываютъ.

— Ермоловъ опять что-нибудь сморозилъ?

— Представь, кажется, ничего.

— А такъ новости?

— Казаки просили, чтобы ихъ отъ полицейской службы избавили.

— Ну!

— Государь, говорятъ, недоволенъ остался. Великій князь поддержалъ и ихъ освобождаютъ. Говорили что то о созданіи конной полиціи, да я не разслышалъ.

— Ну, а завтракъ?

— Обычно... Толчея, сплетни, слухи о назначеніяхъ, о перемѣнахъ, все та же биржа, какъ всегда. Шиповъ, говорятъ, первую дивизію получитъ, или Уральскимъ Атаманомъ, я уже не понялъ, мнѣ Фрицъ разсказывалъ, такая лотоха, ничего не поймешь. Ну, addio,*) — поѣду нагонять полкъ, а то баронъ подъѣдетъ, будетъ разспрашивать.

И адъютантъ, приподнимаясь на англійской рыси, поѣхалъ къ трубачамъ.

Поле пустѣло. Неслись извозчики и коляски и длинными змѣями уходили колонны полковъ. Въ золотистыхъ поляхъ колосящейся ржи за Лабораторной рощею, вдѣ-

---

*) Прощай.

во красной змѣею тянулись гусары, посерединѣ и чуть впереди, синѣли уланы и, уже уходя за холмы, спускались къ Шунгоровской мызѣ черные на вороныхъ лошадяхъ конногренадеры.

Сладкій мигъ пролетѣлъ и не вернется больше. Сердце тихо билось, голова перебирала ликующіе моменты совершившагося. Будни сдавливали кругомъ, и солнце на синемъ небѣ съ барашками казалось выцвѣтшимъ, блѣднымъ, обыденнымъ и скучнымъ.

Впереди играли трубачи. Какою то тоскою по прошломъ вѣяло отъ пѣвучаго вальса, доносившагося обрывками сквозь топотъ конскихъ ногъ и фырканье коней.

Саблинъ прислушался.

Модный вальсъ: — «Невозвратное время»...

«Да», — подумалъ Саблинъ. — Невозвратное время! Его не вернешь»... Ему стало грустно. Но въ грусти его все пѣла счастливая нота.

XIV

Въ собраніи обѣдали наскоро. Не всѣ офицеры были за столомъ. Ко многимъ изъ Петергофа, Царскаго и Стрѣльны пріѣхали жены, и они обѣдали отдѣльно, или у себя, или въ садикѣ собранія. Другіе воспользовались тремя днями отдыха и уже умчались, кто въ Гунгербургъ купаться въ морѣ, кто на Иматру.

Саблинъ, не выспавшійся за ночь и уставшій отъ впечатлѣній дня, послѣ обѣда завалился спать вмѣстѣ съ Ротбекомъ, который, какъ ребенокъ, могъ спать, когда угодно и сколько угодно.

Онъ проснулся въ пять часовъ и лежалъ на спинѣ въ сладкой истомѣ. Впереди было три дня отдыха, а тамъ суббота и воскресенье — пять дней, которые не знаешь, куда дѣвать и чѣмъ заполнить. За перегородкой Ротбекъ громкимъ шопотомъ справлялся у денщика, пріѣхалъ ли извозчикъ.

— Пикъ, ты куда? — крикнулъ Саблинъ.

— Въ Павловскъ, къ матери, — отвѣчалъ Ротбекъ, и вышелъ въ бѣлоснѣжномъ кителѣ и длинныхъ рейтузахъ.

— Возьми меня съ собою, я на музыкѣ посижу.

— Отлично.

Саблинъ вскочилъ и черезъ пять минутъ они оба въ легкихъ темносѣрыхъ пальто ѣхали въ старой коляскѣ съ выбитыми резиновыми шинами на бойкой толстой лошадкѣ своего хозяина Красносельскаго извозчика.

Лѣтній день догоралъ. Отъ скошенныхъ полей духовито пахло сѣномъ. Они проѣхали длинную Николаевку, гдѣ висѣли мохрами соломенные щиты и казаки вели лошадей на водопой и загородили всю улицу. Проѣхали опрятную чухонскую Солози и Новую, и потянулись справа и слѣва мокрые отъ ночного ливня луга, низкіе кустики ивы по нимъ, чахлые овсы, невысокая рожь, вся синяя отъ васильковъ, узкія полоски небогатыхъ посѣвовъ. Въ низинахъ длинными синими лужами стояла, отражая голубое небо, вода. Къ колышку на веревкѣ была привязана пестрая корова, и теленокъ, щипавшій траву у дороги вдругъ, задравъ хвостъ и жалобно мыча, понесся забавнымъ галопомъ по полямъ.

Имъ встрѣчались возы съ сѣномъ. Тихо скрипѣли колеса. Пахло дегтемъ и свѣжимъ ароматомъ мокраго сѣна. Ротбекъ старался схватить клочокъ его: — на счастье. Проѣхали Соболево и по сторонамъ шоссе темно-зелеными сторожами стали высокія лиственницы, а вдали сѣрою надвинулся густой Царскосельскій паркъ.

Саблинъ и Ротбекъ долго молчали, отдаваясь переживаніямъ дня.

— Нашъ полкъ лучше всѣхъ! — убѣжденно, какъ бы отвѣчая на свою мысль, сказалъ Ротбекъ.

— Конечно, — согласился Саблинъ.

— Какъ жаль, что офицеры не равнялись... И я не равнялся. Но ты понимаешь, я не знаю, что сдѣлалось съ Муммомъ, уперся на желѣзо и такъ тянулъ, ну ничего съ нимъ не сдѣлаешь. Въ правой рукѣ шашка, а лѣвой не справишься. Прямо съ ума звѣрь сошелъ.

— А мой Мирабо?

— Ахъ, шелъ идеально. Я влюбленъ въ него. Онъ такой душка.

— Правда? — въ груди Саблина прошелъ теплый токъ любви къ Мирабо.

— Да и ты, Саша, что говорить, лучше меня ѣздишь. Я еще научусь... Но скажи... Я не очень портилъ? И, какъ думаешь? Онъ не замѣтилъ?

— Но вѣдь похвалилъ же!.. Похвалилъ. — сказалъ Саблинъ, зная о комъ и о чемъ говорилъ Ротбекъ, потому что оба думали одними мыслями.

— Ахъ, о н ъ всегда хвалитъ. Ему нельзя не похвалить. Что было бы, если бы онъ не похвалилъ?

— Ужасно! Такой позоръ — хоть застрѣлиться или уйти въ отставку, зарыться въ деревню.

— А ты видѣлъ, какіе у него глаза! Онъ прямо на меня смотрѣлъ.

— И на меня, Пикъ... Пикъ, правда онъ — особенный человѣкъ?

— Онъ и не человѣкъ...

Они молчали.

— Саша, — сказалъ Ротбекъ, — а ты не разсмотрѣлъ въ какомъ платьѣ была императрица?

— Нѣтъ. Я только е г о и видѣлъ. Что-то бѣлое.

— Или розовое, — сказалъ Ротбекъ. — Бѣда! Меня сестры будутъ спрашивать въ чемъ, да въ чемъ была одѣта, а что я скажу? Я только е г о и видалъ.

— И я тоже.

— Нѣтъ. Ты замѣтилъ лошадей въ коляскѣ Государыни? Бѣлыя, а морды и вѣки глазъ чисто розовыя.

— Только у нашего Государя и есть такія лошади, — убѣжденно сказалъ Саблинъ.

— Да. Могущественнѣе и лучше его нѣтъ. А какъ прекрасна Россія!

— И нашъ полкъ!

— Нашъ полкъ лучше всѣхъ.

И опять молчали, отдаваясь счастью своихъ двадцати

лѣтъ, тихаго прохладнаго вечера, красивыхъ садовъ и запаха сѣна, отдаваясь счастью любви къ Родинѣ.

— Постой, Пикъ, я слѣзу и пойду на вокзалъ.

— Зачѣмъ? онъ подвезетъ. Или поѣдемъ ко мнѣ?.. Мама и сестры такъ будутъ рады.

Саблину представились розовыя барышни, почти дѣвочки, — старшей было шестнадцать, — некрасивыя, неловкія и застѣнчивыя сестры Ротбека съ бѣлыми рѣсницами и бѣлыми бровями, неизмѣнно въ одинаковыхъ розовыхъ платьяхъ, бѣлокурыя, румяныя, въ веснушкахъ, не знающія куда дѣвать свои загорѣлыя руки, не договорящія однимъ восклицаніемъ — «ахъ!» и торопящіяся усадить гостя играть въ раздражающую нервы игру «квикъ», и онъ поспѣшилъ отказаться.

— Нѣтъ, милый Пикъ, если позволишь, я пріѣду завтра, а сегодня и тебѣ лучше одному и я хочу быть одинъ, пережить это все снова... передумать.

— Ахъ, Саша, я такъ тебя понимаю.

Саблинъ слѣзъ и прошелъ черезъ станцію на вокзалъ. Музыка играла въ саду, и громадное зданіе вокзала, съ длинными рядами скамеекъ передъ бѣлой раковиной оркестра было пусто. Гимназистъ съ гимназисткой укрылись въ сумракѣ, на среднихъ скамьяхъ и о чемъ то шептались. Капельдинеръ бросился къ Саблину съ программой, онъ разсѣянно взялъ ее и прошелъ черезъ залъ къ ресторану. Онъ былъ тоже пустъ. Саблинъ сѣлъ за круглый мраморный столикъ, спросилъ себѣ чаю и своихъ любимыхъ, особенныхъ, спеціальность Павловскаго вокзала, пирожныхъ «эклеръ».

Онъ былъ счастливъ. Его молодое, хорошо отдохнувшее тѣло наслаждалось. Изъ парка неслись звуки музыки, шумъ толпы, шарканіе ногъ. Онъ ловилъ музыку однимъ ухомъ и, не улавливая мотива, чувствовалъ, что она разсѣиваетъ думы и создаетъ какое то неизъяснимо легкое чувство радости жизни. Мысли сбивались, таяли и оставалось одно: радость бытія.

Въ окно глядѣлся уголокъ парка. Сидѣли на музыкѣ нарядно одѣтые люди, проходили офицеры и штатскіе,

гимназисты и лицеисты съ дамами и барышнями. Саблинъ любовался ими. Прошло два стрѣлка съ конфедератками съ оноченскимъ крестомъ подъ кокардой, въ широкихъ шароварахъ, съ двумя блондинками, корифейками балета, и Саблину пріятно было думать, что онъ такой же гвардейскій офицеръ, какъ они. Кирасиръ съ толстой красной дамой прошелъ мимо и раскланялся съ Саблинымъ. И это тоже льстило самолюбію Саблина. Онъ былъ одинъ за столикомъ, но онъ не чувствовалъ себя одинокимъ, онъ былъ какъ бы въ своей семьѣ, у себя дома. Это были его братья и товарищи.

Нѣжный запахъ духовъ доходилъ до Саблина и волновалъ его. Онъ потребовалъ еще стаканъ чая и пирожныхъ, и задумался.

Чего то недоставало ему именно теперь, сейчасъ, когда разыгравшаяся кровь била внутри его могучими толчками и когда онъ горячо, всею душою, любилъ Государя и Родину и былъ влюбленъ въ себя.

Хотѣлось еще и другой любви. Неосознанно хотѣлось женской ласки.

Онъ посмотрѣлъ въ толпу. «Вотъ эта, съ накрашеннымъ лицомъ и подведенными бровями — доступна? Да». Краска залила его лицо. Вспомнилъ Мацнева и его наставленіе: «Бей сороку, бей ворону!

Подойти къ ней? Но какъ?.. Со стыда сгоришь? И что скажешь и какъ? А вдругъ она не т а к а я... Скандалъ! Скандалъ! Развѣ можно оскорбить женщину?.. Конечно, она не такая!.. Она слишкомъ молода и прекрасна.

Проходившія мимо женщины заглядывались на красиваго офицера. Иныя звали его глазами. Кровь кипѣла. Онъ хотѣлъ и не смѣлъ подойти. Все больше смущался и горѣлъ на медленномъ и сладкомъ огнѣ вожделѣнія.

Ему казалось, что всѣ читаютъ на его лицѣ мысли. Было стыдно. Онъ краснѣлъ. Онъ то снималъ фуражку и клалъ подлѣ себя, то снова надѣвалъ ее, то былъ полонъ рѣшимости и готовъ былъ встать и подойти къ

первой попавшейся, то вдругъ чувствовать себя потеряннымъ и смущеннымъ, понимать, что не сумѣетъ, смутится и ничего у него не выйдетъ изъ этого, и тогда терпѣливо глотать простывшій чай и ѣсть пирожныя, не чувствуя ихъ вкуса. Смотрѣлъ вдаль. Старался слушать музыку.

Вдругъ мягкій грудной голосъ окликнулъ его.

— Александръ Николаевичъ, какъ давно я васъ не видала!..

XV

Саблинъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на говорящую. Передъ нимъ, опираясь на розовый зонтикъ съ перламутровой ручкой, стояла Китти. Большая розовая шляпа была надѣта круто на бокъ и какая то птица съ розовыми крыльями подпирала ее сбоку. Платье изъ легкой полупрозрачной красноватой матеріи, въ фальбалахъ, слишкомъ открытое рисовало ея полнѣющую фигуру ясными откровенными, подчеркнутыми чертами. Нижнія шелковыя юбки шуршали и шумѣли при каждомъ ея движеніи. Золотистые волосы были тщательно уложены подъ шляпу, и причесаны, и завиты у парикмахера. Они блестѣли, переливаясь золотомъ въ красивыхъ волнахъ прически. Въ улыбкѣ розовыхъ губъ сверкали прекрасные зубы. Китти на дачѣ загорѣла, и матовый блескъ ея лица оттѣнялъ глубокую синеву глазъ. Свѣжая, юная, чистая, она казалась бы скромной барышней, если бы не кричащій для вечерней музыки костюмъ и не развязная манера стоять, опираясь на зонтикъ и чуть покачивая бедрами.

Но Саблинъ не понималъ этого. Китти такъ кстати появилась, такъ отвѣтила на самыя тайныя его мысли и желанія, что онъ растерялся. Счастье алымъ пожаромъ залило его темное отъ загара лицо, глаза заблестѣли. «Теперь не уйдетъ отъ нея такъ... не простившись... Не убѣжитъ, какъ Іосифъ Прекрасный»...

Китти смутилась. Не знала, что сказать дальше.

Саблинъ вскочилъ. Китти сѣла за его столикъ, приглашая и его садиться. Саблинъ задыхался отъ волненія.

«Милая... Прелесть!...» — думалъ онъ. А внутренній голосъ какого-то развратнаго бѣсенка шепталъ ему на ухо: «и доступная... доступная!... Лови моментъ!... Бей ворону... бей сороку!»

Не зналъ, что дѣлать... Куда дѣвать руки...

— Хотите чаю?

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и разсмѣялась такимъ заразительнымъ, счастливымъ смѣхомъ, что и онъ засмѣялся.

— Ну вотъ, ну вотъ, — говорилъ онъ, — чему вы?

— А вы чему, милый Александръ Николаевичъ?

— Чему? — вдругъ становясь серьезнымъ, сказалъ Саблинъ. — Я счастливъ, Екатерина Филипповна!..

Она смутилась.

— Зачѣмъ такъ? — Зовите меня — Китти. Мы старые друзья?!

Пухлая рука въ шелковой ажурной, надѣтой до локтя митенкѣ коснулась его сухой загорѣлой руки.

— Отчего вы счастливы?

— Китти... Екатерина Филипповна... Сегодня же былъ парадъ!!

— Я знаю. Вы видѣли Государя... Государь Императоръ похвалилъ вашъ полкъ... Я васъ такъ понимаю!

Она, жившая среди офицеровъ, часто бывшая въ казармахъ, вполнѣ поняла его. У ней были тѣ же чувства обожанія къ Монарху. Циничная и легкомысленная, она въ то же время была глубоко вѣрующая и любила монарха и Россію, благоговѣла передъ штандартомъ и такъ же понимала честь мундира и обаяніе полка, какъ понимали это офицеры.

Саблинъ блестящими глазами смотрѣлъ на Китти.

— Вы понимаете меня. Мои чувства!..

— Я обожаю Государя.

Въ самую глубь ея души посмотрѣлъ Саблинъ. Точно узнавалъ: — достойна-ли она касаться это-

го его святого-святыхъ. Безъ трепета, чисто глядѣли ея глаза и были серьезны. Такими они должно быть бываютъ на молитвѣ.

И на мигъ молчанiе стало между ними. Замолкъ неугомонный бѣсенокъ... Но снова встало воспоминанiе... То стыдное воспоминанiе о золотистомъ весеннемъ утрѣ, когда стояла она обнаженная передъ зеркаломъ въ лиловыхъ отсвѣтахъ душистыхъ гiацинтовъ. Зашепталъ лукавый бѣсъ: — «доступная! доступная!!»..

— Хотите чаю? — снова сказалъ онъ.

— Вы пили уже? Сколько вы выпили?

— Не помню. Четыре, пять стакановъ.

— Неужели еще хотите?

— Нѣтъ... я вамъ предлагаю.

— Не хо-чу... раздѣльно сказала она. — Па-си-бо.

И улыбнулась.

— Слушайте, милый человѣкъ, — сказала Китти, чуть пожимая кончиками пальцевъ его руку. — Я хочу вамъ сдѣлать одно предложенie. Вы свободны сегодня... да? Вы никому ничего не обѣщали... вы не дежурный завтра?

— Нѣтъ... я свободенъ. Всѣ три дня... и субботу и воскресенье.

— Этакая прелесть!.. Ну, слушайте.

Она смущалась его радостью.

— У меня — здѣсь дача. На Фридерицинской... Вы узнаете ее... По лѣвой сторонѣ... Толстыя спиленныя ивы растутъ вдоль рѣшотки палисадника... Я одна... Совсѣмъ одна... Прiѣзжайте ко мнѣ... Ужинать.

Да вѣдь это ему нужно было догадаться пригласить ее ужинать. Саблинъ сдѣлалъ протестующiй жестъ. Она перебила его. Мягкая, душистая ладонь коснулась его губъ.

— Я такъ хочу!..

— Китти!

— Не будьте злымъ, Александръ Николаевичъ, какъ были злымъ т о г д а.

— О, Екатерина Филипповна!.. Кто старое помянетъ... знаете?..

— Злой!

— Китти!.. Можетъ быть... выпьемъ вина... на радостяхъ нашей встрѣчи...

— Нѣтъ... Здѣсь неудобно... Нехорошо **вамъ** здѣсь быть со **мною**... У меня... никто васъ не увидитъ... Я такъ люблю васъ...

Ея глаза наполнились слезами и заблистали еще больше. Ея волненіе передавалось Саблину...

— Тогда... Вы заступились за Захара... Какой красивый поступокъ!.. Вы, Александръ Николаевичъ, не только офицеръ и красавецъ, вы — **человѣкъ**... Будьте такимъ всегда... Когда ушли... Знала, что не придете... Вы не такой... А какъ ждала!

— Вы ждали меня?

— Да...

— Такъ ѣдемте! Куда хотите... Къ вамъ... ко мнѣ... куда-нибудь...

Китти, улыбаясь, качала головой.

— Какой вы!.. да развѣ можно... **Мнѣ съ вами!**.. Да что вы!

А сама сіяла отъ счастья. Гладила своей рукою его руку.

— Никакъ нельзя. Увидятъ... Васъ осудятъ... Слушайте. Черезъ полчаса. У меня... На Фридерицинской... Не ошибетесь... Я зажгу красную лампу въ гостиной... Играть буду... Пѣть буду!

Онъ горячо пожалъ ей руку. Она вышла изъ-за стеклянной перегородки, и Саблинъ видѣлъ, какъ она спустилась въ садъ и, нагнувъ голову, пошла стороною, въ дальнюю аллею.

И было время. Отъ толпы отдѣлился и шелъ къ ресторану румяный Ротбекъ, и съ нимъ всѣ три его сестры, всѣ въ розовомъ, всѣ красныя, въ веснушкахъ и съ любопытствомъ застывшимъ на свѣтлыхъ глазахъ.

Ихъ-то теперь Саблинъ уже никакъ не хотѣлъ видѣть. Онъ всталъ, расплатился за чай и пошелъ на вок-

залъ. Тамъ онъ сѣлъ подъ часами и слѣдилъ, какъ медленно подымалась стрѣлка и отсчитывала тѣ тридцать минутъ, что отдѣляли его отъ свиданія съ Китти.

Онѣ казались ему вѣчностью. Онъ просидѣлъ двадцать минутъ и пошелъ пѣшкомъ, чтобы успокоиться.

Китти изъ парка помчалась въ гастрономическій магазинъ и покупала закуски, фрукты, сласти и вина. Хотѣла достойно принять дорогого гостя.

Въ ней пѣло счастье.

XVI

Было темно, когда Саблинъ вышелъ на Фридерицинскую. Онъ безъ труда отыскалъ дачу. Густые кусты желтой акаціи въ стручьяхъ свѣшивались изъ-за деревяннаго забора. Влажный воздухъ выдыхалъ запахъ цвѣтущаго табака и левкоевъ. Стеклянный балконъ обвивали стебли душистаго горошка. Оттуда шелъ, сквозь спущенныя шторы, красный свѣтъ и неслись звуки піанино и голоса.

Саблинъ остановился. Все было, какъ на оперной сценѣ. Густыя раскидистыя липы глухой улицы стояли темной декораціей. Сквозь зелень ярко свѣтились красныя окна. Полузаглушенный голосъ пѣлъ о страсти:

И хочу наслажденій я страстно,
Кубокъ выпить налитый до дна,
Если-бъ даже за мигъ тотъ прекрасный
Мнѣ могила была суждена!

Поцѣлуемъ дай забвенье,
Муки сердца исцѣли,
Пусть умчится прочь сомнѣнье,
Въ поцѣлуѣ жизнь возьми!

Китти почувствовала шаги Саблина и, прежде чѣмъ онъ позвонилъ, открыла ему дверь.

— Мы одни, — сказала она ему. — Совсѣмъ одни... Горничную я услала... Никого нѣтъ... Давайте пальто и шашку.

Балконъ былъ залитъ розовымъ полусвѣтомъ. Раскрытое піанино стояло въ углу. Мебель, обитая кретономъ — диванчикъ, кресла, пуфы, кушетка, волчья шкура на полу — дышали покоемъ.

Въ столовой кипѣлъ самоваръ. На столѣ лежала ветчина, телятина, холодные цыплята, осетрина, пирожки, стояли бутылки вина и коньяка.

Цѣлый пиръ ожидалъ Саблина. Его трогало это вниманіе.

Китти прикрыла слишкомъ открытую грудь черной кружевной косынкой и отъ этого казалась Саблину строгой и скромной. Она какъ-будто стыдилась и боялась Саблина.

— Александръ Николаевичъ, будьте какъ дома, — груднымъ голосомъ сказала она. — Садитесь. Закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Саблинъ ѣлъ съ большой охотой. Не замѣчалъ, что она почти ничего не ѣстъ, и все подкладываетъ ему на тарелку то того, то другого. Онъ выпилъ густого Шамбертена, не разъ хватилъ коньяку, и прекрасные глаза его стали темными.

— Хотите ростбифа? Отъ обѣда остался... Прекрасный ростбифъ... Только онъ на ледникѣ... Посвѣтите мнѣ.

Онъ былъ сытъ. Но какъ отказаться?... Такъ забавно казалось идти вдвоемъ черезъ мощеный дворъ и смотрѣть въ маленькую дверь, какъ, освѣщенная колышащимся пламенемъ свѣчи, подобравъ юбки, низко нагибалась Китти и шарила на бѣломъ снѣгу.

— Милый!... Тутъ малина есть... Хотите малины?

Они шли по темному двору, гдѣ высоко въ синемъ небѣ горѣли звѣзды и тихо что-то шептали вѣковыя липы. Проходили по скрипучему крыльцу черезъ кухню въ столовую, гдѣ подъ висячею лампою было свѣтло и уютно.

Они выбирали изъ корзины ягоды. Пальцы Китти стали розовыми, и онъ цѣловалъ ихъ, а она смѣялась напряженнымъ, короткимъ смѣхомъ.

Ужинъ былъ конченъ. На часахъ половина двѣнадцатаго. Не говорится. Неужели встать и уходить?

Китти поднялась. Она терялась... Саблинъ подошелъ къ ней. Она протянула ему обѣ руки. Онъ сжалъ пухлыя горячія чуть влажныя ладони.

— Ну!? — вдругъ сказала она ему и протянула губы.

Неодолимая сила толкнула его къ ней.

Когда оторвался, — шатался. Какъ въ туманѣ, видѣлъ синія счастливыя глаза и лобъ съ растрепанными золотыми завитками.

Китти молча пошла изъ столовой. Онъ за ней. За маленькой темной гостиной — спальня. Фіолетовый фонарь на золотыхъ цѣпочкахъ мягко освѣщалъ раскрытую постель, постланную свѣжимъ бѣльемъ.

Китти склонилась на грудь къ Саблину, и застыла съ полузакрытыми глазами. Онъ нѣжно охватилъ ее руками.

Она приподняла голову. Губы сложились въ нѣжную, дѣтскую улыбку...

— Милый...

Слезы показались на рѣсницахъ. Онъ осушилъ ихъ поцѣлуемъ...

— Ахъ... Я счастлива!... Твоя!!!

И тихо упала на его крѣпкія сильныя руки.

XVII

Эти дни были сплошной восторгъ.

Вдругъ вставали они въ четыре часа утра, когда еще солнце не показывалось изъ-за темныхъ лѣсовъ, поспѣшно одѣвались и шли рука съ рукой по тихимъ и соннымъ улицамъ, покрытымъ росою. Они останавливались на мосту съ золотыми оленями. Смотрѣли, какъ рябила подъ косыми лучами восходящаго солнца вода, отдавали

разгоряченныя лица дуновенію утренняго вѣтерка. Потомъ шли дальше, за паркъ, въ поля, уже скошенныя, гдѣ стояли длинныя копны сухого душистаго сѣна. Тамъ ложились они. Въ синемъ утреннемъ небѣ пѣли жаворонки, перепела перекликались, трещали кузнечики, а люди спали кругомъ, и никого не было на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ нихъ двоихъ...

Тамъ, на мягкой постели изъ щекочущаго сѣна, она отдавалась ему, освѣженная утреннею росою, съ тѣломъ, пахнущимъ сѣномъ.

Потомъ спали на сѣнѣ. Спали долго, пока солнце не поднималось надъ копною и не заглядывало въ ихъ счастливыя лица. Тогда просыпались они и пугливо озирались. Не видѣлъ ли кто?

Китти причесывалась, надѣвала шляпку, а онъ долженъ былъ служить ей вмѣсто зеркала. Въ губахъ у нея были шпильки, и она сосредоточенно зашпиливала сзади густые волосы. Потемнѣвшіе глаза ея были серьезны.

— Смотри, — говорила она, не разжимая губъ, — прямо я шляпку надѣла?

— Прямо.

— Ахъ, какой противный... Самъ и не смотритъ.

И правда: не смотрѣлъ. Онъ любовался ея бѣлыми полными руками, гдѣ при каждомъ движеніи пальцевъ игралъ подъ шелковой кожей мускулъ.

— Саша, такъ нельзя!... Меня за чучело будутъ принимать... Ахъ, какъ ѣсть хочется!

— И мнѣ, моя мышка... Пойдемъ на ферму.

Они шли рука съ рукою тихіе, задумчивые, простые, какъ дѣти. Все улыбалось имъ. Съ высокихъ елей смѣялись имъ длинныя малиновыя шишки. Паркъ манилъ прохладой.

— Тебѣ нельзя со мною войти на ферму. Видишь, сколько тамъ народа, — говорила Китти. — Я войду одна, а ты придешь потомъ и, будто мѣста нѣтъ, подсядешь ко мнѣ... Какъ незнакомый... Мы и разговаривать не будемъ.

На фермѣ было людно. Сидѣли чопорныя дамы. Въ

бесѣдкѣ за занавѣсками была княгиня Рѣпнина съ дѣтьми и англичанкой. На галлереѣ было много дѣтей, студентовъ, барышень. Полногрудыя дѣвицы въ бѣлыхъ передникахъ разносили молоко, кофе и чай съ чернымъ хлѣбомъ и поджаренными сухарями: пахло коровами. Пронзительно кричалъ павлинъ.

Китти входила, стараясь имѣть самый невинный и независимый видъ. Лицо ея горѣло, и слѣды неостывшей страсти были на немъ. Свѣтлые локоны небрежно развѣвались за ушами, платье было помято, на башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ лежала пыль. На нее косились. Ее всѣ знали: — «Катьку-философа».

Она садилась, стараясь не замѣчать недовольныхъ взглядовъ, и заказывала кофе и стаканъ сливокъ.

Черезъ минуту входилъ Саблинъ. Свободные столики были. Но онъ подходилъ къ Китти, церемонно спрашивалъ разрѣшенія сѣсть и садился. Они дѣлали видъ, что молчали. Но Китти не могла удержаться и одними губами говорила ему:

— Я тебя безумно люблю!

Онъ потуплялъ глаза, краснѣлъ, и отвѣчалъ ей чуть слышно:

— Моя мышка!

И оба смѣялись.

А потомъ, напившись кофе и сливокъ и каждый за себя заплативъ, они выходили. Онъ раньше, она за нимъ. И всѣ видѣли ихъ комедію и осуждали ихъ. Они одни ничего не замѣчали.

Подъ елкой съ малиновыми шишками онъ ожидалъ ее. Они шли, уже не стѣсняясь, подъ руку, въ тактъ раскачивая бедрами, и онъ прижималъ ея локоть къ себѣ.

Дома она оставляла его одного до завтрака. Потомъ былъ завтракъ, обильный, съ виномъ. Подавалось все то, что онъ любилъ. Она тонко выспрашивала его о его желаніяхъ. Послѣ завтрака онъ полулежалъ на диванѣ, а она пѣла. Она пѣла такъ, какъ пѣли въ тѣ времена всѣ петербургскія барышни. Ни хорошо, ни худо.

Много музыкальности, чувства, плохо поставленный голосъ и недоконченные обрывки романсовъ, говорящихъ о страсти, о любви, о неудовлетворенномъ чувствѣ. То по-французски, то по-русски. Начнетъ и не кончитъ, оборветъ, долго перебираетъ по клавишамъ, сыграетъ тихій пѣвучій вальсъ и начнетъ что-нибудь снова.

Саблинъ дремалъ. Иногда откроетъ глаза, и долго и счастливо смотритъ на нее. Щеки ея горятъ румянцемъ, глаза кажутся большими отъ потемнѣвшихъ вѣкъ. Онъ закроетъ глаза и тихо слушаетъ въ истомѣ.

Вотъ повторился мотивъ. Какою-то мукою звучитъ онъ. Саблинъ открылъ глаза.

«Вновь хочу и любить! и страдать!»... Голосъ сорвался. Китти плачетъ, плачетъ... Она знаетъ, о чемъ плачетъ. Она знаетъ, что любить ей придется такъ мало, а страдать?... Всю жизнь.

Саблинъ кинулся утѣшать ее, она билась въ слезахъ у него на груди, и долго онъ не могъ ее успокоить.

— Не надо спрашивать... Я такъ... мой милый... Просто такъ!... Отъ счастья!

XVIII

Они взяли лошадей въ манежѣ и поѣхали верхомъ въ Гатчино. Было жарко. У Орловской рощи они остановили мороженщика съ синей телѣжкой, слѣзли съ лошадей, купили мороженаго, сѣли на высокомъ откосѣ, поросшемъ земляникою, и ѣли щепочками мороженое, положенное на листки картона. Лошади рядомъ щипали траву, и ихъ головы почти касались красиваго лица Китти. Темный лѣсъ шумѣлъ сзади и дубы шелестѣли зеленымъ листомъ. Было тихо и хорошо на сердцѣ.

Когда вернулись, — она лежала усталая на кушеткѣ, а онъ сидѣлъ и читалъ газеты.

Каждый день несъ новую радость.

Въ субботу утромъ онъ съѣздилъ въ полкъ, пробылъ четыре часа на занятіяхъ сторожевой службой.

узналъ, что въ понедѣльникъ занятій не будетъ, а во вторникъ выступленіе на маневры, и къ обѣду былъ у Китти, соскучившійся по ней, освѣженный соприкосновеніемъ съ полкомъ, жаждущій новыхъ поцѣлуевъ.

Но страсть утомляла. Въ понедѣльникъ онъ простился безъ большого сожалѣнія и на извозчикѣ поѣхалъ въ Красное, обѣщавъ къ обѣду съ тѣмъ же извозчикомъ вернуться.

Онъ пріѣхалъ къ себѣ около часа дня и узналъ, что за нимъ три раза утромъ присылали отъ адъютанта, а теперь его ожидаетъ записка изъ канцеляріи. Недоброе предчувствіе сжало его сердце.

Записка была оффиціальная. «Немедленно по возвращеніи въ лагерь, вашему благородію надлежитъ явиться полковнику князю Рѣпнину по дѣламъ службы. Форма одежды — китель, шашка ... Такой тонъ не предвѣщалъ ничего хорошаго. Почистившись, Саблинъ отправился къ Рѣпнину. Рѣпнинъ жилъ на собственной дачѣ, на спускѣ съ холма, недалеко отъ офицерскаго собранія. Дача была большая, выстроенная въ русскомъ вычурномъ стилѣ, бревенчатая, съ башней, рѣзными пѣтухами надъ крыльцомъ и галлереей. На звонокъ ему открылъ двери денщикъ, одѣтый въ синюю ливрейную куртку, съ большими плоскими пуговицами съ княжеской короной.

— Его сіятельство просятъ обождать, — сказалъ онъ. — Они фрыштыкаютъ.

Какъ могъ любезный и гостепріимный Рѣпнинъ завтракать и заставить дожидаться своего однополчанина, своего товарища!? Что это значило?

Саблинъ задумался.

Онъ прошелъ въ пріемную. Это была большая свѣтлая комната, вмѣсто обоевъ, обшитая фанерами, со стѣнами, увѣшанными англійскими литографіями, изображавшими знаменитыхъ скакуновъ. Посерединѣ стоялъ массивный, тяжелый дубовый столъ. На немъ лежали газеты и журналы.

Саблинъ ходилъ по комнатѣ и разглядывалъ литографіи лошадей.

Князь Рѣпнинъ, флигель-адъютантъ и пожилой офицеръ, отецъ и дѣдъ котораго служили въ этомъ же полку, былъ предсѣдателемъ суда чести офицеровъ и хранителемъ полковыхъ традицій и достоинства офицерскаго мундира. Никто лучше его не зналъ исторіи и обычаевъ полка. Сухой, всегда затянутый въ свой отлично сшитый у лучшаго портного вице-мундиръ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не напивавшійся, онъ уже однимъ своимъ холоднымъ видомъ внушалъ страхъ молодымъ офицерамъ. Онъ все дѣлалъ хорошо и ничѣмъ никогда не увлекался. Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ и имѣлъ прекрасную лошадь, но не былъ спортсменомъ. Онъ отлично стрѣлялъ, считался членомъ аристократическаго охотничьяго общества, бывалъ приглашаемъ на царскія охоты, но не былъ охотникомъ. Онъ холодно игралъ въ модный безикъ и винтъ, но никогда не унижался до игры въ «тетку» и никогда его не видали за игрою въ азартныя игры. Онъ былъ женатъ, имѣлъ двухъ дочерей, такихъ же сухихъ, какъ онъ самъ, дѣвочекъ-подростковъ, говорившихъ по-англійски лучше, чѣмъ по-русски. Его жена, сѣдѣющая, сухощавая дама, фрейлина Ихъ Величествъ, была полнымъ дополненіемъ своему мужу. Помѣшанная на свѣтскихъ приличіяхъ, визитахъ и тонныхъ разговорахъ, она еще строже блюла всѣ обычаи полка и слѣдила за тѣмъ, чтобы офицеры въ обществѣ вели себя прилично. Она постоянно наблюдала за поведеніемъ полковыхъ дамъ. Она рѣшала, какія связи приличны и какія мараютъ имя мужа и порочатъ полкъ. Она смотрѣла, чтобы офицеры не ходили подъ руку въ общественныхъ мѣстахъ съ артистками, какъ бы приличны и изъ какой бы прекрасной семьи онѣ ни происходили. Офицеры втихомолку звали ее классной дамой, но боялись ея злого языка и властныхъ привычекъ. Она каждому давала понять, что по прямой линіи происходитъ отъ Рюрика, и что ея предокъ, чей портретъ сохранился, былъ постельничимъ царя Алексѣя Михайловича.

и что у нея хранятся царскія письма, адресованныя ея пращуру.

У нея была одна слабость. Женить молодыхъ офицеровъ, сосватывать и подыскивать имъ партіи, во всѣхъ отношеніяхъ достойныя полка.

«Какъ можетъ онъ тамъ спокойно ѣсть, разговаривать съ женой и дѣтьми, когда знаетъ, что я, его товарищъ, его дожидаюсь», — думалъ Саблинъ. — «Какъ можетъ онъ не пригласить меня, по-товарищески? Вотъ, кичится своими манерами, любезностью, гостепріимствомъ, а просто — хамъ. Солдафонъ — думаетъ, что онъ полковникъ, а я корнетъ! Онъ гордый. Всѣ офицеры давно на «ты» со всѣми корнетами. И Степочка, и Гриценко, и даже адъютантъ, онъ одинъ на «вы», и не только съ корнетами, онъ и съ Мацневымъ на «вы». Когда выпьетъ съ кѣмъ-нибудь на брудершафтъ, такъ точно монаршую милость окажетъ. Не люблю я его!»

Саблинъ все больше озлоблялся противъ Рѣпнина, хмурилъ густыя тонкія брови и морщилъ прекрасный лобъ.

«Ну, уже и наговорю я ему! Все выскажу!»—рѣшилъ онъ въ ту минуту, какъ дверь отворилась и ливрейный денщикъ сказалъ:

— Пожалуйте, ваше благородіе. Его сіятельство васъ просятъ.

Саблинъ и денщика ненавидѣлъ. Ему казалось, что ливрея уже сдѣлала солдата наглымъ и что онъ презрительно смотритъ на него — корнета! «Подожди, голубчикъ», — думалъ онъ, проходя мимо денщика. —«Я тебя подтяну когда-нибудь! Посмѣй мнѣ только честь не отдать. Даромъ, что княжескій денщикъ!»

XIX

Князь Рѣпнинъ стоялъ за своимъ письменнымъ тяжелымъ столомъ. Онъ былъ въ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. Онъ не предложилъ Саблину сѣсть и не

подалъ ему руки. Холодный стальной взглядъ пронизалъ Саблина насквозь и приковалъ его къ мѣсту. Саблинъ невольно вытянулся и сталъ смирно, руки по швамъ.

— Корнетъ Саблинъ, — офиціально, холоднымъ тономъ началъ князь Рѣпнинъ. — Я пригласилъ васъ потому... Я зналъ и глубоко чтилъ и уважалъ вашего отца. Я вѣрю... Хочу, по крайней мѣрѣ, вѣрить, что для васъ нашъ полкъ — святыня. И потому я удивленъ, какъ могли вы такъ легкомысленно позволить себѣ относиться къ чести полкового мундира?... Вы мараете мундиръ, корнетъ Саблинъ!... Я не собираю суда общества офицеровъ, я не докладывалъ объ этомъ командиру полка только потому, что убѣжденъ, что одного моего слова будетъ достаточно для васъ, и вы бросите вашу пагубную страсть.

— Князь, — началъ Саблинъ, — ваше сіятельство!...

Рѣпнинъ холоднымъ взглядомъ блестящихъ сѣрыхъ глазъ заставилъ его замолчать.

— Я не кончилъ, корнетъ Саблинъ, — сказалъ онъ холодно. — Я звалъ васъ не для того, чтобы выслушивать ваши объясненія, или оправданія. У васъ нѣтъ оправданій. Только рѣшительное обѣщаніе бросить пагубную страсть къ уличной дѣвкѣ...

— Ваше сіятельство, — я не позволю, — началъ Саблинъ, блѣдный и тяжело дышащій, но опять холодный, пронизывающій взглядъ Рѣпнина оборвалъ его.

— Въ ваши физіологическія потребности, корнетъ Саблинъ, я не вмѣшиваюсь. Но никто не отправляетъ ихъ публично, какъ это позволили себѣ сдѣлать вы! Какъ могли вы позволить себѣ гулять подъ руку въ Павловскѣ, на музыкѣ, съ уличною дѣвкой?!... Вы ѣздили съ нею верхомъ... Вы посѣщали такія мѣста, какъ молочная ферма, гдѣ собираются наши семьи!... Корнетъ Саблинъ — по настоящему — вы должны оставить нашъ полкъ, потому что вы не умѣете съ честью, достойно, носить его мундиръ... Да! оставить полкъ... Этимъ, корнетъ Саблинъ, не шутятъ!... Но я вхожу въ ваше положеніе. Я понимаю, что молодость имѣетъ свои права. Я переговорилъ съ другими членами суда общества офице-

ровъ, и мы рѣшили закрыть на это глаза, но при одномъ условіи, что вы сейчасъ же, сегодня же, порвете и кончите вашу связь.

— Ваше сіятельство, — задыхаясь, проговорилъ Саблинъ. — Я...

— Корнетъ Саблинъ, я повторяю вамъ, я звалъ васъ не для объясненій. Вы меня выслушали, я надѣюсь, что поняли и усвоили. И... можете идти-съ!

Разъ-два, отчетливо, щелкнувъ шпорою, повернулся Саблинъ, и не чуя ногъ подъ собою, съ глазами, затуманенными слезами негодованія, вышелъ изъ кабинета князя Рѣпнина.

Онъ не помнилъ, какъ дошелъ до своей избы.

Подъ ногами были скользкія доски тротуара, настланнаго по крутому спуску, изъ канавы торчали громадные лопухи, солнце свѣтило уже по-осеннему блѣдно, временами застилали его тучи — Саблинъ не замѣчалъ этого. Онъ весь дрожалъ внутреннею дрожью волненія и злобы.

Оскорбили его. Оскорбили ее. Ее, любимую первою любовью! Ее, отдавшуюся ему съ такой нѣжностью и беззавѣтною страстью!

«Что дѣлать? Отомстить! Вызвать на дуэль полковника Рѣпнина! Дать понять, что женщина, которую онъ полюбилъ, не уличная дѣвка, и такъ говорить о его любви, какъ говорилъ онъ, нагло и цинично, онъ, корнетъ Саблинъ, не позволитъ. Онъ женится на Китти! Вотъ и все. И пусть... И пусть тогда княгиня Рѣпнина принимаетъ ее и пожимаетъ ей руку и цѣлуется съ нею. Да, онъ женится!... А почему и нѣтъ? Что она не дѣвушка?... Но она чище многихъ. Она-то будетъ вѣрна ему. А вотъ всѣ знаютъ, что Маноцковъ ѣздитъ къ madame Мацневой и, когда Мацневъ въ караулѣ, ночуетъ у нея. Всѣ знаютъ, что Петрищева живетъ съ корнетомъ Сперанскимъ... А вѣдь молчать... А что Китти?... А вотъ возьму и женюсь!... Имъ всѣмъ на зло!»...

И онъ представилъ себѣ Китти своею женою. Каждый день одно и то же: — приторный разговоръ, запахъ

духовъ гіацинта и пудры, полное тѣло и мучительныя ласки.

Саблинъ тряхнулъ головою. Онѣ надоѣли ему за пять дней и хотѣлось отдохнуть отъ нихъ. А тутъ — каждый день! Каждый день мурлыканье за піанино и не допѣтыя пѣсни о любви и страсти.

Полковой праздникъ. Ложа въ манежѣ, убранная цвѣтами полка. Императрица. Великія Княгини... и Китти со своею простою, доброю улыбкой и полными бѣлыми руками.

Саблинъ поникъ головою. Это невозможно. Рѣпнинъ правъ. Она не полковая дама. Полкъ обязываетъ... полкъ требуетъ иного отношенія къ женщинѣ... иной женщины.

Удовлетворенная, пресыщенная страсть не просыпалась. Холодный разсудокъ вступалъ въ свои права. Она, или полкъ? Нашъ полкъ — такой прекрасный, могучій и великій! Нашъ полкъ, неразрывно связанный съ Россіей и Царемъ... Такъ недавно обласканный Царемъ!

Въ маленькой комнатѣ сгущались сумерки. Окно пропускало мало свѣта. Небо хмурилось и покрывалось тучами. Дождь надвигался. Саблинъ ходилъ взадъ и впередъ, и, то гнѣвно сжималъ кулаки и краска заливала его лицо и онъ сыпалъ проклятіями, то шепталъ что-то и что-то придумывалъ.

Саблинъ вспомнилъ роскошные завтраки, обѣды и ужины у Китти. Вино, коньякъ, ликеры! Все покупалось ею, на ея счетъ. А на какія деньги? Откуда она брала деньги, чтобы кормить и баловать его?

Онъ остановился у окна, заложилъ руки въ карманы. Посвисталъ.

«Корнетъ Саблинъ, какой же вы дуракъ... и негодяй!»

Онъ позвалъ денщика, приказалъ сказать извозчику, чтобы онъ запрягалъ и собирался ѣхать обратно въ Павловскъ съ письмомъ на Фридерицинскую, а самъ сѣлъ писать.

Не клеилось письмо.

— «Милая Китти», — началъ онъ. — «Обстоятельства такъ сложились, что я не могу пріѣхать сегодня. Завтра маневры. Итакъ, на двѣ недѣли мы оторваны другъ отъ друга. Прощай, милая мышка, пожелай мнѣ счастливаго пути и не поминай меня лихомъ. Тысячу разъ цѣлую твои сахарныя уста. Свидимся опять послѣ маневровъ. Жди меня и не тоскуй, моя золотая. До свиданія. Твой Саша.»

Саблинъ вложилъ въ письмо пятьсотъ рублей. Но когда запечаталъ, понялъ, что деньги оскорбятъ ее. Не такъ любила она его, не такъ ему отдавалась, чтобы можно было за это платить.

Саблинъ разорвалъ конвертъ и вынулъ деньги. Задумался... Какъ же, обѣды, ужины, вино?... Приписалъ: «P. S.. Мышка, я долженъ тебѣ за твое угощеніе, напиши сколько, разсчитаемся. Я не хочу, чтобы ты еще и тратилась на меня. А. С.»

XX

Когда Китти получила это письмо, она залилась слезами. Она знала, что онъ ее броситъ. Но... такъ скоро! Этого она не ожидала. Въ пять дней, въ пять счастливыхъ дней, сгорѣла вся ея жизнь и ничего у нея не осталось. Даже фотографической карточки его у нея нѣтъ. Тогда попросить не догадалась, а теперь, поняла, что не дастъ. Эта маленькая приписка о деньгахъ, это «до свиданья», говорившее «прощай», этотъ холодъ дѣлового письма ей все сказали. Она поняла, что Саша и его Мышка умерли — ихъ нѣтъ больше. Остался корнетъ нашего полка Саблинъ и «Катька-философъ». Портретъ Саши могъ красоваться на столѣ у Мышки, но портрету корнета Саблина не мѣсто въ спальной «Катьки-философа».

Китти рыдала, валяясь на кровати и уткнувъ лицо въ подушку. Ревѣла и плакала, то тихо, заливаясь сле-

зами, то вскрикивая и обводя безумными глазами свою спальню, полную жгучихъ воспоминаній о немъ.

Если бы былъ подъ рукою ядъ — отравилась бы сейчасъ же. Подумала объ этомъ... Она должна повидать его еще разъ... должна проститься, какъ слѣдуетъ, — а тамъ — «пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса!» Хоть въ омутъ!... Все равно... Если буду жить — буду жить тѣмъ, что было. А вѣдь было же это все: — и прогулки по парку, и утренній кофе на фермѣ, и поѣздки верхомъ въ Орловскую рощу возлѣ Гатчины. Было... И когда станетъ уже очень гадко, пріѣду и сяду за тотъ столикъ, на ту скамейку, гдѣ сидѣли вдвоемъ, и буду вспоминать... А уже будетъ невмоготу — тамъ съ его именемъ на устахъ и умру.»

«Э! все равно!» — крикнула она отчаянно. — «Б.... я разнесчастная! Такъ мнѣ и надо!»

Китти вскочила, подошла къ зеркалу, и стала отмывать и оттирать слѣды слезъ, причесывать и укладывать золотистые волосы въ нарядную прическу, отыскивая шляпу покрасивѣе, болѣе идущую къ лицу, не думая о дождѣ, что уже съ полчаса, какъ пошелъ мелкій, упорный, зарядившій на цѣлый день.

Она поѣхала въ магазинъ покупать ему сласти и закуски, какія онъ любилъ, — на маневры. Не только она ничего отъ него не возьметъ, но забалуетъ и задаритъ его на прощанье. Это было ея гордостью, и это утѣшало и тѣшило ее. Въ десятомъ часу вечера, съ лицомъ, покрытымъ дождевою пылью, она подъѣхала къ его домику въ Красномъ и постучала у двери и думала объ одномъ — только бы застать дома. Одного. Не было бы никого у него.

Саблинъ былъ одинъ. Онъ укладывалъ съ денщикомъ чемоданъ на маневры. Вахмистръ прислалъ сказать, что подвода съ вещами господъ офицеровъ пойдетъ въ пять часовъ утра.

Когда она вошла, онъ удивился и обрадовался. Но и сильно смутился. Услалъ денщика ставить самоваръ. Топтался на мѣстѣ, не зная, куда посадить.

— Китти, милая! Какъ же ты такъ? Вотъ славно-то. Промокла, моя ненаглядная. Ахъ, ты, мишка моя сѣренькая.

Онъ грѣлъ своими теплыми руками ея застывшія холодныя руки. Она продрогла въ ночной сырости и на вѣтру.

— Смотри, простудишься! Ахъ, какая ты сумасшедшая. Скорѣе горячаго чаю.

Она смотрѣла на него внимательно, долго, точно хотѣла впитать въ себя его образъ и унести съ собою на вѣки. Губы ея дрожали, зубы стучали отъ холода, а болѣе отъ внутренней лихорадочной дрожи волненія.

— Завтра на маневры, — сказала она дрожа.

— Да. Недѣли на двѣ. А тамъ... Къ тебѣ. Если позволишь?

— Укладываешься... — Она нагнулась, чтобы скрыть слезы, набѣжавшія на глаза, и дрожаніе губъ.

— Что же ты положилъ? Постой, развѣ у тебя двѣ пары смазныхъ сапогъ?

— Одна.

— И ты ее уложилъ? Сумасшедшій, сумасшедшій, а въ чемъ же поѣдешь-то?

— Я хотѣлъ въ лакированныхъ.

— Въ такую-то погоду! И ихъ загубишь, и самъ простудишься... Нѣтъ, нѣтъ, никуда не годится. Для чего столько рубашекъ, и кладешь вмѣстѣ съ сапогами, вѣдь помнутся. Ну-съ, — милостивый государь, извольте-ка скидывать съ себя лакированные и обувать эти, я уложу все иначе.

Китти справилась съ собою. Она хотѣла быть полезной ему и замѣнить ему мать. Вѣдь у него, бѣднаго сиротки, и матери нѣтъ. Кто подумаетъ о немъ? Кто пожалѣетъ его?

— Саша, вотъ, смотри, тутъ внизу я положу тебѣ шерстяные чулки, ты долженъ обувать ихъ, когда такая погода, какъ сейчасъ. Тутъ бѣлье, тутъ сапоги, отдѣльно, переложенные бумагой, а здѣсь, наверху, я положила ночную рубашку свѣжую, твои книги, а съ ними вмѣ-

стѣ я положу тебѣ мой маленькій подарокъ: твою любимую клюквенную пастилу и полендвицу. Будетъ сыро, не захочется идти въ собраніе, будешь у себя въ палаткѣ пить чай и вспоминать меня.

Въ ея ловкихъ рукахъ чемоданъ преобразился. У Саблина съ денщикомъ не хватало мѣста, придумывали какія-то корзинки: у Китти все уложилось, еще и мѣсто осталось. Денщикъ принесъ самоваръ и понесъ въ эскадронъ чемоданъ. Они остались одни. За окномъ монотонно лилъ дождь и звенѣла вода въ лужахъ, здѣсь ярко горѣла лампа, сильнѣе чувствовался запахъ духовъ. Они сидѣли и пили чай. Молчали. Говорить было не о чемъ. Всѣ слова любви были имъ сказаны за эти пять дней безумной страсти, а новыхъ не было. Душевная мука состарила ея лицо, и оно не казалось болѣе привлекательнымъ. Каждую минуту могъ вернуться Ротбекъ, войти денщикъ. Надо было торопиться, прощаться и уѣзжать.

—Мой дорогой! Мой милый, будешь ты помнить меня, — сказала она.

— Китти, но мы не на вѣки прощаемся. Отчего ты такая?

Она заплакала.

Онъ сталъ ее утѣшать.

— Не надо... не надо, милый, — говорила она, чувствуя, какъ поцѣлуи его становились горячими и страстными.

Но ему показалось, что она за тѣмъ и пріѣхала, иначе прощаніе будетъ не настоящее и онъ овладѣлъ ею на своей узкой походной койкѣ. Ни ему, ни ей было не до страсти, и эта вспышка еще болѣе оттолкнула его отъ нея. Онъ сталъ торопить ее. Онъ не думалъ, что глухая, непогодливая ночь стоитъ на дворѣ, что страшно ей одной ѣхать по пустынному шоссе. Когда потомъ онъ вспоминалъ эти минуты, онъ всегда мучительно краснѣлъ. Свою жену, сестру, мать, жену товарища онъ никогда бы не отправилъ такъ одну въ ненастье. Она почувствовала, что она лишняя, стѣсняетъ его, стала торопиться. Она не оправ-

ляла растрепанныхъ волосъ — одѣлась кое-какъ — не все ли равно теперь! Ей было больно и стыдно. Она почувствовала, что вся красота ихъ Павловскаго романа прошла. Она больше не вѣрная, любящая подруга нѣжнаго Саши, а дѣвка, пріѣхавшая на визитъ къ гвардейскому офицеру. Она страдала ужасно. Китти потомъ сама удивлялась, какъ *тогда* не застрѣлилась у него, на его рукахъ. *Тогда* не могла, слишкомъ любила, не хотѣла тревожить его.

— Прощай, — сказала она.

Онъ стоялъ спиною къ ней. Онъ опять досталъ свои пятьсотъ рублей и неловко сворачивалъ ихъ, чтобы засунуть ей за корсажъ. «Кажется такъ дѣлается», думалъ онъ въ смущеніи.

Она увидала деньги и догадалась.

— Саша! — воскликнула она, блѣднѣя, — ты не сдѣлаешь этого, не оскорбишь меня! Я тебя такъ любила!

Она упала на колѣни передъ нимъ, обняла его ноги и цѣловала ихъ.

— Прощай! — чуть слышно сказала она, встала и, шатаясь, вышла за двери. Онъ торопливо надѣлъ китель и побѣжалъ помочь ей сѣсть. Извозчикъ спалъ внутри коляски и долго не могъ понять, въ чемъ дѣло. Она въ легонькой шелковой мантильѣ, безъ зонтика, дожидалась, пока Саша разбудитъ его и раскроютъ ворота двора. Одна рука ея была въ ажурной перчаткѣ, другая голая, — забыла перчатку у Саши и не хотѣла вернуться. Примѣта плохая. Пусть останется у него на память. Оба думали — «скорѣе! скорѣе бы!» Обоимъ было неловко и тяжело. Наконецъ, она сѣла и извозчикъ тронулъ со двора. Она забилась въ самый уголъ, плакала, рыдала и вся тряслась въ судорожныхъ спазмахъ.

— Экъ, ее! — думалъ извозчикъ. — Видно много горя натерпѣла бѣдняжка.

Онъ былъ старый Красносельскій извозчикъ. Всю жизнь онъ прожилъ при господахъ и зналъ, что случилось. Много онъ видалъ на своемъ вѣку такихъ драмъ.

женскихъ слезъ и рыданій. И отравлялись потомъ, и стрѣлялись, и топились.

«Впрочемъ больше топились», — философски спокойно заключилъ онъ свои размышленія.

— Да! Дѣла! Ну видно и эта тоже. Готова! Не выживетъ. Побаловалась, а теперь — куда! Ну — дорога извѣстная!..

XXI

Трубачи всѣмъ хоромъ ѣздили по деревнѣ и играли «генералъ маршъ», — указывая, что время сѣдлать. Но заботливые вахмистры уже давно распорядились сѣдловкой и теперь взводные по дворамъ осматривали людей, все ли въ порядкѣ.

Дождь зарядилъ на нѣсколько дней. Мелкій, въѣдливый, холодный и нудный. Люди ежились въ рубашкахъ и въ ожиданіи приказа выводить, сбивались кучами подъ сараями. Туманъ лохмотьями носился надъ землею и было грустно и уныло. Березы за одну ночь начали желтѣть. Пахнуло осенью. Охрипшія трубы срывались съ тона.

Всадники, други, въ походъ собирайтесь,
Радостный звукъ васъ ко славѣ зоветъ,
Съ бодрымъ духомъ храбро сражайтесь,
За Царя, Родину, сладко и смерть принять,

пѣли онѣ хоромъ. Въ сыромъ воздухѣ онѣ звучали печально.

Саблинъ спалъ крѣпкимъ сномъ, и румяный Ротбекъ, только что пріѣхавшій изъ Павловска, совсѣмъ готовый, въ амуниціи, принималъ самыя рѣшительныя мѣры, чтобы его разбудить.

— Да вставай, несчастный! Опять безъ чая поѣдешь. А все женщины, — говорилъ онъ, глядя на бре-

шенную на столѣ перчатку и ощущая въ избѣ сладкій запахъ духовъ. — Эхъ, Саша! Саша!

— Ну чего тамъ? — ворчалъ Саблинъ.

— Проспишь маневры.

— Который часъ?

— Четверть восьмого, а въ половинѣ восьмого строиться.

— Успѣю, — и Саблинъ дѣйствительно успѣлъ и при помощи расторопнаго денщика не только одѣлся, но и чаю напился.

Эскадроны медленно тянулись шагомъ по шоссе. Офицеры группами ѣхали впереди. Всѣ были безъ шинелей, кромѣ Мацнева, который закутался въ непромокаемый плащъ и неистово бранился за то, что командиръ полка потребовалъ, для примѣра людямъ, чтобы офицеры были въ кителяхъ.

— У всякаго барона своя фантазія, — ворчалъ онъ. — Онъ того не понимаетъ, что солдата все одно не обманешь. У каждаго офицера шведская куртка, или фуфайка поддѣта, а у солдата ничего. Такъ чего же и форсить. Онъ тоже не хочетъ понять, что солдату двадцать три года, а мнѣ тридцать. У меня ревматизмъ, и ежели я промокну, мнѣ плохо будетъ. Вотъ Сашѣ или Пику — имъ ничего. Имъ хорошо.

— Хорошо, — откликнулся Саблинъ. — А почему, Павелъ Ивановичъ, людямъ не разрѣшили одѣть шинели?

— Эхъ! Молода — въ Саксоніи не была! — сказалъ Гриценко. — А ты подумай. Въ военномъ дѣлѣ зря ничего не дѣлается.

— Баронская фантазія, — проворчалъ Мацневъ.

— Чудакъ, ваше благородіе, — сказалъ Гриценко, блестя цыганскими глазами. — Солдатъ на ночлегъ придетъ, ему укрыться надо сухимъ. У него вѣдь шинель одна — она и одѣяло и все. А если она промокнетъ насквозь, чѣмъ онъ укроется и согрѣется? Баронъ нѣмецъ и солдатъ. Онъ это дѣло понимаетъ тонко. Я думаю, уже

двадцатый годъ маневрируетъ подъ Краснымъ Селомъ. Было когда изучить климатъ.

Полкъ входилъ въ Гатчино. Вправо тянулась высокая рѣшотка дворцоваго парка. Плакучія ивы склонились надъ прозрачными прудами. Тучи клубились надъ густыми зарослями парковыхъ деревьевъ и печаль сѣвера была разлита въ туманномъ воздухѣ. Странный, причудливый ипохондрикъ Павелъ виталъ здѣсь своимъ духомъ и все полно было воспоминаніями о немъ.

Трубачи заиграли полковой маршъ.

— Пѣсенниковъ не вызовешь? — сказалъ поручикъ Фетисовъ. — Можетъ быть вдовствующая императрица подойдетъ къ окну.

— И то, — сказалъ Гриценко и звонко закричалъ: — Пѣсенники, впередъ!

— Какая императрица! — ворчалъ Мацневъ. — Добрый хозяинъ въ этакую погоду собаку не выгонитъ, а онъ: императрица подойдетъ! На него любоваться будетъ.

— Слышишь, трубачи играютъ, — сказалъ Фетисовъ.

— Ну и пусть себѣ играютъ, — возразилъ Мацневъ. — Эхъ, людей не пожалѣютъ! А что, Павелъ Ивановичъ, какъ думаешь, Саксъ догадается собраніе въ школѣ поставить, а? Неужели въ палаткѣ? Тамъ школа хорошая. И учительница невредная. Совсѣмъ и на учительницу не похожа. Не нигилистка и ручки такія — прелесть! Мы позапрошлымъ годомъ чай у нея на маневрахъ пили. Задорная такая. А я водчонки бы теперь хватилъ, съ паюсной икоркой. Ты не знаешь, Дудаковъ поѣхалъ за полкомъ? Пока тамъ собраніе и прочее... я бы того... по единой прошелся!

Пѣсенники, согрѣвшіеся въ рядахъ, нахохлившіеся, сосредоточенные выѣзжали неохотно. Любовинъ и вовсе не выѣхалъ. Вахмистръ сзади эскадрона увидалъ, что пѣсенниковъ мало, выскочилъ съ палкой въ рукѣ и поѣхалъ выгонять людей впередъ.

— Ты, Любовинъ, чаво аристократа ломаешь? Слы-

халъ, что пѣсенниковъ шумятъ, — грозно крикнулъ онъ.

— Я не въ голосѣ, Иванъ Карповичъ, — хрипло отвѣтилъ Любовинъ.

— Я тебѣ дамъ, не въ голосѣ! Артистъ! едрёна вошь!.. Пошелъ, сволочь, впередъ! — и вахмистръ палкой огрѣлъ по мокрому крупу лошадь Любовина. Та поддала задомъ и Любовинъ поскакалъ впередъ эскадрона.

Эскадронъ подходилъ къ дворцу.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ...

хриплыми голосами пѣли пѣсенники второго эскадрона. Впереди трубачи играли «Гитану» вальсъ, а сзади изъ третьяго эскадрона гремѣлъ бубенъ, звенѣлъ треугольникъ, кто-то, заложивъ пальцы въ ротъ, пронзительно свисталъ и изъ-за этого гама вылетали отрывистыя слова:

Носи, Дуня, не марай, не марай,
По праздни — по праздничкамъ надѣвай, надѣвай!

Полкъ вытягивался по подъему на круглую площадь съ высокимъ сѣрымъ обелискомъ и, огибая его, подходилъ къ Гатчинскимъ воротамъ. Впереди были сѣрыя чахлыя поля, вдали темнѣлъ лѣсъ. Туманъ клубился надъ нимъ. Холодный дождь все такъ же сѣялъ непрерывными струями. Надъ полкомъ отъ лошадей поднимался бѣлый паръ...

Пѣсенники умолкали.

XXII

Два дня было похода и два дня лилъ дождь. Лицо вахмистра становилось озабоченнымъ. Лошади худѣли. Онѣ плохо выѣдали овесъ, не ложились на бивакахъ на мокрую землю. Винтовки надо было почистить, потни-

ки просушить. Двѣ лошади уже были подпарены на первомъ переходѣ, и виновные въ недосмотрѣ шли пѣшкомъ за эскадрономъ.

На третій день назначена была дневка на мызѣ барона Вольфа — «Бѣлый домъ». Офицеры строили широкіе планы на эту дневку. Предполагался обѣдъ у барона Вольфа, фейерверкъ, музыка, танцы, пѣсенники. Вся дивизія соединялась къ этому времени и должна была стать громаднымъ бивакомъ на обширныхъ сжатыхъ поляхъ, покрытыхъ скирдами ржи баронскаго имѣнія.

Наканунѣ дневки, часовъ около трехъ, полкъ пришелъ на бивакъ. Высланные впередъ, въ распоряженіе штаба дивизіи, линейные уже провѣсили углы биваковъ, и эскадроны принялись за разбивку коновязей. Отовсюду слышался гомонъ людей, ржаніе коней. Стучали колотушки, забивавшія коновязные колья. Дождь пересталъ. Густой туманъ спускался книзу, и знатоки метеорологіи говорили одни, что это къ солнцу и жарѣ, другіе, пессимисты, уже не вѣрили въ то, что будетъ солнце и говорили, что, напротивъ, это предвѣщаетъ новые дожди.

Солдатскіе биваки вытянулись въ точной правильности по шнуру. Все было размѣрено аршиномъ, сѣдла выравнены вдоль коновязей, интервалы провѣрены. Сзади каждаго эскадрона была поставлена большая «интендантская» четырехугольная палатка — эскадронная канцелярія, въ ней на кипахъ сѣна устраивалась эскадронная аристократія — вахмистръ, каптенармусъ, писарь, артельщикъ и фуражиръ. Подлѣ складывали фуражъ, и на треугольникѣ изъ жердей привѣсили желѣзные вѣсы-безмѣнъ. Еще дальше дымили походныя кухни. Онѣ были выравнены дежурнымъ офицеромъ и провѣшены труба въ трубу. Линейную красоту бивака нарушали офицерскія палатки. Онѣ были разной величины и устройства. У Гриценки съ Фетисовымъ была круглая турецкая палатка, у Мацнева — индійская зеленаго цвѣта съ бѣлой покрышкой, у Саблина съ Ротбекомъ датская домикомъ. Надъ каждой развѣвался свой цвѣтной фла-

жокъ. Флажки были разной величины, формы и цвѣта. Каждый ставилъ свою палатку тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ. Любители красоты поставили свое жилище у ручья въ кустахъ, нѣженки, боясь сырости, удалились на вершину холма, другіе, ища тишины, ушли отъ бивака на полверсты. Все поле кругомъ биваковъ пестрѣло этими палатками, придававшими лагерю видъ цыганскаго табора.

Утро дневки было прекрасное. Солнце, невиданное три дня, выплыло на безоблачное небо яркое, радостное и жаркое. Тучи исчезли. На горизонтѣ застыло громадное кучевое облако, залитое розовымъ. Вахмистры подняли людей съ пяти часовъ утра. Работы было такъ много, что боялись, что не управятся за день. Кромѣ обычныхъ, но усиленныхъ чистокъ и уборокъ лошадей, надо было постирать и успѣть высушить рубахи, рейтузы и бѣлье, вымять и высушить потниковыя стельки, разобрать, отчистить и смазать ружья, побѣлить ремни амуниціи, начистить стремена и мундштуки, протереть оголовья. Съ утра, въ ожиданіи чая, биваки кипѣли, какъ муравейники. Надъ разложенными по стернѣ попонами сидѣли на землѣ полуобнаженные люди и, пока сохло ихъ выстиранное въ рѣчкѣ бѣлье и рубахи, они яростно отчищали части разобранныхъ ружей. Взводные, заложивъ руки въ карманы рейтузъ, въ однихъ нижнихъ цвѣтныхъ рубахахъ, ходили вдоль взводовъ и зорко смотрѣли, чтобы никто не лѣнился и не тратилъ времени даромъ.

Трубачи протирали и начищали позеленѣвшія отъ сырости трубы, доставали ноты и проигрывали упражненія.

Рядомъ, въ рѣчкѣ, казаки купали лошадей и голые разъѣзжали по берегу. Ихъ рубахи, тоже постиранныя, были развѣшаны на кустахъ. Съ рѣки неслись крики, уханье, визгъ.

Этотъ гомонъ, завыванье трубъ нисколько не мѣшали офицерамъ спать. Было одиннадцать часовъ утра, а большинство палатокъ было наглухо задернуто. Спали отъ нечего дѣлать.

Гриценко, не одѣваясь, сидѣлъ на койкѣ и тренькалъ меланхолично на гитарѣ. Фетисовъ лежалъ, укутавшись съ головою въ одѣяло. Мацневъ у себя въ палаткѣ, тоже не одѣваясь, читалъ французскій романъ — «Mademoiselle Girot ma femme»*). Саблинъ и Ротбекъ спали такъ крѣпко, какъ только и можно спать въ очаровательный лѣтній день въ палаткѣ, въ двадцать лѣтъ.

Денщики караулили своихъ господъ подлѣ палатокъ, съ кувшинами съ водой, мыломъ и полотенцами, съ подготовленными кофейниками и чайниками.

У палатокъ офицерскихъ собраній суетились повара въ бѣлыхъ фартукахъ и колпакахъ. Тамъ кое-кто изъ офицеровъ постарше пилъ кофе или чай, и просматривалъ принесенныя газетчиками свѣжія газеты.

Маневры для офицеровъ были праздникомъ, веселымъ шумнымъ пикникомъ. Ни заботъ, ни трудовъ они не несли. Солдаты жили сами по себѣ, офицеры сами по себѣ. Вся тягота маневровъ ложилась на солдата. Солдату послѣ длительнаго перехода приходилось вычищать и убирать лошадь, ходить за фуражемъ, нести его на себѣ, прочищать винтовку, сѣдло, чистить сапоги. У офицера для этого были вѣстовой и денщикъ. Солдаты въ кавалеріи, если не становились по деревнямъ, спали на голой землѣ, накрывшись шинелями, такъ какъ кавалерія не имѣла палатокъ. Многіе простуживались и заболѣвали. Рѣдкіе большіе маневры проходили безъ того, чтобы въ какомъ-нибудь полку не было диссентеріи, или тифа. Офицеры имѣли собственныя палатки, а въ ненастье становились по избамъ или у знакомыхъ помѣщиковъ и дачниковъ. Несмотря на это, большинство офицеровъ не любило маневровъ, тяготилось ими. Кто постарше, старались «отдуться» отъ маневровъ и уѣхать въ отпускъ. Солдаты напротивъ, несмотря на всѣ тяготы и невзгоды, любили маневры. Жизнь на маневрахъ напоминала имъ деревню, они соприкасались съ крестья-

---

*) «Барышня Жиро — моя жена.»

нами, видѣли поля и лѣса, часто пили молоко, ѣли не только казенный, но и крестьянскій хлѣбъ. Маневры походили на войну, служба становилась осмысленной, понятной, гонялись за разъѣздами, брали въ плѣнъ, на большихъ бивакахъ встрѣчались съ другими полками, отыскивали земляковъ, которыхъ давно не видали, разговаривали съ ними, узнавали деревенскія новости. Тяжесть работы, усталость забывались и солдатъ чувствовалъ себя свободнѣе.

На бивакѣ, пригрѣтомъ солнцемъ, то тутъ, то тамъ вспыхивала пѣсня, слышались шутки и смѣхъ. Солдаты не обращали вниманія на то, что господа спятъ. Да и что бы они дѣлали? Только мѣшали бы. Для нихъ на дневкѣ не было работы. Надзирателей и безъ нихъ было довольно. Вахмистръ и взводные не дремали. Солдаты не осуждали, но считали естественнымъ, что Фетисовъ съ ружьемъ и собакой, въ сопровожденіи сына управляющаго пошелъ на охоту, Мацневъ, Ротбекъ и Сперанскій отправились играть въ теннисъ, а остальные разбрелись, кто пошелъ за грибами, кто лежалъ въ палаткѣ, или, сидя на стулѣ подлѣ шатра, озабоченно чистилъ ногти.

На то господа. Это было два міра. Офицеры и солдаты. Два міра, живущихъ вмѣстѣ, но недоступныхъ одинъ другому.

Саблинъ, наблюдая изъ своей палатки за бивакомъ, чувствовалъ это. Онъ сознавалъ ненормальность этого, ему казалось, что и ему надо пойти къ солдатамъ что - то дѣлать, о чемъ - то говорить съ ними. Рядомъ въ палаткѣ бренчалъ на гитарѣ Гриценко. Саблинъ подошелъ къ нему.

— Павелъ Ивановичъ, не надо ли мнѣ пойти въ эскадронъ? Можетъ быть, надо что-нибудь сдѣлать, — спросилъ онъ.

Гриценко пересталъ играть, поднялъ на Саблина свои большіе черные глаза, посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ и сказалъ: — зачѣмъ? Только мѣшать будешь. Тамъ вахмистръ и взводные безъ тебя лучше управятся.

XXIII

Въ пять часовъ пошли къ помѣщику обѣдать. Когда входили, въ ворота парка въѣзжали верхомъ офицеры казачьяго полка, во главѣ съ командиромъ, тоже приглашенные къ обѣду. Саблинъ посторонился, чтобы дать имъ дорогу. Впереди на соловомъ жеребцѣ ѣхалъ полный генералъ съ краснымъ лицомъ и большими сѣдыми усами съ подусками — ни дать, ни взять Тарасъ Бульба. Серебряная нагайка висѣла у него черезъ плечо, широкіе шаровары и мягкіе сапоги, длинный чекмень и фуражка на затылкѣ придавали ему лихой, азіатскій видъ. У казаковъ лошади были легче и нараднѣе, чѣмъ въ полку Саблина. Свободно, не связанныя мундштуками, поднявъ точеныя головы съ большими ясными глазами, раздувая тонкія ноздри, онѣ проходили просторное ходою въ ворота. Было что то несказанно легкое въ ихъ движеніи. Саблинъ подумалъ про нихъ: — «вотъ настоящая кавалерія».

Хозяинъ дома, баронъ Константинъ фонъ Вольфъ, стоялъ на верху открытой каменной веранды, уставленной цвѣтами, и встрѣчалъ гостей. На немъ былъ черный смокингъ поверхъ бѣлаго пикейнаго жилета и по лѣтнему, по домашнему, сѣрые клѣтчатые брюки. Въ петлицѣ смокинга была ленточка прусскаго желѣзнаго креста, полученнаго имъ за послѣднюю войну съ французами. Рядомъ съ нимъ, въ нарядномъ свѣтлолиловомъ съ бѣлыми кружевами платьѣ стояла его жена, красивая, свѣтлокудрая женщина, лѣтъ сорока. Она была фрейлиной Императрицъ.

Столы для обѣда были накрыты на лужайкѣ подъ вѣковыми липами, посаженными по преданію Петромъ Великимъ, при завоеваніи имъ Ингерманландіи. Подъ липами устанавливалось два хора трубачей и двѣ группы пѣсенниковъ полка, гдѣ служилъ Саблинъ, и казачьяго. Немного поодаль на спеціальномъ теннисъ-граундѣ Ротбекъ, Сперанскій и съ ними двѣ дочери барона, двадцатилѣтняя Софія и семнадцатилѣтняя Вѣра.

играли въ теннисъ. Юноша камеръ-пажъ, племянникъ барона, молодой баронъ Корфъ, выходившій въ этомъ году въ полкъ Саблина, подавалъ имъ мячи. Обѣ барышни были красавицы. Ловкая, гибкая, отлично развитая гимнастикой и верховой ѣздой Вѣра каждый мячъ подавала классическимъ жестомъ. Ея звонкій, чистый голосъ раздавался между кустовъ оживленный и счастливый. Офицеры группами стояли около играющихъ и любовались ими.

Казачьи офицеры слѣзли съ лошадей, подхваченныхъ лихими расторопными вѣстовыми, и толпою пошли за своимъ командиромъ представляться хозяевамъ.

Кромѣ офицеровъ на обѣдъ пріѣхали — жена полковника Рѣчкина съ двумя дочерьми, два барона Вольфъ съ женами — одинъ Вольфъ Куртенгофскій, у котораго въ гербѣ былъ черный волкъ на золотомъ полѣ, и другой Вольфъ Дростенскій, у котораго былъ золотой волкъ на черномъ полѣ, сосѣдъ помѣщикъ Мюллеръ съ тремя розовыми барышнями, блондинками Эльзой, Идой и Кларой, смущавшимися передъ офицерами, неловкими деревенскими дичками. Отъ нихъ, по увѣренію Мацнева, молокомъ пахло. Платья у нихъ были домашнія съ черными бархатными зашнурованными лентами корсажами и онѣ напоминали офицерамъ пѣвицъ тирольскихъ, поющихъ на открытой сценѣ. До самыхъ танцевъ никто не могъ открыть, говорятъ онѣ по-русски или нѣтъ, а веселый шутникъ Фетисовъ сомнѣвался даже, говорятъ-ли онѣ вообще. Онѣ на все отвѣчали только — «Ach ja... Ach so!»...*) или просто скромнымъ: «Ахъ», потупляли глаза и потѣли такъ, что потъ крупными каплями выступалъ на лбу и на груди. И только за танцами оказалось, что онѣ окончили Гатчинскую гимназію и отлично говорили по-русски и, значитъ, поняли всѣ тѣ пошлости, что, не стѣсняясь, отпускали на нихъ счетъ офицеры. Это впрочемъ не помѣшало имъ быть очень благосклон-

---

*) «Ахъ да!... Ахъ такъ!..»

ными къ своимъ кавалерамъ. Было и еще нѣсколько немѣщиковъ-нѣмцевъ, называнныхъ барономъ общимъ именемъ — «мои друзья!»

Самъ баронъ привѣтствовалъ каждаго гостя долгимъ пожатіемъ руки, причемъ ласково заглядывалъ въ глаза и говорилъ: — «прошу пожалюста!»

Несмотря на то, что баронъ родился въ Россіи и всю жизнь прожилъ въ Россіи, онъ по-русски почти не говорилъ. Компанію ему сейчасъ же составилъ баронъ Древеницъ и они заговорили по-нѣмецки.

Трубачи заиграли маршъ, и кавалеры, у кого нашлась дама, пошли подъ руку къ столамъ. Случайно такъ вышло, или это нарочно подстроила княгиня Рѣпнина, знакомившая въ эту минуту Саблина съ баронессой Вѣрой, но ему пришлось идти къ столу съ ней. Его сердце дрогнуло, когда онъ почувствовалъ худенькую, дѣтскую руку, довѣрчиво оперщуюся на его локоть. Онъ посмотрѣлъ въ ясное лицо дѣвушки. Невинные, чистые глаза устремились на него съ искреннимъ восхищеніемъ и Саблинъ смутился. Ему стало стыдно подъ этимъ чистымъ взоромъ.

Казачій генералъ былъ кавалеромъ хозяйки дома. Онъ былъ старшимъ гостемъ, давно зналъ баронессу и ухаживалъ за нею, разсыпаясь комплиментами.

— Какъ хорошѣетъ Вѣра, — сказалъ онъ. — Какая дивная она пара съ этимъ молодцомъ корнетомъ. Кто это такое?

— Не знаю, — сказала баронесса, щуря свои прекрасные, близорукіе глаза и граціознымъ жестомъ прикладывая къ нимъ лорнетъ. — Его представила княгиня Рѣпнина. Это достаточная рекомендація.

— Вѣра кончила уже институтъ?

— Да, въ этомъ году. Съ шифромъ.

— Будетъ жить въ деревнѣ? Вѣдь она такая любительница природы. Она у васъ и съ ружьемъ охотится?

— Онѣ обѣ у меня сумасшедшія. Скачутъ по лѣсамъ, совсѣмъ, какъ мальчишки. Но только теперь она

останется въ Петербургѣ, я хотѣла бы, чтобы она была ко двору представлена и попала со мною на коронацію.

— Иванъ Кузьмичъ, — обратился къ казачьему генералу черезъ столъ своимъ хриповатымъ голосомъ Стёпочка Воробьевъ. — У насъ тутъ споръ съ вашимъ полковникомъ о джигитовкѣ. Скажите: имѣетъ джигитовка какое-нибудь боевое значеніе?

— Безсмислении кувырканіи на лошадь, — сказалъ баронъ Древеницъ. — Казацки глупость. Нога, рука ломать, лошадей портить.

Казачій командиръ сердито сверкнулъ глазами и громко отвѣчалъ Стёпочкѣ:

— А какъ же! — громадное воспитательное значеніе. Она пріучаетъ казака презирать опасности, дѣлаетъ его смѣлымъ и развязнымъ на конѣ.

— Да, да, все это такъ, — сказалъ Стёпочка, — нѣтъ, а на войнѣ вамъ приходилось подмѣтить, что джигитовка нужна?

— Конечно, — отвѣчалъ казачій генералъ. — Я помню два случая... А ихъ, я увѣренъ, были тысячи. Какъ сейчасъ помню, подъ Карагасанъ-кіоемъ казака Пимкина. Разсыпались мы стрѣлковою цѣпью противъ башибузуковъ. Коноводы въ балочкѣ сзади. Башибузуки насѣдаютъ. Надо уже уходить. А Пимкинъ замѣшкался. Всѣ посѣли на коней, онъ одинъ остался. Наконецъ уже подъ самыми башибузуками бѣжитъ къ коню. Коноводъ бросилъ ему лошадь, а самъ уходитъ. Лошадь поскакала за другими, Пимкинъ только ухватиться успѣлъ за луку. Джигитъ онъ былъ хорошій. Повисъ, поджалъ ноги. Виситъ на лукѣ.. скачетъ добрый конь. Выждалъ Пимкинъ, далъ толчка ногами о землю и очутился въ сѣдлѣ. Оборвись онъ, не сумѣй вскочить — разорвали бы его башибузуки!

— Ну, а другой случай? — спросилъ князь Рѣпнинъ.

— Про другой мнѣ разсказывалъ самъ участникъ, урядникъ Быкадоровъ. Настигъ его башибузукъ. Скачутъ рядомъ. Быкадоровъ хотѣлъ ударить шашкой башибузука, но тотъ ловко подставилъ клинокъ своей са-

бли. Закалка ли Златоустовскаго клинка была плохая, или что, но клинокъ у Бикадорова разлетѣлся отъ могучаго удара, какъ стеклянный. Смерть неминуемая. Тогда Бикадоровъ быстро снизился за лошадь, какъ на джигитовкѣ, когда землю достаютъ. Башибузукъ ударилъ и ударъ пришелся по воздуху. А Бикадоровъ, вися внизъ головою, вытянулъ берданку изъ чехла — тогда, помните, въ кожаныхъ чехлахъ ихъ возили, приподнялся и пулей въ животъ уложилъ башибузука.

— Ловко, — сказалъ Степочка.

— Что такое джигитовка? — спросилъ баронъ Вольфъ.

— А вы никогда не видали джигитовки? — сказалъ казачій генералъ.

— Нѣтъ. Не видалъ.

— И вы, баронесса, не видали?

— Нѣтъ.

— И ваши милыя дочки?

— Гдѣ же имъ видѣть.

— Ну такъ я угощу васъ своими молодцами. Да и самъ тряхну стариной, поджигитую передъ прелестной хозяйкой — и казачій генералъ галантно поцѣловалъ руку баронессы.

— Платонычъ! — крикнулъ онъ на другой конецъ стола своему адъютанту.

Адъютантъ, толстый мужчина, въ пенснэ и въ рыжеватыхъ усахъ съ подусками, начинавшій лысѣть, подошелъ къ генералу.

— Пошлите-ка кого изъ трубачей на бивакъ, пусть джигиты прискачутъ сюда... полковые... человѣкъ двадцать. Да моего «Взрыва» пусть вѣстовой подастъ.

— Слушаю, — отвѣчалъ адъютантъ.

— Боже мой, — сказала баронесса, — неужели и вы, генералъ, будете джигитовать?

— А отчего нѣтъ, милая барыня, — сказалъ генералъ. — Вы пожалуйте мнѣ вашъ платочекъ, я его по-

ложу на траву и подниму его себѣ на память о прекрасной дамѣ.

И расшедшійся генералъ пошелъ отбирать платки отъ дамъ и барышень.

XXIV

Двадцать казаковъ джигитовъ пріѣхали и стали на окраинѣ лужайки. Лихой рыжебородый вахмистръ, силачъ и великанъ, полнымъ карьеромъ подлетѣлъ къ генералу и осадилъ коня такъ, что онъ присѣлъ на задъ и вытянулъ впередъ переднія напруженныя ноги.

— Честь имѣю явиться, ваше превосходительство, — доложилъ вахмистръ, прикладывая руку къ фуражкѣ. — Привелъ джигитовъ.

Отъ могучей раскормленной фигуры вахмистра съ громадной рыжей бородой, насупленными бровями, широкоплечей, грудастой, съ громадными руками вѣяло первобытными временами. И онъ, и вороной его, разъѣвшійся конь, просились въ бронзу, на статую.

— Господа офицеры! — крикнулъ генералъ, — по конямъ, джигитовать! Хорунжій Коньковъ, распорядитесь джигитами.

Высокій, худой офицеръ съ густыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ фуражки, подбѣжалъ къ генералу.

— Разложите платки, Коньковъ, — ласково сказалъ генералъ, — а этотъ я самъ положу — особо. Вѣра Константиновна, вашъ платочекъ?

— Я дала, — смущенно сказала дѣвушка.

— Гдѣ же?

Дѣвушка подошла и показала маленькій ажурный платочекъ.

— Нелегко поднять такую крошку, — сказалъ генералъ. — Ну, Коньковъ — это вашъ, смотрите, не осрамитесь.

— Постараюсь, ваше превосходительство, — сказалъ молодой офицеръ.

Отодвинули столы, за которыми пили кофе и ликеры. Трубачи и пѣсенники стали стѣной по другую сторону. Дамы и гости вышли изъ-за столовъ, чтобы смотрѣть джигитовку. Вѣстовой казакъ бѣгомъ подвелъ генералу его солового коня. Генералъ провѣрилъ подпруги, скашовку*), и легко, берясь по калмыцки правой рукой за переднюю луку сѣлъ на коня.

Сначала джигитовали офицеры. Первымъ проскакалъ генералъ и, несмотря на свои сѣдины и значительную полноту стана, легко согнулся и концами пальцевъ досталъ платокъ хозяйки дома и на скаку поцѣловалъ его. Смуглый офицеръ вскакивалъ и соскакивалъ на полномъ карьерѣ, Коньковъ на золотистомъ, сверкающемъ на заходящемъ солнцѣ червонцами жеребцѣ легко согнулся тонкимъ станомъ и изъ десятка платковъ, раскиданныхъ по травѣ, безъ ошибки выхватилъ платокъ Вѣры Константиновны и потрясъ имъ надъ головой.

Цѣлой ватагой, группой, стоя на сѣдлахъ съ винтовками въ рукахъ, проскакали казаки и выстрѣлили вверхъ. Потомъ началась одиночная джигитовка.

На ловкомъ, гнѣдомъ конѣ скакалъ молодой черноусый казакъ. Едва поравнялся онъ со зрителями, быстро перекинулъ правую ногу черезъ переднюю луку, соскочилъ на землю, коснулся ногами земли и очутился сидящимъ задомъ напередъ на шеѣ лошади. Онъ сейчасъ же соскочилъ снова на правую сторону лошади и вскочилъ прямо въ сѣдло и такъ продѣлалъ нѣсколько разъ.

Другой скакалъ внизъ головой, упершись плечами въ подушку сѣдла и вытянувъ чуть согнутыя въ колѣ-

---

*) Скашовкою называется ремень, соединяющій у казачьяго сѣдла путлища обоихъ стремянъ подъ животомъ лошади и позволяющій казаку нагибаться и доставать руками земли на скаку лошади.

нихъ ноги. Третій соскакивалъ съ лошади, давалъ сильный толчекъ о землю и перелеталъ черезъ сѣдло и снова давалъ толчекъ и снова летѣлъ черезъ сѣдло. Онъ точно порхалъ надъ лошадью, не касаясь сѣдла.

Этотъ привелъ въ восхищеніе не только дамъ, но и офицеровъ, и солдатъ-трубачей, и пѣсенниковъ.

— Такими надо родиться! — сказалъ князь Рѣпнинъ.

— Степь родная воспитываетъ такими. Вѣдь это лучшая забава наша по станицамъ и хуторамъ, — сказалъ казачій генералъ. — Уничтожьте джигитовку и вы уничтожите казака!

Одинъ казакъ хотѣлъ что то сдѣлать, но вѣрно ему не удалось, онъ упалъ съ лошади — перевернулся и остался лежать на травѣ.

Дамы заахали. Офицеры хотѣли броситься помочь ему, но генералъ остановилъ ихъ.

— Оставьте, — сказалъ онъ, — это нарочно. Игра такая. Сейчасъ подскачетъ другой, положитъ свою лошадь и увезетъ мнимо раненаго.

Но онъ ошибся. Изъ толпы казачьихъ пѣсенниковъ выбѣжало нѣсколько человѣкъ и унесли казака. Онъ расшибся.

— Платонычъ, — сказалъ генералъ, — узнайте, въ чемъ дѣло.

Адъютантъ побѣжалъ къ пѣсенникамъ и сейчасъ же вернулся.

— Ничего серьезнаго, — громко сказалъ онъ, — уже садится на лошадь. Сейчасъ скачетъ.

А потомъ, отведя генерала въ сторону, тихо сказалъ: — сложный переломъ голени.

Джигитовка продолжалась. Скакали группами. Два казака скакали на одной лошади лицомъ другъ къ другу, одинъ сидѣлъ на шеѣ, другой на крупѣ, позади сѣдла и оба дѣлали видъ, что играютъ въ карты. Двое скакали рядомъ, а у нихъ на плечахъ стоялъ хорунжій Коньковъ. Каждая группа была рискомъ разбиться на смерть въ случаѣ, если лошадь спотыкнется, каждая требовала

силы рукъ и ногъ и увѣренности въ мускулахъ, каждая была своеобразно красива, но смотрѣли ихъ уже не столько съ восхищеніемъ, сколько съ сердечнымъ волненіемъ. Гости поняли, что это рискъ.

Когда послѣдняя группа проскакала, казачій генералъ поблагодарилъ джигитовъ и отпустилъ ихъ на бивакъ.

— Ви позволяйтъ, — сказалъ баронъ Вольфъ, — я имъ угощеніе дамъ. Пива, водки, колбасы, ситнаго хлѣба.

— Пожалуйста, — сказалъ генералъ. — Очень вамъ благодаренъ. Только водки много не давайте. Имъ въ два часа ночи выступать на маневръ.

— О, по единой шкаликъ, — щеголяя русскимъ выраженіемъ, сказалъ баронъ Вольфъ.

Гости сѣли за прерванные ликеры. Пѣсенники казачьяго полка подошли къ столамъ. Любовинъ, бывшій со своими пѣсенниками, подошелъ поближе. Ему хотѣлось наблюдать и слушать казаковъ. Онъ хотѣлъ ихъ понять. Казаки отличались отъ солдатъ. Длинные, въ скобку остриженные волосы, красивыми кудрями выбивавшіеся изъ-подъ фуражекъ, придавали имъ свободный, не солдатскій видъ. Много было бородатыхъ съ широкими волнистыми бородами. Казаки были шире въ плечахъ, могучѣе, развязнѣе, чѣмъ солдаты, не такъ тянулись передъ офицерами. Лица не были тупыя, смотрѣли весело и проницательно. Красавецъ урядникъ, высокій, стройный, съ черными маленькими усиками и черными кудрями, молодецъ и лихачъ-кудрявичъ, вышелъ передъ хоръ, обвелъ его черными глазами и страстно, скороговоркой, сказалъ:

— Намъ сказали про Польшу, что о.. о...

— онъ остановился и бросилъ отчетливо:

— богатая.

И болѣе протяжно выговорилъ, какъ бы съ разочарованіемъ.

— А мы разузнали: — голь проклятая.

И сейчасъ же хоръ вступилъ плавными аккордами, все время прерываемыми звонкимъ теноромъ подголоска съ безконечными переливами нотъ:

А въ этой во Польшѣ — корчемка стоитъ,
Корчма польская, королевская.
А въ этой корчемкѣ — три молодца пьютъ,
Пруcакъ, да полякъ, ца младъ донской казакъ.

— Записать эту пѣсню — думалъ Любовинъ, — невозможно. Да и запомнить мотивъ трудно. Азіатчина какая то! Дикая пѣсня. Но мелодія есть. Какая то тоже дикая.

Любовинъ присматривался къ лицамъ казаковъ. Чисто русскія были это лица, какъ на картинахъ Московскаго періода. «Ни дать ни взять — Московскіе бояре, рынды, стрѣльцы — не современныя лица, и пѣсни не современныя», думалъ Любовинъ. «Такой музыки теперь нѣтъ. Ей аккомпанировать на скрипкѣ, или на фортепьяно нельзя, развѣ пастушья свирѣль услѣдитъ за этими переливами голоса, что дѣлаетъ подголосокъ высокимъ покрывающимъ хоръ теноромъ».

— Прусакъ водку пьетъ — монеты кладетъ,
Полякъ водку пьетъ — червонцы кладетъ,
Казакъ водку пьетъ — да ничто не кладетъ.

«Хорошо!» — подумалъ Любовинъ. — «Корнетъ Саблинъ говоритъ намъ всегда, что пѣсня должна воспитывать солдата. Вотъ эта пѣсня точно что воспитаетъ солдата. Не даромъ про казаковъ и слава идетъ: — воры казаки.»

— Онъ по кормчѣ ходитъ, шпорами гремитъ,
Шпорами гремитъ, шинкарку манитъ,
Шинкарочка душечка, поѣдемъ со мной,

Поѣдемъ со мной, да къ намъ на тихій Донъ.
У насъ на Дону, да не по вашему,
Не сѣютъ, не жнутъ, да не ткутъ, не прядутъ,
Не ткутъ, не прядутъ, а хорошо ходютъ!

— Но почему же это такъ? Какъ разрѣшили эти люди соціальный вопросъ и устроили райское житье у себя, на Дону, — подумалъ Любовинъ. И сейчасъ получилъ отвѣтъ:

Соглашалась шинкарка, —

пѣли казаки. —

Да на его слова,
Садилась шинкарка, да на добраго коня,
Поѣхалъ казакъ, да во темный лѣсъ,
Повѣсилъ шинкарочку, да на сосенку!..

Заканчивалась пѣсня трагедіей женской довѣрчивости, но ни напѣвъ, ни лица казаковъ не выражали печали, скорби, или возмущенія такимъ преступленіемъ. Все было такъ же просто, какъ проста была и пѣсня.

«Хороша мораль!» все думалъ Любовинъ. Онъ посмотрѣлъ на офицеровъ, на дамъ. Онѣ смотрѣли на казаковъ съ восхищеніемъ. Любовинъ смутно догадался, что и теперь разбойникъ всегда найдетъ уголокъ въ женскомъ сердцѣ.

Къ нему подошелъ Саблинъ.

— Любовинъ, — сказалъ онъ ему, — собирай нашихъ. Споемъ послѣ казаковъ.

— Невозможно, ваше благородіе, — съ горечью сказалъ Любовинъ. — Развѣ наша пѣсня пойдетъ послѣ ихней? Прѣсна покажется. Тутъ свистъ и шумъ только и нуженъ. Увольте, ваше благородіе.

И Любовинъ повернулся и пошелъ отъ Саблина. Саблинъ не разсердился. Онъ понялъ его: — самолюбіе артиста.

Казаки пропѣли еще одну пѣсню, а потомъ было рѣшено танцовать. Уже давно около площади толпились милыя работницы, эстонки въ праздничныхъ платьяхъ, смотрѣли на солдатъ и казаковъ, и казаки и солдаты смотрѣли на нихъ.

Трубачи заиграли вальсъ. Офицеры пошли приглашать дамъ. Но барышни Вольфъ отказались, онѣ боялись испачкать о сырѣющую въ вечерней прохладѣ траву свои бѣлые башмаки и чулки. Стали было танцовать три розовыя Мюллеръ, но увидали, что онѣ однѣ, смутились и бросили. Лужайка опустѣла. Работницы не рѣшались. Танцы не клеились.

— Нельзя ли польку, — сказалъ баронъ. — наши больше польку танцуютъ.

Оркестръ заигралъ польку. Старый баронъ выбралъ самую хорошенькую эстонку въ синемъ платьѣ съ зелеными и желтыми лентами и пошелъ съ нею къ общей потѣхѣ. Его примѣру послѣдовали работники, стали выходить, смущаясь, солдаты, подталкиваемые офицерами, за ними казаки и вскорѣ вся лужайка и песчаная площадка наполнились танцующими. Гремѣлъ и гремѣлъ неутомимо то тотъ, то другой оркестръ польку и сотни башмачковъ отбивали тактъ: — разъ, два, три; разъ два три!

На потемнѣвшемъ небѣ играли далекія зарницы; у самой чащи парка оружейный мастеръ съ обозными солдатами заканчивали сооруженіе фейерверка. Вспыхнула и, шипя, полетѣла къ небу ракета и лопнула яркою звѣздочкой, за ней полетѣли цвѣтныя римскія свѣчи, огненный фонтанъ запылалъ, вспыхнулъ изображенный бенгальскими огнями вензель шефа полка.

Танцы на минуту затихли, но сейчасъ же снова возобновились. Выпившіе пива и водки казаки и солдаты стали развязнѣе, весело смѣялись эстонки. Офицеры, кто пилъ чай за столомъ, кто пошелъ бродить по парку. Барышни Мюллеръ ушли съ Коньковымъ, казачьимъ адъютантомъ и Фетисовымъ и визжали на весь паркъ, когда лягушка выскакивала у нихъ изъ-подъ ногъ.

Смоляныя бочки пылали по краямъ лужайки. Тамъ кружились пары, гремѣла музыка и маленькіе башмачки и сапоги со шпорами отбивали веселый тактъ: — разъ, два, три... разъ, два, три!...

XXV

Любовинъ пошелъ въ темную аллею. Ему хотѣлось быть одному. Все, что онъ видѣлъ, казалось ему сплошною мерзостью, издѣвательствомъ надъ личностью человѣка. Особенно возмутили его казаки. — «Хороши вольные люди,» — думалъ онъ, — «кувыркаются на потѣху господамъ, ломаютъ ноги для толстаго нѣмецкаго помѣщика за бутылку сквернаго пива и стаканъ вонючей водки!»

Кто-то нагонялъ его. Онъ остановился и въ темнотѣ совсѣмъ неожиданно столкнулся съ Коржиковымъ. На Коржиковѣ былъ помятый пиджакъ поверхъ красной кумачовой рубахи и большая кожаная сумка съ газетами.

— Здравствуйте, товарищъ, — ласково сказалъ Коржиковъ.

— Какими судьбами? — спросилъ, съ удивленіемъ оглядывая Коржикова, Любовинъ.

— Какъ видите — газетчикомъ. За ваше дѣло, Викторъ Михайловичъ, взялся. Рѣшилъ вамъ помочь. Изучить вопросъ на мѣстѣ.

— Смотрите, голубымъ архангеламъ не попадитесь. Да и кромѣ нихъ, много здѣсь всякой пакости бродитъ. Вотъ, хотя бы взять этихъ самыхъ казаковъ. Видали?

— Видалъ. Я, вѣдь, Викторъ Михайловичъ, остороженъ. Langsam — ruhig!*) ...Обыщите меня. Кромѣ «Русскаго Инвалида», «Новаго Времени», «Петербургской газеты» и «Листка», ничѣмъ не торгую. Даже «Биржевыхъ» не имѣю. Наиблагонамѣреннѣйшій газетчикъ.

---

*) Медленно, — спокойно.

Викторъ Михайловичъ!

— Ну, а документъ. гдѣ получили? Вѣдь вы, поди-ка, въ охранной записаны?

— Всенепремѣнно... Кличку даже имѣю: «Рыжій жукъ»... Документъ? Партія мнѣ изготовила. Комаръ носа не подточитъ. Гороховыя пальто смотрѣли — ничего не учуяли. Если когда какой документъ понадобится — милости просимъ. Такая тонкость работы! Каменскаго подпись — chef d'oeuvre.*)

— Завидую я вамъ, Θедоръ Θедоровичъ. Какой характеръ у васъ! Вы, поди, и въ Русскую революцію продолжаете вѣрить?

— Вѣрую-съ! И утверждаю-съ, что такого прыжка къ осуществленію соціальныхъ проблемъ никакая революція не давала, какой дастъ наша.

— Послѣ дождичка въ четвергъ.

— Ну. можетъ быть и раньше. Это тамъ видно будетъ. Армію. Викторъ Михайловичъ. колебать пора. Понимаете?

Любовинъ остановился и со злобою сказалъ Коржикову:

— Видали джигитовку?

— Наблюдалъ-съ, — спокойно сказалъ Коржиковъ.

— Чего вы хотите, если человѣкъ за пятиалтынный ногу ломаетъ, калѣкой, можетъ быть, на всю жизнь, становится. Я видалъ и его, и его товарищей. Вы думаете: — злоба, отчаяніе, — ничего подобнаго. Товарищи смѣются. «Ты», — говорятъ, — «Зеленковъ, самъ виноватъ, зачѣмъ бокомъ повисъ, вотъ она тебя и ударила». Это лошадь-то! А онъ говоритъ: — «уже и не знаю, какъ у меня рука осклизнулась. Богъ попуталъ». Пока у нихъ Богъ, да чертъ за все отвѣчать будутъ, ихъ не свернешь. И послѣ этого восхищались своимъ генераломъ. «Нашъ-то, нашъ-то, платокъ досталъ!» Тьфу! А морду

---

*) Образецъ.

вахмистра видали? Емелька Пугачевъ! Нашъ Иванъ Карповичъ — херувимъ по сравненію съ нимъ.

— Наблюденія хорошо сдѣлали, Викторъ Михайловичъ, а выводовъ сдѣлать не сумѣли.

— Какіе выводы! Люди разбой и висѣлицу открыто воспѣваютъ и рядомъ, на потѣху господамъ, ноги ломаютъ. Темнота! Дикари! Богъ наверху, чортъ внизу, а надъ всѣмъ этимъ царь и господа.

— А вотъ, вы Бога-то уничтожьте, а? Чорта служить себѣ заставьте, вотъ оно, какъ на саночкахъ подъ горку у васъ и пойдетъ.

— Не знаю, какъ и приняться, — вздохнулъ Любовинъ.

— Безъ офицера не обойдемся. Я съ вашимъ Сашей познакомился. Душевный баринъ. И херувимъ писаный.

— Когда?

— А вотъ, когда вы пѣть отказались и грубо такъ отойти изволили, я съ газеткой къ нему подкатился. Хорошій баринъ. Двугривенный за «Новое Время» далъ и сдачи не взялъ.

— Вы смѣетесь, Θедоръ Θедоровичъ.

— Ничего подобнаго. Разглядѣлъ я его. Я, вѣдь, физіономистъ. Податливый парень. И, — Викторъ Михайловичъ, сердитесь вы или не сердитесь, а безъ Маріи Михайловны намъ тутъ не обойтись.

—Θедоръ Θедоровичъ, — съ негодованіемъ воскликнулъ Любовинъ, — я только потому прощаю вамъ то, что вы говорите, что вы сами не понимаете, чего хотите. Я годъ прожилъ въ казармахъ. И я знаю, что такое всѣ эти папиросницы и прачки, которыя ходятъ по офицерскимъ квартирамъ. И Маруся, — вы понимаете, — Θедоръ Θедоровичъ, — никогда въ такой роли не явится.

— Я это понимаю лучше васъ, — спокойно сказалъ Коржиковъ. — Марію Михайловну я люблю, вѣроятно, не меньше вашего. Но у меня иные планы и иные пути.

— Какіе?

— Дайте все продумать и все приготовить. Дайте

саму Марію Михайловну подготовить къ этой вдвойнѣ опасной работѣ.

— Почему вдвойнѣ?

— А, если Марія Михайловна влюбится? — чуть слышно сказалъ Коржиковъ.

— Въ офицера? Маруся? Что вы? Вы съ ума сошли!

— Хорошо, если такъ!

— Ей можетъ угрожать только насиліе.

— До этого не допустимъ-съ.

Они подходили къ бивакамъ.

— Ну, до свиданія, Викторъ Михайловичъ. Тихонько-то продолжайте свою работу... Экъ ихъ, какъ разошлись! А вѣдь завтра дождь будетъ.

Онъ пожалъ руку Любовину. Любовинъ пошелъ къ вахмистерской палаткѣ. Коржиковъ остался въ аллеѣ парка и смотрѣлъ, какъ на другомъ концѣ ея ярко свѣтилась, озаренная кострами и бенгальскими огнями, площадка. Тамъ какими-то фантастическими тѣнями кружились въ пляскѣ люди. Попадутъ въ отсвѣтъ костровъ, покажутся большими кроваво-красными призраками и исчезнутъ въ дымномъ сумракѣ темной ночи подъ тучевымъ, нахохлившимся небомъ.

Коржикову казалось, что черезъ надоѣдливые звуки танцевъ, фальшиво играемыхъ уставшими трубачами, онъ слышитъ звонъ солдатскихъ шпоръ и притопываніе женскихъ башмачковъ въ тактъ польки:—разъ-два-три!... разъ-два-три!...

Онъ злобно улыбнулся.

«Когда-нибудь допляшутся!» — подумалъ онъ и зашагалъ въ ночной темнотѣ къ далекой станціи желѣзной дороги.

XXVI

Большой маневръ долженъ былъ начаться столкновеніемъ кавалеріи. Развѣдку было приказано выслать въ 2 часа ночи.

На лугу, у господскаго дома, еще танцовали и прислуга собирала ужинъ для засидѣвшихся гостей, когда адъютантъ вызвалъ Саблина и сказалъ ему, что, такъ какъ поручикъ Фетисовъ слишкомъ много выпилъ и ему неудобно въ такомъ видѣ ѣхать въ разъѣздъ, командиръ полка приказалъ ѣхать Саблину. Саблинъ не возражалъ. Онъ прошелъ на бивакъ, приказалъ денщику разбудить вѣстового, поосѣдлать лошадь и подать ее вмѣстѣ съ разъѣздомъ къ дому управляющаго на шоссе, а самъ, съ казачьимъ офицеромъ, у котораго былъ фонарь, отправился пѣшкомъ въ штабъ дивизіи получить задачу.

Послѣ кутежа, музыки, пѣсенъ, танцевъ и женскаго смѣха, Саблину странно было увидать блѣдныя сосредоточенныя лица старшаго адъютанта штаба дивизіи, капитана генеральнаго штаба и молодого армейскаго ротмистра, причисленнаго къ академіи, склонившіяся надъ большой пестрой картой. Они были такъ серьезны, какъ-будто бы это была настоящая война. Рядомъ за перегородкой помѣщался начальникъ дивизіи съ начальникомъ штаба. Они не спали.

Начальникъ дивизіи спросилъ, кто пришелъ, и старшій адъютантъ отвѣтилъ, что пришли начальники летучихъ разъѣздовъ.

Начальникъ дивизіи, толстый, старый генералъ въ уланской формѣ, вышелъ къ нимъ. Онъ сталъ объяснять задачу и весь видъ его говорилъ: — «смотрите, не подведите и сдѣлайте такъ, чтобы маневръ разыгрался удачно и красиво».

— Главное, — говорилъ онъ, — донесенія, господа; не лѣнитесь посылать мнѣ донесенія... Освѣщайте мнѣ каждый шагъ противника.

Казачій офицеръ тщательно записывалъ все въ полевую книжку. Саблинъ надѣялся на память.

— Ну, съ Богомъ, господа! — смотрите же — донесенія! — сказалъ имъ начальникъ дивизіи.

Саблинъ вышелъ на крыльцо. Со свѣта, ему показалось такъ темно, что онъ не увидалъ своей лошади.

— Сюда, ваше благородіе. Тутъ я, — сказалъ ему вѣстовой и, взявъ за руку, подвелъ къ лошади.

— А разъѣздъ?

— Здѣсь, ваше благородіе, — услыхалъ онъ солидный голосъ взводнаго Балатуева.

Саблинъ ничего не соображалъ. Тамъ, въ комнатѣ, на ярко освѣщенномъ керосиновою лампою планѣ, онъ отлично понялъ, что надо ѣхать все прямо по шоссе, блѣдно-малиновою лентою прорѣзавшему зеленыя пространства лѣсовъ, что, проѣхавъ шестнадцать верстъ, должны были выѣхать на поляну съ маленькой чухонской деревушкой, не то Лепнелета, не то Пеппелева, что потомъ будетъ поляна, бугры, и потомъ большая деревня Колосова и за ней можно ожидать встрѣчи съ разъѣздами непріятеля. Оттуда надо было послать первое донесеніе. Но сейчасъ онъ совсѣмъ запутался въ темнотѣ. Домъ управляющаго стоялъ въ лѣсу и шоссе шло мимо него. Но куда ѣхать? Направо или налѣво?

Взводный вывелъ его изъ нерѣшительности.

— Направо, ваше благородіе, — сказалъ онъ и, не дожидаясь приказанія, выслалъ дозорныхъ.

Стукъ подковъ по щебню шоссе сталъ затихать, когда Балатуевъ почтительно сказалъ Саблину: — пожалуйте ѣхать.

— Справа рядами, лѣвое плечо впередъ, — скомандовалъ Саблинъ, — шагомъ маршъ!

Сырой и душный мракъ окружилъ его. По обѣимъ сторонамъ шоссе тянулся густой хвойный лѣсъ. Пахло хвоей, можжевельникомъ и сырымъ болотнымъ мхомъ. Прямое шоссе, покрытое лужами вчерашняго дождя, чуть сѣрѣло впереди. Саблинъ его сначала и вовсе не видалъ, и удивлялся, какъ вѣрно и ровно шелъ его Мирабо.

Проѣхали съ полчаса. Саблинъ остановилъ разъѣздъ, приказалъ слѣзть и осмотрѣть подпруги и вьюки. Такъ слѣдовало по уставу.

— Можно курить,—сказалъ онъ, чувствуя, какъ ему самому мучительно захотѣлось папиросу.

Красными точками вспыхнули огоньки и на мгнове-

ніе освѣтили неподвижно стоящихъ, казавшихся громадными въ темнотѣ, лошадей.

Въ лѣсу было тихо. Слышно было, какъ въ придорожной канавѣ журчала вода и иногда капель упадала въ нее съ вѣтки и звенѣла. Лѣсъ надвинулся глухой и темный.

Сѣли на лошадей. Надо было идти рысью и шагомъ, но Саблинъ побоялся въ этой темнотѣ идти рысью и все шелъ шагомъ.

Мѣрно стучали подковы по шоссе. Ночь убывала. Мутный и сырой наступалъ разсвѣтъ. Стали видны деревья. Телеграфные столбы уныло гудѣли по сторонамъ. Туманъ поднимался кверху и клубился надъ лѣсомъ, сбиваясь въ сѣрыя тучи.

По расчету Саблина онъ уже достаточно отъѣхалъ и пора было бы быть лѣсной полянѣ и деревушкѣ, но попрежнему глухой и сумрачный лѣсъ окружалъ его. Пошелъ мелкій, пронизывающій дождь, моросившій, какъ сквозь сито. Лѣсъ оборвался сразу, упершись въ песчаные бугры, поросшіе верескомъ и покрытые старыми пеньками. Впереди, за туманной завѣсой дождя, показались маленькіе, темные домики. Саблинъ вздохнулъ свободнѣе. Ему все казалось, что онъ не туда ѣдетъ.

— Ваше благородіе, — услышалъ онъ тревожный голосъ Балатуева. — Гусары!

Весь разъѣздъ безпорядочно, увлекая за собою Саблина, поскакалъ по шоссе. Саблинъ оглянулся. Справа и слѣва, прямо по рубленному лѣсу, полнымъ карьеромъ на перерѣзъ его разъѣзду неслись въ бѣлыхъ рубахахъ и алыхъ фуражкахъ гусары.

Непонятный и, какъ потомъ сознавалъ Саблинъ, глупый и неосновательный страхъ и волненіе охватили имъ.

Онъ далъ шпоры Мирабо и могучимъ махомъ, и Саблину казалось, очень быстро, сталъ подаваться по шоссе, боясь посмотрѣть, что дѣлается сзади. Вдругъ слѣва отъ него появилась вытянутая сѣрая лошадиная морда скачущей лошади, маленькая, породистая, загорѣлая

рука охватила его руку въ бѣлой промокшей перчаткѣ и, сильно надавливая, задержала ходъ лошади.

— Не тратьте, куме, силы; опущайтесь, куме, на дно. Насъ больше, вы въ плѣну, — услыхалъ онъ спокойный голосъ.

Рядомъ съ нимъ скакалъ на прекрасной поджарой лошади молодой поручикъ съ небольшими русыми, распущенными на концахъ, усами. Саблинъ его сейчасъ же узналъ. Это былъ знаменитость скакового поля, извѣстный спортсменъ — Ламбинъ.

Пошли шагомъ. Гусары, ихъ было восемнадцать человѣкъ бравыхъ ребятъ, въ промокшихъ рубахахъ, окружили людей Саблина и весело болтали. Саблинскій разъѣздъ въ мокрыхъ, неуклюже топорщащихся шинеляхъ, имѣлъ сконфуженный и далеко не бравый видъ.

— Какъ же это?... Дозоры-то наши! Ахъ, и дозоры, — говорилъ сзади Балатуевъ.

—А вы бы, — отвѣчалъ ему Ламбинъ, — еще выше подняли воротники; ѣдутъ, смотрятъ впередъ, а по сторонамъ ничего не видятъ. Гдѣ же ваши боковые дозоры?

Саблинъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ передъ своими людьми. Почему онъ не послалъ боковыхъ дозорныхъ? У нихъ никогда не посылали, чтобы не топтать травы. Но тутъ и травы не было. Было песчаное поле, поросшее никому ненужнымъ верескомъ, и онъ не послалъ дозорныхъ. Почему? Да потому, что никогда не думалъ о маневрѣ. Маневръ былъ для него: — обѣдъ у барона Вольфа, знакомство съ прелестной дѣвочкой, баронессой Вѣрой Константиновной, трубачи, пѣсенники, джигитовка казаковъ, танцы, фейерверкъ и только... но никогда не плѣнъ, не писаніе донесеній, не работа въ полѣ. Что такое работа на военной службѣ, онъ не зналъ. Военная служба для него была праздникъ. Саблинъ взглянулъ на Мирабо. Густая бѣлая пѣна проступила изъ-подъ ремней подперсья, онъ тяжело дышалъ и шелъ отфыркиваясь, онъ не привыкъ скакать. Рядомъ изящная сѣрая кобыла Ламбина шла воздушно, дышала, какъ-будто бы только что изъ конюшни и нисколько не согрѣ-

лась. Она была работана для маневра, для боя, для войны. Саблинъ посмотрѣлъ и на Ламбина. Онъ подъѣзжалъ къ чухонской избушкѣ. Тамъ стоялъ дневальный гусаръ, ожидая разъѣздъ.

— Очередные! — крикнулъ Ламбинъ, и два гусара отдѣлились отъ разъѣзда, чтобы везти донесеніе.

— Подождете донесенія. Унтеръ-офицеръ Свѣтозаровъ, напоить людей чаемъ и молокомъ. Двадцать минутъ отдыха, — приказалъ Ламбинъ.

«Онъ живетъ маневромъ», думалъ Саблинъ, «живетъ людьми, вѣроятно, думаетъ о войнѣ и къ ней готовитъ людей. Да и люди у него особенные. Ловкіе, проворные. Дѣлаютъ все сами». Саблинскій разъѣздъ стадомъ заѣхалъ во дворъ и не зналъ, слѣзать, или нѣтъ. Имъ опять-таки Ламбинъ распорядился.

— Слѣзайте же, — крикнулъ онъ солдатамъ Саблина. — До конца маневра останетесь. Выспаться можете, люди устали. Мои ребята васъ чаемъ напоятъ. Ваша фамилія, корнетъ? — обратился Ламбинъ къ Саблину. — Имя и отчество?

Онъ слѣзъ съ лошади и любовно потрепалъ ее по шеѣ и по щекамъ. Лошадь понимала его ласку, она слѣдила за нимъ, какъ собака, темными умными глазами.

Ламбинъ вошелъ въ избу, кинулъ по чухонски нѣсколько словъ хозяину и сѣлъ писать донесеніе. Написавъ и отправивъ очередныхъ, Ламбинъ серьезно посмотрѣлъ на Саблина.

— Ну-съ, корнетъ, было бы это на войнѣ, я бы обезоружилъ васъ и вашихъ людей, отобралъ бы лошадей и подъ конвоемъ четырехъ гусаръ отправилъ бы васъ въ тылъ. Такимъ образомъ для своего отряда вы исчезли. На маневрѣ, конечно, мы этого дѣлать не будемъ. Я оставлю васъ здѣсь, но вы дадите мнѣ слово, что до конца сегодняшняго маневра вы не подойдете къ своему полку и ничего ему ни писать, ни посылать не будете. Идетъ?

— Конечно, — смущенно пробормоталъ Саблинъ.

Гусаръ принесъ чайникъ съ чаемъ, хозяинъ подалъ стаканъ и рыжую съ красными цвѣтами чашку.

— Какъ у васъ все это налажено, — сказалъ Саблинъ. — Совсѣмъ люди особенные.

— Люди вездѣ одинаковые, — только воспитаніе разное.

— Какъ я хотѣлъ бы ближе познакомиться съ тѣмъ, какъ дѣлать солдата.

— Пикниками поменьше заниматься. Мы сегодня ночью безъ ошибки по вашимъ ракетамъ и римскимъ свѣчамъ опредѣлили, гдѣ вы ночуете. Благодаря этому, вмѣсто шести разъѣздовъ послали только три и вышли вѣрно, да и знаемъ, что столкновеніе произойдетъ вотъ здѣсь... Хотите — будемъ знакомы и впредь. Пріѣзжайте въ полкъ, спросите меня въ четвертомъ эскадронѣ. Я всегда въ полку. Ну, а теперь, до свиданья.

Ламбинъ торопливо выпилъ чашку чая и вышелъ на дворъ. Саблинъ пошелъ его провожать. Онъ видѣлъ, какъ далеко впереди все время маячили его дозоры и какъ по знаку Ламбина они пошли впередъ и врѣзались въ лѣсъ.

Дождь сыпалъ неугомонный, скучный, въ избѣ было сыро, пахло мужикомъ и овчиной, по маленькимъ стекламъ текли непрерывныя струи воды. Въ углу, гдѣ на стѣнѣ висѣли портреты Государя и Государыни, литографированная картина «ступени человѣческой жизни» и портретъ французскаго президента Фора въ черномъ фракѣ и красной лентѣ, на лавкѣ сидѣлъ старый чухонецъ и, молча, сосалъ трубку...

Намокшее тяжелое пальто давило на шею. Амуниція стѣсняла. Саблинъ снялъ съ себя амуницію и пальто, и прилегъ на лавку, подложивъ пальто подъ голову.

Чухонецъ сидѣлъ, не шевелясь, въ углу, и сипло хрипѣла его докуренная трубка. Дождь уныло билъ въ стекла и нагонялъ тоску. Саблинъ вытянулся, зѣвнулъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XXVII

— Ваше благородіе, вставайте, идутъ! — тихонько, входя на носкахъ въ избу, — сказалъ Балатуевъ. Онъ все также былъ въ мокрой шинели и при амуниціи.

— Кто идетъ?

— Самой противникъ.

За окномъ слышался мѣрный топотъ многихъ сотенъ конскихъ ногъ.

Саблинъ вышелъ на крылечко. Мимо него просторною рысью шли по обѣимъ обочинамъ шоссе уланы. Мокрыя рубахи были заляпаны грязью. За кокарды были вставлены вѣточки березы, лица были мокрыя отъ дождя, лошади блестѣли и казались темно-бурыми. Они проходили эскадронъ за эскадрономъ и за ними далеко были видны сѣрыя колонны и красныя, потемнѣвшія отъ дождя шапки гусаръ.

Впереди раздался трубный сигналъ, нѣсколько голосовъ въ разныхъ мѣстахъ закричало, и Саблинъ увидалъ, какъ эскадроны стали сворачивать съ шоссе, прыгать через канаву и все поскакало впередъ къ опушкѣ лѣса. — Тамъ поле было покрыто скачущими всадниками той дивизіи, гдѣ былъ полкъ Саблина.

Сбоку разворачивались длинными линіями казаки, но противъ нихъ бросились драгуны и часть гусарскихъ эскадроновъ и на просторной полянѣ стали видны линеечки эскадроновъ, несущихся въ атаку. Со звономъ и грохотомъ перелетала черезъ канаву конная батарея и пушки спѣшили занять флангъ. Кто то упалъ. Чья то лошадь, вымазанная грязью, безъ сѣдока, задравъ кверху хвостъ и безпокойно ржа догоняла свой эскадронъ, а упавшій бѣлымъ пятномъ лежалъ между пеньковъ рубленнаго лѣса и къ нему, прыгая по кочкамъ, катила большая бѣлая лазаретная линейка съ краснымъ крестомъ.

Въ туманѣ неперестающаго дождя края этой картины скрывались и Саблинъ не могъ разобрать, что дѣлалось тамъ, гдѣ казаки столкнулись съ гусарами и драгунами.

Все это было красиво, какъ на картинѣ и потому казалось Саблину неправдоподобнымъ.

«Развѣ такъ можетъ быть?» — думалъ онъ, — «на настоящей войнѣ? Развѣ это возможно? И если возможно — то Господи, какой же это ужасъ, война!»

— Ваше благородіе, — прервалъ его размышленія Балатуевъ. — Можно ѣхать?

Онъ помогъ одѣться Саблину и Саблинъ поѣхалъ мимо слѣзшихъ съ лошадей уланъ, атаковавшихъ эскадронъ Гриценки, къ своему полку.

— А, Саша! — ласково сказалъ ему Гриценко, стоявшій съ уланскимъ ротмистромъ впереди эскадрона. — Намокъ, озябъ, усталъ? А насъ еще куда то гонятъ. Чортъ бы ихъ бралъ! Надоѣло, да и ѣсть безумно хочется. Отъ вчерашняго баронскаго пойла голова трещитъ.

— Нашъ маркитантъ должно быть подъѣхалъ, — сказалъ уланъ. — Пойдемте закусить.

— Добре, — сказалъ Гриценко и пошелъ съ уланомъ.

— Корнетъ, пожалуйте, — по рюмочкѣ старки.

Саблинъ пошелъ съ ними. Про плѣнъ, про то, что онъ не послалъ ни одного донесенія, никто не говорилъ ни слова. Точно это было въ порядкѣ вещей. За рюмкой старки, за бутербродомъ съ ветчиной, маневръ былъ позабытъ.

Его разбиралъ среди группы полковыхъ командировъ посредникъ и онъ указывалъ на то, что эскадроны недостаточно равнялись и многіе атаковали въ пустую, не нацѣливъ противника. О развѣдкѣ совсѣмъ не говорили.

— Вотъ у васъ, баронъ, — говорилъ Древеницу толстый уланскій генералъ, — только одинъ эскадронъ попалъ на противника, а остальные такъ, зря. Хорошо, что Государя не было. Недостаточно лихо шли. Ваши атаковали рысью.

— Такъ вѣдь поле какое, — сказалъ сосѣдъ Древеница. — У меня и такъ одинъ солдатъ убился.

— Поле?.. Да, поле нехорошее, но знаете, господа, требованія великаго князя?

Командиры полковъ разъѣзжались съ разбора недовольные. Древеницъ тяжело подпрыгивалъ на своемъ сытомъ хёнтерѣ и ворчалъ по-нѣмецки.

— О, Donnerwetter! Этакій дождь. Этакое поле. Aber natürlich!*) что люди падаютъ... Полкъ! — закричалъ онъ сильнымъ басомъ — сад-дись! — и поднялъ надъ головою свой стикъ съ рукояткой въ видѣ лежащей голой женщины.

XXVIII

Эти большіе маневры были отлично задуманы и разработаны. Въ нихъ была идея. Они должны были показать, что подступы къ Петербургу очень трудны, что преодолѣть безчисленныя болотныя дефиле нелегко и Петербургъ взять нѣмцамъ, даже если удастся сдѣлать десантъ, невозможно. Командиръ армейскаго корпуса, защищавшій Петербургъ, участникъ турецкой войны, вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба, молодымъ генераломъ генеральнаго штаба, прекрасно обдумали маневръ и рѣшили запереть всѣ тѣсныя дефиле, не дать возможности развернуться гвардіи, поставить ее подъ удары батарей и тѣмъ самымъ доказать высокимъ германскимъ гостямъ, присутствовавшимъ на маневрѣ, что Русскіе начальники тонко понимаютъ военное искусство — и Петербурга не взять. Двумя утомительными ночными маршами армейскій корпусъ Сѣвернаго отряда достигъ Колесовскихъ высотъ и долженъ былъ выступить на разсвѣтѣ, чтобы окончательно припереть всѣ подступы къ Петербургу. Кавалерія была направлена въ обходъ на шестьдесятъ верстъ и, дѣйствуя спѣшенными частями, должна была срѣзать противнику коммуникаціонные пути съ его флотомъ, предполагавшимся въ заливѣ.

Смыслъ маневра путемъ осмысленныхъ приказовъ и

*) Чортъ возьми... Понятно.....

посылки офицеровъ генеральнаго штаба въ полки былъ сдѣланъ извѣстенъ всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, и, забывая утомленіе, каждый старался исполнить до мелочей приказъ.

Подходило время рѣшительнаго столкновенія. Въ десятомъ часу ночи въ маленькомъ, одиноко стоящемъ среди громадныхъ лѣсовъ, домикѣ лѣсника, были собраны полковые адъютанты отъ всѣхъ полковъ Сѣвернаго отряда и штабъ офицеръ штаба корпуса диктовалъ имъ приказъ о боѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ командиръ корпуса, плотный шестидесятилѣтній старикъ, усталo пилъ чай изъ стакана, поставленнаго на большую, разложенную на столѣ карту окрестностей Петербурга, а его начальникъ штаба, потирая руки, просматривалъ дополнительную записку о боѣ, только что имъ составленную для разсылки по полкамъ съ объясненіемъ того, что было бы, если бы бой былъ настоящимъ.

Темная тихая ночь стояла за окномъ. Дождь, лившій всѣ эти дни, пересталъ. Небо яснѣло и на немъ проступали звѣзды.

На шоссе раздались со стороны противника заливистые звонки двухъ троекъ. Они быстро приближались. Стали слышны топотъ копытъ и шуршаніе резины. Тройки остановились у домика и кто то хриплымъ, старческимъ голосомъ спросилъ — «здѣсь штабъ Сѣвернаго отряда»?

Въ комнату командира корпуса вошелъ высокій статный старикъ съ сѣдою бородою въ свитской фуражкѣ и оленьей дохѣ и съ нимъ такой же высокій, щеголеватый генералъ генеральнаго штаба въ длинномъ, черномъ сюртукѣ съ аксельбантами, подтянутомъ серебрянымъ шарфомъ. Сзади нихъ шелъ жандармскій унтеръ-офицеръ въ свѣтло-голубомъ мундирѣ съ желтыми аксельбантами. Онъ помогъ старику снять доху и удалился изъ комнаты. Пріѣхавшій былъ старшій посредникъ и членъ Государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ.

— Въ какую глушь вы забрались, ваше превосходи-

тельство. — проговорилъ онъ, протягивая большую руку въ бѣлой перчаткѣ начальнику Сѣвернаго отряда. — Мы насилу васъ отыскали. Можно будетъ стаканчикъ чая?.. Ну, какъ на завтра?

Начальникъ штаба взялъ тщательно переписанный приказъ и началъ его читать. Начальникъ Сѣвернаго отряда показывалъ посреднику на планѣ. Генералъ адъютантъ не далъ дочитать приказа до конца.

— Позвольте, ваше превосходительство. — Вы этотъ приказъ уже разослали въ полки?

— Диктуемъ адъютантамъ... Сейчасъ посылаемъ.

— Остановите диктовку. Надо совсѣмъ другой приказъ составить.

— Но, ваше высокопревосходительство, — проговорилъ вставая начальникъ Сѣвернаго отряда.

— Никакихъ возраженій. Чего вы хотите? Запереть всѣ дефилеи, устроить огневой бой, не дать гвардіи дебушировать изъ лѣса и развернуться?.. Вы угоняете дивизію кавалеріи Богъ знаетъ куда, за тридцать верстъ по невозможнымъ дорогамъ.

— Ваше высокопревосходительство, — вѣдь этимъ мы обороняемъ Петербургъ, — вставилъ начальникъ штаба.

— Ахъ, оставьте эти академическія хитрости для военной игры въ Округѣ. Вы забываете, что маневры въ Высочайшемъ присутствіи. Высочайшій поѣздъ будетъ поданъ къ девяти часамъ утра къ станціи Волосковицы. Государь Императоръ съ Августѣйшимъ гостемъ прослѣдуетъ верхомъ къ мызѣ Колосово, откуда съ холма будетъ смотрѣть на маневръ. Государыня Императрица будетъ наблюдать съ балкона. Гофмаршальской части заказанъ завтракъ на низиномъ потѣ на шестьсотъ персонъ. На этомъ полѣ будетъ производство юнкеровъ. Вы понимаете все это?

— Чего же вы отъ меня хотите? — спросилъ начальникъ отряда.

— Маневра. Красивыхъ атакъ конницы и пѣхоты на

Колосовскомъ полѣ, которое какъ будто бы нарочно создано для маневра.

— Ваше высокопревосходительство, пощадите, вѣдь маневръ потеряетъ всякую поучительность. Для чего же мы гнали людей по этой мокротѣ? 37-ая дивизія сдѣлала сорокапятиверстный переходъ по непролазной грязи и занимаетъ уже отличную позицію. Какъ я подамъ ее къ Колосову?

— Вы подадите ее, ваше превосходительство, — упрямо сказалъ старикъ. — Надо, чтобы люди видѣли своего обожаемаго Монарха. Надо, чтобы Государь видѣлъ свою безподобную армію. Не забывайте главнаго! — воспитательнаго значенія маневра! Отдайте приказъ всѣмъ остановиться на своихъ мѣстахъ, почиститься, надѣть чистыя рубахи и завтра занять мѣста такъ, чтобы гвардія могла спокойно дебушировать изъ лѣса и развернуться для сквозной атаки на полѣ. Сосредоточьте кавалерію за лѣсомъ и киньте ее часу въ десятомъ въ атаку.

— Какой же это будетъ маневръ? Это парадъ!

— Маневръ въ Высочайшемъ присутствіи, — внушительно сказалъ генералъ-адъютантъ. — Вы сами служили въ гвардіи и должны это понимать. Извольте слушаться. Я вамъ приказываю. И, повѣрьте, — многозначительно добавилъ онъ, — худого вамъ отъ этого не будетъ.

Командиръ корпуса тяжело вздохнулъ. Онъ понималъ, что генералъ-адъютантъ правъ. Маневры въ присутствіи Государя нельзя дѣлать такъ, чтобы Государь ничего не видалъ.

— Пишите, — сказалъ онъ начальнику штаба и началъ диктовать новый приказъ — диспозицію.

На разсвѣтѣ адъютанты разыскали свои части на походѣ. Полки были остановлены. Кавалерія повернула и на рысяхъ пошла обратно. Подходя къ Колосову, полки свернулись въ колонны и стали чиститься и замывать въ рѣкѣ всю грязь трехдневнаго похода. Всѣмъ стало ясно: — сегодня они увидятъ Государя.

Никто не возмущался, никто не удивлялся, потому

что каждый понималъ, что нельзя Государю показаться какъ попало.

Всѣ радовались увидѣть Государя, всѣ радовались, что наступитъ конецъ маневровъ и приблизилось время увольненія въ запасъ, по домамъ.

XXIX

Утро маневра было ясное. Солнце ярко блистало съ блѣдно-голубого осенняго неба. Паутинки высоко подымались и плыли по неподвижному воздуху. Дождевыя капли бриллiантами сверкали на листьяхъ кустовъ и на мелкой, поднявшейся послѣ укоса травѣ.

Полкъ Саблина устанавливался въ ольшаникѣ, гдѣ солдаты находили красные грибы. Вся дивизія заблаговременно выстроила боевой порядокъ для атаки на пѣхоту. Тамъ, гдѣ былъ противникъ, часто и мѣрно бухали пушки и бѣлый дымъ густыми клубами тихо подымался у лѣса. Трескотня ружей становилась сильнѣе и ожесточеннѣе. Было видно, какъ длинныя цѣпи бѣлыхъ рубахъ быстро перебѣгали по полю и ложились между скирдовъ хлѣба. Начальникъ дивизіи со штабомъ открыто стоялъ на полѣ. Онъ волновался. Онъ боялся пропустить время атаки. Волновала его и скачка по полю, гдѣ могли быть канавы, скачка, вредная для его тяжелаго тѣла и больного сердца. Спѣшенные люди, кто затиралъ ноги коню, кто, опершись о сѣдло, стоялъ и смотрѣлъ задумчиво на лѣсъ, гдѣ все чаще и чаще били пушки.

— Небось, на войнѣ такъ не постоялъ бы! — сказалъ Любовинъ, обращаясь къ своему сосѣду Адамайтису.

— А чего? — спросилъ тотъ.

— Чего, — передразнилъ Любовинъ, — да вишь какъ стрѣляетъ.

— Ну, и пущай стрѣляетъ, — спокойно возразилъ Адамайтисъ.

— Такъ вѣдь на войнѣ то, поди, и людей бьетъ!

— Ну-къ что-жъ, — еще спокойнѣе сказалъ Адамайнисъ. — Про то начальству извѣстно. На войнѣ не безъ урона.

Такая философія привела Любовина въ полное отчаяніе и онъ замолчалъ.

Начальнику дивизіи показалось, что уже можно атаковать. Вѣеромъ во всѣ стороны поскакали отъ него ординарцы. Полки сѣли на лошадей.

Еще прошло нѣсколько минутъ, и изъ лѣса стали выскакивать полевымъ галопомъ разсыпанные цѣпью полуэскадроны, сзади скакали сомкнутые полуэскадроны поддержекъ. Скачка по чистому полю, по сжатымъ хлѣбамъ увлекла солдатъ. Испуганный заяцъ выскочилъ изъ-подъ копны, сталъ метаться вправо и влѣво, попадая подъ лошадей, и ближе надвигалась вставшая съ ружьями у ноги пѣхота. И когда прошли ее и остановились, хотѣли слѣзть. Но сзади раздались сигналы — «назадъ». Прискакали ординарцы и сказали, что надо отойдти на прежнее мѣсто и атаковать снова. Атака была великолѣпна, блестяща, эффектна, но... ее не видалъ Государь. Приказано повторить ее, когда Его Величество пріѣдетъ на мызу. Теперь всѣ смотрѣли не на пѣхоту, снова залегшую цѣпями по полю, а на холмъ, гдѣ стояла двухъэтажная бѣлая дача.

Оттуда раздался отвѣтъ небольшой части. Государь поздоровался съ охотниками Егерскаго полка, забравшимися на дачу. Пестрая свита устанавливалась на холмѣ. И опять помчалась въ атаку кавалерія. Но уже прежняго увлеченія не было. Лошади вяло скакали по натоптаннымъ тропинкамъ.

Маневры, развѣдки, походъ, биваки — все было забыто. Всѣ мысли были сосредоточены на одной волнующей мысли: — «Государь здѣсь. Сейчасъ увидимъ Государя!»

Армейская пѣхота, маленькіе, загорѣлые до черноты люди, усталые, измученные походомъ, не спавшіе всю ночь, бѣгали подъ гору и отмывали въ рѣчкѣ сапоги и лица. Они обчищали другъ друга и, забывъ про

бой, про маневръ, толкаясь мѣшками, проворно выстраивались въ колонны. На всѣхъ лицахъ Саблинъ, стоявшій напротивъ, видѣлъ восторгъ ожиданія великаго счастья. Онъ самъ былъ проникнутъ этимъ восторгомъ и такъ понималъ его и ощущалъ его всею душою.

Тонкій рѣзкій сигналъ отбоя прозвучалъ у мызы, и трубачи и горнисты по всѣмъ угламъ широкой поляны, у лѣсовъ, въ лѣсу и за лѣсомъ, повторили его красивой звенящей фразой кавалерійскаго сигнала или двумя тяжелыми нотами сиплыхъ пѣхотныхъ горновъ. Стрѣльба затихла. Волны бѣлаго порохового дыма, какъ туманъ, стлались по землѣ надъ сжатыми нивами, гдѣ выстраивались теперь полки. Пѣхотные музыканты, сверкая начищенными трубами, бѣгомъ стремились къ своимъ полкамъ.

Знакомое волненіе поднялось въ Саблинѣ. Тѣ счастливыя, вдохновенныя, радостныя, себя забывающія хорошія мысли, что владѣли имъ на парадѣ, въ ожиданіи Государя, снова зашевелились въ головѣ и открылось, и стало яснымъ многое, казавшееся непонятнымъ и смущавшее его. Что главное? Маневры, скачка, рѣшеніе какой то тактической задачи, или этотъ восторгъ, заставляющій забыть усталость, удесятеряющій силы людей, дарующій радость и воспоминаніе на всю жизнь?.. Что важнѣе — разборъ посредника, его слова: — «вы побѣдили», «вамъ отходить»... или это радостное, возбужденное бормотаніе въ рядахъ строящейся пѣхоты и этотъ блескъ глазъ на простыхъ солдатскихъ лицахъ?

Опять волшебная, солнечная сказка о Русскомъ Царѣ, Божіемъ помазанникѣ! Опять великолѣпіе свиты среди озаренной солнцемъ осенней природы, у золотыхъ березъ и малиновыхъ кленовъ, подъ изумрудомъ елокъ дачнаго сада. Опять сладостный, незабываемый мигъ, свѣтлое пятно на всю темную жизнь Русскаго крестьянина!

Государь медленно спускался съ холма на поле. Рядомъ съ нимъ, на большой свѣтло рыжей лошади ѣхалъ его гость. Государь въ Преображенскомъ сюртукѣ, под-

поясанномъ серебрянымъ шарфомъ на гнѣдой [illegible] ѣхалъ шагомъ по полю. Вспыхнулъ первый, одушевленный отвѣтъ съ громкимъ, протяжнымъ с т в о - о! и за нимъ ура!.. и гимнъ. Слезы заволокли глаза Саблина туманомъ. Въ ревѣ людскихъ голосовъ, въ могучемъ, за душу хватающемъ гимнѣ онъ видѣлъ всю Россію, съ ея степями и лѣсами, съ горами, покрытыми бѣлыми ледниками, съ голубыми озерками, съ маленькими, темными деревушками, съ зелеными церковками, съ простой, трогательной вѣрой и съ ея великимъ Царемъ. И что любилъ онъ, чѣмъ восхищался, передъ чѣмъ благоговѣлъ онъ, не зналъ. Передъ Родиной ли своей, или передъ ея олицетвореніемъ — Царемъ? Если бы ему въ эту минуту сказали, что Царь — человѣкъ, со всѣми его слабостями, что онъ пьетъ водку, куритъ толстыя папиросы, что онъ просто молодой, двадцатипятилѣтній полковникъ — онъ не повѣрилъ бы. Все снова было подернуто туманомъ удаленности отъ людей, озарено солнечными лучами льющимися на него и онъ являлся отмѣченный Богомъ, какъ Его помазанникъ.

Саблинъ стоялъ впереди. Полкъ былъ построенъ развернутымъ фронтомъ и Саблинъ почувствовалъ на себѣ проницательный, ласковый взоръ Государя и замеръ отъ счастья. Саблинъ зналъ, что и люди чувствовали такъ же, какъ онъ. Онъ это понялъ по дружному, сосредоточенному отвѣту и за душу хватающему крику ура! Опять повторилось то же, что было на парадѣ: счастье снизошло на него отъ царственнаго всадника.

Государь былъ далеко. Онъ объѣзжалъ полки резерва, не [illegible] во время атаки.

Плавные звуки торжественнаго Русскаго гимна перебивались трескомъ барабановъ и ухарскими пѣснями и пѣвучими маршами, уходящей съ поля пѣхоты. Войска, отпущенныя Государемъ, расходились по бивакамъ. Скоро мимо нихъ понеслись тройки, коляски, извозчики; начальство покидало свои части и спѣшило на желѣзную дорогу, кто торопился въ только что разрѣшенный отпускъ заграницу, или въ деревню, кто просто ѣхать на

дачу къ семьѣ, кто еще проще спѣшилъ въ баню, помыться послѣ утомленія и грязныхъ ночлеговъ на маневрахъ. Полки шли по домамъ подъ начальствомъ молодыхъ офицеровъ, а болѣе того, фельдфебелей и вахмистровъ. Господамъ отдыхъ былъ нужнѣе, чѣмъ солдатамъ. Такъ было всегда — и солдаты не обращали на это вниманія.

XXX

Въ полку наступило скучное время. Строевыхъ занятій не было. Все начальство было въ отпуску. Всюду были «временно исправляющіе должность», предпочитавшіе, чтобы не напутать чего, ничего не дѣлать и всѣхъ увѣрявшіе, что они только халифы на часъ. Въ канцеляріи сидѣлъ ротмистръ вр. и. д. командира полка, корнетъ вр. и. д. полкового адъютанта, эскадронами правили корнеты, появлявшіеся ежедневно на полчаса въ эскадронной канцеляріи, чтобы выслушать рапортъ вахмистра, что все обстоитъ благополучно и подписать какія то вѣдомости и требованія.

Суетились только квартермистръ и ветеринарный врачъ. Первый спѣшно оканчивалъ ремонтъ казармъ безъ расходовъ отъ казны на полковыя средства, второй лѣчилъ лошадей и исправлялъ убытки, нанесенные маневрами. Съ утра лазаретъ наполнялся лошадьми съ набитыми спинами, хромыми, волочащими ноги. Засѣчки, растяженія, ушибы, мокрецы, все это промывалось, бинтовалось, подмазывалось, дѣлали втиранія, массажи и готовили четвероногихъ больныхъ къ новой работѣ.

Окна въ казармахъ были забрызганы краской, всюду пахло олифой, свѣже оструганнымъ деревомъ, известкой, кирпичемъ и замазкой. Солдаты въ рубахахъ и шароварахъ какого то пятаго срока, не показаннаго ни въ какой табели и состоящихъ изъ заплатъ и дыръ, лазали по крышамъ, стояли на лѣсахъ и красили, строгали, мѣсили из-

вестку, производя свой полковой ремонтъ. Увольняемые въ запасъ, то малыми командами, то по одиночкѣ уходили въ городъ, справлять гостинецъ для деревни.

Большой полковой дворъ былъ пустъ и поросъ травою. Барьеры, чучела и станки для рубки, лежали въ углу, поломанные и грязные. На нихъ сушились какія то тряпки, да подлѣ бродили вахмистерскія куры и утки.

Саблину, никуда не поѣхавшему, противно было заглядывать на дворы и въ конюшни. На квартирѣ одному было скучно. Онъ иногда цѣлый день проводилъ, лежа въ кабинетѣ съ книгой въ рукахъ. Обѣдъ ему приносили изъ собранія на квартиру. Скучно было ходить по заламъ съ занавѣшенными по лѣтнему зеркалами и портретами, гдѣ гулко отдавались шаги и садиться за большой столъ, гдѣ накрыто было пять, шесть приборовъ и сидѣлъ одинъ дежурный по полку.

Саблинъ думалъ, подводилъ итоги прожитому году. Что пріобрѣлъ онъ за этотъ годъ офицерства? Умѣніе одѣваться по формѣ. Онъ узналъ, что при сюртукѣ съ эполетами нельзя носить высокіе сапоги, что въ ложахъ надо быть при эполетахъ и привозить дамамъ конфеты, что есть приличные и неприличные клубы, что въ приказчичій клубъ на Владимірскомъ ходить неприлично даже и для игры, также нельзя посѣщать и благородное собраніе на Мойкѣ. Онъ узналъ и большее. Узналъ, что любить можно кого угодно, — но любовь должна быть скрыта. Что Китти можетъ пріѣхать на квартиру Гриценки и на глазахъ у пѣсенниковъ, трубачей и прислуги ее можно цѣловать, но съ нею нельзя пройтись подъ руку по Павловскому парку, куда входъ нижнимъ чинамъ воспрещенъ.

Онъ бросился къ Китти. Хотѣлъ у ней снова опьяниться страстью. Взволнованное воображеніе рисовало ее опять соблазнительно прекрасной. Но на дачѣ ее не оказалось. Саблинъ поѣхалъ на Офицерскую. Тамъ была одна Владя. Она сказала, что Китти уѣхала куда то далеко, въ провинцію. Можетъ быть, вышла замужъ не то за аптекаря, не то за музыканта. Владя смѣялась въ

лицо Саблину. Странно было видѣть, что Владя такъ же щурила глаза, какъ Китти и глаза у нея были такіе же большіе, какъ у Китти, только сѣрые. Близость полнаго тѣла и бѣлыхъ рукъ, обнаженныхъ до локтя, волновала Саблина.

— Да войдите же, чего стоите! Я одна, — смѣялась Владя.

Гостиная была полна воспоминаній. Только гіацинтовъ въ ней не было. Стояли лохматыя хризантемы.

— Ну, снимайте пальто.

Было странно, что онъ такъ любилъ Китти, такъ хорошо говорилъ о ней съ Владей, а остался у Влади. Она цѣловала его, а онъ называлъ ее такъ же «мишкой». Но все кончилось очень просто и, когда Саблинъ засовывалъ растрепанной Влади за корсетъ кредитный билетъ, ему не было совѣстно, и Владя, смѣясь, говорила, что это «на булавки».

Все это было пошло, — но Саблинъ не могъ не сознать, что это удивительно удобно, никого не шокировало и не марало мундира полка. Но послѣ этого жизнь стала еще скучнѣе и еще больше хотѣлось выйти изъ ея тенетъ и поставить ее идейно.

Онъ вспомнилъ Ламбина. Надо стать такимъ, какъ онъ. Надо серьезно изучить свое ремесло. Стать близко къ солдату, узнать его душу и тогда сознательно воспитывать въ беспредѣльной преданности Государю Императору. Это чувство любви къ Государю осталось незыблемо прекраснымъ и мечта о немъ радостно волновала сердце и мысли о немъ были святыми.

Подумалъ — не идти-ли въ академію. Академія въ полку была не въ модѣ. Туда шли больше артиллеристы, саперы, армейская пѣхота, — семейные люди. Шли отъ голода. Но Саблинъ пойдетъ — идейно. Чтобы расширить горизонтъ своихъ знаній и стать образованнымъ офицеромъ.

Онъ досталъ программу, книги... Просмотрѣлъ.

Учить пришлось бы всю исторію, начиная съ древней, по Иловайскому. Повторять всѣ эти сказки про Периклов, Агезилаевъ, Алкивіадовъ. Потомъ требовалось извлекать квадратные и кубическіе корни, снова знакомиться съ таблицей логарифмовъ, рѣшать задачу о двухъ курьерахъ и свѣтящихся точкахъ. Нужно было по нѣмой картѣ угадывать рѣки Россіи и называть города и губерніи... Все это показалось скучнымъ и безцѣльнымъ для того, что онъ хотѣлъ знать и онъ отложилъ академію до лучшихъ временъ.

«Буду учиться у Ламбина и у жизни», думалъ Саблинъ, «войду въ солдатскую семью, буду изучать ее на мѣстѣ въ эскадронѣ, заведу дружбу съ солдатами, заставлю ихъ открыть свою душу».

Саблинъ вспомнилъ всегда почтительнаго унтеръофицера Балатуева, на все отвѣчающаго готовыми отвѣтами: — «такъ точно», «никакъ нѣтъ», «не могу знать», — «не солдатское это дѣло», вспомнилъ тупого Артемова. Тотъ только потѣлъ и молчалъ при разговорѣ на вольныя темы съ «его благородіемъ» и мука отражалась на его лицѣ.

«А Любовинъ? Любовинъ — солдатъ и въ то же время свой человѣкъ — образованный. Любовинъ станетъ мостомъ. По нему Саблинъ пройдетъ въ солдатскую среду и станетъ другомъ солдатъ. Они говорили же про пѣсни, и какъ умно и хорошо говорилъ Любовинъ. Любовинъ отъ него узналъ ноты и Саблинъ научилъ его многимъ хорошимъ нотнымъ пѣснямъ. Теперь, при помощи Любовина. онъ сблизится со всѣмъ взводомъ. Узнаетъ душу солдатскую и научится вліять на нее. Вотъ, когда онъ станетъ настоящимъ офицеромъ. Мацневъ не будетъ смѣяться надъ нимъ. Онъ сдѣлаетъ цѣлыя открытія въ этой области, гдѣ еще никто не занимался.»

Саблинъ бросилъ книгу, надъ которой задумался, въ два глотка допилъ холодный чай, вскочилъ съ дивана и пошелъ въ эскадронъ.

XXXI

Въ эскадронѣ было пусто и прохладно. Всѣ окна были открыты настежь. Матрацы, одѣяла и подушки вынесены на дворъ. Кровати стояли, открывъ свои доски и имѣли скучный, нежилой видъ. Дежурный бойко отрапортовалъ Саблину и эхо вторило ему въ пустомъ залѣ. Человѣкъ двѣнадцать солдатъ, мывшихъ полы, вытянулись съ мокрыми тряпками въ рукахъ, и съ тряпокъ текла и струилась мутная грязная вода.

— Гдѣ Любовинъ? — спросилъ Саблинъ.

— Въ эскадронной канцеляріи, — отвѣчалъ дежурный.

Саблинъ прошелъ въ конецъ казармы и открылъ большую дверь, ведущую въ маленькую комнату. Это была эскадронная канцелярія. Послѣ ярко-освѣщенной сентябрскимъ солнцемъ казармы, въ ней показалось темно. Воздухъ былъ спертый. Пахло чѣмъ то кислымъ. Любовинъ былъ одинъ. Онъ корпѣлъ надъ громаднымъ провіантскимъ листомъ, сводя по нему расходъ капусты, гороха, лука и т. п. Онъ нехотя всталъ и негромко отвѣтилъ на привѣтствіе, проглатывая «ваше благородіе». Саблинъ сѣлъ на нагрѣтый табуретъ Любовина и отпустилъ сопровождавшаго его дежурнаго. Они остались одни съ глазу на глазъ съ Любовинымъ и Саблину подъ настойчивымъ любопытнымъ взглядомъ солдата стало неловко.

«Съ чего начать?» подумалъ онъ. Любовинъ стоялъ, опустивъ руки по швамъ и видно было, что его это утомляло.

— Любовинъ, я пришелъ къ вамъ, — неожиданно для самого себя переходя на вы, сказалъ Саблинъ, — за совѣтомъ.

Удивленіе выразилось въ карихъ глазахъ Любовина. Онъ согнулъ ногу въ колѣнѣ и заложилъ руки за спину. Саблина это покоробило, но онъ промолчалъ. Пришелъ онъ съ сердечной бесѣдой и «формалистика» и «руки по швамъ» здѣсь, пожалуй, были бы и не у мѣста. Онъ бы

даже посадилъ Любовина, но въ маленькой канцеляріи былъ всего одинъ табуретъ.

Любовинъ молчалъ и Саблина это мучило.

— Да, — продолжалъ онъ. — За совѣтомъ. Вы живете въ эскадронѣ одною жизнью съ солдатами, вы ихъ знаете хорошо. Я офицеръ. Вмѣстѣ умирать будемъ — самъ не понимая для чего, сказалъ Саблинъ и почувствовалъ всю неумѣстность этихъ словъ. — А между тѣмъ мы далеки другъ отъ друга. Солдаты не знаютъ меня, я не знаю ихъ. А мы — братья. Мы братья не только по Христу, какъ всѣ люди, но братья по полку, такъ какъ подъ однимъ святымъ штандартомъ присягали и одному Государю служимъ. Вотъ я и хотѣлъ бы, чтобы вы помогли мнѣ стать въ такія отношенія къ солдату, чтобы мы стали не чужими, а родными. Какъ братья. И я зналъ бы все, что таится въ ихъ душѣ.

Любовинъ смотрѣлъ недоброжелательно на Саблина. Ему показалось, что Саблинъ пришелъ въ цѣляхъ сыска и шпіонажа и хочетъ воспользоваться для этого имъ, Любовинымъ. Онъ посмотрѣлъ въ открытое, честное лицо Саблина, въ его ясные глаза, не умѣющіе лгать и понялъ, что Саблинъ имѣетъ не худыя намѣренія.

— Это, ваше благородіе, невозможно, — тихо сказалъ онъ.

— Но почему? На службѣ, въ строю, мы будемъ — офицеръ и солдаты, а внѣ службы — товарищи.

— Вотъ это то и невозможно, — повторилъ Любовинъ. Вы — баринъ, они темные, сѣрые люди. Они васъ боятся.

— Но теперь крѣпостного права нѣтъ и всѣ люди вольные. Какіе-же теперь бары?

— Слишкомъ вы разные. Чтобы вы стали товарищами, чтобы вы могли въ полной отчетливости понять солдата, а солдатъ понялъ бы васъ, надо, чтобы вы стали одинаковыми. Или вы спустились бы до солдата, или солдатъ поднялся бы до васъ.

— Я не понимаю васъ, Любовинъ.

— Извольте, я вамъ сейчасъ объясню. Это все, ваше

благородіе, формально начинается. Приходите вы въ эскадронъ. Корнетъ Ротбекъ командуетъ вамъ: «смирно». Вы сейчасъ это съ корнетомъ Ротбекомъ за ручку. Наше вамъ почтеніе, молъ: Разговоръ. Гдѣ вчера были? Какъ опера, или тамъ дѣвица такая. А солдатамъ — «здорово ребята». Да смотрите, чтобы отвѣтъ громкій былъ и головы на васъ повернуты были. Солдатъ это чувствуетъ. Вотъ, если бы вы ему ручку, да какъ молъ, Павелъ Ивановичъ, ночку провели — онъ почуялъ бы, что стѣны то нѣтъ. Возьмемъ далѣе. Какой разговоръ у васъ съ солдатомъ, — «Какой губерніи?» — «Вятской, ваше благородіе.» «А уѣзда, волости? Родители есть? Чѣмъ занимаешься?» — Ну, точно, слѣдователь, или становой выспрашиваете. Солдатъ этого не любитъ. А вы ему про себя разскажите. Вотъ, молъ, какъ я живу.

Любовинъ помолчалъ немного, отставилъ ногу — и испытующе посмотрѣлъ на Саблина. Саблину совсѣмъ стало неловко.

— Да вѣдь разсказать то этого нельзя — тихо, шопотомъ, сказалъ Любовинъ.

— Почему? — еще тише спросилъ Саблинъ и почувствовалъ, какъ ноги у него точно свинцомъ налились.

— Жизнь то не такая... Оберните ее на солдата. Похвалили бы вы его за такую жизнь?.. Вотъ и выходитъ: — одно для солдата, другое для васъ. И ему про себя никакъ нельзя сказать вамъ правду.. Ну, какъ онъ скажетъ, что у [illegible] двугривенный укралъ, или овса дачу продалъ булочнику, или коня вилой пырнулъ, просто такъ, балуясь. Вѣдь вы за это не похвалите. Не посмѣетесь съ нимъ вмѣстѣ. «Ловко», молъ, «бестія устроилъ. Такъ молъ и надо, отчего не побаловаться». Вамъ это нельзя. Подъ арестъ... подъ судъ... Да можетъ быть, оно такъ и надо. Вотъ и стала между вами ложь. А какъ ее обойдешь? Ни вамъ солдату правды сказать, ни ему вамъ. А когда правды между вами нѣтъ — то стала стѣна и какъ ее перелѣзешь?

— Ну, Любовинъ, а если, предположимъ, читать солдатамъ, — сказалъ задумчиво Саблинъ.

— Что же, ваше благородіе, дѣло хорошее. Солдатъ это любитъ. Только безполезное это дѣло. Что вы ему читать будете? Вотъ поручикъ Фетисовъ этою зимою на занятіяхъ словесностью Тараса Бульба солдатамъ читалъ. Солдаты съ истиннымъ удовольствіемъ слушали, ну а польза какая? Никакой. Солдатъ слушаетъ, а самъ думаетъ — «все это сказка. Вотъ ладно придумано». Онъ тутъ, какъ малый ребенокъ. Принесите серьезную газету, почитайте, растолкуйте, вотъ тутъ-то онъ другой будетъ. Солдата интересуетъ его дѣло. А его дѣло какое — коли онъ крестьянинъ — земля, коли онъ рабочій — капиталъ. Васъ онъ слушать не станетъ. Да вы ему и не скажете, какъ это улучшить его положеніе. Онъ пойдетъ къ тому, кто его этому научитъ. Вы для него всегда помѣщикъ и капиталистъ и между вами: — стѣна.

— Но, Любовинъ, какъ же это такъ? Значитъ вы въ основу всего ставите соціальныя отношенія?

— Такъ точно, ваше благородіе. Прежде равенство, потомъ братство. А вѣдь у насъ какое равенство? Даже передъ закономъ и то равенства нѣтъ. Для солдата законъ одинъ, для офицеровъ другой. Солдатъ солдату въ морду далъ — ну и ладно, — а у насъ, если до такого грѣха дошло — преступленіе. Дуэль! Если кто изъ господъ на службу проспитъ — пустяки, а нашего брата подъ арестъ. Вотъ снимите эту стѣну — тогда и откроется душа солдатская.

— Это невозможно. То, о чемъ вы говорите, Любовинъ... Я не знаю, понимаете ли вы? Но вѣдь это — соціализмъ.

Любовинъ молчалъ.

— Любовинъ, — сказалъ Саблинъ, устремляя свой пытливый взоръ въ каріе глаза солдата, — тогда, наканунѣ парада въ Красномъ Селѣ, это были вы, Любовинъ, кто говорилъ со мною ночью. Это былъ ты! — воскликнулъ, вставая, Саблинъ.

Любовинъ спокойно выдержалъ взглядъ Саблина.

— Я не знаю, о чемъ вы говорите, ваше благородіе, —

медленно проговорилъ онъ, становясь смирно и вытягивая руки по швамъ.

Гадко, противно и склизко стало на сердцѣ у Саблина. Онъ всталъ и вышелъ изъ канцелярiи.

XXXII

— Ну, каковы? — спросилъ Степочка, въ десятый разъ оглядывая внутреннiй караулъ, построившiйся для смѣны на главной гауптвахтѣ Зимняго дворца. Полковой закройщикъ Пантелѣевъ съ громадными ножницами въ рукахъ и съ двумя помощниками со щетками, согнувшись, нагибая свою плѣшивую сѣдую голову и щурясь проходилъ вдоль караула, подравнивая ножницами полы мундировъ.

— Пантелѣевъ! пушинку сними... Не тамъ... У второго съ праваго фланга. Не видишь. На плечѣ у самаго погона... Такъ хорошъ? говорите вы, — обратился Степочка къ дежурному плацъ-адъютанту, пришедшему, чтобы вести смѣну.

— Великолѣпенъ, полковникъ. И, знаете, что хорошо. Русская южная красота. Вы замѣчательно подобрали. У всѣхъ маленькiе усики. Всѣ, какъ одинъ на лицо, кровь съ молокомъ, легкiй загаръ. Тутъ на прошлой недѣлѣ кавалергарды караулъ выставили. Начальникомъ — баронъ Моренгеймъ. Вы его знаете. Сажень роста, розовый, безусый, и весь караулъ такой. Ну, просто, парные телята, да и только. Всѣ свѣтловолосые гиганты. А, знаете... мнѣ не понравился. Не Русское что то. Не то нѣмцы, не то чухны. А вотъ ваши, несмотря на форму — Русскiе богатыри. Такъ на картину изъ сказки и просятся... Великолѣпны!.. И офицеръ писаный красавецъ.

— Да! Удался.

Степочка, взглядомъ художника, закончившаго картину, оглядѣлъ еще разъ караулъ, вздохнулъ и спросилъ плацъ-адъютанта: — что же, пора вести?

Плацъ-адъютантъ посмотрѣлъ на часы и отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Еще полторы минуты. Комендантъ будетъ на смѣнѣ и, можетъ быть, великій князь. Вчера казачьяго начальника караула на трое сутокъ на губу отправили. По Невскому велъ караулъ мимо дворца. На лѣвомъ флангѣ казакъ не въ ногу шелъ. Бѣда съ этими людьми.

– Красоты не понимаютъ.

— Въ ней родиться надо, полковникъ.

Плацъ-адъютантъ взглянулъ на часы и сказалъ торжественно: — ведите.

Степочка еще разъ вздохнулъ. Ему тяжело было разставаться съ людьми, любовно имъ подобранными изъ всего полка, тщательно вымуштрованными и одѣтыми въ нарочно сшитые мундиры.

— Ведите, корнетъ Саблинъ, — сказалъ онъ устало.

Саблинъ вышелъ по уставу передъ караулъ и сдержаннымъ, ровнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Караулъ! Палаши — вонъ. На пра-во. Шагомъ маршъ.

Степочка крестилъ караулъ и осматривалъ каждаго солдата любовнымъ восторженнымъ взглядомъ. Высокіе блестящіе сапоги дружно скрипѣли, позванивали шпоры, и караулъ шелъ, держа палаши у плеча. Онъ прошелъ мимо толпившихся солдатъ пѣхотнаго наружнаго караула, мимо своихъ кучками сложенныхъ мундировъ и шинелей, въ которыхъ пришелъ, свернулъ на узкую лѣстницу и на ней растянулся. Входя въ свѣтлую галлерею, увѣшанную батальными картинами, правый флангъ задержался, люди подтянулись, сомкнулись и, ровно скрипя сапогами, стараясь ступать наноскахъ, вошли въ громадный Николаевскій залъ. Кавалергардскій караулъ выстроился навстрѣчу и мальчикъ-офицеръ дѣтскимъ голосомъ скомандовалъ: — «палаши вонъ!»

Саблинъ заводилъ свой караулъ плечомъ. Графъ Адлербергъ, комендантъ, знатокъ этого дѣла и великій князь стояли у дверей и смотрѣли на смѣну карауловъ. Волненіе охватило Саблина. Все было просто, проще любой фигуры кадрили, а вотъ волновался, боялся напутать, не то скомандовать. Караулы стали другъ противъ

друга. Дѣйствительно, караулъ Саблина былъ картина. Это была выставка Русской мужской красоты и, можетъ быть, ни одно государство въ мірѣ не могло бы подыскать такихъ одинаковыхъ людей, въ которыхъ красота и изящество черть, тонкіе носы, маленькіе усики, большіе глаза, опущенные длинными рѣсницами, загнутыми вверхъ, сочетались бы съ физической силой, широкою грудью и сильными ногами.

Люди взяли на караулъ и застыли. Только желто-красные темляки тихо качались подъ кулаками въ бѣлыхъ перчаткахъ. Саблинъ поднялъ палашъ къ подбородку и пошелъ къ серединѣ караула. Маленькій кавалергардъ вышелъ ему навстрѣчу. Они остановились и опустили палаши къ носкамъ.

— Корнетъ Саблинъ. Пароль, Варшава, — тихо, чуть слышно сказалъ Саблинъ.

— Корнетъ Шостакъ, — также тихо отвѣтилъ кавалергардскій офицеръ.

Оба одновременно подняли палаши къ подбородку, отчетливо повернулись кругомъ, мягко щелкнули шпорами и отошли къ своимъ карауламъ. Они священнодѣйствовали. Блестящіе полы штучнаго паркета, портретъ государя Николая Павловича на пѣгомъ конѣ, такъ написанный, что гдѣ бы ни былъ зритель въ залѣ, откуда бы ни смотрѣлъ, все казалось, что государь скачетъ и смотритъ прямо на него, громадное помѣщеніе, люстры изъ бронзы, увѣшанныя хрустальными подвѣсками — все это поднимало духъ. Здѣсь не ляжешь спать, не станешь бѣгать и кричать, и люди здѣсь казались не людьми, а часовыми и карауломъ, вызваннымъ охранять священную особу Государя.

Караулъ Саблина заступилъ на мѣсто кавалергардовъ. Кавалергарды вышли изъ зала. Смѣна кончилась. Парные часовые стали у дверей. Великій Князь, комендантъ и плацъ-адъютантъ, вполнѣ довольные правильностью и точностью смѣны, ушли изъ залы. Солдаты сѣли въ особыя, дубовыя кресла, гдѣ сидѣть было неудобно. Они сидѣли, какъ изваянія. Каски тускло мерцали за-

гѣненные стѣною. Лакей въ красномъ кафтанѣ, обшитомъ позументомъ съ черными, государственными гербами пододвинулъ большое малиновое кресло съ золотыми ножками и ручками, небольшой столъ, накрылъ его скатертью и почтительнымъ шопотомъ доложилъ Саблину:
– «сейчасъ подамъ вамъ фрыштыкать».

Саблину не хотѣлось ѣсть. Люди караула, сидѣвшіе сзади и внимательно смотрѣвшіе, что подавали и что ѣлъ ихъ офицеръ во дворцѣ, у Государя, стѣсняли. Было подано красное вино въ хрустальномъ графинѣ, но Саблинъ къ нему не притронулся. Онъ совѣстился людей караула. Онъ ѣлъ супъ кремъ д'аспержъ, котлеты де воляйль, обернутыя гофрированными бумажками, рисовое сладкое пирожное, ему поставили вазочку съ яблокомъ, грушей и виноградомъ.

Опять чувствовалась разница между нимъ и его солдатами. Невольно вспомнился разговоръ съ Любовинымъ осенью послѣ маневровъ и чувствовалось, что невозможно сойтись на равную, братскую ногу. Онъ былъ гостемъ у Государя и Государь кормилъ его со своего стола. Они были слуги. Имъ привезли изъ полка не обѣдъ, а горячую пищу въ котлѣ, закутанномъ сукномъ и они поочереди ходили ѣсть на главную гауптвахту.

Въ залѣ было тихо. У дверей дремотно сидѣли лакеи, неподвижно стояли часовые. Съ Невы, замерзшей и покрытой снѣгомъ, тянуло холодомъ. Слышался по торцу подсыпанному снѣгомъ топотъ лошадей. Столица жила своею жизнью. Здѣсь жизнь давно застыла и казалось залъ былъ полонъ призраками прошлаго.

Странно было сознавать, что въ двадцати шагахъ, по ту сторону зала тянется прекрасная Помпеевская галлерея, увѣшанная картинами кисти Рубо, Дмитріева Оренбургскаго, Кившенки, изображающими всю войну 1877—78 годовъ, и нельзя подойти посмотрѣть эти картины. Тамъ, въ серединѣ галлереи, устроено чудо Семирамиды — большой зимній садъ во второмъ этажѣ, растутъ латаніи, вѣерныя пальмы, музы, висятъ причудливыя орхидеи, а войти туда нельзя. Нельзя отойти отъ караула. И вый-

ти Саблинъ можетъ только въ сопровожденіи трубача. Онъ охранялъ Государя, но онъ не видалъ его. Онъ зналъ, что квартира Государя, называемая «внутренними покоями», находится за Фельдмаршальскимъ заломъ, гдѣ стоятъ казаки, что тамъ будетъ коридоръ, въ коридорѣ высокія двери, гдѣ стоятъ часовые пѣхотнаго караула, тамъ же стоятъ часовые казаки, тамъ же бродятъ, мягко ступая сапогами безъ каблуковъ конвойцы и сидятъ чины дворцовой полиціи. Громадный дворецъ полонъ людьми, стоящими на постахъ и въ то же время пустъ до унынія. Въ двери видна зала, за нею еще зала, и еще зала, и всюду у дверей лакеи, кое-гдѣ парные часовые и никого, ж и в у щ а г о во дворцѣ. Было жутко отъ тишины мертвыхъ стѣнъ, нарушаемой тихими крадущимися шагами, да негромкимъ, точно испуганнымъ, кашлемъ. Пройдетъ проворными шагами скороходъ, но и онъ не похожъ на живого человѣка. Круглая шляпа съ бѣлыми, желтыми и черными страусовыми перьями, черный, расшитый золотыми лентами кафтанъ, бѣлые брюки въ обтяжку до колѣнъ, высокіе чулки и черные башмаки съ бантами, дѣлали его похожимъ на тѣнь прошлаго, или на слугу изъ сказки Перро.

Зимній день проходилъ. Всего четыре часа, — а уже густѣли сумерки въ высокихъ углахъ бѣлаго съ золотомъ мраморнаго зала, со стѣнами, увѣшанными серебряными и золотыми блюдами. Каждое блюдо было образцомъ чеканнаго и граверпаго искусства, каждое блюдо имѣло свою исторію любви и преданности Монарху. На этихъ блюдахъ города и губерніи, земства и крестьяне, дворяне и купцы подносили своему Государю хлѣбъ-соль. На нихъ искусной чеканкой и рѣзьбой были нарисованы цѣлыя сцены, виды городовъ и эмблемы...

Они тускло свѣтились въ надвинувшихся сумеркахъ и вдругъ потонули. Вспыхнули кое-гдѣ по залу электрическія лампочки, засвѣтилось нѣсколько свѣчей въ центральной люстрѣ, но неразсѣяли мрака. Холодно и жутко стало въ громадной залѣ.

На столѣ передъ Саблинымъ поставили керосиновую лампу подъ абажуромъ. Подали обѣдъ...

День проходилъ. Ночь надвигалась на тихій дворецъ.

XXXIII

Полна была призраками ночь. Саблинъ вспомнилъ разсказъ о томъ, что, незадолго до смерти Анны Іоанновны ея тѣнь появилась во дворцѣ. Она вышла изъ дверей запасной половины въ тронную залу и медленно стала ходить по залѣ взадъ и впередъ, ни на кого не обращая вниманія. Она была такъ ясно видна, такъ несомнѣнно было, что это ходитъ императрица, что караульный офицеръ вызвалъ караулъ въ ружье. Императрица прошла мимо, внимательно оглядывая обомлѣвшихъ отъ страха часовыхъ и кивнула головою офицеру. Этотъ случай записанъ въ исторіи того полка, отъ котораго былъ караулъ. Всѣ люди караула подъ присягой подтвердили, что они видѣли тѣнь-двойникъ императрицы.

Что удивительнаго, что это было? Было бы удивительнѣй, если бы такія вещи не могли быть, когда здѣсь во дворцѣ все было такъ необычно и непохоже на жизнь. Здѣсь жили монархи, и отсюда управлялась ими вся великая Россія!

Здѣсь умерла императрица Екатерина II, переписывавшаяся съ Вольтеромъ, принимавшая у себя великихъ людей своей эпохи, сказочная царица, воспѣтая Державинымъ. Здѣсь ходили въ пудреныхъ парикахъ, здѣсь говорили комплименты, и грубые дворяне русскихъ степей учились здѣсь французскому придворному лоску. Здѣсь безумный императоръ Павелъ соединилъ гробы императора Петра III и Екатерины II и два враждебныхъ мертвеца свидѣлись здѣсь на глазахъ у многочисленныхъ подданныхъ. Сюда пріѣхалъ изъ Гатчины Павелъ съ Аракчеевымъ заводить свои порядки. Отсюда мистикъ Александръ I писалъ письма Наполеону. Сюда призвалъ

императоръ Николай I Рылѣева и отсюда отправилъ его на висѣлицу. Здѣсь умиралъ въ лужѣ крови, съ разбитыми ногами, Царь-Мученикъ, кровью заплатившiй за то, что далъ свободу милліонамъ рабовъ...

Кровь... Кровь... Кровь была кругомъ. Кровь страшныхъ войнъ здѣсь подписанныхъ, кровь эшафотовъ и висѣлицъ, смертныхъ приговоровъ, здѣсь утвержденныхъ.

Саблинъ сидѣлъ въ креслѣ и дремота не могла имъ овладѣть. Страшно было. Здѣсь раздался взрывъ и караулъ Финляндскаго полка обратился въ кучу труповъ и стонущихъ, изломанныхъ людей, залитыхъ кровью и осыпанныхъ обломками камней и штукатуркой.

Каждую минуту, каждый часъ опасность грозитъ Государю. За что? Только за то, что онъ Государь. Только за то, что онъ имѣлъ несчастье родиться отъ коронованныхъ особъ и взять на себя тяжелый крестъ и бремя власти. Сотни людей охотятся за нимъ, учреждаются тайныя общества, чтобы уничтожить его, и съ нимъ погубить Россію.

И въ этихъ покояхъ — нѣтъ покоя!

Тамъ, за дверьми краснаго дерева, украшенными бронзой, въ парадной спальнѣ спитъ молодая Императрица. Какъ ей должно быть холодно и жутко въ этой чужой странѣ, съ чужими людьми и чуждымъ языкомъ!

Саблинъ видѣлъ ее, высокую, холодную, съ русыми золотистыми волосами, съ нѣжнымъ румянцемъ и сѣрыми большими глазами... Прекрасную...

Спитъ ли она теперь въ этомъ чужомъ дворцѣ, въ зимнемъ холодѣ сѣверной столицы? Если не спитъ, о чемъ думаетъ. Томятъ ли ее страшные призраки, и мысли о вѣчной опасности, о неутомимомъ преслѣдованiи дикихъ, чужихъ людей и не даютъ ей покоя? Или забылась и спитъ крѣпкимъ сномъ, не думая о новой, непонятной жизни?...

И вдругъ дворецъ наполнится шумомъ и говоромъ, бѣгущими людьми, затрещатъ выстрѣлы часовыхъ, отдаваясь гулкимъ эхомъ, и здѣсь начнется страшная война за Государя?

Онъ, Саблинъ, сумѣетъ умереть за Государя. Онъ считаетъ это счастьемъ для себя... А какъ они?

Саблинъ всталъ съ кресла и прошелъ вдоль караула.

Они сидѣли, какъ изваянія, положивъ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ на колѣни и дремали. Хотѣлъ спросить ихъ и не зналъ, какъ спросить и что спросить!... Поймутъ ли его тревогу?

Саблинъ подошелъ къ громадному окну. Нева была пуста. Луна свѣтила съ парчеваго неба. Сверкалъ шпиль Петропавловскаго собора и Ангелъ, повисшій на немъ, казался страннымъ видѣніемъ. Вѣтеръ несъ поземку по Невѣ и, казалось, что тѣни прошлаго бѣгутъ съ нею отъ крѣпости къ дворцу. Какъ странно было устроить усыпальницу царей — и рядомъ казематы государственныхъ преступниковъ. Слышатъ ли спящіе тамъ набальзамированные монархи выстрѣлы разстрѣливаемыхъ преступниковъ и предсмертный шопотъ людей, отправляемыхъ на висѣлицу? Слышатъ ли трескъ барабановъ?

Куранты заиграли на соборѣ. Ихъ слышитъ въ своей спальнѣ Императрица. Какъ-то отзывается ихъ печальный перезвонъ въ ея одинокой душѣ?

Точно тѣни отдѣлились отъ Іоанновскихъ воротъ и понеслись къ дворцу. Тѣни императоровъ спѣшили къ дворцу. За ними гнались тѣни тѣхъ, кто жизнь отдалъ, чтобы погубить Россію. Восторженный поэтъ Рылѣевъ, измѣнники-офицеры Пестель и Муравьевъ... — Желябовъ, Рысаковъ и сотни другихъ. Можетъ ли его караулъ бороться съ призраками?

Набережная точно вымерла. Ни одного извозчика, ни пѣшехода не было на ней. Группа странно одѣтыхъ людей, точно идущихъ съ маскарада, безъ дороги, шла по глубокому не наѣзженному снѣгу черезъ Неву. Впереди высокій человѣкъ, въ треугольной шляпѣ, кафтанѣ и ботфортахъ съ раструбами и съ тяжелою тростью въ рукахъ. За нимъ дамы въ робронахъ и фижмахъ, въ бѣлыхъ парикахъ. Дальше, мундиры съ лацканами, высокіе воротники, шитые золотомъ. Сзади всѣхъ четыре служителя въ красныхъ кафтанахъ несли красиваго генера-

ла съ сѣдѣющими бакенбардами. Лица всѣхъ были прозрачно-блѣдны. Когда они подошли ближе и стали подниматься на набережную по гранитнымъ ступенямъ, Саблинъ увидалъ, что глаза ихъ закрыты: это шли мертвецы. Они вошли во дворецъ. Сталъ слышенъ шумъ ихъ торопливыхъ шаговъ, приближавшихся къ дверямъ зала. Саблинъ хотѣлъ крикнуть караулу «въ ружье»... и не могъ. Свинцовая тяжесть разлилась по тѣлу. Сонмъ призраковъ врывался въ залъ. Громко треснула дверь.... Распахнулась... Саблинъ проснулся.

Онъ сидѣлъ на стулѣ у окна и спалъ въ неудобной позѣ. Солдатъ караула уронилъ каску и ея стукъ разбудилъ Саблина. Въ залѣ былъ полумракъ. Тускло горѣли по угламъ и въ люстрѣ рѣдкія электрическія лампочки. Неподвижно, тяжело вздыхая, сидѣли люди караула. Въ сосѣднемъ залѣ кто-то сдержанно, хрипло, по-ночному кашлялъ. Саблинъ заглянулъ въ окно. Мѣсяцъ стоялъ все на томъ же мѣстѣ. Тускло блисталъ шпиль Петропавловскаго собора. Метель курила по Невѣ. На Мытной набережной, въ пятиэтажномъ домѣ, свѣтилось одно далекое окно.

Какой-то человѣкъ два раза прошелъ взадъ и впередъ по набережной, заглядывая въ окна и безпокойно озираясь. Онъ былъ, несмотря на зиму, въ одномъ распахнутомъ пиджакѣ. Изъ-подъ него виднѣлась темно-синяя рубаха. Большой финскій ножъ висѣлъ спереди на ремнѣ и два револьвера были съ боковъ. Человѣкъ въ черной шляпѣ рѣшительно подошелъ къ окну, гдѣ былъ Саблинъ, скинулъ пиджакъ и быстро и ловко, какъ обезьяна, цѣпляясь за выступы украшеній дворца, полѣзъ по водосточной трубѣ. Саблинъ не шевелился и ждалъ. Странное оцѣпенѣніе охватило имъ. Человѣкъ долѣзъ до окна и уставился вплотную въ лицо Саблина тусклыми свѣтлыми глазами. Онъ съ ненавистью смотрѣлъ на Саблина и что-то говорилъ. Саблинъ не шевелился. Человѣкъ вынулъ изъ кармана алмазъ и сталъ рѣзать стекло, осторожно надавливая его пальцами и не сводя сѣрыхъ злобныхъ глазъ съ Саблина. Только стекло отдѣля-

ло ихъ другъ отъ друга. Вдругъ онъ пошатнулся, потерялъ равновѣсіе, взмахнулъ рукой съ алмазомъ, и полетѣлъ внизъ. Саблинъ услышалъ, какъ глухо, словно мѣшокъ съ мукой, ударилось его тѣло о гранитныя плиты тротуара... и проснулся. Онъ понялъ, что сонъ продолжался, и онъ тогда не просыпался, но только видѣлъ во снѣ, что проснулся.

Голова была тяжелая. Онъ сидѣлъ на стулѣ у окна. Начинало свѣтать. Два казака съ головами, закутанными башлыками, проѣхали верхомъ по набережной и копыта ихъ лошадей гулко стучали по торцу, покрытому снѣгомъ. Дворецъ охранялся кругомъ. Казаки повѣряли пѣхотныхъ часовыхъ. Въ коридорѣ, у дверей квартиры Государя, слышался тихій, спокойный шумъ. Смѣнялись часовые. Тамъ стояли казаки, конвойцы, пѣхота и полиція. Всѣ слѣдили другъ за другомъ.

Жутко стало Саблину. Жутко за Государя, такъ тщательно охраняемаго и не могущаго никому вѣрить, не знающаго кто, когда и какъ его предастъ!!!

XXXIV

Свѣтало... На улицѣ дворники въ сѣрыхъ одинаковыхъ, русскаго покроя кафтанахъ, скребли панели и сгребали снѣгъ въ кучи. Былъ сильный морозъ. Отъ людей шелъ паръ, и лица ихъ были красны. Пріѣхали сани съ койками для снѣга. Лошади стояли, и, когда вздыхали, бѣлыя струи вылетали изъ ноздрей. Въ залѣ было холодно. Часовые смѣнились у дверей. У Саблина стыли руки. Лампочки погасли. Блѣдный свѣтъ входилъ въ залъ, и блестѣли паркетъ и блюда.

Залъ вдругъ наполнился людьми въ красныхъ рубахахъ и синихъ шароварахъ. Они стали натирать полы. Это пришли полотеры. А можетъ Саблинъ ручаться, что между полотерами нѣтъ того человѣка съ блѣднымъ лицомъ и сѣрыми, горящими не человѣческою злобою, глазами, — котораго онъ видѣлъ во снѣ?

Полотеры, молча, дѣлали свое дѣло. Они быстро прошли всею артелью по залу и исчезли.

Прошло два скорохода. Одинъ несъ раскаленную жаровню, а другой поливалъ на нее душистый уксусъ. Уксусъ съ шипѣніемъ дымился и по залу пахло чѣмъ-то сладкимъ... Такъ пахло при Александрѣ, Николаѣ, Александрѣ Благословенномъ, Павлѣ, Екатеринѣ... быть можетъ, такое же куреніе было у царей Московскихъ въ ихъ дворцахъ-теремахъ.

Саблину подали чай. Четыре человѣка, просто одѣтыхъ, въ сопровожденіи лакея, пронесли громадныя корзины съ цвѣтущими гіацинтами. Лакей посмотрѣлъ на Саблина и многозначительнымъ шопотомъ сказалъ ему: — въ покои Государыни Императрицы —.

Сладкій запахъ гіацинтовъ остался на нѣсколько секундъ въ залѣ и напомнилъ Саблину бѣло-розовое тѣло Китти.

Безъ пяти минутъ въ одиннадцать черезъ залъ почти бѣгомъ пробѣжалъ старенькій лакей въ красномъ кафтанѣ и почтительно-тревожно проговорилъ Саблину: — «Государь Императоръ».

Опять то же волненіе, тотъ же страхъ и восторгъ, что на парадѣ и маневрахъ, заставили шибко забиться сердце Саблина.

За два зала мѣрно и четко отвѣтили на привѣтствіе люди казачьяго караула.

Изъ арки подлѣ портрета вышелъ Государь. Онъ былъ въ длинномъ пѣхотномъ сюртукѣ при шашкѣ, шароварахъ и въ высокихъ шагреневыхъ сапогахъ. На головѣ была чуть на-бокъ надѣтая фуражка... Онъ шелъ на прогулку... Шелъ одинъ.

Саблинъ, волнуясь, неровнымъ голосомъ скомандовалъ построенному караулу: — слушай, на караулъ!» и замеръ, опустивъ палашъ и смотря прямо въ глаза Государю. «Если Государь остановится», — думалъ Саблинъ, — «я долженъ сейчасъ же рапортовать». И мысленно повторялъ рапортъ, чтобы не сбиться: — «въ караулѣ и на постахъ Вашего Императорскаго Величества отъ...»

Но Государь не остановился. Онъ ласково моргнулъ глазами Саблину и сказалъ на-ходу: — «здорово, караулъ!»... Солдаты сдержанными голосами, какъ ихъ учили отвѣчать во дворцѣ, отвѣтили: — «здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству!» — и не успѣло эхо ихъ голосовъ заглохнуть по угламъ зала, какъ уже Государь скрылся за дверью въ Малахитовый залъ.

То, что Государь шелъ на прогулку, въ сюртукѣ, одинъ, казалось какъ-то слишкомъ обыденнымъ, не подходящимъ для его величія, но было и что-то трогательное въ его появленіи здѣсь, въ залѣ, въ одиннадцать часовъ утра. Если бы онъ не прошелъ, было бы скучно вспоминать все напряженіе караула, безсонную, полную призраковъ и кошмаровъ ночь... Теперь все это было скрашено ласковымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ и ровнымъ, покойнымъ голосомъ привѣта.

Въ двѣнадцать часовъ пришла смѣна. Саблинъ опять священнодѣйствовалъ, но теперь никто, кромѣ дежурнаго плацъ-адъютанта, не смотрѣлъ на него. Великаго Князя не было во дворцѣ, а комендантъ былъ на смѣнѣ пѣхотнаго караула. Полный, съ черной бородкой на сытомъ, холеномъ лицѣ кавалергардскій ротмистръ смѣнялся небрежно. Онъ опоздалъ скомандовать «на караулъ» и, проглатывая слова, неясно представился и долго не могъ вспомнить пароля.

— Пароль, — говорилъ онъ, — пароль, ахъ, какъ бишь его, вотъ чортъ... У меня на бумажкѣ записано.... Пароль — Гельсингфорсъ.

Отъ этого пропадала торжественность и сказочность обстановки. Краски блекли и все уже казалось обыденнымъ, будничнымъ и далеко не столь важнымъ.

Въ часъ дня люди, переодѣвшіеся въ старые мундиры и шинели, шли съ Саблинымъ въ казармы. Они были голодны и торопились къ обѣду. Былъ сильный морозъ и солнце. Снѣгъ скрипѣлъ подъ мѣрными шагами солдатъ и въ тактъ звенѣли шпоры.

Отъ всей сказки караула подлѣ покоевъ Царственной четы, отъ блеска и таинственныхъ призраковъ громадна-

го зала, осталось одно физическое утомленіе и страстное желаніе скинуть каску, снять съ измученнаго тѣла тѣсный мундиръ и аммуницію, броситься въ постель и спать, спать!...

XXXV

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ Саблинъ былъ въ караулѣ, онъ получилъ по городской почтѣ письмо отъ генеральши Мартовой. Мартова напоминала, что она когда-то была дружна съ его покойной матерью, сообщала, что у нея собирается молодежь, хотятъ ставить оперу и она, зная, какъ музыкаленъ Monsieur*) Саблинъ, очень проситъ его принять участіе въ этой маленькой оперѣ и пріѣхать въ четвергъ, ровно въ 8 часовъ, сговориться о вечерѣ.

Саблина это письмо не удивило. Въ эту зиму онъ часто получалъ подобныя приглашенія. То на балъ, то на вечеринку. Прекрасный танцоръ, свѣтскій человѣкъ, могущій всегда развлечь общество, блестящей фамиліи, богатый, красивый — онъ былъ желаннымъ гостемъ всюду, гдѣ были барышни-невѣсты, гдѣ танцовали, играли въ petits jeux,**) гдѣ были юноши и дѣвушки.

Онъ показалъ это письмо офицерамъ въ эскадронѣ. Оказалось, Мартову знали и Гриценко, и Мацневъ.

— Умрешь со скуки, — сказалъ Гриценко. — Никакой тамъ оперы не будетъ. Оперу, чуть ли она не сама и пишетъ, и все никакъ не рискнетъ показать ее міру. А будутъ разговоры, мятные пряники, каленые орѣхи, пастила и мармеладъ — русскія, якобы, лакомства. Просто потому, что дешевле конфетъ, а народа у ней собирается уйма. Все молодежь, и такая, что на тарелку себѣ кладетъ цѣлыми горстями! Объ ужинѣ и не мечтай... Хоро-

*) Господинъ.

**) Маленькія игры.

но, если по ломтю ветчины дадутъ. Скучища смертная и все — оры, оры — разговоры.

Мацневъ былъ иного мнѣнія:

— Пойди, Саша. Тамъ ты познакомишься съ нашей демократіей и «интеллигентами», — съ нескрываемою брезгливостью Мацневъ подчеркнулъ слово: интеллигенты. — У Екатерины Алексѣевны страсть собирать кухаркиныхъ сыновей и слушать доморощенныхъ Робеспьеровъ и Маратовъ. Но тамъ иногда наткнешься и на такую Шарлотту Корде, что просто прелесть! Иногда полезно окунуться въ эту молодежь съ ея зелеными рѣчами, желтыми носами и пискомъ и визгомъ о свободѣ... отъ латинскаго языка... Освѣжаетъ.

— А ты не пойдешь, Иванъ Сергѣевичъ?

— Нѣтъ, я туда больше не ходокъ.

— Отшили, — захохоталъ Гриценко, — началъ Анакреона проповѣдывать, а тамъ это не въ модѣ. Тамъ мужикъ, да Левъ Толстой... да вотъ еще новая мода — Чеховъ... Тамъ ты услышишь, какъ Пушкина раздѣлаютъ. Наряду съ Ломоносовымъ поставятъ. Отжившая, молъ, поэзія. Помѣщичій бытъ!.. Но, иди, пожалуй. Только мой совѣтъ — рюмку водки дома хвати... Тамъ общество трезвости. Квакеры...

Саблинъ рѣшилъ пойти. То, что онъ слышалъ, заинтересовало его. Это было что-то новое.

Опоздавъ по петербургскому обычаю на часъ, ровно въ 9, онъ подъѣхалъ къ высокому дому на Николаевской улицѣ и поднялся въ третій этажъ. Небольшая тѣсная вѣшалка была густо увѣшана шубками на ватѣ и на дешевомъ мѣху, гимназическими и студенческими пальто и фуражками. Изъ квартиры несся нестройный гулъ молодыхъ голосовъ. Горничная провела Саблина черезъ просто убранную гостиную, освѣщенную керосиновыми лампами, гдѣ стоялъ рояль и были пюпитры для скрипачей, въ столовую. Тамъ, за большимъ столомъ, по-семейному, сидѣло человѣкъ двадцать гостей. Сама Мартова, полная, веселая, русая, сѣдѣющая дама, была за громаднымъ самоваромъ. Саблинъ представился ей. Онъ

былъ съ визитомъ, но не засталъ ее. При входѣ Саблина, свѣжаго, надушеннаго, въ изящно сшитомъ вицъ-мундирѣ со шпагой, все общество притихло.

- Не здоровайтесь, — сказала Мартова. — У насъ не принято... Только грохота стульями надѣлаете. Постепенно и познакомитесь. Да и чего представляться, за разговорами узнаете... Тутъ всѣ свои. Саша, Гриша, Костя, Витя, Лена, и звать иначе языкъ не повернется, выросли на моихъ глазахъ, а теперь во какіе разбойники стали. Это вотъ дочь моя — Варя.

Мартова показала на дѣвушку лѣтъ двадцати, просто одѣтую, гладко причесанную, съ круглымъ добродушнымъ некрасивымъ лицомъ. Оно казалось еще круглѣе отъ большихъ круглыхъ очковъ, сидѣвшихъ на маленькомъ носу и прикрывавшихъ свѣтлые, выпуклые, близорукіе глаза.

Варя сдѣлала легкій кивокъ головою и протянула Саблину большую влажную руку.

— Мы очень рады, — сказала она, — что вы пріѣхали. Это показываетъ, что вы не гордый и не пустой аристократъ. Это — она указала на сидящую рядомъ съ нею брюнетку — моя лучшая подруга, Маруся, прошу любить и жаловать.

Саблинъ мелькомъ взглянулъ на Марусю. Прекрасное лицо, въ рамѣ темно-каштановыхъ волосъ, съ голубыми, ясными, восхищенными глазами, мелькнуло передъ нимъ. Онъ не разглядѣлъ ее сразу. Слишкомъ много народа было кругомъ. Слишкомъ всѣ сразу молодо и задорно зашумѣли. Кто-то пододвинулъ ему стулъ, кто-то раздвинулся и Саблинъ самъ не замѣтилъ, какъ очутился въ серединѣ большого стола, среди юношей и дѣвушекъ, передъ дымящимся стаканомъ чая съ лимономъ и большимъ кускомъ шведскаго кислосладкаго хлѣба, густо намазаннымъ бѣлымъ сливочнымъ масломъ.

— Ну, вотъ, — услышалъ онъ чей-то звонкій голосъ, — наконецъ, и представитель власти, и насилія есть между нами, и мы можемъ обсудить вопросъ о томъ, какова должна быть народная армія.

— Позвольте, товарищъ — я полагаю, что арміи вообще не должно быть никакой. — перебилъ его съ другого конца стола.

Саблинъ посмотрѣлъ на говорившихъ.

Первый былъ студентъ, одѣтый съ умышленной небрежностью въ синюю косоворотку съ вышитымъ воротникомъ. Поверхъ была черная суконная поношенная студенческая куртка съ блестящими пуговицами. Ему возражалъ худощавый блѣдный гимназистъ, съ молодой курчавой бородкой, росшей больше у шеи, чѣмъ на щекахъ, въ длинномъ, синемъ гимназическомъ сюртукѣ съ бѣлыми пуговицами, настолько стертыми, что всѣ были съ красно-мѣдными пятнами.

— Какъ никакой арміи не должно быть?! — воскликнулъ совсѣмъ юный вихрастый гимназистъ, съ красными щеками и карими глазами, опушенными длинными рѣсницами. Одѣтъ онъ былъ въ чистую, новую черную суконную рубашку и казался самымъ юнымъ изъ всѣхъ. Онъ, какъ вошелъ Саблинъ, не спускалъ съ него влюбленнаго взгляда и все время любовался его погонами, пуговицами, кантиками. — Но тогда придутъ нѣмцы и завоюютъ насъ.

— Экъ, куда хватилъ! — воскликнулъ студентъ-технологъ въ помятой курткѣ, наглухо застегнутой у шеи.— Это на порогѣ двадцатаго вѣка, завоевательная война!... Теперь не тѣ времена!...

— А почему?

— Народъ не согласится воевать. Народъ понялъ, что такое война, и войны теперь немыслимы — безапелляціонно сказалъ студентъ въ тужуркѣ.

— Ладно! Прикажутъ и будетъ война, — сказалъ гимназистъ, запихивая въ ротъ такой громадный кусокъ хлѣба, что Саблинъ посмотрѣлъ на него, не подавится ли онъ.

— Иначе для чего же всѣмъ вооружаться, — сказалъ блѣдный болѣзненный реалистъ съ коротко остриженными волосами. — Вооруженный миръ обходится Европѣ слишкомъ дорого и Европа наканунѣ банкротства.

— Товарищи! Коллеги! — умоляюще сказала Варя Мартова. — Опять безпорядокъ... Крики съ мѣстъ... Каждый говоритъ свое мнѣніе и не слушаетъ другого. Вѣдь мы рѣшили пригласить сюда, къ намъ представителя арміи, чтобы задать ему рядъ вопросовъ по его спеціальности. Выслушать мнѣніе спеціалиста и тогда судить. Вотъ и приступимъ.

— Возможны ли теперь войны? — задалъ вопросъ реалистъ и поднялъ кверху голову.

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричалъ съ угла стола холеный студентъ въ прекрасномъ мундирѣ съ золотымъ, кованаго шитья воротникомъ, съ маленькими красивыми усами и блѣднымъ лицомъ, въ пенснэ. — Я настаиваю на моей постановкѣ вопроса: арміи ли для войны, или войны для армій?

— Неясно, — сказалъ студентъ въ тужуркѣ.

— Товарищи, я прошлый разъ докладывалъ, что если не будетъ арміи, не будетъ милитаризма, искуственно разводимаго въ народѣ, то и войнъ не будетъ. Вооруженные люди являются источникомъ войны. Надо разоружиться.

— Но тогда всѣмъ, — запальчиво крикнулъ хорошенькій гимназистъ наконецъ, прожевавшій свой кусокъ.

— Ну, конечно, всѣмъ, — спокойно сказалъ холеный студентъ.

— Это невозможно, — проворчалъ мрачный черный технологъ.

— Товарищи, — перекрикивая всѣхъ, закричала Варя Мартова, — не угодно ли по вопросамъ? Monsieur Саблинъ...

— Что за «monsieur»; — проворчалъ мрачный технологъ.

— Господа, это свинство, — воскликнулъ хорошенькій гимназистъ.

— Начинается ерунда, — сказала высокая стройная дѣвушка со лбомъ, покрытымъ красными прыщами и нездоровымъ лицомъ, сидѣвшая рядомъ съ Марусей.

— Я говорю только, что съ наличностью арміи нарушается равенство, — проговорилъ мрачно технологъ.

— Называть по чинамъ? — спросила маленькая дѣвушка-перестарокъ, съ тонкимъ птичьимъ носомъ и злыми глазами.

— Нелѣпость.

— Не все ли равно?

— Итакъ, — снова всѣхъ перекричала Варя. — Итакъ, я спрашиваю... Гриша, оставьте. Товарищъ Павелъ Ивановичъ, вы скажете свое мнѣніе послѣ, — для чего служитъ армія?... Ея назначеніе? monsieur Саблинъ. Точная формулировка вопроса и отвѣта.

— Защита Престола и Родины есть обязанность солдата и арміи, — проговорилъ Саблинъ казенными уставными словами.

Невообразимый шумъ поднялся кругомъ.

— Позвольте! — съ другого конца стола кричалъ студентъ въ тужуркѣ, — защита? Но отъ кого? Для того, чтобы защищать, надо, чтобы нападали, а если никто не нападаетъ, то для чего и защищать? Ясно, какъ шоколадъ.

— Но могутъ нападать! — выкликнулъ хорошенькій гимназистъ. Онъ все больше и больше становился на защиту арміи и Саблина. Онъ и самъ въ тайникахъ души своей мечталъ бросить Саллюстія и Овидія Назона и пойти въ юнкерское училище.

— Могутъ... А могутъ и не нападать. Надо только согласиться о всеобщемъ разоруженіи, о международномъ арбитражѣ... — сказалъ студентъ въ тужуркѣ.

— Товарищъ Павелъ, — обратилась къ нему Варя Мартова. — Погодите, — мы спросимъ: — отъ кого — защита?

— Отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, — опять по-уставному отвѣтилъ Саблинъ. Онъ былъ огорошенъ перекрестными вопросами, быстрымъ обмѣномъ мнѣній. Первый разъ вопросы эти — такіе ясные, простые и очевидные, ставились ему людьми, не видѣвшими въ нихъ ни ясности, ни простоты, ни очевидности.

— Вотъ оно!... Вотъ оно!... Я говорилъ, Варвара Николаевна, что мы договоримся до того, что студенты — врагъ внутренній, — кричалъ студентъ въ тужуркѣ.

— Господа, — сказала хорошенькая дѣвушка въ платьѣ гимназистки, сидѣвшая по другую сторону madame Мартовой, — даже Герценъ съ уваженіемъ говорилъ объ офицерахъ и арміи.

— Не прикажете ли называть ваше благородіе? — кинулъ технологъ.

— Врагъ внѣшній, — говорилъ блѣдный реалистъ. — Его не можетъ быть! Кто пойдетъ воевать? Теперь немыслимы войны за испанское наслѣдство, войны династическія, какія-нибудь войны алой и бѣлой розы. Прогрессъ, культура человѣчества, гуманитарныя науки — все это сдѣлало не возможнымъ, чтобы нѣмецкій мужикъ вдругъ пошелъ убивать русскаго мужика. Левъ Николаевичъ Толстой своею глубочайшею проповѣдью непротивленія злу и Сенкевичъ своимъ «Вартекомъ-побѣдителемъ» сдѣлали больше для счастья человѣчества, чѣмъ всѣ императоры. Я чувствую, что внѣшняго врага нѣтъ и не можетъ быть.

— Браво, Павликъ! — воскликнулъ технологъ.

— Теперь — врагъ внутренній... Остановимся на этомъ вопросѣ... Въ государствѣ, гдѣ нѣтъ абсолютизма и тираніи, гдѣ достигнуто полное равенство гражданъ и гдѣ капиталъ есть достояніе самихъ трудящихся массъ и распредѣленъ равномѣрно, гдѣ примѣнены теоріи Маркса и Энгельса — недовольныхъ быть не можетъ. Конфликты между индивидуумами тамъ рѣшаются не репрессіями, не бойнями, не нагайками и висѣлицами, — но соотвѣтствующими запросами въ парламентѣ и дискуссіями. Наступаетъ золотой вѣкъ человѣческой эры. Двадцатый вѣкъ — будетъ вѣкомъ мира, мирныхъ реформъ и открытій человѣческаго генія. Это будетъ полная реконструкція всего людского общества. Въ этомъ вѣкѣ не будутъ нужны ни ваши благородія, ни козыряніе и фронтъ, ни рабство солдатской массы, чтобы давить, держать и не пущать!...

— Браво! Браво! Павликъ, — шорохомъ пронеслось среди молодежи.

— Что скажете, господинъ офицеръ? — обратился прямо къ Саблину студентъ въ тужуркѣ.

XXXVI

Саблинъ оглянулъ общество. Онъ уже раздѣлилъ его въ своемъ умѣ на людей ему сочувствующихъ, въ которыхъ онъ почему-нибудь сумѣлъ возбудить къ себѣ симпатію, и на людей непримиримыхъ, возненавидѣвшихъ его съ перваго взгляда за его мундиръ, за погоны, за шпагу, за цвѣтную фуражку. Онъ почувствовалъ, что этихъ людей ему не свернуть и имъ не доказать правоту своего мнѣнія.

Къ первымъ принадлежала дочь хозяйки. Олицетворенное непротивленіе злу, она стала на его сторону потому, что увидала, что на него напало большинство, а онъ не готовъ къ защитѣ. На его сторонѣ, очевидно, была и молчавшая все время Маруся. Такая красавица не могла не быть доброй. Этого требовала гармонія. Красота невольно тянулась къ красотѣ, а Саблинъ зналъ, что онъ красивъ. Онъ принялъ вызовъ ради нея. Онъ все время чувствовалъ на себѣ взглядъ темно-синихъ глазъ Маруси, хотѣлъ блеснуть передъ нею умомъ и не ударить лицомъ въ грязь. Онъ чувствовалъ, что она, все время молчавшая, волновала своимъ взглядомъ всю молодежь и она сталкивалась мнѣніями для нея.

Союзникомъ была и бѣлобрысая съ прыщами на лбу дѣвушка и красивая барышня, сидѣвшая рядомъ съ madame Марковой. Одна была слишкомъ некрасива, другая напротивъ, хороша собою и потому обѣ навѣрно имѣли добрыя сердца.

Вихрастый гимназистъ открыто сталъ на сторону Саблина, студентъ съ кованымъ воротникомъ тоже одобрительно смотрѣлъ изъ своего угла. Онъ былъ видимо свой, не изъ кухаркиныхъ сыновей, или хо-

тѣлъ казаться такимъ, и потому, хотя и возражалъ, но возражалъ слабо, видимо только для того, чтобы не потерять своего вѣса въ этомъ обществѣ.

Было нѣсколько безразличныхъ. Три барышни сидѣли рядомъ подлѣ недурненькой гимназистки, перешептывались между собою, смѣялись, толкали другъ друга и, видимо, далеки были отъ спора. Здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, барышни сбились въ одинъ уголъ стола, къ самовару и хозяйкѣ дома — мужчины засѣдали на другомъ. Большинство курило, не спрашивая позволенія хозяйки.

Самыми непримиримыми были Павликъ, блѣдный, нездоровый и злой гимназистъ, котораго называли: «товарищъ Каза» и маленькая дѣвица съ тонкимъ, длиннымъ носомъ, похожимъ на птичій клювъ. Саблинъ про себя прозвалъ ее «пигалицей». Саблинъ замѣтилъ, что его противники были всѣ некрасивы, болѣзненны или имѣли какой-нибудь физическій недостатокъ. Товарищъ Павелъ подергивался, технологъ слегка заикался, у студента въ тужуркѣ одно плечо было короче другого, пигалица была безнадежно безобразна — вѣроятно это вліяло на нихъ и усиливало ихъ злобность. Видно, подумалъ Саблинъ, вѣрна Русская поговорка — Б о г ъ ш е л ь м у м ѣ т и т ъ.

— Я съ вами совершенно не согласенъ, — началъ онъ свое возраженіе реалисту — злоба между людьми существовала независимо отъ того, имѣли они оружіе или нѣтъ. Оружіе явилось потомъ, какъ результатъ необходимости защищаться.

— Старо! Старо какъ міръ! И давно позабыто! — закричалъ студентъ въ тужуркѣ. — Homo homini lupus est*) — это оставить, это забыть надо. Христіанство и гуманитарныя науки внесли совершенно иной взглядъ на человѣческія отношенія.

— Но, — возразилъ студентъ съ кованнымъ воротни-

*) Человѣкъ человѣку — волкъ.

комъ, — именно христіанство породило безчисленныя войны, крестовые походы, іезуитизмъ и инквизицію.

— Да, неправильно понятное, — звонко, дѣйствительно какъ пигалица, прокричала маленькая дѣвица. — Но христіанство, претворенное въ соціализмъ суммарно парализуетъ войны.

— Или превратить ихъ въ безконечную классовую борьбу, — вставилъ вихрастый гимназистъ.

— Товарищи, — воскликнула изъ-за самовара Мартова, — но мы опять далеки отъ темы.

— Тезисовъ нѣтъ, — сказалъ студентъ технологъ.

— Я поставилъ вопросъ совершенно ясно, — сказалъ реалистъ, — и получилъ уклончивый отвѣтъ. Я поясню. Міровое положеніе такъ запуталось, народы вооружились и потому войны стали вполнѣ возможны. Міръ обратился, какъ бы въ лукъ съ натянутою тетивой. Каждое мгновеніе можетъ начаться пожаръ міровой войны. И я утверждаю, что для того, чтобы прекратить такое невозможное положеніе, необходимо кончить вооруженія, перековать мечи на орала. Когда не будетъ военнаго привилегированнаго сословія, не будетъ офицеровъ и воинской повинности, войнъ не будетъ.

— Нѣтъ, это не такъ, — возразилъ Саблинъ. — Это утопія. Сдѣлать такъ, чтобы всѣ разоружились, невозможно. Но допустимъ, что это сдѣлано. Но развѣ для того, чтобы воевать, нужны магазинныя ружья и скорострѣльныя пушки? Достаточно выломать палку, взять самый мирный инструментъ, молотокъ, топоръ, серпъ, или косу, чтобы стать сильнѣе человѣка голаго. Малѣйшій не разрѣшенный или неразрѣшимый споръ и драка готова, а драка между народами — война. Военная наука...

— О!.. Какую еще науку выдумали! — воскликнулъ технологъ. — Да развѣ есть такая?

— А какъ же, — уже владѣя собою, возразилъ Саблинъ. Маруся его вдохновляла. Онъ видѣлъ сіяніе ея глазъ, радость въ нихъ отраженную всякій разъ, какъ онъ удачно отвѣтилъ. — Военная наука есть и она такъ же точна, какъ точна математика. У ней есть свои аксіомы,

у ней есть свои теоремы и, какъ въ математикѣ Пиѳагоръ. Ньютонъ открыли намъ законы непреложныхъ истинъ, въ военной наукѣ великіе полководцы, начиная съ Александра Македонскаго и Юлія Цезаря оставили рядъ выводовъ, составившихъ то, что вошло въ основу тактики и стратегіи.

— Ну, напримѣръ, — снисходительно сказалъ технологъ, готовый разбить по пунктамъ все, что попробуетъ сказать Саблинъ.

— Напримѣръ... — Наполеонъ намъ завѣщалъ, что для того, чтобы побѣдить, нужно въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время быть сильнѣе противника. Онъ сказалъ намъ les gros bataillons ont toujours raison.*) И мы, напримѣръ, часто проигрывали сраженія и компаніи только потому, что надѣялись на доблесть Русскаго солдата и на Русское авось и вели бой батальонами тамъ, гдѣ надо было наваливаться корпусами... Другое правило говоритъ намъ, что начатую побѣду надо довершать непрерывнымъ, неутомимымъ преслѣдованіемъ. Дорубать до конца. Петръ Великій сказалъ по этому поводу — «недорубленный лѣсъ вырастаетъ скоро»...

— Ужасъ! Ужасъ! — запищала пигалица. — И вы этому ужасу даете святое имя науки.

— Наука убійства, — съ отвращеніемъ проговорила одна изъ блѣдныхъ барышень и презрительно поджала губы.

— Это не наука, — сказалъ студентъ въ тужуркѣ. Если играть такими аксіомами, то и остановку во фрунтъ можно ввести въ догматъ науки.

— У нихъ есть и другія аксіомы, — ядовито сказалъ реалистъ. — Ихъ Суворовъ сказалъ: — за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

— Онъ не совсѣмъ такъ сказалъ — успѣлъ только вставить Саблинъ, какъ на него мощнымъ басомъ обрушился студентъ въ курткѣ.

---

*) Большія силы всегда себя оправдаютъ.

— Ну что вы говорите! А Фридрихъ Великій [illegible], что нужно, чтобы солдатъ боялся палки капрала болѣе, чѣмъ пули непріятеля.

— А Аракчеевъ: — нужно забить десятокъ, чтобы выучить одного.

— Шпицрутены и розги, палки... кричала пигалица.

— Товарищи, спокойствіе, — пыталась вернуть порядокъ Варя Маркова. Но страсти разгорѣлись, и къ методичному спору молодежь не была готова, ей хотѣлось сидѣть за столомъ, хотѣлось движенія, шума, крика.

— Мордобойство. Драгомировъ [illegible], — говорилъ реалистъ.

— Я сама видала на дачѣ, какъ офицеръ билъ денщика, — вставила пигалица.

— Штатскихъ за людей не считаютъ. Этимъ лѣтомъ у театра Неметти конвойный офицеръ студенту руку отрубилъ и ничего.

— Скандалисты!

— Товарищи! это свинство, — кричалъ вихрастый гимназистъ. — Это не споръ. Всѣ на одного... не даютъ слова сказать.

— Мы личностей не трогаемъ.

— Всякая личность достойна уваженія. Герценъ смогъ даже о жандармскихъ офицерахъ хорошо написать.

— Но принципы!.. Борьба противъ принциповъ.

— Соціалисты правы! Они концепировали всеобщее разоруженіе.

— Уничтоженіе арміи!

Слова вспыхивали и [illegible], какъ огоньки дешеваго фейерверка. Сабинину трудно было отличить, кто, что говоритъ. Отвѣчать было безполезно... Кому? и что?.. Но молодежь заражала его. Онъ покраснѣлъ и ему было хорошо въ этой словесной свалкѣ. Онъ начиналъ понимать спортивный интересъ спора.

— И первые вооружаются — смѣло выкрикнулъ вихрастый гимназистъ. Всѣ повернулись къ нему.

— Какъ? Что? Вотъ ерунда, — раздались восклицанія. — Товарищъ, вы обалдѣли.

— Бомбами и револьверами, — сказалъ гимназистъ и самъ испугался своихъ словъ. Всѣ обрушились на него.

— Товарищи, это предательство!

— Опричникъ.

— Самъ опричникъ!

— Господа! довольно!

— Это подлость.

— Гадость, — пищѣла пигалица. — Это самозащита... Борьба за свободу.

— Нѣтъ, каково! Каково! Подумайте... Соціалисты вооружаются. Сказалъ тоже!

— А хотя бы и вооружались?.. Они вынуждены къ этому гнетомъ правящихъ классовъ.

— Ну, господа, довольно, — вдругъ сказала madame Мартова и встала изъ-за стола. — Поспорили, новоевали и баста. Идемте пѣть.

Всѣ задвигали стульями и стали выходить изъ-за стола. Никто кромѣ Саблина не подошелъ благодарить хозяйку. Саблинъ хотѣлъ поцѣловать ей руку, но она потянула ее книзу и не дала ему это сдѣлать. Здѣсь это было непринято.

Студентъ въ тужуркѣ сложилъ свои руки рупоромъ и дикимъ басомъ, какъ кричатъ въ театральномъ райкѣ вопилъ: — Любовину! Любовину-у-у!..

XXXVIII

На другой день, въ семь часовъ утра, Саблинъ пошелъ въ манежъ обучать смѣну новобранцевъ. Въ большомъ темномъ манежѣ горѣли круглые, электрическіе фонари и чуть разсѣивали мракъ. Было холодно и сыро. Когда отворяли тяжелую дверь на улицу, густой, бѣлый паръ столбомъ клубился изъ нея и тихо стлался по мокрому и скользкому земляному полу. Ротбекъ уже былъ на занятіяхъ. Въ пальто, при шашкѣ, въ фуражкѣ, заломленной на затылокъ съ опухшими отъ сна щеками и заспан-

ными глазами, онъ звонко, на весь манежъ кричалъ: — Вольтъ направо! ма-аршъ... Равняться налѣво. Туже лѣвые шенкеля. Не давай откидывать зада наружу, а правымъ держи лошадь!

Саблинъ поздоровался съ Ротбекомъ и съ солдатами и сталъ въ сторонѣ.

— Командуй, Пикъ, — сказалъ онъ.

Онъ былъ не въ настроеніи, не выспался. Какія то мысли, точно остатки сновидѣній, какъ туманъ послѣ бури, носились въ головѣ и мѣшали ему сосредоточиться на обученіи солдатъ.

Ротбекъ бѣгалъ по манежу, поправлялъ, кричалъ, суетился.

— Да нѣтъ же, Меркуловъ, не такъ ты сидишь. Зачѣмъ на передъ валишься. Смотри, вотъ какъ!

Ротбекъ присѣдалъ, стоя на разставленныхъ ногахъ, подбиралъ поясницу, выгибался.

«Счастливый, Пикъ», — думалъ Саблинъ. — «У него всегда одинаковое настроеніе, онъ можетъ заставить себя послѣ кабалки быть такимъ же исправнымъ, какъ всегда. Ему спать хочется, онъ полонъ иныхъ впечатлѣній, а вотъ заставилъ же себя уйти въ солдатъ.

«Безпутный, вѣрно шатался всю ночь, а теперь, какъ ни въ чемъ не бывало, ушелъ въ смѣну, въ кулаки, носки, подбородки, шенкеля и поясницы... Счастливый Пикъ!.. Я такъ не могу... Вотъ, позвали ее пѣть... Студентъ мрачнымъ басомъ кричалъ: Любовину! Любовину!.. и она вышла. Какая легкая походка! Какія маленькія ножки! Прошла по залу, стукнула каблучкомъ и нагнулась разбирать ноты. Прищурились красивые глаза, маленькіе розовые пальчики листаютъ тетрадь. — «Я спою вамъ «Голодную» Цезаря Кюи, слова Некрасова» и стала у рояля. Глаза сдѣлались печальными, лицо осунулось, грудь высоко подымается, горе и страданіе отразились въ глазахъ. Да, она — артистка! Въ двухъ, трехъ нотахъ дрогнулъ не выработанный голосъ, но вообще — она поетъ прекрасно. Широкій діапазонъ ея голоса даетъ ей возможность справляться съ трудными мѣстами сложной

музыки Кюи. Кончила... и тихо улыбается на шумные аплодисменты молодежи. Поетъ еще... «Холодно... голодно въ нашемъ селеніи...» Это «Молебенъ». Кто она? Почему своимъ талантомъ, силою своего голоса она будитъ все однѣ печальныя, мрачныя мысли. Голодъ... неурожай... засуха... Кто?.. Кто она?.. Онъ подошелъ къ ней. Она, поблѣднѣвшая отъ волненія, стояла у рояля и пальчики ея рукъ стали совсѣмъ бѣлыми, она держалась за край черной доски. Барышня съ прыщами на лбу, аккомпанировавшая ей, наигрывала мелодію и эта мелодія придавала ихъ пустому разговору какой то особенный смыслъ и дѣлала его значительнымъ.

— Какой сильный талантъ у васъ, — сказалъ Саблинъ и запнулся. Онъ не зналъ, какъ ее назвать. Ихъ познакомили за чаемъ: — «моя подруга — Маруся». Маруся подняла на него глаза, глубокіе, темные, синіе, сафировые. И красивы были они при ея бѣломъ лицѣ и темныхъ на лобъ сбѣгающихъ завитками каштановыхъ волосахъ!.. Она — красавица!

— Вы находите? — просто сказала она. Румянецъ смущенія залилъ ея щеки и виденъ сталъ нѣжный пушокъ юности, окутывавшій золотою дымкою строгій овалъ ея лица.

— Съ такимъ голосомъ, съ такою наружностью вамъ на сцену надо. Вы покорите всю Европу, весь міръ будетъ у вашихъ ногъ.

— Оставьте. — сказала она.

— Вы въ консерваторіи?

— Нѣтъ. Отецъ мой хочетъ, чтобы я была ученой женщиной. Я на математическомъ отдѣленіи высшихъ женскихъ курсовъ.

— Что вы! Вы и логариѳмы! Вы и интегралы и дифференціалы. Можетъ ли это быть?

— А почему же нѣтъ?

Она смѣлѣе посмотрѣла на него. Въ его сѣрыхъ глазахъ она увидала умъ и волю, сильную, стальную волю. Огонекъ сверкнулъ въ темной точкѣ блестящаго зрачка и Саблинъ понялъ его значеніе. «Поборемся». — сказалъ

ему этотъ огонекъ. «Поборемся», — подумалъ Саблинъ. «Увидимъ, кто побѣдитъ?» Какой то токъ тепломъ пробѣжалъ по его жиламъ и стройный онъ сталъ еще стройнѣе.

— Почему вы выбрали такія пьесы? Развѣ одно горе на землѣ?

— Много горя, очень много горя, — сказала Маруся и поджала губы. Отъ этого лицо ея стало старше, суше, оживленіе пропало. «У нея чудная мимика», подумалъ Саблинъ. Она — артистка, но скрываетъ это.

— Но много и радости, — сказалъ онъ, ощущая трепетъ отъ сознанія знакомства съ восходящей звѣздой театральнаго міра.

— Кому радость, кому горе... — сказала Маруся. Если бы вы видѣли страшную бѣдность Русскихъ крестьянъ. Ѣсть нечего. Въ избѣ холодно, пусто... Дѣти плачутъ... О-оо! — Маруся вздрогнула и закрыла лицо руками. — Какъ можно быть богатымъ!.. Если бы у меня были средства — я бы все, все отдала неимущимъ.

— По евангелію?..

— Нѣтъ... По чувству долга. Что евангеліе! Люди знаютъ его уже скоро двѣ тысячи лѣтъ, а сталъ міръ лучше? Нужно другое ученіе, болѣе сильное, болѣе дѣйствительное.

И она ясными глазами заглянула въ самую душу Саблина.

«Кто она? Кто?»

— Смѣна стой! — командуетъ Ротбекъ.

— Саша, Саша.... Эскадронный! — вполголоса говоритъ Ротбекъ, подбѣгая къ Саблину.

«Милый Пикъ... А! Гриценко и Мацневъ входятъ въ манежъ.» Ихъ фигуры голубыми силуэтами рисуются въ облакахъ пара растворенной двери.

— Смир-рна! — командуетъ Саблинъ — господа офицеры! — и идетъ съ рапортомъ къ Гриценкѣ.

Гриценко молодцоватымъ, веселымъ голосомъ здоровается съ новобранцами.

— Здорово, молодчи-кии! — кричитъ онъ, и глухо съ

разныхъ угловъ манежа отдаются голоса смѣны: «здравь... ж-ласмъ... ваше выс-коблагородіе»... Эхо отдаетъ голоса.

— Командуй, Пикъ!—говоритъ Гриценко.—Ну, какъ веселился вчера Саша? Не умеръ со скуки?.. А Пикъ знаешь, гдѣ ночевать?.. Эхъ Пикъ, Пикъ... малъ воробей, да удалъ.

— Много народа было? — спросилъ Мацневъ, улыбаясь и показывая гнилые зубы. — Не было хорошенькихъ дѣвчонокъ? А, признайся Саша, было на что поглядѣть? Тамъ иногда такой свѣжакъ попадетъ просто прелесть! Смотри, не прозѣвай! Лови моментъ. Можно.

— Только осторожно, — сказалъ Гриценко, не глядя на нихъ, но осматривая смѣну, — это tiers état*) такое самолюбивое. Того и гляди подъ вѣнецъ вляпаешься. Тогда полкъ тю-тю... Труби въ арміи, да плоди дѣтей. Онѣ на это горазды... Зайченко, каналья! Какъ сидишь! А, какъ сидишь, мерзавецъ! Собака на заборѣ... Подбери, ж... подбери подъ себя, ишь раз-зява!

«Свѣжакъ», — думалъ Саблинъ... «Свѣжакъ.» Маруся «свѣжакъ». Вотъ они такъ всегда. У нихъ, особенно у Мацнева, всегда такой подходъ къ женщинѣ и не могутъ и не хотятъ они видѣть ничего возвышеннаго, чистаго. Не понимаютъ они.

«Холодно... голодно въ нашемъ селеніи» — казалось слышалъ онъ густое низкое меццосопрано Маруси.

Въ углу манежа Ротбекъ бѣжалъ рядомъ съ солдатомъ, ѣхавшимъ рысью и, вцѣпившись обѣими руками въ голенище его сапога, качалъ его ногу, то прижимая ее къ лошади, то отдѣляя.

— Вотъ это шенкель, — кричалъ онъ задыхаясь, понимаешь, братецъ, вотъ это значитъ дать шенкель! Ты сожми, а она подбираться будетъ, трензель подбери, шенкель дай; шенкель дай, трензель подбери, понялъ, а понялъ, вотъ такъ... вотъ такъ... фу! уморилъ!

---

*) Третье сословіе.

XXXVIII

Можетъ быть Саблинъ и забылъ бы Марусю среди Петербургскихъ удовольствій и развлеченій зимняго сезона, можетъ быть онъ и пропустилъ бы очередной четвергъ у Мартовой со спорами зеленой молодежи и пѣніемъ Маруси, если бы она сама о себѣ не напомнила письмомъ.

Саблинъ, конечно, не зналъ, что Маруся писала ему по порученію и отчасти подъ диктовку Коржикова и письмо ея его тронуло и поразило. «Милая дѣвушка,» подумалъ онъ, «да вѣдь она — «наша!» Она навѣрно дочь генерала, офицера, она любитъ армію, она видитъ недочеты нашего быта и страдаетъ за нихъ.»

На восьми листахъ хорошей, плотной, почтовой бумаги, Маруся писала ему свои мысли объ арміи, о государствѣ, о народѣ.

— «Многоуважаемый Александръ Николаевичъ,» — начинала она свое письмо — «простите, что не зная Васъ, безпокою своими мыслями и вопросами. На прошлой недѣлѣ у Екатерины Алексѣевны я до боли почувствовала во время споровъ, что люди раскололись на два міра, непонимающихъ другъ друга. Боюсь, — что взаимно другъ друга ненавидящихъ. Мнѣ стало страшно. Страшно не за Россію, а за весь міръ, потому что это явленіе не только Русское, но явленіе міровое. Міръ вышелъ изъ эпохи феодализма, низшіе классы, освобожденные отъ опеки классовъ высшихъ, хотятъ жить. Вы спросили меня, почему я выбираю такіе романсы, почему полно грусти мое пѣніе? Отвѣчу Вамъ. Васъ надо разбудить. Вы стоите наверху. Я, конечно, говорю не про Васъ лично, Александръ Николаевичъ, я Васъ вѣдь совсѣмъ еще не знаю. Я готова, я хочу вѣрить, что Вы не такой, я хотѣла

бы полюбить Васъ, но Ваше общество, правящій классъ не видитъ и не хочетъ видѣть того, что происходитъ внизу. Вы говорили тогда, (и такъ горячо говорили), о высотѣ и доблести военной службы, Вы говорили о почетѣ быть солдатомъ, защитникомъ Родины. Вѣрите-ли Вы сами въ то, что говорите? Потому что... — какъ совмѣстить Ваши слова и ту надпись, которую я случайно прочла вчера, проходя черезъ Таврическій садъ: «Входъ нижнимъ чинамъ и съ собаками воспрещается». Если солдатъ званіе высокое и почетное, то онъ не нижній чинъ. Если нижній чинъ все-таки солдатъ, то какъ приравнивать его къ собакамъ? Развѣ можно это дѣлать и не Вашъ-ли долгъ первымъ возмутиться противъ этого? У меня много, много вопросовъ. Вамъ зададутъ ихъ въ слѣдующій четвергъ и мнѣ бы такъ хотѣлось, чтобы Вы на нихъ хорошо отвѣтили. Насъ, напримѣръ, коробитъ отданіе чести и особенно остановка во фронтъ. Въ солнечный праздничный день непріятно ходить по Невскому, жалѣешь юнкеровъ, кадетъ, солдатъ. Сколько разъ они отдадутъ честь, станутъ во фронтъ. Ужасъ! Почему офицеры не носятъ штатскаго платья, какъ это позволено заграницей? Правда ли, что въ войскахъ бьютъ, какъ объ этомъ откровенно пишетъ Драгомировъ и что облетѣло всѣ газеты? Неужели офицеръ не можетъ обойтись безъ денщика? Подумайте еще о выборномъ началѣ. Въ шайкѣ разбойниковъ атаманъ былъ выборный. Если солдатъ ввѣряетъ свою жизнь офицеру, то не вправѣ ли онъ знать, кому онъ отдаетъ свою жизнь, не вправѣ ли онъ выбрать самъ себѣ начальника? Все это волнуетъ и раздражаетъ. Вамъ не скажутъ, потому что Васъ боятся, а намъ, простымъ людямъ, скажутъ. И я вижу, какъ глухо поднимается озлобленіе и я стою передъ страшнымъ вопросомъ — а что, если одна половина міра возненавидитъ другую и пойдетъ истреблять ее...»

Саблинъ никогда еще не получалъ подобныхъ писемъ. Онъ не думалъ объ этомъ. Маруся всколыхнула тѣ самые вопросы, мимо которыхъ онъ скользилъ. Хотѣлось отвѣтить, оправдаться и оправдать армію и Государя. Саблинъ чувствовалъ, что обвиненія касались и Государя, потому что все шло отъ него. Саблинъ съ письмомъ Маруси съѣздилъ къ Ламбину, съ нимъ вмѣстѣ ѣздили къ товарищу Ламбина, поручику Дальнеру, бывшему на старшемъ курсѣ Академіи. Саблинъ приготовилъ къ четвергу цѣлый докладъ съ историческими справками, съ объясненіями, съ цитатами.

У Мартовой его встрѣтили дружелюбно, какъ своего. Къ нему уже привыкли. «Простой парень»... «Сердяга, не задается... И пофрантить готовъ.» — говорили про него. Вихрастый гимназистъ не отходилъ отъ него, стараясь услужить. Маруся крѣпко, по товарищески пожала ему руку, товарищъ Павелъ черезъ очки посмотрѣлъ на него добрыми глазами и снисходительно сказалъ: — «выслушаемъ армію».

Саблина слушали внимательно. Онъ говорилъ хорошо, и хотя послѣ его рѣчи опять всѣ накинулись на него и онъ понялъ, что онъ никого не убѣдилъ, но онъ чувствовалъ себя центромъ кружка и замѣтилъ, что оставилъ впечатлѣніе. Маруся горячо благодарила его за докладъ и смотрѣла на него, какъ бы говоря: — «мы сообщники».

Послѣ этого четверга началась переписка между Марусей и Саблинымъ. Переписка велась на серьезныя темы. Она заставила Саблина прочитать много книгъ о политической экономіи, о соціализмѣ, о рабочемъ вопросѣ. Переписка развивала Саблина, а его письма смягчали Марусю.

Она сначала отнеслась къ нему свысока.

«Красивый баринъ... Вербный херувимчикъ», — такъ называла она его. Считала пустымъ, глупымъ и необразованнымъ. Когда писала подъ диктовку Коржикова передѣлывала фразы попонятнѣе, избѣгала спеціальныхъ терминовъ. Отвѣты Саблина показали, что «вербный хе-

рувимъ много читалъ и много думалъ. И незамѣтно, въ теченіе зимы, создалась между ними духовная близость. Они уже кокетничали другъ передъ другомъ въ письмахъ красивымъ оборотомъ рѣчи, эффектнымъ сравненіемъ, необычайнымъ парадоксомъ. То Маруся вставитъ въ письмо длинную французскую фразу, чего никогда въ письмахъ къ другимъ не дѣлала и что считала неприличнымъ, или напишетъ англійское слово по англійски и какъ бы подчеркнетъ свое образованіе, то Саблинъ серьезное письмо закончитъ стихами Апухтина или Фета, подобранными къ мѣсту, и пропадаетъ сухость письма и за серьезными строками о политическомъ вопросѣ глядитъ любящее сердце и говоритъ о томъ, что они близки другъ къ другу. У Мартовой они были на людяхъ. Маруся всегда молчала. Только пѣла послѣ споровъ, пѣла много, хорошо, съ увлеченіемъ, но все пѣла серьезныя вещи, гдѣ не говорилось ни о любви, ни о страсти.

«Кто она?» — мучительно думалъ Саблинъ и самъ окутывалъ ее тайной рожденія, тайной происхожденія и прочилъ ей великую славу. Онъ хотѣлъ ее видѣть близко, наединѣ, такъ, чтобы прямо сказать ей, что она ему очень нравится, что она заколдовала, заворожила его и спросить прямо: — кто она? другъ или недругъ?

Онъ увидалъ ее въ Александринскомъ театрѣ на Коммиссаржевской. Просидѣлъ два акта, слушалъ глубокій голосъ артистки съ душевнымъ надрывомъ, трогавшій самымъ тембромъ своимъ и думалъ: — «чей голосъ напоминаетъ ему голосъ Коммиссаржевской .. Да, голосъ Маруси».

Въ антрактѣ онъ стоялъ, оперпись спиною о барьеръ оркестра и небрежно держа въ опущенной лѣвой рукѣ, затянутой въ перчатку, цвѣтную фуражку и обводилъ глазами ложи, ища знакомыхъ. Случайно поднялъ глаза къ третьему ярусу и увидѣлъ Марусю. Она сидѣла на первой скамейкѣ балкона и когда увидѣла, что онъ смотритъ на нее, улыбнулась ему. Безсознательное счастье было въ этой улыбкѣ. Саблинъ сейчасъ же пошелъ между кресслъ къ выходу. Маруся поняла его дви-

женіе и встрѣтила его на лѣстницѣ у бельэтажа. Они вошли въ фойе. Народа было мало и, когда проходили они мимо рослыхъ часовыхъ гвардейской пѣхоты, стоявшихъ у входа въ Царскую ложу, солдаты, стукнувъ прикладами ружей, щеголевато, «по-ефрейторски», взяли на караулъ и вскинули головы на Саблина. Маруся вздрогнула и разсмѣялась.

— Это вамъ? — сказала она. — Неужели это вамъ нужно? Вамъ нравится?

И сейчасъ же смутилась, робко заглянула въ его лицо, точно хотѣла подсмотрѣть, не сердится ли онъ и, замѣтивъ, что лицо его стало грустнымъ, сказала:

— Не сердитесь, пожалуйста. Я не знаю, можетъ быть, вы и правы: все это нужно.

Саблинъ заговорилъ объ игрѣ Коммиссаржевской. Они ходили въ толпѣ по коридору, зеркала отражали ихъ и онъ не могъ не замѣтить, какъ красива была Маруся и она не могла не видѣть его красоты подлѣ своей.

Лукавая улыбка играла временами на ея губахъ. «Сестра солдата, дочь рабочаго», думала она, «и рядомъ съ нимъ, — аристократомъ... Красота сравняла насъ».

Они не помнили, что говорили. Было такъ хорошо, когда Маруся вскидывала на него голубые глаза. Трепетали тогда темныя рѣсницы.

— Вы находите, вы находите... — быстро говорила она. — Вы тоже замѣтили? А замѣтили вы, какъ сказала она «мнѣ жаль васъ», и начала говорить подъ музыку. Ахъ, это такъ было красиво! И какъ!.. какъ она играетъ! Вѣдь это геній, Александръ Николаевичъ. Какое счастье быть такой артисткой. Тысячи людей слушаютъ ее и живутъ ея словами, музыкой ея голоса.

— Вы, если захотите, будете лучше ея.

— Вы думаете?.. Нѣтъ, серьезно, Александръ Николаевичъ, скажите: вы находите, есть у меня талантъ? Нѣтъ, вы шутите... шутите. Ахъ, это такъ жестоко, если вы смѣетесь и говорите нарочно неправду. Я хотѣла бы... Я сама не знаю, чего хотѣла бы?.. Вы навѣрно

думаете: вотъ глупая дѣвочка, сама не знаетъ, чего хочетъ.

— И занимается интегральнымъ исчисленіемъ.

— Оставьте, пожалуйста. И ничего подобнаго. Я можетъ быть брошу все это. Можетъ быть я солгала вамъ... Я пойду на сцену. Вы вѣдь совсѣмъ не знаете, кто я такая.

— Красивая дѣвочка, — сорвалось у Саблина.

Она опустила глаза, ея щеки поблекли.

— Не надо такъ... — тихо сказала она. — Ахъ, не надо, не надо такъ!.. Никогда не будемъ говорить объ этомъ. Это не хорошо. Не идетъ совсѣмъ къ вамъ. Мы будемъ друзьями.

Звонки мѣшали. Хотѣлось спѣшить занять свое мѣсто, слушать и смотрѣть на сцену, упиваясь драмой, какъ можно ею упиваться только въ девятнадцать лѣтъ и жаль было разстаться.

— Когда же мы увидимся? — спросилъ онъ.

— Въ четвергъ. Вы будете?

— Мнѣ хотѣлось бы увидать васъ опять такъ, какъ сегодня, чтобы говорить съ вами, чтобы вы были только для меня.

— Хотите, въ воскресенье пойдемъ въ Эрмитажъ. Вы любите картины. Я покажу вамъ ту, передъ которою благоговѣю. «Мадонну» Мурильо.

Въ воскресенье они четыре часа ходили изъ залы въ залу, стояли передъ картинами, молчали и имъ было хорошо.

Изъ мѣдныхъ отдушинъ въ залу шло тепло, зимній сумракъ сгущался по угламъ и верхнія картины были уже не видны. Художникъ, копировавшій «Мадонну» складывалъ палитру и вытиралъ кисти. Пахло масломъ и скипидаромъ. На холстѣ ярко горѣли краски и «Мадонна» стояла точно обновленная и освѣженная въ копіи. Маруся подняла голову на картину и полуоткрывъ ротъ смотрѣла въ лицо «Мадонны». Ея глаза были широко раскрыты. Восторгъ отражался въ нихъ и слеза умиленія покрыла ихъ блестящею пеленою.

— Такъ написать! — прошептала она. — Для этого надо было вѣрить и любить.

Саблинъ не смотрѣлъ на картину. Онъ не сводилъ съ Маруси восхищеннаго взгляда.

Маруся повернулась къ нему и засмѣялась короткимъ, смущеннымъ смѣхомъ.

— Что вы такъ смотрите на меня? — сказала она и стала пунцовой подъ его взглядомъ.

— Какъ вы похожи, — тихо сказалъ Саблинъ.

— На кого?

Маруся догадалась и опустила глаза.

— Оставьте, — сказала она. — Какъ вамъ не стыдно! Не говорите пустяковъ. Она небесная... а я... простая земная дѣвушка со всѣми недостатками дочери земли.

- Для меня вы... само небо. Вы тянете меня кверху. Вы пробудили во мнѣ все лучшее, что спало во мнѣ грѣшнымъ сномъ.

Маруся строго посмотрѣла на Саблина, ничего не сказала и скорыми шагами пошла въ выходу. Звонко застучали ея каблуки по мрамору галлереи со статуями. Не оборачиваясь, опустивъ голову, она спускалась по мелкимъ ступенямъ широкой лѣстницы. Два раза пріостановилась, точно голова у нея кружилась. Швейцаръ ей подалъ шубку. Они уходили послѣдними. На улицѣ было еще свѣтло. Гасъ ясный мартовскій день. Красные лучи заходящаго солнца горѣли золотомъ на большихъ окнахъ Штаба Округа. Александровская колонна отбрасывала на бѣлый снѣгъ длинную тѣнь густого, синяго цвѣта. Изъ-подъ арки выѣзжали парныя сани и вороные рысаки, подъ бѣлой сѣткой четко стучали копытами. Выѣздной лакей въ ливреѣ съ широкимъ собачьимъ воротникомъ на плечахъ, стоялъ сзади саней и держался за кисти полости. Вправо звенѣли конки и уносились подъ темные сучья аллеи.

На солнцѣ таяло, а въ воздухѣ крѣпко пахло начинавшимся вечернимъ морозомъ.

— Марія Михайловна, — сказалъ Саблинъ, — по-

ѣдемте кататься. День такъ хорошъ. На островахъ теперь должно быть чудно.

Что то просящее, жалкое показалось въ глазахъ Маруси. Она боролась съ сильнымъ желаніемъ отдаться обаянію яснаго дня, солнца, красоты зеленѣющаго надъ городомъ неба, и ѣхать съ нимъ, чужимъ и близкимъ, тѣсно прижавшись въ узкихъ саняхъ, къ простору родного залива. Борьба длилась секунду; она побѣдила свое сердце.

Темныя рѣсницы опустились, закрыли на половину глаза и скрыли ея помыслы и желанія. Лицо стало спокойнымъ и гордымъ.

— Благодарю васъ, Александръ Николаевичъ, но уговоръ лучше денегъ. Никогда меня объ этомъ не просите. Это лишнее. Этого нельзя. Вы направо — я налѣво.

— А если и мнѣ налѣво?

— Тогда мнѣ направо.

Саблинъ вздохнулъ. Онъ зналъ уже, что переспорить Марусю нельзя. Она пожала ему руку и спустившись съ крыльца Эрмитажа, пошла къ штабу Округа.

Саблинъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, смотрѣлъ, какъ мелко ступали маленькія ножки, по-петербургски, безъ калошъ, по усыпаннымъ жолтымъ пескомъ гранитнымъ плитамъ, посмотрѣлъ, какъ, не оглянувшись на него, свернула она къ Мойкѣ и скрылась за домами.

«Что же это такое?» подумалъ Саблинъ. «Увлеченіе, страсть, любовь, симпатія?» Ему было такъ хорошо, какъ еще никогда не было.

Жизнь улыбалась ему, жизнь дарила ему счастье.

XXXIX

Весною должна была быть въ Москвѣ коронація Государя и Государыни. Отъ полка шли первый эскадронъ и трубачи. Саблинъ былъ во второмъ эскадронѣ, но командиръ полка приказалъ его прикомандировать къ пер-

вому и ему ѣхать въ Москву. Саблина посылали на коронацію не потому, что онъ былъ хорошій фронтовикъ, внимательно относился къ службѣ и зналъ солдатъ лучше, чѣмъ другіе офицеры, а только потому, что онъ физически былъ красивъ и въ стилѣ людей перваго эскадрона. Это оскорбляло Саблина. На него смотрѣли, какъ на красивое животное. Мацневъ съ обычнымъ цинизмомъ высказалъ это.

— Да, милый Саша, — сказалъ онъ, — не родись уменъ, не родись богатъ — скажу вопреки пословицѣ, — не родись счастливъ, а родись красивъ. Красота это все, и для мужчины еще болѣе чѣмъ для женщины. Помяни мое слово, Саша, ты флигель-адъютантомъ со временемъ будешь, командовать полкомъ будешь — тебѣ все! Потому что ты — мазочка. Посмотришь на тебя и хочется пріятное тебѣ сдѣлать. Женщина хочетъ угодить тебѣ и мужчина хочетъ порадовать тебя.

— Ты одинъ говоришь мнѣ непріятности, — сказалъ Саблинъ, хмуря тонкія соболиныя брови.

— Кто же скажетъ тебѣ правду, милый Саша, если не я, старый циникъ. Я тебя берегу, какъ зѣницу ока, я, можетъ быть, одинъ изъ немногихъ, вижу за твоимъ смазливымъ личикомъ прекрасную душу. Другимъ ты только декорація. Портретъ, на который пріятно смотрѣть.

Не коронаціонныя торжества увлекли Саблина. При обожаніи Саблина къ Государю — ему особенно радостно было увидѣть Русскаго Царя во всей его славѣ, въ коронѣ и порфирѣ, окруженнаго ликующимъ народомъ.

По пріѣздѣ въ Москву Саблинъ весь отдался наблюденіямъ. Свободнаго времени было много. Вся служба состояла изъ карауловъ, да изъ стоянія шпалерами на улицахъ и на площадяхъ. Все это было не каждый день, а когда этого не было, офицерамъ дѣлать было нечего и Саблинъ шатался по тѣмъ улицамъ, гдѣ ожидали проѣзда Государя и гдѣ была толпа. Онъ наблюдалъ толпу, слу-

шалъ то, что говорили въ народѣ и старался понять отношенія простыхъ людей къ Царю.

Саблинъ скоро почувствовалъ, что и для народа, какъ для него, Царь былъ существо особенное, полубогъ. Царь могъ только миловать, только дарить. Царь былъ источникомъ радости. Все-то, что исходило отъ Царя, было священно. Простыя женщины и дамы общества старались поднять цвѣты, на которые ступала его нога. Народъ толкался и давилъ другъ друга, чтобы увидать его и видѣлъ не то, что было, а то, что хотѣлъ видѣть. Царь и Царица казались нездешними и прекрасными, совершенными существами. Государь для народа былъ громаднаго роста и всегда улыбающійся. Имъ восхищались. Во всемъ, чло раздражало народъ, что ему не нравилось, виноваты были господа, окружавшіе Государя, не допускавшіе къ нему народъ и всячески обижавшіе, угнетавшіе и обкрадывавшіе народъ. Въ Московской коронаціонной толпѣ, Саблинъ впервые почувствовалъ какую глубокую пропасть ставилъ между Царемъ и господами народъ. Царь былъ для народа божество, а господа темныя силы, которыя всячески старались удалить это божество отъ народа изъ своихъ личныхъ и всегда матерьяльныхъ выгодъ.

Горѣла иллюминація. Кремль съ Иваномъ Великимъ, какъ кружево огней повисли въ темномъ небѣ, расцвѣченные по фасадамъ электрическими лампочками. Это было чудо роскоши и красоты. Прожекторы бросали лучи свѣта по улицамъ, блистали фейерверки и бенгальскіе огни. Жизнь претворилась въ сказку, и народъ шатался по улицамъ и бульварамъ, ахалъ, охалъ отъ удивленія, но былъ недоволенъ и озлобленъ.

— Развѣ такая иллюминація должна быть, — говорилъ мастеровой, шедшій сзади Саблина. — Государь десять милліоновъ отпустилъ на иллюминацію, а потратили всего пять.

— Куда же остальные дѣвались? — спросилъ его принаряженный рабочій.

Мастеревой пугливо оглянулся кругомъ, и убѣжденно сказалъ:

· Господа украли.

— Ну дѣла!

Это «господа украли,» «господа взяли,» «господа не допустили,» «кабы не господа — развѣ такое было бы» — Саблинъ слышалъ часто въ городской простонародной толпѣ. Ему хотѣлось вступить въ споръ, но не зналъ, что сказать, какъ опровергнуть. Его смущали косые, недовѣрчивые взгляды, что бросали на металлъ его погонъ, на его цвѣтную фуражку люди изъ толпы.

Было и другое, что подмѣтилъ въ толпѣ Саблинъ. И это было еще хуже. Народъ боялся чего то худого, что могутъ сдѣлать съ Царемъ и не вѣрилъ другъ другу. И что Саблину было особенно противно, боялся не за Царя, а за себя, какъ бы самому при этомъ не пострадать. Казалось бы, при той всепоглощающей любви къ Государю, которая была въ народѣ и при боязни, что съ Государемъ можетъ что нибудь случиться, всѣмъ бы любящимъ его сплотиться подлѣ, составить плотную стѣну вокругъ Царя, не допускающую никакого злоумышленника. Но было иначе. Толпа тянулась къ Государю, хотѣла его видѣть, но и боялась его. Подлѣ него было опасно. Во время иллюминаціи въ одной изъ побочныхъ улицъ, гдѣ, какъ то навѣрно зналъ Саблинъ, Государь не долженъ былъ проѣзжать, раздался сильный взрывъ. Весь народъ, а кругомъ Саблина была толпа, метнулся въ сторону отъ взрыва. — Саблинъ съ немногими побѣжалъ узнать въ чемъ дѣло. Взорвало газъ въ подвальномъ помѣщеніи, гдѣ, по счастью, никого не было. Выбило стекла изъ оконъ и начался пожаръ, тутъ же и потушенный домашними средствами. Люди, прибѣжавшіе съ Саблинымъ, радовались, что все кончилось такъ просто, но были и разочарованы. Точно ждали чего то. Жаждали крови и великихъ потрясеній. Въ любопытствѣ народномъ проступало страшное звѣрство.

Подлѣ Государя, въ Кремлѣ, на Красномъ крыльцѣ, толпились все больше одни и тѣ же лица. Они старались не допускать постороннихъ къ Государю. Они говорили мало, были озабочены и каждаго, даже Саблина, подозрительно оглядывали и Саблинъ понялъ, что эти мужчины, дамы и даже дѣти — это не народъ, а агенты охранной полиціи. Народъ хотѣлъ видѣть Государя, но вплотную подойти къ нему не могъ. И потому Государь не могъ видѣть народа и подлинный народъ не могъ видѣть Государя. Это оскорбляло Саблина. Саблинъ вѣрилъ въ народъ и любилъ Государя. Ему казалось страннымъ и дикимъ, что народъ не пускаютъ къ Царю. Онъ рѣшилъ увидѣть его на Ходынкѣ, гдѣ было назначено народное гулянье, гдѣ Царь долженъ былъ явиться среди народа и пировать съ нимъ, какъ пировалъ нѣкогда Владиміръ Красное Солнышко, окруженный богатырями. Саблинъ зналъ, что на Ходынскомъ полѣ были воздвигнуты трибуны, поставлены столы и приготовлено пиво, медъ, пироги и сласти для народа. Саблинъ зналъ, что подлинный народъ: — крестьяне окрестныхъ деревень, фабричные сосѣднихъ громадныхъ фабрикъ и мануфактуръ, прислуга Московскихъ домовъ собирались туда не только спозаранку, но шли наканунѣ, чтобы получить Царскіе подарки. Шла и прислуга того дома, гдѣ жилъ у своей дальней родственницы Саблинъ. Саблина трогало то чувство святости, что придавала прислуга Царскому подарку. Саблинъ зналъ, что подарокъ состоялъ изъ жестяной кружки, позолоченой и грубо раскрашенной съ плохими старыми конфетами. Вся цѣна ему была полтинникъ, и его можно было купить за эту цѣну, но шли, чтобы получить его даромъ, отъ Царя.

— Принесу, и подъ образа поставлю, — говорила старуха - кухарка. — Буду молиться, Царя-батюшку, Царицу-матушку поминать.

Саблинъ рѣшилъ встать до свѣта и пойти не за подаркомъ, а за свѣтлыми чувствами народной любви къ Государю.

XL

Солнце еще не поднялось за домами, и чувствовалось только въ длинныхъ, точно лѣнивыхъ тѣняхъ, что отбрасывали отъ себя дома и деревья. Было свѣжо, но день обѣщалъ быть яркій, солнечный и душный. Золотистое марево пыли висѣло надъ городомъ. Надъ нимъ высокимъ куполомъ опрокинулось глубокое синее знойное небо, безъ облаковъ.

Несмотря на ранній часъ, улицы были полны народомъ. Саблину не нужно было спрашивать, куда идти. Всѣ шли по одному направленію, ускоряли шаги, торопились, чтобы первыми придти на Ходынку. Знали, что подарковъ припасено много, что хватитъ всѣмъ, и все-таки торопились, толкались, и злобно поглядывали другъ на друга. Толпою владѣла жадность. Шли богатые и бѣдные, и всѣ принарядились, какъ на праздникъ. Много было дѣтей, гимназистовъ и гимназистокъ, школьниковъ, были бабы съ грудными младенцами.

Въ этой суетливой, торопящейся толпѣ, Саблинъ и себя ловилъ нѣсколько разъ на томъ, что онъ торопился. Онъ замедлялъ шаги, но толпа, обгоняя его, подхватывала за собою, и онъ снова ускорялъ ходъ.

За Тверскими воротами, пройдя фабрику Сіу и нѣсколько дачъ, Саблинъ увидѣлъ широкое поле, влѣво отъ шоссе, покрытое черною толпою и глухо гудѣвшее. Онъ зналъ, что раздача подарковъ назначена послѣ двѣнадцати часовъ. Было всего около шести часовъ утра, а уже нельзя было протолкаться. Какъ только Саблинъ вошелъ въ толпу, — почувствовалъ, что онъ закупоренъ въ ней и выхода ему нѣтъ. Шедшіе толпами люди, стали сзади него. Рядомъ съ Саблинымъ оказался толстый купецъ въ длиннополомъ сюртукѣ. Очень высокій чиновникъ съ орденомъ на шеѣ, барышня со студентомъ въ рубахѣ и тужуркѣ и мастеровой, — окружили Саблина.

— Что Господь грѣхамъ терпитъ, — сказалъ, отирая градомъ катившійся потъ, купецъ. — Экая уймища народа, а городовыхъ не поставили.

— А вы по фараонамъ соскучились? — огрызнулся мастеровой.

Купецъ скосилъ на него глаза и ничего не отвѣтилъ.

— Распоряженіе свыше было, — почтительно сказалъ чиновникъ, поглядывая на Саблина, — чтобы, значитъ, никакой полиціи, никакого стѣсненія народа. Слышно, Государь Императоръ изволилъ остаться отмѣнно доволенъ тѣмъ порядкомъ, какой былъ на иллюминаціи, и приказалъ, чтобы полиціи не было.

— Ахъ, и народъ же звѣрь! — сказалъ купецъ.

— Смотрите, что дѣлаютъ, — сказалъ, приподнимаясь на носки, чиновникъ.

— А что? — спросила барышня.

— Да на заборъ ребята полѣзли, — сказалъ чиновникъ.

— Этакое безобразіе! — проворчалъ купецъ.

— Раздаютъ... Раздаютъ... подарки... пошли... тронулись... — шелестомъ пронеслось по толпѣ.

— Да развѣ время?... Говорили: — Государя ждать будутъ, — сказалъ купецъ, отодвинулъ локтемъ Саблина и сталъ впереди него.

— Вы что же впередъ лѣзете, не спросивши? — сказалъ мастеровой. — Хорошо это?.. Господина офицера какъ придавили.

— А вамъ какое дѣло!?... Куда народъ, туда и я за народомъ.

Толпа сзади напирала, ломясь на проломъ. Заплакалъ ребенокъ.

— Ребенка давите! Не видите, что ли?!... Черти полосатые!..

— Гдѣ же его тутъ угадаешь!?

— Полегче бы, господа, надо.

Спереди назадъ, черезъ толпу, ломя локтями, продирались растрепанные люди съ возбужденными красными лицами. Они несли надъ головами пестрые узелки съ царскимъ подаркомъ. Ихъ останавливали и разспрашивали, какъ они его получили.

— Начали, значитъ?

— Не дождамшись Государя...

— Тамъ, господа, такое... Чистыя страсти!

— Да взяли-то гдѣ?...

— А ребята, значитъ, заборъ перелѣзли и въ народъ подарки кидаютъ.

— Безобразіе!..

— А ты самъ постой тамъ, такъ увидалъ бы, какое безобразіе! Я со вчерашняго дня стою, ажъ ноженекъ не чувствую. Еще бы малость — сомлѣла бы. Чего еще ждать?

— Тамъ, братцы, барышню на смерть задавило. Такъ мертвая стоймя и стоитъ, и не вынесешь.

Голоса наростали. И подарки, и то, что мертвая тамъ стоймя стоитъ, и гулъ, неясный и глухой, что шелъ оттуда — все возбудило толпу, и она, сначала точно топчась на мѣстѣ, качнулась, а потомъ надавила и пошла, когда, казалось, нельзя было и шага ступить впередъ. Теперь оттуда, — (кто это видалъ, кто это узнавалъ — Саблинъ не могъ понять), — шли извѣстія, что происходитъ на мѣстѣ празднества.

Прохоровской мануфактуры ребята будто перелѣзли заборъ, увидали большую бочку пива на столбахъ и рѣшили свалить ее на землю. Они раскачали столбы, бочка упала и задавила тѣхъ, кто былъ подъ нею. Извѣстіе о томъ, что среди труповъ «лакаютъ пиво», не устрашило, не заставило бѣжать, но, напротивъ, возбудило любопытство.

— Тамъ упокойнички ля-жатъ... бѣлые... а народъ подлѣ съ кружками. Стра-асть!...

Двигались впередъ. Глаза стали округлыми и безсмысленными. Никто не смотрѣлъ на другого, но, напряженно сопя, шли посмотрѣть что-то необычайное, страшное, гдѣ смерть коснулась другихъ людей, минуту тому назадъ такихъ же жизнерадостныхъ, какъ они сами.

Саблинъ былъ уже во власти толпы. Онъ не могъ ни повернуть назадъ, ни выйти въ сторону. Сдавленный людьми, онъ вмѣстѣ съ ними медленно подавался къ тому страшному, что происходило впереди. И вдругъ уви-

далъ пустой промежутокъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него чернѣли густою стѣною людскія спины, а передъ ними растерянно, въ ужасѣ, метались люди, стараясь остановиться, и падали, исчезая внизу. Саблинъ увидалъ глубокіе рвы, камни, кирпичные обвалы, остатки фундаментовъ бывшей здѣсь всероссійской выставки. Туда падали люди и встать оттуда не могли. И Саблинъ понялъ, что еще нѣсколько шаговъ и онъ полетитъ туда, откуда слышались стоны, плачъ, вопли и мольбы о помощи.

Холодокъ пробѣжалъ по его спинѣ.

«Вотъ она — смерть», — подумалъ Саблинъ. — «Какая глупая смерть».

Услышалъ женскій крикъ и дѣтскій плачъ, почувствовалъ, какъ чьи-то тонкіе пальцы впились ему въ рукавъ его легкаго пальто и въ самое ухо прошептали ужасомъ налитыя слова:

— Господи! Что это?!.. Спасите!... Господинъ офицеръ!... Спасите!...

Овладѣлъ собою.

Съ купцомъ, чиновникомъ, мастеровымъ и студентомъ, взявшись за руки, составили оплотъ. Уперлись ногами и заставили толпу обтекать себя. Ихъ сейчасъ же оттѣснили назадъ и Саблинъ уже не видѣлъ страшнаго, пустого мѣста. Только слышалъ глухой стукъ падающихъ тѣлъ и вопли и крики, становившіеся все тише и потому еще грознѣе.

Дѣвушка, вцѣпившаяся въ его пальто, дрожала.

— Что это... — шептала она. — Что?... что?... по людямъ пошли... На смерть ногами давятъ...

Издали, съ мѣста празднествъ, наросталъ ликующій вой. Саблину удалось податься назадъ. Стало свободнѣе. Изъ города неслись пожарные, бѣжали саперы и скакали казаки, разрѣжать народъ, спасать, кого можно было спасти.

Часто проходили мимо люди и несли узелки. Много шло женщинъ въ разорванныхъ, нарядныхъ пестрыхъ кофтахъ, въ платкахъ, сбитыхъ на спину, съ растрепан-

ными волосами, молодыя и старыя, онѣ проталкивались мимо Саблина. Они были оживлены и веселы.

— Тамъ народу навалёно — страсть... И мертвые — говорила одна.

— Которые мертвые, а которые и просто сомлѣли... Отойдутъ.

— И не пройдешь — не наступишь...

— Я какъ ступила... А оно шевелится... Ай, страсти какія!...

— Озорничать стали мальчишки... Я, было, три узелка захватила. Такъ, вишь-ты, ему завидно. Двое отобралъ...

— Меня толкнули... Синякъ будетъ.

— Ну, ты свое взяла...

— Взяла... А чего не взять? Царское... Для народа и принасёно.

Саблинъ шелъ за ними. Лицо его было красное. Бурно колотилось въ груди сердце.

«Народъ... Народъ... звѣрь народъ...» — думалъ онъ. — «Что же правы тѣ, кто учреждаетъ полицію, топчетъ народъ конными жандармами, разгоняя толпы, или права Маруся, что говорила ему: — «надо дать свободу народу... не нужно полиціи... не надо войска... народъ самъ можетъ собою управлять»?

Онъ уже вышелъ изъ толпы и шелъ съ тѣми, кто, счастливый и возбужденный, возвращался съ узелками царскихъ подарковъ. Но онъ не торопился. Онъ шелъ медленно, стараясь понять и уяснить себѣ, что же это произошло?

XLI

Несчастье на Ходынскомъ полѣ не могли скрыть отъ Государя. Размѣры его сильно уменьшили, отговаривали Государя ѣхать на поле и отмѣнить праздникъ. Государь считалъ, что отмѣна праздника произведетъ худое впечатлѣніе на народъ и иностранцевъ, и приказалъ, чтобы

праздникъ начали, и самъ поѣхалъ въ открытой колясккѣ съ императрицей на Ходынское поле.

Съ поля по лѣвой дорогѣ, идущей вдоль Петербургскаго шоссе, медленно ѣхали пожарныя линейки. Онѣ до верху были наполнены мертвецами. Изъ-подъ брезентовъ, съ краевъ свѣшивались ноги и тихо качались. Высокіе, тяжелые сапоги бутылками и рядомъ ажурные шелковые чулки, башмачки и юбки съ кружевами, чьи-то старыя большія истоптанныя туфли и крошечныя ножки ребенка. Смерть сравняла всѣхъ: богатыхъ и бѣдныхъ, старыхъ и молодыхъ. За четверками сытыхъ пожарныхъ лошадей медленно ѣхали ломовыя подводы съ тѣмъ же страшнымъ грузомъ. Государь ѣхалъ по правой сторонѣ шоссе и не могъ не слышать печальныхъ тихихъ перезвоновъ пожарныхъ колокольцевъ, не могъ не видѣть длинной вереницы подводъ. Онъ понялъ, что размѣры бѣдствія скрыты отъ него, что произошла: — катастрофа. Императрица сидѣла съ блѣднымъ лицомъ, и красныя пятна румянца проступили у скулъ и становились сизыми. Печально, горами труповъ встрѣчалъ ее, вѣнчанную царицу, Русскій народъ.

Изъ деревяннаго павильона, куда пошелъ Государь, открылось море обнаженныхъ людскихъ головъ. Противъ павильона, на эстрадѣ, были музыканты. Они играли народный гимнъ.

Внизу выла и ревѣла толпа. Большинство столовъ было смято ею, бочки съ виномъ, пивомъ и брагой опрокинуты, мѣшочки съ подарками расхватаны. Но при видѣ Государя восторгъ охватилъ толпою. Шапки черной тучей полетѣли вверхъ и дикое «ура» взмыло къ небу.

Блѣдная, въ красныхъ пятнахъ Императрица съ ужасомъ смотрѣла на русскій народъ. Дикари Камеруна, вѣроятно, показались бы ей менѣе дикими. Она только что видѣла груди мертвыхъ тѣлъ, растоптанныхъ этими самыми людьми, и ожидала увидѣть въ нихъ раскаяніе, благоговѣйное, молитвенное молчаніе, порядокъ и стыдливую тишину.

Мужикъ, съ растрепанной косматой бородою, въ раз-

стегнутомъ кафтанѣ, въ алой разорванной на груди рубахѣ, откуда лохматилась волосатая черная грудь, съ бутылкой пива въ рукахъ, смотрѣлъ на нее дикими глазами и оралъ «ура», притоптывая высокими сапогами по пыльной землѣ. Сѣдобородый старикъ, въ длинномъ кафтанѣ и бѣлой рубахѣ, сталъ на колѣни передъ ложей и кланялся, касаясь лысой потной головой земли. Молодой парень крѣпко обнялъ румяную ядреную крѣпкую дѣвку, и, размахивая шапкой надъ головою, что-то пѣлъ...

Это были пятна среди горланящей, мятущейся по пыльному полю толпы. Они врѣзались въ памяти Императрицы на всю жизнь. И, когда ей говорили о народѣ, когда она сама думала о немъ, ей невольно вспоминались колѣнопреклоненный старикъ съ библейской бородой, пьяный растрепанный мужикъ и парень съ дѣвкой среди черной, дико ревущей толпы. Ей вспоминались тихіе, печальные перезвоны пожарныхъ линеекъ, везущихъ что-то страшное, на что не надо смотрѣть, и на что такъ и тянуло взглянуть.

Вотъ когда и какъ познала она русскій народъ и задумалась надъ его и своими судьбами. Супруга Императора — Богомъ вѣнчанная Императрица — она считала себя обязанной этому народу, и ей нужно было что-то сдѣлать для него. Что? Конечно, — просвѣтить свѣтомъ христіанской любви, познать его душу черезъ людей изъ народа! Въ ея сердце, въ эти страшные часы на Ходынскомъ полѣ и по пути къ нему, запалъ таинственный мистицизмъ. Ибо что, какъ не волю Божію, какъ не Рокъ, распростершій надъ нею свое черное крыло, могла она видѣть въ этомъ несчастьи, выросшемъ до катастрофы? И что можно было противопоставить Року, какъ не молитву?..

Сопровождавшіе Государя великіе князья и княжны бросали въ толпу приготовленные въ ложѣ подарки и толпа кидалась за ними, дралась, разрывая ихъ на части. Все это покрывалось мощными величественными звуками Русскаго гимна. На все лились жаркіе румяные лучи майскаго солнца, ни разу не измѣнившаго Государю въ

дни его священнаго коронованія. Начался концертъ. Отрывки изъ русскихъ оперъ раздавались надъ гомонящимъ людьми полемъ и все казалось, что сквозь пѣніе скрипокъ прорываются тихіе перезвоны колокольцевъ пожарныхъ линеекъ, везущихъ съ поля страшный грузъ.

Государь пробылъ полчаса на Ходынскомъ полѣ и поѣхалъ обратно. Пара сѣрыхъ рысаковъ его коляски, пугливо храпя и пожимаясь, обгоняла уже въ городѣ линейки съ трупами. Дѣтскія и женскія ноги тихо подрагивали, равнодушныя ко всему, нелѣпо торчащія изъ-подъ брезентовъ...

Толпа ровнымъ, мѣрнымъ потокомъ текла за страшными подводами, стараясь ихъ обогнать. Саблинъ шелъ въ этой толпѣ.

Онъ слышалъ разговоры въ ней. Вдругъ обнажились головы... Нестройное и жидкое «ура» прокатилось среди идущихъ... Государь проѣхалъ...

Сзади Саблина говорили, и не шопотомъ, опасаясь, а громко и со злорадствомъ:

— Видалъ, значитъ, голубчикъ...

— Ему-то полезно посмотрѣть, какъ господа народъ мордовали.

— Что набили, страсть!

— Ему судить! Ему вѣшать надо тѣхъ, которые...

Но «которыхъ» — не находили.

— Полиція-то что смотрѣла? Гдѣ не надо — жандармы конями людей топчутъ, а тутъ, какое случилось, а они только опосля пришли...

— Къ худу это! Все, значитъ, царствіе его такое будетъ. Много народа пропадетъ почемъ зря... Кровавое будетъ царствіе...

— Да, попьютъ нашей кровушки...

Это было общее мнѣніе, что несчастье на Ходынкѣ худой знакъ. Мистическій ужасъ повисъ надъ Москвой. Хотѣли отмѣнить остальныя празднества — балъ, парадъ и скачки, но Государь выдержалъ характеръ и до конца пробылъ въ Москвѣ. Въ этотъ же вечеръ онъ появился съ Императрицей на балу у французскаго по-

сланника. Оба были блѣдны и улыбались тяжелой, натянутой улыбкой. При нихъ начались танцы. Ни Государь, ни Императрица не приняли въ нихъ участія. Они постояли въ углу зала нѣсколько минутъ и уѣхали.

Имъ было безконечно тяжело. Они знали свой долгъ передъ народомъ, знали, что отмѣна празднествъ усугубить нелѣпые толки, стразится заграницей, и, во имя Родины, скрѣпя сердце, заглушивъ его мучительную боль, они смотрѣли на блестящій балъ у посланника той страны, съ которой ихъ связалъ узами вѣчной дружбы отецъ — Императоръ Александръ III. — Все для народа.

Народъ толпился подъ ярко освѣщенными окнами, узнавалъ, кто пріѣхалъ и возмущался.

«Столько покойниковъ сегодня въ Москвѣ! Нежданныхъ, негаданныхъ покойниковъ. Такое несчастье страшное!.. А имъ что!.. Веселятся... Пляшутъ... Народное горюшко мимо!...

«Господа!»

Государь приказалъ произвести строжайшее разслѣдованіе, наказать виновныхъ, похоронить на его счетъ жертвы и выдать семьямъ щедрое пособіе. Цифра этого пособія была раздута толпой до невѣроятныхъ размѣровъ. Были люди, завидовавшіе, что у такихъ-то Машутку задавили, и «малый ребенокъ, восьми лѣтъ не было, а, слышь, многія тысячи за то получаютъ, а наша, дура, пришла здоровехонька и намъ ничего!» Но, когда дали только сотни рублей, опять заговорили о томъ, что Государь, молъ, далъ, да господа себѣ украли и до истинныхъ мучениковъ и страдальцевъ не дошло «Царское пожалованіе».

По темнымъ закоулкамъ Москвы тяжко вздыхали и говорили: — «да, до Бога высоко, а до Царя далеко», доберись-ка до правды-то! «Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ»... Затаенная злоба откладывалась въ копилку до часа возмездія.

Больно и тяжело было слушать все это Саблину. Юная душа его отзывалась всѣми своими чуткими струнами на всякое нехорошее слово о Государѣ.

XLII

Вечеромъ послѣ Ходынки Саблинъ былъ у родственницы, княгини Рѣпниной, гдѣ собрались всѣ офицеры полка, бывшіе въ Москвѣ. Онъ, волнуясь, со слезами на глазахъ, разсказывалъ о томъ, что онъ видѣлъ утромъ. Его разсказъ приняли холодно.

— Это обычное явленіе,—сказалъ, куря сигару, полковой адъютантъ. — На празднествахъ по случаю коронованія королевы Викторіи, на народномъ гуляньи, погибло гораздо больше народа. Но англичане народъ культурный. Они сумѣли это скрыть и не создавали изъ этого какой-то мелодрамы.

— Виновата полиція, — сказалъ князь Рѣпнинъ, — нужно было вызвать казаковъ и конными людьми разрѣжать толпу, оттирая ее отъ входовъ. А этого сдѣлано не было.

— Слыхали, Власовскій, полиціймейстеръ, только что застрѣлился. Такъ на него это подѣйствовало.

— И хорошо сдѣлалъ, — сказалъ командиръ перваго эскадрона, графъ Пепскій.

— Ему ничего другого не оставалось сдѣлать, если онъ мало-мальски честный человѣкъ, — сказалъ Рѣпнинъ.

— Но, князь, — горячо вступился Саблинъ, — причемъ же тутъ Власовскій?... Онъ получилъ категорическое приказаніе Государя Императора не наряжать на гулянье полиціи. Гулянье на иллюминаціи прошло такъ великолѣпно.

Сказалъ это Саблинъ, и по ледяному холодку, пробѣжавшему въ обществѣ, почувствовалъ, что сказалъ не то, что надо.

— Не забывайте, корнетъ, — холодно тянулъ адъютантъ, — что не всѣ приказанія Государя Императора надлежитъ исполнять буквально. Иныя надо исполнять по своему разумѣнію. Благородный порывъ Государя Императора, его трогательная вѣра въ благоразуміе русскаго народа должны были быть широко оглашены... Но

Власовскій долженъ былъ взять на себя смѣлость и не исполнить приказа. Народъ его ругалъ бы... Государь, вѣроятно, сдѣлалъ бы видъ, что онъ не замѣтилъ, а если бы и замѣтилъ, то отставилъ бы Власовскаго отъ должности, а потомъ его оправдали бы, но не было бы этой гадости, которую не сумѣли даже скрыть отъ Государя и иностранцевъ.

— Мнѣ разсказывали, — сказалъ штабъ-ротмистръ князь Меншиковъ, — что толпа на Ходынкѣ горячо привѣтствовала Государя. Русскій народъ — удивительный народъ. Это прекрасный, святой народъ, народъ-фаталистъ. Онъ безконечно добръ, и онъ понялъ, что эти жертвы неизбѣжны. Когда строится что-нибудь великое, необходимо пролить человѣческую кровь. Я утверждаю, что, вопреки общему мнѣнію, что это плохое предзнаменованіе и знаменуетъ кровавое царствованіе — это отличная примѣта. Миръ, тишина и слава будутъ въ Россіи надъ головой ея великаго Самодержца.

— Я говорилъ третьяго дня частнымъ образомъ съ Его Величествомъ, — сказалъ князь Рѣпнинъ, и все общество придвинулось къ нему и почтительно насторожилось. — Государь Императоръ мечтаетъ о вѣчномъ мирѣ. Онъ преисполненъ самыхъ лучшихъ желаній. Весь обрядъ коронованія на него подѣйствовалъ чарующимъ образомъ. Государь Императоръ повѣдалъ мнѣ, что онъ чувствовалъ, какъ благодать Божія снизошла на него во время мѵропомазанія. Онъ говорилъ, что онъ предполагаетъ достигнуть того, чтобы войнъ не было, но всякій споръ между народами рѣшался бы на конференціяхъ третейскимъ судомъ. Онъ разсчитываетъ соединить при помощи Россіи Францію, Англію и Германію, къ которымъ онъ одинаково благосклоненъ. Въ Бозѣ почившій Императоръ отлично зналъ, что дѣлалъ, когда въ жены ему предназначилъ германскую принцессу, и притомъ изъ небогатаго дома.

— Это новая Екатерина Великая, — сказалъ толстый поручикъ Метелинъ, отличавшійся тѣмъ, что всегда говорилъ невпопадъ.

— Какъ царственно прекрасна была молодая Императрица въ уборѣ Россійской царицы, — сказалъ адъютантъ, — въ ней сочетались красота женщины съ величіемъ богини.

Саблинъ слушалъ, молчалъ, и не понималъ.

«А какъ же», — думалъ онъ, — «та прекрасная дѣвушка, что лежала, запачканная пылью, со слѣдами каблука на вискѣ, дѣвушка, отлично, богато одѣтая, хорошей семьи, валявшаяся никому уже не нужная, на откосѣ канавы? Какъ же тотъ маленькій гимназистъ, на чьемъ зеленомъ лицѣ рѣзкими пятнами легли брови и густыя рѣсницы — гимназистикъ, котораго утромъ заботливо снаряжала его мама — какъ же онъ брошенъ на пожарныя дроги и увезенъ? Что же это?... Асфиксія? — какъ сказалъ чиновникъ... Несчастный случай, нераспорядительности Власовскаго, или громадная кровавая жертва людьми, принесенная какому-то страшному нехристіанскому богу для того, чтобы новое царствованіе было прекрасно.» Но, что бы это ни было, Саблинъ не могъ отрѣшиться отъ сознанія, что все это было ужасно. Оно не красило Государя. Первый разъ его сердце дрогнуло... О! ни на одну минуту онъ не переставалъ любить и боготворить Государя... Но зачѣмъ, зачѣмъ это было?! Зачѣмъ видѣли Государь и Императрица весь этотъ ужасъ, и какъ могли они перенести его? Кажется, теперь вѣчно будетъ слышать Саблинъ эти печальные, точно похоронные, перезвоны дышловыхъ колокольцевъ и будутъ чудится человѣческія ноги, мѣрно качающіяся изъ-подъ брезентовъ!

Онъ не искалъ виновныхъ среди людей. Сердцемъ своимъ онъ спрашивалъ Бога, какъ допустилъ Онъ, всемогущій, это?... Какъ не устранилъ Онъ этой страшной казни невинныхъ людей?... И, если Онъ сдѣлалъ это, то что хотѣлъ Онъ показать Царю и народу этимъ страшнымъ знаменіемъ? И зачѣмъ, зачѣмъ, кроткій, такъ любящій людей Іисусъ, не заступился за людей?!

Зачѣмъ?!...

XLIII

Вернувшись изъ Москвы, Саблинъ написалъ длинное письмо Марусѣ. Онъ откровенно и подробно, какъ матери, или сестрѣ, описалъ не только то, что видѣлъ на Ходынкѣ, но описалъ и свои чувства, и свой ропотъ на Бога. Онъ просилъ свиданія. Онъ писалъ, что только Маруся своимъ добрымъ молодымъ сердцемъ пойметъ его и, можетъ быть, разсѣетъ страшный кошмаръ, терзающій его по ночамъ.

Маруся сейчасъ же отвѣтила. Она поняла его. Она назначала ему свиданіе въ не совсѣмъ обычномъ мѣстѣ, на взморьѣ Финскаго залива, на Лахтѣ.

Когда по широкой Морской улицѣ, поросшей вдоль дачныхъ палисадниковъ старыми, высокими вѣтвистыми березами, Саблинъ вышелъ на взморье, онъ сейчасъ же увидалъ Марусю влѣво, на песчаномъ берегу. Она сидѣла на камнѣ, спиной къ нему. Она была въ простенькомъ соломенномъ «канотье», въ бѣлой блузкѣ и широкой въ складкахъ синей юбкѣ съ бѣлыми горошками. На колѣняхъ у нея лежала мантилька. Зонтикомъ она чертила по мокрому песку, куда тихо набѣгали волны. Легкій вѣтеръ игралъ ея темными вьющимися локонами и, то загонялъ ихъ за ухо, то трепалъ ими по щекѣ.

Она сидѣла, задумавшись, и смотрѣла на море. Желтыя волны тихо подымались, сверкая на вечернемъ солнцѣ, пѣнились на вершинѣ и разсыпались у ногъ Маруси, шелестя обломками сухихъ камышей. Вдали море было свинцовымъ. Ярко вспыхивали бѣлые гребешки волнъ. Черный, неуклюжій, съ низкой трубой, откуда валилъ и далеко тянулся надъ моремъ густой темный дымъ, пароходъ тяжело тащилъ три черныя низкія баржи. Парусная лайба, надувъ паруса, шла ему навстрѣчу. На горизонтѣ былъ низкій берегъ, чернѣли лѣса и двумя чуть замѣтными холмами вздымались Кирхгофъ и Дудергофъ. На темной полосѣ берега ярко бѣлѣли зданія и церкви Сергіевскаго монастыря.

Тихая печаль сѣвера стыла кругомъ. Море нѣжно

ласкалось къ ровнымъ берегамъ и широкому простору низменной тихой Россіи. Пахло водою, гнилымъ камышомъ и смоляными канатами. На мелкомъ бѣломъ пескѣ, обозначая границы прибоевъ въ дни вѣтровъ и бурь, лежали черныя гряды стараго изломаннаго камыша. За ними, едва на полъаршина поднимаясь надъ пескомъ морского берега шелъ ровный лугъ, поросшій зеленой чахлой травой съ бѣлыми пушистыми шариками одуванчиковъ.

Дѣвушка стройная, просто одѣтая, съ тонкою шеею оттѣненною бархаткой, такъ подходила къ простому облику сѣвернаго моря, была такъ прекрасна подлѣ мутно-желтыхъ волнъ, что Саблинъ остановился и заглядѣлся на Марусю.

Маруся оглянулась, увидала его и встала ему на встрѣчу. Саблинъ взглянулъ на часы.

— Нѣтъ, нѣтъ, Александръ Николаевичъ, — сказала Маруся, — не опоздали. Это я нарочно пришла пораньше, чтобы вдоволь налюбоваться этимъ прекраснымъ видомъ. Лучше его я не знаю.

Какъ похорошѣла Маруся за этотъ мѣсяцъ, что они не видались!

— Да, — сказала она, дожидаясь и не дождавшись отвѣта, — это очень простой видъ. Тутъ нѣтъ ни фіолетовыхъ горъ, ни синяго, темнаго неба, ни зеленоватой волны, полной таинственныхъ глубинъ, всего того, что такъ любятъ художники. Но для меня нѣтъ лучше этого вида, быть можетъ, потому, что онъ такой р о д н о й для меня.

Слово «р о д н о й» вышло особенно мягкимъ, круглымъ и теплымъ у нея.

— А какъ же, Марія Михайловна, ваши разсказы о томъ, что родина понятіе условное, узкое, что истинное человѣчество не должно знать этого слова, потому что вся земля, все человѣчество должны быть ему роднымъ?

Вся та туманная философія, которой учили Марусю Коржиковъ и братъ Викторъ, вдругъ вылетѣла у нея изъ головы передъ этимъ видомъ, полнымъ тихой грусти. Въ Эрмитажѣ, переходя отъ Веласкеза къ Поль Веронезу.

отъ Рубенса къ Мурильо, отъ Рафаэля къ [illegible], отъ Бёклина и Иванова къ [illegible], она понимала и любила весь міръ, объединившійся въ области искусства. Здѣсь, когда стала передъ живою картиною, она потерялась.

Она смутилась и промолчала. Лгать она не умѣла. Она сейчасъ чувствовала, что всѣмъ сердцемъ любитъ скучное море и плоскую землю, гдѣ широкимъ шатромъ раскинулось блѣдное небо, покрытое тучами. Любитъ потому, что это ея Родина. Что же обманывать себя и другихъ? Она любитъ весь міръ... да... но свою Россію, съ ея дивнымъ языкомъ, съ ея простыми людьми, съ грубымъ народомъ, она любитъ особенною любовью. И изо всей безпредѣльной Руси она любитъ этотъ тихій печальный видъ, когда-то вдохновившій Великаго Петра заложить здѣсь городъ. Изо всѣхъ героевъ россійской исторіи, несмотря на навязываемыя ей имена Робеспьеровъ, Маратовъ, Рысаковыхъ, Петрашевскихъ, Плехановыхъ, Марксовъ, — она почему-то больше всѣхъ цѣнитъ и любитъ... да, любитъ... скрываетъ, но любитъ этого могучаго Петра, что рубилъ головы стрѣльцамъ, рѣзалъ боярамъ бороды, пьянствовалъ и безчинствовалъ, а между тѣмъ, сдѣлалъ великое дѣло, создалъ Россійскую Имперію... И изъ всѣхъ русскихъ людей ей современныхъ, почему-то такъ нравится ей этотъ гладко причесанный, съ блестящими волосами юноша, затянутый въ свѣжій китель, въ синихъ рейтузахъ и высокихъ сапогахъ со шпорами. Почему-то онъ, а не товарищъ Павликъ, не Коржиковъ, ежедневно рискующій своею свободою?

— Разскажите мнѣ про коронацію... Какъ же это все вышло?... Какъ могъ произойти такой ужасъ?... Неужели нарочно? — наконецъ, сказала она.

Они сѣли на большомъ плоскомъ камнѣ. На немъ было удобно, но тѣсно, и Саблинъ первый разъ почувствовалъ совсѣмъ подлѣ себя ея молодое тѣло и близко увидалъ глубокіе синіе глаза, смотрѣвшіе на него изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ. Свѣжій ароматъ юности, за-

пахъ ея густыхъ волосъ коснулся его лица и взволновалъ его.

Его голосъ дрогнулъ, когда онъ отвѣтилъ:

— О, конечно, — не нарочно. Это глупость, недомысліе архитектора, который никогда не могъ представить себѣ такой громадной толпы и всей ея страшной силы. Вы понимаете, Государь переоцѣнилъ толпу и народъ. Ему казалось, что это разумный народъ, съ благородными инстинктами. Народъ, полный братской христіанской любви. Онъ не хотѣлъ стѣснять его полиціей, не хотѣлъ лишать свободы.

Голосъ его крѣпъ. Въ его изображеніи — Государь рисовался идеальнымъ Монархомъ, желающимъ создать золотой вѣкъ Русской исторіи. Не будетъ грубой полиціи, не будетъ войскъ... Вопросы будутъ рѣшаться на конференціяхъ... Государь, какъ-будто, коронуясь, отказывался отъ власти. Такъ казалось Саблину. Такимъ онъ рисовалъ себѣ Государя. И потому, эта первая неудача его такъ сильно поразила и показала, что, можетъ быть, если Царь готовъ идти къ этимъ широкимъ реформамъ, то народъ не былъ готовъ принять эти реформы. Но Саблинъ не винилъ и народъ. Изъ громадной грубой толпы онъ выхватилъ купца, чиновника, студента, бѣгавшаго за версту за водой, его подругу, дѣвушку, стоявшую на колѣняхъ и примачивавшую голову потерявшему сознаніе мужику, и ихъ онъ рисовалъ восторженными чертами. Бѣдствіе только подчеркнуло прекрасныя свойства русскихъ людей. Бѣдствіе дало возможность развернуться въ полной мѣрѣ благородному сердцу Монарха. Государь былъ неутѣшенъ, Императрица плакала, они посѣтили семьи убитыхъ и сами раздавали деньги. Откуда взялъ это Саблинъ? Зачѣмъ онъ это выдумалъ?... Онъ и самъ не зналъ. Онъ бы такъ поступилъ, и онъ приписывалъ Государю то, чего не было, но что ему хотѣлось, чтобы было.

Синіе глаза то темнѣли и суженный изъ-подъ при-

щуренныхъ вѣкъ зрачокъ становился сапфировымъ, то вдругъ поднимались загнутыя кверху густыя рѣсницы, исчезалъ, становился маленькимъ глубокій зрачекъ, а кругомъ него была блѣдная синева бирюзы. То улыбка поднимала губы, и тогда блистали за ними бѣлые влажные зубы, то губы сжимались въ страданіи за людей. И неизмѣнно все время глаза ея смотрѣли прямо въ глаза Саблину и она, казалось, наслаждалась его словами.

Она спрашивала. Онъ отвѣчалъ. Разсказъ о коронаціи былъ давно оконченъ. Всѣ московскія темы исчерпаны, а разговоръ не смолкалъ. Передъ ними догоралъ свѣтлый день, солнце было близко къ закату и стали видны на золотомъ небѣ туманныя очертанія трубъ, укрѣпленій и церквей Кронштадта. Потянуло отъ моря холодною сыростью, и сумерки бѣлой ночи надвигались надъ затихавшими волнами. Бѣлые гребешки уже не вспыхивали больше на серединѣ залива. Море ласково шептало, подкатываясь холодными прозрачными волнами къ ихъ ногамъ. Маруся встала. Надѣла мантильку.

— Мнѣ пора, — сказала она, выпрямляясь гибкимъ станомъ на свѣтломъ, пламенѣющемъ небѣ.

Саблинъ закрылъ глаза. Страстное желаніе вспыхнуло въ немъ... О!... хотя бы даже... насиліе!...

Онъ оглянулся кругомъ... Какъ воръ. Краска залила его лицо. Кровь стучала въ виски. Онъ самъ себѣ былъ противенъ въ этотъ мигъ. Но уже не владѣлъ собою. Слишкомъ хороша была Маруся, и онъ почувствовалъ, что она любила его. Саблинъ отбросилъ пальто, которое держалъ въ рукѣ, сталъ на колѣно, охватилъ трепещущими руками ея ноги и хотѣлъ привлечь къ себѣ и повалить на грудь.

Она отпрянула отъ него. Испугъ былъ у нея на лицѣ. Щеки поблѣднѣли, глаза были опущены.

Она тяжело дышала. Глаза ея наполнились слезами.

— О, простите меня! — воскликнулъ онъ, вставая. — Простите!... Я съ ума сошелъ... Я болванъ, подлецъ!... Не сердитесь на меня!

— Я не сержусь, — тихо сказала она и, не оборачиваясь, пошла отъ моря.

Онъ шелъ за нею и чувствовалъ, что надо говорить, говорить... Словъ не было. Онъ молчалъ и неловко волочилъ свое пальто. Онъ не смѣлъ пойти рядомъ.

Она ускоряла шаги, почти бѣжала. Онъ за нею. Такъ дошли они до моста у Бобыльскаго залива, гдѣ были лодки.

— Простите меня. Я виноватъ, — прошепталъ онъ, и она услышала слезы въ его голосѣ.

— Виновата я, — сказала Маруся печальнымъ голосомъ. — Не надо было приходить сюда.

Она спустилась на плотъ къ лодкамъ.

— Вы позволите хотя проводить васъ? — сказалъ Саблинъ.

Она не отвѣтила, но, молча, подвинулась на скамейкѣ ялика, давая ему мѣсто. Онъ сѣлъ рядомъ. Она нервно куталась въ мантильку. Точно лихорадило ее. Мужикъ-яличникъ мѣрно, ровно и неторопливо гребъ короткими гребками.

Въ Старой Деревнѣ она пошла на конку. Саблинъ за нею.

— Нѣтъ, ради Бога... Не вмѣстѣ... Я не могу больше, — умоляющимъ голосомъ прошептала Маруся, протягивая ему маленькую холодную дрожащую руку. Онъ нагнулся и почтительно поцѣловалъ ее. Рука дрогнула въ его рукѣ, но она ее не выдернула.

— Прощайте, — тихо сказала Маруся.

— До свиданія, — настойчиво, глядя Марусѣ въ глаза, сказалъ Саблинъ.

Маруся вскочила въ вагонъ, который трогался съ мѣста.

Саблинъ пошелъ сзади пѣшкомъ. Онъ долго видѣлъ въ блѣдныхъ сумеркахъ бѣлой ночи свѣтлое капотье съ красной лентой и опущенную голову. Его сердце сжималось и томилось тяжелымъ предчувствіемъ.

Она ни разу не повернула головы въ его сторону, не посмотрѣла на него.

XLIV

Лагери были тяжелые и безпокойные. Только что вышелъ новый кавалерійскій уставъ. Онъ былъ простъ. Всѣ команды взводныхъ командировъ были отмѣнены, строй сталъ тихимъ и молчаливымъ. Высшимъ шикомъ считалось нѣмое ученіе. Барону Древеницу, воспитанному въ совершенно иныхъ традиціяхъ, этотъ уставъ не давался, и онъ нервничалъ. Онъ давилъ на эскадронныхъ командировъ, собиралъ ихъ, училъ «на спичкахъ», раскладывая спички по столу, повторялъ на «пѣшемъ по конному», гонялъ людей и офицеровъ до одури, добиваясь отчетливости движенія эскадроновъ.

Лѣто стояло дождливое. Красносельское военное поле раскисло и было растоптано въ глинистый кисель. Отъ эскадроновъ на полевомъ галопѣ летѣли тучи брызгъ, люди стали не походить на людей и всѣ, очумѣлые, бранились и суетились, боясь великаго князя.

Великій князь свирѣпствовалъ, добиваясь легкости движенія кавалеріи, быстрыхъ построеній, сокращенія пространства и стремительныхъ, вѣрно нацѣленныхъ на обозначеннаго противника, атакъ.

Онъ одинъ вполнѣ понималъ все значеніе кавалеріи, и ему трудно было сломить рутину цѣлыхъ вѣковъ.

Жуть охватывала старыхъ генераловъ, когда онъ на своемъ громадномъ бѣломъ съ черными пѣжинами ирландскомъ хёнтерѣ, въ сопровожденіи рыжаго начальника штаба, холоднаго, аккуратнаго и педантичнаго генерала Палицына, четырехъ очередныхъ трубачей и уральскаго казака съ громаднымъ ярко-желтымъ значкомъ появлялся на военномъ полѣ и прорѣзывалъ его могучими скачками лошади. Остановившись на холмѣ у Царскаго валика, онъ смотрѣлъ на учившуюся на полѣ кавалерію. Иногда ординарецъ-офицеръ отдѣлялся отъ него и скакалъ къ какому-нибудь полку. Сердце замирало у полкового командира, вызваннаго къ великому князю, когда онъ останавливался противъ его сухой строгой фигуры.

Ротбекъ насчиталъ, что онъ на одномъ ученьи повернулся со взводомъ семьдесять шесть разъ «повзводно налѣво кругомъ». Все тупѣло, — лошади, люди, офицеры. Ждали дня, когда отбудутъ полковой смотръ и начнутся ученья бригадъ, дивизій и маневры.

Саблинъ томился. Отъ Маруси не было ни слова. Его письмо осталось безъ отвѣта. Мартовы уѣхали въ имѣніе, молодежь разбрелась, и Саблинъ даже не зналъ, гдѣ Маруся. Онъ [illegible] ее по городу. Два воскресенья подрядъ Саблинъ ѣздилъ на Лахту. Ходилъ по Лѣтнему саду, заглядывалъ въ Эрмитажъ. По случаю ремонта Эрмитажъ былъ закрытъ. Полчаса ходилъ Саблинъ по Николаевской, мимо дома Мартовой: — нигдѣ не встрѣтилъ Марусю. Это его раздражало. Онъ поѣхалъ къ Владѣ, живишей на Черной рѣчкѣ, но грубыя ласки Влади не успокоили его. Саблинъ вернулся въ лагери и засталъ его въ передсмотровомъ волненіи. Ротбекъ изучалъ присланную изъ полковой канцеляріи программу полкового смотра. На дворѣ солдаты взвода начищали ремни сѣдельнаго убора, сѣдла были развѣшаны на заборѣ и стремена играли бриллiантами въ солнечныхъ лучахъ. День былъ свѣжій. Набѣгали тучи, солнце блѣдно и скупо свѣтило. Черезъ три двора, въ трубаческомъ взводѣ, трубачи повторяли сигналы. Ротбекъ, веселый, румяный, прислушивался и напѣвалъ вычурныя, выдуманныя шутниками, слова сигналовъ.

— Саша... Саша... слыхалъ новыя слова полевого галопа?

— Ну, — мрачно протянулъ Саблинъ.

— «Ужъ сколько разъ говорилъ дура-ку — крѣпче держись за лу-ку!» — пропѣлъ Ротбекъ и засмѣялся весело.

— Ты знаешь: Лорисъ приказалъ на военное поле двѣ вѣхи отвезти и поставить, чтобы направленіе держать легче. «Если, — говоритъ, — направленіе будетъ, все будетъ отлично». Гриценко съ утра пошелъ къ барону на спичкахъ играть. Все боится, что напутаютъ что-нибудь. Вотъ программу разослали, а я увѣренъ, что баронъ пер-

вый забудетъ порядокъ. Тогда все полетитъ кувыркомъ.

— Ему адъютантъ подскажетъ.

— Самальскій-то! Нѣтъ, братъ, дудки, Самальскій ни за что не подскажетъ. Онъ ненавидитъ барона и съ тѣхъ поръ, какъ онъ флигель-адъютантъ, такую политику ведетъ, что баронъ его и самъ побаивается.

— Вздоръ, Пикъ, смотръ сойдетъ отлично, — сказалъ Саблинъ, почувствовавшій себя въ этой мелочной атмосферѣ строевыхъ интересовъ, какъ рыба въ водѣ.

— Я не сомнѣваюсь, Саша. Нашъ полкъ не можетъ иначе учиться, но... понимаешь, — смѣяться вовсе не грѣшно надъ тѣмъ, что кажется смѣшно. Саксъ уже послалъ освѣжить запасы Мумма въ собраніи, а Петрищевъ обѣщалъ завтра новую штуку показать. Его кирасиры научили.

— По части выпивки? — спросилъ Саблинъ.

— Вѣрно... Угадалъ... Говоритъ, здоровая штука — слонъ не устоитъ.

— Ну, Петрищевъ-то устоитъ.

— Говоритъ, и онъ не смогъ... Свалился. А я хочу попробовать. Нѣтъ, Саша, ей-Богу, какъ посмотрю кругомъ — весело. Я радъ.

— Чему ты радъ?...

— А чортъ его знаетъ, чему, но радъ. Понимаешь — жизни радъ. И меня печалитъ, Саша, только одно, что ты хандришь... Ей - Богу, не стоитъ... Помнишь Мацнева: — бей ворону, бей сороку... Молодчина этотъ Мацневъ... философъ... Ты знаешь, онъ завтра дежурный по полку и на полковое ученье и смотръ не ѣдетъ... Тебѣ, милый другъ, не угодно ли на четвертый взводъ становиться?

— Это кто же такъ придумалъ?

— Самъ Мацневъ. Пошелъ къ Гриценкѣ, съ нимъ къ Степочкѣ, Степочка къ Рѣпнину, и готова карета. Призвали Самальскаго и составили приказъ. Да это и лучше. Мацневъ задумается, въ философію ударится, просмотритъ знакъ, прозѣваетъ команду, напутаетъ... А если отзовутъ командировъ эскадроновъ?.. Боже упаси!.. Мац-

чевъ станетъ за Грищенку. Онъ такого наплететъ, что эскадронъ лопнетъ со смѣха. А теперь, — вызвали Грищенку — Фетисовъ выѣдетъ — онъ молодчикъ... Потомъ ты. Тоже лицомъ въ грязь не ударишь... До меня и не доберутся... Хочешь, повторимъ сигналы и команды.

— Ну валяй, — ложась на койку, сказалъ Саблинъ.

Ротбекъ взялъ въ руки корнетъ, на которомъ недурно игралъ.

— Ты за командира полка. Я сигналы подаю отъ начальника дивизіи. Ты командуешь за барона, я за эскадроннаго... Начинаемъ. По программѣ... Слушай: рысью размашистой, но не распущенной, для сбереженія коней!..

— Направленіе по третьему эскадрону! На лѣвый край лабораторной рощи. Рыс-сью! — закричалъ звонкимъ молодымъ голосомъ Саблинъ.

— Вѣху!.. Вѣху Лориса не забудь, — внушительно сказалъ Ротбекъ и солиднымъ баскомъ пропѣлъ: — второй эскадронъ равненіе налѣво... рысью!..

За окномъ то свѣтило, то скрывалось солнце. На дворѣ шурхали щетки, отчищая на завтра потники и рейтузы, а изъ избы неслись сигналы и звонкіе молодые голоса задорно кричали...

— Полевымъ гал-лоп-помъ!

— Въ резервную колонну!

Солдаты улыбались и говорили одобрительно — «ишь ты! Какъ молодые пѣтухи на зарѣ раскричались. А ловко Саша Грищенкину голосу подражаетъ... Ротбекъ то, Ротбекъ то — лучше штабъ трубача подастъ сигналы... Музыкантъ!

XLV

Смотръ сошелъ отлично. На двѣнадцать балловъ, сказалъ начальникъ дивизіи. Отъ великаго князя, стоявшаго на холмѣ, подлѣ Царскаго валика, два раза присылали сказать, что великій князь благодаритъ.

Никто не упалъ, заѣзды были чистые, разрывовъ между взводами не было. Плечомъ заходили отлично, полевой галопъ былъ въ норму — словомъ все было прекрасно, какъ и должно быть въ *нашемъ* полку. Послѣ смотра былъ завтракъ въ собранiи, съ трубачами и начальникомъ дивизiи.

Начальникъ дивизiи со своимъ штабомъ только что уѣхалъ и провожавшiе его на крыльцо офицеры вернулись обратно въ столовую доѣдать мороженое и допивать вино. Баронъ, счастливый и довольный успѣхомъ, не сомнѣвающiйся теперь, что къ веснѣ получитъ бригаду и отдохнетъ, разстегнулъ китель на толстомъ животѣ и, раскуривая сигару и улыбаясь краснымъ, мясистымъ лицомъ, говорилъ Рѣпнину:

— Это онъ, маленькiй шпицъ-бубе отлично придумывалъ. Вѣхи поставить. Я прiѣзжалъ, гляжу — вѣха тутъ, вѣха тамъ — отлично направленiе держать. Господа! — сказалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ, сидѣвшимъ за большимъ столомъ. — Господа, глядить на мой примѣръ. Нижняя пуговица долой и вынь — патронъ! Можете курить. Славнiй полькъ! Славная молодежь, обернулся онъ къ Рѣпнину.

Столъ гудѣлъ голосами, какъ улей. Изъ сосѣдней комнаты, стекляннаго балкона, заглушая голоса, звучали грубы оркестра. Трубачи играли попурри изъ итальянскихъ пѣсенъ.

Солнце то показывалось, то исчезало, закрытое большими бѣлыми тучами. За окномъ безпокойно трепетала листами осина. Холодный вѣтеръ поднимался съ моря, предвѣщая дождь.

На дальнемъ углу стола, окруженный молодежью, сидѣлъ красный, безусый, голубоглазый Ротбекъ и глубокомысленно говорилъ: —

— Пью за здоровье генерала Пуфа первый разъ. Я приподнимаюсь одинъ разъ, бью одинъ разъ однимъ пальцемъ правой руки, потомъ одинъ разъ однимъ пальцемъ лѣвой руки, стучу одинъ разъ правой ногой, одинъ разъ

лѣвой ногой и дѣлаю одинъ глотокъ шампанскаго, такъ Петрищевъ?

— Такъ. Только начинаешь съ стучанія пальцами, а приподнимаешься въ концѣ, — серьезно возразилъ Петрищевъ.

— Ладно. И такъ я начинаю. Дай Богъ не сбиться. Пью за здоровье генерала Пуфа первый разъ!

На другомъ концѣ Мацневъ, Гриценко и Фетисовъ разсуждали о томъ, отчего произошла философія.

— Сознайся, Иванъ Сергѣевичъ, что философія — это ерунда, — говорилъ хмѣльной Гриценко. — Отъ несваренія желудка твоя философія.

— Моя, можетъ быть, да, — отвѣчалъ спокойно Мацневъ, — но нельзя отрицать Сократа, Платона, нельзя закрыть глаза на Канта, Шопенгауера и Ницше, наконецъ, милый другъ, у насъ на глазахъ растетъ цѣлое ученіе, которое можетъ перевернуть весь міръ и опрокинуть христіанство. Это ученіе Маркса.

— А ты читалъ его? — спросилъ Гриценко. Мацневъ замялся.

— То есть всего, милый другъ, я не прочелъ. Не удосужился... да и скучно написано... тяжело читать. Но, знаешь, проповѣдь ужасная. Если она ляжетъ на темные Русскіе мозги, съ нашею и безъ того большою склонностью къ разбою и бунту, я не знаю, что будетъ.

— Пережили мы Разина, пережили Булавина и Пугачева, Богъ дастъ, перемелемъ и Маркса.

— Да, но то были простые грубые казаки, а тутъ нѣмецъ философъ, тутъ — наука.

— А ну ее!.. Не пугай!.. Живемъ!

— Пью за здоровье генерала Пуфъ-пуфа второй разъ — торжественно звучалъ по столовой голосъ Ротбека. — Я ударяю двумя пальцами по столу два раза, я два раза стучу ногой, два раза приподнимаюсь и дѣлаю два глотка. Вотъ такъ.

— А онъ намажется, — кивая на Ротбека головою, сказалъ Мацневъ.

— Ну и пусть. Онъ молодчикъ. Славный офицеръ,

— сказалъ Грищенко. — Вотъ такіе намъ нужны. Такой не задумается въ атаку броситься, умереть безъ жалобы и безъ стона. Ты посмотри — у него взводъ въ порядкѣ, солдата не распускаетъ, но и тянетъ умѣло, все у него хорошо. Куда ни пошлешь его, что ни прикажешь — на все только: слушаюсь.

— Да, онъ тоже философъ, — сказалъ Мацневъ. Такіе люди, какъ онъ, люди безъ широкихъ запросовъ — счастливые люди. Имъ солнце улыбнулось въ день ихъ рожденія и улыбка солнца осталась на нихъ навсегда. Солнце ослѣпило ихъ. Они не видятъ ничего грознаго и страшнаго.

— А что ты видишь грозное? Что каркаешь, какъ ворона? Наша жизнь катится безмятежно. Помнишь, ты какъ то сравнилъ ее съ блестящимъ пиромъ, когда на столѣ наставлено много прекрасныхъ блюдъ. Бери, ѣшь, пей! Все твое.

— Страхъ беретъ, Павелъ Ивановичъ, мое ли? А ну какъ придетъ кто другой, и оттолкнетъ и скажетъ — довольно! И я хочу!

— Э, милый другъ. На всѣхъ хватитъ.

— Но сколько лежитъ кругомъ голодныхъ и жаждетъ хотя крошекъ, падающихъ со стола. А что, если озлобятся?

— Голодные слабы и покорны. Въ нихъ нѣтъ ни силы, ни злобы. Страшны только сытые.

— Плохая философія, Павелъ Ивановичъ. Ты знаешь, мнѣ иногда служить страшно. Лошади — звѣри, люди звѣри, темные. И тѣ и другіе непонятные, но сильные. Что мы сдѣлаемъ, слабые, если они захотятъ пойти на насъ войною.

— Лошади лягаться станутъ, — смѣясь, сказалъ Грищенко. — Выпей, Иванъ Сергѣевичъ. Помогаетъ.

— Лошади сбросятъ меня и растопчутъ, а люди на мое приказаніе засмѣются, повернутся кругомъ и разойдутся.

— Дай въ морду, ничего не будетъ, — сказалъ Грищенко, наливая шампанскаго въ бокалъ Мацнева.

Трубачи играли арію Карменъ и корнетъ заливался страстными звуками:

... «Si tu ne m'aimes pas
Je t'aime! Et si je t'aime
Prends garde a toi»*

Ротбекъ блѣдный, съ выпученными, тупо глядящими глазами, еле ворочая языкомъ, болботалъ:

— Пью за здоровье генерала Пуфъ-пуфъ-пуфъ-пуфъ-пуфа пятый разъ... А ловко черти кирасиры это придумали. Слонъ не устоитъ. И я тоже.

Онъ всталъ. Лицо его стало мертвенно блѣднымъ. Солдатъ, служитель собранія, подхватилъ его въ объятія и повелъ изъ столовой въ уборную. Его тошнило.

И въ эту самую минуту, такой странный среди разстегнутыхъ и полупьяныхъ людей вошелъ въ наглухо застегнутомъ кителѣ при амуниціи и револьверѣ, дежурный офицеръ, поручикъ Кисловъ, четко офиціально стуча сапогами, подошелъ къ командиру полка и громко и безстрастно отрапортовалъ:

— Ваше превосходительство, въ полку происшествіе: корнетъ баронъ Корфъ застрѣлился.

— Когда? — машинально застегивая пуговицы кителя и вставая, спросилъ баронъ Древницъ.

— Сейчасъ, у себя на квартирѣ.

— Господа! — сказалъ командиръ полка, возвышая голосъ. — Я попрошу разойтись по домамъ. Нашъ товарищъ, баронъ Корфъ, скончался...

Трубачи продолжали играть попурри изъ Карменъ. Вымывшійся и протрезвѣвшій снова Ротбекъ входилъ въ столовую и говорилъ:

— А здоровяга долженъ быть этотъ генералъ Пуфъ, ежели за него такъ много пьютъ. Петрищевъ, — первый разъ не считается. Я начинаю снова.

---

*) Если ты меня не любишь: — я тебя люблю.
А если я тебя люблю — берегись.

XLVI

Корнетъ баронъ Корфъ лежалъ на своей узкой койкѣ. Онъ былъ уже мертвъ. Лицо выражало холодный покой и удивленіе. Онъ былъ въ рубашкѣ, рейтузахъ и сапогахъ. Съ лѣвой стороны груди рубашка была залита кровью и лужа крови, еще красной и теплой, стояла на полу. Эскадронный фельдшеръ, солдатъ, въ чистой, бѣлой рубахѣ, сидѣлъ рядомъ на койкѣ и держалъ руку барона, наблюдая за пульсомъ. Когда командиръ полка съ адъютантомъ и княземъ Репнинымъ вошли въ избу, онъ бросилъ руку самоубійцы и вытянулся.

— Ну что? — спросилъ его баронъ Древеницъ. — Умеръ?

— Полминуты тому назадъ скончался, ваше превосходительство, — сказалъ фельдшеръ.

— Сумасшедшій ребёнокъ! — проговорилъ Древеницъ. Онъ былъ сильно недоволенъ. Это самоубійство помимо того, что непріятно ложилось на репутацію полка, лишало его возможности поѣхать къ семьѣ на дачу на два дня. Возись теперь съ нимъ. Панихиды, отпѣванія, донесенія. Нѣтъ, никуда не уѣдешь.

— Что онъ долго мучился? — спросилъ князь Репнинъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, — отвѣчалъ фельдшеръ, — я прибѣгъ, они еще живы были. Все маму звали и говорили: «ахъ, зачѣмъ! зачѣмъ я это сдѣлалъ! Спаси меня. Я все тебѣ подарю! Спаси!» Ну куда же спасти? Почти въ самое сердце. Кровоизліяніе сильное. Потомъ затихать стали. Только маму свою поминали.

Баронъ нахмурился.

— Оставилъ записку? — спросилъ онъ.

— Да, есть, — отвѣчалъ адъютантъ, обладавшій драгоцѣнною способностью, какъ бы много онъ ни выпилъ, становиться моментально трезвымъ, разъ только дѣло касалось службы. — Самая банальная записка.

Онъ взялъ со стола и прочелъ неровнымъ, крупнымъ, дѣтскимъ почеркомъ, карандашомъ на клочкѣ бумаги на-

писанную записку: — «въ смерти моей прошу никого не винить. Скучно. Надоѣло жить.»

— Это въ девятнадцать то лѣтъ ему надоѣло жить, — сказалъ Древеницъ. — Этакая нынче молодежь. Что у него можетъ быть романъ былъ, неудачная любовь, или заболѣлъ дурною болѣзнью?

— Нѣтъ, — холодно сказалъ адъютантъ, — ничего у него не было. Просто: — по пьяному дѣлу.

— Этакая молодежь, слабая. Надо посылать телеграмму его матушкѣ.

— Я думаю, баронъ, — сказалъ князь Рѣпнинъ,—будетъ лучше, если я къ ней самъ съѣзжу. Она живетъ недалеко отсюда у станціи Кикерино. Она совсѣмъ одна, вдова. Это ея единственный сынъ... Какой ударъ для матери! Ее надо подготовить. Я приготовлю ей помѣщеніе у княгини, въ семейной обстановкѣ ей легче будетъ.

— Да, спасибо, князь, — сказалъ Древеницъ и обратился къ адъютанту: — что же, Владиміръ Станиславовичъ, мнѣ оставаться надо?

Адъютантъ угадалъ мысли своего командира.

— Нѣтъ, зачѣмъ, ваше превосходительство, сегодня суббота. Похороны раньше понедѣльника не будутъ. Донесенія у меня уже пишутъ, черезъ часъ вы подпишете, и поѣзжайте съ Богомъ отдохнуть. Дознаніе произведетъ поручикъ Кисловъ, да оно и ни къ чему. Пустая формальность. Дѣло очевидное, ясное... Я уже послалъ казначея за вѣнкомъ отъ полка, священнику послано, артельная повозка уѣхала за гробомъ. Дѣло обычное. Вамъ совсѣмъ незачѣмъ оставаться.

Древеницъ успокоился. Дѣйствительно дѣло было совершенно обычное. Каждый годъ кто-нибудь стрѣлялся въ арміи. Причины были разныя. Проигрышъ въ карты, отсутствіе средствъ для богатой жизни въ полку, зараженіе болѣзнью, неудачная любовь, ссора съ товарищами, наконецъ, просто такъ, скука. Все, что въ такихъ случаяхъ надо дѣлать, было всѣмъ хорошо извѣстно. Самоубійства офицеровъ входили въ укладъ войсковой

жизни, были регламентированы уставомъ и каждый знал, что ему надо дѣлать.

Древеницъ вышелъ. За нимъ вышли и князь Рѣпнинъ съ адъютантомъ. Въ сѣняхъ избы Степочка Воробьевъ суетился и отдавалъ распоряженія.

— Что такое? Что такое? — повторялъ онъ, — неужели же такъ безо всякой причины? Александръ Васильевичъ, катай за вѣнкомъ съ полковыми лентами. Какъ его по батюшкѣ то. Мы все его Вася, да Вася, а какъ по отцу то я и забылъ.

— Карловичъ, — сказалъ Саблинъ, стоявшій въ группѣ офицеровъ.

— Что онъ православный, или лютеранинъ, — спросилъ Степочка.

— Православный.

— А ты, — обратился онъ къ командиру третьяго эскадрона, графу Лорису, — распорядись постановкой часовыхъ унтеръ-офицеровъ. Какъ Кисловъ дознаніе сниметъ, надо кровь замыть да затереть, да окна открыть настежь, а то нехорошо. Мать пріѣдетъ, надо бы уже одѣть его. Да что врачъ не идетъ, послали за нимъ?

Саблинъ протискался сквозь толпу офицеровъ, жавшихся въ сѣняхъ и боязливо заглядывавшихъ въ горницу и вошелъ въ избу. Пахло порохомъ и прѣснымъ противнымъ запахомъ человѣческой крови. Въ избѣ, кромѣ покойника, былъ только его денщикъ, солдатъ Бардскій. Онъ стоялъ въ углу, плакалъ крупными слезами и грязными кулаками утиралъ глаза.

Саблинъ посмотрѣлъ на бѣлое спокойное, ко всему равнодушное лицо покойника, потомъ на денщика и спросилъ:

— Павелъ, какъ же это все вышло? Ты былъ здѣсь?

— Да былъ же, — въ отчаяніи воскликнулъ денщикъ. — Почти что на глазахъ, ваше благородіе. Кабы знать то, что они такое замышляютъ, а то въ голову не пришло. Что я теперь старой барынѣ скажу? Онѣ такъ наказывали мнѣ беречь его благородіе. «У тебя, говорятъ сынъ есть?» А у меня есть махонькій — пол-

года ему было, какъ на службу пошелъ. «Смотри», говоритъ, «и онъ мнѣ сынъ. Береги его. Онъ у меня единственный». Вотъ те и уберегъ!»

— Скучалъ онъ что-ли?

— Да никакъ же нѣтъ. Всѣ дни веселы были. Теперь приходятъ, ну, вижу, выпивши немного. Не совсѣмъ, значитъ, здоровы. Писать стали что то. Написали. Китель сняли. «Павелъ», говорятъ, «подай мнѣ револьверъ». Ну я что? Я развѣ могъ понимать, для чего имъ. Можетъ... дежурство, али что. Баловаться будутъ. Они все въ карту въ потолокъ стрѣляли, особенно ежели выпивши. Я подалъ. «Теперь», говорятъ, «уйди и не мѣшай мнѣ». Меня, что толкнуло. Я ушелъ въ сѣни, а самъ слушаю. Будто ударило что и не громко. На выстрѣлъ даже ни капли не похоже. Я и не подумалъ ничего. Только, слышу — стонутъ. Ну я вбѣгъ въ горницу, а они сидятъ на постели и кровь это изъ груди на рейтузы и на полъ идетъ. Посмотрѣлъ на меня и говоритъ тихо: — «Спаси меня. Я не хотѣлъ. Такъ скучно сталъ... Скучно». — Я хотѣлъ поддержать ихъ, они на подушку валятся. — «Мама», говорятъ, «мама!».. Я за фельдшеромъ побѣжалъ, по пути вѣстовому сказалъ, чтобы дежурному доложилъ. Прибѣжали мы съ Сѣнцовымъ, онъ еще живой былъ. Дышитъ. Фельдшеръ разстегнулъ его. Руку взялъ. Его благородiе лежитъ съ закрытыми глазами. Тихо такъ сказалъ — «ахъ, какъ скучно! Спасите меня. Я не хотѣлъ»... А потомъ... «скучно». И маму два раза позвали. И кончились.

Денщикъ снова заплакалъ. Саблинъ посмотрѣлъ на спокойное лицо барона Корфа и вдругъ странная мысль пришла ему въ голову. Онъ повернулся и вышелъ изъ избы. На улицѣ на него налетѣлъ холодный вѣтеръ съ дождемъ и заставилъ его зажмуриться. Большой лопухъ трепеталъ лапчатыми листьями и кивалъ розовой, пушистой головой цвѣтка, сѣрыя тучи неслись надъ домами. Глинистая, растоптанная грязь немощеной улицы рябила отъ маленькихъ лужъ, покрывшихъ конскую исконыть. Въ избѣ, гдѣ жилъ Саблинъ, лежалъ подъ одѣяломъ раз-

дѣтый Ротбекъ и спалъ крѣпкимъ, пьянымъ сномъ. На столѣ, подлѣ постели стоялъ сифонъ съ зельтерской водой и стаканъ крѣпкаго чая. Денщикъ Ротбека зналъ, что нужно его благородію въ такихъ случаяхъ.

Въ избѣ было сумрачно и сыро. Саблинъ подошелъ къ окну и сѣлъ на стулъ. За окномъ трепетала острыми листьями мокрая ива и металась, то закрывая стекла, то откидываясь въ сторону. Крупныя капли дождя сыпали по лужамъ и поднимали пузыри, которые тихо лопались. Никого не было видно на дорогѣ, и вся улица казалась вымершей и необитаемой. И вдругъ Саблина охватила та же щемящая, невыносимая скука, что привела Корфа къ роковой чертѣ. Онъ понялъ Корфа.

Вотъ такъ же пришелъ баронъ Корфъ къ себѣ въ избу, посмотрѣлъ на глину, на сѣрое небо, на дождь, на пузыри на лужахъ, представилось ему сѣрое, глинистое поле, длинные ряды солдатскихъ спинъ, мокрыхъ, забрызганныхъ комьями грязи лошадиныхъ круповъ, далеко впереди поднятую шашку командира полка и понялъ, что такъ будетъ всегда. Всегда будетъ это поле, эти ряды, топотъ лошадиныхъ ногъ, и фигура съ шашкой и заѣзди направо, налѣво и кругомъ и хриплые звуки сигналовъ. И что бы ни было въ мірѣ, какъ бы ни трепетало отъ любви, или радости, какъ бы ни было печально сердце — все равно сигналъ «налѣво кругомъ» и знакъ шашки командира полка будетъ метать по военному полю взадъ и впередъ. Сегодня, и завтра, и черезъ годъ и черезъ десять, двадцать лѣтъ.

Первый разъ Саблинъ почувствовалъ скуку жизни въ полку. Всѣ интересы — или тутъ — какъ заѣзжали взводами, не было ли разрывовъ, въ норму ли шли, соблюдали ли интервалы между эскадронами, или офицерскія сплетни... Была у него дѣвушка. Она по иному, по новому, смотрѣла на жизнь, съ ней такъ хорошо было говорить... и онъ не съумѣлъ сберечь ее. Привыкшій къ тому, что женщины доступны, онъ оскорбилъ ее, и она ушла отъ него. Что ему осталось? Полковые интересы, держаніе направленія, вѣха на военномъ полѣ? Пред-

ставилъ себѣ ее сейчасъ, эту сѣрую вѣху съ пучкомъ соломы на концѣ, стоящую на сѣромъ растоптанномъ военномъ полѣ. Низко стелются надъ полемъ тучи, колеблется и гнется подъ вѣтромъ голая, мокрая вѣха, тускло видна сѣрая лабораторная роща, а мимо какой-нибудь полкъ ходитъ въ резервной колоннѣ, высоко поднята шашка надъ головою мокраго командира полка и сипло звучитъ сигналъ: «Налѣво кругомъ»...

Скука!

Можетъ быть правъ баронъ Корфъ? Его лицо такъ величаво спокойно!! Будто онъ услышалъ и узналъ въ послѣднюю минуту что то важное и ободряющее. Была жизнь и нѣтъ жизни. Все это такъ просто. Выстрѣлъ. Такой глухой, что его даже не слыхалъ денщикъ, находившійся рядомъ въ комнатѣ. Тѣло еще страдаетъ, и молитъ спасти, и зоветъ маму, а душа уже знаетъ что то важное и великое, что накладываетъ на лицо печать спокойствія, не знающаго скуки.

Почему бы и ему, Сашѣ Саблину, не попытаться такъ же просто перешагнуть черту, отдѣляющую видимое отъ незримаго?

Стало страшно пустой избы, храпящаго въ неловкой позѣ на спинѣ, румянаго Ротбека, ивы, то надвигающейся острыми листами на стекло, то отметаемой въ сторону, сумерокъ ненавистнаго, вѣтрянаго дня и надвигающейся свѣтлой, неразгаданной, длинной, и скучной ночи.

«Такъ Богъ знаетъ до чего дойдешь!» — подумалъ Саблинъ, нахлобучилъ на голову мокрую фуражку, надѣлъ непромокаемое пальто и рѣшительно, по лужамъ дороги и мокрымъ доскамъ троттуара, пошелъ въ офицерское собраніе.

XLVII

Въ большой собранской столовой слѣды кутежа были прибраны. Мокрыя скатерти были сняты и столъ накрытъ свѣжимъ бѣльемъ. Стаканы, рюмки, тарелки и

бутылки были разставлены въ обычномъ будничномъ порядкѣ. И только крѣпкій запахъ пролитаго шампанскаго и табачный дымъ еще стояли въ непровѣтренной столовой. На одномъ углу стола горѣли свѣчи въ канделябрѣ. Стѣнная лампа освѣщала этотъ уголъ. Здѣсь сидѣли Гриценко, Мацнєвъ и Кисловъ, только что окончившій дознаніе. Гриценко отрезвѣвшій, проголодавшійся жадно ѣлъ толстый, румяный бифштексъ по Гамбургски съ яйцомъ и пилъ темное, красное вино. Мацнєвъ мочилъ землянику въ большомъ фужерѣ съ бѣлымъ виномъ и меланхолично обсасывалъ ягоды. Кисловъ работалъ надъ телячьей котлетой. Саблинъ, котораго тянуло къ людямъ, подсѣлъ къ нимъ.

Говорили о самоубійствѣ.

— По моему, — говорилъ Гриценко, — самоубійств признакъ малодушія, отсутствія воли. Это поступокъ недостойный мужчины и тѣмъ болѣе офицера. Я глубоко презираю самоубійцъ.

— Но, позволь, Павелъ Ивановичъ, — возражалъ Кисловъ, — вѣдь могутъ быть такія причины, когда приходится покончить съ собою. L'honneur oblige.*)

— Нѣтъ такихъ причинъ, — сказалъ Гриценко.

— Тебя ударили и ты не смогъ смыть кровью оскорбленія.

Гриценко устремилъ на Кислова свои выпуклые, круглые глаза и сказалъ: —

— То есть, посмотрѣлъ бы я, какъ это кто-нибудь ударилъ меня и ушелъ бы живымъ, или не отвѣтилъ бы мнѣ на дуэли.

— Ну... ударилъ солдатъ.

— Не допускаю и мысли объ этомъ. Разстрѣляю такого мерзавца.

— Ударилъ кто-нибудь въ толпѣ и убѣжалъ.

— Ну, это... Бѣшеная собака укусила. Это не оскорбленіе.

---

*) Честь обязываетъ.

— Хорошо. Скажемъ: — Проигрался въ карты, а платить нечѣмъ.

— Уйду изъ полка. Уѣду куда-нибудь въ Америку, наймусь простымъ рабочимъ, отработаю и пришлю проигранныя деньги.

— Такая каторжная жизнь!.. Стоитъ-ли?

— А, мой милый! Вотъ въ этомъ то вся и штука, что жизнь тяжелѣе смерти, а потому мужественный человѣкъ никогда и не долженъ кончать съ собою. Стрѣляется только кисляй, слюняй... тряпка.

— Ну, ладно... Ну, а любовь не допускаешь? — сказалъ Кисловъ.

— Менѣе всего. Эта болѣзнь излѣчивается просто. Вертеры психопаты. Пошелъ къ дѣвочкамъ и конецъ. А любить и стрѣляться, это только нѣмцы могутъ дѣлать. У нихъ вмѣсто крови — пиво.

— Но вѣдь застрѣлился же изъ-за чего-нибудь Корфъ? — сказалъ Саблинъ.

— Вотъ именно, о немъ то мы и говоримъ. По пьяному дѣлу!... Смалодушничалъ... Тряпка, а не человѣкъ, — жестко сказалъ Гриценко.

— Какъ можно, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ съ возмущеніемъ Саблинъ, — такъ говорить о покойникѣ. Онъ лежитъ тамъ, а ты говоришь. Ты нарочно бравируешь.

— Лежитъ и не слышитъ. И нѣтъ его. Вѣдь не придетъ же онъ сейчасъ сюда и не потребуетъ отвѣта... А! Ерунда все это!.. Ну что — застрѣлился?.. Насвинячилъ кровью, навонялъ, надымилъ, нагремѣлъ. Эка, подумаешь герой! Прибирай за нимъ теперь! Скучно! Съ жизнью не справился и сейчасъ стрѣляться. На те молъ возитесь со мной, хороните, дознанія снимайте, цацкайтесь. Мальчишка, глупый мальчишка.

— Павелъ Ивановичъ! — воскликнулъ Саблинъ.

— Нѣтъ, Саша, — онъ правъ, — сказалъ Мацневъ. — Никакой эстетики... Ничего красиваго... Ни позы, ни жеста. Пришелъ пьяный. Всѣ мы видѣли, какъ онъ еще у буфетной стойки напился водкой. Ну, голова за-

болѣла. Пошелъ домой. И вдругъ, пожалуйте, — застрѣлился. Саша, милый другъ, для чего?.. Саша, мазочка, для чего?

— Скучно. Онъ же сказалъ, что скучно!..

— Скучно. А мнѣ, а тебѣ не скучно? Человѣкъ на то и разумное животное, чтобы умѣть скучать. Да и почему скучно? Жизненный пиръ идетъ во всю и мѣсто у него право было не плохое. Девятнадцать лѣтъ!.. Милый Саша, да за одни девятнадцать лѣтъ стоитъ жить! А сколько радости въ жизни! Женщины!

— Мальчики, — вставилъ Гриценко.

— Не отрицаю. Прелестные юноши... Цвѣты, музыка, поэзія, картины, танцы, книги, философія... Чего хочешь, того и просишь. Я отчасти согласенъ съ Павломъ Ивановичемъ, самоубійца тотъ, у кого воли мало, кто не имѣетъ смѣлости заглянуть въ глаза жизни.

— И смотритъ въ глаза смерти, — сказалъ Саблинъ. — Смотритъ въ глаза смерти, которой не знаетъ и боится жизни, которую знаетъ. Что же страшнѣе?

— Жизнь, — въ голосъ отвѣтили Мацневъ и Гриценко.

— Это говорите вы, которые видите столько радостей въ жизни!

— Да, милый Саша, — сказалъ Мацневъ — это говорю я, эпикуреецъ и циникъ. Я боюсь болѣзней, а живу. Я боюсь скандаловъ, оскорбленій — а живу, живу! Понимаешь, Саша, я боюсь и не люблю ѣздить верхомъ, мнѣ эти «повзводно налѣво кругомъ», прямо, ажъ осточертѣли, а вотъ живу же и ворочаюсь по баронской указкѣ — а вѣдь это дни, недѣли, а радости жизненнаго пира — это только миги. Впереди старость. Скучная собачья старость. О семейной жизни я не говорю. Она мнѣ не удалась. Подумай, сколько тяжелаго надо преодолѣть, годы мученій, а тутъ мигъ одинъ, и цѣлое открытіе.

— А если тамъ?.. — сказалъ Саблинъ.

— Ничего? — сказалъ Мацневъ. — И чортъ съ нимъ! И тѣмъ лучше. Ничего вѣдь, ничего и есть.

— А если нирвана, — сказалъ Кисловъ.

— Смутно я представляю себѣ эту нирвану. Вѣдь это выходитъ ничего и что то. А что что то? Можетъ быть это даже и хорошо.

— А если адъ и черти съ рогами и бычьими хвостами и котлы, гдѣ въ собственномъ соку кипятъ грѣшники — сказалъ Гриценко и захохоталъ.

— Нѣтъ, хуже жизни не придумаешь, — меланхолично обсасывая землянику, сказалъ Мацневъ. — Но и лучше ея нѣтъ. Напримѣръ... Какъ прекрасна эта земляника въ рейнвейнѣ? Какъ хорошъ и поэтиченъ и самъ рейнвейнъ? Фу чортъ, чего задумываться! Дуракъ и скотина этотъ Корфъ. Ты, милый Саша, если взгрустнется и такое задумаешь, приходи ко мнѣ. Почитаемъ вмѣстѣ «Ars amandi».*) Да ты дурашка, по латыни «ниць нани не разуме». Ну я переведу тебѣ. Понимали жизнь бестіи римляне, знали толкъ.

Саблинъ сидѣлъ, слушалъ ихъ разговоръ и удивлялся, какъ могли они это говорить, какъ прыгали у нихъ мысли, подходя къ самой безднѣ и отскакивая отъ нея, то грубой плоской шуткой Гриценки, то философскими заключеніями Мацнева.

Но съ ними было легче. Они были живые люди. Ихъ глаза блестѣли, они пили вино, они презирали смерть и не боялись ея.

Около полуночи стали расходиться. Саблинъ пошелъ къ себѣ. Ему надо было проходить мимо избы, гдѣ лежалъ Корфъ. Окна мутно и ровно свѣтились. Занавѣски были спущены. Саблина потянуло взглянуть на покойника. Онъ вошелъ въ избу. Баронъ Корфъ, важный и величавый, лежалъ одѣтый въ парадную форму, въ бѣломъ глазетовомъ гробу. Тускло горѣли высокія свѣчи. Бѣлыя руки были сложены на груди. Цвѣты лежали подлѣ гроба. Два рослыхъ унтеръ-офицера, часовыхъ, съ винтовками за плечами и съ обнаженными шашками, неподвижно висящими на лѣвой рукѣ, стояли по

*) Искусство любви.

обѣимъ сторонамъ гроба. На той самой койкѣ, гдѣ онъ застрѣлился, неподвижно сидѣла маленькая, сѣдая старушка въ черномъ платьѣ. Голова ея тряслась. Она плакала.

Это была мать Корфа.

Въ избѣ было тихо. Чтецъ еще не пришелъ. Наплывшій на свѣчу воскъ оборвался и упалъ, и Саблинъ вздрогнулъ отъ этого шума.

Старушка тихо, неутѣшно плакала. Саблинъ смотрѣлъ на нее. Если бы тогда, когда потребовалъ себѣ револьверъ этотъ юноша, онъ подумалъ о ней? О! Почему онъ не подумалъ!?

Опять, какъ послѣ Ходынки, возмутилась противъ Бога его душа. Зачѣмъ, зачѣмъ столько горя ей, старой и одинокой?

Сердце щемило отъ боли, глаза щипало. Саблинъ не могъ больше выносить этого безысходнаго, материнскаго горя и тихонько, стараясь не звенѣть шпорами, вышелъ изъ комнаты.

Дома онъ засталъ только что проснувшагося Ротбека. Онъ пилъ чай, смотрѣлъ мутными глазами на Саблина и увидѣвъ его, сказалъ:

— А знаешь, Саша, я все-таки осилю этого генерала Пуфа. Не этотъ, такъ другой разъ!

Онъ еще ничего не зналъ о самоубійствѣ Корфа. Онъ проспалъ его, а тогда, въ собраніи, ничего не понялъ.

XLVIII

Маруся написала письмо Саблину. Она хотѣла видѣть Государя Императора и провѣрить все то, что о немъ говорилъ Саблинъ:

— «Будетъ заря съ церемоніей и концертъ на воздухѣ», — писала Маруся, — «говорятъ, что туда пускаютъ и постороннюю публику по билетамъ. Если это нетрудно устроить, достаньте мнѣ билетъ и оставьте его у швейца-

ра дома г-жи Мартовой. Я буду вамъ очень благодарна. Послѣ — поговоримъ, подѣлимся впечатлѣніями».

— Простила! Простила! — думалъ Саблинъ, читая эту записку. На зарѣ, послѣ зари, онъ увидится съ нею, переговоритъ и все выяснитъ. Какъ это было кстати для него! Послѣ похоронъ барона Корфа тяжелыя, мрачныя мысли его не покидали. Все видѣлся ему самоубійца и точно звалъ его за собою. Точно нашептывалъ ему печальныя слова о скукѣ жизни.

Записка Маруси, такая сама по себѣ незначительная, всколыхнула прошлое, объяснила смыслъ жизни: — любовь къ этой милой, простой, чуткой и такой загадочной дѣвушкѣ.

Видъ сѣраго неба черезъ заплаканныя дождемъ оконца избушки показался Саблину прелестнымъ.

Устроить билетъ было нетрудно и Саблинъ въ радостномъ волненіи прожилъ тѣ двѣ недѣли, что отдѣляли его отъ дня, назначеннаго для высочайшаго объѣзда лагеря и «зари съ церемоніей».

Утро этого дня было туманное, но уже съ 10-ти часовъ засвѣтило яркое солнце и стало жарко. Глинистыя дороги заблестѣли, какъ стальныя, и стали быстро просыхать. Вечеръ обѣщалъ быть великолѣпнымъ.

На правомъ флангѣ главнаго лагеря, гдѣ въ квадратныхъ, домиками, палаткахъ, стоитъ гвардія, на томъ мѣстѣ, гдѣ Царскосельское шоссе пересѣкаетъ переднюю линейку, у лѣваго фланга Л.-Гв. Семеновскаго полка, возлѣ церкви, была построена неуклюжая досчатая трибуна для музыкантовъ и рядомъ съ нею трибуна поменьше для публики. Противъ нихъ, возлѣ березовой рощи была уже за недѣлю поставлена тройная интендантская палатка; валикъ, на которомъ она стояла, былъ выложенъ свѣжимъ дерномъ и кругомъ посажены цвѣты. Подлѣ было небольшое мѣсто, отгороженное веревками и предназначавшееся для публики почище. Сюда пускали по особымъ, малиноваго цвѣта, билетамъ. Такой билетъ досталъ Саблинъ для Маруси.

Къ шести часамъ вечера трибуны наполнились. На

тройкахъ, въ собственныхъ экипажахъ, на извозчикахъ и пѣшкомъ сходились сюда приглашенные. Ажурные зонтики и пестрые легкіе туалеты дамъ придавали красивый видъ трибунамъ и скрадывали простыя доски и землю, гдѣ были поставлены стулья и скамейки. Линейка была вычищена и усыпана краснымъ пескомъ. У палатки стали красивые, какъ херувимы, стройные, затянутые въ нарочно для этого дня сшитые мундиры, часовые - юнкера Павловскаго училища. Музыканты и трубачи отъ всѣхъ полковъ лагеря, больше тысячи человѣкъ, устраивались на своей трибунѣ, разставляли пюпитры и сверкали ярко начищенными мѣдными инструментами. Впереди становилась рать барабанщиковъ и горнистовъ. Ее устраивалъ старый барабанщикъ Л.-Гв. Гренадерскаго полка, солдатъ средняго роста, крѣпкій, приземистый, черноволосый, съ большою, красиво расчесанной черной, подернутой сѣдиною, бородою — типичный русскій крестьянинъ.

Офицеры гвардейскихъ полковъ въ мундирахъ и серебряныхъ и золотыхъ портупеяхъ и перевязяхъ, сходились по мѣрѣ того, какъ Государь объѣзжалъ лагерь и становились по полкамъ, противъ палатки Государя.

Маруся глядѣла на небо съ сдвигающимися къ закату облаками, на широкія дали полей и темныхъ Стрѣльнинскихъ и Лиговскихъ лѣсовъ со сверкающей позади, какъ лезвее меча полосою Финскаго залива, куда медленно опускалось багровое красное солнце.

Рядомъ съ Марусей сидѣлъ постоянный посѣтитель зари, извѣстный русскій артистъ К. Варламовъ, — «дядя Костя». Онъ обращалъ на себя вниманіе своею толстою, умиленной, замѣтною и знакомою фигурой.

— Хорошо! Хорошо! — говорилъ онъ, вытирая платкомъ потъ со своей широкой лысины. — Ахъ, и хороша же матушка Россія! Красиво-то какъ сверкаетъ крестъ на Красносельскомъ соборѣ! А облака-то, облака! Точно нарочно Дубовской ихъ написалъ на этомъ синемъ небѣ! Ни на какія Ниццы, или, тамъ, Швейцаріи не промѣняю я наше Красное Село. Смотрите-ка — чистота

воздуха-то какая! Кронштадтъ виденъ! Блеститъ крыша Петергофскаго дворца. Слышите?... Да никакъ уже Государь Императоръ ѣдетъ?

Маруся прислушалась. Далеко влѣво гудѣла земля. Тысячи людей кричали «ура», и этотъ шумъ, долетая за двѣ версты, волновалъ и будилъ въ Марусѣ новыя, никогда не испытанныя, чувства. Ей разсказывалъ ея братъ, что, при приближеніи Государя, какъ бы массовый гипнозъ нападалъ на людей, все сливалось въ одномъ умиленномъ обожаніи Царя. Ужъ она-то, Маруся, этому гипнозу никакъ не поддается! Что ей Государь?.. Но шибко забилось ея сердце, когда услышала приближающійся ревъ голосовъ и поняла его значеніе.

Гулъ становился ближе. Слышны стали звуки гимна и маршей, рѣзкіе отчетливые на «с т в о» отвѣты на привѣтствіе Государя и могучее русское «ура». Оно вспыхнуло въ Егерскомъ полку, загорѣлось у Измайловцевъ, перекинулось въ артиллерію... Черезъ шоссе переѣзжалъ верхомъ на широкомъ и статномъ кровномъ темно-гнѣдомъ конѣ Государь. Онъ былъ въ полковничьемъ Семеновскаго полка мундирѣ и въ голубой Андреевской лентѣ; рядомъ, въ коляскѣ à Daumont, запряженной четверкой лошадей, ѣхали обѣ Императрицы, сопровождаемыя многочисленной свитой офицеровъ, генераловъ и иностранныхъ военныхъ агентовъ.

Маруся хотѣла сосредоточить все вниманіе на Государѣ, но невольно разсѣивалась. Конскія головы, парадные уборы всадниковъ, мѣховой вальтрапъ Государева сѣдла съ синими кантами по краямъ, красные доломаны гусаръ, сѣдой толстый генералъ съ сѣдыми подусками, въ голубой фуражкѣ, ни дать, ни взять запорожецъ, соскочившій съ картины Рѣпина, юноша камеръ-пажъ, лейбъ-казакъ, конвойцы въ темносинихъ черкескахъ — все казалось ей картиной изъ тысячи и одной ночи, или апофеозомъ роскошнаго балета. Это не была жизнь, потому что простая жизнь, зеленыя поля, холмы Краснаго Села, какъ виноградомъ, покрытыя малиной на высокихъ шестахъ не допускали этой пестрой кавалькады на велико-

лѣнныхъ лошадяхъ, этого рева голосовъ, покрывающихъ звуки трубъ. Это было явленіе особаго порядка, явленіе особаго міра. Государь проѣхалъ къ краю лагеря, и оттуда галопомъ, сопровождаемый скачущей свитой, вернулся и слѣзъ съ коня. Онъ остановился, окинулъ ясными глазами публику, поклонился на привѣтствіе толпы, повернулся кругомъ и поздоровался съ музыкантами. Онъ поднялся по ступенькамъ къ палаткѣ и, улыбаясь, говорилъ съ встрѣчавшими его здѣсь лицами свиты. Онъ закурилъ папиросу и вошелъ въ палатку. Маруся его близко видѣла. Не болѣе двадцати шаговъ отдѣляло ее отъ Государя. Она видѣла простое лицо съ чуть вздернутымъ носомъ, съ большими усами и маленькою бородкой. Государь улыбался и шутилъ съ какимъ-то старымъ генераломъ. У палатки, держась за спинку кресла и нервно чертя зонтикомъ по песку, стояла высокая, полная Императрица, съ красными пятнами волненія на щекахъ. Маруся старательно подмѣчала каждую людскую мелочь въ Государѣ и Государынѣ. Какъ бросилъ онъ въ цвѣты окурокъ, какъ сталъ за стуломъ Императрицы, когда она сѣла, какъ взялъ за подбородокъ дѣвочку, великую княжну, и что-то сказалъ ей, какъ говорилъ со своею сестрою Ольгой Александровной. «Да все же это обыкновенное, людское, простое», — говорила она себѣ, но переводила глаза на то, что окружало палатку и чувствовала біеніе сердца. Тихо, какъ кошки, мягко ступая сапогами безъ каблуковъ, ходили стройные въ длинныхъ синихъ, шитыхъ серебромъ черкескахъ конвойные казаки и два юнкера стояли у палатки неподвижные, точно не живые. Марусѣ показалось, что они даже не моргаютъ глазами. Одинаковые лицами, какъ родные братья, румяные, загорѣлые, съ пухлыми губами, гдѣ легкою тѣнью пробивались молодые усы, затянутые черными ремнями съ ярко горящими бляхами, съ напряженными ногами, откинувъ винтовки въ пріемѣ «на караулъ» по-ефрейторски, они замерли въ неподвижности и не было замѣтно, чтобы они дышали.

Оркестръ игралъ пьесу за пьесой, а юнкера все стоя-

ли, не шевелясь, и на ихъ лицахъ было умиленное напряженіе. Кругомъ была свита. По другую сторону линейки плотнымъ квадратомъ стояли блестящіе офицеры и тамъ былъ Саблинъ. Маруся знала это. Но чувствовала, что теперь и Саблинъ, и эти юнкера, и все — ничто передъ Государемъ. Такъ, въ старину окруженные боярами, рындами и боярскими дѣтьми, выходили московскіе цари. Съ далекаго востока, изъ Византіи пришла эта красота обряда, она отдалила Царя отъ народа, сдѣлала его непонятнымъ и создала сказку о томъ, что Царь вѣнчанъ самимъ Богомъ на Царство. Пошевельнись юнкера, откинь, или брось они ружье, и сказка разлетится въ прахъ, и никто не повѣритъ, что Царь есть высшее существо, что Царь отъ Бога.

Но пьесу за пьесой играютъ музыканты. Ниже спускается солнце. Уже можно смотрѣть на его громадный огненный дискъ, а юнкера-часовые стоятъ все такъ же неподвижно, не моргаютъ прекрасные глаза юношей, и восторгъ и обожаніе застыли на ихъ лицахъ...

XLIX

Оркестръ замолкъ. Изъ шеренгъ барабанщиковъ вышли впередъ старый барабанщикъ и высокій, безусый горнистъ. Они стали и вытянулись противъ Государя. Двадцать пять лѣтъ въ этотъ день зари съ церемоніей читаетъ молитву старый барабанщикъ и двадцать пять лѣтъ онъ волнуется и самъ себя не помнитъ. Онъ вѣритъ, что онъ читаетъ молитву передъ Богомъ вѣнчаннымъ Царемъ. И Богъ слышитъ его молитву.

Полная тишина наступила кругомъ. Стихли разговоры. Всѣ ждали. Маруся замѣтила, какъ по широкому, полному, бритому лицу ея сосѣда — Варламова, текли крупныя слезы. Умиленный восторгъ противъ воли началъ охватывать и ее.

Шелестя въ воздухѣ, взвилась ракета и лопнула гдѣ-то высоко, бѣлымъ дымкомъ разсыпавшись въ голубомъ

небѣ. Другая... Третья... И разомъ, заставивъ всѣхъ вздрогнуть, раздался дружный залпъ пушекъ гвардейскихъ батарей главнаго лагеря, ему отвѣтили такимъ же залпомъ батареи авангарднаго лагеря и эхо пошло перекатываться къ Дудергофу и Кирхгофу.

Когда оно стихло, грянули оркестръ и всѣ барабанщики трескучую пѣхотную зорю.

То дружно гремѣли барабаны, всѣхъ заглушая, и вдругъ обрывались, и тогда плавно выступали звуки трубъ и пѣли странную, героическую пѣсню войны, вѣющую стариной, говорящую о славѣ и смерти, . счастьи умереть за родину. Были печаль и радость въ ся звукахъ. О чемъ-то томительно горестномъ начинали говорить трубы и ихъ сразу обрывали барабаны и заглушали тоску, и влекли къ сладости подвига.

Заря смолкла... Напряженіе и тишина стали такъ волнующи, что Маруся ощутила внутреннюю дрожь. Офицеры и музыканты стояли, не шевелясь. Маруся посмотрѣла на Государя. Онъ стоялъ, вытянувшись, и тоже не шевелился.

Барабанщикъ поднялъ палки надъ барабаномъ, горнистъ приложилъ золотой горнъ къ губамъ.

Рѣзкій, отрывистый сигналъ «на молитву» раздался и замеръ, одинокій и властный.

Отчетливо повернулся кругомъ барабанщикъ и скомандовалъ:

— Музыканты, барабанщики и горнисты, на молитву! Шапки... долой!

Всѣ головы обнажились. Дрогнули въ дружномъ пріемѣ юнкера, взяли ружья «на молитву» и сняли фуражки. Маруся видѣла, какъ Государь снялъ по командѣ стараго барабанщика свою фуражку. Лицо его стало серьезно.

«Символы», — подумала Маруся. — «Но... какіе глубокіе символы!»

Барабанщикъ опять стоялъ лицомъ къ Царю. Его простое русское лицо было вдохновенно. Красные лучи заходящаго солнца сзади и съ боковъ освѣщали барабан-

щика. Въ огненномъ маревѣ стоялъ онъ, старый кряжистый русскій крестьянинъ - солдатъ и съ нимъ рядомъ высокій молодой преображенскій горнистъ.

— Отче нашъ! — короткимъ призывомъ раздалось изъ устъ барабанщика, — иже еси на небесѣхъ!

Небо слушало эту молитву. Солнце остановилось на мѣстѣ и краснымъ заревомъ разлилось позади Краснаго Села.

— Да пріидетъ Царствіе Твое, — говорилъ барабанщикъ, — да будетъ воля Твоя!

Всѣ молчали. Тутъ, въ этомъ углу, каждый вздохъ былъ слышенъ, а кругомъ гудѣлъ солдатскими голосами лагерь. На переднихъ линейкахъ роты пѣли молитву.

— И остави намъ долги наши, яко мы оставляемъ должникамъ нашимъ, не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго!

Просто, четко, отчетливо и ясно выговаривая каждое слово, говорилъ молитву барабанщикъ, а казалось, что совершалось великое и страшное таинство. Царь молился со своими солдатами.

Сказалъ послѣднее слово старый барабанщикъ, не спѣша, накрылся фуражкой, метнулъ строгими глазами на горниста, поднялъ палки и ударилъ «отбой».

— Музыканты, барабанщики и горнисты — накройсь! — скомандовалъ онъ.

Пестрыя фуражки накрыли розовые загорѣлые лбы и все зашевелилось. Заря была кончена.

Государь надѣлъ фуражку съ синимъ околышемъ и спустился внизъ. Отъ трибуны съ музыкантами отдѣлились фельдфебеля и вахмистры шефскихъ ротъ, батарей, эскадроновъ и сотенъ и стали подходить, сопровождаемые адъютантами, къ Государю.

Въ вечернемъ прохладномъ воздухѣ слышались короткіе отвѣты и въ волненіи голосовъ Маруся чувствовала, что и тутъ совершается что-то великое, о чемъ потомъ всю жизнь будутъ умиленно разсказывать.

Красивый юноша стоялъ на вытяжку передъ Госуда-

ремъ. Маленькая рука въ бѣлой перчаткѣ была наглухо приложена къ алому околышу фуражки.

— Ваше Императорское Величество, — ясно звучалъ голосъ юноши, — въ ротѣ имени Вашего Императорскаго Величества Перваго Военнаго Павловскаго училища юнкеровъ 104, больныхъ и отпускныхъ нѣтъ, происшествій не случалось...

Его смѣнилъ рослый старый преображенецъ, потомъ семеновецъ. Кругомъ стояла тишина.

— Какой губерніи? — слышался голосъ Государя.

— Тамбовской, Ваше Императорское Величество.

— Третій годъ на сверхсрочной службѣ.

— Женатъ...

Послѣдній, вахмистръ батареи Его Величества, красавецъ-донецъ, съ громадной роскошной бородой и съ цѣпочкой изъ перекрещенныхъ пушекъ на груди, въ мундирѣ, подтянутомъ алымъ кушакомъ, отрапортовалъ Государю.

Изъ толпы, звеня бубенцами и тихо шурша по песку резинами, подалась коляска, запряженная тройкой гнѣдыхъ лошадей. Государь помогъ сѣсть Императрицѣ и сѣлъ самъ. Грянуло ура, зазвенѣли бубенцы и коляска понеслась по уклону шоссе, къ Красному Селу.

Все кончилось. Начался разъѣздъ.

L

Саблинъ со своего мѣста долго не могъ отыскать Марусю. Онъ уже началъ безпокоиться. Неужели обманула и не пріѣхала?

— Посмотри, Павелъ Ивановичъ, рядомъ съ Варламовымъ какой свѣжачокъ сидитъ. Вотъ прелесть! Не знаешь, кто такая? — сказалъ подлѣ Саблина Мацневъ, обращаясь къ Гриценкѣ.

— Не знаю. Это новенькая. Хороша удивительно. Это не изъ казачьихъ ли дамъ? Тамъ много эту зиму свадебъ было.

— Нѣтъ. Не похожа... Въ ней что-то особенное. Это не можетъ быть Самсонова?

— Ну! Самсонова вонъ сидитъ, видишь, третья съ краю, съ Заботаревой и Миллеръ. Нѣтъ. Это не наша, не полковая. Видишь, какъ робко глядитъ.

— Такую кралю не вредно было бы и полковой сдѣлать.

Это говорили про Марусю, и Саблину это было пріятно. Ему пріятно было сознавать, что онъ одинъ знаетъ, кто она, что, можетъ быть, она для него пріѣхала.

Онъ остался послѣ зори, и дождался, когда разъѣхались офицеры. Тогда отыскалъ въ толпѣ Марусю.

Они пошли прямо по полю пѣшкомъ къ станціи.

Толпа обгоняла ихъ. Вдали, по шоссе, вереницей тянулись къ вокзалу извозчики. Имъ не хотѣлось говорить на людяхъ. Каждый думалъ свои думы.

— Марія Михайловна, — сказалъ Саблинъ, когда они вышли изъ вагона и сошли на дворъ Балтійскаго вокзала въ Петербургѣ, — могу я вамъ предложить погулять немного по набережной, если вы не устали и если никуда не торопитесь?

— Съ удовольствіемъ, — сказала Маруся.

Они доѣхали до Сенатской площади. Саблинъ отпустилъ извозчика.

Лѣтняя румяная заря догорала. Становилось темнѣе. Широкимъ бѣлымъ просторомъ развивалась передъ ними Нева. Вдали виднѣлся темный плашкоутный Дворцовый мостъ. По всѣмъ направленіямъ мелькали зеленые и красные огни пароходныхъ фонарей. На набережной было пустынно и свѣжо. Пахло водою, каменнымъ углемъ и смолою.

— Ну, какъ? Каковы ваши впечатлѣнія? — спросилъ Саблинъ.

Маруся повернула къ нему лицо. Она была въ томъ же простомъ канотье съ алой лентой, въ которомъ ѣздила на Лахту.

— Я еще не разобралась въ нихъ. Я остаюсь при своемъ мнѣніи. Онъ такой же человѣкъ, какъ и мы съ

вами. Видимо, добрый, ласковый, привѣтливый, не позёръ... Но въ обстановкѣ, окружающей его, дѣйствительно, есть что-то, что волнуетъ.

Саблинъ ничего не могъ сказать. Ихъ сердца не бились въ унисонъ, какъ въ прошломъ году послѣ парада у него и у Китти, гдѣ оба они одинаково просто и горячо боготворили Государя, не задумываясь ни о чемъ. Саблинъ почувствовалъ, что здѣсь была критика и анализъ, а къ такимъ предметамъ Саблинъ боялся подходить съ критикой.

— Я думаю, — продолжала Маруся, — что, если убрать эту обстановку, то не будетъ ни волненія, ни энтузіазма... Онъ мнѣ понравился. Я хочу видѣть его человѣкомъ.

На Петропавловскомъ соборѣ заиграли куранты. Маруся вздрогнула, робко взяла подъ руку Саблина и прижалась къ нему.

— Какъ страшно, страшно, —сказала она совсѣмъ тихо, такъ, что Саблинъ едва услыхалъ ея голосъ. — Скажите, Александръ Николаевичъ, — почему нельзя царствовать, не проливая крови? Почему нужны висѣлицы, тюрьмы, казематы, плети, ссылка, каторга, какъ аттрибуты власти?

— Потому что есть преступники, — холодно сказалъ Саблинъ.

— Но развѣ преступникъ тотъ, кто думаетъ поиному? Ну, вотъ... Я иду съ вами по этой прекрасной гранитной набережной, я получила образованіе, я знаю, что такое наука и искусство, я познала красоту жизни, а когда подумаю, что есть мужики, глухая деревня, темные, голодные люди, вся жизнь которыхъ направлена лишь къ тому, чтобы утолить голодъ... Когда я подумаю объ этомъ страшномъ неравенствѣ людей... мнѣ жутко, Александръ Николаевичъ... Ужели эти мысли преступны?

— За мысли не наказываютъ.

— Но за слово? Если я пойду говорить это въ деревню, народу — это преступленіе? Да? Сегодня я видѣла одно, что меня такъ поразило. Этотъ старикъ, ба-

рабанщикъ, простой русскій мужикъ, скомандовалъ и Царь исполнилъ его команду... Потомъ онъ читалъ молитву и Царь молился по его молитвѣ... Скажите, это нарочно придумано?... Это символъ служенія Царя народу, или это случайность?... Или я не такъ поняла?

Саблинъ ничего не могъ отвѣтить. Онъ самъ не зналъ этого. Онъ никогда надъ этимъ не задумывался.

— Все было прекрасно, — говорила Маруся, — но какъ примирить это прекрасное... съ крѣпостью?

— Марія Михайловна, не забудьте, что Императоръ Александръ II убитъ злоумышленниками. Это убійство врядъ ли была воля народа, но воля маленькой кучки людей... воля партіи.

— Но какъ же, Александръ Николаевичъ, народу выражать свое мнѣніе, иначе, какъ не посредствомъ людей, посвятившихъ себя на служеніе ему, то есть — партіи?

— Развѣ народъ отъ себя, изъ своей среды, избралъ этихъ людей?... Онъ поручалъ имъ убивать Государя?... Сколько я помню, народъ былъ пораженъ и возмущенъ этимъ страшнымъ убійствомъ.

— Мы не знаемъ подлинной души народа, она задавлена. При томъ полицейскомъ гнетѣ, что существуетъ по всей Россіи, развѣ можетъ народъ свободно выразить свою волю, свое одобреніе или неодобреніе?... Александръ Николаевичъ, народъ теменъ! Вы не можете себѣ представить, какъ онъ теменъ, голоденъ и жалокъ. Его надо учить и просвѣщать. Надо всей интеллигенціи идти въ деревню, надо вамъ, офицерамъ, учить солдатъ... Всѣмъ надо стать на работу.

— Совершенно вѣрно, — согласился Саблинъ. Онъ шелъ, не глядя на Марусю, только слушая ее. Чѣмъ больше говорила она, тѣмъ дальше становилась отъ него. Она уже не была желанною. Точно стѣна выростала между ними. Холодѣло сердце. Они шли рука съ рукой, а были дальше, чѣмъ тогда, когда переписывались, не зная другъ друга. Маруся почувствовала этотъ холодъ. Она поняла, что зашла далеко и спросила саму себя: — «да

вѣритъ ли она сама-то въ то, что говоритъ? Вѣритъ ли въ то, что образованіе и политическое воспитаніе дастъ счастье народу? Хотѣла бы она, чтобы этотъ прекрасный, съ благородной осанкой Государь, умѣющій держать себя передъ народомъ и знающій, кому что сказать, отъ чьего одного слова становятся счастливыми люди и вспоминаютъ это пустое, незначительное слово всю жизнь, умѣющій владѣть и пользоваться этимъ византійскимъ блескомъ, былъ бы убитъ? И вмѣсто него сталъ бы править государствомъ, какъ президентъ, умный и добрый Коржиковъ, неопрятный, въ коричневомъ пиджакѣ, комкающій свою рыжую бородку, но любящій народъ до самозабвенія...» Она улыбнулась отъ этой мысли. Но отказаться отъ того, что начала говорить, не хотѣла, рѣшила сдѣлать новую попытку. Они дошли до Фонтанки и повернули обратно. Лѣтнія бѣлесыя сумерки стлались надъ водою, переливавшею, какъ серебряная парча. Толпа народа вышла съ парохода, пришедшаго съ острововъ и повалила въ улицы и на конки, другая толпа стремилась на пароходъ. Нѣкоторое время они шли среди людей и говорить было неудобно. Въ эти минуты молчанія ей хотѣлось загладить то, что она сказала, прогнать холодъ, ставшій между ними, пригрѣться къ нему. Она тѣснѣе прижалась къ его рукѣ и ласково заглянула ему въ лицо. «Какой онъ милый! благородный! Вотъ несогласенъ со мною, круто несогласенъ, можетъ быть, сердится на меня, а не кричитъ, не споритъ», — подумала она.

— Александръ Николаевичъ, а что, если бы, скажемъ, самъ Царь оставилъ дворецъ, придворныхъ, блестящую свиту, одѣлся простымъ пахаремъ и пошелъ бы въ народъ? Поселился въ избѣ, нанялся батракомъ, изучилъ все горе крестьянское и приступилъ къ новымъ реформамъ. Царь, зная по личному опыту все то, что нужно крестьянину, самъ далъ бы ему все, тогда и партіи стали бы не нужны, — сказала Маруся.

— Тогда Царь пересталъ бы быть Царемъ. Царь не можетъ быть человѣкомъ. Народъ не приметъ и не пой-

метъ такого Царя. Онъ его не послушаетъ и не исполнитъ своего долга.

Маруся вздохнула.

— Богъ, — тихо продолжалъ Саблинъ, — послалъ на землю своего Сына, тоже Бога, Іисуса Христа. Богъ явился на землю, какъ простой человѣкъ и пошелъ съ простыми людьми проповѣдывать свое святое ученіе. Народъ не принялъ Его и убилъ. Распялъ на крестѣ. Явись Христосъ во славѣ своей, съ ангелами и архангелами, въ роскоши божественныхъ одеждъ и въ Царственномъ величіи, и народъ, какъ самый святой законъ, исполнилъ бы всякій Его приказъ, самую малѣйшую Его заповѣдь.

— Вы вѣрите во все это? — тихо спросила Маруся.

— Во что? — еще тише переспросилъ Саблинъ.

— Въ то, что написано въ Евангеліи, — сказала, низко опуская голову, Маруся.

— Какъ же не вѣрить.... А вы?

— Ахъ, не знаю... Не знаю!... Смутно у меня на душѣ. Сегодня эта молитва въ полѣ, раньше вы, Александръ Николаевичъ, вы разбудили во мнѣ новыя чувства, новыя мысли, такія, какихъ я не знала.

— Вы не вѣрите въ Бога?

— Скажите, — быстро спросила Маруся, — скажите, почему же Христосъ явился простымъ человѣкомъ, а не Богомъ и не Царемъ? Почему Онъ проповѣдывалъ, а не законодательствовалъ, почему Онъ училъ, а не приказывалъ?

— Онъ хотѣлъ, чтобы люди добровольно приняли Его заповѣдь, приняли въ сердцѣ своемъ, внутри себя и вѣчно ею руководствовались. Приказъ, исполненіе по приказу, силою, не удовлетворяло Христа и Онъ пошелъ инымъ путемъ.

— Вы глубоко вѣрите, — сказала Маруся. — Я вижу васъ. У васъ такъ просто въ вашемъ мозгу! Стоятъ перегородки, сдѣланы ящики, написаны ярлычки. Богъ, церковь, свѣчи, иконы, поклоны. Царь, преданность, награды. Полкъ, мундиръ, честь мундира. Полковая семья.

семья вообще. Позволено — не позволено... можно. нельзя...

— Не такъ просто, какъ вамъ кажется. А у васъ?

Она засмѣялась. Искренно, чисто, засмѣялась надъ самою собой.

— У меня, Александръ Николаевичъ. — хаосъ!... Я сама не знаю, что такое у меня.

— А учить хотите, — сказалъ онъ съ укоризной. — Развѣ можно учить чему-нибудь, когда не знаешь чему?

— А если хочешь, страшно хочешь... до самозабвенія.

— Чего хочешь?

— Правды.

— А вы знаете ее... правду-то?

— Ну, такъ, чтобы всѣмъ было хорошо.

— А вы знаете, что такое в с ѣ м ъ х о р о ш о? И можетъ быть то, что мнѣ хорошо, вамъ худо.

— Ахъ, я перенесла бы и худо, чтобы вамъ было хорошо! — невольно вырвалось у Маруси.

Саблинъ посмотрѣлъ на нее. Она показалась ему милымъ ребенкомъ, жмущимся къ нему въ тревогѣ и тоскѣ и ищущимъ у него опоры. Какъ только посмотрѣлъ на нее — почувствовалъ, что холодъ противорѣчія прошелъ и мужчина проснулся въ немъ. О! кто бы ни была она, хоть преступница, но цѣловать эти самыя губы, эти зубы, даже и въ темнотѣ ночи сверкающіе перламутромъ и смотрѣть, смотрѣть въ эти темные, бархатные глаза!!!

Мѣдный всадникъ, вздыбившій коня надъ каменной глыбой смотрѣлъ на нихъ. Сзади били куранты. Перекликались свистками пароходы и одинъ свистѣлъ пронзительно и тонко, а другой отвѣчалъ ему густымъ сильнымъ басомъ. Было поздно. Который часъ — она не знала.

— Поздно уже? — спросила она.

— Половина перваго, — сказалъ Саблинъ.

— Боже мой! Неужели! Мнѣ пора. Вы здѣсь живете? Я хочу видѣть вашъ домъ. Это далеко?

Они пересѣкли площадь. Тополя бульвара тихо шумѣли надъ ними. Темныя, пустыя и непривѣтливыя стояли казармы. Сыростью и холодомъ вѣяло отъ нихъ. Марусѣ стало жалко Саблина.

Они дошли до извозчика.

— Ну, до свиданія, Александръ Николаевичъ. Спасибо вамъ за то, что доставили мнѣ столько удовольствія. Я не забуду сказки, что видѣла сегодня.

— Когда же мы съ вами увидимся? — спросилъ онъ, усаживая ее въ пролетку и застегивая фартукъ.

— Когда?... Не знаю... Когда хотите... Намъ есть о чемъ потолковать.

— Марія Михайловна, — сказалъ онъ просто, — пріѣзжайте ко мнѣ. Вотъ я здѣсь живу, во второмъ этажѣ. Потолкуемъ тихо... Наединѣ... Ну, что вамъ стоитъ? Осчастливьте мое солдатское житье.

Она колебалась. Онъ взялъ ея маленькую руку въ простой лайковой темной перчаткѣ.

— Марія Михайловна, ну, будьте милой. Я покажу вамъ исторію нашего полка. я покажу вамъ картины прошлаго, и тогда, когда вы узнаете наше прошлое, вы поймете и настоящее. Мы переписывались и спорили съ вами, мы съ вами почти ссорились, но мы не знаемъ другъ друга... Вы не знаете, почему мы такіе... Ну, будьте доброй... Прошу васъ... На полчаса...

Она улыбнулась.

— Пятница.

— Хорошо. Въ пятницу, на одну минуту. Въ семь часовъ.

— Спасибо, милая Марія Михайловна. Ровно въ семь я буду слушать шаги вашихъ ножекъ у ступеней моей хижины.

— До свиданія, Александръ Николаевичъ... Извозчикъ, трогай!

Онъ провожалъ ее глазами, пока пролетка не скрылась за поворотомъ. Все ликовало въ его душѣ...

LI

Цѣлую недѣлю Саблинъ ѣздилъ послѣ занятій въ городъ. Онъ убиралъ одинъ, безъ денщика, свою квартиру. Онъ снималъ бумаги съ картинъ и зеркалъ, выбиралъ пыль, со стороны позвалъ полотеровъ и поломоекъ, и при себѣ приказалъ вымыть и протереть полы. Въ пятницу онъ накупилъ цвѣтовъ, конфектъ, пирожныхъ, накрылъ въ столовой столъ и самъ поставилъ самоваръ.

Китти и Владя его многому научили. Много было пошлаго въ этомъ столѣ, заваленномъ сладкими пирогами, конфектами, дорогими фруктами, съ бутылками тонкаго вина, съ цвѣтами въ вазахъ и цвѣтами, посыпанными по столу. Но могла ли понять и уяснить себѣ всю пошлость этого холостого пріема «ж е н щ и н ы» Маруся?

Саблинъ ждалъ Марусю и не зналъ, кто она такая? Артистка? Но артистка съ такою наружностью не могла быть неизвѣстной въ Петербургѣ. Она была на высшихъ женскихъ курсахъ, она дружила съ дочерью генерала Мартова, ея фамилія Любовина, она очень чистая дѣвушка... а вотъ идетъ къ нему на квартиру. Пошла бы сестра Ротбека, или баронесса Вельфъ, съ которой онъ нѣсколько разъ видался зимою и танцовалъ? Ему въ голову не пришло бы позвать ихъ. Нелѣпою была самая мысль пригласить ихъ. А ее пригласилъ, и она согласилась придти. Почему?... Потому что она женщина иного круга и ей это можно. У н и х ъ это позволено.

А кто они?

Купеческая, мѣщанская дочка она, или дитя казармы, дочь офицера?

А не все ли равно!... Она сама прелесть!... Съ нею сладостно, по-новому бьется сердце. Хочешь ее и не смѣешь. Смотришь на милое лицо и даже думать не смѣешь, что можно его поцѣловать.

Сердце Саблина билось и замирало. Онъ то садился въ мягкомъ креслѣ въ кабинетѣ и смотрѣлъ въ окно, то ходилъ, потирая руки, изъ кабинета въ столовую. Загля-

нулъ и въ спальню. Онъ и ее прибралъ и приготовилъ... На всякій случай... Гналъ мысли объ этомъ случаѣ, но прогнать не могъ.

Маруся отпустила извозчика на Гороховой и бѣжала, дѣлая крюки, къ квартирѣ Саблина. Сердце ея трепетало. Она спрашивала себя — почему, Вѣдь бывала же она у Коржикова, когда помогалъ онъ ей осилить геометрію и повторялъ исторію. Раза два она была у брата своей подруги, одинокаго студента, лежавшаго больнымъ, когда подруга уѣхала. И тутъ, и тамъ ее принимали, какъ товарища. Она даже не помнитъ, что было особеннаго въ ихъ скромныхъ комнатахъ и что было страшнаго въ этихъ посѣщеніяхъ. Она тогда не только не волновалась, но даже не думала о томъ, что идетъ къ холостому мужчинѣ. Шла къ Ѳедору Ѳедоровичу, шла къ товарищу Андрею... и только. Она говорила брату и отцу, что пойдетъ къ нимъ... Сейчасъ умолчала и шла, крадучись, къ Саблину. Ей было стыдно. Нѣсколько разъ она останавливалась и хотѣла вернуться, но вернуться было еще стыднѣе. Ей хотѣлось видѣть Саблина. Она любила его. Она сознала это на Лахтѣ, когда простила ему и написала. Еще болѣе сознала во время зари и прогулки по набережной ночью. Онъ весь ей нравился. Съ его туманными исканіями, съ его заблужденіями, съ его изящными, гибкими манерами и тихими, вкрадчивыми рѣчами. Онъ былъ особенный. Такихъ она еще не видала. Ее тянуло къ нему, какъ тянутъ вершины снѣжныхъ горъ.

Она нѣсколько разъ оглянулась на бульварѣ. Панель была пуста. По бульвару ходили люди, но они не обращали вниманія на Марусю. Она юркнула въ подъѣздъ. Подъѣздъ и лѣстница были грязные, засыпанные мусоромъ, известкой и залитые краской. Въ открытыя двери внизу были видны пустыя залы, оттуда пахло сыростью и краской и двое мастеровыхъ красили, напѣвая тягучую пѣсню. Маруся однимъ духомъ взбѣжала по лѣстницѣ. Мѣдная доска мелькнула у ней передъ глазами. Ей казалось, что она теряетъ сознаніе. Въ эту же

минуту, не дождавшись ея звонка, дверь, обитая зеленой клеенкой, тихо шурша, открылась и она увидѣла передъ собою Саблина въ изящномъ вицъ-мундирѣ и рейтузахъ, въ высокихъ сапогахъ.

Она вскочила въ переднюю.

Саблинъ, молча, поднесъ къ своимъ губамъ ея руки, одну за другою, и поцѣловалъ ихъ. Она смотрѣла въ его глаза и чувствовала, какъ тепло счастья излучается изъ нихъ. Она покраснѣла и ей стало спокойно и хорошо.

— Вотъ, какъ вы живете, — сказала она, входя въ его кабинетъ и направляясь къ большому зеркалу. Она пришла на одну минуту, въ прихожей она не хотѣла скинуть съ плечъ легонькой мантильи, здѣсь, у зеркала, она медленно стала снимать шляпку и оправлять прическу со взбитыми по модѣ волосами. Эта прическа, которую онъ на ней видѣлъ первый разъ, придавала ей шаловливый видъ.

Маруся разглядывала комнату. Въ ней для уюта были задернуты наглухо тяжелыя суконныя занавѣси на окнахъ и горѣла надъ столомъ большая лампа. Не богатство обстановки, какой она еще не видала, поразило ее, а старина вещей, солидность и ихъ красота. Ея вниманіе привлекъ длинный рядъ темныхъ портретовъ, висѣвшихъ по стѣнамъ. Закинувъ руки за спину, Маруся тихо подошла къ крайнему портрету и остановилась. Съ темнаго холста на нее смотрѣло смуглое лицо въ высокой боярской шапкѣ. Косые татарскіе глаза, узкіе и злые, глядѣли строго изъ-подъ нависшихъ на нихъ густыхъ черныхъ бровей. Лицо было обрамлено черною вьющеюся бородой, надъ верхней губой прямо лежали тонкіе монгольскіе усы. Подъ нимъ висѣлъ портретъ бѣлой женщины съ розовыми щеками и пунцовыми губами, круглой, толстой, съ большими на выкатѣ черными глазами.

— Это предки ваши?

— Да, предки.

— Это потомъ написано, или тогда?

— Нѣтъ, этотъ портретъ сдѣланъ мастеромъ Ивана Грознаго, византійцемъ Кампана, въ 1543 году, это родо-

начальникъ Саблиныхъ, бояринъ «Иванка Сабля», и внизу его жена Марія Савишна, изъ рода бояръ Мстиславскихъ.

Темныя лица въ кафтанахъ съ высокими воротниками и въ кафтанахъ безъ воротниковъ, съ шарфами, въ мундирахъ, парикахъ и безъ париковъ, съ прилизанными напередъ височками, съ коками надъ лбомъ, въ орденахъ и звѣздахъ, женщины въ шляпахъ, съ томными, мечтательными глазами, съ мушками на щекахъ, красивыя и некрасивыя, смотрѣли на нее. Дѣды, прадѣды, пращуры. Саблинъ зналъ ихъ всѣхъ. Его прабабка была итальянка, бабушка была томная бѣлокурая остзейская нѣмка, мать русская красавица.

Саблинъ зналъ исторію каждаго изъ нихъ. Это были дворяне Саблины. Они имѣли гербъ, они имѣли живыхъ крѣпостныхъ людей, хранили обычаи своего рода и носили саблю на боку — потому и были Саблины.

Несомнѣнно, и у нея были тоже предки. Только никто не подумалъ написать ихъ портретовъ. Вотъ и портрета отца ея нѣтъ. Кто она? Она даже не знаетъ. Слыхала, что дѣдъ былъ простымъ крестьяниномъ, крѣпостнымъ, и былъ своимъ бариномъ присланъ въ Петербургъ. А отецъ, кажется, приписался въ кронштадскіе мѣщане. По крайней мѣрѣ, въ документахъ, что подавала она на курсы, она значилась кронштадтской мѣщанкой.

«Вотъ бы», — подумала она, — «написать портреты всѣхъ этихъ пахарей, слесарей, въ рубахахъ, нагольныхъ тулупахъ, тѣхъ, кого сѣкли и били дворяне Саблины и отрекомендоваться Саблину — кронштадтская мѣщанка Марія Любовина, — а это мои предки. Прошу любить и жаловать!»

Отвернувшись отъ портретовъ, она посмотрѣла на Саблина. Онъ стоялъ подъ лампой и не спускалъ восторженнаго взгляда съ Маруси. Отъ всей его фигуры вѣяло благородствомъ и красотою. И вдругъ стало пріятно думать, что у него есть предки, чьи портреты написаны.

Она подошла къ столу. На видномъ мѣстѣ подъ лам-

ной лежала богато переплетенная книга: — исторія полка.

Она сѣла въ большое уютное кресло, онъ помѣстился рядомъ, на ручкѣ, и она стала перелистывать книгу. Это тоже были портреты предковъ. Старыя вычурныя формы, рисунки штандартовъ и литавровъ, картины конныхъ атакъ и схватокъ, портреты героевъ-офицеровъ смотрѣли съ глянцевыхъ страницъ книги. Люди умирали на полѣ брани, а потомки записывали ихъ подвиги и помѣщали списки ихъ именъ въ назиданіе потомству. Создавались по каплѣ, какъ зданіе создается кирпичъ по кирпичу, сложныя традиціи части и въ основу ихъ была положена безпредѣльная преданность Государю. Өедоръ Өедоровичъ говоритъ: — «надо распатать армію». Викторъ правъ — ее не распатаешь. Что можетъ сдѣлать Маруся, когда она сама подавлена и предками, и исторіей битвъ и подвиговъ, и портретами героевъ? Да, Саблинъ правъ. Онъ знаетъ, что нужно, и знаетъ, къ чему стремиться. Онъ идетъ по крѣпко проторенному, пробитому — вотъ этими самыми предками — пути. А она? Среди дикаго бурьяна отрывочно брошенныхъ мыслей, ученые мыслители поставили чуть видныя вѣхи. Люди пробовали идти по этимъ вѣхамъ, прокладывать дорогу — и гибли. Въ подпольяхъ поминаютъ ихъ имена, но будетъ ли когда-нибудь время, что такъ же открыто занесутъ ихъ имена и напечатаютъ ихъ портреты? Что можетъ сдѣлать Маруся, когда она уже колеблется и не знаетъ, на чьей сторонѣ правда? И, если правда на сторонѣ Өедора Өедоровича, то красота-то, несомнѣнно, на сторонѣ Саблина.

А развѣ красота не сила?

— Вы позволите мнѣ предложить вамъ чаю? — прервалъ ея раздумье Саблинъ. Она встала и прошла съ нимъ въ столовую.

— Александръ Николаевичъ, что это? Развѣ это можно? — сказала она, посмотрѣвъ на столъ. А сама была довольна. Значитъ, любитъ ее, значитъ, хочетъ, чѣмъ только можно, показать свою любовь.

Вина? Хотите шампанскаго?

«Что же,» — подумала Маруся, — «сознаться, что она никогда въ жизни не пила шампанскаго и только слышала про него, читала въ романахъ?»

— Хорошо... Немного... Одну каплю... Пойдемте въ вашъ кабинетъ. Тамъ гораздо уютнѣе... Подъ надзоромъ... предковъ.

Саблинъ принесъ блюдо съ персиками, которыхъ она тоже никогда не ѣла, конфеты и вино. Они сѣли въ кресла, другъ противъ друга. Ихъ раздѣлялъ маленькій столикъ съ виномъ и фруктами.

— Вы позволите мнѣ курить? — сказалъ Саблинъ.

Маруся маленькими глотками пила шампанское. Бѣлое шампанское пузырьками ложилось на верхнюю губу и она шаловливо облизывала пѣну языкомъ. Кровь стучала Саблину въ виски. Онъ бросился бы на нее и смялъ бы и сорвалъ ея простое платье и унесъ бы свою добычу. Но на него такъ довѣрчиво, невинно и чисто смотрѣли глубокіе синіе глаза, что онъ не смѣлъ пошевельнуться.

— Ну, вотъ, — сказалъ Саблинъ, — теперь, Марія Михайловна, вы хорошо знаете, кто я. Вы знаете исторію нашего полка. Я хотѣлъ бы знать, кто же вы, прекрасная волшебница? Откройте мнѣ свое инкогнито, познакомимся ближе... и подружимся!...

Маруся смотритъ, какъ онъ сидитъ въ креслѣ, заложивъ нога на ногу, чуть откинувшись на мягкую спинку, какъ онъ куритъ медленно, небрежно, не затягиваясь, и въ каждомъ движеніи его сквозитъ лѣность барства и благородство жестовъ.

«Мой принцъ» — думаетъ она.

LII

— Зачѣмъ вамъ знать, кто я и кто мои предки? — послѣ долгаго молчанія сказала Маруся. — Они у меня тоже были. Не съ вѣтра же я взялась? Но пусть для васъ я буду то, что есть: — знакомая незнакомка. Мы

оба ищемъ правду. Каждый понимаетъ эту правду по своему, и никто не нашелъ. Я хочу счастья для всего міра. Я хочу любить всѣхъ людей. Вы признаете лишь маленькій кусокъ земного шара. Мое сердце больше вашего. Мы столкнулись въ спорѣ и заинтересовались другъ другомъ. Насъ связалъ одинъ общій кумиръ — красота. Вы поклоняетесь ей — и гордитесь этимъ, я считаю это слабостью, почти... порокомъ... Вы показали мнѣ сказку міра. Сказку о Царѣ и его царствѣ. Я знаю другую сказку. Когда-нибудь, не теперь, я разскажу вамъ ее. Теперь вы не поймете моей сказки. Но пусть я останусь для васъ незнакомкой, какъ Сандрильона на балу у принца.

— Но принцъ узналъ Сандрильону по потерянному башмачку.

— Узнайте, — смѣясь, сказала Маруся и чуть выставила изъ-подъ длиннаго платья свою точеную крошечную ножку. Въ легкомъ ботинкѣ, потоптанномъ и сбитомъ, и черномъ фильдекосовомъ чулкѣ была нога, которой можно было гордиться. Глаза загорѣлись у Саблина. «А что, если этотъ старый ботинокъ, этотъ чулокъ, это хорошее, но скромное платье только маскарадъ? Что, если у Мартовой она одна, а въ своей интимной жизни она совсѣмъ другая? И, если такъ прекрасна она въ этомъ убогомъ нарядѣ, то какъ же должна быть она хороша въ ажурныхъ шелковыхъ чулкахъ и легкихъ лакированныхъ башмачкахъ?» Дрожь пробѣжала по тѣлу. Онъ стоялъ передъ тайной и эта тайна волновала его. «Она русская — это несомнѣнно. Это видно по тому, какъ правильно и красиво говоритъ она. Она умная, образованная, тактичная. Не пьетъ, а только балуется шампанскимъ, не ѣстъ конфетъ. Откусила одну и положила — видно, что для нея это не рѣдкость. Она либеральныхъ взглядовъ... А что, если она одна изъ тѣхъ аристократокъ, которыя, пресытившись удовольствіями свѣта, ищутъ новыхъ, болѣе сильныхъ ощущеній?» Саблинъ подумалъ и улыбнулся: — «въ девятнадцать лѣтъ!! Пресытиться?... искать чего-то новаго!... Или это дворян-

ка-помѣщица, изъ рода не менѣе стараго, чѣмъ его. «Вѣра» изъ Гончаровскаго «Обрыва» влюбилась въ него и прибѣгла къ маскараду?»

— Бросимъ думать объ этомъ, — сказала Маруся. — Вы предложили мнѣ дружбу. Я глубоко тронута вашимъ предложеніемъ и вѣрю, что оно вполнѣ искренно. Я принимаю его. Будемъ друзьями. Я вижу много книгъ у васъ. Книгъ, о существованіи которыхъ я не слыхала. Вотъ, покажите мнѣ эти маленькія книжечки. Кавалерійскій Уставъ! Какія забавныя картинки. Я и не знала, что каждый жестъ, каждое движеніе у васъ изучено и описано. Ноты сигналовъ! Какія странныя слова: «лѣвый шенкель приложи и направо поверни». Что это значитъ? Милый, Александръ Николаевичъ, предо мною открывается новый міръ, и я не подозрѣвала, чтобы то, что на улицѣ намъ кажется такими пустяками, когда мы встрѣчаемъ полки, было бы такъ серьезно и важно. Наука о войнѣ?... Ужели будетъ когда-нибудь война? Ужели нужны для войны эти: — «лѣвый шенкель поверни»... или какъ тамъ его? Вы должны посвятить меня во все это. Я вижу теперь, что, когда мы спорили съ вами у Вари, мы были глупцами. Мы думали, что это пустяки, что это только придумано вами, а это, правда, наука!... И «лѣвый шенкель укажи» — тоже наука... Не правда ли?...

Слушалъ онъ ее, или нѣтъ?... Больше любовался ею... движеніемъ ея губъ, мельканіемъ бѣлыхъ ровныхъ зубовъ и тѣмъ, какъ загоралась и пропадала краска румянца на ея щекахъ. Она говорила. Она инстинктивно чувствовала, что въ этой болтовнѣ ея защита. Или уйти, или говорить серьезно, смотрѣть книги, чѣмъ-то заниматься. Иначе протянутся эти сильныя руки, схватятъ ее и жадныя губы начнутъ цѣловать. Что тогда дѣлать?!... Уйти она не могла.

— Вотъ, — воскликнула вдругъ она, перебивая свои рѣчи, — пришла на минуту, только посмотрѣть вашу хижину, а сижу уже третій часъ.

Она встала.

— До свиданія. Мнѣ пора!

— Когда же увидимся? Здѣсь, у меня?

«Отчего нѣтъ?» — подумала она. — «Было такъ хорошо. Уютно. Онъ благородный, честный, да и она умѣетъ себя держать.»

— Хорошо. На будущей недѣлѣ. Опять въ пятницу. Но только тогда на одну минуту. Я отнесу вамъ ваши книги.

Маруся пожала ему руку и быстро сбѣжала по темной лѣстницѣ внизъ. Хлопнула наружная дверь и Саблинъ остался со своими пирогами, конфетами, фруктами и виномъ. «Что дѣлать со всѣмъ этимъ?» — подумалъ онъ. — «Свезу Ротбеку — онъ любитъ сладкое.»

Вотъ была прекрасная дѣвушка, сидѣла на этомъ креслѣ, и что осталось? Пружины выпрямились и нѣтъ слѣда, что она здѣсь сидѣла, и кресло холодное, не сохранило теплоты ея тѣла...

LIII

Каждую недѣлю, въ пятницу, въ семь часовъ вечера, Маруся приходила къ Саблину. Они вмѣстѣ читали, онъ игралъ на фортепіано, пѣлъ ей. Иногда пѣла и она. Въ кабинетѣ было тепло и полутемно. Въ столовой шумѣлъ самоваръ. Они были одни. Имъ было хорошо. Иногда, въ осеннее ненастье, когда за окномъ хлесталъ дождь, у него горѣлъ каминъ, трещали дрова и они садились рядомъ и смотрѣли на огонь. Создавалась близость. Если Маруся только лучше себя чувствовала съ нимъ, то Саблинъ страдалъ. Онъ хотѣлъ Марусю. Онъ уже не смотрѣлъ на нее, какъ на святыню, какъ на Мурильевскую Мадонну, но страстно желалъ ее. Но онъ зналъ, что она недоступна.

Мужчина любитъ глазами, женщина любитъ ушами. Саблинъ зналъ это. Онъ чаровалъ Марусю и разговоромъ своимъ, и пѣніемъ. Онъ цѣловалъ ея руки. Она смѣялась. Какъ-то на пятомъ свиданіи онъ подошелъ къ

ней сзади, когда она сидѣла за роялемъ, только что окончивъ пѣніе, и поцѣловалъ ее въ шею. Она расплакалась. Если бы она оттолкнула его, негодующая встала, ушла, какъ на Лахтѣ, она спасла бы себя, но она заплакала... и погибла.

Онъ сталъ на колѣни, сталъ умолять не сердиться, сталъ цѣловать ея руки, привлекъ къ себѣ, сѣлъ въ кресло и усадилъ ее на ручку кресла. Онъ говорилъ, какъ онъ несчастливъ, какъ онъ любитъ ее, и какъ ему тяжело, что она его не любитъ.

Это была неправда! Она его любила, очень любила! Чтобы доказать это, чтобы показать ему, что она не сердится, она тихо поцѣловала его въ лобъ. Они разстались друзьями и, когда въ слѣдующую пятницу она пришла къ нему, онъ поцѣловалъ ея румяную, пахнущую первымъ морозомъ щеку, и она отвѣтила ему такимъ же поцѣлуемъ... Какъ братъ и сестра.

Дѣвушка неиспорченная, не знающая страсти, не жаждетъ страсти, но любитъ тихо и, если дѣвушка отдается мужчинѣ, то это почти всегда потому, что она жалѣетъ его. Жалость самое опасное чувство для дѣвушки, и Саблинъ сумѣлъ достигнуть того, что Маруся стала его жалѣть и считать себя виновной въ его страданіяхъ.

Маруся видѣла, что онъ страдалъ. Онъ горѣлъ въ страсти. Онъ похудѣлъ и глаза стали большими, темными.

Былъ тихій ноябрьскій вечеръ. Она засидѣлась у него. Тяжело было уйти отъ него, такого одинокаго и... больного. У него горѣла голова. Должно быть, это былъ жаръ? Слезы стояли у него на глазахъ.

— Нѣтъ, Марія Михайловна, — говорилъ ей Саблинъ, — вы жестокая. Вы не видите, какъ я страдаю. Я готовъ умереть. Да, смерть, пожалуй, лучше будетъ, чѣмъ такъ томиться, и мучиться, и горѣть.

— Чего вы хотите отъ меня? — спросила съ мольбою въ голосѣ Маруся. Ей такъ хотѣлось, чтобы онъ былъ счастливъ.

— Поцѣлуйте меня.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, она сидѣла противъ него.

— Если вы такъ хотите, — сказала она. Встала, подошла къ нему и нагнулась къ его губамъ. Онъ охватилъ ее руками за талію и она сама не поняла, какъ очутилась у него на колѣняхъ. Онъ цѣловалъ ея губы. Большіе сѣрые глаза были близко къ ея глазамъ. Она оторвалась отъ него и заплакала.

— Развѣ въ этомъ любовь?—тихо, съ горькимъ упрекомъ, сказала она. — Пожалѣйте меня!!!

Онъ не слыхалъ ея словъ. Горячими, неловкими руками онъ разстегнулъ сзади ея кофточку и обнажилъ ея плечи и грудь, покрывая ихъ горячими жадными поцѣлуями. Она не сопротивлялась. Два раза прошептала въ отчаяніи: — «не надо, не надо!»

Онъ охватилъ ее поперекъ таліи и, какъ перышко, понесъ въ свою спальню, и она отдалась ему тихо, кротко, покорно, точно лѣкарство дала отъ его тоски и горя, пожертвовавъ собой.

Ей было стыдно, противно, мерзко... но увидѣла счастіемъ и ликованіемъ горящіе глаза того, кого она такъ любила, и все забыла и поцѣловала его сіяющіе глаза и прошептала тихо и покорно:

— Мой принцъ!...

LIV

Эта любовь была ея мука, ея крестный путь. Теперь весь смыслъ свиданія былъ въ одномъ огненномъ мигѣ. Саблинъ ждалъ Марусю съ горящими глазами. Едва обмѣнявшись нѣсколькими словами, онъ увлекалъ ее въ спальню и тамъ заставлялъ ее раздѣваться совсѣмъ. Она горѣла отъ стыда, плакала, ломала руки, умоляла не мучить, но видѣла его счастье и восторгъ и успокаивалась, и любила его, и отдавалась его ласкамъ, и цѣловала его. Бесѣды, пѣніе, споры, высокія матеріи, — все ушло куда-то. Заговорятъ о чемъ-нибудь, вспомнятъ пьесу, ко-

торую вмѣстѣ видѣли, картину, которую вмѣстѣ смотрѣли, и вдругъ Саблинъ прерветъ ее:

- Какъ ты хороша, Маруся! Нѣтъ, нѣтъ... повернись немного такъ... Какъ красивъ твой затылокъ... Ты растрепанная еще лучше. Ну, дай мнѣ твои милыя губки. Ты сердишься на меня за это? Что же я подѣлаю, когда ты такъ хороша!

И шли безконечные поцѣлуи, она должна была поворачиваться ему въ угоду, онъ покрывалъ поцѣлуями ея руки, ноги, грудь, спину и страсть овладѣвала имъ и онъ ничего не помнилъ. Въ эти минуты онъ былъ грубъ, но она... любила его.

Не приходить она не могла. Она чувствовала, какъ онъ ждалъ ее, какъ хотѣлъ! Не хотѣла, чтобы онъ страдалъ. Лучше она будетъ страдать, принесетъ себя въ жертву. И Маруся ходила къ нему, и не чувствовала, не замѣчала, что уже не можетъ больше страстью отвѣтить на страсть, становится холодна и раздражаетъ его этимъ.

Былъ часъ ночи. Стояла холодная зимняя погода. Густой снѣгъ только что выпалъ и оттого особенно тихо казалось въ квартирѣ и въ его спальнѣ, гдѣ горѣлъ большой фонарь, освѣщая ихъ обоихъ. Они лежали рядомъ. Она — тоскующая, почти больная, онъ — пресыщенный, уже скучающій съ нею.

— Почему ты не хочешь больше меня? — капризно говорилъ Саблинъ. — Я это чувствую. Ты разлюбила меня.

— Саша, какъ тебѣ не стыдно! Чего еще надо тебѣ въ доказательство моей любви? Я вся, вся твоя.

— Но, ты... не такая, какъ всегда.

- Не знаю, милый. Можетъ быть, я не здорова.

Вдругъ рѣзкій звонокъ на кухнѣ прервалъ ихъ разговоры. Кто могъ такъ звонить? Денщикъ былъ усланъ въ эскадронъ и не могъ вернуться раньше утра. Кто-то не только звонилъ, но и неистово стучалъ кулаками въ дверь и ломился въ нее. Этотъ стукъ могли услышать на сосѣдней кухнѣ. Саблинъ вскочилъ, проворно надѣлъ рейтузы и тихо, въ одних чулкахъ, подкрался къ двери.

Онъ слышалъ, какъ кто-то, то дергалъ за звонокъ, то стучалъ и кричалъ грубо, по-солдатски:

— Шерстобитовъ, слышь, чортъ! Отвори, дьяволъ!... Дѣло до его благородія... Приказаніе.

— Кто тамъ? — спросилъ Саблинъ.

— Вѣстовой изъ канцеляріи, ваше благородіе. Приказаніе... Тревога!... Полкъ строится... Бунтъ!...

Саблинъ, не думая больше, снялъ крюкъ и открылъ дверь.

Какой-то средняго роста солдатъ бросился на него, схватилъ сильною рукою за грудь рубашки и, увлекая за собою, потащилъ въ комнаты.

— Говори, ваше благородіе, гдѣ сестра, — услышалъ онъ хриплый, задыхающійся голосъ, когда они въ борьбѣ прошли столовую и очутились въ кабинетѣ. Саблинъ узналъ Любовина.

Любовинъ его оттолкнулъ и сталъ противъ него. Онъ былъ въ шинели, въ городской формѣ, въ фуражкѣ.

На шумъ борьбы выскочила полуодѣтая Маруся. Любовинъ увидалъ ее.

— А! — закричалъ онъ въ изступленіи. — Такъ это правда! А! стерва! Потаскуха несчастная!... Офицерская шкура!

На стѣнѣ сзади него висѣлъ щитъ съ оружіемъ и внизу револьверъ Саблина, со шнуромъ. Любовинъ схватилъ его и прицѣлился въ Саблина.

— Сволочь, ваше благородіе! Мерзавецъ!... Сволочь!... На тебѣ!

И онъ, не глядя, выстрѣлилъ и опрометью бросился изъ квартиры Саблина.

Облако дыма застлало отъ него Саблина, и ему показалось, что Саблинъ зашатался и упалъ.

Маруся смотрѣла на Саблина. Черты лица ея были искажены и полны отчаянія и муки. Она кинулась, протянувъ руки къ Саблину.

— Саша, ты не раненъ? Ты цѣлъ?

Она не думала ни о себѣ, ни объ оскорбленіи, нанесенномъ ей братомъ. Она думала только о немъ. Только

бы онъ былъ невредимъ! Саблинъ посмотрѣлъ на нее мутными глазами. Онъ былъ блѣденъ и растерянъ. Страшныя мысли ураганомъ неслись у него въ головѣ. Онъ глядѣлъ на блѣдную, похудѣвшую дѣвушку съ растрепанными волосами, въ нижней юбкѣ и корсетѣ. Не нужна ему больше была ея любовь! Кончилась сказка... Она сестра солдата... Она изъ того же подлаго сословія людей, откуда были и Владя, и Китти. Она искала приключенія, искала своего п е р в а г о... Будутъ и другіе.

Онъ создалъ себѣ изъ ея таинственнаго инкогнито цѣлую волшебную грезу, онъ вообразилъ себѣ, что она Сандрильона. Просто хорошенькая дѣвочка.

Но сейчасъ нужно спасать ее и себя. Что тамъ надѣлаетъ, нашумитъ, накричитъ Любовинъ? Да и выстрѣлъ былъ слышенъ на лѣстницѣ. Сейчасъ могутъ придти люди. Сейчасъ начнется допросъ. Нужно, чтобы ея не было, нужно отпереться отъ нея, чтобы и ее не подводить, и себя выгородить. И, если бы Любовинъ присягу принялъ въ томъ, что видалъ Марусю, онъ долженъ клясться, что у него не было никого. Такъ обязываетъ его рыцарскій долгъ по отношенію къ женщинѣ вообще, а дѣвушкѣ въ особенности.

— Маруся, ради Бога, уходи! Сейчасъ могутъ придти сюда, — сказалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! Но ты? Ты невредимъ? Пуля не тронула тебя?

— Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ твоя шляпа. Пригладишься послѣ...

Они метались по комнатамъ. Она быстро надѣвала юбку, кофточку, наскоро сама сзади застегивалась, ей было неудобно, онъ не помогалъ ей, какъ всегда. Лица были блѣдны, глаза блуждали.

— Уходи, уходи, ради Бога! — говорилъ онъ, пожимая ей руки.

— До свиданія, родной! Храни тебя Богъ! Какъ я буду бояться за тебя! Что-то еще будетъ?

За себя она не боялась. Она была ко всему готова.

Она давно принесла всю себя въ жертву и ничего не требовала отъ него.

Она поцѣловала его съ такою нѣжностью, что сердце у него замерло. Онъ дождался, пока она не спустилась внизъ и не хлопнула дверью, прислушался, что на улицѣ. Все было тихо.

Онъ пошелъ въ спальню, потомъ въ столовую и торопливо и обдуманно прибралъ всѣ слѣды присутствія у него женщины. Войдя съ самоваромъ на кухню, онъ увидалъ, что главное-то и позабылъ. Кухонная дверь была раскрыта Любовинымъ настежь. Но на лѣстницѣ было тихо. Онъ заложилъ дверь крюкомъ, вылилъ воду изъ самовара, осмотрѣлъ всѣ углы, прошелъ въ столовую, убралъ посуду, положилъ на столъ револьверъ, отвертки, тряпочки и сталъ ждать.

На все потребовалось какія-нибудь пять минутъ. Но было уже время. На парадной лѣстницѣ робко зазвонилъ электрическій звонокъ.

LV

Любовинъ былъ увѣренъ, что онъ убилъ Саблина. Что въ такихъ случаяхъ надо дѣлать? Онъ убилъ по праву. За честь сестры. Надо сейчасъ же заявить объ этомъ, надо, чтобы всѣ поняли, что онъ убилъ въ запальчивости и раздраженіи. Въ такихъ случаяхъ присяжные всегда оправдываютъ. Прямо изъ квартиры Саблина, все съ тою же книгою приказаній, которую онъ положилъ на кухнѣ и потомъ взялъ, онъ побѣжалъ въ эскадронъ. Эскадронъ спалъ глухимъ, могучимъ послѣполуночнымъ сномъ. Люди храпѣли на всѣ лады. Лампы были приспущены, въ казармѣ была полутьма. Дежурный дремалъ въ углу у столика подъ лампой, дневальные сидѣли на койкахъ и, сидя, спали.

Любовинъ подбѣжалъ къ дежурному. Онъ былъ блѣденъ, глаза были широко раскрыты. Онъ походилъ на пьянаго.

— Господинъ дежурный, — невнятно пробормоталъ онъ, — я убилъ сейчасъ корнета Саблина. Вяжите меня!

Но едва сказалъ эти слова, какъ понялъ, что совершилъ непоправимую глупость. Слова «корнета» Саблина съ безпощадною очевидностью напомнили ему, что онъ «солдатъ», что судить его будутъ не присяжные, а военно-окружный судъ, а, можетъ быть, полевой судъ. Его ожидаетъ не гуманный судъ, который сладострастно будетъ копаться въ сердцѣ Маруси и вынесетъ ему оправдательный приговоръ, а жестокій офицерскій судъ, который постоитъ за своего, и разстрѣляетъ Любовина. Все это Любовинъ почувствовалъ въ ту минуту, когда дежурный поднялъ на него мутные, сонные глаза и проговорилъ: — «что вздоръ мелешь. Пьянъ, что ли?»

«Одно спасеніе», — подумалъ Любовинъ,—«бѣжать». Онъ не отдавалъ себѣ отчета, куда, и какъ бѣжать, особенно теперь, когда онъ уже признался, а на квартирѣ Саблина лежитъ холодѣющій трупъ, но рѣшилъ, что бѣжать необходимо. И такъ же быстро, какъ вошелъ, Любовинъ вышелъ изъ эскадрона, слетѣлъ съ лѣстницы, перебѣжалъ дворъ и выскочилъ мимо растерявшагося наружнаго дневальнаго. Впрочемъ, тотъ замѣтилъ книгу подъ мышкой у Любовина и не придалъ особеннаго значенія его бѣгу. Бѣжитъ, молъ, вѣстовой въ канцелярію.

Любовинъ все такъ же, не думая ни о чемъ, пробѣжалъ по пустынному темному переулку, шедшему вдоль казармъ, и только тогда, когда вышелъ на большую, ярко освѣщенную улицу и увидалъ вдали постового городового, замедлилъ шагъ и пошелъ спокойно по засыпанной снѣгомъ панели. Убѣдившись, что погони за нимъ нѣтъ, онъ рѣшилъ обдумать положеніе. Полевой судъ и разстрѣлъ—пугающіе образы—вставали передъ нимъ. Онъ видѣлъ взводъ пѣхотныхъ солдатъ, бѣлый платокъ, священника. «Кто спасетъ? Спасти можетъ только Коржиковъ. Онъ толкнулъ Марусю на этотъ шагъ, онъ устроилъ все это гадкое дѣло, онъ пускай и разстраиваетъ.» Любовинъ зналъ, что у Коржикова есть квартира на Кирочной улицѣ, въ томъ концѣ ея, гдѣ она уходитъ

къ Таврическому саду. Тамъ мѣсяца два тому назадъ ихъ партія въ цѣляхъ пропаганды въ войскахъ устроила небольшую типографію и складъ бланковъ для войскъ. Тамъ сидѣлъ Коржиковъ и нащупывалъ приходящихъ солдатъ, и въ случаѣ благопріятномъ всучалъ соотвѣтственные листки и брошюры... Весь складъ помѣщался въ трехъ комнатахъ. Въ первой была контора и пріемная, во второй стоялъ ручной станокъ и были кассы со шрифтами, въ третьей, маленькой комнаткѣ, жилъ самъ Коржиковъ. У него была небольшая желѣзная койка, со смятымъ жидкимъ матрасикомъ, дурно-пахнущій желѣзный умывальникъ и большой столъ, заваленный бланками для войскъ самаго невиннаго свойства. Брошюры и листки въ очень умѣренномъ количествѣ Коржиковъ хранилъ на себѣ. Любовинъ зналъ, что Коржиковъ работаетъ по ночамъ, ложится очень поздно и потому былъ увѣренъ, что застанетъ его. Главное, замести слѣды, скрыться хотя на время, отдалить весь этотъ ужасъ суда и разстрѣла.

Ворота дома, гдѣ жилъ Коржиковъ, не запирались. Во дворѣ жило много типографскихъ и газетныхъ рабочихъ и проститутокъ и движеніе ночью не прекращалось. На первый же робкій звонокъ Любовина послышались за дверью крадущіеся шаги и раздался скрипучій спокойный голосъ Коржикова:

— Кто тамъ?

— Это я, Ѳедоръ Ѳедоровичъ. — Любовинъ, — тихо сказалъ Любовинъ.

Коржиковъ не повѣрилъ. Оставляя дверь на цѣпочкѣ, онъ пріоткрылъ ее и, только убѣдившись, что это дѣйствительно Любовинъ, впустилъ его въ квартиру. Коржиковъ былъ въ неизмѣнномъ своемъ рыжемъ костюмѣ, съ лампою въ рукахъ.

— Что такъ поздно пожаловали? — спросилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ, тщательно закладывая дверь на крюкъ и проводя гостя въ свою комнату. Онъ поставилъ лампу на столъ, сѣлъ на стулъ и предложилъ стулъ Любовину. Любовинъ остался стоять.

— Я убилъ сейчасъ корнета Саблина, — задыхаясь отъ волненія, сказалъ Любовинъ.

— Добре... Совсѣмъ убили?... — спокойно, разминая свою бородку, спросилъ Коржиковъ такимъ тономъ, какъ будто разговоръ касался самаго обыкновеннаго предмета.

— Совсѣмъ, — едва могъ произнести Любовинъ.

— Добре. За что же такъ-таки вы его и ухлопали?

— За сестру, Θедоръ Θедоровичъ. Она была у него... Я засталъ ее у него на квартирѣ.

— Ну, что же изъ этого? Марія Михайловна исполняла задачу, данную ей партіей.

— Это гадость, Θедоръ Θедоровичъ! — вскипая негодованіемъ, воскликнулъ Любовинъ.

— Допустимъ, что такъ, — спокойно сказалъ Коржиковъ. — Это не ва-ажно... Ужели только романическое убійство?

— Я хотѣлъ васъ спросить? У васъ ищу совѣта... Что же... Судъ?... Полевой судъ?... Разстрѣлъ!

— Да, ухлопали, батенька, офицера, своего эскадрона, своего прямого, или какъ это у васъ — непосредственнаго начальника?... За это по головкѣ не погладятъ.

— Что же дѣлать?

Коржиковъ внимательно, маленькими умными карими глазами, поглядѣлъ на Любовина.

— Вы это все серьезно, Викторъ Михайловичъ?

— О, Господи, Θедоръ Θедоровичъ!

— Какъ же вы все это пронюхали?

— Да вѣдь она беременна!

— Кто? — спросилъ Коржиковъ, и Любовину показалось, что голосъ Коржикова дрогнулъ. Но онъ не перемѣнилъ позы и все такъ же сидѣлъ, скорчившись на стулѣ, мялъ свою бородку и исподлобья быстро блестящими глазами посматривалъ на Любовина.

— Маруся.

— Не за-а-мѣ-тилъ, — протянулъ Коржиковъ. — Впрочемъ... и это не важно. А вы по чему углѣдили?

— Я давно наблюдаю... Съ лѣта почти... Вотъ, какъ мы изъ лагеря пришли, она, какъ не своя стала... Запи-

маться на курсахъ бросила... Ходитъ все... напѣваетъ... «Я», — говоритъ, — «въ консерваторію... на сцену пойду», — а сама то краснѣетъ, то блѣднѣетъ. Вижу: — своя дума у ней на душѣ. А мнѣ не говоритъ. Спросилъ разъ, другой, — приласкала, зачаровала, — она это умѣетъ, — а, только, вижу, стала опасаться меня, сторониться. Ну, я Мавру кухарку на допросъ.

— Подло, какъ-будто немного, — замѣтилъ Коржиковъ, — полицейскимъ надзоромъ пахнетъ.

— Узналъ только одно, что по пятницамъ всегда въ шестомъ часу уходитъ и дома не ночуетъ. Ну, она и раньше часто дома не ночевала. Къ намъ далеко и страшно. И народъ фабричный. Ночуетъ у тетки, это я зналъ. Только, на прошлой недѣлѣ, заговорили мы о чемъ-то, она стояла. Вдругъ поблѣднѣла вся, чуть не упала, и говоритъ мнѣ: — «что-то мнѣ, Викторъ, дурно». И тошнить ее стало. Послѣ этого стала задумчивая. Въ воскресенье сталъ я разсматривать — вижу и лицомъ не та, и талья стала полнѣе — ну, я понялъ. Только не зналъ кто? Не думалъ, признаюсь, на Саблина. Все, и ее, и его честнѣе считалъ. Сегодня отпросился у вахмистра... Пустилъ... Пріѣзжаю въ пять часовъ, и еще съ конки паровой не сошелъ, вижу она идетъ пѣшкомъ по панели. Она, и будто не она. Шляпка новая надѣта набокъ, кокетливо такъ... кофточка подъ каракуль, новенькая... муфта, а лицо, хоть и морозъ — блѣдненькое и печальное. Какъ бы и нехотя идетъ. Я, знаете, пропустилъ ее, слѣзъ съ конки и за ней. Отошла она отъ дома съ версту, уже къ Стеклянному стала подходить, извозчика взяла. Я другого... и за ней. Ѣдетъ въ казармы. Не доѣзжая до казармъ сошла, пѣшкомъ идетъ, все оглядывается. Свернула въ переулокъ, обошла кварталъ, а потомъ сразу въ подъѣздъ и была такова. Ну, къ Саблину!... Къ кому же больше?... Тамъ внизу столовая нестроевой команды, капельмейстеръ нѣмецъ семейный живетъ, наверху Ротбекъ... и онъ напротивъ. Ротбека никогда дома нѣтъ — это я знаю. Значитъ, у Саши. Я въ эскадронъ. Гляжу, денщикъ его разувается на койкѣ

у караульнаго. Я говорю: — «ты чего же, Шерстобитовъ, не у барина?» А онъ, сволочь, смѣется. — «Мнѣ», — говоритъ, — «баринъ пятерку далъ и велѣлъ въ казармѣ ночевать, у него мамзель ночуетъ. Каждую пятницу такъ».

— А ты знаешь, говорю, какая мамзель? А онъ, рабъ проклятый! — «мнѣ», — говоритъ, — «какое дѣло. Это его дѣло.» — Вижу, что хоть и знаетъ, такъ зарѣжь его — не скажетъ. — Отбыли мы перекличку, легъ я на койку, а самъ свое думаю. Ночью всталъ, одѣлся, взялъ книгу приказаній, иду къ дежурному. — «Бѣда!.. господинъ вахмистръ приказали въ канцеляріи приказаніе списать, а я запамятовалъ, дозвольте пойти». Пустилъ. Я къ его, значитъ, квартирѣ. Подошелъ, слушаю... Тихо... Будто никого нѣтъ... Я думаю, часа полтора такъ на лѣстницѣ простоялъ... Холодно стало. Ноги стынутъ... Сердце бьется... Ну, думаю, войду въ квартиру, а дальше-то что?... Что дальше?... А тамъ — тихо. Слышно даже, какъ въ столовой часы двѣнадцать пробили. Сталъ я звонить... Притаились... Не отпираютъ... Стучу... Кричу... Нарочно голосъ перемѣнилъ, по-солдатски Шерстобитова ругаю... Такой - сякой, отворяй! Дѣло, молъ, приказаніе. Бунтъ, тревога! Слышу... онъ стоитъ... Тихо дышитъ... Ну, не выдержалъ.

— «Кто такой?» — спрашиваетъ. — Я кричу: — «вѣстовой изъ канцеляріи. Бунтъ въ городѣ»... Крюкъ отложилъ... Въ рубашкѣ и штанахъ одних ъ... Видно, спали... А, можетъ быть, одинъ? Я на него набросился, тащу его въ столовую. А тамъ Маруська, разодранная вся, въ юбчонкѣ и корсетѣ. Жалкая, несчастная. Я себя не помню. Только, точно бѣсъ меня подъ руку толкнулъ, вижу: на стѣнѣ револьверъ его никелированный Смитъ и Вессонъ виситъ, значитъ, какъ съ дежурства пришелъ, повѣсилъ. Взялъ я и выстрѣлилъ... Ну, онъ упалъ... — задыхаясь, закончилъ Любовинъ и безсильно опустился на стулъ.

— Такъ, такъ, — сказалъ спокойно Коржиковъ. — Дальше что?

— Дальше... я въ эскадронъ... И повинился.

— Какъ? — сказалъ Коржиковъ и опять какое-то волненіе почувствовалось въ его голосѣ. — Вотъ уже это, товарищъ, напрасно.

— Самъ знаю, — глухо сказалъ Любовинъ, — а только дурь такая нашла.

— Ну, дальше, — сказалъ Коржиковъ.

— Какъ сказалъ... вижу, дежурный ничего не понялъ, смотритъ, глаза вылупилъ, я бѣжать... и къ вамъ.

— Дальше?

— Это я у васъ хотѣлъ спросить, что дальше? — сказалъ съ отчаяніемъ Любовинъ. — Вѣдь, значитъ, судъ, разстрѣлъ?

Коржиковъ всталъ со стула и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ остановился противъ Любовина и спокойно сказалъ: — «да, судъ... Разстрѣлъ... Можетъ быть, до разстрѣла-то и не дойдетъ. Смягчающія вину обстоятельства есть, а каторги не избѣжать.»

— Ну, что же дѣлать?... Научите.

— Исчезнуть надо, — снова начиная ходить по комнатѣ, сказалъ Коржиковъ.

— То-есть, это въ какомъ смыслѣ? — блѣднѣя, спросилъ Любовинъ.

— Въ прямомъ, товарищъ, въ прямомъ. Все равно — разстрѣлъ... А тутъ сами... И такъ, чтобы никто не видалъ... И тѣла не нашли. Марію Михайловну спасать надо... Да и чтобы о партіи не пронюхали...

Любовинъ сталъ бѣлымъ, какъ полотно. Онъ весь трясся внутренней, тяжелой дрожью. Коржиковъ стоялъ противъ него и внимательно съ презрѣніемъ смотрѣлъ на него.

— Эхъ, вы! — вдругъ сурово крикнулъ онъ. — Раздѣвайтесь!

— Что? — пролепеталъ Любовинъ.

— Раздѣвайтесь, говорю я вамъ! Снимайте шинель... Да, ну!... Не можете?... Я вамъ помогу... Ну, живо... До свѣта кончить надо.

Онъ помогъ Любовину снять шинель и бросилъ ее въ сторону. Взялъ палашъ.

— Эка громоздкая какая штука. Не легко ее будетъ уничтожить. Поди, и съ номеромъ?

— Съ номеромъ, — прошепталъ Любовинъ.

Онъ былъ жалокъ.

— Бѣлье снимайте, — сурово крикнулъ Коржиковъ, — на бѣльѣ тоже клейма?

— Θедоръ Θедоровичъ. Что же это? Ужели сейчасъ? — трясясь, сказалъ Любовинъ.

— Да вы что, товарищъ?

— Смерть, — прошепталъ Любовинъ.

Коржиковъ досталъ изъ комода смѣну бѣлья и кинулъ Любовину, посмотрѣлъ за занавѣской, гдѣ висѣли штаны, пиджаки и жилетки, и выбралъ изъ нихъ костюмъ.

— Одѣвайтесь, — сказалъ онъ. — Пальто и шапку мои возьмете. Паспортъ заграничный я вамъ сейчасъ изготовлю. Поѣдете въ Швейцарію, въ мѣстечко Зоммервальдъ, къ товарищу Варнакову. Поѣздъ идетъ въ шесть часовъ утра съ Варшавскаго вокзала. Вы теперь товарищъ Станиславъ Лещинскій, полякъ, Ковенской губерніи, слесарь. Эхъ, стрижка у васъ подлая, солдатская. Ну, да лицо не солдатское. Поняли? — сегодня же уѣхали. Да языкъ-то на польскій ломайте, а лучше молчите. Ну, что, готовы?

А какъ же Маруся? — спросилъ ободрившійся Любовинъ.

Коржиковъ гордо выпрямился и прямо посмотрѣлъ въ глаза Любовину.

— О Марьѣ Михайловнѣ не извольте безпокоиться. Никакого срама за нею не будетъ.

— Что же вы сдѣлаете? — спросилъ Любовинъ.

— Я женюсь на Марьѣ Михайловнѣ.

— Но... она беременна, — прошепталъ Любовинъ.

— Вотъ именно потому то я и женюсь на ней, — съ гордостью сказалъ Коржиковъ и, скрестивъ на груди руки, остро и строго посмотрѣлъ на Любовина.

LVI.

Саблинъ всталъ и, не спѣша, пошелъ отворять дверь. Планъ объясненія выстрѣла у него созрѣлъ въ головѣ. Главное выпытать, что Любовинъ успѣлъ сказать и гдѣ онъ.

На лѣстницѣ стоялъ дежурный по полку юный офицеръ, корнетъ Валуевъ.

— Ты живъ? — сказалъ онъ, глупо и застѣнчиво улыбаясь.

— Какъ видишь. — отвѣтилъ Саблинъ. — Да проходи ко мнѣ... Что случилось?.. Что такъ поздно?.. Хочешь стаканъ краснаго вина?

Онъ прошелъ съ Валуевымъ въ столовую, досталъ два стакана и бутылку, налилъ вино. Поставилъ вино нарочно подлѣ револьвера и тряпокъ. Онъ замѣтилъ, какъ жадно смотрѣлъ на револьверъ Валуевъ.

— Ну такъ въ чемъ же дѣло.

— Выстрѣлъ?..

— Ахъ да — выстрѣлъ!.. Такъ вотъ, чему я обязанъ удовольствію видѣть тебя въ такой поздній часъ. Ты — по дѣлу! Оффиціально... Да... Преглупая исторія!... Недостойная стараго корнета. Но ты-то почемъ узналъ?

— Сейчасъ прибѣжали ко мнѣ вахмистръ Иванъ Карповичъ и дежурный по второму эскадрону и доложили, что только что тебя убилъ солдатъ Любовинъ, у тебя на квартирѣ.

— Любовинъ?.. Ловко. — сказалъ, смѣясь Саблинъ. — И ты пошелъ звонить на квартиру къ убитому. Кто же бы открылъ тебѣ?

— Да, я не подумалъ. Я думалъ, что двери открыты.

— Ну, хорошо... Почему же Любовинъ убилъ меня?.. Такъ?.. Здорово живешь?.. Гдѣ же, однако, Любовинъ? Схватили, арестовали этого негодяя по крайней мѣрѣ?

— Вотъ въ томъ то и бѣда, что нѣтъ... Представь себѣ, — онъ вбѣжалъ, какъ полоумный, — прокричалъ, что онъ тебя убилъ и исчезъ. И чортъ его знаетъ, гдѣ онъ теперь... Удралъ...

— Какой идіотъ, — сказалъ, отхлебывая изъ стакана вино, Саблинъ.—Неправда ли, славное вино. Это я черезъ Палтова досталъ. Ему братъ привезъ. Настоящее Бордо... Да пей. Какая, однако, глупая и смѣшная исторія. Нужно тебѣ сказать, ждалъ я тутъ... одну особу. Ну... Она надула... Обѣщала и не пришла... Скучно стало... Читать — не читается. Вспомнилъ я, что послѣ послѣдней стрѣльбы я не отдавалъ чистить револьвера. Рѣшилъ почистить самъ. Только разложился... Звонокъ на кухнѣ... Кто то стучитъ... Я пошелъ отворить. Входитъ Любовинъ съ книгой приказаній... Странный какой то... Точно съума спятилъ... Про бунтъ какой то говоритъ... Я потребовалъ книгу приказаній... Какой чортъ, тамъ и приказанія никакого нѣтъ. Послѣднее о томъ, что какихъ то тамъ людей въ швальню на пригонку мундировъ прислать. Я и говорю ему: — что же это, Любовинъ?—а самъ въ это время взялъ револьверъ, да уже не знаю, какъ неловко взялъ, онъ у меня и выстрѣлилъ, вонъ видишь куда пуля просвистала-то. Чуть чуть не задѣла меня... Любовинъ бѣжать, — кричитъ, не то убилъ, не то убили. Вотъ она и вся эта глупая исторія. Такъ, говоришь, не нашли этого подлеца?

— Да нѣтъ же... Нѣтъ... Въ этомъ и горе, что провалился совсѣмъ... Ну, какъ я радъ! Пойду барону доложить, а то онъ безпокоится.

— А ему кто сказалъ?

— Да вахмистръ доложилъ Гриценкѣ, а Гриценко по телефону командиру. Волнуется старикъ.

— Ну ступай... Да вино допей!.. За мое чудесное избавленіе отъ смертельной опасности.

— До свиданія. Покойной ночи.

— Спасибо. И тебѣ того же. Скажи барону, что я завтра рапортъ подамъ... Все по формѣ...

— Конечно. — Покойной ночи.

Саблинъ проводилъ Валуева, заперъ двери и прошелъ въ спальню. Онъ раздѣлся, потянулся, легъ въ остывшую постель, загасилъ лампу, накрылся съ головою одѣяломъ, закрылъ глаза и сейчасъ же всталъ передъ

нимъ образъ Любовина съ бѣлымъ, искаженнымъ злобой лицомъ и онъ услышалъ страшныя позорящія его слова:
— сволочь! Мерзавецъ!

Такъ обругалъ его, такъ обозвалъ его, офицера, солдатъ! И что же онъ? Остается жить... замазываетъ слѣды своего оскорбленія... лжетъ, лжетъ и лжетъ!

Онъ откинулъ одѣяло съ головы, открылъ глаза и сталъ смотрѣть въ темноту. Онъ вспомнилъ застрѣлившагося этимъ лѣтомъ въ лагерѣ барона Корфа и тѣ разговоры, что вели тогда Гриценко, Мацневъ и Кисловъ. Жить труднѣе, чѣмъ умереть, но и умереть нелегко, когда жизнь прекрасна. Прошлую субботу, утомленный наканунѣ ласками Маруси, разочарованный и усталый, онъ пріѣхалъ на катокъ въ Таврическомъ саду. Тамъ была баронесса Вольфъ со своими дочерьми — Вѣрой и годъ тому назадъ вышедшей замужъ за богатаго помѣщика, баронессой Софьей. Они катались наалькахъ и съ горъ. Вѣра была очаровательна. Онъ смотрѣлъ на Вѣру иными глазами, чѣмъ на Марусю. Марусю уже съ Лахты онъ мысленно раздѣвалъ. Подъ простымъ и скромнымъ платьемъ старался угадать прекрасныя черты ея юнаго тѣла. Онъ мечталъ обладать ею. Совсѣмъ другое испытывалъ онъ, когда глядѣлъ на Вѣру Константиновну. — Осенью онъ провелъ у нихъ два дня въ имѣніи, ходилъ съ Вѣрой Константиновной и ея отцомъ на охоту на вальдшнеповъ. Вѣра Константиновна была въ высокихъ сапогахъ, шароварахъ, узкихъ у колѣна и широкихъ къ бедрамъ, въ длинномъ, сѣромъ, охотничьемъ сюртукѣ и мягкой, сѣрой шляпѣ съ зеленымъ перомъ. Она казалась меньше ростомъ и была граціозна въ мужскомъ костюмѣ. Саблинъ, влюбленный въ Марусю, не могъ, однако, не замѣтить красоты Вѣры Константиновны. Но онъ, несмотря на близость деревенской жизни, общихъ охотъ, пикниковъ, завтраковъ на травѣ, ни разу не подумалъ о ней худо и мысленно не раздѣлъ ее. Маруся умоляла быть товарищемъ и другомъ. Вѣра Константиновна ничего не говорила объ этомъ, но она была товарищемъ.

Почему? — Ясенъ былъ отвѣтъ — они были одного круга.

Въ прошлую субботу, послѣ катка. Вольфы пригласили его обѣдать. Онъ остался послѣ обѣда у нихъ. Вѣра Константиновна ушла на урокъ балетныхъ танцевъ; — готовился великосвѣтскій балетъ и она брала уроки, чтобы участвовать въ немъ. Саблинъ остался вдвоемъ съ баронессой Софьей. Въ гостиной было полутемно. Они сидѣли въ углу и между ними завязался тотъ скользкій, полный недомолвокъ, разговоръ, что позволяютъ себѣ вести молодыя дамы съ мужчинами, нравящимися имъ и кого онѣ считаютъ мало-опытными въ дѣлахъ любви. Саблинъ выглядѣлъ Чайль-Гарольдомъ. Онъ былъ мраченъ. Маруся не удовлетворяла его. Ея прекрасное молодое тѣло было слишкомъ бѣдно покрыто. Бѣлье было грубое, простое. Сандрильона слишкомъ долго оставалась Сандрильоной и начинала прiѣдаться. Онъ вспомнилъ, что такъ же прiѣлась ему и Китти и онъ несмотря на всю горячую страсть, покинулъ ее такъ просто и легко. Саблинъ говорилъ баронессѣ Софьѣ о любви съ горечью и отвращенiемъ. Онъ видѣлъ въ любви только удовлетворенiе чувственности, послѣ чего наступаетъ быстрое пресыщенiе и охлажденiе. Онъ нарисовалъ намеками опоэтизированный имъ образъ Китти, и легкими штрихами набросалъ воздушный силуэтъ таинственной Маруси. Онъ далъ понять баронессѣ Софьѣ, что онъ опытенъ въ любви, что у него были романы и онъ имѣетъ право говорить о женщинахъ грубо, считать ихъ прекрасными, но низшими противъ мужчины существами.

— Все это потому, милый Александръ Николаевичъ, — сказала баронесса Софья, — что вы совершенно не знаете женщинъ, не знаете любви и потому такъ грубо судите. То, что вы испытали и знаете — это не любовь. Любовь вамъ можетъ открыть только женщина вашего круга, женщина воспитанная, свѣтская, тонкая и только въ бракѣ, Богомъ, въ церкви, благословенномъ.

— Охъ, уже этотъ бракъ! — съ досадою поморщился

Саблинъ. — Почему нельзя любить свободно? А то бракъ, приданое, вся эта мѣщанская пошлость свадебныхъ обычаевъ, ухаживанье за невѣстой, а потомъ общая спальня, двѣ постели рядомъ, дѣти, пеленки, грязь, какая тутъ поэзія... одна проза!

— Вотъ именно, вы говорите такъ потому, что вы ничего этого не знаете. Мѣщанской пошлости свадебныхъ обрядовъ нѣтъ, потому что мѣщане ихъ не соблюдаютъ и не знаютъ. А есть трогательное, чистое горѣніе дѣвушки, сознательно готовящейся стать женою своего мужа и матерью его дѣтей. Въ общей спальнѣ — не пошлость и развратъ, какъ видите вы, не единеніе тѣла, а единеніе душъ. Какъ трогательно проснуться ночью и услышать тихое дыханіе любимаго человѣка и знать, что онъ тутъ, подлѣ. Изящная свѣтская дѣвушка знаетъ, что она должна всегда быть прекрасной и, вѣрьте, несмотря на близость ея тѣла, она далека тѣломъ, а близка душою. Въ этомъ — трогательность брака между людьми высшаго свѣта, людьми одинаковыхъ понятій.

Саблинъ вспомнилъ теперь этотъ разговоръ. Онъ представилъ себѣ свѣтлую голубую спальню, громадный во всю комнату свѣтло-сѣрый съ голубыми цвѣтами и вѣнками мягкій коверъ, двѣ кровати карельской березы, мягкія кресла, стулики, низкую дверь съ матовыми окнами, ведущую въ уборную, и рядомъ съ нимъ баронессу Вѣру Константиновну въ воздушномъ бѣльѣ и кружевахъ. Онъ понялъ, что баронесса Софья была права — это было что то непохожее на Китти и на Марусю. Можетъ быть, и правда, нѣчто болѣе духовное, гдѣ чувственность паритъ надъ землею, уносится въ небо.

«А вѣдь это возможно,» — подумалъ онъ. — Частыя приглашенія на обѣды, благосклонность къ нему княгини Рѣпниной, это все подготовка къ тому, чтобы сочетать его бракомъ съ Вѣрой Константиновной.

Образъ прелестной баронессы съ золотистыми кудрями и тонкими чертами смѣлаго, открытаго лица всталъ передъ нимъ...

Но можетъ ли онъ теперь придти и просить руки ба-

ронессы послѣ всего того, что было. Послѣ того, какъ солдатъ обругалъ его.

— «Что дѣлать? Боже, что дѣлать.! Ужели одинъ исходъ взять тотъ самый револьверъ и застрѣлиться?»

«Въ смерти моей никого не винить. Я ухожу изъ жизни потому, что оставаться съ несмытымъ оскорбленіемъ не могу, а смыть его нельзя...

«Такъ... хорошо!» — сказалъ Саблинъ и сѣлъ на постель. Зимняя долгая ночь была за окномъ и оно чуть обозначалось сѣрымъ прямоугольникомъ за спущенною занавѣсью.

«Хорошо... Я застрѣлился... Оставилъ записку... Любовинъ увѣряетъ, что онъ убилъ меня... Ведется слѣдствіе... и находятъ Марусю. Я гордо ушелъ изъ жизни и предоставилъ нести всю тяжесть моего грѣха этой прекрасной, слабой дѣвушкѣ... Честно это? Благородно?»

«Корнетъ Саблинъ!» — строго сказалъ онъ самъ себѣ. — «Вы знаете, что вы должны сдѣлать? Вы должны жениться на совращенной вами дѣвушкѣ!»

Онъ въ изнеможеніи опустился на подушки. «Жениться на сестрѣ простого солдата!.. Какая родня у нея?.. Можно развѣ остаться въ полку послѣ того, какъ онъ женится на сестрѣ солдата, который увѣрялъ, что онъ убилъ его. Ясное дѣло, почему онъ женится. Солдатъ потребовалъ, и онъ женится на дѣвушкѣ съ прошлымъ. Развѣ это не будетъ еще большее оскорбленіе Марусѣ?.. Ну, хорошо. Это минута, а впереди долгая счастливая жизнь въ сознаніи исполненнаго долга. Онъ осквернилъ ее и онъ очистилъ. Маруся прекрасна. Развѣ не считалъ онъ ее нѣсколько часовъ тому назадъ аристократкой, богиней, снизошедшей до него? Развѣ не маленькія въ породистыхъ жилкахъ у нея руки, не стройныя, классической красоты ноги? Не называлъ ли онъ ее часъ тому назадъ Діаной? не лобызалъ ли тонкій мраморъ ея тѣла?.. Измѣнилась она отъ того, что оказалась сестрой солдата?.. Не восхищался ею на зарѣ съ

церемоніей Мацневъ и Гриценко и не желали имѣть ее въ полку?»

«Да, это она, Маруся!... Но у нея есть родня. Есть братъ, обругавшій его мерзавцемъ и сволочью. И еще кто-нибудь есть... Мать, отецъ...»

«Свадьба въ полковой церкви... Съ его стороны шафера: — князь, графъ, баронъ, одинъ Ротбекъ не титулованный... и со стороны невѣсты — солдатъ Любовинъ, писарь второго эскадрона... извозчикъ, приказчикъ, не знаю кто? Ну, свадьбу можно справить просто. Можно уйти изъ полка для этого, но вѣдь отъ родни не уйдешь... Пріѣдетъ Любовинъ послѣ службы... Братецъ!.. Его не выгонишь... Да и она... Она хороша теперь, пока играла роль, а потомъ? Распустится, разжирѣетъ. Всѣ недостатки воспитанія всплывутъ и будетъ не жизнь, а какая-то томительная нелѣпость.»

«Нѣтъ, лучше смерть.»

Нѣкоторое время Саблинъ лежалъ безъ думъ. Внутренній процессъ шелъ въ немъ, минуя сознаніе, не вызывая образовъ и думъ. Кровь говорила. И все то, что она говорила, вылилось въ простомъ и отчетливомъ рѣшеніи:—не нужно ничего. Ни смерти, ни свадьбы... Не нужно больше и Маруси... Вся забота должна быть только о томъ, чтобы устранить Любовина. Даже убить его можно. Вызвать на рѣзкость, на оскорбленіе и застрѣлить, какъ собаку. Тогда и честь спасена. Тогда и мундиръ полка не замаранъ: — онъ убилъ обидчика. А о Марусѣ забыть. Оборвать этотъ романъ. Какъ увидится онъ съ нею теперь, когда между нимъ и ею всегда будетъ стоять озлобленный солдатъ и будутъ слышны оскорбленія? Онъ не можетъ... Она свидѣтельница его позора — она ему теперь въ тягость и онъ больше ее не увидитъ. Если она обратится къ нему за помощью, ну, скажемъ, будетъ выходить замужъ и попроситъ на приданое, онъ ей широко заплатитъ. Вѣдь въ ихъ быту такъ водится и у нихъ дѣвушка съ прошлымъ не бѣда, лишь бы она была дѣвушка съ приданымъ.

«Нѣтъ, не такая Маруся,» — сказалъ внутри него

какой то голосъ, но онъ заглушилъ его и не прислушался къ нему. Кровь диктовала свои властныя рѣшенія... Убрать Любовина съ пути, хотя бы для этого пришлось пойти на убійство, потому что онъ та бѣшеная собака, которую надо пристрѣлить. Съ Марусей оборвать. Предаться увлеченіямъ свѣта, чистому безкорыстному ухаживанію за Вѣрой Константиновной и обратить весь этотъ эпизодъ въ шутку. Вѣдь это было внѣ ихъ круга.

Не легко далось это рѣшеніе Саблину. Онъ долго лежалъ на спинѣ, опрокинувшись на подушки и думалъ свои думы. Ему казалось даже, что онъ видитъ странный, связный сонъ, но это не было сномъ, потому что онъ лежалъ съ открытыми глазами и то, что казалось сномъ, были его думы, претворенные въ образы.

VLII

Сашѣ Саблину четыре года. У него красавица, но постоянно больная мама. Онъ ее почти не видитъ и она кажется ему какой-то далекой феей. У него отецъ, который всегда въ разъѣздахъ. Громадная квартира. Лакеи, горничныя, прислуга, тихо шмыгающая по комнатамъ, гувернантка и нянька. Въ прихожей всегда торчатъ два солдата, каждый день разныхъ полковъ. Рядомъ въ пріемной дежурный адъютантъ.

Саша знаетъ, что это потому, что его отецъ важный генералъ Саблинъ, и что у нихъ есть свой гербъ: — золотая сабля на голубомъ полѣ. Въ кабинетѣ отца висятъ портреты, — это папинъ папа и папина мама, и еще папинъ папа. Много ихъ. Все темные, страшные. У дежурнаго адъютанта, у солдатъ, сидящихъ въ прихожей и отъ которыхъ нехорошо пахнетъ, у горничной, у няни, у mademoiselle нѣтъ герба съ золотой саблей и нѣтъ портретовъ папы ихъ папы. Они — люди. Съ ними разговаривать запрещено.

Слѣдующее впечатлѣніе его дѣтства, уже попозже,

когда ему было лѣтъ восемь, была смерть отца и его похороны. Въ гостиной стоялъ большой гробъ, покрытый золотою парчею. Кругомъ были золотыя подушки съ пришпиленными къ нимъ орденами и звѣздами — папиными орденами и папиными звѣздами. Изъ гроба виднѣлись края густыхъ золотыхъ эполетъ, синяя лента и газомъ покрытое лицо. Подлѣ гроба неподвижно стояли офицеры и солдаты. Маленькій Саша былъ преисполненъ гордостью, что такъ окружаютъ и берегутъ его мертваго папу. Потомъ онъ помнитъ музыку и безконечные ряды войскъ пѣхоты и кавалеріи, провожавшіе папинъ гробъ.

— Мама, — спрашивалъ онъ свою мать, — это все папины солдаты?

— Папины, — отвѣчала ему мать, — у него ихъ еще гораздо больше было.

— Мама, а почему папу провожаютъ только Егеря и Кавалергарды?

Ему было восемь лѣтъ, но онъ зналъ полки. Всѣ стѣны квартиры были увѣшаны картинами, изображавшими войска: — битвы, сцены на бивакахъ, парады, церемоніи. Саша любилъ ихъ смотрѣть. У него были свои солдаты. Онъ любилъ ихъ разставлять такъ, какъ они и по настоящему стоятъ. Иногда приходилъ папа, смотрѣлъ его солдатъ и говорилъ: — «у тебя, братъ, чортъ знаетъ, что за строй. Гдѣ же фельдфебель? Почему жалонерный попалъ въ переднюю шеренгу? Экой какой ты» — и папа разставлялъ самъ ему солдатъ и показывалъ ему, гдѣ долженъ быть ротный командиръ, гдѣ офицеры, гдѣ фельдфебель.

— За равненіемъ, братъ, наблюдай. Равненіе чтобы чище было. Это, братъ, важная штука, равненіе.

— Папа, я буду офицеромъ.

— Всенепремѣнно.

— А если, папа, я не хочу офицеромъ?

— Нельзя, братъ. Всѣ Саблины были офицерами. Что штатскіе! Штатскіе и не люди даже.

Лѣтъ девяти Саша напѣвалъ пѣсенку, которой его научили кадеты, приходившіе съ нимъ поиграть:

Я очень штатскихъ не люблю.
И называю ихъ шпаками,
И даже бабушка моя-а...
Ихъ часто била башмаками!

Саша былъ увѣренъ, что это правда, что бабушка могла бить штатскихъ башмаками. Когда ему принесли новую курточку, онъ серьезно сказалъ матери:

— Мама, я не буду носить курточку. Она штатская»...

Десяти лѣтъ онъ поступилъ въ корпусъ. Корпусъ былъ особый, привилегированный. И привилегіи его состояли не въ томъ, что въ немъ особенно хорошо учили, или курсъ наукъ былъ шире и этимъ онъ гордился. Напротивъ, туда сплавляли всѣхъ тѣхъ кадетъ изъ другихъ корпусовъ, которые плохо учились, но родители которыхъ могли платить повышенную плату. Но кадеты этого корпуса гордились тѣмъ, что они носили синіе штаны, алые съ черной полосою кушаки и готовились быть кавалеристами. Быть въ кавалеріи, это значило, быть выше другихъ. Пѣхота, артиллерія, инженерныя войска — это было низко, недостойно, почти презиралось. Конечно, не въ такой степени, какъ штатскіе.

Говорили въ корпусѣ на урокѣ древней исторіи о римскихъ всадникахъ и неизмѣнно подчеркивали ихъ громадное значеніе и то, что equites были высшимъ сословіемъ древняго Рима. Говорили о среднихъ вѣкахъ и опять указывалось на то, что конныя войска, — рыцари, были выше всѣхъ, ихъ окружали пѣшіе вассалы, не имѣвшіе прекрасныхъ традицій рыцарства.

Саблинъ росъ дома. Тамъ была полубольная мать, безъ ума влюбленная въ него. Въ корпусъ онъ пріѣзжалъ на щегольской одиночкѣ, запряженной рысакомъ и въ корпусѣ онъ сходился только съ тѣми мальчиками, которые имѣли такихъ же рысаковъ и которые мечтали о службѣ въ кавалеріи.

Въ корпусѣ презрѣніе къ штатскимъ увеличилось. Какихъ только смѣшныхъ прозвищъ кадеты имъ не давали: — шпакъ, стрюцкій, штафирка, рябчикъ... какихъ стиховъ про нихъ не писали.

Впрочемъ и тутъ были исключенія. Мальчики, учившіеся въ Императорскомъ лицеѣ или училищѣ правовѣдѣнія, выдѣлялись изъ общей массы гимназистовъ, презрительно называемыхъ «синей говядиной»...

Мать сумѣла уберечь его отъ разврата, царившаго въ старшихъ классахъ, гдѣ многіе мальчики имѣли своихъ содержанокъ и открыто хвастались этимъ. Болѣзни, сопряженныя съ развратомъ не смущали мальчиковъ и особое отдѣленіе лазарета называлось кавалерійскимъ отдѣленіемъ.

Сашу спасла отъ этого мать. Она, своимъ громаднымъ вліяніемъ и нравственною чистотою сдѣлала то, что мальчикъ боялся разврата и инстинктивно сторонился отъ него. Мать хотѣла воспитать въ немъ человѣка, развить благородные инстинкты, но она не могла преодолѣть съ колыбели привитыхъ ему понятій о классовомъ различіи людей. Да и сама она выросла въ нихъ.

Въ корпусѣ и дома Саша научился боготворить Государя и любить Россію. Но какую Россію? Русскую деревню, Русскаго мужика онъ презиралъ. Онъ только снисходилъ до нихъ. — Это былъ черный народъ, годный лишь на черную работу. Тѣ, кто выходилъ изъ этого народа въ знать своими талантами подтверждали какъ исключеніе то правило, что простому народу и простое мѣсто. Саблинъ любилъ ту Россію, что пробивалась къ Европѣ и въ дни его дѣтства занимала первое мѣсто въ мірѣ. Царь и его армія и флотъ олицетворяли ту Россію, которую обожалъ Саблинъ. Онъ не любилъ людей, но любилъ солдатъ и офицеровъ. Армія была все для него.

Въ корпусѣ онъ зналъ названія, номера и шефовъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ, зналъ у кого какія приборныя сукна и не зналъ даже приблизительно сколько дивизій пѣхоты въ Россійской арміи.

Изъ корпуса онъ попалъ въ кавалерійское училище. То, что многихъ юнкеровъ младшаго класса доводило до изступленія, до ухода изъ училища, до самоубійства: приниженное положеніе безправнаго *звѣря*, принужденнаго пресмыкаться передъ издѣвающимися надъ нимъ *корнетами* Саблину казалось естественнымъ. Въ этомъ униженіи онъ видѣлъ свое возвышеніе, потому что зналъ, что черезъ годъ онъ самъ будетъ корнетомъ и также будетъ издѣваться надъ звѣрьми. Впрочемъ, къ нему, Саблину, и корнеты отнеслись иначе. Онъ былъ хорошій звѣрь.

— Звѣрь, покажите ваши таланты? — говорили ему въ курилкѣ *благородные корнеты*, и Саша пѣлъ и танцовалъ. Онъ былъ хорошій гимнастъ, отлично сталъ ѣздить верхомъ — это все, что было нужно. Онъ былъ богатъ, ему и *звѣремъ* было легко.

Въ училищѣ еще больше и толще стали перегородки между *нами* и *ими*.

Саблинъ скоро увидалъ, что *насъ* немного. *Мы* были только гвардія и то не вся. Были полки, съ офицерами которыхъ водили компанію, считались съ ними, дружили, но за *своихъ* не считали. Армейскую кавалерію признавали, но далеко не всю. Только Нижегородскій драгунскій полкъ считался вполнѣ своимъ. Саблинъ уже въ училищѣ увидѣлъ, что ему предстоитъ жить въ маленькомъ мірѣ людей, гдѣ всѣ другъ друга знаютъ. Въ мірѣ, окружающемъ Государя. Міръ этотъ былъ со своими правилами, традиціями и главное нужно было изучить эти правила и традиціи и слѣдовать имъ, а все остальное — пустяки. Онъ скоро понялъ, что то, что онъ, Саблинъ, выходитъ въ блестящій гвардейскій полкъ, дѣлаетъ его выше многихъ. Онъ понялъ, что онъ, юнкеръ, выше офицеровъ и даже генераловъ.

— А, Саблинъ! Саша! — говорилъ ему въ театрѣ или на балу важный генералъ и протягивалъ ему руку, и не замѣчалъ стараго полковника, стоявшаго рядомъ на вытяжку и смотрѣвшаго ему въ глаза. Саблинъ зналъ,

что такъ и надо — потому что онъ былъ нашъ, а тотъ былъ ихъ.

Саша слышалъ, какъ его старая, богатая тетка, обсуждая съ его матерью, кого позвать на серебряную свадьбу, сказала про одного заслуженнаго и почетнаго генерала: — «ну, онъ такой хамъ, я его и звать не буду. Его отецъ фельдфебелемъ былъ у моего отца въ ротѣ».

Для Саши сословіе было все. А между тѣмъ онъ жилъ въ тѣ дни, когда жизнь властно разрушала сословныя перегородки и во главѣ этого разрушительнаго движенія шелъ Государь и великіе князья. Въ замкнутую, строго военную среду стремились впустить иной, не казарменный элементъ. Въ Л. Гв. Измайловскомъ полку, гдѣ ротою командовалъ царственный поэтъ великій князь Константинъ Константиновичъ, были организованы литературные вечера «измайловскіе досуги», гдѣ постояннымъ почетнымъ гостемъ былъ штатскій поэтъ Майковъ. Почтенный старецъ съ сѣдою бородою, въ простомъ черномъ сюртукѣ, окруженный офицерами, читалъ свои стихи...

Великій Князь Главнокомандующій съ своимъ начальникомъ штаба, генераломъ Бобриковымъ, организовали военныя лекціи для офицеровъ при штабѣ округа.

Въ это время развивалъ свою дѣятельность Педагогическій Музей въ Соляномъ городкѣ, тамъ устраивались лекціи для солдатъ гвардейскаго корпуса, и лекторами были призваны молодые офицеры отъ всѣхъ полковъ. Дѣлались какія то попытки идти по новому пути отъ муштры къ воспитанію, отъ господъ и людей — къ офицерамъ и солдатамъ. Но онѣ наткнулись на глухую стѣну взаимной розни и непониманія другъ друга. Талантливыхъ лекторовъ не нашлось. Лекціи носили чисто случайный, не систематичный характеръ и не могли заинтересовать ни солдатъ, ни офицеровъ. Онѣ скоро обратились въ отбываніе нуднаго номера, къ которому офицеры небрежно готовились. Солдаты спали на лекціяхъ. Имъ казалось безсмыслицей мѣсить грязь и ходить за шесть, за восемь верстъ строемъ

для того, чтобы прослушать часовую лекцію на случайную тему. Барская затѣя — говорили они. А между тѣмъ военная литература открыто кричала, что армія — школа для народа. Требовали обязательнаго преподаванія грамотности, развитія солдата, но дальше азбуки, чтенія и письма не шли. Армія не могла исполнять эту работу: не было хорошо подготовленныхъ учителей. Всѣ эти попытки трясли старыя основы суровой незыблемой дисциплины, безпрекословнаго исполненія даже глупаго приказанія начальника, возбуждали сомнѣнія и вопросы, но не давали на нихъ отвѣтовъ. И въ Саблинѣ зародились вопросы и сомнѣнія, но ничто еще не было поколеблено въ немъ. Каста оставалась кастой. Молодежь Мартовой интересовала и влекла, какъ влекутъ новыя мѣста на прогулкахъ, но она не давала внутренняго содержанія, она задавала вопросы, но не отвѣчала на нихъ. Она критиковала, иногда бичевала больныя мѣста, но ничего путнаго не умѣла предложить взамѣнъ, не могла залѣчить раны и ограничивалась абсурдными, совершенно неприемлемыми лозунгами и пожеланіями. «Надо такъ сдѣлать, чтобы войны никогда не было» — говорила она, но Саблинъ со школьной скамьи узналъ и съ молокомъ матери впиталъ, что война неизбѣжна. Теперь, сейчасъ, черезъ много лѣтъ, въ отдаленномъ будущемъ — она будетъ. Единственное средство задержать приближеніе войны онъ видѣлъ только въ сильной арміи, въ настойчивомъ приготовленіи къ войнѣ. Отрѣшиться отъ этого онъ не могъ. Долой армію — говорили ему. Но армія была для него все. Сказать — долой армію — значило уничтожить военный бытъ, въ которомъ онъ жилъ, уничтожить его самого. Онъ видѣлъ, какъ погибъ и рушился помѣщичій бытъ, романы Тургенева и Гончарова казались уже невозможными теперь, но онъ не осуждалъ описываемый въ нихъ бытъ, а преклонялся передъ нимъ, потому что это былъ бытъ его отца, его дѣда, его предковъ. Онъ считалъ его хорошимъ. Еще болѣе хорошимъ онъ считалъ военный бытъ — и для него сказать: — «долой армію» — значило сказать:

— я уничтожаю самого себя, нашъ полкъ, все, что обожаю съ дѣтства. Молодежь Мартовой его интересовала, но казалась ему опасной и вредной и онъ боролся съ нею.

Особенно рѣзкія рамки были въ отношеніяхъ къ женщинамъ. Если мужчины въ томъ обществѣ, гдѣ вращался Саблинъ, замкнулись въ особенную касту, то и женщины дѣлились на своихъ и чужихъ. Къ своимъ было рыцарское преклоненіе. Надъ ними смѣялись, осуждали ихъ мелкія страсти и недостатки, но о нихъ всегда говорили съ большимъ уваженіемъ. Саблинъ отлично помнилъ, какъ обрѣзалъ его Мацневъ — философъ и циникъ, — когда, однажды, въ періодъ между Китти и Марусей въ театрѣ его познакомили съ женой одного гвардейскаго офицера. Молодая женщина на секунду дольше задержала свою руку въ рукѣ Саблина и посмотрѣла на него съ восхищеніемъ. Саблинъ спросилъ Мацнева потомъ: — «а что, она — доступная?»

— Милый другъ, — сказалъ ему Мацневъ, — про женъ гвардейскихъ офицеровъ такъ не говорятъ. Ты можешь попытаться имѣть съ ней романъ, можетъ быть ты будешь имѣть успѣхъ и достигнешь желаемаго, но ты будешь скотина и подлецъ, если когда-нибудь заикнешься объ этомъ. И я первый, несмотря на все свое отвращеніе къ дуэлямъ, вызову тебя на дуэль. Наши жены — святыня.

Это говорилъ Мацневъ, — чья жена почти открыто жила съ Маноцковымъ. Всѣ это знали, но никто не говорилъ объ этомъ и менѣе всего хвастался этимъ Маноцковъ. Маноцковъ былъ стариннаго рода, его фамилія упоминалась въ актахъ Михаила Θедоровича, связь была приличная, со своимъ, кто умѣетъ за себя постоять, и всѣ молчали.

Свои, — это были матери, жены, сестры и дочери людей своей касты. Можно было, какъ лошадь по суставамъ разбирать любую женщину, заглядывая въ самые интимные уголки ея тѣла, но нельзя было сказать что-либо циничное про жену, или дочь товарища. Это были

остатки того же помѣщичьяго быта, гдѣ женились на дочеряхъ помѣщиковъ и устраивали гаремы изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Романы съ крѣпостными дѣвушками заходили иногда очень далеко, но и порвать ихъ ничего не стоило. Крѣпостного права не было, дѣвичьи были уничтожены, и Саблинъ не засталъ ихъ, но остались горничныя, дамы полусвѣта, жены, сестры и дочери людей иного круга. Съ ними не считались. Онѣ были созданы для мелкихъ романовъ, для удовлетворенія похоти. Прошлою зимою на охотѣ Саблинъ, ночуя въ избѣ, увидалъ дѣвушку рѣдкой красоты. Онъ пожелалъ обладать ею и оказалось, что это легко устроить. Когда она раздѣлась, на ней было тонкое батистовое бѣлье на грубомъ и жесткомъ крестьянскомъ тѣлѣ. «Откуда у тебя это бѣлье?» спросилъ Саблинъ.

— Мнѣ великій князь подарилъ — сказала дѣвушка и назвала имя молодого великаго князя, почти мальчика. Саблинъ, проведшій съ нею ночь, не зналъ даже ея имени, забылъ деревню, гдѣ это было. Это не считалось ни за что. Вся связь длилась нѣсколько часовъ.

Пока Маруся была Сандрильоной, — съ ней приходилось считаться, но когда она оказалась сестрою солдата, то-есть изъ того, другого міра — стѣсняться было нечего. Саблинъ зналъ, что вся каста станетъ на его сторону, всѣ, начиная съ непогрѣшимаго Рѣпнина, будутъ стараться обѣлить его и устранить эту дѣвушку. То, что онъ ее броситъ, будетъ одобрено всѣмъ полкомъ и никто его за это не осудитъ.

Что могла сдѣлать бѣдная совѣсть Саблина, когда она осталась въ полномъ одиночествѣ и за Марусю говорило только сердце, которое все-таки, какъ будто любило Марусю.

Да точно ли любило? Не было ли это только увлеченіемъ?.. Прихотью?.. Желаніемъ удовлетворить страсть?

Окно стало вырисовываться мутнымъ квадратомъ. День наступалъ.

Саблинъ закрылъ глаза, зарылся съ головою въ по-

душки. «Надо спать», сказалъ онъ самъ себѣ, но вспомнилъ, что заперъ дверь на кухнѣ, а утромъ долженъ притти Шерстобитовъ, будетъ звонить, опять надѣлаетъ тревоги. Онъ всталъ, накинулъ халатъ и прошелъ на кухню отложить крюкъ. Кухня была залита желтыми косыми лучами восходящаго солнца. Наступалъ ясный, веселый морозный день. Ночные страхи проходили. Когда Саблинъ въ полутемной спальнѣ закутался съ головою въ одѣяло, онъ моментально заснулъ крѣпкимъ сномъ усталаго душою и тѣломъ человѣка.

Проснулся онъ поздно отъ стука дровъ, сваленныхъ рядомъ въ кабинетѣ у камина.

— Шерстобитовъ! — крикнулъ Саблинъ.

Молодой, румяный солдатъ въ сѣрой курткѣ, пахнущей морозомъ, вошелъ въ спальню.

— Который часъ?

— Половина двѣнадцатаго, ваше благородіе, — весело отвѣтилъ денщикъ.

— Что же ты меня не разбудилъ. А занятія?

— Занятій нѣтъ, ваше благородіе. Морозъ дюжа большой. Вахмистръ посылали къ командиру эскадрона. Приказано только одну проѣздку сдѣлать, господъ офицеровъ не безпокоить.

— Хорошо, — сказалъ Саблинъ.

— Ну и напугались мы вчора, ваше благородіе, когда Любовинъ прибѣгъ въ эскадронъ и эдакое слово сказалъ. Господи! какъ обрадовались, какъ узнали, что все это пустое. Весь эскадронъ можно сказать жалковалъ за вами. Экій грѣхъ, прости Господи!

— А Любовинъ гдѣ?

— Нигдѣ сыскать не могутъ. Убѣгъ, неизвѣстно куда. Люди думаютъ, не порѣшилъ ли съ собой?.. Совсѣмъ съ ума спятилъ человѣкъ. Господинъ вахмистръ довольны, говоритъ, такъ ему и надо. Богъ его покаралъ за то, что онъ сицилистомъ былъ.

— Такъ не нашли, говоришь, Любовина? — сказалъ Саблинъ, вынимая изо рта закуренную было папиросу.

— Никакъ нѣтъ. Нигдѣ даже не нашли. — отвѣчалъ денщикъ.

— Ну ладно. Не мѣшай мнѣ спать, я еще часокъ засну. — блаженно потягиваясь сказалъ Саблинъ. Радость избавленія охватила его.

LVIII

Отъ Саблина Маруся пошла къ своей теткѣ, портнихѣ, гдѣ всегда ночевала, когда бывала на вечерахъ или въ театрѣ. Ночь она не спала. Рано утромъ она собрала книги, чтобы идти на курсы, но на курсы не пошла, а поѣхала домой. Отца не было дома. Во всемъ тихомъ домикѣ была только старая кухарка Мавра, подруга ея матери. Канарейки, обманутыя солнцемъ, заливались въ клѣткѣ въ столовой, пронизанной косыми блѣдными зимними лучами, гдѣ, переливаясь радугой, играли мелкія пылинки. Зимній день былъ полонъ радости. Маруся не замѣчала ея. Она, не раздѣваясь, прошла въ свою комнату, сняла шляпу и шубку, бросила ихъ на постель, приспустила штору и сѣла у стола спиной къ окну. Солнечный свѣтъ и скрипъ полозьевъ по снѣгу ее раздражали. Хотѣлось полутьмы, тишины и спокойствія. Ночью, ворочаясь съ боку на бокъ на диванѣ въ мастерской тетки, она не могла собрать мысли и чувствовала только непоправимость случившагося вчера и радость отъ того, что ея Саша живъ. Теперь, облокотившись на книги, лежащія на краю стола и устремивъ глаза въ уголъ, гдѣ подъ зеленымъ холстомъ висѣли ея платья и стоялъ небольшой сундучекъ съ дѣвичьимъ рукомойникомъ, она сумѣла, наконецъ, собрать свои мысли. Положеніе дѣлъ казалось уже не такимъ безотраднымъ.

Лишь бы Саша любилъ!

Она знала, что она беременна и радовалась этому. Ребенокъ, котораго она носитъ, укрѣпитъ ихъ близость съ Саблинымъ и она уже любила его. Нѣсколько дней тому назадъ она рѣшила сказать все Саблину, но его

страсть при встрѣчѣ, его слѣпота на ея положеніе, заставили ее отложить до другого раза. Теперь, когда между нею и Саблинымъ всталъ братъ, ей надо ускорить переговоры. Виктора она укротитъ и успокоитъ. Она глубоко вѣрила въ порядочность Саблина и знала, что онъ не будетъ мстить Виктору за его поступокъ. Все, что было, должно остаться между ними тремя.

О! ни единой минуты, ни единаго мгновенія она не думала, что Саблинъ женится на ней. Знала, что это невозможно. Не позволятъ тѣ самые предки, что поразили ее такъ въ первый разъ, когда она была у Саблина, не позволитъ полкъ... И не надо!.. Знала, что свадьба, — неизбѣжное знакомство съ отцомъ, теткой — невозможны... Саблинъ былъ принцемъ въ ея глазахъ и принцъ не могъ снизойти къ нимъ. Но развѣ мало дѣвушекъ имѣетъ дѣтей? Она будетъ артисткой, у ней будетъ своя квартира, будутъ поклонники, но сердце ея всегда, неизмѣнно, вѣчно будетъ принадлежать только — Сашѣ Саблину. Пусть онъ женится на комъ хочетъ, пусть любитъ свою жену, но пусть знаетъ, что у него есть его Маруся и ея ребенокъ, думающіе только о немъ, только имъ живущіе. Эта любовь въ разлукѣ, любовь издалека казалась ей прекрасной.

Она придетъ къ нему въ пятницу и не допуститъ до страстныхъ объятій. Она коротко и просто скажетъ ему: — «я мать твоего ребенка. Ты счастливъ?..» А потомъ переговоритъ спокойно о будущемъ. Онъ поможетъ ей устроиться на отдѣльной квартирѣ на то время, пока она будетъ больна. Она сейчасъ же поступитъ на сцену, хотя хористкой, чтобы имѣть свой кусокъ хлѣба и не одолжаться отцу. Отецъ не долженъ знать ея паденія. Онъ не переживетъ этого. Отъ него надо все скрыть. Она скажетъ, что уѣзжаетъ. Можетъ быть даже отецъ и Варя Мартова ей помогутъ и тогда можно будетъ не обращаться къ Саблину. Какъ было бы хорошо, ничѣмъ не быть ему обязанной, но все ему отдать!

Она улыбнулась тихой и грустной улыбкой. Такъ ка-

залась ей хороша эта одинокая жизнь въ далекомъ обожаніи своего принца.

Кто то позвонилъ. Мавра отперла. Знакомые крадущіеся шаги Коржикова раздались въ столовой. Его то меньше всего хотѣла теперь видѣть Маруся.

— Марія Михайловна, — услышала она скрипучій голосъ Коржикова, — можно къ вамъ на одну минуту, но по весьма важному дѣлу.

— Войдите, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, — сказала Маруся. Она не встала ему навстрѣчу, но съ мѣста подала ему холодную вялую руку. Коржиковъ по своему понялъ ея поведеніе: — Маруся въ отчаяніи по убитомъ любовникѣ.

Онъ сѣлъ напротивъ окна, скорчился, поставилъ локти на колѣни и уперъ въ ладонь рукъ свой рыжій лохматый подбородокъ. Онъ напомнилъ ей статую Мефистофеля Антокольскаго въ Эрмитажѣ.

— Марія Михайловна, — нѣсколько торжественно началъ Коржиковъ, — вы давно знаете, какъ я васъ люблю...

Маруся неподвижно сидѣла въ углу и мука была на ея затѣненномъ отъ свѣта лицѣ. Коржиковъ не видалъ его выраженія. Онъ видѣлъ только, что Маруся была прозрачно блѣдна и почти не дышала.

— Еще тогда, когда вы ходили ко мнѣ, — заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Коржиковъ, — не будучи въ силахъ уяснить себѣ подобіе треугольниковъ и были въ короткомъ коричневомъ платьицѣ и черномъ передникѣ, я, старый студентъ, обожалъ васъ. Да... Можетъ быть, все это признаніе глупо?.. Но оно неизбѣжно... Марія Михайловна, — я прошу васъ вѣнчаться со мною. Я прошу васъ торжественно обвѣнчаться со мною. Быстро, скоро... На этой недѣлѣ...

Это было такъ неожиданно и показалось такимъ необычнымъ и дикимъ Марусѣ, что она встала и стояла, опираясь руками о комодъ.

— Я васъ не понимаю, — сказала она. — Что вы говорите! Какъ обвѣнчаться. Почему?

— Самымъ настоящимъ образомъ. Въ церкви, съ по-

помъ, съ шаферами, со свадебнымъ обѣдомъ, съ пьяными криками «горько», съ грубыми шутками подвыпившихъ гостей, словомъ такъ, чтобы весь заводъ цѣлую недѣлю только и говорилъ о нашей свадьбѣ.

Маруся горько разсмѣялась. Холодъ пробѣжалъ по ея тѣлу.

— Это говорите вы, убѣжденный анархистъ, проповѣдывавшій заводскимъ работницамъ свободную любовь и гражданскій бракъ, — сказала Маруся.

— Да, я это говорю. И только я имѣю право сказать вамъ это.

— Почему вы имѣете на меня такія права? — спросила, выпрямляясь, Маруся.

— Вы скоро станете матерью, — зашепталъ Коржиковъ, не глядя на Марусю. — Вы понимаете, если узнають это?.. Если узнаетъ вашъ отецъ, онъ не переживетъ этого... Марія Михайловна — я не хочу, чтобы вы стали предметомъ шутокъ и пересудовъ. Я слишкомъ люблю и уважаю васъ.

— О! — простонала Маруся и безсильно опустилась на стулъ. Ей было дурно. Въ глазахъ потемнѣло, она закрыла лицо руками и упала головою на книги.

— Не оскорбляйте меня, — тихо сказала она.

— Я не оскорбляю васъ. Я не осуждаю васъ... Я преклоняюсь передъ вами... Я васъ жалѣю... Но, поймите, Марія Михайловна, раньше, пока былъ живъ корнетъ Саблинъ, у васъ были живы надежды... Теперь...

Она вытянула руку ладонью впередъ, какъ бы защищаясь.

— Что вы говорите?... Корнетъ Саблинъ?... Развѣ съ нимъ что случилось?

— Но вѣдь вчера... вашъ братъ Викторъ... На вашихъ глазахъ... убилъ его.

— Онъ только стрѣлялъ, но промахнулся... Александръ Николаевичъ живъ, цѣлъ и невредимъ... Гдѣ Викторъ?...

— Виктора я сегодня переодѣлъ въ штатское, снабдилъ заграничнымъ паспортомъ и отправилъ заграницу.

Если онъ не наглупитъ, то онъ въ безопасности и въ надежномъ мѣстѣ... Все это, конечно, мѣняетъ дѣло. Марія Михайловна, — вставая, сказалъ Коржиковъ, — но мое предложеніе остается въ силѣ... Я прошу вашей руки и скорой свадьбы.

— Вы знаете, что я люблю его и только его, — глухо сказала Маруся.

— Знаю, — коротко бросилъ Коржиковъ.

— Я уже теперь люблю его ребенка, — закрывая лицо руками, сказала Маруся.

— Понимаю и это, — скрипучимъ, не своимъ голосомъ проговорилъ Коржиковъ. Онъ тоже необычно былъ блѣденъ.

— И все-таки, Марія Михайловна, я умоляю васъ вѣнчаться со мною.

Маруся отняла руки отъ лица и долгимъ, пристальнымъ взглядомъ посмотрѣла на Коржикова. Она тихо покачала головою и сказала еле внятно:

— Да кто вы такое?... Я ничего не понимаю... Отказываюсь понять что-нибудь!... Вы хотите воспользоваться моимъ положеніемъ... Вы... цинникъ, или... или вы святой человѣкъ.

Коржиковъ стоялъ, опустивъ глаза.

— Я прошу вашей руки, — настойчиво повторилъ онъ и сдѣлалъ шагъ къ Марусѣ.

Она встала и отодвинулась отъ него въ темный уголъ.

— Уйдите, — прошептала она. — Уйдите... Умоляю васъ...

— Хорошо. Но я каждый день буду приходить къ вамъ и требовать отвѣта.

— Я не могу быть вашей женой... Я не люблю васъ... Ѳедоръ Ѳедоровичъ, простите меня... Я очень уважаю васъ. Я васъ почитаю, какъ брата, но быть вашей женою я не могу.

— Это не важно. Я только прошу васъ обвѣнчаться со мною.

— Уйдите, — прошептала Маруся.

— Хорошо, я уйду, — сказалъ глухимъ голосомъ Коржиковъ. — Я вполнѣ васъ понялъ... Вы не можете мнѣ дать отвѣта, не переговоривъ съ корнетомъ Саблинымъ. Я вернусь въ субботу, и, что бы ни было, я отъ своего предложенія не отступлю.

— Уйдите, молю васъ!

— Да понимаете ли вы, Марія Михайловна, какъ я васъ любилъ и люблю? — прошепталъ Коржиковъ, рѣзко повернулся и вышелъ.

Маруся съ трудомъ дотащилась до постели, сбросила на полъ шубку и шляпку и въ безпамятствѣ упала на подушки.

LIX

Всю эту недѣлю Маруся жила, волнуясь ожиданіемъ встрѣчи. Каждый день она справлялась у Мартовой, нѣтъ ли ей письма. Ей казалось, что онъ долженъ написать ей послѣ того, что было. Но письма не было. «Ждетъ такъ же, какъ и я, пятницы», — думала она, — «понимаетъ, что такіе вопросы нельзя рѣшать письмомъ».

Она вышла въ пятницу раньше, чѣмъ обыкновенно, но дорогой рѣшила, что лучше опоздать на десять, пятнадцать минутъ, потому что, если не застанетъ его, это будетъ ужасно. Она сошла съ извозчика въ началѣ Невскаго проспекта и пошла пѣшкомъ. Она рисовала себѣ встрѣчу. Она видѣла себя вбѣгающею торопливыми шагами по лѣстницѣ. Дверь съ тихимъ шуршаніемъ клеенки по камнямъ отворяется до ея звонка, свѣтъ огней въ столовой и весело трещитъ каминъ въ кабинетѣ. Онъ обниметъ ее и поведетъ въ кабинетъ. Она подниметъ голову къ нему и снизу вверхъ посмотритъ на него. Потомъ тихо и выразительно скажетъ ему: — «Саша, ты знаешь, я мать. Я скоро буду матерью твоего ребенка... Ты радъ?»

Что онъ?... Смутится, навѣрно?... Но вѣдь и обра-

дуется! Онъ освободитъ ее изъ своихъ сильныхъ рукъ, посадитъ въ кресло у камина, сядетъ самъ рядомъ съ нею. И тутъ она прежде всего скажетъ, что онъ свободенъ, что она и не думаетъ о бракѣ... И разскажетъ ему свой планъ... Онъ засмѣется, закуритъ папиросу, что всегда бывало признакомъ того, что онъ взволнованъ, и захочетъ протестовать. Но она не позволитъ ему говорить, она разскажетъ ему весь свой планъ, какъ она отстранится отъ него, уйдетъ вся въ материнство и сцену.

— Прекрасно, милая Марусенька, — скажетъ онъ,— но ужасно наивно...

Она видѣла, какъ онъ это скажетъ ласково, съ веселыми огоньками въ глазахъ, она такъ видѣла это, что улыбнулась счастливой улыбкой. Она не замѣчала, что шла по Невскому, одна, вечеромъ, что мужчины оглядывались на нее. Какой-то высокій офицеръ въ Николаевской шинели, въ усахъ и бородѣ, шелъ слѣдомъ за нею и теперь, ободрившись, вѣроятно, ея улыбкой, сказалъ ей:

— Барышня, намъ по пути, пойдемте вмѣстѣ, веселѣе будетъ.

Она испугалась и чуть не бѣгомъ бросилась отъ него, и, скрывшись между мчавшимися санями, вошла подъ ярко горящіе огнями магазиновъ своды Гостинаго двора.

Она дошла до часовни. Передъ образомъ Богоматери съ младенцемъ теплились сотни тонкихъ восковыхъ свѣчекъ. Приходили люди, ставили свѣчи и уходили. Маруся никогда не была вѣрующей. Но сейчасъ, взглянувъ на образъ непорочной Дѣвы, она почувствовала небывалое умиленіе. И то, что у Дѣвы на рукахъ былъ святой младенецъ, Спаситель міра, почудилось ей знакомъ прощенія такимъ, какъ она. Святая Дѣва-мать заступалась за дѣвушекъ, ставшихъ матерями, и сумѣвшихъ остаться чистыми. Марусѣ казалось, что нѣтъ грѣха и стыда въ ея материнствѣ, потому что оно искуплено любовью. Любовь проститъ и покроетъ все то нечистое, что было.

Радостная нѣжность переполняла ея душу, когда, по-

рывисто оглянувшись и убѣдившись, что никого нѣтъ на лѣстницѣ, она стала подниматься. Она съ безсознательнымъ вниманіемъ прочла внизу металлическую дощечку: «капельмейстеръ Ѳедоръ Карловичъ Линде». Наверху была дверь съ визитной карточкой Ротбека, и она почему то подумала, какой изъ себя долженъ быть этотъ Ротбекъ? Вотъ и Сашина дверь, но она не открылась, какъ всегда... Неужели онъ не слыхалъ ея шаговъ?

Она остановилась и должна была взяться руками за перила, чтобы не упасть. Въ глазахъ темнѣло, сердце стучало. Тяжелое предчувствіе охватило ее. Она не рѣшалась звонить. Прежде онъ услышалъ бы самое біеніе ея сердца, ея тихое дыханіе, да и она, уже поднимаясь чувствовала его присутствіе за дверьми. Все то, о чемъ она такъ трогательно и красиво мечтала, куда то ушло и въ головѣ была страшная пустота.

Робко, маленькимъ пальчикомъ въ сѣрой пуховой перчаткѣ она притронулась къ пуговкѣ электрическаго звонка. Онъ задребезжалъ, такой сильный и трескучій что она вздрогнула. Саша не слыхалъ этого звонка. Она позвонила опять, условно: — точка, тире, точка. Короткій звонокъ смѣнился длиннымъ, длинный короткимъ. Такъ у нихъ было сговорено звонить, но ей никогда не приходилось пользоваться этимъ сигналомъ. Теперь Саша точно знаетъ, что за дверьми стоитъ его Маруся.

Тяжелые, незнакомые, лѣнивые шаги раздались по прихожей, ключъ повернулся въ двери и передъ Марусей появился солдатъ въ большихъ сапогахъ и красной рубахѣ, заправленной въ рейтузы. Онъ равнодушно посмотрѣлъ на дѣвушку заспанными глазами.

— Вамъ кого? —грубо спросилъ онъ.

— Александръ Николаевичъ, развѣ не дома? — чуть слышно проговорила Маруся. Робкая надежда мелькнула у ней въ мысляхъ, что, можетъ быть, онъ нездоровъ, или экстренно назначенъ въ караулъ и оставилъ ей записку. Солдатъ разочаровалъ ее. Лѣниво почесываясь онъ отвѣтилъ: — «его благородіе въ пятомъ часу уѣхали.

кажись къ невѣстѣ. Наврядъ раньше часовъ двухъ ночи домой будутъ.»

И закрылъ двери.

Маруся не помнила, какъ сошла она съ лѣстницы, какъ бѣжала назадъ темными переулками, избѣгая людного Невскаго проспекта. Пѣшкомъ, изнемогая отъ усталости, промерзшая на морозѣ и вѣтру, она къ девяти часамъ добрела до дома. Отецъ пилъ чай въ столовой. Ей нужно было притвориться оживленной, веселой, занимать разговоромъ. Плохо ей это удавалось. Старый Любовинъ зорко поглядывалъ на нее и, наконецъ, спросилъ ее: — Да что, ты, Маруська, словно не въ себѣ?

— Голова болитъ, папочка, — сказала она.

— Ну иди. Отдыхай. И то вижу — пѣшкомъ бѣжала. Далеко курсы то ваши. Ну, потерпи немного. За то учена будешь.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ и перекрестилъ. Ласка отца ее тронула. Слезы наполнили глаза. Отвернувшись, она тихо вышла изъ столовой и у себя въ комнатѣ бросилась въ постель, зарылась лицомъ въ подушки и погрузилась въ какую то черноту.

Очнувшись, она долго не могла понять, какъ очутилась дома. Стояла на лѣстницѣ въ казармѣ и звонила: точка — тире — точка... — Потомъ ея комната. Въ комнатѣ полусвѣтъ отъ уличнаго фонаря, свѣтящаго сквозь спущенную занавѣску. Тишина въ квартирѣ, тишина и на улицѣ. Проскрипятъ рѣдкіе шаги по снѣгу, примерзшему къ деревянному тротуару, и опять надолго мертвая тишина.

«Все равно.» — Это была ея первая сознательная мысль. Вмѣсто сцены и красивой любви къ прекрасному принцу, мѣщанская свадьба съ Коржиковымъ, устройство семейнаго угла, какая-нибудь мастерская кройки и шитья, подъ руководствомъ тетки. Она уже видѣла вывѣску въ плохомъ, удаленномъ кварталѣ, на двухъэтажномъ деревянномъ коричневомъ домѣ: —

«modes et robes. Madame Marie Korjikoff».*) Большая комната, заваленная матеріями и прикладомъ, дѣвчонки — ученицы и среди нихъ она. Поютъ канарейки на окнахъ, цвѣтетъ герань, жужжитъ муравейникъ дѣвицъ. Чѣмъ не счастье? Лучше чѣмъ у многихъ! Ахъ, не о такомъ счастьи она мечтала. Но она все перенесетъ ради ребенка своего принца и его то она воспитаетъ, какъ принца, ему передастъ всю свою любовь!

Туманнымъ и далекимъ рисовался ей образъ Саблина. Царь со свитой на военномъ полѣ, среди своихъ солдатъ, на прекрасной лошади, императрица, прекрасные, какъ херувимы, юнкера-часовые у палатки, музыка, грохотъ орудій, трогательная молитва барабанщика — все это была сказка. И Нева подъ покровомъ серебряной бѣлой ночи съ игрою курантовъ на крѣпостномъ соборѣ, со страшными мыслями о кровавомъ прошломъ, дворецъ и прекрасный юноша со своими предками и исторіей полка, это тоже все была сказка. Но этотъ сказочный сонъ былъ на яву и оставилъ того, кто родится отъ этой чудесной сказки. Родится герой, человѣкъ дивной красоты и великаго таланта и его она воспитаетъ въ любви къ человѣчеству, потому что нѣтъ у ней ни злобы, ни осужденія, ни упрека противъ его отца. Истинная любовь, ея любовь все пойметъ и все проститъ!..

LX

Въ эту пятницу Саблинъ проснулся со смутнымъ желаніемъ, чтобы она пришла. Сладкія воспоминанія прошлыхъ встрѣчъ томили его и была она ему желанной. Но сейчасъ же всталъ передъ нимъ Любовинъ и вспомнились тѣ оскорбленія, которыя пришлось отъ него снести на глазахъ у возлюбленной. Саблинъ понялъ, что уже не сможетъ онъ подойти къ этой дѣвушкѣ. И самое лучшее — не видаться. Ему показалось, что и она не

*) Моды и платья. Госпожа Марія Коржикова.

придетъ къ нему. Нѣсколько разъ онъ думалъ написать ей. Но что написать? Прежняго тона серьезной бесѣды, откровенно высказываемыхъ мыслей онъ не могъ возвратить. Все мѣшалъ Любовинъ. Казалось, что не она, а онъ будетъ читать его письмо. Если она придетъ, теперь, то придетъ съ братомъ... Саблинъ ловилъ себя на подломъ чувствѣ страха всю эту недѣлю. Онъ боялся встрѣчи съ Любовинымъ, потому что зналъ, что надо убить, а сможетъ ли онъ убить?.. Хватитъ ли духа?.. А не убилъ его, надо убить самого себя. Придетъ Маруся, — какъ скажетъ онъ ей, что онъ долженъ убить ея брата. Какъ заговоритъ о братѣ, о томъ, что было? Нѣтъ, это невозможно. Она чуткая и она пойметъ и не придетъ къ нему.

Накануне Саблинъ получилъ приглашенiе на пятницу къ Вольфамъ. Надъ нимъ уже трунили, что онъ по пятницамъ нигдѣ не бываетъ, точно мусульманскiй праздникъ справляетъ. Предполагался ранній обѣдъ. Поѣздка на тройкахъ, катанье съ горъ на Крестовскомъ островѣ, чай тамъ и поздно ночью ужинъ у Вольфовъ. День манилъ цѣлой вереницей удовольствiй. Противъ него въ саняхъ будетъ улыбающееся розовое отъ мороза лицо Вѣры Константиновны, ея бѣлая горностаевая шапочка и бѣлая вуаль, ея бѣлая шубка изъ горностаеваго мѣха и бѣлые высокiе ботики. Настоящая Снѣгурка! Онъ услышитъ ея радостные вскрики, когда полетитъ съ нею на санкахъ съ крутыхъ Крестовскихъ горъ, онъ будетъ щеголять передъ нею своимъ молодечествомъ и умѣньемъ управлять санями. -Какъ хорошо!

Отъ стѣнъ его спальни вѣяло тоской. Въ кабинетѣ предки хмуро смотрѣли въ утреннихъ сумеркахъ. Вся квартира казалась невыносимой. Саблинъ ушелъ на занятія, съ занятiй въ артель, тамъ, послѣ завтрака игралъ на бильярдѣ, послалъ на квартиру за новымъ вицъ-мундиромъ, переодѣлся въ собранiи и, свѣжiй и чистый, въ пять часовъ былъ у Вольфовъ.

День прошелъ въ непрерывной близости къ баронессѣ Вѣрѣ и она казалась такой неземной и прекрасной,

что Саблинъ думалъ, что никогда бы онъ не посмѣлъ сдѣлать ей предложеніе. Все было хорошо. Катанье на тройкахъ, горы, гдѣ она весело и звонко кричала отъ восторга, хороша была баронесса Софья, хорошъ ея мужъ, хороша старая баронесса и старый баронъ, мрачно курившій сигары, платившій за все и говорившій что-то по-нѣмецки, надъ чѣмъ смѣялись обѣ его дочери.

Саблинъ вернулся домой только въ четвертомъ часу утра. Денщикъ, раздѣвая его, доложилъ, что вечеромъ къ нему звонила и спрашивала его какая-то барышня.

— Что же ты сказалъ?

— Сказалъ, что дома нѣтъ и до поздна не будете.

— Она была одна?

— Совсѣмъ однѣ-съ.

— Ладно, — сказалъ Саблинъ, — можешь идти.

«Маруся была», — подумалъ онъ. — «Зачѣмъ?.. Развѣ не поняла она, что ея братецъ своимъ дикимъ вторженіемъ прикончилъ все и больше ничего не будетъ»... Было досадно, мучительно и стыдно. Но Саблинъ поборолъ себя. Онъ былъ такъ счастливъ, такъ утомленъ морознымъ воздухомъ, только что пережитымъ возбужденіемъ, виномъ и близостью прелестной дѣвушки, что ему было не до борьбы съ совѣстью, онъ зарылся въ одѣяло и заснулъ... Что кончено, то кончено.

Утромъ онъ пошелъ въ эскадронъ съ твердымъ намѣреніемъ послѣ занятій написать Марусѣ и коротко объяснить, что не онъ, а ея братецъ и она сама виноваты въ томъ, что онъ принужденъ прекратить знакомство, что онъ готовъ, конечно, дать отчетъ во всемъ, въ чемъ онъ виноватъ передъ нею...

Но написать это письмо ему не пришлось.

Въ эскадронѣ Грищенко отозвалъ его въ сторону и сказалъ: — послѣ занятій, Саша, пойдемъ къ князю Рѣпнину. Онъ хочетъ поговорить съ тобою.

— О чемъ?

— Не знаю, милый другъ. Пойдемъ вмѣстѣ.

Мучительно долго тянулись занятія. Дѣлали шашечные пріемы, маршировали по коридору, то по одному,

го рядами, отбивали твердый тяжелый шагъ, потомъ сняли амуницію, дѣлали гимнастику, становились на носки и присѣдали, ворочали головами, выбрасывали руки впередъ, въ стороны, вверхъ и внизъ. Методично раздавались команды и поясненія унтеръ-офицеровъ.

— Выпадъ поперемѣнно съ правой и лѣвой ноги! Мотри: выпадай стремительно и чтобы носокъ прямо былъ, а остающейся ноги по фронту. Кулаки у грудь, по командѣ — разъ!

— Дѣла-ай — разъ!

Длинныя шеренги солдатъ съ красными лицами и выпученными глазами казались дикими.

— Дѣла-ай — два!

Люди выпадали впередъ, и унтеръ-офицеры начинали обходить и поправлять правильность стойки.

— Пальцы прямые. Назаринъ!.. вольноопредѣляющій Пенскій, разверни носокъ вотъ такъ и не шатайся.

Въ углу, сбившись въ кучу, стояли и курили офицеры. Розовый Ротбекъ разсказывалъ новый очередной анекдотъ, который всѣ знали. Мацневъ, притворяясь больнымъ, куталъ свое горло поверхъ воротника мундира въ шолковое кашнэ. Гриценко то стоялъ съ ними, то похаживалъ по эскадрону. Предстоящій визитъ къ Рѣпнину видимо и его заботилъ. Занимался одинъ поручикъ Фетисовъ, стоявшій посерединѣ фронта съ часами въ рукахъ и громко командовавшій всѣмъ унтеръ-офицерамъ.

— Кончать пассивную!.. По снарядамъ!.. Болотусвъ на кобылу, Ермиловъ на шведскую лѣстницу, Брандтъ на брусья, Лохальскій на наклонную лѣстницу.

Люди разбѣжались по гимнастическимъ снарядамъ и начали упражняться на нихъ. Зимнее солнце покрывало миріадами искръ красивые узоры, что расцвѣтилъ по окнамъ морозъ. Пальмовые лѣса, утесы, бездны, звѣздное небо — все было нарисовано на стеклахъ коридора казармъ. Изъ столовой пахло жирными щами и кашей. Дежурный уже рѣзалъ мясныя порціи.

Коридоръ гудѣлъ и сотрясался отъ прыжковъ и бѣга рослыхъ людей.

— Руки подавай больше впередъ. Садись на мягкія лапы, — слышались голоса унтеръ-офицеровъ.

Фетисовъ скинулъ сюртукъ и въ рубахѣ съ подтяжками и черномъ съ полукруглымъ языкомъ галстухѣ легко побѣжалъ къ офицерамъ.

— Ну, молодежь, господа корнеты!.. Примѣръ людямъ!.. — крикнулъ онъ.

Черный ловкій Гриценко оживился. Онъ тоже снялъ сюртукъ. Саблинъ и Ротбекъ сняли шашки и разстегнулись.

— Болотуевъ, — задорно крикнулъ Гриценко, — подымай выше, на послѣднюю!

Обитое кожей бревно, называемое кобылой, поднялось на сажень надъ землей. Болотуевъ тщательно провѣрилъ трамплинъ. Эскадронъ затихъ.

— Готово, ваше высокоблагородіе, — крикнулъ Болотуевъ, становясь за кожанымъ матрацомъ, чтобы поддержать офицеровъ послѣ прыжка.

Гриценко разбѣжался, оттолкнулся тонкими въ крѣпкихъ мускулахъ ногами о трамплинъ, едва коснулся кобылы руками и ловко перелетѣлъ на матрасъ.

— Видалъ миндалъ? — торжествующе сказалъ онъ ставшему рядомъ съ кобылой Мацневу.

За нимъ такъ же ловко перелетѣлъ черезъ кобылу отличный фронтовикъ, коренастый и простоватый Фетисовъ. Ротбекъ, котораго Саблинъ пустилъ впереди себя, застрялъ на кобылѣ, не смогши перепрыгнуть.

— Сиди такъ, Пикъ, — звонко, возбужденный собственной удалью, крикнулъ Саблинъ, — да голову нагни.

И Саблинъ, разбѣжавшись, такъ оттолкнулся о трамплинъ, что звонко щелкнули доски и перелетѣлъ и черезъ кобылу и черезъ пригнувшагося на ней кулькомъ Ротбека.

— Ишь ты ловко какъ. Саша нашъ! — шептали солдаты. — Ловчѣй его нѣту въ полку... Емнастъ!...

— Ну унтеръ-офицеры, становись, — крикнулъ Гриценко.

— Опустить надо-ть! — сказалъ вахмистръ.

— Нѣтъ, пускай такъ, — сказалъ Фетисовъ.

Толстый Иванъ Карповичъ солидно разбѣжался на крѣпкихъ ногахъ, отчетливо оттолкнулся и, несмотря на всю свою массивность, легко перелетѣлъ черезъ кобылу и грузно шлепнулся ногами на кожаную подушку. За нимъ побѣжали унтеръ-офицеры.

Далеко не всѣ могли взять эту высоту и кобылу опустили на одно дѣленіе ниже.

Прыжками закончили занятія. Гриценко, не одѣваясь, въ красной шелковой рубахѣ, пошелъ на кухню. Бравый дежурный отрапортовалъ ему. Поваръ въ бѣломъ передникѣ наливалъ въ спеціальную чашку пробу. Офицеры, кромѣ Мацнева, пошли за своимъ эскадроннымъ. Солдаты собирались по столамъ.

Гриценко, перекрестившись, взялъ чистую деревянную ложку и тщательно подувъ на щи сталъ пробовать. Фетисовъ, Саблинъ и Ротбекъ взяли ложки у солдатъ.

— Славныя щи. А вотъ каша что то у тебя, другъ, мало упрѣла, — беря за ухо кашевара, сказалъ Гриценко. — Поздно заложилъ, что ли. А?

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе, — сказалъ кашеваръ.

Но каша только казалась такою. Вся въ салѣ, разсыпчатая, коричнево-красная, она была мягка и нѣжна.

— Нѣтъ, — сказалъ Гриценко, — и каша хороша. Спасибо, молодецъ, — и онъ ласково потрепалъ ухо кашевара. — Пѣть молитву! — сказалъ онъ, надѣвая сюртукъ и шашку и направляясь къ выходу.

Саблинъ шелъ за нимъ. Онъ былъ полонъ возбужденія гимнастики, общенія съ рослыми, прекрасными людьми, влюбленными, какъ казалось ему, въ него за его лихость и молодечество. На лѣстницу доносилось стройное пѣніе.

И исполняеши всякое животное благоволеніе...—слышалъ онъ и любилъ, любилъ полкъ, чувствуя, что онъ

съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое.

— А не достаетъ Любовинскаго голоса, — сказалъ Фетисовъ. — Молитва не та.

Эти слова, какъ ножомъ, рѣзнули по сердцу Саблина. Онъ задохнулся на ходу и долженъ былъ пріостановиться.

Гриценко замѣтилъ это.

— Ничего, друже, — ласково сказалъ онъ. — Перемелется — мука будетъ. Зайдемъ за пальто, да и къ князю. Завтракать будемъ послѣ.

LXI

У князя Рѣпнина былъ Степочка. Саблинъ узналъ его короткое, поношенное, безъ вензелей на полковничьихъ погонахъ пальто и успокоился. Если Степочка тутъ, значитъ, есть и ходатай и заступникъ; да какъ видно и Гриценко былъ на его сторонѣ.

Изъ кабинета слышался хриповатый смѣхъ князя. Онъ разсказывалъ о чемъ то веселомъ Степочкѣ. Денщикъ въ ливрейной курткѣ доложилъ о нихъ и ихъ сейчасъ же попросили войти. При ихъ входѣ князь и Степочка встали съ креселъ, бросили папиросы, и князь принялъ оффиціальный видъ. По то, что онъ, обращаясь къ Саблину, не назвалъ его по чину, а по имени и отчеству — показало Саблину, что ему не предстоитъ ничего опаснаго и онъ ободрился.

— Садись, Павелъ Ивановичъ, садитесь Александръ Николаевичъ, — сказалъ Рѣпнинъ, указывая Гриценкѣ диванъ, а Саблину стулъ подлѣ громаднаго письменнаго стола.

Всѣ сѣли. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Рѣпнинъ внимательно, острымъ взглядомъ умныхъ глазъ смотрѣлъ въ глаза Саблину, будто хотѣлъ прочитать, что дѣлается на душѣ у него. Степочка, сидѣвшій на диванѣ, нагнулся къ столу и нервно барабанилъ толстыми короткими пальцами по серебряной крышкѣ бювара.

Гриценко сидѣлъ, откинувшись, и смотрѣлъ по сторонамъ.

— Александръ Николаевичъ, — началъ, наконецъ, Рѣпнинъ. — Недѣлю тому назадъ у насъ въ полку случилось загадочное происшествіе. При особыхъ обстоятельствахъ бѣжалъ изъ полка рядовой 2-го эскадрона Любовинъ. Мнѣ кажется, что вы одинъ можете немного распутать тайну этого случая. Всѣ поиски сыскной полиціи остались безъ результата. Ни живого, ни мертваго Любовина нигдѣ не нашли. Ни одинъ солдатъ безъ надлежащаго документа не выѣхалъ за эти дни изъ Петербурга. Мы рѣшили пригласить васъ, чтобы въ частной, дружеской бесѣдѣ спросить васъ, что можете вы сказать по этому дѣлу,

Саблинъ не сразу отвѣтилъ. Бѣшено колотилось сердце, ноги обмякли и мурашки бѣгали по спинѣ. Онъ собралъ всю силу воли и спокойно сказалъ:

— Все то, что я знаю, князь, я изложилъ въ рапортѣ командиру полка и больше я ничего не могу прибавить.

— Я не спрашивалъ бы васъ, — сказалъ Рѣпнинъ, — и не допытывалъ бы ни о чемъ, если бы, къ сожалѣнію, это, можетъ быть, и очень простое дѣло не получило нѣкоторой огласки. Какъ ни великъ Петербургъ, но, въ концѣ-концовъ, онъ мало отличается отъ провинціальнаго города. Эта исторія на языкахъ у свѣтскихъ кумушекъ. Имя бѣглаго солдата связываютъ съ вашимъ именемъ и, согласитесь, что это нехорошо для васъ и нехорошо для полка.

— Что я могу еще сказать, когда я ничего не знаю, — съ достоинствомъ сказалъ Саблинъ.

Рѣпнинъ внимательно посмотрѣлъ на Саблина и подъ острымъ взглядомъ его стальныхъ глазъ Саблинъ потупился.

— Скажите, тутъ не замѣшана женщина? — спросилъ Рѣпнинъ.

— Нѣтъ, — глухо сказалъ Саблинъ и мучительно до корней волосъ покраснѣлъ.

— Николай Михайловичъ, — хриплымъ голосомъ

сказалъ Степочка, — зачѣмъ это спрашивать? Развѣ можетъ сказать кому бы то ни было офицеръ, если у него была интрига съ порядочной женщиной.

— Я это понимаю, — серьезно сказалъ Рѣпнинъ. — я это понимаю. Но тутъ, Александръ Николаевичъ, есть особое обстоятельство, которое меня поразило и заставило вызвать васъ. Дежурному по полку вы говорили тогда, что ждали одну особу и она обманула васъ и не пришла... Такъ кажется?

— Да. Я не отрицаю этого, — сказалъ тихо Саблинъ.

— Кто эта особа?

— Я не назову ее.

— Мы и не настаиваемъ, — сказалъ Степочка, усиленно барабаня пальцами по бювару.

Рѣпнинъ молчалъ. Въ кабинетѣ наступила тишина. Черезъ двѣ комнаты на рояли играли гаммы дочери Рѣпнина и однообразные звуки, заглушенные рядомъ дверей съ портьерами лились, нагоняя тоску.

— Александръ Николаевичъ, — сказалъ Рѣпнинъ, поднимая сухую породистую голову, — нынѣшнимъ лѣтомъ вы брали на зарю съ церемоніей билетъ для Маріи Любовиной?

Вопросъ былъ такимъ неожиданнымъ, что Саблинъ вздрогнулъ и снова ноги его стали мягкими и слабыми и онъ поблѣднѣлъ. «Знаетъ», подумалъ онъ. «Знаетъ все и только гоняетъ меня и заставляетъ самого сознаться. Ну что же? Разсказать всю правду. Сказать чистосердечно, что было. Что пришелъ Любовинъ и, мстя за честь сестры, назвалъ его сволочью и мерзавцемъ, а потомъ стрѣлялъ и промахнулся. Сказать, что изъ подлой трусости онъ лгалъ всѣ эти дни, лгалъ самому себѣ и боялся возвращенія Любовина. Онъ это скажетъ. А дальше что? Есть только одинъ честный, не марающій полка, не поднимающій исторіи выходъ. Князь Рѣпнинъ тогда встанетъ, достанетъ заряженный револьверъ, положитъ его на столъ передъ Саблинымъ и скажетъ: «корнетъ Саблинъ, у васъ есть одно средство реабилитировать себя и охранить честь мундира. Я даю вамъ полчаса

на размышленіе». Послѣ этого онъ, Степочка и Гриценко выйдутъ изъ кабинета и оставятъ его одного на полчаса. Саблинъ зналъ, что въ ихъ кругу подобный случай уже былъ. Не такъ давно одинъ изъ членовъ знатной семьи укралъ бриллiанты своей содержанки и заложилъ ихъ. Младшій братъ выкупилъ бриллiанты, но дѣло стало извѣстнымъ и тогда младшій братъ призвалъ старшаго къ себѣ, положилъ передъ нимъ револьверъ и сказалъ: — «ты офицеръ и знаешь, что нужно дѣлать. Это постановленіе нашей семьи». Старшій братъ застрѣлился. Объ этомъ много говорили въ свѣтѣ. Жалѣли самоубійцу, но всѣ оправдывали младшаго брата и говорили, что онъ поступилъ, какъ молодчина и герой. Такимъ же героемъ будетъ князь Рѣпнинъ, когда дастъ застрѣлиться у себя въ кабинетѣ... А если бы исторія того офицера не получила огласки, если бы его содержанка молчала, далъ ли бы младшій братъ револьверъ старшему? Исторія тогда исторія, когда о ней говорятъ, но когда тайна соблюдена, исторіи нѣтъ. Саблинъ поднялъ глаза на Рѣпнина. Онъ ожидалъ встрѣтить холодный, безстрастный, стальной взглядъ, полный презрѣнія, горделиво требующій смерти. Но онъ увидалъ, что князь смотритъ на него съ любовью и сожалѣніемъ. Небывалая мягкость была въ сѣрыхъ глазахъ. Онъ терпѣливо ждалъ отвѣта и хотѣлъ, чтобы отвѣтъ былъ благопріятный для Саблина.

— Я смутно помню это, — сказалъ Саблинъ, не глядя въ глаза Рѣпнину. — Да, дѣйствительно, я просилъ билетъ... Любовинъ что то говорилъ мнѣ о своей... старухѣ матери... Или о комъ... не помню хорошо... Мы тогда пѣли вмѣстѣ... Я увлекался его голосомъ... Мнѣ хотѣлось исполнить его просьбу... Да, что то такое было.

Рѣпнинъ опустилъ глаза. Ему было стыдно за Саблина. Теперь онъ видѣлъ и понималъ всю правду.... Саблинъ лгалъ... Исторія была съ Любовиной... Кто она? Жена, сестра — это все равно, но тутъ была женщина, которая встала между ними и изъ-за которой солдатъ стрѣлялъ въ офицера, а офицеръ смолчалъ. Но что

онъ могъ сдѣлать?.. Только умереть... Рѣпнинъ посмотрѣлъ на Саблина. Онъ любилъ этого офицера, гордость и украшеніе полка... онъ зналъ сокровенные помыслы своей жены, княгини, женить его на Вѣрѣ Вольфъ... Неужели онъ погубитъ?!

Гаммы незатѣйливыя, скучныя лились за двумя стѣнами, останавливались и начинались снова. Онѣ говорили о милыхъ дѣвочкахъ въ короткихъ платьяхъ, о простотѣ и наивности. Рѣпнину пришла въ голову та же мысль, что и Саблину, что исходъ одинъ: — дать револьверъ. Удаленіе изъ полка не кончило бы исторіи, но разогрѣло бы ее. Оно набросило бы тѣнь и на самый полкъ. Но подписать смертный приговоръ онъ не могъ. Эти гаммы, разыгрываемыя дѣтскими руками, ему мѣшали. Онѣ говорили о молодой, начинающейся жизни. И въ эти минуты вырвать Саблина изъ жизни Рѣпнинъ не могъ. Онъ ждалъ помощи отъ судей. Гриценко понялъ его душевное состояніе.

— Я одного не понимаю, князь, — сказалъ онъ, — отчего такъ много шума изъ-за этой исторіи. Я два года знаю Любовина. Самый скверный солдатъ въ эскадронѣ. Экзальтированный интеллигентъ... едва ли не соціалистъ. Онъ почти сумасшедшій. Вся эта глупость могла быть или просто истеричной выходкой, или сквернымъ шантажомъ. Копаться въ ней — это лить воду на мельницу Любовина, поддерживать имъ затѣянную гнусность.

— Вѣрно, Павелъ Ивановичъ, — сказалъ Рѣпнинъ, — но разговоры уже идутъ. Я не знаю, кто пустилъ эти слухи, но меня третьяго дня спрашивалъ Великій Князь, правда ли, что бѣжавшій солдатъ стрѣлялъ въ офицера.

— Что такое? что такое? — вмѣшался Степочка, который вдругъ оживился. — Поговорятъ и бросятъ. Надо, чтобы все это позабылось. Любовина нѣтъ, да хоть и былъ бы — съ сумасшедшими не считаются, а Александра Николаевича надо на нѣкоторое время отправить въ отпускъ, пусть провѣтрится, освѣжится, а глав-

нос, исчезнетъ съ Петербургскаго горизонта и уйдетъ изъ сферы сплетенъ.

Рѣпнинъ облегченно вздохнулъ. Такой выходъ казался ему самымъ удобнымъ и пріемлемымъ.

— Павелъ Ивановичъ, ты какъ на это смотришь? спросилъ онъ.

— Ну, конечно, это отлично, а если вернется Любовинъ, я его въ сумасшедшій домъ упрячу.

Саблина не спрашивали.

— Итакъ, господа, я считаю, что вся эта исторія вздоръ. Корнетъ Саблинъ тутъ совершенно не повиненъ. Противъ бѣшеной собаки ничего не предпримешь. Я увѣренъ, господа, что все, что здѣсь у меня говорилось, дальше этихъ стѣнъ не пойдетъ. А теперь, господа, милости прошу отзавтракать со мной. Княгиня насъ ожидаетъ... — поднимаясь со стула сказалъ князь Рѣпнинъ.

Черезъ три дня послѣ этого, Саблинъ уѣхалъ на югъ Россіи путешествовать.

LXII

Коржиковъ былъ точенъ. Онъ, какъ и обѣщалъ, явился въ субботу требовать у Маруси отвѣта.

Онъ боялся только одного, что не застанетъ ее. Но Маруся была дома. Увидавъ ея поблѣднѣвшее, осунувшееся лицо, глаза, окруженные синими пятнами и безнадежно тоскливый взглядъ, которымъ Маруся встрѣтила его, Коржиковъ понялъ, что предположенія его оправдались и Саблинъ не принялъ Марусю. Въ душѣ онъ торжествовалъ. Оправдывалась его теорія о людяхъ, подобныхъ Саблину, о наглыхъ бездушныхъ аристократахъ, пьющихъ народную кровь и достойныхъ только презрѣнія. Но торжество свое Коржиковъ скрылъ. Онъ понималъ, что Маруся любитъ Саблина и что торжество его здѣсь будетъ неумѣстно.

— Марія Михайловна, — сказалъ онъ, входя къ ней безъ приглашенія, — я къ вамъ за отвѣтомъ.

Маруся вздрогнула. Она сидѣла за письменнымъ столомъ и перечитывала старыя прошлогоднія письма Саблина.

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Марія Михайловна, я пришелъ къ вамъ просить вашей руки... Только руки! Сердца я просить не смѣю. Я знаю, что ваше сердце отдано другому.

— Вы знаете, — стискивая зубы и до боли сжимая свои руки, сказала Маруся, — что онъ меня не принялъ... Его не было дома. Онъ поступилъ со мною, какъ съ послѣднею дѣвкой!.. Слышите!.. И послѣ этого вы приходите ко мнѣ?.. Хотите жениться на мнѣ?

— Хорошо, что онъ денегъ вамъ не швырнулъ и за то благодарите, — сказалъ серьезно Коржиковъ и положилъ свою покрытую рыжими волосами блѣдную некрасивую руку на руки Маруси. Онъ сѣлъ на стулъ рядомъ съ нею.

— Марія Михайловна, поговоримъ серьезно. Я къ вамъ приходилъ на прошлой недѣлѣ и теперь пришелъ не для того, чтобы валять дурака. Я все взвѣсилъ и все понялъ. Все понять, это все простить!.. А мнѣ и прощать нечего... Я самъ во всемъ виноватъ... Я виноватъ въ томъ, что толкнулъ васъ на это знакомство. Я переоцѣнилъ ваши и свои, понимаете, свои силы. Я считалъ, что настало время рушить ненавистный народу строй самодержавія... Я зналъ, что на пути лежитъ армія... Я зналъ, что особой системой воспитанія офицеры умѣютъ такъ притуплять мозги простыхъ людей, что тѣ становятся способными убивать своихъ братьевъ. Я хотѣлъ пошатнуть ихъ силу, хотѣлъ развратить офицеровъ. Я избралъ васъ орудіемъ для этого, но вы подпали подъ чары ихъ, подпали подъ власть увлеченія красотой и погибли... Теперь вы видите, что ошибались... Теперь вы понимаете, что скрывается за красотой?

— Красота, — прошептала Маруся.

— Какъ красота? — сказалъ, поглаживая ея руку, Коржиковъ, — и въ томъ, что васъ бросили? И въ порокѣ — красота?

И въ порокѣ красота! Я думала объ этомъ, Өедоръ Өедоровичъ, и пришла къ тому, что Саша иначе поступить не могъ. Ихъ сила въ красотѣ, а красота въ легкости ихъ съ нами. Если бы Саша женился на мнѣ... Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ... Вы понимаете, Өедоръ Өедоровичъ, что тамъ я поняла, что вы неправы, а правы они. Тамъ я поняла, что никогда, слышите, никогда равенства на землѣ не будетъ. Что все, что толкуете вы — неправда. Все утопія. Всегда будетъ бѣлая и черная кость, всегда будутъ капиталисты и рабочіе, господа и рабы!!! Да... понимаете ли вы, Өедоръ Өедоровичъ, что я тамъ пережила, когда я поняла, что онъ — господинъ, а я рабыня — и была счастлива этимъ.

— Это слѣпота любви.

— Нѣтъ, Өедоръ Өедоровичъ. — Мой братъ, Викторъ, оскорбилъ его... и убѣжалъ... И я поняла, что оскорбилъ рабъ, потому что, если бы оскорбилъ господинъ — онъ не убѣжалъ бы.

— Это страхъ несправедливаго закона, Марія Михайловна.

— Өедоръ Өедоровичъ, я все вамъ говорю. Ваша Маруся не та. Она измѣнила не только вамъ, она измѣнила и партіи. Я не люблю Царя и осуждаю монархію, но я ее понимаю. Я согласна съ вами, что дѣленіе людей на Русскихъ, нѣмцевъ, англичанъ, китайцевъ, нелѣпо, что это зоологическія клѣтки, недостойныя людей, но я люблю Россію и Русскихъ больше другихъ... Я люблю... армію!

— Все это пройдетъ. Въ васъ говоритъ не остывшая страсть. Да теперь это и не важно!..

— Нѣтъ, Өедоръ Өедоровичъ, я хотѣла отравить его... и отравилась сама. Въ его ученіи я увидѣла несправедливость, жестокость, кровь... но и красоту, равной которой нѣтъ въ мірѣ!.. А у насъ все сѣро и блѣдно, вмѣсто крови потъ и гной, вмѣсто широкихъ порывовъ — скучное прозябаніе.

— Марiя Михайловна, и это я хорошо понимаю. И это пройдетъ.

— Вы понимаете, Өедоръ Өедоровичъ... Вы говорите только, что понимаете. Нѣтъ, ничего то вы не понимаете и никогда не поймете. У меня не было Бога — я теперь вижу, что Богъ есть.

— Мстительный, жестокiй, несправедливый Богъ!

— Нѣтъ, — горячо сказала Маруся, — только непонятный и невѣдомый. Я шла вчера мимо часовни, гдѣ стояла икона Божiей матери и теплились сотни свѣчекъ и я подумала, если столько людей вѣритъ, отчего я не вѣрю? Я поняла, что только оттуда идетъ благость и прощенiе.

— Ерунда, Марiя Михайловна... Нервы... Болѣзнь.

— Вы простите, — сказала Маруся и внимательно посмотрѣла въ глаза Коржикову. — Нѣтъ, никогда вы не простите и не забудете.

— Я повторяю вамъ, мнѣ нечего прощать... Я не осуждаю васъ... Я понимаю васъ.

— Все ли вы понимаете?.. Вотъ родится у меня онъ, и вы знаете, что я скажу ему?

Маруся долго молча и внимательно смотрѣла въ глаза Коржикова, смотрѣла въ самую душу его и, наконецъ, почти шопотомъ умиленно сказала:

— Есть Богъ!.. Вотъ, что я скажу ему!.. Я буду воспитывать его въ любви къ Россiи и преданности Государю... Что же, Өедоръ Өедоровичъ, вы скажете?

Но только онъ хотѣлъ что то сказать, она, какъ ребенокъ, протянула ладонь къ его рту и сказала: — Погодите. Ничего не говорите, я сама узнаю вашъ отвѣтъ.

— Что вы за человѣкъ, Өедоръ Өедоровичъ! — тихо проговорила она. — Можетъ быть вы святой человѣкъ?.. Можетъ быть то, что вы проповѣдуете искренно?.. Душа то ваша хороша!.. Вижу я ее!.. Какая чистая, прекрасная душа у васъ! Съ такою душою на муки идутъ и пѣсни поютъ. Вотъ и вы на муки со мною идти собираетесь и пѣсни поете... А вы знаете, — вотъ и хороши вы и нравственно чисты вы, а все-таки никогда васъ не

полюблю. Всегда, понимаете, всегда буду вѣрна ему.

Маруся встала и достала изъ ящика комода фотографическую карточку Саблина.

— Вотъ видите — это его карточка. И надпись на ней: — «моей ненаглядной Марусѣ». Это онъ тогда далъ. теперь онъ не принялъ меня, прогналъ. А я цѣлую его... Что же!.. принимайте муки!.. Смотрите! А! Ну что же, страдаете!.. Нѣтъ, вы счастливы... Вы улыбаетесь!.. Смѣетесь... Вы безумецъ!!.. Вы... сладострастникъ!!!... Нѣтъ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, откройтесь!.. Кто же вы?!

— Я то, — смѣясь сказалъ Корженковъ, — я старый опытный студентъ, я мужчина безъ предразсудковъ съ закаленной волею и сильнымъ сердцемъ, а вы — маленькая дѣвочка, цѣлующая куклу... Что же къ куклѣ я буду ревновать васъ?.. Ерунда!.. Вздоръ!.. Сапоги въ смятку все это!.. И красота, и Богъ, и царь и ваша любовь — это сонъ. Это грезы дѣтства, нянина сказка. Вотъ вырастете вы и ничего не останется.

— И выросту, а васъ не полюблю, — злобно сказала Маруся. — Именно потому, что вы такой хорошій я васъ и не буду и не желаю любить... Е г о буду любить, а в а с ъ никогда... Поняли?

— Марія Михайловна, намъ надо кончить нашъ разговоръ. Онъ чисто дѣловой и сердца вашего не касается. Все то, что вы говорили — это отъ сердца, отъ вашего состоянія, отъ нервовъ. И это не важно. Объ этомъ мы поговоримъ когда-нибудь послѣ. А теперь, сейчасъ придетъ вашъ отецъ и вы позволите мнѣ просить у него вашей руки. Вашъ отецъ старой школы человѣкъ. Онъ не пойметъ ни вашего бреда, ни моихъ философствованій. Ему надо прямо и по формѣ... Въ церковь... подъ вѣнецъ... и только.

— Вы все свое, — перебила его Маруся. — Даже и теперь.

— Особенно теперь, видя ваше состояніе. Если этотъ вздоръ будетъ говорить моя жена, — это пустяки, но если это будетъ говорить дѣвушка — это не хорошо.

— Для улицы не хорошо.

— Да, для улицы.

— Вы считаетесь съ улицей, вы боитесь улицы, — насмѣшливо сказала Маруся.

— Я ни съ кѣмъ не считаюсь и никого не боюсь, тѣмъ же васъ не боюсь, — сказалъ Коржиковъ, — но я не хочу лишней и новой драмы, которую можно простымъ актомъ избѣжать. Для меня свадебный обрядъ ничто, а для вашего отца — это избѣгать катастрофы. Съ него и того достаточно, что [illegible]. Не добивайте его. Мы обвѣнчаемся [illegible]. Живите у вашего отца въ этой самой комнатѣ, я останусь у себя — подъ предлогомъ занятій и недостатка средствъ устроиться какъ слѣдуетъ. За это насъ не осудятъ.

— Но вы будете связаны бракомъ на всю жизнь.

— Это не важно. Повѣрьте, если я полюблю, то лишь такую дѣвушку, которая презираетъ всѣ эти обычаи и пойдетъ ко мнѣ и невѣнчанная. И васъ я люблю именно за то, что говорите вы одно, а поступаете по иному. Говорите о Богѣ, о Царѣ, о Россіи... а отдались мнѣ безсовѣстно, очертя голову любви и страсти, и забыли о Богѣ и навѣрно не думали ни о Царѣ, ни о Россіи... Если закрутитъ васъ еще, — и Богъ съ вами... Понадобится разводъ и его вамъ дамъ... Я смотрю на любовь шире, чѣмъ вы. Ну и довольно. Вотъ идетъ по улицѣ вашъ отецъ, я сейчасъ буду говорить съ нимъ... Вы подтвердите мои слова своимъ согласіемъ?

Маруся задыхалась отъ слезъ.

LXIII

Въ прихожей послышалось покашливаніе стараго Любовина. Онъ уже давно недомогалъ. Кашель былъ странный, внутренній, но пойти къ доктору, [illegible]. Любовинъ не хотѣлъ. Онъ поставилъ въ уголъ суковатую самодѣльную палку, снялъ пальто на [illegible] и, когда вѣшалъ его, увидалъ рыжее пальто Коржикова и поморщился.

Кратокъ и тяжелъ былъ разговоръ стараго Любовина съ Коржиковымъ.

Θедору-то Θедоровичу это было «не важно», но бѣдная Маруся еле держалась. Она видѣла, какъ не любилъ отецъ Коржикова, она чувствовала, что отецъ догадывается о ея положеніи и было ужасно то, что онъ думаетъ, что виновникомъ ея паденія — неопрятный рыжій Коржиковъ. И Коржиковъ, хотя и повторялъ на слабыя возраженія Любовина, свое любимое: — «это не важно», — былъ, видимо, смущенъ. Онъ какъ будто даже не ждалъ, что онъ до такой степени непріятенъ Любовину.

— Сына дезертиромъ сдѣлалъ, — съ горечью сказалъ старикъ, — теперь...

И не договорилъ.

Слеза упала съ сѣрыхъ, выцвѣтшихъ глазъ, покатилась по щекѣ и чернымъ пятномъ расплылась по синей рабочей блузѣ.

Эта слеза доканала Марусю. Она показала ей, какъ сталъ слабъ ея отецъ. Она показала ей, что положеніе ея, не прикрытое бракомъ, убьетъ ея отца.

И ей стало жаль старика. Она поняла, что Θедоръ Θедоровичъ правъ: — свадьба нужна! Она бросилась на колѣни передъ отцомъ, обняла его ноги, и цѣлуя руки, безсвязно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что говоритъ, повторяла:

— Папочка... Милый папочка... Прости!.. Папочка... благослови... Пожалѣй, милый папочка!

Тяжело налегла на ея темя сухая костлявая рука отца. Впилась тонкими, крѣпкими пальцами въ темные волосы Маруси, потонула въ ихъ гущѣ. У Маруси потемнѣло въ глазахъ. Какъ въ туманѣ она видѣла, что тряслись передъ нею ноги стараго ея отца, какъ изъ гробовой глубины могилы слышала глухой, будто чужой, незнакомый голосъ:

— Я то... что?!.. Я то по человѣчеству... по слабости прощу. Маруська... Богъ-то... Богъ-то, Маруся, не проститъ... Покараетъ Господь насъ обоихъ... Забыла

ты Бога со своими науками... А Богъ — Онъ все видитъ... Все...

— Ну, это не ва-ажно! — протянулъ Коржиковъ.

Старый Любовинъ его не слыхалъ, и хорошо, что не слыхалъ.

Это слово разстроило бы все... Если-бы услышалъ его — проклялъ-бы и Марусю и его, рыжаго смутьяна, Любовинъ...

Да... Невеселая это была свадьба, несмотря на весь фабричный шумъ и блескъ, несмотря на то, что лучшій слободской гармонистъ игралъ на ней разные танцы. На ней были фабричныя дѣвушки и не было подругъ Маруси: — Мартовой и другихъ. Маруся отрывалась отъ того міра, котораго коснулась и пріобщилась черезъ гимназію и курсы. Она безконечно удалялась отъ Саблина.

Такъ было лучше.

Она ждала отъ него ребенка и вся сосредоточилась въ материнствѣ. Она мечтала, какъ воспитаетъ его въ вѣрѣ въ Бога, въ любви къ Государю и Родинѣ. Чтобы онъ, — кто бы ни былъ: — мальчикъ или дѣвочка, — былъ такой, какъ ея Саша Саблинъ:

— Маленькій принцъ!

LXIV

Саблину казалось, что это судьба, невидимыя силы, его Ангелъ Хранитель, устраиваютъ все такъ, чтобы баловать его и давать ему одни радости и наслажденія. Ему и въ голову не приходило, что Петербургскій свѣтъ вмѣшался въ его сердечныя дѣла, и княгиня Рѣпнина рѣшила, что молодца пора женить. Она переговорила со своею старою пріятельницей, баронессой Вольфъ, и та согласилась помогать свадьбѣ Саблина со своей дочерью. Баронъ собирался присмотрѣть себѣ участокъ земли на Кавказѣ, «гдѣ апельсины зрѣютъ», и было рѣшено, что онъ со всею семьею поѣдетъ на весну въ Батумъ. Исторія Саблина ускорила ихъ отъѣздъ, все было ловко под-

строено. Княгиня Рѣпнина дала письмо къ своему троюродному брату, губернатору, на Кавказъ, и, несмотря на то, что гораздо проще было отправить это письмо по почтѣ заказнымъ, она просила Саблина лично передать его въ Новороссійскѣ.

Саблинъ не зналъ, куда онъ поѣдетъ. Письмо княгини толкнуло его ѣхать въ Новороссійскъ, и онъ и не подозрѣвалъ, что въ этомъ письмѣ онъ везъ и весь свой дальнѣйшій маршрутъ и свою судьбу. Ему это казалось случайнымъ фатумомъ, а все было устроено съ математической точностью расчетомъ княгини Рѣпниной и баронессой Вольфъ, считавшей, что Саша Саблинъ хорошая партія для Вѣры.

Губернаторъ, которому Саблинъ лично передалъ письмо, принялъ его сухо. Онъ былъ занятъ и озабоченъ. Губернія только что образовалась, городъ былъ въ стройкѣ, губернаторскій домъ не отдѣланъ. Пріѣздъ молодого красавца гвардейца съ письмомъ отъ властной и вліятельной княгини Рѣпниной былъ подозрителенъ. Губернаторъ боялся, что его будутъ просить о протекціи, о мѣстѣ, а ему красивыхъ бездѣльниковъ, выгнанныхъ изъ гвардіи, было совсѣмъ не нужно. Онъ, не спрашивая извиненія, дѣловымъ жестомъ вскрылъ письмо, но, когда ознакомился съ его содержаніемъ, сталъ любезенъ и пригласилъ Саблина въ пять часовъ на чашку чая.

— Увидите мѣстное общество, — сказалъ онъ, — можетъ быть и кое-кого изъ знакомыхъ Петербуржцевъ встрѣтите. А когда вернетесь къ очаровательной княгинѣ, скажите ей, что ея просьба всегда для меня законъ.

Губернаторъ поднялся, давая понять Саблину, что ему некогда и что онъ можетъ откланяться.

Чай у губернатора былъ сервированъ въ гостиной и на большомъ балконѣ, откуда открывался видъ на рейдъ, стѣсненный съ обѣихъ сторонъ бѣлыми горами съ покрытыми снѣгомъ зимы вершинами. Море было темносиняго цвѣта, а у берега, въ порту, мутно-зеленое. Синее небо блистало надъ моремъ. Февральское солнце грѣло жарко, мѣстныя дамы были въ лѣтнихъ бѣлыхъ платьяхъ съ

букетами фіалокъ на груди. Общество было большое и разнообразное. Лакеи грузины, одѣтые въ темныя черкески съ бѣлыми газырями, тихо скользили между гостями и разносили на подносахъ чаи и фрукты.

Когда Саблинъ вошелъ въ гостиную и глазами сталъ отыскивать хозяйку дома, съ которой познакомился два часа назадъ на короткомъ визитѣ, онъ услышалъ, какъ знакомый голосъ произнесъ съ милой картавостью:

— Чай съ бананами? Дѣйствительно очаг'овательно.

Онъ посмотрѣлъ въ ту сторону и увидалъ, что это говорила баронесса Вѣра, сидѣвшая съ хозяйкой дома.

Онъ подошелъ къ нимъ.

— Вы знакомы? — спросила губернаторша.

— А какъ же! — радостно воскликнулъ Саблинъ. — Вотъ неожиданная встрѣча! Какими судьбами, Вѣра Константиновна, вы здѣсь?

— Папа пг'іѣхалъ покупать себѣ здѣсь дачу и мы всѣ пг'іѣхали съ нимъ.

— Ну поболтайте, милая Вѣра, я васъ оставлю, мнѣ надо быть любезной съ нашимъ профессоромъ и пѣвцомъ нашего края.

Кругомъ жужжали голоса. Полная красавица гречанка, владѣлица пароходнаго общества, Клеопатра Месаксуди, широко раскрывъ громадные съ поволокой, томные глаза смотрѣла то на Саблина, то на баронессу и точно сравнивала ихъ. Профессоръ, средняго роста, съ живыми глазами и вьющейся бородкой, никогда не знавшей бритвы, въ длинномъ сюртукѣ, широко размахивая руками, громко говорилъ губернаторшѣ.

— Да, Марья Львовна, — вашему мужу дано быть новымъ Язономъ. И золото... золото, извлекать изъ этихъ сѣрыхъ скалъ. Не въ буквальномъ смыслѣ... а золото плодовъ субтропической флоры. Вы получили мои миканы? А какисы? Я надѣюсь, что въ будущемъ году мы уже будемъ въ это время пить чай своихъ Чаквинскихъ плантацій, съ сахаромъ изъ тростниковаго сахара моего сада!

— Вы не поѣдете съ нами? — сказала Вѣра Констан-

тиновна. — Мы завтг'а бег'емъ билеты и послѣзавтра ѣдемъ... Нѣтъ... такъ не говог'ятъ — плывемъ... Павлинъ Серг'гѣевичъ, — обратилась она къ сидящему у балюстрады балкона пожилому морскому офицеру, — какъ говог'ятъ, когда ѣдутъ на паг'оходѣ?

— Идутъ, пришли, — сказалъ морякъ.

— Мы идемъ на паг'оходѣ «великій князь Константинъ» въ Батумъ, чег'езъ Гагг'ы, Сочи, Адлег'ъ и еще что то. Будетъ очень интег'есно. Павлинъ Сег'гѣевичъ пг'ог'очилъ хог'ошую погоду.

— Февраль здѣсь всегда хорошо, — отозвался Павлинъ Сергѣевичъ, — у Чернаго моря только слава плохая, а то самое пріятное море Это не то, что въ Бискайскомъ заливѣ, или Сѣверномъ морѣ, тутъ одно удовольствіе плавать. Вы первый разъ на морѣ?

— Да. Я только видала Финскій заливъ, — сказала Вѣра Константиновна.

— Ну это не море, — снисходительно сказалъ Павлинъ Сергѣевичъ.

— А вашъ отецъ и баронесса здѣсь? — спросилъ Саблинъ.

— Они у губег'натог'а въ кабинетѣ. Папа, вы знаете, такой пунктуальный, онъ хочетъ все знать. Губег'натог'ъ не говог'итъ по-нѣмецки, мама у нихъ пег'еводчицей.

— За золотымъ руномъ ѣдете, баронесса, — сказалъ, подходя къ нимъ съ чашкой чая и печеньемъ въ рукахъ, плотный армянинъ. — Хорошее дѣло дѣлаетъ вашъ папаша. Вы туда пріѣдете, со своими золотыми волосами сами станете золотымъ руномъ. Всѣ аргонавты за вами поплывутъ.

— Колхида — слышался голосъ профессора, — конечно, это Колхида древнихъ и такъ понятно, почему греки устроили здѣсь свои виллы для отдыха. Увидите, Марья Львовна — волшебный край. Тамъ всегда что-нибудь цвѣтетъ... Теперь?.. Теперь мимоза... Азалея начинаетъ цвѣсти... Это самое плохое для цвѣтовъ время февраль, и все-таки волшебный край.

Саблинъ слушалъ обрывки разговоровъ. Его захватывало могучее бiенiе жизни въ новомъ краю. Чувство колониста просыпалось въ немъ. Онъ слышалъ знакомыя имена: — «графъ Витте строится въ Сочи», — говорили подлѣ — «да, тамъ, гдѣ дача Боткина, повыше принца Ольденбургскаго. А вы гдѣ?»

— Я — не знаю право. Колеблюсь между Гаграми и Батумомъ.

— Строïтесь въ Махинджаури, рядомъ со мною.

— Въ Махинджаури пляжъ плохой и сыро. Давайте въ Цихисдзири, тамъ уже отбили участки. Петлинъ...

— Это который?

— Гусаръ. Помните Катю Ракитину?

— Что же для нея?

— И для себя.

«За что мнѣ такое счастье?» — думалъ Саблинъ. — За что, какъ изъ сказочнаго рога изобилiя, сыплется на меня даръ за даромъ? Едва оборвется одно, какъ выступаетъ новое, лучшее. Любовь Китти, пряная и жаркая, потомъ чистая Маруся и вотъ теперь баронесса Вѣра... Золотое руно!.. Что же и онъ помчится за нимъ и станетъ аргонавтомъ.»

На мгновенiе встало въ памяти искаженное злобой блѣдное лицо Любовина.

«Сволочь, мерзавецъ!» — услышалъ онъ оскорбительныя слова.

Но они сейчасъ-же потускнѣли. Полкъ, князь Рѣпнинъ, Грищенко и Степочка заслонили Любовина отъ него. Сердце Саблина налилось горячимъ чувствомъ любви и признательности къ Государю, къ тому строю, что устроилъ онъ, къ полку, гдѣ такъ хорошо живется.

«Какой хорошiй, какой умница Рѣпнинъ», — подумалъ Саблинъ. — «А было время, когда я ненавидѣлъ его!»

LXV

Море было тихое и ласковое. Синiя волны набѣгали

[illegible] черные борта. [illegible] рѣялъ за кормою. Иногда бѣлая пѣна вспыхивала длиннымъ гребешкомъ на вершинѣ волны и катилась съ шелестящимъ шипѣніемъ къ пароходу и, не дойдя до него, разливалась по водѣ и исчезала. Солнце смѣялось. Веселые молодые дельфины стаями прыгали изъ воды, показывали темныя спины и исчезали, чтобы появиться впереди парохода и вспѣнить синюю, сверкающую воду.

Берегъ тянулся съ лѣваго борта. Вплотную подходили къ синему морю горы, обрывались въ него отвѣсными бѣлыми обрывами. Обрывы подпирали долины, поросшія густымъ, [illegible]ымъ лѣсомъ. На вершинахъ лежалъ серебряный снѣгъ. Тамъ угрюмо ходили сѣдыя, косматыя тучи, надвигались на горы, пеленою тумана спускались въ долины, а на водѣ огневыми зайчиками играло яркое солнце, прыгали дельфины, плескали синія волны и было тепло, какъ лѣтомъ.

Чуть-чуть качало. Носъ парохода, украшенный золотыми барельефами, медленно поднимался надъ водою, закрывая [illegible] моря и потомъ уходилъ внизъ, открывая сверкающій горизонтъ. Кое-кого укачало. Саблинъ сидѣлъ на скамейкѣ на кормѣ парохода. Противъ него, полулежа на мягкомъ соломенномъ креслѣ, читала книгу Вѣра.

Вѣтеръ, набѣгая, игралъ прядками золотыхъ волосъ, бросалъ ихъ на глаза, заставлялъ хмурить темныя брови и откидывать волосы назадъ. У Саблина тоже была книга, но онъ давно отложилъ ее въ сторону, отдался красотѣ моря и береговъ и неяснымъ мыслямъ, что навѣвалъ на него мѣрный бѣгъ парохода, плесканіе волнъ и тихая пѣсня теплаго вѣтра. На капитанскомъ мостикѣ каждые полчаса колоколъ отбивалъ склянки, показывая время. Солнце поднималось къ полудню.

— Вы пойдете завтг'акать? — сказала Вѣра Константиновна, откладывая книгу въ сторону.

— Непремѣнно, а вы?

— О, да. Я [illegible]. [illegible]. [illegible] А вы?

— Нѣтъ. Ни капли. [illegible].

— Я бы хотѣла, чтобы [illegible] узнать, что я? Могу вып[illegible]... [illegible] такъ смотг'ите.

— А что?

— Нѣтъ, въ самомъ [illegible]. Я [illegible].

Вѣра Константиновн[illegible].

— Останьтесь, не ух[illegible]. [illegible] ми поговорить.

— Поговог'ить? [illegible] школьники болтаемъ и [illegible].

— Вотъ [illegible], болтаемъ, а [illegible] поговорить серьезно, о жизни.

— О жизни?

— Да. Почему однимъ [illegible] и счастья и жизнь улыбает[illegible], а у другихъ горе, нищета [illegible]..

— Такъ г'одились... А кг'омѣ того, кому много дано, съ того много и взыщется.

— Ну, напримѣръ, какъ же взыщется съ меня?

— Не знаю. Но вѣдь можетъ быть война? [illegible] пг'идется пег'енести стг'аданія [illegible] тѣлесныя. Я думаю, что госудаг'ь васъ, военныхъ, такъ балуетъ [illegible] миг'ное вг'емя именно потому, что онъ знаетъ, сколько тяжелаго пг'едстоитъ вамъ въ случаѣ войны.

— Ну, а если войны не будетъ? [illegible] баловать еще [illegible] офиц[illegible].

— Кто знаетъ будущее? Вотъ [illegible] я. Я [illegible]. Я люблю пг'иг'оду, охоту, мог'[illegible] людей. [illegible] для меня то тепег'ь жизнь вѣчный пг'аздникъ.

Блестящими глазами Вѣра Константиновна посмотрѣла на Саблина. Стало еще теплѣе, еще сладостнѣе отъ взгляда этихъ спокойныхъ синихъ глазъ. Саблинъ заглядѣлся на нее. Она сидѣла, мечтательно откинувъ голову на спинку кресла, и синіе глаза ея отражали синеву неба. Она была женщина, но онъ не видалъ въ [illegible]

женщины и не прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. Она была для него прежде всего баронесса, происходящая по прямой линіи отъ Курляндскихъ герцоговъ. Ея интимная жизнь была полна глубокой тайны. Вольфы занимали четыре каюты рядомъ. Съ ними ѣхала англичанка и, когда вечеромъ, въ присутствіи миссъ Уилькоксъ она говорила ему, жеманно кланяясь и чуть присѣдая по институтской манерѣ: — good night*) и уходила къ себѣ, она уходила въ прекрасную таинственную мглу, куда проникнуть онъ не могъ даже своимъ мысленнымъ взоромъ. Ему вспомнились слова Софьи Константиновны, что любовь интеллигентной женщины, сочетавшейся бракомъ съ равнымъ мужчиной, совсѣмъ не то, что случайная любовь — всѣхъ этихъ «паршивокъ», какъ назвала «женщинъ» баронесса Софья.

— О чемъ вы думаете? — тихо спросилъ Саблинъ.

— О, глупости. И не спг'ашивайте! Я думала о томъ, отчего такъ долго не звонятъ къ завтг'аку?

Это было сказано прозаично. Но Саблину и это показалось прелестнымъ.

Изъ каютъ-компаніи поднялся лакей въ синей курткѣ съ золотыми пуговицами, въ бѣлыхъ штанахъ и зазвонилъ.

— Идемте лапы мыть! — весело закричала Вѣра и легко побѣжала внизъ.

LXVI

Къ вечеру засвѣжѣло. Море къ закату покрылось бѣляками и красное солнце опускалось въ красный туманъ. Немногіе пассажиры толпились на палубѣ, ожидая зеленаго луча, что долженъ быль появиться на небѣ въ тотъ мигъ, когда море покроетъ солнце. Одни видѣли этотъ лучъ, другіе его не примѣтили. И только что солнце скрылось, и послѣдніе лучи еще играли пурпуромъ на

---

*) Покойной ночи.

дробящихся волнахъ, какъ серебромъ на востокѣ заискрились волны, ярко засвѣтилась вечерняя звѣзда и подъ нею появилась луна. Пароходъ зарывался въ волны и опускался въ нихъ грузно, то носомъ, то кормой. Съ шумомъ разлетались серебряныя брызги и трудно было говорить за шипѣніемъ волнъ и свистомъ вѣтра въ стальныхъ вантахъ. Соленыя брызги летѣли на палубу. Пассажиры исчезли. Капитанъ, сжась въ черномъ кожаномъ пальто, ходилъ по мостику, посматривалъ на компасъ и на звѣзды, напѣвалъ что то и изрѣдка заглядывалъ къ рулевому въ рубку.

Саблинъ и Вѣра Константиновна, закутавшись въ одинъ общій громадный пледъ, сидѣли подъ мостикомъ на скамейкѣ, смотрѣли, какъ надъ моремъ торжественно плыла полная луна, и сверкали подъ ея лучами снѣга высокихъ горъ недалекаго берега.

— Вамъ страшно, Вѣра Константиновна? — спросилъ Саблинъ, когда качнуло особенно сильно и нѣсколько разъ волны ударили съ гуломъ по пароходному до шпицу и разлетѣлись съ грознымъ шипѣніемъ.

— Нисчуть. Капитанъ, слышите, ходитъ и поетъ. Значитъ такъ надо. Это мог'е.

— Вы любите море?

— Ужасно. Такъ хог'ошо на мог'ѣ. А вѣтег'ъ какой ласковый и аг'оматный.

— Вамъ не достанется за то, что мы такъ долго сидимъ?

— Отъ кого?.. Всѣ лежатъ и стонутъ... Мама спитъ, миссъ такъ хг'апитъ, что мнѣ совѣстно... Соня плачетъ. А мнѣ только весело.

— И мнѣ тоже.

— Пг'авда, мы молодцы!

— Я удивляюсь на васъ, Вѣра Константиновна.

— Смотг'ите на луну и не удивляйтесь. Я потомокъ г'ыцаг'ей.

— Потомокъ рыцарей и не можете выговорить этого слова.

— Оставьте... Мнѣ за это и въ институтѣ доставалось.
— А вы бы камешки въ ротъ, какъ Периклъ клали.
— И не Пег'иклъ, а Демосѳенъ.
— Хороши, а еще съ шифромъ кончили... Конечно, Периклъ.
— Какъ вамъ не стыдно!.. Вы офицег'ъ... Какъ вы солдатъ учите.
— А вы знаете, кто былъ Сократъ?
— Ну, конечно, знаю. Ученый, философъ. Въ бочкѣ жилъ и днемъ съ фонаг'емъ искалъ человѣка.
— Вотъ и не правда.
— Какъ не пг'авда. Извините, милостивый госудаг'ь, но я никогда не говог'ю непг'авды.
— Сократъ былъ конь 2-го эскадрона, фланговый моего второго взвода.
— Глупости. Вы любите лошадей?
— Очень.
— Какъ зовутъ вашу лошадь?
— Мирабо. Онъ выводной изъ Ирландіи хёнтеръ.
— Я обожаю лошадей. Лучше лошади ничего не можетъ быть. У меня въ имѣніи чистокг'овная Каг'менъ, что за душка! Она меня знаетъ. Я и собакъ люблю. А кошекъ ненавижу и пг'езиг'аю. Онѣ подлыя.
— Какъ вы думаете, на лунѣ есть люди?
— Отчего имъ не быть? Только, я думаю, не такіе какъ мы.
— Говорятъ, на Марсѣ есть люди. Открыли какія то ихъ работы на Марсѣ.
— А гдѣ Маг'съ?
— Не знаю.
— Пойдемте къ капитану. Спросимъ его.
Они говорили глупости. Перескакивали съ предмета на предметъ, смотрѣли на Марсъ, который имъ показалъ толстымъ пальцемъ капитанъ.
Ничего не было сказано особеннаго въ эту ночь, что просидѣли они на палубѣ, но ни Саблинъ, ни Вѣра Константиновна, долго не могли заснуть въ своихъ каютахъ.

Море шумѣло за желѣзными бортами, скрипѣли переборки, гдѣ то хлопала незапертая дверь, занавѣска колыхалась, то надвигаясь въ каюту, то прилипая къ двери, крѣпко спала измученная баронесса Софья, у Саблина попутчикъ стоналъ и пилъ жадными глотками воду съ лимономъ и всякій разъ говорилъ Саблину плачущимъ голосомъ:

— Васъ не укачиваетъ? Счастливецъ! А меня наизнанку выворачиваетъ. Говорятъ въ Сочи заходить не будемъ!

Саблинъ чувствовалъ себя новымъ, чистымъ и свѣжимъ. Сладко и свято мечталъ онъ о баронессѣ и не зналъ, чего хотѣть. Путешествовать по морямъ, скакать по степи на кровныхъ лошадяхъ, танцовать, пѣть ей пѣсни, или мечтательно сидѣть у окна волшебнаго замка, смотрѣть на чудный паркъ, на луну и думать о томъ, есть или нѣтъ на лунѣ люди.

Два дня они шли по морю. Сходили на берегъ въ Еаграхъ и въ Новомъ Аѳонѣ, заходили въ Поти. Три недѣли прожили въ Батумѣ, каждый день ѣздили въ коляскѣ на парѣ бойкихъ кабардинскихъ лошадей по окрестностямъ. Старый баронъ мѣрялъ землю рулеткой, свѣрялъ планы, считалъ деревья, сердился на Вѣру, на Софью, на зятя и на Саблина за то, что они невнимательно переводятъ то, что говорятъ ему грузины, турки и Русскіе, покупалъ растенія, покупалъ камень, цементъ, разговаривалъ съ архитекторомъ, десятскими, каменщиками грузинами, бѣсился, топалъ ногами, бѣгалъ по своему участку, таскалъ Саблина за рукавъ и разсказывалъ ему, что, гдѣ должно быть посажено, что и какъ устроено, гдѣ надо снять землю, гдѣ насыпать террасу... Кругомъ шумѣлъ дѣвственный лѣсъ. Орѣхи и ольхи одѣвались легкимъ зеленымъ пухомъ, птицы пѣли и перекликались, густые папоротники лѣзли отовсюду нѣжными молодыми листами. Внизу громадный бананъ изъ увядшаго побурѣвшаго ствола выпускалъ молодой ярко-зеленый листъ. Бамбуки тонкими палками выступали изъ влажной земли и, казалось, было видно,

какъ они росли. Мимозы были, какъ золотомъ, покрыты пушистыми шариками цвѣтовъ, свѣшивавшихся нѣжными кистями изъ-за перистой зелени и красныхъ стволовъ. Громадные эвкалипты трепетали тонкими листьями, и сосны, ели, криптомеріи и веллингтоніи стояли во всей красотѣ ихъ весенняго убора. Вдоль тропинокъ у дачъ росли камеліи, ихъ пунцовые, бѣлые и розовые цвѣты ярко выдѣлялись въ темной листвѣ. Пряныйароматъ мимозъ сливался съ запахомъ прѣлаго листа, парными испареніями тучной, пропитанной влагой земли, и опьянялъ людей. Саблинъ, обѣ дочери, баронесса мать забывали, зачѣмъ они пріѣхали и то любовались громадными вѣерными листами мохнатой пальмы хамеропсъ, выпускавшей на вершинѣ фонтанъ золотистыхъ цвѣтовъ, или перистыми листьями музъ и финиковыхъ пальмъ, то, отрѣшившись отъ прекрасной земли съ ея безконечно разнообразнымъ уборомъ, смотрѣли на море. Оно, неизмѣнно влекущее, то длинными бѣлогребными рядами волнъ шло къ землѣ и разсыпалось бѣлой пѣной, шумя камнями, то тихо млѣло подъ голубымъ небомъ, нашептывая сказку о царѣ Язонѣ и о привольной жизни въ царственной Колхидѣ.

Старый баронъ призывалъ ихъ къ порядку. Они бѣгали за нимъ и объясняли садовникамъ его желанія.

Вечеромъ на верандѣ, на берегу безконечнаго моря, тихо ласкавшагося о песокъ, они ужинали. Баронъ размякалъ. День былъ удачный. Онъ находилъ возможнымъ выпить «бутылочку, другую». Онъ хлопалъ Саблина толстой ладонью по колѣну, часто говорилъ: «natürlich»*) длинно по-нѣмецки, разсказывалъ, какъ онъ служилъ въ прусскихъ уланахъ и былъ знакомъ съ генераломъ Розенбергомъ, генераломъ «vorwärts»*) и называлъ Саблина на «ты» и «Саша».

Саблинъ смотрѣлъ на весело хохотавшихъ баронессъ и чувствовалъ себя прекрасно.

---

*) Естественно.

**) Впередъ.

Но все кончается. Въ одинъ темный дождливый вечеръ баронъ вдругъ объявилъ Саблину, что онъ блестяще окончилъ всѣ свои дѣла, что онъ вписалъ Саблина своимъ компаньономъ и получилъ участки на него и на своего зятя и что пора по домамъ. На мызѣ «Бѣлый домъ» скоро начнутъ пахать, а пока что онъ хочетъ поохотиться на току на тетеревовъ, а то и тока пройдутъ: весна наступаетъ ранняя.

— Я очень прошу васъ, Александръ Николаевичъ, — по-нѣмецки говорилъ онъ Саблину, — остаться за меня здѣсь на три мѣсяца, пока идетъ постройка дома и посадка апельсиновой и чайной плантаціи. Herr профессоръ обѣщалъ руководить вами, а вамъ все равно дѣлать нечего.

— Natüg'lich, — забавно надувая губы и передразнивая отца, сказала Вѣра Константиновна, — Александг'ъ Николаевичъ останется. Онъ обѣщалъ мнѣ устг'оить тутъ дивный садъ изъ г'озъ.

Саблинъ посмотрѣлъ на смѣющуюся Вѣру, на солиднаго толстаго барона и... согласился.

Жить въ этомъ раю, мечтать объ этой дѣвушкѣ, заколдовавшей его, развѣ это не будетъ хорошо?.. Да въ сущности куда ему дѣваться до осени, а Гриценко писалъ ему и совѣтовалъ пріѣхать къ маневрамъ, когда уйдетъ старый командиръ и выяснится, кто будетъ командовать полкомъ. Называли фонъ Штейна, Акимова и Розенталя...

LXVII

Каждое утро, на моторной лодкѣ, по желѣзной дорогѣ или въ коляскѣ Саблинъ отправлялся изъ Батумской гостиницы, гдѣ онъ жилъ, на баронскій участокъ на Зеленомъ мысу. Онъ оставался на участкѣ до вечера, иногда, въ жаркія душныя ночи, онъ ночевалъ прямо на землѣ подъ сѣнью густыхъ криптомерій.

Утромъ онъ купался въ морѣ, долго сидѣлъ на берегу, любуясь синевою воды, а затѣмъ, по узкой дорогѣ,

зарсешей лѣсомъ шелъ на участокъ. Тамъ кипѣла работа. Каменщики складывали домъ изъ сѣрыхъ цементовыхъ кубиковъ. Обнаженные до пояса въ черныхъ башлыкахъ, босые грузины, тихо ходили и носили камни, или бочки съ цементомъ. Рядомъ строгали бревна и доски. Нѣсколько пониже на скатѣ горы красивые турки въ красныхъ фескахъ сажали деревья и кусты. Каждый зналъ, что ему нужно дѣлать, каждый уходилъ вечеромъ съ усталымъ тѣломъ, напѣвая веселую пѣсню, счастливый трудомъ. Только Саблинъ томился. Онъ хотѣлъ помогать, но что онъ могъ дѣлать? Люди носили растенія, съ корнями завернутыми въ рогожи, сажали ихъ въ лунки. Саблинъ смотрѣлъ и не зналъ, хорошо или нѣтъ, правильно или нѣтъ? Другіе люди лѣпились кругомъ стропилъ. Они свѣшивали на ниткѣ свинцовый грузъ, смотрѣли на него, обтачивали камни, подкидывали лопаткой цементъ подъ камень, выравнивали и дѣлали все это увѣренно, мурлыкая пѣсню на непонятномъ языкѣ. У одного Саблина не было дѣла, онъ одинъ не зналъ, куда примѣнить силы молодого тѣла.

Въ тѣ времена по всему Батуму гремѣло имя того профессора, котораго Саблинъ видалъ на чаѣ у губернатора. Профессоръ насаждалъ какой-то особенный садъ подлѣ Чаквы, гдѣ должна была быть собрана флора всего міра.

Саблинъ пошелъ къ нему. Онъ засталъ профессора на работѣ. Въ легкомъ чечунчевомъ пиджакѣ профессоръ ходилъ съ китайцемъ въ синей кофтѣ и заботливо подстригалъ маленькіе кустики съ темными листьями. Онъ ласково поздоровался съ Саблинымъ и повелъ его показывать свой садъ.

— Этотъ садъ, — говорилъ профессоръ, — не забава. Это будетъ мѣсто, гдѣ, шутя и балуясь, Русскій человѣкъ познаетъ, какую драгоцѣнную жемчужину онъ имѣетъ въ Батумской области. Тутъ можетъ рости все то, что нужно человѣку и что до сихъ поръ намъ за большія деньги приходилось выписывать изъ-за далекихъ морей. Теперь мы будемъ имѣть все свое. Свой

чай, свои лимоны, апельсины, сахарный тростникъ, бамбукъ, каучукъ, питательные и здоровые, болѣе полезные чѣмъ картофель американскіе бататы... Моя мысль создать садъ такъ, чтобы онъ приносилъ большую пользу народу и въ полной красотѣ и гармоніи давалъ бы ему нужныя свѣдѣнія. — Вотъ это группа евкалиптовъ...

Профессоръ нагнулся и поднялъ какой то предметъ похожій на жолудь.

— Посмотрите, это плодъ евкалипта. На немъ совершенно такая же звѣзда, какъ на вашихъ погонахъ. Если разломить его, вы найдете въ немъ какъ бы пыль. Каждая пылинка, — зерно евкалипта. Изъ нея выростаетъ такое громадное дерево. Помните, въ евангеліи Христосъ говоритъ, что вѣра подобна зерну евкалипта. Стоитъ только зародиться ей и она выростаетъ громаднымъ, могучимъ деревомъ... Но вотъ мое любимое мѣсто. Въ этой аллеѣ, среди полныхъ странной загадки китайскихъ розъ и этихъ мексиканскихъ цвѣтовъ, похожихъ на наши подсолнухи, подлѣ таинственныхъ кактусовъ и алоэ, на площадкѣ, откуда виденъ весь мой садъ, видны Понтійскія горы и въ ясную погоду можно видѣть главный хребетъ Кавказскихъ горъ съ его ледниками и вѣчными снѣгами я хочу построить свой домъ и здѣсь умереть и быть похороненнымъ.

— Зачѣмъ такія грустныя мысли, — сказалъ Саблинъ. — Вы несчастливы?

— О нѣтъ, — горячо воскликнулъ профессоръ, — я очень счастливъ. — Я нашелъ, гдѣ счастье. Я знаю то, вокругъ чего ходятъ люди, и не могутъ открыть. Я знаю, что такое счастье.

— Вотъ какъ! — Если не секретъ, подѣлитесь со мною вашимъ открытіемъ. Я не могу сказать, что я не счастливъ, но мое счастье безсознательное и потому хрупкое.

— Счастье въ творчествѣ, — торжественно сказалъ профессоръ и замолчалъ, опускаясь на скамью, стоявшую надъ горнымъ обрывомъ.

Подъ ногами сверкало море. Синее, прозрачное, оно

тонкой каймой бѣлой пѣны набѣгало на берегъ, казавшійся отсюда розовымъ отъ мелкихъ круглыхъ камней гранита и мрамора. Чуть приподнимаясь надъ берегомъ росла зеленая трава и стояли на самомъ берегу кряжистые могучіе карагачи. Горы отступали въ этомъ мѣстѣ отъ моря и красивая долина рѣки Чаквы подходила къ нему. Обрамлявшіе ее холмы красноватаго цвѣта были усажены правильными рядами маленькихъ кустиковъ. Кое-гдѣ широкія дороги, обсаженныя деревьями перерѣзали долину, по склонамъ холмовъ лѣпились небольшіе домики рабочихъ грузинъ. Это была новонасаженная Чаквинская чайная плантація. Подъ ногами Саблина на ровной площади, покрытой бархатной зеленой травой среди красивыхъ деревьевъ розовой акаціи росли кусты розъ. Когда легкій вѣтеръ набѣгалъ съ моря, онъ приносилъ съ собою томный ароматъ ихъ цвѣтовъ... Задній планъ этой широкой, тянущейся на многія версты картины, замыкала гряда фіолетовыхъ горъ. Ихъ низы были темны отъ густыхъ лѣсовъ, покрывавшихъ подножія и долины, а синія вершины тонули въ маревѣ дали. Тамъ чуть намѣчались прозрачныя, какъ облака, сверкающія, какъ опалъ, снѣговыя вершины кавказскихъ горъ и видна была снѣжная шапка Эльбруса. Столько силы и мягкости было въ этой воздушной широкой картинѣ. Влекли и тянули переливающіяся молочными тонами опала далекія горы, манила ихъ высь и даль, ласкало море, сливавшееся съ небомъ, сверкающее всѣми синими тонами отъ тона нѣжной бирюзы у береговъ, темнаго сафира въ дали и снова блѣднѣвшее подъ горизонтомъ и такъ сливавшееся съ небомъ, что горизонтъ едва намѣчался нѣжной полосой тумана. Море казалось тамъ такимъ же прозрачнымъ, какъ воздухъ. Эта картина мѣняла свой видъ и краски каждую минуту. Надвинулись на горы облака, закрыли сверкающіе ледники, набросили глубокія тѣни на долины, море потемнѣло. Вдругъ рядами повалили по нему бѣлые зайцы пѣнящихся волнъ, цвѣтъ его сталъ другой, оно стало угрюмѣе, и тѣмъ больше было разницы

между нимъ и зеленой, смѣющейся лужайкой Батумскаго розарія...

— На этотъ видъ никогда не устанешь смотрѣть. Онъ прекрасенъ всегда, — серьезно сказалъ профессоръ. — Равнаго ему нигдѣ не найдете. Я любовался Нагасакскимъ рейдомъ, я видѣлъ южную красу Босфора и сѣверное величіе Стокгольма, я видѣлъ берега Америки, видѣлъ біеніе волнъ Индійскаго океана у Коломбо и Джибути, но нигдѣ нѣтъ такой полной сліянности богатаго красками моря, роскошной природы земли и неба, постоянно бороздимаго облаками и тучами. Я вамъ говорилъ, что я счастливъ. Я счастливъ тѣмъ, что я открылъ, изучилъ и проповѣдую этотъ край. Многіе изъ моихъ коллегъ по университету ударились въ другую пропаганду. Они ищутъ разрѣшенія проблемы человѣческаго счастья въ отысканіи особыхъ условій соціальнаго устройства. Они считаютъ, что люди будутъ счастливы тогда, когда они получатъ свободу личности и равенство передъ закономъ, другіе идутъ дальше и требуя абсолютной свободы и полнаго равенства доходятъ до проповѣди анархіи. С ч а с т ь е д а с т ъ т о л ь к о т р у д ъ и т в о р ч е с т в о! Рабъ, трудящійся надъ землею, творящій красоту, можетъ быть счастливъ, и свободный тунеядецъ покончитъ съ собою, потому что разочаруется въ свободѣ, лишенной творчества и труда. Вы посмотрите, какъ счастливы люди, одаренные талантомъ — художники, скульпторы, архитекторы, писатели, актеры. Они творятъ! Годами вынашиваютъ они въ сердцѣ своемъ свое произведеніе и, когда приступаютъ къ творчеству, ихъ охватываетъ ни съ чѣмъ не сравнимое лихорадочное возбужденіе. Они забываютъ про пищу, они отказываются отъ комфорта и живутъ тѣми образами, что создаетъ ихъ фантазія... Простой сапожникъ, столяръ, портной — имѣютъ минуты счастья, потому что они — творцы. Ничтожную мелочь творятъ они, но творятъ. Я создаю теперь этотъ садъ. О! прожить бы еще десять лѣтъ, чтобы увидѣть, какъ покроются золотыми плодами эти сады апельсиновъ, какъ потекутъ сюда Русскіе люди со всей

Россіи смотрѣть и учиться тому, что можетъ дать имъ угрюмое Закавказье!.. Тогда въ великомъ счастьи почить, какъ Богъ, отъ дѣлъ своихъ и уснуть навѣки среди этого сада и слышать пѣніе птицъ, журчанье горнаго ручья, пѣсню грузина и жужжаніе пчелъ, собирающихъ медъ съ пестрыхъ цвѣтовъ. Какъ понимаю я легенду библіи о Богѣ! Богъ названъ всеблаженнымъ, то есть вѣчно счастливымъ, потому что Онъ сотворилъ міръ. Когда рушились горы и кипѣла лава, когда море клубилось парами и выступала изъ него твердь, когда изъ носящихся въ безпредѣльности миріадовъ атомовъ вдругъ сцѣпились одни и, воспламенившись, создали солнце и свѣтъ, когда другіе, вращаясь, образовывали новые міры, когда набухала горячая земля и выбрасывала изъ нѣдръ своихъ ростки первобытныхъ растеній, а изъ зачаточныхъ слизней вырастали пресмыкающіяся и лѣниво, точно во снѣ, бродили среди сплошныхъ пальмовыхъ и папоротниковыхъ лѣсовъ страшныя ящерицы, — всѣ эти бронтозавры и ихтіозавры, — это было творчество Разума, это было великое міросозданіе Богомъ и, творя этотъ міръ, Богъ былъ счастливъ! И каждый, кто творитъ, какъ бы мало ни было то, что онъ творитъ, носитъ въ себѣ частицу Божества, и счастливъ, какъ Богъ!

— Но, тогда, мы, военные, никогда не можемъ быть счастливы.

— Почему?

— Потому что мы готовимся къ войнѣ и разрушенію. Наша цѣль, наше назначеніе, — разрушить культуру. Пожары городовъ и селеній, потоптанныя нивы, разграбленное имущество жителей и смерть враговъ — вотъ, что несетъ съ собою война. Я почти не видалъ батальной картины, гдѣ фономъ небыло бы алое зарево пожара. Счастья на военной службѣ не можетъ быть.

Професcоръ молчалъ. Тихо шелестѣли листья карагачей. Внизу мѣрно роптало море, разсказывая, что то землѣ и въ накалившемся воздухѣ сильнѣе былъ медвяный запахъ розъ.

— Я думаю, что вы не правы, — сказалъ профессоръ,

— вы смотрите на войну въ тотъ моментъ, когда она идетъ. Вѣдь и эти глыбы развороченной земли, покрытыя лунками, куда мы бросаемъ сѣмя не красивы, и знаменуютъ не творчество, а разрушеніе, но выраститъ растеніе, покроется цвѣтами и мы дивимся его красотѣ. Есть войны творческія и есть войны разрушительныя. Освободительная война 1877—1878 годовъ была ужасна. Я помню ее. Я помню разсказы о доблести нашихъ солдатъ на Шипкѣ, страшный Балканскій походъ, тифъ въ долинахъ Марицы и на берегахъ Чернаго моря, но эта война дала свободу Сербамъ, Болгарамъ и Черногорцамъ, эта война дала намъ этотъ золотой край — и, смотрите, какъ расцвѣлъ онъ подъ Русскимъ владычествомъ! Тутъ, при туркахъ, была только кукуруза, а мы возобновили роскошь садовъ, какая была здѣсь во времена владычества Византіи и Рима... Нѣтъ, вы ошибаетесь! И въ войнѣ есть творчество и въ войнѣ есть счастье. Это счастье побѣды. Создайте побѣдоносную Россійскую Армію, — вдохновляясь и возвышая голосъ говорилъ профессоръ, — воспитайте Русскаго солдата такъ, чтобы врагъ не смѣлъ бы напасть на Россію, охраните, охраните это мое творчество, защитите этотъ садъ отъ лѣнивыхъ турокъ, отъ хищныхъ грузинъ, отъ всѣхъ, кто протянетъ къ нему свои грязныя лапы, создайте армію! Такую армію, гдѣ не авось, небось, да какъ-нибудь править полками, а настоящую, достойную, великую, необходимую для Россіи — и вы будете счастливы!.. И каждый день мира будетъ вамъ наградой за вашу творческую работу!

Профессоръ всталъ. Онъ былъ въ сильномъ возбужденіи.

— Теперь, — точно увядая, тихо сказалъ онъ, — такъ много говорятъ о мирѣ. О! какъ это страшно!.. Это всегда несетъ войну. Пусть лучше говорили бы о войнѣ, дѣлали маневры, готовились къ войнѣ. Я былъ бы спокойнѣе. Вѣдь этотъ райскій уголокъ въ случаѣ распри окажется всѣмъ нуженъ и погибнетъ мой садъ.

Защитите его, Александръ Николаевичъ! Защитите!.. Я боюсь за него!..

LXVIII

Въ первыхъ числахъ августа Саблинъ, не дождавшись конца отпуска, но получивъ отъ Гриценки телеграмму — «командиромъ Петровскій, все по новому, пріѣзжай», оставилъ совершенно готовую дачу и только что посаженный садъ на попеченіе присланнаго Вольфомъ какого-то Vette'ra*) — и поѣхалъ въ полкъ.

Три причины заставляли его сердце биться и сладостно сжиматься по мѣрѣ того, какъ поѣздъ приближался къ Петербургу.

Первая — была радость увидать полковыхъ товарищей, черноглазаго Гриценко, румянаго Ротбека, серьезнаго Фетисова, облѣненнаго Мацнева, увидать рослыхъ, красивыхъ солдатъ, лошадей полка, родные цвѣта петлицъ, околышей и фуражекъ, услышать звонъ шпоръ по улицамъ, звуки родныхъ трубачей и плавные торжественные аккорды полкового марша.

Вторая радость была послѣ маневровъ поѣхать на мызу «Бѣлый домъ» увидать Вѣру Константиновну, и, если онъ не ошибся и дѣвичье сердце никѣмъ не занято, сдѣлать ей предложеніе. Это немного расходилось съ третьей причиной, но противиться мечтѣ испытать эту особенную любовь утонченной женщины своего круга, о чемъ ему говорила баронесса Софья онъ не могъ. Изъ того, что баронъ и баронесса усиленно звали его гостить на мызу, что Вѣра Константиновна на половину по французски и на половину по Русски и въ Русскомъ текстѣ не безъ милыхъ маленькихъ ошибокъ написала ему, что она очень соскучилась «за нимъ» и у ней радостное воспоминаніе о поѣздкѣ по морю, онъ могъ надѣяться, что предложеніе его будетъ принято.

*) Vetter — двоюродный братъ.

Третья причина была — жажда творчества, а слѣдовательно и счастья. Творчества побѣды, созданія арміи. Слова профессора запали ему глубоко въ душу. Онъ ихъ все и вторялъ себѣ, вспоминалъ свои первые годы службы и съ ужасомъ чувствовалъ, что профессоръ былъ глубоко правъ.

Ретивая, лихая Русская тройка — а в о с ь, н е б о с ь, да к а к ъ - н и б у д ь — везла всю Россію и съ нею вмѣстѣ и армію. Армія занималась муштрой, немного маневрами, но о войнѣ не думала. На нашъ вѣкъ хватитъ. Понемали и довольно, авось войны не будетъ. У Саблина было три пары лакированныхъ ботинокъ, но если бы ему зимою пришлось идти походомъ — онъ не зналъ бы, что надѣть и отморозилъ бы себѣ ноги. Ни у офицеровъ, ни у солдатъ не было полушубковъ. Цейхгаузы ломились отъ тяжелыхъ мѣдныхъ касокъ и кирасъ, но въ зимній походъ выступали въ легонькихъ фуражкахъ безъ козырьковъ. Лошади были жирныя, не способныя къ походу.

Какъ-нибудь справимся, если война. Авось насъ не пошлютъ, а пошлютъ, такъ, небось, не подгадимъ.

На западѣ и на востокѣ шла тревожная, лихорадочная работа. Агенты и просто путешественники доносили о новыхъ изобрѣтеніяхъ въ области военнаго дѣла, о громадныхъ программахъ вооруженія, у насъ все шло по рутинѣ. Авось войны не будетъ, небось били раньше, побьемъ и теперь, какъ-нибудь да управимся. Послѣ введенія магазиннаго ружья, армія успокоилась и остановилась. Реформы были только въ перемѣнахъ формы, въ дарованіи цвѣтныхъ фуражекъ, въ подготовкѣ къ возвращенію къ старымъ формамъ обмундированія. Военная литература застыла. Писали «о мундштукѣ и уздечкѣ», да пережевывали описанія старыхъ, давно изжитыхъ походовъ.

Что могъ сдѣлать при такихъ условіяхъ Саблинъ? Какъ и гдѣ могъ проявить свое творчество въ полку, предназначенномъ для тыловой службы, для охраны порядка въ столицѣ? Когда въ 1877 году вся гвардія пошла на

фронтъ, ихъ полкъ оставался въ Петербургѣ. Авось останется и въ будущей войнѣ, — говорили офицеры. Но Саблинъ мечталъ о творчествѣ даже въ своей маленькой роли командира взвода.

Онъ пріѣхалъ въ полкъ за два дня до выступленія на маневры. На другой день онъ обошелъ дворы, занимаемые его людьми, вездѣ нашелъ непорядки и пробралъ людей и взводнаго. Утромъ въ половина шестого онъ пришелъ на уборку. Взводнаго не было, но онъ явился черезъ пять минутъ, а слѣдомъ за нимъ пришелъ и вахмистръ.

— Гдѣ ты былъ Болотуевъ? — строго спросилъ Саблинъ.

— У господина вахмистра, ваше благородіе, — сказалъ Болотуевъ. Вахмистръ крякнулъ и промолчалъ.

«Что онъ?» — думалъ вахмистръ, — «какая муха его укусила? Ну былъ бы пьянъ и съ кутежки — дѣло понятное, а то совсѣмъ трезвый, видать нарочно вставши. Новаго командира что ли боится?»

«Не господское это дѣло», — думали солдаты. Для нихъ было выгоднѣе, чтобы офицеры не заглядывали, куда не слѣдуетъ. Они хотѣли, чтобы офицеры оставались господами. Такъ было легче и проще. Но Саблинъ хотѣлъ стать офицеромъ и сталъ тянуть свой взводъ.

«Тянется, выслужиться желаетъ», — говорили солдаты и не знали, что ему надо. Понятія о службѣ у нихъ не было, понятіе о выслуживаніи было крѣпко. Никто не могъ представить себѣ, что можно служить по идеѣ, а не ради похвалы начальника.

— И чего онъ, — говорилъ Болотуевъ своему другу, взводному перваго взвода, угрюмому Петрову, — все равно никто его старанія не увидитъ. Гриценко такъ даже недоволенъ съ него.

— Ничего... Обшарпается... Новая метла.

— Книжки для донесеній, карты на свои деньги купилъ — унтеръ-офицерамъ роздалъ. Къ чему деньги тратилъ! Какъ-нибудь и безъ этого справились бы. Вчора Адамайтиса въ боевую поставилъ за то, что Цурколо-

во назвалъ Пулковымъ, а за что?.. Я и самъ разницы то не больно много вижу. Эка невидаль, что ошибся солдатъ... Меня полчаса отчитывалъ.

— Старается.

— А что толку съ его старанія. Авось и такъ не сплоховали бы. Какъ-нибудь и маневры бы отбыли, небось не въ первый разъ, очки бы кому надо втерли.

— Н-да... Не барское это дѣло. Хотитъ доказать что то. А что докажетъ? Хочетъ стараться, ну просилъ бы въ учебную команду?

— Такъ и тамъ офицеру дѣлать нечего. Вахмистръ Макаренко кулакомъ то лучше научитъ.

Саблинъ видѣлъ, какъ хмурились лица солдатъ и становились недовольны вахмистръ и взводный, но онъ продолжалъ свое дѣло. Грицено сказалъ ему мягко — «ты не очень горячись. Вахмистръ и взводные безъ тебя все сдѣлаютъ». Ротбекъ замѣтилъ ему, что стоитъ ли дворянскую голову ломать и съ солдатами возиться, они сами свое дѣло знаютъ. Но Саблинъ упрямо рѣшилъ передѣлать себя.

На маневрахъ отъ полка потребовали развѣдку рѣки Стрѣлки. Надо было сдѣлать съемку съ приложеніемъ легенды. Требовалъ штабъ генералъ инспектора. Командиръ полка, молодой генералъ генеральнаго штаба, призвалъ адъютанта.

— Прикажите корнету Саблину исполнить эту работу, — сказалъ онъ.

Адъютантъ, штабсъ ротмистръ Самальскій, привыкшій при баронѣ Древеницѣ самостоятельно отдавать распоряженія, почтительно замѣтилъ генералу Петровскому:

— Саблина невозможно назначить, ваше превосходительство. Тутъ нужно совершенно другого офицера.

— Почему? — хмуря брови, спросилъ командиръ полка.

— Саблинъ на ординарцы или въ караулъ хорошъ, а насчетъ съемки я думаю «швахъ». Не дворянское это дѣло. Не послать ли штабсъ - ротмистра Грюнталя, онъ,

командуя учебной командой, это дѣло тонко знаетъ.

— Пошлите корнета Саблина, — сказалъ командиръ полка тономъ, не допускающимъ возраженія.

— Слушаюсь, а только, — началъ было Самальскій.

— Я сказалъ, — сказалъ командиръ полка.

«Ну, будетъ скандалъ», думалъ адъютантъ, передавая приказаніе Саблину. «Чортъ знаетъ, чего тамъ не нарисуетъ милый Саша. Придется на гауптвахту везти.»

Но Саблинъ совершенно иначе отнесся къ задачѣ. Это маленькое кроки было творчество. Первая его работа послѣ бесѣды съ профессоромъ. Напряженіемъ ума и воли онъ вспомнилъ все то, чему учился въ училищѣ, вооружился планшетомъ, сѣлъ въ три часа ночи на коня, взялъ вѣстового и съ первыми лучами солнца принялся за работу. День былъ прекрасный. Августовское солнце заливало лучами густую траву, росшую въ лѣсу по берегамъ задумчивой рѣчки. Саблинъ, оставивъ лошадь, пѣшкомъ шелъ внизъ по рѣкѣ, свѣряя по компасу ея изгибы. Онъ наносилъ мосты, зарисовывалъ ихъ профили и дѣлалъ описанія. Проходили часы, онъ не видѣлъ ихъ. На мельницѣ онъ пилъ молоко и ѣлъ мягкій черный хлѣбъ и они казались ему лучше лучшаго обѣда въ ресторанѣ. Неподалеку купались женщины, онъ слышалъ женскіе визги и крики, но даже не посмотрѣлъ туда, гдѣ на травѣ мелькали розовыя тѣла и бѣлыя рубашки. Руки и ноги ныли отъ усталости, онъ не чувствовалъ ихъ. Онъ былъ счастливъ. Онъ т в о р и л ъ. На большомъ листѣ бумаги, графленой блѣдно-зелеными и розовыми квадратами на дюймы, ярко выступала со всѣми своими изгибами рѣка. Ее пересѣкали броды — онъ и броды провѣрилъ и описалъ. Черезъ нее нависли мосты. Каменный мостъ на шоссе, деревянный у мельничной гребли, легкій пѣшеходный на тонкихъ подпоркахъ у дачнаго мѣста. Саблинъ нарисовалъ ихъ всѣ. Планшетъ ожилъ. Это была картина. Она казалось Саблину верхомъ совершенства.

Поздно ночью, сдѣлавъ семьдесятъ верстъ, онъ на-

гналъ полкъ и передалъ свою работу командиру полка, сидѣвшему въ избѣ съ адъютантомъ.

Петровскій внимательно посмотрѣлъ на чертежъ.

— Да, это работа офицера генеральнаго штаба, — сказалъ онъ задумчиво. — Корнетъ Саблинъ, отъ имени службы благодарю васъ.

Когда Саблинъ вышелъ изъ избы, Петровскій сказалъ адъютанту:

— Что же вы мнѣ говорили, батенька мой. Да онъ во всѣхъ смыслахъ отличный офицеръ!

«Подмѣнили въ отпуску нашего Сашу», — подумалъ адъютантъ.

Саблинъ былъ счастливъ. Легкими шагами, не чувствуя усталости, онъ прошелъ на свою квартиру. «Да», думалъ онъ, «профессоръ правъ, счастье въ творчествѣ, въ чемъ бы творчество это ни выражалось!»..

LXIX

По окончаніи маневровъ Саблинъ не воспользовался разрѣшеніемъ ѣхать домой по желѣзной дорогѣ и по доброй волѣ пошелъ съ полкомъ походомъ. Онъ оказался старшимъ изъ корнетовъ и велъ полкъ. Въ полномъ порядкѣ онъ совершилъ трехдневный походъ и подъ мелко сѣющимъ, сѣрымъ, печальнымъ холоднымъ осеннимъ дождемъ, во главѣ полка, часовъ около двѣнадцати входилъ на полковой дворъ.

Полкъ сталъ развернутымъ фронтомъ, люди съ заводными лошадьми проскочили въ конюшни, Саблинъ поднялъ шашку надъ головой и скомандовалъ: — подъ штандартъ! Полкъ шашки вонъ, слу-ша-ай!..

Чувство гордости и счастья исполненнаго долга, сознанія красоты и великолѣпія полка, рыцарской честности охватило его, когда зазвучали трубы величественный гвардейскій походъ и мимо, шлепая по покрытому лужами песчаному двору тяжелыми забрызганными грязью похода сапогами прошелъ штандартный унтеръ-

офицеръ, предшествуемый молодымъ корнетомъ и пронесъ закутанный въ мокрый кожаный чехолъ штандартъ съ большимъ металлическимъ двуглавымъ орломъ на древкѣ.

Въ сыромъ воздухѣ трубы неполнаго оркестра — солисты уѣхали по желѣзной дорогѣ, — звучали далеко не величаво и сипло врали. Штандартъ въ чехлѣ казался безразличнымъ и ненужнымъ.

Щемящее чувство тоски вдругъ охватило Саблина. Восторгъ внезапно исчезъ. Жалкими казались маленькіе эскадроны съ неполными рядами, пустою заднею шеренгой, нахохлившимися, небрежно одѣтыми, усталыми людьми. Сѣрое небо ихъ давило. Петербургъ со своимъ гуломъ и шумомъ ѣзды по мостовой казался скучнымъ.

«Что, какъ это неправда! Неправда все», — подумалъ Саблинъ, — « полкъ, и штандартъ, и военная служба, и Россія... Тоска одна... Слякоть и дождь».

Онъ отпустилъ полкъ, сходилъ къ командиру полка, не заставъ его, написалъ въ книгѣ о томъ, что онъ прибылъ съ полкомъ благополучно и въ самомъ тяжеломъ настроеніи вошелъ къ себѣ на квартиру. Она была передѣлана. Комнаты переставлены по иному, ничто не напоминало Марусю и Любовина. Но и въ ней продолжалась все та же тоска. Саблинъ, промокшій насквозь, переодѣлся, прошелъ въ собраніе, гдѣ были только три корнета изъ его спутниковъ и вернувшись легъ отдохнуть. Въ пять часовъ онъ хотѣлъ напиться чаю и въ девять ѣхать на мызу «Бѣлый домъ», гдѣ должна была рѣшиться его судьба.

Но грусть не уходила. «Это отъ усталости», думалъ онъ, кутаясь въ одѣяло, — «это отъ дождя, отъ того, что я промокъ. Не простудился-ли я?» Въ тяжеломъ настроеніи, съ томительно сжимающимся отъ тоски сердцемъ онъ заснулъ.

Ему снилась быстрая, глубокая рѣка съ холодной водой, которую онъ легко переплылъ. А кто то, невѣдомый ему, плывшій сзади него и нагонявшій, кого онъ боялся, не дотянулъ до берега и утонулъ.

Саблинъ открылъ глаза. Въ душѣ его дрожало воспоминаніе, что кто то сейчасъ [illegible] въ [illegible].

«Да, вѣдь это сонъ. Какія глупости»... За окномъ все такъ же сѣялъ мелкій дождь, струйки воды текли по стекламъ, глухо шумѣли [illegible] и [illegible] трубъ. Саблинъ совсѣмъ очнулся. Онъ посмотрѣлъ на часы... «Еще нѣсколько часовъ и я буду на [illegible] и сегодня же къ ночи буду въ своей милой семьѣ». Тоска, навѣвавшая [illegible], такъ же быстро и исчезла. Радостное ожиданіе охватило его и онъ началъ поспѣшно одѣваться и укладывать въ маленькій дорожный чемоданъ вещи для поѣздки.

Въ столовой денщикъ, не Шерстобитовъ, а другой, гремѣлъ самоваромъ и чайной посудой. «Напьюсь чаю», — думалъ Саблинъ, «и съѣзжу къ Балле и Иванову купить конфетъ, которыя любитъ она и ея мать».

Рѣзкій и длительный электрическій звонокъ раздался въ прихожей и денщикъ пошелъ отворять.

«Кто бы это могъ быть теперь, въ такую пору? Какъ не кстати!» подумалъ Саблинъ. «Если изъ полковыхъ товарищей надо будетъ отдѣлаться, а то не поспѣю уѣхать».

— Тамъ какой то «вольный» васъ домогается. Такой назойливый, — сказалъ, входя, денщикъ.

— Какой вольный?

— Кубыть изъ студентовъ, или такъ просителевъ какихъ. А можетъ кредиторъ.

У Саблина долговъ не было. Онъ [illegible] надѣлъ первый попавшійся ему вицъ-мундиръ и сказалъ, проходя въ кабинетъ: — «проси!»

Денщикъ пропустилъ въ кабинетъ невысокаго плотнаго человѣка. Рыжій [illegible] пиджачекъ, рыжая жилетка и рыжіе брюки, рыжая всклокоченная и смоченная дождемъ бородка и рыжіе слипшіеся, нестриженные волосы — все было одного цвѣта. Онъ былъ совсѣмъ, какъ старый воробей, напыжившій свои перья и только что выкупавшійся въ дождевой лужѣ. У него и видъ былъ задорно обиженный и голову онъ нагибалъ на бокъ.

Саблинъ остался стоять, какъ вошелъ, за письменнымъ столомъ и вопросительно смотрѣлъ на гостя. Онъ не предложилъ ему сѣсть и не подалъ ему руки. Денщикъ остался въ кабинетѣ, ожидая, не понадобится ли его помощь выпроводить незванаго гостя.

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить? — холодно сказалъ Саблинъ.

— Я, Коржиковъ, — сказалъ вошедшій, глядя на Саблина печальными, воспаленными, красными, какъ у пьянаго, глазами.

— Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Ахъ, чортъ возьми, но вамъ ничто не угрожаетъ. Уберите вашего... солдата, — желчно сказалъ Коржиковъ.

— Петренко, выйди, — сказалъ, пожимая плечами, Саблинъ... — Что за секреты могутъ быть между нами!

Денщикъ неохотно ушелъ изъ кабинета и остался въ столовой, гдѣ нарочно громко переставлялъ чайную посуду. Коржиковъ подошелъ вплотную къ столу Саблина и тихо, едва шевеля губами, сказалъ:

— Марія Михайловна Любовина проситъ васъ сейчасъ къ ней пріѣхать.

Саблинъ не пошевелился. Какая-то тѣнь пробѣжала по его лицу. Все это было теперь несбыточно... и такъ ненужно! Коржиковъ замѣтилъ его колебаніе.

— Она умираетъ, — сказалъ онъ отрывисто. — Хочетъ проститься съ вами... Да ѣдемте же! — воскликнулъ онъ повелительно. — Тутъ минута опозданія можетъ рѣшить все дѣло... Ѣдемте!

— Кто вы?.. Почему вы отъ Маріи Михайловны?.. —

— Это совсѣмъ не важно... Не все ли вамъ равно!.. Я мужъ Маріи Михайловны... Ну, слышите!.. я мужъ ея! Она такъ просила, чтобы я привезъ васъ проститься съ нею.

Саблинъ еще разъ посмотрѣлъ на взъерошеннаго воробья. Нѣтъ, онъ не вралъ. Тоска, — не злоба, — а только безконечная печаль была въ его глазахъ. Саблинъ пожалъ плечами и пошелъ въ прихожую одѣваться.

LXX

Извозчикъ, [illegible] Коряжкова, [illegible] у [illegible]ѣзда. Измученная лошадь [illegible] на дождь [illegible] паромъ. Извозчикъ въ мокрой [illegible] накидкѣ ходилъ подлѣ.

— Какъ хотите, баринъ, — [illegible] онъ, когда Коряжковъ [illegible] Сабинину садиться, — а дальше я не поѣду. [illegible] лошадь [illegible]... Куда жъ!.. Нѣтъ, [illegible]!

— Да вы довезите меня хоть до [illegible] извозчика. Я полтинникъ прибавлю, — сказалъ Коряжковъ. — И очень прошу скорѣе!

Они сѣли и поѣхали. Оба молчали. [illegible] цвѣтная яркая фуражка [illegible] рядомъ съ [illegible] — думалъ Сабининъ, и [illegible] въ душѣ. — «А [illegible] мнѣ?.. — Для чего я ѣду?.. Для того, чтобы этотъ господинъ [illegible] къ Марусѣ, можетъ быть и правда страдающей, [illegible] провинившагося щенка, и [illegible]... На, молъ, смотри, что ты сдѣлалъ!»

Они [illegible] извозчика, [illegible] три рубля и [illegible] дальше. Между [illegible] верхомъ [illegible] Было сумрачно отъ тучъ, [illegible] вереницами зонтиковъ. [illegible] пролетки съ поднятыми верхами. Они обогнали конку, стоявшую на разъѣздѣ. [illegible] потныя сѣрыя лошади [illegible] шерстью, тяжело поводившія боками. [illegible] и громыхая, неслись три другія [illegible] сбитыя плотныя лошади съ облипшей [illegible] громко цокали подковами по мокрымъ булыжникамъ. У Николаевскаго вокзала ихъ [illegible] громадныя черныя съ желтымъ

платформы, запряженныя четверками отличныхъ сытыхъ лошадей. Ямщикъ въ черномъ азямѣ и шапкѣ съ павлиньими перьями сидѣлъ на козлахъ. На тюкахъ и ящикахъ почтовыхъ посылокъ, накрытыхъ брезентомъ, лежали почтальоны и чему то смѣялись.

«Почему я все это такъ теперь примѣчаю». — подумалъ Сабининъ. — «Можетъ быть я это вижу въ послѣдній разъ? Куда везетъ меня этотъ Коржиковъ?.. Не завезетъ ли куда-нибудь на окраину города, гдѣ вмѣсто Маруси меня ожидаетъ Любовинъ, и они покончатъ со мною? Я и револьвера не захватилъ». Одну минуту у него было желаніе остановить извозчика, соскочить съ него и оставить Коржикова въ дуракахъ. Но ему стало стыдно показать свою трусость и онъ [illegible] на своемъ [illegible]. Онъ сидѣлъ, прижавшись въ уголъ и думалъ какую-то свою [illegible] думу. Лицо Коржикова было такъ печально и [illegible] нахохлившимся воробьемъ, что Сабинину смѣшными [illegible] его мысли о томъ, что его везутъ въ западню. Сабининъ сталъ думать о Марусѣ. «Какая она теперь? Какъ приметъ? Правда ли, что умираетъ, и если умираетъ, то отъ чего?.. А можетъ быть, просто соскучилась и придумала способъ съ нимъ повидаться. Гдѣ ея братъ?.. Этотъ господинъ все знаетъ, но языкъ не поворачивался заговорить съ нимъ. Хорошо, что идетъ дождь и не видно, а то красивую картину представляемъ бы оба на одномъ извозчикѣ.»

«Мужъ и любовникъ».

Онъ хотѣлъ вспомнить Марусю, но образъ ея, затемненный образомъ Вѣры Константиновны, уже стерся. Осталось воспоминаніе о чемъ то нѣжномъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жуткомъ и жгучемъ, да рѣзко вставала въ памяти послѣдняя сцена. Любовинъ въ шинели, его грубыя руки, схватившія его за рубашку, ругательства и выстрѣлъ. «Какъ это все тяжело. Господи! хоть бы скорѣе конецъ всей этой исторіи. Какъ долго мы ѣдемъ. Мнѣ кажется, я никогда не былъ на этихъ пустынныхъ улицахъ».

Каменную мостовую смѣнило грязное разбитое шос-

се. По сторонамъ тянулись заросшія канавы, деревянные троттуары, низкіе домики, кое-гдѣ жалкіе палисадники, откуда торчали мокрыя ивы и чахлыя березы. Наконецъ, Коржиковъ остановилъ извозчика, вылѣзъ, расплатился и сталъ звонить у небольшого крылечка одноэтажнаго жолтаго, охрой крашенаго дома въ три окна.

Саблинъ стоялъ сзади. На него нашло полное безразличіе. Онъ не подумалъ о томъ, что ему слѣдовало заплатить извозчику, а не этому, видимо, бѣдному человѣку, что въ этой глухой мѣстности онъ не достанетъ извозчика и что надо бы задержать этого. Онъ машинально и бездумно слѣдовалъ за Коржиковымъ.

Сѣдая простоволосая женщина отворила имъ. Коржиковъ прошелъ впередъ. Они очутились въ небольшихъ узкихъ сѣняхъ, оклеенныхъ старыми, мѣстами отстающими, коричневато жолтыми обоями. Стоялъ сундукъ, накрытый истертымъ ковромъ, висѣло зеркало въ ясеневой рамѣ и подъ нимъ полочка. Въ сѣняхъ было сыро, пахло свѣжей капустой и пригорѣлымъ лукомъ. Саблинъ послѣдовалъ примѣру Коржикова и снялъ пальто и фуражку. Зеркало отразило его красивую фигуру въ изящномъ вицъ-мундирѣ и узкихъ рейтузахъ, такую здѣсь неумѣстную.

— Ну что? — спросилъ Коржиковъ тревожнымъ шопотомъ у старухи, стоявшей, опершись кулакомъ въ подбородокъ и смотрѣвшей старыми выцвѣтшими глазами на Саблина.

— Сейчасъ затихла... Все васъ поджидала. Думала, не дождется... Кончается.

— Идемте, — сказалъ Коржиковъ. Они прошли въ столовую, гдѣ былъ столъ, накрытый бѣлой клеенкой съ узорами. На окнѣ стояла герань и надъ нею въ клѣткѣ прыгали чижикъ и канарейка.

— Подождите одну минуту, — прошепталъ Коржиковъ и наноскахъ прошелъ въ дальнюю комнату.

Сердце Саблина сжималось тоскою по Марусѣ. Рѣзкій запахъ капусты и лука раздражалъ его и мѣшалъ

представить Марусю такъ, какъ надо. Мундиръ и фуражка, которую онъ по военной привычкѣ держалъ въ рукахъ, казались нелѣпыми въ этой низкой комнатѣ съ геранями и канарейками. Минуты тянулись медленно. Ихъ отбивалъ плоскій мѣдный маятникъ большихъ бѣлыхъ деревянныхъ часовъ съ гирями, висѣвшихъ на стѣнѣ.

— Пожалуйте, — сказалъ возвращаясь Коржиковъ.

Въ комнатѣ, куда они прошли, былъ полумракъ. Бѣлая штора была опущена и сѣрый день скупо пропускалъ черезъ нее бѣлесоватый свѣтъ. У стѣны, на низкой желѣзной кровати, по грудь накрытая простымъ сѣрымъ байковымъ одѣяломъ, на низкихъ бѣлыхъ подушкахъ лежала Маруся. Распущенные черные волосы волнистыми прядями разсыпались по подушкѣ и окруженное ими бѣлое лицо казалось еще бѣлѣе. Тонкій носъ обострился, губы едва намѣчались фіолетовыми полосками. И только въ глазахъ, громадныхъ, лучистыхъ, черно-синихъ, устремленныхъ на Саблина, была еще жизнь. Тонкія бѣлыя руки поднялись надъ одѣяломъ навстрѣчу Саблину.

— Ну вотъ... Пришелъ... Я знала, что придешь... Какъ хорошо!..

Саблинъ нагнулся къ ней. Она охватила его шею руками и старалась прижать его къ себѣ. Слезы омочили щеки Саблина. Маруся плакала.

— Ничего... Ничего... — сказала она. — Посмотри.

Она указала глазами на уголъ у печки, гдѣ въ старомъ клеенчатомъ креслѣ, на какомъ-то тряпьѣ, устроенномъ на подобіе гнѣзда, лежалъ красный, сморщенный, съ тонкими руками и ногами, тихо шевелившійся, какъ паучекъ младенецъ.

— Твой! — прошептала она. — Твой!.. Ты счастливъ?.. Да?.. Возьми его... Воспитай!.. Онъ твой..

Саблинъ перевелъ глаза на Марусю. Ея глаза потухали. Руки безпокойно шарили по одѣялу, пальцы сжимались и разжимались. Она точно искала что-то на одѣялѣ и хотѣла схватить. Жизнь покидала ее.

Глаза стали синими. Зрачекъ уменьшался. Но любовь все такъ же горѣла въ нихъ.

— Мой принцъ! — съ тоскою и страстью прошептала Маруся... — Мой принцъ!.. — и заплакала. Губы обнажили два ряда стиснутыхъ бѣлыхъ зубовъ. Саблинъ нагнулся, чтобы поцѣловать ея губы. Онѣ были холодны и жестки. Онъ отшатнулся.

Губы опять зашевелились. Маруся приподнялась, лицо ея стало прекрасно, точно выточенное изъ мрамора. Волосы закрыли всю спину и оттѣнили исхудалую тонкую шею и бѣлую рубашку.

— Мой принцъ!

Она упала на подушки и затихла. Глаза еще разъ открылись на Саблина, но жизни въ нихъ уже не было. Они были тусклые и темные. Метнулись черныя, густыя рѣсницы и легли суровыми тѣнями на вѣки и глаза сомкнулись.

Саблинъ стоялъ, не зная, что дѣлать. У окна нервно плакалъ Коржиковъ.

Онъ повернулся къ постели Маруси, подошелъ къ ней и сложилъ на груди мертвыя руки. Въ углу завозился и заплакалъ ребенокъ.

— Уходите!.. Ну!.. Уходите же! — сказалъ Коржиковъ, со страшною ненавистью глядя на Саблина. — Я вамъ говорю: — уходите!

Саблинъ пошелъ на носкахъ въ столовую. Коржиковъ шелъ за нимъ. Въ столовой Саблинъ остановился. Изъ тихой спальни Маруси доносился безпокойный плачъ ребенка. Саблинъ представилъ его себѣ краснаго, сучащаго руками и ногами, и вдругъ что-то вспомнилъ нужное и тяжелое.

— А мой ребенокъ? — сказалъ онъ, глядя на Коржикова. — Она просила...

— Что!.. — закричалъ Коржиковъ, сжимая кулаки. — Никогда не вашъ ребенокъ. Слышите!.. Я мужъ... Я законный мужъ ея... По закону ребенокъ мой. Понимаете... А вы кто?.. Кто вы такое!?

Саблинъ молчалъ. Тупая боль сжимала ему сердце. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему надо дѣлать.

— Ну!.. — крикнулъ Коржиковъ со злобою. — Скоро ли вы тутъ!.. Убирайтесь.. Да скорѣе!..

Саблинъ повернулся и пошелъ въ прихожую. Нежно и пошло серебрянымъ звономъ звенѣли шпоры, канарейка и чижикъ испуганно забились въ клѣткѣ. Пошлый мѣщанскій запахъ пригорѣлаго лука и капусты билъ въ носъ. Въ сѣняхъ на желѣзной вѣшалкѣ нагло сверкали металлическіе погоны его новаго пальто. Все казалось дикимъ и страшнымъ кошмаромъ. Онъ торопливо надѣлъ пальто и вышелъ на улицу.

Мелкій холодный дождь билъ по лицу и рукамъ. Темное шоссе, покрытое лужами, было пустынно. Ни одного извозчика не было видно на немъ. Саблинъ торопливо, неровною походкою шелъ по скользкимъ доскамъ деревяннаго тротуара. Въ головѣ было пусто и сквозь эту пустоту прорѣзывался звенящій, какъ колоколъ и больный, какъ бичъ, крикъ Маруси, полный страстной любви и муки:

— «Мой принцъ!.. Мой принцъ!..

1918—1919—1920—1922

Станица Константиновская Донского войска, Зеленый Мысъ подлѣ Батума, Шлахтензее подлѣ Берлина и Гаутингъ подлѣ Мюнхена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I

Въ прозрачномъ льдистомъ сумракѣ январьскаго неба Зимній дворецъ горѣлъ яркими блестящими огнями.

На площади въ нѣсколькихъ мѣстахъ на снѣгу пылали костры, окруженные извозчичьими санями.

Всѣ четыре подъѣзда дворца: Комендантскій, Ея Величества, Салтыковскій и Іорданскій были растворены. Въ блистаніи яркаго свѣта виднѣлись въ нихъ швейцары въ красныхъ ливрейныхъ шинеляхъ и съ золотыми булавами въ рукахъ. Въ глубинѣ входовъ, въ свѣтѣ заж.женныхъ люстръ и стѣнныхъ кинкетовъ тянулись длинныя стѣнки и подлѣ нихъ шеренги придворныхъ лакеевъ въ красныхъ кафтанахъ и скороходовъ во фракахъ.

На гранитное возвышеніе у Салтыковскаго подъѣзда, цокая подковами по камнямъ, въѣзжала карета, запряженная рослыми сѣрыми русскими рысаками съ длинными, расчесанными, волнистыми хвостами. Она остановилась, и изъ ея теплаго душистаго помѣщенія, на коверъ подъѣзда выскочила дама, едва прикрытая сверхъ бальнаго длиннаго платья дорогимъ мѣхомъ и блестящей атласомъ расшитой «sortie de bal», подбитой легкимъ пухомъ.

Швейцаръ принялъ ее въ сверкающія нѣдра дворца. Карета тронула, и ей на смѣну, храпя и пуская струи пара, внесъ сани, покрытыя медвѣжьею полостью, красавецъ - буланый, въ темныхъ яблокахъ рысакъ.

Моложавый генералъ въ бѣлой свитской шапкѣ съ алымъ верхомъ и въ легкой шинели съ бобрами, выскочилъ изъ саней и пошелъ за дамой...

Изъ длинной вереницы экипажей, къ подъѣзду под-

катила блестящая карета, запряженная лихими вороными ганноверскими конями, съ короткими подрагивающими хвостами и изъ нея вышли двѣ дамы: молодая и старая.

Стоявшая у подъезда небольшая толпа восхищалась красотою и богатствомъ выѣздовъ. Лошади, сбруя, кареты, сани, кучера, грумы, лакеи, смѣняясь однѣ другимъ, точно показывали красоту и богатство великой Россіи.

Внутри, у вѣшалокъ, шелъ сдержанный говоръ. Лакеи помогали снимать верхнее платье гостямъ.

— Пожалуйте, ваше сіятельство...

— Вашу шинель, ваше превосходительство... Номерочка не надо... Якова спросите... Я слѣдить самъ буду... Ваши привычки знаемъ, — раздавались мягкіе солидные голоса бритыхъ лакеевъ.

Въ ярко освѣщенномъ «[illegible]», напоенномъ дворцовымъ куреніемъ, все сильнѣе становился нѣжный запахъ духовъ, шедшій отъ тонкихъ мѣховъ, кружевныхъ косынокъ и шелковыхъ капоровъ. Дамы охорашивались передъ громаднымъ зеркаломъ, поправляли прически и разглядывали свои подрумяненныя морозомъ, волненіемъ, а иногда и искусно наложенной краской лица. У молодыхъ глаза сверкали восторгомъ и удовольствіемъ. Онѣ волновались. Для многихъ это былъ первый и, можетъ быть, послѣдній дворцовый балъ.

На большіе балы, кромѣ узкаго своего придворнаго круга, приглашались и такъ называемыя городскія дамы, жены и дочери сановниковъ, по особому, заранѣе составленному списку.

На обнаженныхъ свѣжихъ юныхъ и старыхъ дряблыхъ плечахъ блестѣли золотые вензеля Императрицъ на красныхъ лентахъ — институтскіе шифры первыхъ учениц и горѣли бриллiантами шифры ихъ Величествъ, приколотые къ свѣтло-голубымъ шелковымъ бантамъ платьевъ фрейлинъ.

— Тетя, да посмотг'ите же сзади. Сзади ничего не г'астегнуто? — картаво говорила блондинка лѣтъ 25-ти,

натянувшаяся cолнцемъ. Прекрасно сложенная, съ широкою бѣлою грудью, сильно прикрытою газомъ и бѣлыми плечами. Платье цвѣта crème*) съ васильковыми акварельными цвѣтами она выдѣлялась своею красотою.

— Право, Вѣра, все отлично.

Вѣра Константиновна Саблина, рожденная Вольфъ, правнучка Курляндскихъ герцоговъ, была не новичкомъ ко двору. Она была фрейлиной Ихъ Величествъ, но, пріѣзжая на балъ, она всякій разъ волновалась. Ее обыкновенно тревожила мысль, что среди молодыхъ и свѣжихъ лицъ, а ей хотѣлось быть — лучше всѣхъ. Высокаго роста, со свѣжимъ, чистымъ, здоровымъ румянцемъ лицомъ и голубыми васильковыми глазами, въ коронѣ золотисто-пепельныхъ волосъ, она издали напоминала молодую императрицу, которую боготворила и которой во всемъ подражала.

— Какъ жаль, что Александръ сегодня дежурный. Вотъ онъ бы осмотг'ѣлъ!... Онъ все увидитъ... Каждую пылинку замѣтитъ... Военный взглядъ... А вы, тетя, — все отлично, отлично, а между тѣмъ не видите, шнуг'ъ отстегнулся.

— Ахъ, Вѣра! Ну, я сейчасъ поправлю.

— Вы не замѣтили, тетя, Бетг'ищева, какъ похудѣла! Совсѣмъ цыганенокъ какой-то!... А все-таки хог'ошая!... Сохнетъ по Ламбину, а ему хоть бы что!... Скачетъ, поетъ, въ экспедиціи какія-то носится... А, ваше пг'евосходительство, — привѣтливо улыбаясь, повернулась она къ почтительно подходившему къ ней генералу генеральнаго штаба въ темно-красной Анненской лентѣ.

— Вѣра Константиновна, вы какъ всегда, — очаровательны! Позвольте, пока не надѣли перчатку, поцѣловать вашу прелестную ручку, — сладкимъ голосомъ сказалъ генералъ.

— Какой вы милый, Яковъ Петг'овичъ, — смѣясь, проговорила Вѣра Константиновна, протягивая дѣйстви-

*) Сливокъ.

тельно точеную руку, украшенную кольцами съ бриллiантами и опалами.

— А вашъ супругъ?

— Онъ сегодня пг'и Его Импег'атог'скомъ Величествѣ.

— Какая вы дивная пара! Вотъ уже семь лѣтъ любуюсь вами въ свѣтѣ! Вѣдь вы семь лѣтъ, какъ замужемъ?

— И не говог'ите!... Дочь невѣста ског'о будетъ.... Сынъ уже ходитъ и говог'итъ. Стаг'ухой ског'о стану.

— Позвольте вамъ представить моего стараго друга Николая Захаровича Самойлова. Онъ только вчера прiѣхалъ изъ Японiи, гдѣ прожилъ двѣнадцать лѣтъ.

— О, это, должно быть, ужасно! — воскликнула Вѣра Константиновна, протягивая руку пожилому и какъ онъ облѣзлому полковнику генеральнаго штаба. Большая умная, лысая голова съ толстымъ и длиннымъ носомъ, съ шишкой на вискѣ, съ сѣдѣющими черными неровными усами, бритымъ выдающимся подбородкомъ и острыми карими глазами, сидѣла на невысокой шеѣ. Самъ полковникъ былъ средняго роста, неважно сложенъ, одѣтъ въ черный помятый, давно сшитый и рѣдко надѣвавшiйся парадный мундиръ съ аксельбантами, тѣсно сидѣвшiй на немъ. Высокiе сапоги были велики и шаровары тяжелыми складками ложились на нихъ. Тонкая шапка «кочерга», болталась спереди, и видно было, что онъ отвыкъ ее носить.

«A voilá c'est fameux*) Самойловъ. О немъ только и говорятъ при дворѣ», — подумала Вѣра Константиновна. Онъ вчера, какъ передавалъ ей ея мужъ, сильно разстроилъ своимъ докладомъ Государя. — Да, такая фигура и можетъ разстроить. Квазимодо какой-то! Совсѣмъ японецъ и, надо полагать, женатъ на японкѣ.»

— Вы тамъ не умег'ли со скуки? — сказала она.

— О, ему некогда было скучать, — смѣясь, сказалъ

*) А вотъ этотъ знаменитый.

Яковъ Петровичъ Пестрецовъ. — У него цѣлый гаремъ гейшъ былъ.

Полковникъ ничего не сказалъ на эту шутку, слышанную имъ здѣсь уже не первый разъ, и только внимательно посмотрѣлъ на Вѣру Константиновну. Проницательный взглядъ его былъ полонъ тревоги и тихой грусти.

— Пойдемте, господа, — сказала Вѣра Константиновна. — Вы не знакомы съ моей тетей?

— Какъ же! — воскликнулъ Пестрецовъ. — Я давно имѣю удовольствіе знать баронессу Адель Карловну.

— Вотъ, вмѣсто мужа, шаперонирую племянницу, — сказала баронесса Вольфъ, протягивая пухлую руку Пестрецову.

II

Къ Іорданскому подъѣзду по одному, группами, толпами подходили и подъѣзжали приглашенные на балъ офицеры частей гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Длинная вереница извозчиковъ вытянулась по набережной почти до самой Фонтанки. Конные жандармы на заиндевѣлыхъ гнѣдыхъ лошадяхъ пропускали ихъ по одному къ крутому подъѣзду за Зимней канавкой и Эрмитажемъ. Болѣе нетерпѣливые сходили съ саней и, расплатившись съ извозчикомъ, торопливо шли пѣшкомъ по очищенной и усыпанной желтымъ пескомъ крѣпкой гранитной панели. Большинство были въ «Николаевскихъ» шинеляхъ, другіе надѣли пальто въ накидку и, запахиваясь отъ мороза рукою, бѣжали, придерживая шапку, третьи напялили пальто на эполеты, подвязавъ шелковыми цвѣтными шарфами воротники, шитые золотомъ и серебромъ.

Въ ночномъ туманѣ, спустившемся надъ замерзшей Невой, отрывисто и рѣзко звучали рѣдкіе голоса.

Кто-нибудь, догоняя, окликнетъ товарища. Прогудитъ сдержанный генеральскій басъ: — «не торопитесь, господа! Поспѣете!...» Да начальственно-строго скоман-

дуетъ конный жандармъ въ алой шапочкѣ съ бѣлымъ во-лосянымъ султаномъ, отороченной чернымъ каракулемъ:

— Извозчикъ! отъѣзжай!... Не задерживай!...

Въ длинной мраморной Іорданской галлереѣ, между статуй и скульптурныхъ группъ были поставлены легкія вѣшалки и устроенъ изъ деревянныхъ переносныхъ перегородокъ широкій проходъ. За перегородками, по полкамъ, стояли солдаты, присланные для «принятія верхняго платья господъ офицеровъ».

Здѣсь была толчея раздѣвающихся офицеровъ, гомонъ голосовъ и выкрики солдатъ, увидавшихъ въ толпѣ своего офицера.

— Ваше благородіе, пожалуйте!... Нашъ полкъ здѣсь.

Вдали, въ золотомъ сіяніи огней, была видна широкая лѣстница, отраженная зеркалами. По ней шло непрерывное теченіе пестро одѣтой толпы. Зеленыя пятна пальмъ и лавровъ, золото рамъ и мраморъ статуй казались прозрачными въ легкой дымкѣ дали. Отъуда шли цвѣточныя благоуханія. Оттуда доносилась музыка. Великій Русскій Царь принимаетъ тамъ своихъ гостей — «господъ офицеровъ»... Здѣсь, когда стихло движеніе пріѣзжающихъ и всѣ приглашенные собрались, наступила тяжелая дремота среди грудъ офицерскихъ шинелей, у калошъ съ лужицами оттаявшаго снѣга, въ легкомъ запахѣ нафталина и барашковаго мѣха.

Сквозь эту дремоту — дума о домѣ, о далекой деревнѣ... Иногда раздается шопотъ сосѣда... — о неравенствѣ... — «Имъ, господамъ, все... намъ сторожить ихъ добро...» Иной съ досадою отмахнется:

— Не шебарши зря!... Всего всѣмъ нельзя... Будь самъ офицеромъ — попадешь и ты... Сторожить кому-нибудь надо. Другой прислушается... вздохнетъ... Взглянетъ вдаль, въ глубину, въ золотыя полыханія, въ огненныя блистанія полной народомъ лѣстницы, вспомнитъ занесенную снѣгомъ деревушку на берегу лѣсного оврага и вздохнетъ полною грудью:

— Д-да!... Дѣла!...

На широкой съ низкими ступенями бѣло-мраморной лѣстницѣ, облицованной желтымъ камнемъ съ черными и бѣлами жилками, съ широкимъ алымъ ковромъ-дорогою — красота и богатство, нигдѣ невиданныя.

Подлинная сказка восточныхъ царей. Огни фантазіи Шехеразады... Блескъ Византійскій... Громадныя вазы изъ нѣжно-прозрачныхъ сибирскихъ камней — орлеца и ляписъ-лазури, статуи великихъ мастеровъ... и между ними, черезъ ступеньку, красота богато одѣтыхъ неподвижно стоящихъ русскихъ людей.

Тутъ вытянулись егеря и ловчіе императорской охоты, царскіе доѣзжачіе и стремянные: — сухіе. ловкіе, загорѣлые, въ усахъ и красивыхъ бородахъ, въ кудряхъ, выбивающихся изъ-подъ шапокъ. Въ длинныхъ, позументомъ расшитыхъ русскихъ кафтанахъ, съ таліей въ сборку, въ шароварахъ и высокихъ сапогахъ. Одни съ кривыми охотничьими ножами въ блестящей мѣдной оправѣ, другіе съ круглыми рогами черезъ плечо... Тутъ стояли императорскіе жокеи-форейторы въ алыхъ куртахъ съ золотыми шнурами и въ бѣлыхъ лосинахъ, въ черныхъ лаковыхъ сапогахъ съ желтыми отворотами. Безусые, розоволицые мальчики — они привлекали вниманіе проходящихъ своею нѣжною красотою.

Старый дипломатъ въ черномъ фракѣ, голубой лентой по жилету и черныхъ короткихъ штанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. остановился на верхней площадкѣ и посмотрѣлъ внизъ.

Въ блистаніи громадныхъ хрустальныхъ электрическихъ люстръ и множества стѣнныхъ кенкетовъ пестрымъ сверкающимъ потокомъ, заливая почти всю ширину лѣстницы, подымались приглашенные Русскаго Государя.

Дамы въ бальныхъ платьяхъ. нарочно для этого сшитыхъ у лучшихъ портнихъ, въ сіяніи обнаженныхъ плечъ, покрытыхъ жемчугами и брилліантами. и блестящими золотомъ въ изгибахъ прическокъ волосами, откуда дрожали нѣжные эспри, или горѣли камни діадемъ, офи-

церы въ пестрыхъ мундирахъ, сенаторы въ красныхъ, шитыхъ золотомъ кафтанахъ — всѣ въ добротномъ сукнѣ, въ чистомъ золотѣ и серебрѣ шитья — являли богатство и роскошь Императорской Россіи.

Дипломатъ покрутилъ головою и задумчиво вошелъ въ сверкающій огнями небольшой квадратный залъ. Съ расписного плафона свѣшивалась въ хрустальныхъ цѣпяхъ люстра. Подъ нею въ два человѣческихъ роста, овальная, шаговъ пятнадцать длиною, стояла ваза, сдѣланная изъ цѣлаго куска прекраснаго зеленаго малахита.

«Труда-то, труда-то сколько!» — подумалъ дипломатъ. — «Труда, таланта... и естественныхъ богатствъ... Когда-нибудь... Да, нелегко будетъ свалить этого гиганта!...»

Онъ повернулъ налѣво и въ раскрытыя зеркальныя двери прошелъ въ Николаевскій залъ.

Знакомый дипломата, маленькій гусаръ Кольцовъ, въ аломъ доломанѣ, расшитомъ золотыми шнурами, съ бѣлымъ ментикомъ въ бобровой опушкѣ на-опашь, съ большой, едва не до пола висящей ташкой съ большимъ, золотомъ вышитымъ вензелемъ Государя въ вѣнкѣ изъ лавровъ, подошелъ къ нему.

Они заговорили по-англійски.

Дипломатъ обратилъ вниманіе, что у гусара шитье на ташкѣ было не закончено и между золотомъ зашитыхъ листьевъ видна была зеленая наметка...

— Это что же, — поднимая бровь на сухомъ морщинистомъ лицѣ и останавливаясь, сказалъ дипломатъ: — разсѣянность?... Забыли?...

На лицѣ дипломата появилась усмѣшка плохо скрытаго злорадства.

— Нѣтъ, — экселенцъ, — отвѣчалъ съ сіяющей счастьемъ улыбкой гусаръ, — традиція... Намъ ташку вышивала сама державная основательница полка—Императрица Екатерина Великая. Она носила въ это время сына-наслѣдника и была больна... Она не успѣла дошить этотъ уголъ — и съ тѣхъ поръ весь полкъ носитъ ташки съ недошитымъ угломъ.

— А? Традиція!?... — пробурчалъ дипломатъ и подумалъ, что его страна жива, цѣла, богата и благоденствуетъ такими же традиціями. — Давно это было?

— Сто двадцать девять лѣтъ тому назадъ.

«Младенцы», — подумалъ дипломатъ. — «Нашимъ полковымъ традиціямъ болѣе четырехсотъ лѣтъ.»

Они пошли черезъ весь залъ, мимо выстроившихся по полкамъ группъ офицеровъ. Церемоніймейстеры въ черныхъ фракахъ, съ тонкими палочками со слоновой кости наконечниками съ голубымъ шелковымъ бантомъ, порхали черными мотыльками по залу, устраивая порядокъ.

На эстрадѣ, обитой краснымъ сукномъ и окруженной лавровыми деревцами, музыканты въ красныхъ кафтанахъ разложили ноты. Красивый брюнетъ съ прекрасными темными глазами, капельмейстеръ Гуго Варлихъ, небрежно оперся о пюпитръ и всматривался въ высокія двери, гдѣ возлѣ толстаго турецкаго посланника въ алой фескѣ темнѣли фраки и пестрѣли дамскія платья «чиновъ дипломатическаго корпуса». Туда-то, къ дверямъ Арабской комнаты, гдѣ стояли камеръ-пажи, ожидая выхода Высочайшихъ особъ, и направился дипломатъ.

Кольцовъ оставилъ его на серединѣ залы у своего полка.

Разговоры смолкали. Залъ затихалъ. Наступалъ часъ начала бала.

III.

— Ну, какъ же я радъ, что ты пріѣхалъ, — говорилъ Пестрецовъ, ведя подъ локоть полковника Самойлова и проталкиваясь съ нимъ черезъ толпу офицеровъ по Помпеевской галлереѣ. — Тутъ вѣдь у насъ чортъ знаетъ что дѣлается! Ты и представить себѣ не можешь — я положительно не узнаю его.

— А что? Отъ миролюбія и слѣда не осталось? — улыбаясь, спросилъ Самойловъ.

— Пойдемъ куда-нибудь. Тутъ много лишнихъ ушей, а разговоръ нашъ будетъ интересенъ. А вотъ хоть сюда. Тутъ, если кто и будетъ, то только влюбленная парочка, которую мы спугнемъ.

Пестрецовъ сквозь стеклянныя двери провелъ Самойлова въ тихую прохладу Зимняго сада. Онъ угадалъ: при ихъ приближеніи высокій Измайловецъ поднялся со скамейки, гдѣ онъ сидѣлъ рядомъ съ молодой, видно сильно взволнованной дамой и сказалъ: — Alors à demain*)

Они вышли.

— Ну вотъ и прекрасно, — сказалъ Пестрецовъ. — Обработаетъ онъ ее завтра, — кивнулъ онъ въ сторону Измайловца — первый ловеласъ въ корпусѣ. И нахалъ страшный. Я не понимаю, какъ графиня Палтова рискуетъ ѣхать съ нимъ куда бы то ни было. Ну, это пустяки. У насъ вѣдь все по-старому. Любовь на первомъ планѣ. И какая!.. Разсказывай, что тамъ?

— Тамъ я оставилъ лихорадочную работу по подготовкѣ къ войнѣ. Мобилизація не объявлена, но фактически она уже произведена. Морально весь японскій народъ такъ обработанъ, что онъ насъ ненавидитъ. Брѣетъ тебя какой-нибудь Камумото, а у самого руки такъ и ходятъ, чтобы тебя зарѣзать только за то, что ты Русскій.

— Не обошлось, конечно, безъ англійской дипломатіи?

— Само собой разумѣется. Милый другъ, да всѣмъ выгодно. Вѣдь напугали мы всѣхъ этой желѣзной дорогой до крайности. «Русскіе хотятъ сдѣлать Великій океанъ Русскимъ моремъ!» «Зачѣмъ вамъ концессіи на Ялу?» Ахъ, Боже мой, и какъ все это бездарно! Пріѣзжаю въ Портъ-Артуръ... Флота нѣтъ... То есть, конечно, не всего, — а половина во Владивостокѣ. Я докладываю... Смѣются. «Ничего подобнаго,» говорятъ. «Вы ошибаетесь». Это я то ошибаюсь, который съ ними не одинъ пудъ соли съѣлъ. «Войны не будетъ». «Макаки

*) Тогда — до завтра.

не посмѣютъ». Какіе макаки? — «Да эти ваши желтые!» Да что у васъ здѣсь есть? «На Ялу-то?» Вѣдь туда первый ударъ будетъ. — Бригада Кашталинскаго, да и та не вся». Я такъ и ахнулъ. «А вообще на Дальнемъ Востокѣ?» Никого. Какъ было, такъ и осталось. А? Понимаешь ли? Ну, вижу, разговаривать не стоитъ съ ними. Я прямо сюда.

— Ну, хорошо, но вѣдь Куропаткинъ былъ у васъ, онъ все это видѣлъ. Какъ онъ нашелъ? Ты былъ у него?

— Третьяго дня. Прямо съ вокзала.

— Ну что же?

— Посмѣивается. Вижу, что знаетъ все. Японская армія на него произвела страшное впечатлѣніе. «Что же», говоритъ, «я сдѣлаю. Здѣсь не хотятъ войны, да и только». Какъ не хотятъ? спрашиваю я. Однако ваша дипломатія дѣлаетъ все, чтобы она была. «Это, говоритъ, уже не мое дѣло. Обратитесь къ графу Ламздорфу.» А вѣдь тамъ смѣются надъ макаками! Они ноту, да какую! — слезами и кровью написанную, а мы молчимъ, а то еще хуже — обѣщали къ ноябрю убрать войска изъ Маньчжуріи, а вмѣсто того взяли, да усилили ихъ. Каково впечатлѣніе! Русскіе лгутъ... Съ Русскимъ Царемъ нельзя дѣла имѣть... Онъ — обманщикъ! Да, усиль такъ, чтобы приступа не было, а то только дразнимся, кукишъ изъ кармана показываемъ. А тамъ это производитъ впечатлѣніе краснаго плаща передъ разъяреннымъ быкомъ.

— И ты думаешь, быкъ бросится?

— Всенепремѣнно... Иначе быть не можетъ... Они боятся нашего солдата, но мы слишкомъ ихъ задѣли.

— Да вѣдь и то правда, наша армія лучшая въ мірѣ.

— Наружно, Яковъ Петровичъ, — кладя руку на локоть Пестрецова сказалъ Самойловъ. — Да, наружно, это такъ. Но внутри. О! Боже мой. Былъ я въ Артурѣ у своего пріятеля Тиншна. Но кому тамъ командуетъ. Разспрашивалъ его. Пулеметы есть?.. Нѣтъ. Бинокли у офицеровъ?.. нѣтъ... И такъ до мелочей. Защитныхъ рубахъ и тѣхъ нѣтъ, наши, говоритъ, бѣлыя рубахи не

хуже защитныхъ. Она, какъ въ поту, да въ пыли, да въ землѣ вываляется, такъ станетъ, что твоя защитная... Шутки, Яковъ Петровичъ, боевыя шутки! А духъ? Одни такъ макакъ боятся, что не выдержатъ ихъ появленія, другіе, напротивъ — шапками закидать хотятъ. Ни маневровъ толковыхъ... ничего. Такъ... прозябаютъ. Тоска и пьянство... И все это кипитъ японскими шпіонами... Въ самомъ Портъ-Артурѣ въ корабельномъ порту работаютъ японцы. А вѣдь, что ни японецъ, то шпіонъ.

— Хорошо. Ты докладывалъ ему?

— Вчера... Былъ принятъ имъ и очарованъ. Но опять только наружно. Выслушалъ меня крайне внимательно. Задалъ рядъ вопросовъ, показавшихъ полную, какъ бы тебѣ сказать, освѣдомленную неосвѣдомленность. Онъ все знаетъ, но только съ той стороны, какъ ему пріятнѣе. Онъ не слушаетъ ни меня, ни Куропаткина, ни другихъ спеціалистовъ, но молодежь, флигель адъютанты, окружающіе его, вдолбили ему совсѣмъ не то представленіе о Японіи, которое нужно. Одинъ провелъ въ Нагасаки недѣлю, другой былъ на маневрахъ японской роты, третій жилъ съ японкой, четвертый путешествовалъ по Кореѣ — и это все нарисовало ему Японію какою-то кукольною слабенькою страною. А?

— Ну, развѣ она такъ сильна?

— Сильна не сильна, но воевать мы съ нею не можемъ. И мы должны все сдѣлать, чтобы этой войны не было.

— Да мы, сколько я знаю, и не хотимъ войны.

— Будто? Надо сейчасъ, ни минуты не медля, убрать все съ Ялу. Кончить эти нелѣпыя лѣсныя концессіи.

— Но это невозможно. Ты знаешь, чьи капиталы туда вложены?

— Знаю. Тѣмъ болѣе надо убрать ихъ. Чтобы повода не было къ войнѣ. Чтобы солдаты не могли говорить о томъ, за что ихъ гнали умирать. Вѣдь внутренній врагъ не дремлетъ и, конечно, используетъ все это. Нашъ долгъ спасать тронъ.

— Николай Захаровичъ, ну развѣ ты видишь какую-нибудь опасность для трона?

— Всякая война, Яковъ Петровичъ, потрясаетъ народъ, срываетъ съ него маску безразличія. Это: — или, или? Или вѣнокъ побѣдителя, и тогда вся кровь прощена — или, напротивъ, — оправданія, и тогда — подавай отчетъ. Нашъ народъ, да и не только простой народъ, но и интеллигенція, никогда не пойметъ, что мы воевали за открытое море, воевали для будущаго. Всѣ разрушители, та лѣвая часть нашей интеллигенціи, что угомониться никакъ не можетъ и все грезитъ о конституціи, раздуетъ слухъ о томъ, что Русская кровь лилась для защиты высочайшихъ капиталовъ и недовольство готово. Въ какое положеніе будемъ тогда поставлены мы, офицеры и начальники, — кто объ этомъ подумаетъ? Я чувствую, что та каша, что заварили теперь наши финансисты на Востокѣ, выходитъ крутенька, а расхлебывать ее придется намъ, генераламъ и офицерамъ и дорого придется платить тогда за этотъ блескъ баловъ и даровые ужины и шампанское.

— Это нашъ долгъ. Нашъ долгъ передъ нимъ, — сказалъ Пестрецевъ. — Вотъ, кажется, и онъ.

Молодой, прекрасный собою офицеръ въ темнозеленомъ въ сборкахъ свитскомъ кафтанѣ съ бѣлыми погонами съ вензелями и бѣлымъ муаровымъ кушакомъ, съ аксельбантами и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ съ бальными незвенящими шпорами заглянулъ въ оранжерею и торопливо сказалъ:

— Ваше превосходительство... Государь Императоръ!..

— Иду, иду, Саша, — поднимаясь съ дивана сказалъ Пестрецовъ.

— Это мужъ той самой очаровательной блондинки, которой я тебя представилъ при входѣ на балъ. Отличный офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ и образецъ той безпредѣльной преданности къ Государю, что теперь цѣнится выше всего.

Пестрецовъ съ Самойловымъ перешли галлерею и

черезъ арку незамѣтно вошли въ толпу офицеровъ, ожидавшихъ высочайшаго выхода.

IV.

Вдругъ по всему громадному Николаевскому залу какъ-то особенно застучали о полъ тонкія трости церемоніймейстеровъ. Залъ вздрогнулъ, насторожился и стихъ. Всѣ повернули головы къ дверямъ. Поднимались на носки. Смотрѣли черезъ головы толпы.

Гуго Варлихъ обернулся къ оркестру, быстрымъ взглядомъ окинулъ музыкантовъ отъ первыхъ скрипокъ до турецкаго барабана и треугольника и взмахнулъ палочкой. Плавные могучіе звуки полонеза изъ «Жизни за Царя» Глинки потрясли громадный залъ, повторились въ согласномъ созвучіи и полились мягкіе и нѣжные.

Сквозь толпу, открывая въ ней живой коридоръ, проходилъ поспѣшными шагами церемоніймейстеръ въ черномъ шитомъ золотомъ мундирѣ съ маленькой палочкой изъ слоновой кости съ Государевымъ вензелемъ, и голубой ленточкой, повязанной бантомъ и просилъ дать дорогу.

Государь шелъ подъ руку со своею сестрою, великою княжною Ксеніей Александровной. Онъ былъ въ мундирѣ Преображенскаго полка. И это обстоятельство сдѣлало счастливыми офицеровъ Преображенцевъ. Первый увидалъ это рослый и могучій графъ Палтовъ, здоровый дѣтина атлетическаго тѣлосложенія. Онъ черезъ головы толпы разсмотрѣлъ Государя и сейчасъ же сказалъ командиру полка.

— Ваше превосходительство, Государь Императоръ въ нашемъ мундирѣ.

— Въ нашемъ мундирѣ... въ нашемъ мундирѣ,—стали повторять другіе офицеры Преображенцы. Они просіяли, точно именинники. Весь вечеръ отъ нихъ только и было слышно. — «Вы знаете, Государь сегодня въ нашемъ мундирѣ».. «О! это знаменательно».. «Онъ давно,

съ самаго полкового праздника, не надѣвалъ нашего мундира»... «Лейбъ казаки разсчитывали, что онъ будетъ въ лейбъ-казачьемъ»...

«Онъ никогда еще не надѣвалъ краснаго мундира. Это къ нему не идетъ». — «Павловскій полкъ думалъ, что Государь будетъ въ ихъ мундирѣ, потому что сегодня караули по городу и во дворцѣ отъ Павловскаго полка». — «Это ничего не значитъ. — Прошлый разъ...»

Тотъ самый высокій измайловецъ, котораго спугнулъ Пестрецовъ съ Самойловымъ въ оранжереѣ, цѣлуя руку повыше перчатки у Палтовой, говорилъ ей.

— Поздравляю васъ Наталья Борисовна. Государь Императоръ въ вашемъ мундирѣ. Пари выиграно. Завтра ровно въ часъ у Фелисьѐна.

— Ахъ, какой вы... Но вамъ везетъ!

Во второй парѣ затянутая, съ красными пятнами волненія на щекахъ, подъ руку съ красавцемъ великимъ княземъ Владимиромъ Александровичемъ, шла Императрица Александра Ѳедоровна. Она привѣтливо кланялась на обѣ стороны, отвѣчая на низкіе поклоны мужчинъ и глубокіе реверансы дамъ. Ей было тяжело и непріятно отъ жадныхъ взглядовъ, которыми ее оглядывали всѣ и, особенно, городскія дамы.

— Нѣтъ, совершенно бѣлая, — говорили въ толпѣ.

— И декольте глубокое, но кожа очаровательная.

— А что же говорили, что у нея экзема?..

— Мало ли, милая моя, чего не наговорятъ.

— Она прекрасна.

— И какъ царственно величественна!

— Какъ привѣтливо поклонилась!

За нею, въ слѣдующихъ парахъ, шли великіе князья, министры и чины Двора подъ руку съ великими княжнами, княгинями и фрейлинами.

Это красивое шествіе, гдѣ на дамахъ горѣли брилліанты, а на кавалерахъ золото и серебро мундировъ, эполетъ и шарфовъ подъ плавные звуки полонеза обошло весь залъ и вернулось въ уголъ, къ дверямъ, гдѣ стало группой. Императрица, — у нея отъ волненія подкапи-

вались ноги, — сѣла на стулъ, Государь сталъ подлѣ.

Черноусый красавецъ, лихой ротмистръ Уланскаго Государыни Александровны Өедоровны полка Масловъ подошелъ плывущими шагами къ Императрицѣ и спросилъ у нея разрѣшенія начинать танцы. Она, молча, кивнула головою. Капельмейстеръ заигралъ пѣвучій вальсъ и Масловъ предложилъ руку Императрицѣ. Всѣ сидѣвшія дамы, согласно съ придворнымъ этикетомъ, встали и стояли, пока Императрица танцовала. Стоялъ и Государь.

Танцовали только въ одной половинѣ зала, ближе къ Государю. Танцовало всего нѣсколько паръ. Вѣра Константиновна, съ красивымъ гусаромъ Кольцовымъ, другой гусаръ, ротмистръ Ламбинъ, съ молоденькой дѣвушкой Вѣрочкой Бетрищевой, графиня Палтова танцовала съ неотстававшимъ отъ нея измайловцемъ, а ея мужъ съ сестрою Государя великою княжною Ольгою Александровной. Всѣ остальные гости-офицеры, какъ только кончился полонезъ и раздались первые звуки вальса повалили въ Помпеевскую галлерею и малахитовый залъ. Тамъ по обычаю, заведенному еще со временъ ассамблей Петра Великаго и утонченному императрицей Екатериной, были приготовлены столы съ питьемъ и сластями. По всѣмъ угламъ и вдоль оконъ малахитоваго зала и въ Помпеевской галлереѣ были накрыты столы. На нихъ стояли художественные серебряные канделябры и surtout de table.*) Каждое было произведеніемъ искусства, каждое говорило о старинѣ. Ковши съ Петровскими распластанными орлами, сцены охотъ изъ серебра съ деревьями, кабанами, оленями и собаками, съ людьми въ разныхъ одеждахъ поддерживали хрустальныя блюда и фарфоровыя плато, гдѣ горами были наложены фрукты, печенья и пирожныя. Подъ ними стояли чашки для чая и хрустальные стаканы для оршада, лимонада и клюквеннаго морса. То здѣсь, то тамъ были въ особенныхъ серебря-

---

*) Настольныя украшенія.

ныхъ вазахъ во льду бутылки шампанскаго Удѣльнаго имѣнія Абрау и подлѣ нихъ высокіе бокалы.

На хрустальныхъ блюдцахъ были наложены конфеты Петербургской придворной кондитерской. Тамъ были нѣжныя фруктовыя и ягодныя — Русскихъ фруктовъ и ягодъ, клюквы и морошки, и шоколадъ и леденцы въ пестрыхъ красивыхъ бумажкахъ и съ маленькими бонбоньерками. И, должно быть съ тѣхъ же Петровскихъ и Екатерининскихъ временъ, было въ обычаѣ у офицеровъ брать эти конфеты съ собой — домой, чтобы порадовать Царскимъ гостинцемъ жену и дѣтей.

Много офицеровъ толпилось около вазъ съ шампанскимъ. Были знатоки, увѣрявшіе, что въ разныхъ углахъ и буфетахъ и вино было разное и особенно хорошее было въ углу малахитоваго зала.

Гриценко въ аломъ колетѣ, обшитомъ по борту широкимъ кованнымъ галуномъ, сверкая черными цыганскими глазами, тонкій, худой, настоящій цыганъ, стоялъ у буфета и медленными глотками, мокая черный усъ въ янтарное вино, пилъ пятый бокалъ.

— Хорошо выпить у Царя! — сказалъ онъ, подмигивая Саблину, подошедшему къ нему послѣ танцевъ.

Тутъ же стоялъ нарядный гусаръ Ламбинъ и мѣшалъ ложечкой чай въ чашкѣ.

— Славный это, Саша, обычай. Старый Русскій обычай. Руси есть веселіе пити. Стою я здѣсь, смотрю, а предо мною такъ уроки исторіи и лѣзутъ. Владиміръ Красное Солнышко, жбаны этакіе въ хорошихъ полведра греческаго, какого-нибудь вина Мальвазіи и богатырь Илья, осушающій ихъ однимъ духомъ... Эхъ! въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ. А, Ламбинъ!.. Правда!..

— Вѣрно, Павелъ Ивановичъ, — отвѣчалъ Ламбинъ, облокачиваясь о столъ. Поднявшійся ментикъ окружилъ соболинымъ мѣхомъ загорѣлое лицо и придалъ ему юношескую нѣжность.

— Мнѣ вспоминается и Петръ, — продолжалъ Гриценко, — со своимъ кубкомъ большого орла, вспомина-

стея ласковая царица Екатерина — богоподобная царевна киргизъ-кайсацкія орды и вся пестрая толпа, ее окружавшая. И Азія и Европа, востокъ и западъ стекались къ этимъ столамъ и пили, быть можетъ, изъ этихъ самыхъ бокаловъ.

— Пить и ѣсть хорошо, — сказалъ Саблинъ, — но я не понимаю одного. Посмотри, видишь, вонъ тотъ офицеръ съ серебряными эполетами взялъ громадную грушу дюшесъ и прячетъ въ карманъ, а она не лѣзетъ, а шапка полна конфетами. Вонъ и еще беретъ въ бумажкѣ завернутую. Лакеи смотрятъ. Смѣются люди. Что это? Жадность? Дорвался до дарового и беретъ.

— Нѣтъ, Александръ Николаевичъ, — серьезно глядя на Саблина, сказалъ Ламбинъ и его распушенные усы поднялись какъ у кота, — это не жадность. Подойди къ человѣку не съ осужденіемъ, а съ любовью и ты увидишь другое. У этого офицера — жена и дѣти. Они такъ же, какъ и мы обожаютъ Государя. Для нихъ это — Царскія конфеты, Царская груша. Они подѣлятъ ее и будутъ ѣсть по кусочкамъ, какъ освященный хлѣбъ, а конфеты, можетъ быть, спрячутъ и во всякомъ случаѣ съѣдятъ ихъ какъ конфеты изъ сказочнаго царства. Онѣ будутъ имъ дополненіемъ къ его разсказу о балѣ, куда они не были приглашены.

— Вѣрно. Слушай Саша, — сказалъ Гриценко. — Не нужно быть такимъ prude.*) Ты разскажи это на дежурствѣ Государынѣ Императрицѣ и, я увѣренъ, она будетъ тронута.

— Ну, я понимаю, взять цвѣты со стола Ихъ Величествъ, а это... нѣтъ... Людямъ смѣшно.

Скороходъ принесъ серебряные чайники съ чаемъ и кипяткомъ. Ламбинъ взглянулъ на него и улыбнулся.

— А Виноградовъ, — сказалъ онъ. — Ну какъ служишь?

— Вашими милостями, Вадимъ Петровичъ, вѣкъ не забуду.

**) Чопорнымъ.

— Ты, слава Богу, не полнѣешь, а вотъ Кумовъ на царскихъ хлѣбахъ совсѣмъ непозволительный чемоданъ завелъ — кивнулъ Ламбинъ на толстого лакея, наливавшаго ему чай.

— Емнастикой мало занимаюсь, — солидно посмѣиваясь, сказалъ лакей.

— Все унтеръ-офицеры мои, Александръ Николаевичъ, — отходя отъ буфета съ Саблинымъ, сказалъ Ламбинъ. — Славные ребята! Я хорошо ихъ устроилъ... Этотъ пузачъ, когда-то лихой наѣздникъ былъ, призы за выѣздку бралъ... А теперь... Чай разливаетъ... Да tout passe, tout casse, tout lasse.**) Хорошо это сказано... Все проходитъ... Одно не проходитъ...

Ламбинъ вздохнулъ. Саблинъ зналъ, что Ламбинъ четыре года тому назадъ потерялъ свою возлюбленную, Наташу Бломъ, но никогда не думалъ, что его любовь была такъ сильна и постоянна.

— Какъ вы всѣхъ ихъ знаете? — сказалъ Саблинъ.

— Ну еще бы. Четыре года вмѣстѣ оттрубили, одною жизнью жили, однѣми думами думали. Хорошіе люди, чудные Русскіе солдаты! Я ихъ всѣхъ очень люблю... Да, вотъ какъ будто и война надвигается, а что будетъ — кому извѣстно.

— Война, — сказалъ Саблинъ, и, наклоняясь къ уху Ламбина, прошепталъ: — смѣю завѣрить васъ, Вадимъ Петровичъ, что войны не будетъ.

— Это ваше личное мнѣніе?

— Это мнѣніе Его Величества.

— А... — сказалъ Ламбинъ. Это «а» было такъ многозначительно, что Саблинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ламбина.

— Пойдемте танцовать, — сухо сказалъ Ламбинъ, — Государь насъ пригласилъ сюда не для того, чтобы политикой заниматься, а для того, чтобы мы танцовали съ его гостями. Вѣдь это балъ, Александръ Николаевичъ, балъ!..

**) Все проходитъ, все исчезаетъ, все оставляетъ.

V.

Въ пестромъ Арабскомъ залѣ, за ломберными столами, съ только что распечатанными свѣжими картами старые сановники и старыя дамы играли въ карты. Черезъ открытыя двери сюда глухо доносился гулъ голосовъ танцующихъ и всплески музыки.

— Въ пикахъ, Адель Карловна? — сказалъ своей партнершѣ Пестрецовъ.

— Въ пикахъ.

— Пасъ.

— Я пасъ, — объявили остальные партнеры.

Разговоръ смолкъ. Изъ Николаевскаго зала шли звуки кадрили и красивая команда дирижера.

Пестрецовъ, отдуваясь черезъ густые усы и прищурившись, смотрѣлъ на карты. Онъ однимъ ухомъ прислушивался къ тому, что говорили сидѣвшія съ нимъ дамы. Онѣ говорили о молодой императрицѣ и новомъ, появившемся при Дворѣ человѣкѣ французѣ, Филиппѣ.

— Что же онъ? Новый Каліостро, — сказала старая сѣдая дама съ длиннымъ носомъ и свѣтлыми сѣрыми глазами.

— Просто шарлатанъ. Я его видала. Черная грива, будто нечесанный, жирное лицо.

— Но говорятъ, въ Ліонѣ чудеса дѣлалъ.

— Фокусникъ! И этого фокусника, простого аптекарскаго ученика Куропаткинъ медикомъ сдѣлалъ... Ужасно!

— Но почему нибудь ее влечетъ къ нему?

— Ахъ, она такая несчастная и одинокая. Она жаждетъ чудесъ. Жаждетъ помощи свыше, молится о ней и ищетъ посредника между собою и Богомъ.

— Все это странно.

— Это... масоны, — выпалилъ Пестрецовъ.

Дамы пришли въ волненіе.

— Какъ масоны? Ахъ, скажите, это такъ интересно.

Пестрецовъ покосился на сосѣдній столикъ, гдѣ два

дипломата играли съ конвойнымъ офицеромъ и пожилой очень полной дамой въ городскомъ бальномъ платьѣ и тихо сказалъ:

— Тамъ, гдѣ дѣлается святое, чистое дѣло, гдѣ душа устремляется къ Богу въ молитвенномъ порывѣ, туда непремѣнно діаволъ запускаетъ свою косматую лапу.

— Вы это серьезно? — спросила Адель Карловна.

— Россія стала слишкомъ могущественна, богата и великолѣпна. Россія сохранила вѣру въ истиннаго Бога и во главѣ ея стоитъ христіанинъ, Государь и глубоко вѣрующая, любящая Россію, прекрасная Императрица. Это залогъ такого благоденствія, такого процвѣтанія, что начнется золотой вѣкъ Россіи! Это страшно тѣмъ, кто самъ хочетъ править міромъ и отвратить его отъ Бога и разорить прежде всего Россію. И вотъ масоны...

— Какъ интересно... — прошептала сѣдая дама.

— Я скажу это Александру... Пусть предупредитъ Государя. Это его долгъ, — сказала Адель Карловна.

Пестрецовъ снова покосился на стараго дипломата, игравшаго за сосѣднимъ столомъ.

— Кажется, кончили танцовать, — сказалъ онъ.

Въ Николаевскомъ залѣ музыка перестала играть. Кавалеры шаркающей, танцующей походкой разводили дамъ по кресламъ. Лакеи на серебряныхъ подносахъ разносили мороженое, положенное на хрустальныя тарелочки, имѣвшія форму виноградныхъ листьевъ.

Залъ гудѣлъ неясными глухими голосами. Вдругъ надъ ними раздался громкій сочный баритонъ, такъ хорошо знакомый всѣмъ офицерамъ и дамамъ свѣта.

— Вы говорите — она красива? По моему нѣтъ, Лицо, глаза... можетъ быть, — да... Но сложена... Она совершенно безъ... и тутъ по залу раздалось такое чисто Русское, простонародное, круглое, звучное слово, что дамы скрыли свои лица за вѣеромъ, а кавалеры дѣланно засмѣялись.

— Онъ невозможенъ... со своей глухотой и г'омкимъ голосомъ, — сказала Вѣра Константиновна. — Ему ка-

жется, что онъ это тихо сказалъ, а онъ выпалилъ, какъ изъ пушки.

Ея кавалеръ — Гриценко повелъ пьяными черными глазами.

— Сказалъ чистую правду.

— Quelle bêtise...*) Скажете тоже. Вы женщинъ г'азбиг'аете по статьямъ, какъ лошадей.

— Лошадь?.. Что же, это прекрасно.

— Я сама ихъ обожаю... Но все таки... Какъ вамъ нгавится сегодня г'афиня Палтова? По моему она великолѣпна.

— Тяжелый сортъ!

— Бг'осьте это... Вы совсѣмъ, какъ цыганъ.

— Да я, вѣроятно, и есть цыганъ.

— А когда же мы сами къ цыганамъ?

— Когда хотите. Но вашъ мужъ противъ этого.

— О! Александ'гъ!.. Онъ никогда не пуститъ... Не находите вы, что Палтова немного слишкомъ окг'ужена Измайловскимъ полкомъ?

— Это такъ понятно. Ея братъ измайловецъ.

— А Г'отбекъ! Какой онъ милый. И жена его такая душка. Почему не пг'игласили его сестеръ?.. Онѣ такія симпатичныя.

— Вы ставите имъ смертный приговоръ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Г'отбекъ нашего полка. Что до того, что его отецъ въ какой-то тамъ тог'говой компаніи диг'екторомъ. Г'азвѣ мало тутъ всякой дг'яни пг'иглашено. О!.. Я бы на эти балы пг'иглашала только fine noblesse.*)

— Для этого созданы концертные балы и спектакли въ Эрмитажѣ.

— J'adore ces petits bals!**) А эти ужины за кг'углыми столами въ Эг'митажѣ. Какая г'оскошь. Вотъ, гдѣ настоящая сказка Шехег'азды.

---

*) Какія глупости.

**) Я обожаю малые балы.

Раздалась команда дирижера и мягко и задорно музыка заиграла первую фигуру кадрили.

— Намъ начинать, — вставая и протягивая руку Грицепкѣ сказала Вѣра Константиновна.

Когда эта послѣдняя кадриль окончилась, танцовавшіе парами, не танцовавшіе шумной безпорядочной толпой, обгоняя другъ друга, подъ звуки марша устремились по заламъ «Запасной половины» къ ужину.

— Тимка, — кричалъ плотный казакъ въ толпѣ, — захвати мѣсто мнѣ и Конькову.

— Ладно. Всѣ вмѣстѣ. А ты поспѣшай.

— Господа, не толкайтесь... Видите: — дама.

— Извиняюсь.

Пестрецовъ разыскалъ Самойлова и шелъ съ нимъ въ этой толпѣ.

— Ты говорилъ мнѣ о высокой дисциплинѣ въ Русской арміи, — говорилъ Самойловъ. — Гдѣ она? Я ее даже здѣсь, во дворцѣ Императора не вижу. Развѣ мыслимо что-нибудь подобное при дворѣ Микадо? Тебя, генерала, толкаютъ офицеры. Бѣгутъ жадной толпой. Вонъ, посмотри: кто-то, обгоняя великую княжну Ольгу Александровну, толкнулъ и не извинился. Что это такое?

— Жратва. Даровая жратва и пойло, — спокойно сказалъ Пестрецовъ.

— У насъ отданіе чести и остановка во фронтъ и рядомъ съ этимъ закурятъ въ вагонѣ для некурящихъ, пустятъ дымъ въ лицо генералу, или дамѣ. Тамъ отданія чести нѣтъ, но, посмотри, какая подтяжка. Мѣсяца три тому назадъ я обѣдалъ въ Токіо въ офицерскомъ собраніи 1-го кавалерійскаго полка. Офицеры собрались и стали по приборамъ. Никто не сѣлъ, пока не пришелъ командиръ полка. Тогда — общій поклонъ и сѣли. Обѣдали въ гробовой тишинѣ. Никто не сказалъ ни слова.

— Ну, это уже слишкомъ.

— Но отучаетъ отъ болтливости.

— Не забывай, Николай Захаровичъ, что мы — славяне.

— Такъ то такъ, но исторія насъ настоятельно тянетъ изъ нашего азіатскаго халата и требуетъ, чтобы мы облеклись въ европейское платье.

— Чего же ты хочешь?

— Хочу не только муштры, но и воспитанія. Хочу, чтобы гвардейскіе офицеры не толкались, спѣша къ Царскому столу, хочу, чтобы, когда всѣ будутъ умирать отъ жажды и кто-нибудь найдетъ горсть воды, чтобы онъ принесъ ее къ Государю и отдалъ ему... Жертвы, жертвы я хочу, а вижу жадность. Яковъ Петровичъ, наступаетъ время великихъ потрясеній... Нужны такіе солдаты, которымъ сказать, какъ сказалъ Петръ своему гренадеру въ Потсдамѣ — прыгай въ окно... — Въ которое прикажете? — чтобы разбѣжался и прыгнулъ... Понимаешь, какъ въ книгѣ солдатскихъ анекдотовъ и прописей разсказано... Есть такіе солдаты?

— Я думаю, что есть.

— А офицеры?... Ты молчишь. Исторія скоро потребуетъ отъ нихъ подвиговъ. Дадутъ ли они? Сумѣютъ ли дать?

VI.

За ужиномъ Нестрецовъ и Самойловъ сидѣли рядомъ въ дальней комнатѣ. Они не стремились впередъ, не искали близости Солнца. Они были рады встрѣчѣ.

То и дѣло изъ-за плеча просовывалась рука лакея въ бѣлой перчаткѣ и почтительный голосъ звучалъ:

— Хересъ... Мадера... Красное... Рейнвейнъ...

Кругомъ гудѣли голоса. Оркестръ одного изъ гвардейскихъ полковъ игралъ на хорахъ залы.

Они ѣли уже индѣйку съ каштанами, когда вдругъ всѣ бывшіе въ залѣ, гремя стульями, встали и повернулись въ одну сторону.

Изъ зала, гдѣ ужинали Высочайшія Особы, торопли-

вой походкой проходилъ Государь. Онъ оглядывалъ большими ласковыми глазами гостей и, привѣтливо улыбаясь, говорилъ:

— Прошу, пожалуйста... Кушайте на здоровье.

У многихъ офицеровъ глаза были полны слезами. Державный хозяинъ земли Русской обходилъ своихъ гостей. Гдѣ-то вспыхнуло непринужденное ура и оно загремѣло и полилось изъ зала въ залъ, сливаясь съ величественными звуками Русскаго гимна.

Саблинъ сопровождалъ Государя. Его лицо было замкнуто и сосредоточено.

Государь прошелъ въ слѣдующую залу, звуки гимна стихли и офицеры и дамы стали садиться.

— Какъ это мило и любезно со стороны Государя. — сказалъ Самойловъ.

— Да вѣдь онъ у насъ charmeur'*) И, знаешь, это все-таки несчастный человѣкъ. Носится онъ со своимъ самодержавіемъ, а своихъ министровъ такъ распустилъ, что не онъ, а они правятъ государствомъ. Вотъ тебѣ маленькій, но очень характерный примѣръ. Въ прошломъ году я еще командовалъ здѣсь полкомъ, пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ на полковой праздникъ. Я докладываю ему за обѣдомъ, между прочимъ, о трудностяхъ для офицеровъ не имѣть казенныхъ квартиръ и необходимости постройки офицерскаго флигеля. Слушаетъ... Мило такъ беретъ меня за руку и говоритъ: — «не безпокойтесь, весною будетъ у васъ и флигель»... Ладно, думаю, ты-то этого хочешь, а какъ посмотритъ на это инженерская дистанція? Замѣтилъ ли онъ на моемъ лицѣ недовѣріе, но только, вставая изъ-за стола, говоритъ мнѣ снова: — «Подавайте проектъ и будьте увѣрены, что весною вамъ построимъ флигель!» Вскорѣ онъ сталъ уѣзжать. Въ прихожей, окруженный офицерами, онъ еще разъ говоритъ мнѣ: — «Пестрецовъ, вы какъ будто не вѣрите мнѣ, что у васъ будетъ флигель?» — «Смѣю ли я не вѣрить», — говорю я, — «когда это говоритъ мнѣ мой Государь».

*) Чаровникъ.

— «У васъ будетъ флигель», — сказалъ Государь, пожимая руку и глядя мнѣ прямо въ глаза. Выпили мы за флигель. А весною инженерная дистанція спокойно отклонила мой докладъ съ указаніемъ на слова Государя. Въ смѣту не вошло.

— Но почему же ты не напомнилъ?

— По опыту многихъ лицъ знаю, что это ни къ чему. Это только раздражило бы его, а дистанція уперлась бы на своемъ и доказала ему, что никакого флигеля не надо. Онъ не властенъ въ своихъ словахъ. Я думаю, что и въ дѣлѣ войны онъ говоритъ одно, а адмиралъ Алексѣевъ и Ламздорфъ дѣлаютъ свое дѣло, не обращая на него вниманія. И особенно самодержавенъ Сергѣй Юльевичъ Витте. Государя доведутъ до раздраженія, поставятъ его передъ fait accompli*) и тогда онъ подписываетъ все, что угодно. Ты понимаешь, какъ удобенъ такой самодержецъ масонамъ!

— Да... — задумчиво проговорилъ Самойловъ, — а мы-то въ своемъ далекѣ считаемъ его самодержцемъ и виновникомъ всѣхъ нашихъ бѣдствій.

— Ты знаешь, насколько я преданъ Монарху. Но уже и я иногда начинаю думать о конституціи. Если министры не отвѣтственны передъ Царемъ, такъ пусть будутъ отвѣтственны передъ парламентомъ, а то каждый дѣлаетъ, что хочетъ, каждый ведетъ свою линію, не думая, куда приведетъ она Россію, а Государя развлекаютъ проектами различныхъ значковъ, которые онъ съ удовольствіемъ разсматриваетъ и утверждаетъ. Это-де поддержаніе традицій, спайка между частями. На глазахъ у правительства рабочіе организуютъ безъ всякихъ значковъ союзы, и я убѣжденъ, судя по вождямъ, что вовсе не для защиты профессіональныхъ интересовъ, а съ политическими цѣлями, а мы думаемъ значками спаять крестьянство съ солдатствомъ. Однако, кромѣ дворниковъ и швейцаровъ, никто не носитъ этихъ значковъ во время пребыванія въ запасѣ. Онъ самодержецъ, — но

*) Оконченнымъ дѣломъ.

чѣмъ ближе я стою къ нему, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что въ немъ нѣтъ главнаго, что нужно для самодержца широкаго ума и непреклонной воли. Да, иногда онъ упрямъ и настойчивъ въ безотвѣтственныхъ мелочахъ, а въ государственномъ дѣлѣ онъ ребенокъ, слѣпо вѣрящій окружающимъ: своей матери, женѣ, великимъ князьямъ и тѣмъ министрамъ, что сумѣли войти къ нему въ душу.

Въ большомъ залѣ, гдѣ ужиналъ Государь, послышались шумъ и движеніе. Государь всталъ изъ-за ужина. И сейчасъ же, на его глазахъ, дамы и барышни, офицеры, генералы и сановники бросились на штурмъ его стола. Каждый старался захватить что-нибудь съ его прибора. Вѣтку гіацинтовъ, пучокъ ландышей. Болѣе предпріимчивые набирали цѣлые букеты ландышей, охапки гіацинтовъ и нарциссовъ и шли торжествующіе къ своимъ дамамъ. Саблинъ принесъ своей женѣ одну тоненькую вѣточку ландыша и, подавая ее, сказалъ:

— Эту вѣточку Императрица одно время держала въ своихъ рукахъ. Поставь ее, Вѣра, къ образу у постельки нашей Тани.

— О, спасибо, — сказала Вѣра Константиновна, благоговѣйно принимая вѣточку изъ рукъ Саблина и поднося ее къ губамъ. — Я засушу её въ своемъ Евангеліи.

Атака стола продолжалась. Брали фрукты, горстями брали конфеты, подъ тѣмъ предлогомъ, что это съ Царскаго стола. И уже цѣлымъ потокомъ направлялись къ выходу и торопливо одѣвались. Балъ былъ конченъ, начинался разъѣздъ.

— Ты такъ думаешь? — говорилъ чернобородый армейскій артиллерійскій полковникъ своему спутнику, юному подпоручику. — Ты полагаешь, что это царская роскошь, царскій дворецъ, царская музыка, царское угощеніе?

— Ну, да, конечно... А то какъ же.

— Брось, Коля, свои груши и не носи ихъ матери. Это все — народное. Это все создано трудами и средствами народа, на его деньги, на его плоть и кровь. А народъ это — мы всѣ. Ты, я, мы народъ, а слѣдовательно

это наше. Мы были у себя самихъ и мы ѣли свое. Вотъ и все. Онъ только нашъ управляющій и распорядитель. И замѣтилъ — лососина за нашимъ столомъ была не свѣжая, а провансаль какой-то кислый. Да... И отъ фазановъ пахло. Только что крыльями да хвостами ихъ поубрали, а такъ, вообще-то — пахло. Утверждаю, что на этомъ балу кто-нибудь основательно набилъ себѣ карманъ. И притомъ нѣмецъ.

— Постой. Иваницкій, ты пѣшкомъ?

— Per pedes apostolorum,*) по старому бурсацкому обычаю. Погода отличная, а на лекціи я завтра не пойду. Вотъ и все. Да, милый другъ. Это для простого народа: — Царь и Богъ. А мы, образованные люди, отлично понимаемъ, что Царь — это только вывѣска на предпріятіи. И блекнетъ эта вывѣска, милый другъ. Ты говоришь Царь — потому, что шампанскаго выпилъ, сколько хотѣлъ, а я говорю, что плоховата наша вывѣска, плохъ и Царь. Помилуй, и шампанское удѣльное. Что за квасной патріотизмъ! А главное — утверждаю — лососина была не свѣжая. Это все Фредериксы да Мейендорфы надъ нами, русаками, измываются.

Подполковникъ покосился на застывшаго въ положеніи смирно часового въ мѣдной шапкѣ, чуть пошатнулся и продекламировалъ:

— Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ, насквозь прострѣленныхъ въ бою...

— Пойдемъ, Мишель, нехорошо.

— Постой!... Брысь!... Ничего ты не понимаешь. Вѣдь у нихъ, у Павловцевъ, у каждаго шапка съ исторической дыркой, а внизу фамилія солдата, который эту дырку

— Идемъ. Миша. Ну, Иваницкій будетъ.

получилъ. Такъ-то!

Подполковникъ, пошатываясь, отошелъ отъ часового и зашагалъ рядомъ со своимъ спутникомъ по набережной.

---

*) По-апостольски — пѣшкомъ (буквально — апостольскими ногами).

VII

Съ тѣхъ поръ, какъ Саблинъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ къ Государю Императору, его чувство любви и преданности къ Царской семьѣ дошло до предѣла. Иногда вечерами, сидя у себя въ кабинетѣ — (онъ послѣ свадьбы уже не жилъ въ казармахъ полка, но снималъ роскошную квартиру въ бельэтажѣ на Малой Морской) — Саблинъ у камина мечталъ о какихъ-то особыхъ подвигахъ, какіе онъ совершитъ для того, чтобы спасти Государя. То онъ кидался на преступника и выхватывалъ изъ рукъ его бомбу и она разрывалась у него въ рукахъ, то онъ грудью своею заслонялъ Государя отъ удара кинжаломъ, то становился во главѣ полка и велъ его на штурмъ непріятельской позиціи. Такъ же, если не больше, онъ любилъ Императрицу, и Императрица замѣтила это и, одинокая, среди чужихъ и враждебно къ ней настроенныхъ людей, она приблизила Саблина къ себѣ. Онъ сталъ во время дежурства получать приглашенія на семейные завтраки Государя. Императрица разспрашивала его о семьѣ, показывала ему своихъ дѣтей, и увидавъ, что онъ такъ же ихъ любитъ, какъ она, еще болѣе стала къ нему ласкова и приблизила къ себѣ Вѣру Константиновну.

— У васъ сколько дѣтей? — спросила она Саблина.

— Двое. Мальчикъ Коля — шести лѣтъ и дѣвочка Таня — пяти.

— Такъ же, какъ и моей Татьянѣ.

— Она и названа Татьяной въ честь Ея Императорскаго Высочества.

— А дальше почему нѣтъ дѣтей? Ваша жена нездорова? — спросила императрица.

— О, нѣтъ. Но она такъ молода. Любитъ свѣтъ. Ей хочется выѣзжать.

— Скажите вашей женѣ, — сказала серьезно Императрица, — что это не хорошо. Дѣти — благословеніе Божіе и отказываться отъ нихъ грѣхъ.

Саблинъ смутился и промолчалъ.

— Ахъ! — сказала Государыня. — Эти новыя теоріи. Не доведутъ онѣ до добра Россію.

Саблинъ снималъ Государыню съ дѣтьми на фотографію, сопровождалъ Государя въ его прогулкахъ верхомъ. Государь любилъ ѣздить верхомъ и часто съ Саблинымъ и двумя конвойными казаками онъ уѣзжалъ далеко, до самой Гатчино. Саблинъ видѣлъ въ Государѣ большую любовь къ природѣ, верховая ѣзда ему нравилась.

Горячо любилъ Государь русскій простой народъ. Онъ считалъ его чуткимъ, вѣрующимъ, носящимъ Бога въ себѣ. Мужикъ, солдатъ, кучеръ, лакей, егерь на охотѣ казались ему прекрасными людьми, неизмѣнно преданными, не могущими ему измѣнить. Страсти къ женщинамъ у него не было. Онъ полюбилъ одинъ разъ. Однажды, юношей, на вечерѣ ему представили скромную бѣлокурую дѣвочку съ волнистыми волосами, распущенными по спинѣ. Дѣвочка эта забилась въ кресло въ углу комнаты и ни съ кѣмъ не сказала ни слова. Государь — тогда Наслѣдникъ Престола, — безъ ума влюбился въ эту дѣвочку и сказалъ объ этомъ родителямъ. Эта дѣвочка была принцесса Алиса Гессенская. Наслѣдника хотѣли отвлечь отъ его любви. Онъ остался вѣренъ своей мечтѣ и настаивалъ на бракѣ съ принцессой Гессенской. И какъ только женился на ней — онъ забылъ свое мимолетное увлеченіе Кшесинской, настолько забылъ, что спокойно ѣздилъ съ Императрицей на спектакли, гдѣ та танцовала и не понималъ мукъ ревности и обиды своей жены, Императрицы. Онъ совсѣмъ ушелъ въ семью.

Императрица сразу почувствовала всю свою силу и его слабость. Она изучала Русскую исторію. Въ скромной Цербстской принцессѣ, обратившейся въ великую Императрицу, прославившую Россію и себя, она видѣла сходство съ собою. И она была скромная Гессенская принцесса, изучавшая медицину и имѣвшая званіе доктора философіи, а стала Россійской Императрицей. Вліять на мужа она могла, но она очень скоро убѣдилась въ томъ, что мужъ ея не самодержецъ. Кругомъ не-

го плетется интрига, онъ легко поддается вліяніямъ. Ее считали нѣмкой, она же не любила нѣмцевъ, ненавидѣла Вильгельма и преклонялась передъ англійской королевой Викторіей. Весь дворъ Императора Александра III гордился созданіемъ французскаго союза и ненавидѣлъ нѣмцевъ. Старые придворные группировались подлѣ вдовствующей Императрицы, имѣвшей вліяніе на сына. Россія и русскіе любили Царя-Миротворца и почитали вдовствующую Императрицу. Постоянные роды Александры Θедоровны, нетерпѣливое ожиданіе сына и наслѣдника престола, темные разговоры о томъ, что она порченная, что у нея сына не будетъ, волновали ее, мучали и дѣлали несчастной. Мужъ раздражался всякій разъ, какъ она приносила ему дочь. Въ народѣ было разочарованіе, придворные, министры, чувствуя, что она не въ силѣ, были холодны съ нею.

Какъ несчастлива была она на тронѣ! Какъ много, много хотѣла она сдѣлать для русскаго народа и какъ горячо молилась она Богу, чтобы Онъ ей помогъ.

Это правда, что одно время она искала духовной помощи у ліонскаго аптекарскаго ученика Филиппа Низіе, имѣвшаго въ Ліонѣ свой «cour de miracles»*) гдѣ онъ исцѣлялъ больныхъ. Императрица повѣрила въ его сверхъестественныя способности. Онъ предсказывалъ будущее — его предсказанія сбывались... Филиппъ внезапно умеръ заграницей. Онъ оставилъ глубокій слѣдъ въ душѣ Императрицы.

Она впала въ мистицизмъ. Она стала искать другого человѣка, кто обладалъ бы чудесными качествами, кто сталъ бы между нею, Императрицей, такъ хотящей блага Россіи и русскому народу, и Богомъ.

Среди духовенства не нашлось людей, могущихъ ее научить правильной вѣрѣ. Она хотѣла подтвержденія словъ чудесами. Она хотѣла провидѣть, чтобы предвидѣть будущее. Этого ей не могло дать ни бѣлое, ни черное духовенство.

---

*) Дворъ чудесъ.

Но нашлись люди, желавшіе выслужиться. Они искали по Россіи святыхъ и провидцевъ. Они разыскивали кликушъ и проповѣдниковъ, чтобы поразить ими Императрицу.

И они дѣлали ея больную и неудовлетворенную душу еще болѣе больной.

Жизнь, ея положеніе Императрицы, жены при скромномъ и покорномъ мужѣ, требовали отъ нея напряженія ума, громаднаго такта и самообладанія.

Не игрушка былъ Русскій Престолъ!

Императрица любила Государя, но, зная его слабость, она иногда безсознательно умаляла его достоинство. Она ревновала его не только къ женщинамъ, но и къ мужчинамъ.

Стоило Государю привязаться къ кому-нибудь—она удаляла его. Стоило Государю завести длинный разговоръ съ кѣмъ-нибудь — Императрица разводила ихъ.

Саблинъ былъ свидѣтелемъ, какъ на небольшомъ пріемѣ Государь оживленно говорилъ съ однимъ умнымъ и краснорѣчивымъ собесѣдникомъ. Императрица внимательно посмотрѣла на него, разъ, другой, — Государь смутился... осѣлъ... разговоръ завялъ.

Она любила тѣхъ, кто ей льстилъ. Она полюбила маленькаго, простого и умнаго Куропаткина и ненавидѣла Столыпина.

Она была застѣнчива отъ природы. Новые, чужіе люди ее смущали. Въ своихъ мысляхъ она говорила являвшимся къ ней русскимъ прекрасныя рѣчи, учила ихъ европейской культурѣ и любви къ Родинѣ, чего, по ея мнѣнію, у русскихъ было слишкомъ мало, но когда выходила къ этимъ русскимъ, лицо ея покрывалось отъ волненія красными пятнами и она не знала, что сказать. На аудіенціяхъ, если представляющіеся ей были ненаходчивы, она минутами стояла въ молчаніи, или задавала незначительный вопросъ, или такъ помолчавъ и уходила. Она злилась на себя, но не могла побороть застѣнчивости. Ей казалось то, чего не было. Ей казалось, что ее не любятъ и не скрываютъ этого. Когда прі-

емъ обѣихъ Императрицъ былъ общій и вдовствующая Императрица задавала вопросъ за вопросомъ, царственно, любезно улыбалась и подавала свою маленькую надушенную руку для поцѣлуя и Александра Ѳедоровна видѣла, какимъ восторгомъ сіяли глаза того, съ кѣмъ говорила Марія Ѳедоровна, она завидовала и, выслушавъ привѣтствіе, молча подавала руку и отпускала представлявшагося, обиженнаго ея гордымъ невниманіемъ.

Ее считали сухой, холодной, презирающей Россію. Она была только не въ мѣру самолюбива и застѣнчива. Она не была подготовлена къ роли Царицы.

У нея не было особыхъ привязанностей, но подлѣ нея группировалась маленькая кучка людей, кого любила она болѣзненною любовью.

Саблина до глубины души трогала привязанность и довѣріе Александры Ѳедоровны. Она часами говорила съ нимъ о дѣтяхъ.

— Tell me Sablin, — сказала она ему однажды, — whom should I be before all. An Empress or the mother of my children?*)

Саблинъ, проникнутый нѣжной любовью къ своей семьѣ, быстро отвѣтилъ:

— A mother.**)

Императрица съ благодарностью подняла на него свои прекрасные глаза.

— Thanks! Oh thanks. You understood me. Others have told me that I am only Russia's Empress, but those are words of harsch and heartless people.***)

Императрица хотѣла вліять на воспитательную систему всей Россіи. Ей разрѣшили только построить образцовую школу нянь въ Царскомъ Селѣ.

---

*) — Саблинъ, кѣмъ я должна быть прежде всего, Императрицей, или матерью моихъ дѣтей?

**) — Матерью.

***) — Благодарю, о, благодарю васъ. Вы меня поняли. Другіе говорятъ, что я только русская Императрица, но такъ говорятъ сухіе, безсердечные люди.

«Какое же это самодержавіе?» — думала она. Если Государь самодержецъ и неограниченный монархъ, то, казалось бы, что и Государыня можетъ дѣлать все, что хочетъ. Она стала мечтать упрочить власть Государя и стала противиться всѣмъ реформамъ, могущимъ ослабить или уменьшить царскую власть. Она затаила въ себѣ свои планы и ждала только того, чтобы у ней родился сынъ.

VIII

Саблинъ завтракалъ у Государя въ кругу его семьи. Государь былъ задумчивъ и чѣмъ-то разстроенъ и это не ускользнуло отъ Саблина. Завтракъ проходилъ почти въ молчаніи. Государь и Государыня обмѣнивались рѣдкими фразами на англійскомъ языкѣ, да неумолчно на своемъ дѣтскомъ языкѣ болтала веселая великая княжна Татьяна. Дѣтей увели. Императрица, поцѣловавъ въ лобъ Государя, ушла въ свои покои. Государь всталъ. Ему надо было въ часъ дня ѣхать на засѣданіе, но онъ не уходилъ. Онъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на расчищенныя дорожки Царскосельскаго парка и на тоску наводящую грусть голыхъ липъ и дубовъ, аллеями уходящихъ вдаль.

— Разскажите что-нибудь веселенькое, — задумчиво сказалъ Саблину Государь.

Саблинъ умѣлъ хорошо разсказывать анекдоты изъ еврейскаго и армянскаго быта, умѣлъ хорошо разсказать о какомъ-нибудь трогательномъ и чистомъ поступкѣ солдата, или мужика и Государь любилъ его послушать въ часы завтрака.

Саблинъ молчалъ. Грустное настроеніе Государя передавалось ему и веселыя исторіи не шли на умъ. Въ столовой было тихо. Беззвучно, не звеня посудой, лакеи быстро собирали со стола. Мѣрно тикали большіе часы. Саблинъ съ тревогой наблюдалъ за ними. Онъ боялся, что Государь опоздаетъ на засѣданіе.

— Прошло лѣто и золотая осень прошла, — сказалъ

вполголоса Государь. — И вотъ зима. Я люблю Русскую зиму, снѣгъ, морозъ, катанье на саняхъ, охоту... Такъ хорошо! Снѣгъ чистый и честный. Правда, Саблинъ... Почему люди не могутъ быть чистыми и честными? Почему одни подкапываются подъ другихъ, интригуютъ? Вы знаете, Саблинъ, я никогда не слышалъ, чтобы кто говорилъ хорошее про другого, но непремѣнно какую-нибудь гадость... Почему?.. Какая выгода?

Саблинъ молчалъ. Онъ чувствовалъ себя смущеннымъ.

— Приходятъ министры съ докладами. И не любовь, а ненависть и зависть въ ихъ словахъ. Не выгода Родины, а личная. И все думаютъ, какъ мнѣ угодить. Угождать надо Россіи, а не мнѣ. Я Самодержецъ, Саблинъ, и я когда-нибудь покажу, что я Самодержецъ...

Государь большими ясными глазами смотрѣлъ на Саблина, какъ будто ожидая протеста съ его стороны. Но Саблинъ молчалъ. Волненіе его увеличивалось. Онъ не понималъ Государя и съ тревогою слѣдилъ за его словами.

— Вы думаете, мнѣ что-нибудь нужно?.. Нѣтъ, Саблинъ, какъ дорого бы я далъ, чтобы быть простымъ, совсѣмъ простымъ человѣкомъ. Земля, цвѣты, садъ, фрукты... И тихое небо... И Богъ... И никого... Никакихъ интригъ... Никакой борьбы... И чего они борются за власть?.. Какъ пауки душатъ другъ друга и падаютъ, за что?.. За мишуру... Если бы они только понимали, что такое власть?.. Какая это пытка, какъ въ фокусѣ стекла собирать въ себя всю эту мелкую злобу людей, старающихся потопить и очернить одинъ другого лишь для того, чтобы самимъ возвыситься. Вы читали, Саблинъ, у Алексѣя Толстого — какъ прекрасно говоритъ Ѳеодоръ Годунову о интригахъ и жалобахъ боярскихъ...

Государь задумчиво обвелъ столовую печальнымъ взоромъ и, повернувшись къ окну, тихо барабанилъ пальцами по стеклу.

— Ваше Императорское Величество, — сказалъ Саблинъ, съ тревогою глядя на часы.

Государь быстро обернулся и вздохнулъ.

— Пора ѣхать, — сказалъ онъ. — Да, знаю. Государь не можетъ опаздывать. Это вызываетъ тревогу у ожидающихъ — не случилось ли что?.. Всегда спѣшить, всегда торопиться, всегда куда-нибудь нужно поспѣть, кого-то принимать и говорить и отвѣчать на вопросы... Свобода царей? — ея нѣтъ!

Государь быстрыми шагами вышелъ изъ столовой. Когда черезъ нѣсколько минутъ онъ садился въ одиночныя сани на подъѣздѣ дворца, его лицо было обычно привѣтливо и тѣни печали не было на немъ.

IX

Въ концѣ января 1904 года въ Эрмитажномъ театрѣ былъ спектакль. Давали оперу Мефистофель съ Шаляпинымъ. Спектакль удался отлично. Шаляпинъ превзошелъ самого себя. Потомъ былъ ужинъ, и Государь сидѣлъ за большимъ круглымъ столомъ подъ пальмами. Онъ былъ веселъ. Казалось, что тучи, сгущавшіяся на дальнемъ востокѣ, разсѣялись. Россія шла на уступки. На спектаклѣ всѣ слѣдили за японскимъ посланникомъ и военными агентами. Они, какъ всегда, шипѣли при разговорѣ, втягивая въ себя воздухъ черезъ зубы, были сдержанны и на нетактичные вопросы нѣкоторыхъ офицеровъ: «будетъ ли война между Россіей и Японіей?» отвѣчали спокойно: — «это воля Микадо и вашего Государя. Нашъ долгъ повиноваться.»

Саблинъ послѣ спектакля былъ съ женою на балу у графини Палтовой, эту зиму очень веселившейся. Вернулись они подъ утро. Саблинъ только что началъ вставать въ одиннадцатомъ часу, когда горничная подала ему принесенную изъ полка книгу приказаній. Командиръ полка приглашалъ всѣхъ офицеровъ собратся въ полковой артели по дѣламъ службы. Ничего необычнаго въ этомъ не было. «Опять какіе-нибудь выборы», — поду-

малъ Саблинъ. — «или обсужденіе собранскихъ вопросовъ. A la longue*) это надоѣдаетъ». — Страннымъ показался только часъ. Одиннадцать — часы занятій.

Когда Саблинъ пришелъ въ полковую артель — тамъ стоялъ гулъ голосовъ. Ожидали командира полка, но онъ почему-то запаздывалъ. О причинахъ собранія догадывались. Въ утреннихъ газетахъ было извѣстіе о нападеніи японскаго флота на нашу эскадру безъ объявленія войны и о томъ, что три нашихъ крупныхъ судна не то погибли, не то были выведены изъ строя. Были убитые и раненые. Телеграмма была короткая и не вполнѣ понятная. Чувствовалось одно: — «прозѣвали». И было обидно, жутко и гадко.

Въ ожиданіи командира, офицеры разбрелись по собранію. Мацневъ въ библіотекѣ досталъ большой атласъ, и офицеры разглядывали въ немъ карту Японіи, Кореи и Квантунскаго полуострова. Немногіе знали, гдѣ Портъ Артуръ. Другіе смотрѣли газеты и журналы. Въ столовой толстый Меньшиковъ «на всякій случай» жевалъ бифштексъ съ яйцомъ. Фетисовъ, пришедшій изъ манежа, гдѣ онъ гонялъ смѣну, пилъ чай съ сухарями. Въ бильярдной Гриценко въ разстегнутомъ вицъ-мундирѣ, изъ-подъ котораго торчала шелковая алая рубаха, каталъ кіемъ шаръ, ставя себѣ самыя разнообразныя задачи. Румяный Ротбекъ, что то жуя, слѣдилъ за нимъ и давалъ совѣты.

— Павелъ Ивановичъ, девятаго положи отъ борта.

Гриценко прицѣлился кіемъ.

— Хор-шо! — сказалъ онъ. — Кладу девятаго одиннадцатымъ... Хочешь пирамидку?

— Не успѣемъ, сейчасъ командиръ придетъ. Уже четверть двѣнадцатаго.

— Ну ладно. Кладу пятаго въ уголъ. Такъ... Идемъ, Никъ, въ библіотеку... Что тамъ такое?

Въ библіотекѣ философствовалъ Мацневъ.

— Войны не будетъ, — говорилъ онъ. — Ну сами по-

*) Въ концѣ - концовъ.

судите, кому она нужна, эта война? Нашумѣли японцы, погорячились и довольно.

— Ну какъ! Такое оскорбленіе Россійской державѣ, — сказалъ Рѣпнинъ. — Мы уже разъ спустили имъ, когда Государь путешествовалъ еще будучи наслѣдникомъ и на него напалъ японецъ.

— Тогда это бѣшеная собака была. А теперь это война, — сказалъ Кореневъ.

— Война безъ объявленія. Дикость какая то! — замѣтилъ Самальскій. — Такъ въ цивилизованномъ мірѣ не поступаютъ. Только желтокожіе дикари посмѣли сдѣлать такой опрометчивый шагъ.

— Ну и взлупятъ же ихъ теперь, какъ Сидорову козу, — сказалъ Фетисовъ, пришедшій изъ столовой.

— Нѣтъ, а мнѣ нравится, — сказалъ Ротбекъ. — Подумаешь, маленькая этакая Японія, а какъ заносчива!.. Взяла и напала... Ай, Моська, знать она сильна!

— Покажите мнѣ, господа, Японію, — говорилъ молодой, въ этомъ году поступившій въ полкъ изъ камеръ пажей Оксенширна — я что то смутно помню: Ліу-кіу, Кіу-сіу, Сикото, Кіото, Токіо.

— Трикото и Лимпопо, — смѣясь, договорилъ Ротбекъ. — Это ты, братъ, того — заврался. Это совсѣмъ изъ другой оперы.

— Какіе нахалы, — сказалъ, манерно ломая голосъ Самальскій. — Я вчера говорилъ на спектаклѣ съ ихъ военнымъ агентомъ. Былъ совершенно спокоенъ. Говорилъ, что война въ рукахъ у нашего Государя и что, если онъ не захочетъ, то войны никогда не будетъ. Вѣдь зналъ же онъ, что война фактически уже началась!

— Откуда же онъ зналъ? — спросилъ Фетисовъ.

— Да если газеты знали, то зналъ и онъ.

— Я могу завѣрить одно, — сказалъ Саблинъ, — что Государь Императоръ этого не зналъ. — Его Величество былъ спокоенъ и веселъ.

— Государь умѣетъ владѣть собою. Онъ не выдалъ бы себя даже, если бы и зналъ.

— Значитъ, война. Война безповоротная, — сказалъ печально Мацневъ.

— Да, война. Я хотѣлъ бы, чтобы мы вздули этихъ япошекъ, — задорно крикнулъ Оксенширна.

— Экзотическая экспедиція, — снисходительно сказалъ Рѣпнинъ. — Это и войной не назовешь. Такъ что то въ родѣ усмиренія боксерскаго возстанія.

— Я себѣ тамъ виллу построю на завоеванной землѣ. Подлѣ Нагасаки. Говорятъ, тамъ великолѣпно, — сказалъ Ротбекъ.

— Я думаю, что война будетъ серьезная и тяжелая, — сказалъ ротмистръ Бобринскій, годъ тому назадъ окончившій академію. — Какъ бы и гвардіи не пришлось въ походъ собираться.

— Что такое, что такое, — торопливо заговорилъ Степочка Воробьевъ. — Никогда гвардія ни на какую войну не пойдетъ. Ея задачи совершенно другія и гораздо болѣе важныя. Тронуть гвардію изъ столицы — это безуміе.

— Почему? — спросилъ Бобринскій.

— Потому что кромѣ врага внѣшняго, всегда есть врагъ внутренній. Петербургъ, гдѣ столько учебныхъ заведеній и рабочихъ, оставить нельзя.

— Ну, студіозусовъ то этихъ самыхъ казаки въ лучшемъ видѣ нагайками разгонятъ, — сказалъ Фетисовъ.

— Не забывай рабочихъ. Ихъ больше двухсотъ тысячъ.

— Безоружныхъ.

— Сегодня безоружные, а завтра какая-нибудь услужливая держава подъ предлогомъ присылки машинныхъ частей и вооружить сумѣетъ.

— На это есть полиція, — сказалъ Мацневъ. — Но держать гвардію для того, чтобы разгонять рабочихъ и студентовъ. Excusez du peu*) — это немного слишкомъ.

— Тутъ вопросъ не въ рабочихъ, а въ охранѣ трона и династіи, — серьезно сказалъ Рѣпнинъ. — Только

*) Извините на маломъ.

гвардія въ полной мѣрѣ сознаетъ великое значеніе для Россіи имперіи, только гвардія въ полной мѣрѣ свободна отъ вредныхъ идей... Обласканная Императоромъ гвардія сумѣетъ постоять за Государя!

— Но... въ 1824 году, — вставилъ Мацневъ.

— Это было недоразумѣніе, вызванное отреченіемъ великаго князя Константина Павловича.

— А Елизавета, а Екатерина, развѣ не Преображенцы и Измайловцы устраивали перевороты, а еще раньше въ дни Москвы стрѣльцы, — говорилъ Мацневъ.

— Вотъ именно потому то гвардейская кавалерія, искони вѣковъ вѣрная Престолу и не можетъ быть выведена изъ Санктъ-Петербурга, — твердо сказалъ Рѣпнинъ. — Рѣчь идетъ не о дворцовомъ переворотѣ: онъ немыслимъ теперь и ненуженъ, а о революціонномъ возстаніи вооруженной толпы.

— А въ общемъ это хорошо, что мы не пойдемъ на войну, — сказалъ Мацневъ. — Нехорошая штука война. Кровь, раны, трупы. Не люблю я всяческой мертвечины. И ѣхать далеко... Богъ съ ней!.. Пусть дерутся другіе, кому есть охота... А мнѣ — что то не хочется.

Въ большомъ залѣ, увѣшанномъ портретами командировъ полковъ, раздался звонкій увѣренный голосъ дежурнаго, поручика Конгрина, рапортовавшаго командиру полка. Петровскій, румяный отъ мороза и взволнованный вошелъ въ библіотеку. Онъ поздоровался съ офицерами, обмѣнявшись рукопожатіями и сказалъ:

— Я прошу васъ, господа, извинить меня за то, что я опоздалъ. Я сейчасъ отъ великаго князя, главнокомандующаго... Господа! Случилось неслыханное, неожиданное, возмутительное событіе. Японскій флотъ вчерашнею ночью измѣннически подкрался къ нашимъ судамъ на Портъ-Артурскомъ рейдѣ и подорвалъ нѣсколько изъ нихъ. Три большихъ броненосца надолго выведены изъ строя. Посланникъ не принесъ извиненія. Да и никакого извиненія быть не можетъ... Государь Императоръ объявилъ войну Японіи.

Командиръ полка перевелъ духъ. Его волненіе передалось офицерамъ.

— Я искренно сожалѣю, господа, что не имѣю возможности поздравить васъ съ походомъ... Гвардія остается... Мы надѣемся справиться съ врагомъ, не трогая нашей западной границы.

— А что? — спросилъ Рѣпнинъ, и тревога послышалась въ его голосѣ. — Развѣ и оттуда идетъ угроза?

— Сколько я знаю, Государь уже получилъ завѣренія отъ императора Вильгельма въ полномъ благожелательномъ для Россіи нейтралитетѣ Германіи. Нашъ благородный другъ и недавній гость остался вѣренъ своей рыцарской чести. Но гвардія нужна здѣсь. Въ дни войны столица и тронъ должны быть надежно охранены.

— Ты не слыхалъ, кто будетъ главнокомандующимъ, — спросилъ князь Рѣпнинъ.

— Пока Линевичъ... Но, кажется, будетъ назначенъ Куропаткинъ. Онъ самъ на это просится... Не исключена возможность, что нашъ Августѣйшій Главнокомандующій отправится туда.

— Ваше превосходительство, — волнуясь и въ упоръ глядя въ глаза командиру, сказалъ, вставая и вытягиваясь, вдругъ поблѣднѣвшій Фетисовъ, — а тѣмъ офицерамъ, которые захотѣли бы... добровольно пойти на войну, это будетъ позволено?

— Я не знаю... Отчего нѣтъ? Я спрошу у великаго князя. Господа, я не кончилъ. Его Величество желаетъ самъ лично передать о случившемся своей гвардіи. Въ тяжелыя минуты испытаній, ниспосланныхъ ему Господомъ Богомъ, Государь желаетъ объединиться въ общей молитвѣ передъ Престоломъ Всевышняго съ офицерами своей гвардіи. Мы должны сейчасъ переодѣться въ парадную форму и ѣхать во дворецъ.

Командиръ хотѣлъ идти. Къ нему подошелъ штабсъ-ротмистръ Фетисовъ и съ нимъ четыре молодыхъ корнета.

— Ваше превосходительство, — сказалъ Фетисовъ, — я, корнеты Оксенширна, Мальскій, Туровъ и Поповъ

просимъ васъ исходатайствовать для насъ разрѣшеніе отправиться на войну добровольцами, хотя рядовыми.

— Хорошо,—недовольно сказалъ Петровскій.—Князь, запишите ихъ.

— Запишите и меня, — твердо сказалъ, выступая впередъ Саблинъ.

X

Въ маленькомъ дворцовомъ залѣ подлѣ церкви было душно отъ переполнившихъ его офицеровъ. Они не вмѣщались въ немъ и блестящей эполетами толпой заливали церковную лѣстницу. Гудѣли голоса. Только и разговора было, что о нападеніи японскаго флота и о предстоящей войнѣ. Война обсуждалась кругомъ и большинству она рисовалась веселой экспедиціей какихъ-то другихъ войскъ въ экзотическіе края, новыми побѣдами, новыми завоеваніями и новой громкой славой. Иначе и быть не могло. Давно ли Россія пріобрѣла чудный Батумскій округъ, давно ли завоевала знойный Туркестанъ, Кавказъ, Польшу, Бессарабію, Крымъ... Все добыто силою Русскаго оружія и камень за камнемъ, кровью Русскаго солдата и офицера, складывалось дивное зданіе великой Россійской Имперіи... Завоюемъ и Японію... Говорятъ, она прелестна, эта миловидная страна игрушка, полная хорошенькихъ маленькихъ женщинъ. Уже срывались слова: — «Токійская губернія, Іокогамскій и Нагасакскій уѣзды». Гвардейскіе офицеры были увѣрены, что гвардію такъ далеко не пошлютъ. Имъ война рисовалась со стороны и они видѣли только славу и побѣды. Нѣсколько иначе смотрѣли на нее армейцы. Уже взяли отъ нихъ батальоны на дальній востокъ, могутъ взять и еще. Это заботило и тяготило ихъ. Вдругъ встали тѣ вопросы, о которыхъ старались какъ то не думать.

Что дѣлать съ семьею, въ случаѣ если пошлютъ? Куда ее дѣвать?.. Какъ жить на два дома, какъ воспитать дѣтей?.. А если убьютъ?.. Война совсѣмъ не то.

чѣмъ она кажется издали. Въ группѣ армейскихъ офицеровъ настроеніе было не столько восторженное, сколько озабоченное и тревожное. Каждый думалъ: «кого то пошлютъ и какъ это все обернется? Справятся ли тамошнія войска?.. А если нѣтъ, какъ будетъ отправка... Какіе округа пойдутъ?!

Тревожно застучали по полу палочки церемоніймейстеровъ. Сквозь открывшуюся и сейчасъ же закрывшуюся дверь ворвался клочокъ молитвеннаго пѣнія... Пѣли — многолѣтіе.

Раздалась команда: г о с п о д а о ф и ц е р ы! с м и р н о! Все сразу стихло.

Въ толпу офицеровъ вошелъ Государь. Саблинъ видѣлъ его, слышалъ его тихій и какъ будто взволнованный голосъ, но ничего не услышалъ и не понялъ изъ того, что говорилъ Государь. Онъ самъ былъ взволнованъ своимъ внезапнымъ рѣшеніемъ ѣхать на войну и потому не могъ понять словъ Государя. Государь говорилъ тихо и коротко. И едва онъ кончилъ, кто то изъ близъ него стоящихъ крикнулъ ура! и это ура вдругъ вспыхнуло и пошло перекатываться по залу, и по лѣстницѣ, молодое, задорное и лихое... Въ побѣдѣ уже не сомнѣвались.

Саблинъ, выйдя изъ дворца, подозвалъ извозчика, стоявшаго на площади и безъ торга сѣлъ, чтобы ѣхать домой.

Ярко свѣтило зимнее солнце, блестѣлъ чистый примерзшій снѣгъ. Бѣжали по панели мальчишки и радостно кричали.

— Большая побѣда Японіи надъ Россіей!.. Нападеніе на Портъ-Артуръ!.. Большая побѣда Японіи.

— Что такое кричатъ они? — подумалъ Саблинъ. — Какъ смѣютъ они такъ кричать?.. Побѣда Японіи!.. И никто не остановитъ! Идетъ офицеръ, остановился, купилъ газету. Стоитъ городовой и полное равнодушіе къ тому, что кричитъ этотъ глупый мальчишка..: Что это?.. Отсутствіе патріотизма... непониманіе важности минуты.

..«Большая побѣда Японіи! Три броненосца погибли!..

Гдѣ я? Въ Токіо, или Санктъ-Петербургѣ?.. Но почему я самъ не остановлю его и не надеру ему основательно уши за эти ужасные выкрики?.. Никому, никому это не рѣжетъ сердца, никто не обращаетъ вниманія... Идетъ барышня, студентъ... Кто же мы, Русскіе, если мы не видимъ и не понимаемъ этого?»

Извозчикъ, выѣхавъ на Малую Морскую, пустилъ лошадь бѣжать мѣрною дробною рысью и, обернувшись съ облучка къ Саблину и показывая свое румяное лицо, обросшее молодою курчавою бородою, сказалъ:

— А что, баринъ, правда, что Государь войну объявилъ этимъ самымъ... японцамъ-то, что-ли?

— Да... Ты не слышалъ развѣ, что они напали на насъ и три корабля едва не потопили.

— Слыхать-то слыхалъ... Какъ не слыхать... Всѣ говорятъ. А только неужто война?.. По иному бы надо.

— Какъ по иному? — съ удивленіемъ спросилъ Саблинъ.

— Да такъ... По хорошему. Чтобы, значитъ, безъ войны этой самой.

— Этого нельзя.

— Нельзя-то нельзя, а только надо... Царь-то онъ все можетъ. Какъ Богъ все одно.

Извозчикъ помолчалъ немного, подергалъ озабоченно вожжами и снова повернулся къ Саблину.

— Слышь, значитъ, и мобилизація будетъ?

— Да. Конечно, будетъ.

— Во! Это самое я и говорю, что не надо. Ты пойми. У меня жена, трое дѣтей, значитъ. Теперь, мѣсяцъ тому назадъ я, значитъ, лошадь купилъ, сани, — самъ отъ себя ѣзжу, хозяиномъ сталъ. А тутъ мобилизація! Да какъ же это такъ?.. А?.. Э-эхъ... Не надо, говорю... Не надо... Миромъ бы лучше кончили.

Саблинъ заплатилъ извозчику и съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на его румяное, доброе, красивое лицо.

«Это Русскіе люди!» — думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ. — «Японцы напали. Вѣдь они пощечину дали Русскому народу, а Русскій народъ облизнулся и что

— ничего? Другую щеку подставить готовъ. Свой печной горшокъ ему всего дороже. Что ему красота подвига, слава, честь! — непонятные звуки. Ему вотъ это: — жена, да трое дѣтей, да самъ хозяинъ! Ужасъ! ужасъ одинъ кругомъ и пустота! Никакого патріотизма!»

XI

Шестилѣтній Коля въ синей суконной матроскѣ и штанишкахъ съ голыми колѣнками и голубоглазая свѣтловолосая пятилѣтняя Таня по звонку узнали, что это звонилъ отецъ и, не слушаясь бонны нѣмки, побѣжали, топоча ножками въ прихожую.

— Папа плiѣхаль, папа плiѣхаль, — пѣлъ Коля, хватая отца за холодный палашъ и играя темлякомъ. — Я пелвый плибѣжалъ къ папѣ.

— И я пелвая, — говорила Таня, теребя темлякъ.

— Ну, идите дѣти. А то я съ мороза, простудитесь.

— Папа! И я съ молоза... — говорилъ Коля, слѣдуя за отцомъ. — Папа, а почему велблюдъ — велблюдъ?..

— Возьмите ихъ, фрейлейнъ, — сказалъ Саблинъ. — Вѣра Константиновна дома?

— Онѣ у себя въ малой гостиной, — отвѣчала кокетливая бѣлокурая бонна.

— Попросите ее ко мнѣ.

Саблинъ прошелъ въ кабинетъ и, снявъ колетъ, повѣсилъ его на спинку стула и остался въ рубашкѣ и рейтузахъ. Вѣра Константиновна вошла къ нему. Они поцѣловались.

— Александг'ъ, — сказала тихо Вѣра Константиновна. — Неужели это пг'авда?.. Война объявлена?

— Да, сейчасъ Государь самъ сказалъ намъ объ этомъ. Да вѣдь иначе и быть не могло! Такое оскорбленіе Русскому народу!

— Нашъ полкъ, конечно, не пойдетъ.

— Да, не пойдетъ... но офицерамъ разрѣшено идти съ

другими полками. переводиться туда на время войны... и я пойду...

— Какъ, — хмуря темныя брови, сказала Вѣра Константиновна. — Ты не сдѣлаешь этого.

— Почему? — быстро спросилъ Саблинъ и остановился у окна, спиною къ свѣту. Вѣра Константиновна стояла подлѣ кресла. На ней былъ утренній кружевами отдѣланный блѣдноголубой капотъ. Волосы были не причесаны и капризными прядками набѣгали на бѣлый лобъ.

— Кто же идетъ отъ полка? — ѐдва шевеля губами, спросила Вѣра Константиновна.

— Фетисовъ, Оксенширна, Мальскій, Поповъ и Туровъ.

— Фетисова я понимаю. Буйная голова, безумецъ, авантюг'истъ... Оксешиг'на, мальчишка головог'ѣзъ, котог'аго скog'o не будутъ пг'инимать въ пог'ядочныхъ домахъ и выгонятъ за пьянство изъ полка. Мальскаго и Попова г'одители никогда не пустятъ. Туг'овъ пусть идетъ — онъ никому не нуженъ, пг'ыщавый уг'одъ... но ты... Ты?.. Ты думалъ о томъ, что ты дѣлаешь, когда записывался?

— Вѣра, я думалъ объ этомъ. Я знаю одно, что разъ война, — мой долгъ, какъ офицера идти на войну... Иначе я не понимаю... Стыдно будетъ ходить по улицамъ, носить офицерскую форму, когда идетъ война. И я не понимаю, Вѣра, какъ можешь ты быть противъ... Ты вѣдь противъ этого?

— Пг'отивъ, — спокойно и гордо сказала Вѣра Константиновна и ея ноздри раздулись. Голова поднялась кверху и блѣдно голубые глаза устремились въ глаза Саблину. Онъ не выдержалъ ея взгляда и опустилъ голову.

— Ты, Вѣра, потомокъ Ливонскихъ рыцарей. Ты не можешь этого говорить. Если бы я колебался, ты должна была бы убѣдить меня и послать. Твой долгъ сказать мнѣ — или со щитомъ, или на щитѣ.

— Я свой долгъ понимаю, знай и ты свой долгъ...

Скажи... твой полкъ идетъ?.. Твой эскадг'онъ, люди, кого ты училъ и воспитывалъ идутъ?.. Что же ты молчишь?

— Нѣтъ, не идутъ.

— Твой долгъ быть съ ними. Ты никогда не знаешь, что будетъ дальше... А если... Если гваг'дія понадобится здѣсь для защиты тг'она, а всѣ офицег'ы г'азбѣгутся за дешевыми лавг'ами побѣдъ надъ японцами... Кг'асиво это будетъ?

Саблинъ ничего не отвѣчалъ.

— Я не говог'ю пг'о то, что ты не можешь такъ бг'осить меня. Я молода, я такъ тебя люблю. Безъ тебя мнѣ не жить... Пожалѣй меня!

Она протянула къ нему руки. Широкіе, обшитые кружевами рукава капота соскользнули съ нихъ и обнаженныя по локоть, бѣлыя, полныя, прекрасныя руки простерлись къ нему. Саблинъ боролся съ собою. Онъ стоялъ у окна, опустивъ голову и тяжело дышалъ. Кровь приливала къ вискамъ и мѣшала трезво мыслить. Возбужденіе отъ словъ Государя, отъ того подъема, что былъ во дворцѣ, когда раздавалось громовое ура офицеровъ, проходило и смѣнялось другимъ возбужденіемъ. Возбужденіемъ отъ прекраснаго женскаго тѣла, такого ароматнаго и такъ хорошо ему знакомаго.

— Какъ хочешь? — печально сказала Вѣра Константиновна и протянутыя къ Саблину прекрасныя руки упали. — Какъ хочешь?! Я ни слова не сказала бы, если бы шелъ нашъ полкъ. Тогда это былъ бы твой долгъ... Но твой долгъ — защита Пг'естола и Г'одины... Завоевательная война, экспедиція въ Японію — это удѣлъ авантюг'истовъ, для кого личная слава дог'оже суг'оваго исполненія долга. Но, подумай о Государ'ѣ. Государ'ѣ снискалъ тебя своими милостями... Онъ сдѣлалъ тебя своимъ адъютантомъ и въ гг'озную минуту войны и, можетъ быть, смуты, когда ему будетъ тяжело, ты оставишь его?..

Она стояла скорбная и синіе глаза ея были подняты на него изъ-подъ темныхъ пушистыхъ рѣсницъ,

Почти черныя брови нахмурились, складка легла на лбу. Тонкія губы были сурово сжаты.

— Ну, хог'ошо!.. Ну, поѣзжай... — вдругъ слабымъ, плачущимъ голосомъ сказала она и слезы бриллiантами заискрились въ заблестѣвшихъ глазахъ и упали на розовыя щеки. Она безсильно опустилась въ широкое, кожаное кресло. Въ тотъ-же мигъ онъ былъ у ея ногъ, обнималъ ея колѣни, покрывалъ поцѣлуями маленькiя душистыя руки, цѣловалъ ея щеки, покрытыя слезами, искалъ ея губъ, но она отворачивалась отъ него и прятала лицо на его груди и то отталкивала, то притягивала къ себѣ.

Страсть овладѣла ими . . . .

. . . .

Вѣра Константиновна, покраснѣвшая, растрепанная и счастливая одержанной побѣдой вышла изъ кабинета. Саблинъ остался одинъ. Онъ сѣлъ на диванѣ, взъерошилъ свои густые волосы и задумался. «Чѣмъ въ сущности онъ лучше того извозчика, что везъ его и разсуждалъ о войнѣ и мобилизацiи. Тамъ — только что начатое хозяйство, лошадь, сани, жена и дѣти, зарождающееся счастье собственника, которое надо разрушить во имя долга. Здѣсь — уютъ и комфортъ богатой квартиры, любовь прелестной молодой женщины и то широкое счастье беззаботной жизни, что ощущалъ онъ въ себѣ всѣ эти годы... Кто патрiотъ?.. Гдѣ безкорыстная сильная, могучая любовь къ Родинѣ, не знающая той жертвы, которой она не могла бы принести?» Но слова Вѣры Константиновны глубоко запали въ его душу. Извозчикъ, если его призовутъ, долженъ идти. А, можетъ быть, его и не призовутъ и тогда при немъ останется и его семья и его лошадь и все его хозяйство... О чемъ же думать?.. Его — Саблина — не призвали... Его долгъ, дѣйствительно быть на тяжеломъ посту, а не на веселой экзотической экспедицiи... Ощущенiе близости нѣжнаго тѣла еще жило въ немъ. Онъ улыбнулся счастливою улыбкою, потянулся и подумалъ: «да, вѣрна Русская пословица: — ночная кукушка всѣхъ перекукуетъ».

XII

Война шла неожиданно трудная. Въ Петербургѣ не понимали, что случилось, недоумѣвали, искали виновныхъ. Ждали скораго конца. Когда спросили отъѣзжавшаго изъ Петербурга Куропаткина, когда окончится война, онъ отвѣтилъ: — «терпѣніе, терпѣніе. Можетъ быть придется и годъ и два повоевать!»... Этому не вѣрили. «Запрашиваетъ», — думали въ Петербургѣ, «чтобы, потомъ, къ веснѣ, къ дню рожденія Государя или ко дню его коронаціи преподнести Токіо и Микадо въ клѣткѣ.» Иначе быть не могло. Шла Русская армія, а противъ — были какіе то япошки. Какъ очутится Куропаткинъ со своими войсками на Японскихъ островахъ, объ этомъ никто не думалъ. Гдѣ же флотъ для этого? — это мало кого интересовало, но ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ побѣдъ. На все смотрѣли сквозь розовыя стекла. Пошелъ Мищенко въ Корею и его движеніе съ полками, полными молодыхъ необученныхъ казаковъ, не умѣющихъ стрѣлять, не знающихъ полевой службы, сравнивали съ рейдами американской конницы, а Мищенко, скромнаго, храбраго, честнаго артиллерійскаго офицера, случайно попавшаго въ начальники конницы возвели въ санъ выдающагося кавалериста... Почему пошелъ за Ялу Мищенко, безъ базы, съ необученными казаками, на плохихъ лошадяхъ?.. Онъ зналъ японцевъ и не былъ плохого о нихъ мнѣнія, но пошелъ на авось. Авось, дорогой подучимся, небось, какъ-нибудь, да и протолкнемся... Ничтожное дѣло у Чонджу, гдѣ участвовало менѣе тысячи человѣкъ возвели въ блестящую кавалерійскую побѣду, послѣ которой неизвѣстно почему пришлось отступить. Какъ всегда — въ простомъ народѣ особенно — вѣрили, что война — это пустяки... Шапками закидаемъ... Газеты были полны хвалебныхъ статей о Русской арміи и ея вождяхъ. Все шло по старому. Громъ побѣды раздавался и храбрый Россъ веселился, но побѣдъ не было... Было какое-то затишье.

«Чего они тамъ медлятъ», думали въ Петербургѣ.

Въ Портъ-Артурѣ строевой генералъ Стессель, настоящій пѣхотный командиръ полка, отличный муштровщикъ солдатъ готовился къ оборонѣ крѣпости. Крѣпость была только начата. Передовая позиція не разработана и не укрѣплена, форты не имѣли водопроводовъ и электрическаго освѣщенія, во многихъ мѣстахъ бетонированіе не было закончено и укрѣпленія насыпали землею и поспѣшно копали рвы какъ во времена гладкоствольной артиллеріи. Надѣялись на исключительное мужество Русскаго солдата.

«Четыре мѣсяца продержусь», — доносилъ Стессель Куропаткину, — «а дальше, что Богъ дастъ. Запасовъ не хватитъ».

«Четыре мѣсяца» — говорили въ штабѣ, «о, это слишкомъ достаточно. За четыре мѣсяца успѣемъ помощь подать и освободить и крѣпость и флотъ».

Японцы не торопились. Медленно, но непрерывно выгружали они войска въ Кореѣ, и у Бицзыво, подлѣ Артура, и препятствовать этому было некому. Флотъ чинился въ Артурѣ. Войска собирались въ Ляоянѣ и выдвинули за триста верстъ впередъ авангардъ — бригаду Засулича къ Шахедзы и Тюренчену на переправы черезъ Ялу. Для чего былъ авангардъ, которому помочь нельзя, каково было чувство у Засулича и его отряда, оторваннаго отъ арміи и не имѣющаго хорошо разработанныхъ дорогъ — объ этомъ не думали. Знали одно — убрать войска безъ боя — Мищенко изъ Кореи и Засулича съ Ялу — это произведетъ нехорошее впечатлѣніе на Петербургъ. Это разстроило бы Государя, это возмутило бы общественное мнѣніе, оно еще, пожалуй, обвинило бы Куропаткина въ трусости передъ японками, а этого Куропаткинъ больше всего боялся. И опять властно выступалъ могущественный Русскій авось и какъ-нибудь и думали, что хотя роль Восточнаго Отряда не поддается никакой стратегіи, авось и вопреки стратегіи что-нибудь да и удастся. Какъ-нибудь Русскіе солдаты справятся. И не считались съ нервами и настроеніемъ

тѣхъ, кому было поручено справляться съ невозможной задачей.

Мищенко, совершивъ чудо выносливости и въ ледоходъ вплавь переправившись черезъ рѣку Ялу, ушелъ изъ Кореи съ совершенно разстроенной и нуждавшейся въ отдыхѣ Забайкальской дивизіей, и японцы надвинулись къ самому Ялу. Было очевидно, что тутъ будетъ переправа. Тогда начальство растерялось. Весь отрядъ, начиная отъ Засулича и кончая послѣднимъ солдатомъ стрѣлкомъ, отлично понималъ, что онъ задержать переправу всей арміи Куроки не можетъ, что его пребываніе на берегахъ Ялу не только безполезно, но и вредно для дѣла, такъ какъ сразу дастъ легкую побѣду японцамъ. Объ этомъ писали Куропаткину. Куропаткинъ и самъ понималъ, что Восточный Отрядъ обреченъ на гибель, но общественное мнѣніе требовало боя и не позволяло убрать Засулича изъ Шахедзы. Вѣдь противникъ былъ я п о ш к и, которыхъ считали немного лучше китайцевъ, а билъ же китайцевъ Линевичъ, не считая ихъ силъ. Вопреки разуму, вопреки военной наукѣ, отряду приказано было задержаться «по мѣрѣ возможности» у Шахедзы и Тюренчена. Если бы Засуличъ былъ истиннымъ героемъ, такимъ богатыремъ, какими были Василій Шуйскій, Суворовъ, Ермоловъ и другіе — онъ ушелъ бы изъ Тюренчена безъ боя — но онъ тоже считался съ тѣмъ, что скажутъ, боялся общественнаго мнѣнія и потому рѣшилъ принять бой и задержать врага сколько можно. Онъ началъ съ того, что при первомъ признакѣ готовившейся переправы посадилъ весь свой отрядъ въ окопы подъ огонь тяжелыхъ батарей, отвѣчать на который онъ не могъ. Нервы солдатъ и офицеровъ отъ этого бездѣльнаго сидѣнія днемъ и ночью въ окопахъ, подъ огнемъ, были напряжены до крайности. Нѣсколько офицеровъ покончили самоубійствомъ, не въ силахъ будучи выносить бездѣйствія въ окопахъ. Солдаты были потрясены, утомлены безсонными ночами и плохо питались, такъ какъ раздавать въ окопы горячую пищу было трудно. Когда началась переправа

подъ Тюренченомъ, а не подъ Шахедзы и японцы начали охватывать лѣвый флангъ Засулича, стрѣлки дрогнули и стали покидать окопы. Напрасно былъ совершенъ цѣлый рядъ подвиговъ для спасенія положенія и горы были покрыты тѣлами убитыхъ стрѣлковъ, въ отрядѣ поняли, что онъ будетъ скоро окруженъ, что до своихъ триста верстъ тяжелой горной дороги со многими бродами черезъ глубокія рѣки и все побѣжало на единственную дорогу къ Фын-хуан-чену. Отрѣзанный японцами 11-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ съ музыкой и развернутымъ знаменемъ со священникомъ во главѣ, бросился въ штыки и пробился съ громадными потерями, поразивъ даже японцевъ мужествомъ и презрѣніемъ къ смерти. Но сраженіе было проиграно, отрядъ уходилъ въ полномъ безпорядкѣ и, если бы японцы имѣли кавалерію, былъ бы уничтоженъ. Военная наука не позволила играть съ собою. «Авось» былъ посрамленъ.

Въ Петербургѣ не хотѣли понять причины пораженія. Не хотѣли сознать, что Куропаткинъ былъ правъ, требуя прежде всего терпѣнія, что планъ его устраиваться у Харбина, бросивъ Портъ-Артуръ, былъ разумнымъ и вѣрнымъ планомъ. Въ Петербургѣ искали виновныхъ. Виноватъ оказался Засуличъ, виноваты всѣ, кромѣ тѣхъ, кто настаивалъ на непремѣнномъ боѣ. Въ Арміи скоро почувствовали, что Куропаткинъ связанъ Петербургомъ, скоро поняли, что Государь хочетъ наступательной войны и веденія операцій отъ Ляояна.

Всю свою жизнь Куропаткинъ провелъ на вторыхъ роляхъ. Онъ всегда былъ талантливымъ исполнителемъ чужихъ плановъ. Слава Скобелева его покрывала. Онъ служилъ, основываясь на мудромъ и никогда не знающемъ ошибки правилѣ: — «чего изволите и что прикажете».

Онъ былъ Туркестанскимъ генераломъ губернаторомъ, царькомъ въ средней Азіи, но онъ прислушивался къ тому, что ему приказывали Государь, министръ внутреннихъ дѣлъ и военный министръ. Онъ никогда не осмѣ-

шился бы нарушить, или измѣнить приказаніе. Онъ видѣлъ часто неправильность того, что ему указывали, доказывалъ большими краснорѣчивыми докладами, что надо дѣлать и какъ, но исполнялъ безпрекословно то, что ему приказывали. Въ этомъ была его сила и въ этомъ была его слабость. Онъ привыкъ дѣлать дѣла съ разрѣшенія и одобренія. Ставъ военнымъ министромъ, онъ продолжалъ свою политику. Онъ могъ творить только тогда, когда на его докладѣ было собственною Его Величества рукою начертано: — согласенъ, утверждаю, или быть по сему. Безъ этой санкціи онъ ни на что не рѣшался.

Онъ былъ сыномъ скромнаго армейскаго капитана и мелкимъ Псковскимъ помѣщикомъ. Рожденный ползать, онъ не могъ летать. Его умъ, широкое образованіе, богатыя знанія, личная солдатская храбрость и честность разбивались о робость передъ кѣмъ-то высшимъ: — передъ начальствомъ. Онъ не могъ воспарить и презрѣть все и идти на проломъ. Онъ былъ притомъ честолюбивъ и хватался за власть. Онъ себя любилъ больше арміи и армію любилъ больше Россіи. Онъ сталъ главнокомандующимъ, но онъ не былъ имъ. Полная мощь была не у него. Онъ боялся адмирала Алексѣева, ревновалъ къ каждому генералу, выдвинутому войною и продолжалъ держаться прежней политики, добиваться на все утвержденія Государя.

Государь, отправляя его на Дальній Востокъ, сказалъ ему: — «Я не могу командовать арміей за десять тысячъ верстъ. Вамъ на мѣстѣ виднѣе, что надо дѣлать». Полная мощь полководца, о чемъ всегда такъ настаивалъ Суворовъ, была дана ему. Но, зная хорошо характеръ Государя, изучивъ его, Куропаткинъ ему не вѣрилъ. Онъ не имѣлъ мужества взять все на себя и поступать такъ, какъ ему велитъ его совѣсть и его глубокія знанія военнаго искусства. Онъ боялся отвѣтственности. Онъ давно составилъ въ предвидѣніи войны съ Японіей отличный планъ, онъ доложилъ его Государю. Государь этотъ планъ не одобрилъ. Куропат-

кинъ, ставъ главнокомандующимъ, не рискнулъ пренебречь неодобреніемъ Государя и бросить свой планъ. Онъ слишкомъ хорошо зналъ Государя, его недовѣрчивость, его болѣзненное самолюбіе, чтобы пойти на разрывъ. Да и къ чему? Ему дали бы отставку, поставили бы на его мѣсто мало образованнаго Линевича, дѣло отъ этого не выиграло бы, а онъ пострадалъ бы. Потерпѣвъ неудачу со своимъ единственно разумнымъ планомъ затяжной войны, войны на изморъ, сокращенія своихъ операціонныхъ линій за счетъ удлиненія линіи противника, Куропаткинъ пошелъ по другому плану: — прислушиваться къ волѣ Государя и стремиться дѣлать то, что угодно Монарху. Недостатка въ совѣтникахъ не было. Почти каждый день пріѣзжали изъ Петербурга разныя лица: — офицеры, корреспонденты, военные агенты и говорили Куропаткину, чего хочетъ Петербургъ и Дворъ.

После Тюренченскаго боя и гибели «Петропавловска» съ адмираломъ Макаровымъ, идеею Петербурга было помочь Портъ-Артуру, прервать его блокаду съ суши и доставить въ крѣпость все необходимое. У Куропаткина не было достаточно силъ, чтобы заслониться отъ Куроки, наступавшаго съ востока, и идти на югъ, но, исполняя волю Петербурга, онъ пошелъ къ Вафангоо. Вафангооскій бой былъ очень красивъ и могучъ, въ немъ выявились во всей силѣ мощь и удаль Русскаго солдата и всѣ недостатки нашей техники. Наши батареи, стрѣлявшія съ открытыхъ позицій, были сметены огнемъ невидимыхъ японскихъ батарей, мы не умѣли примѣняться къ мѣстности и были слишкомъ видны для совершенно невидимыхъ японскихъ пѣхотныхъ солдатъ. Проливной дождь спасъ корпусъ генерала Штакельберга отъ полнаго разгрома и онъ съ музыкой и пѣснями по непролазной грязи отступилъ къ Дашичао.

Послѣ этого сраженія армію обуялъ духъ критики и самооплеванія. Вѣра въ вождя, въ свое искусство, была потеряна, не вѣрили ни въ технику, ни въ науку. Японцы мерещились всюду.

Петербургъ одинъ не унывалъ. Тамъ почему-то увѣ-

пились за Ляоянъ. Ляояна никто не видалъ, о немъ не имѣли никакого представленія, но въ понятіи Петербурга Ляоянъ долженъ былъ стать поворотнымъ пунктомъ всей кампаніи. Не могъ не видѣть Куропаткинъ, что Ляоянская позиція — глубокая тарелка, что форты его просто ловушки, оплетенныя проволокой, что выходъ изъ Ляояна легко можетъ быть отрѣзанъ и съ сѣвера, и съ юга, что въ тылу течетъ горная рѣка съ капризнымъ русломъ, что главная позиція на горахъ только намѣчена и не выполнена, но таково было преклоненіе Куропаткина передъ Петербургомъ и боязнь обмануть Петербургъ въ его ожиданіяхъ, что онъ рѣшилъ дать подъ Ляояномъ генеральное сраженіе. Гипнозъ Ляоянской позиціи былъ такъ силенъ, что и войска стали вѣрить въ побѣду, и въ страшные августовскіе дни Ляоянскаго боя показали мужество удивительное. Японская армія была надломлена и готова была отступить, но въ трудную минуту для японцевъ съ нашего шара усмотрѣли глубокій тыловой обходъ арміи Куроки, тамъ дрогнула бригада генерала Орлова, и хотя положеніе сейчасъ же было возстановлено увѣренными дѣйствіями 1-го восточно-сибирскаго корпуса, Куропаткинъ повѣрилъ донесеніямъ шара и не повѣрилъ докладу молодого казачьяго офицера, прискакавшаго къ нему и доложившаго, что Куроки, вслѣдствіе разлитія рѣки Тайдзы — хе, не смогъ переправить свою артиллерію намъ во флангъ, что переправилась лишь бригада пѣхоты, оставшаяся безъ продовольствія и питающаяся только сухимъ рисомъ, что ничто не угрожаетъ нашему флангу. Рискъ не былъ въ характерѣ Куропаткина. Онъ приказалъ отходить отъ Ляояна. Армія отступила въ относительномъ порядкѣ. Когда китайцы донесли японцамъ, что русскіе ушли отъ Ляояна, японцы не повѣрили имъ. Это казалось такъ нелѣпо, когда они сами готовы были отходить.

Надломленная японская армія вошла въ Ляоянъ, но дальше не пошла. Русская армія отошла къ Мукдену и стала готовиться къ новому наступленію.

XIII

Саблинъ не поѣхалъ на войну. Но онъ и не взялъ своего рапорта отъ командира полка. Этого ему не позволило сдѣлать самолюбіе, да на этомъ Вѣра Константиновна и не настаивала. Она поѣхала къ Императрицѣ. Императрица горячо взяла ея сторону и переводъ Саблина въ Забайкальское казачье войско былъ отказанъ по приказанію свыше. Отъ полка поѣхали только Фетисовъ, Оксеншірна и Туровъ. Рапорты Мальскаго и Попова были взяты обратно ими самими.

Саблинъ всѣми мыслями ушелъ въ войну. Онъ жадно читалъ все, что писали съ театра военныхъ дѣйствій, онъ старался видѣться съ людьми, пріѣзжавшими съ войны, разспрашивалъ ихъ и чѣмъ больше жилъ войною, тѣмъ меньше понималъ русскій народъ, особенно образованное общество и его отношеніе къ войнѣ.

Война шла сама по себѣ, а Россія жила сама по себѣ и одна не интересовалась другою. Уже послѣ Тюренчена стало ясно, что это не шутка, не экзотическая экспедиція, не прогулка въ страну гейшъ, но тяжелая, серьезная война, которая, несомнѣнно, отразится на всей жизни русскаго народа. Въ обществѣ же отношеніе къ войнѣ было презрительно-насмѣшливое.

Фетисова, Оксеншірна и Турова проводили торжественнымъ обѣдомъ съ музыкой и рѣчами, но не восторгались ими, не преклонялись передъ ихъ подвигомъ, а какъ будто осуждали ихъ за то, что они бросають полкъ. Много смѣялись и шутили и проводы не походили на проводы на войну.

— Привези мнѣ парочку гейшъ, — говорилъ, цѣлуясь съ Фетисовымъ, подвыпившій Ротбекъ.

— Куда тебѣ! Ты же женатъ, — отшучивался Фетисовъ.

— Ничего. Онѣ у меня будутъ только танцовать и пѣть, и больше ничего.

— Жена тебѣ задастъ.

И только, когда Мацневъ сказàлъ, кивая на Фетисо-

ва — «у меня какое-то предчувствіе, что онъ не вернется» — всѣ притихли, и страшная мысль пронеслась въ затуманенныхъ виномъ головахъ — что вѣдь провожаютъ на войну, гдѣ ранятъ и убиваютъ.

Въ русскомъ образованномъ обществѣ не поражались неудачами, не скорбѣли о нихъ, не носили національнаго траура по «Петропавловску», Макарову, Верещагину, но послѣ минутнаго огорченія, задумчивости, снова предавались шуткамъ надъ самими собою: «Эхъ — мы! сунулись туда же. Тоже вояки!»

Не искали глубоко внутри себя причинъ пораженія, но смѣялись надъ собою. По рукамъ ходили шуточныя стихотворенія. Письмо, будто бы въ стихахъ написанное Императрицей Александрой Өеодоровной императору Вильгельму, гдѣ безпощадно осмѣивалась война и другое стихотвореніе, гдѣ говорилось:

Россія Японіи миръ предложила,
А та у нея запросила:

и перечислялись разные предметы, какіе, по мнѣнію остряка, въ Россіи достать было нельзя: — честность, храбрость, доблесть и пр. Россія же въ отвѣтъ предложила — Витте, Побѣдоносцева и другихъ дѣятелей тогдашней эпохи.

Но отвѣтилъ Микадо:
Намъ такой дряни не надо.

Присяжный острословецъ и большой циникъ генералъ Драгомировъ, въ свое время окрестившій русскаго солдата крылатымъ словомъ: — «сѣрая скотинка», не могъ не отозваться на неудачи войны. «Да», — говорилъ онъ, — «это хорошо, что назначили главнокомандующимъ генерала Куропаткина, но не хорошо, что забыли назначить къ нему Скобелева». У Куропаткина начальникомъ штаба былъ генералъ Сахаровъ и по этому поводу

старый острякъ сказалъ: «не вкусная это штука куропатка съ сахаромъ».

Для поднятія чувства въ народѣ правительство выпустило лубочныя картины, гдѣ изображалось, какъ русскій флотъ топилъ японскіе корабли, кавалерійское дѣло у Вафангоо, портреты Куропаткина, Стесселя, Линевича, ихъ старались поднять въ глазахъ толпы, корреспонденты различныхъ направленій описывали войну, но и въ благожелательныхъ корреспонденціяхъ все-гдѣ сквозила нотка тяжелой правды.

Враги правительства, тѣ, кто мечталъ о низверженіи существующаго строя, подняли голову и начали свою работу.

Саблинъ скоро почувствовалъ, что въ народной душѣ лопнула какая-то струна. Народъ разошелся съ Царемъ. Можетъ быть и раньше онъ съ нимъ не шелъ, но, по крайней мѣрѣ, казалось, что Царь и народъ были одно Вражды пока не было, но было полное равнодушіе. Лѣтомъ, Саблинъ съ маневровъ на одинъ день поѣхалъ на почтовыхъ въ имѣніе жены, на мызу «Бѣлый домъ». Его везъ ямщикъ, лѣтъ тридцати, спокойный и разсудительный. Разговоръ вертѣлся подлѣ войны.

— А что, баринъ, нашихъ все бьютъ? — спросилъ онъ.

— Ничего не бьютъ. Идутъ тяжелые бои. Пришлось немного отступить. Но подойдутъ подкрѣпленія и мы погонимъ японцевъ.

— Братъ мнѣ оттуда писалъ... Кончать надо... Сдаваться... Его все одно не осилишь.

— Какъ можно сдаваться? Да вѣдь тогда у насъ вмѣсто Государя будетъ Микадо! — воскликнулъ Саблинъ.

— Да намъ, баринъ, все одно, что Микола, что Микадо. Одну подать плати, а Микадо, можетъ, и поменьше наложитъ... Намъ земли бы, не иначе, какъ землю подѣлить бы.

Ямщикъ былъ простой добродушный парень, ника-

кой «революціонности» въ немъ замѣтно не было. Слова эти заставили Саблина глубоко призадуматься о дикости и сѣрости русскаго народа. Возясь съ новобранцами, Саблинъ наталкивался на первобытныя понятія, но, какъ и многіе люди его круга, онъ въ этой дикости и некультурности русскаго крестьянина видѣлъ силу Россіи. Ему казалось, что это даетъ сѣрому мужику возможность свято и чисто вѣрить въ Бога, чтить Царя и повиноваться начальству. Съ сѣрой толпою, казалось Саблину, легче справиться. Она послушнѣе. Война открыла народу глаза. Она приподняла завѣсу темной народной души, и Саблинъ съ ужасомъ увидѣлъ, что въ ней нѣтъ ни патріотизма, ни святой вѣры въ Бога, ни любви къ Царю, но есть только одна жадность къ землѣ, стремленіе къ собственности, къ обладанію землею, скотомъ, лошадьми, инвентаремъ. Вспомнился извозчикъ въ день объявленія войны — самъ хозяинъ, вспомнились мальчишки. Мальчишки и теперь продолжали кричать тяжелыя вещи о положеніи на фронтѣ и никто имъ ничего не говорилъ.

Передъ Саблинымъ во всей ясности сталъ вопросъ о томъ, что народъ надо учить и воспитывать, создавать школы патріотизма, внушать сознаніе русской Великодержавности. Но кто будетъ учить? Тѣ, кто для этого кончилъ гимназію и университеты? Замелькали передъ нимъ образы молодежи, съ которой онъ въ дни юности встрѣчался у Мартовой. Но это общество само надо учить патріотизму. Оно само не вѣритъ въ Россію и не любитъ Россію... Это оно пустило стихи, это оно на всѣхъ перекресткахъ кричитъ крылатыя Драгомировскія слова и злобно хихикаетъ надъ нашими неудачами.

Царь, народъ и интеллигенція и всѣ три разные, не понимающіе другъ друга и другъ другу противоположные. Царь любитъ Россію и вѣритъ въ русскій народъ. Онъ видитъ его въ своемъ сводномъ пѣхотномъ полку, среди своихъ егерей, кучеровъ и прислуги. «Лучше русскаго народа нѣтъ людей», — говорилъ не разъ ему Царь. Царь не знаетъ, что народъ спокойно говоритъ:—

«намъ все одно. что Микола, что Микадо... Намъ земли бы!»...

У народа свой Царь. Страшный царь **голодъ** и царица **земля**, спасающая отъ голода.

Интеллигенція стала между народомъ и царемъ. Она не любитъ и не признаетъ Царя, она всѣми силами старается, — одни сознательно, другіе безсознательно, пошатнуть его авторитетъ, но она разошлась и съ народомъ. Она не знаетъ и не понимаетъ народа. Она его идеализируетъ, приписываетъ ему качества, какихъ народъ не имѣетъ. Въ громадномъ Россійскомъ зданіи случилось несчастье, ссохлась известка, выпадалъ цементъ, крошились кирпичи. Кто-то въ эти тревожные дни пустилъ новое слово о Россіи. Россія-де колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Осѣли и размокли ноги и вотъ-вотъ колоссъ полетитъ кувыркомъ. Это сказалъ Саблину вдумчивый серьезный офицеръ, князь Шаховской, Рюриковичъ, дальній родственникъ графа Л. Н. Толстого, много читавшій и изучавшій.

Саблинъ усумнился въ народѣ. Онъ сталъ чаще бывать въ эскадронѣ, бесѣдовать съ людьми, съ вахмистромъ.

Старый Иванъ Карповичъ негодовалъ и бранился:

— Совсѣмъ, ваше высокоблагородіе, не тотъ народъ сталъ. Сдурѣли люди. Ты ему указываешь: — желѣзо, молъ, почистить до блеску, а онъ тебѣ японской войной тыкаетъ. Тамъ все защитное, такъ зачѣмъ, молъ, до блеска. Образованны очень стали, много разсуждать позволяютъ.

Съ Саблинымъ солдаты говорили мало. Они боялись его, но Саблинъ по нѣкоторымъ вопросамъ замѣтилъ, что они что-то знаютъ и таятъ про себя.

— Ваше высокоблагородіе, — спросилъ его взводный, лихой ярославецъ Панкратовъ, — почему же мы такъ оплошали, что картъ японскихъ не приготовили? Безъ карты развѣ можно воевать?

— Ваше высокоблагородіе, а вотъ теперь пишутъ, что кавалеріи совсѣмъ не надо. У японцевъ кавалеріи

нѣтъ, а какъ хорошо орудуютъ. А то, судите сами, лошади сколько стоятъ. Этихъ лошадей въ хозяйство бы. — говорилъ солдатъ Баумъ, изъ богатыхъ колонистовъ.

У солдатъ появились вопросы, чего раньше не было. Раньше солдатъ, не вдумываясь и не разсуждая исполнялъ все то, что приказывалъ ему офицеръ. Солдатъ вѣрилъ офицеру.

«Хорошо это, или худо, что у солдата появился интересъ къ военному дѣлу?» — спрашивалъ самъ себя Саблинъ. «Да», — думалъ онъ, — «если вопросы, это хорошо, но если критика и недовѣріе — не дай Богъ. Если солдатская масса станетъ повторять пошлые анекдоты о куропаткѣ подъ сахаромъ, читать эти гадкіе стихи — тогда все пропало.»

Солдатъ сталъ интересоваться газетами, сталъ много читать, доискиваться, спрашивать, разговаривать съ офицерами. Тутъ-то и надо было бы его поддержать и слиться съ нимъ, но офицеры этого не могли, не могъ это сдѣлать и Саблинъ. Бытъ мѣшалъ. Саблинъ невольно вспомнилъ уроки Любовина и Марусю. Да, предки стояли между ними. Солдатъ искалъ равенства, дружной бесѣды, Саблинъ шелъ на эту бесѣду, хотѣлъ ся самъ, но выходилъ урокъ. Вставаніе, вытягиваніе, титулованіе и опять: баринъ и слуга.

Говорить было трудно. Съ войны писали о значеніи защитнаго цвѣта, окоповъ, развѣдки, о томъ, что японцы невидимо избиваютъ насъ, о невозможности конныхъ атакъ, — а на военномъ полѣ были все тѣ же бѣлыя рубахи, равненіе, направленіе, сомкнутость и безконечные заѣзды повзводно налѣво кругомъ. Война говорила одно, но рутина дѣлала свое дѣло, маневры были блѣдны и исполнялись неохотно. Саблинъ толкнулся къ Дальгрену.

— Чушь, эта японская война, — сказалъ ему недовольнымъ голосомъ Дальгренъ. — Она намъ всю военную науку испортила. Конныя атаки будутъ!.. Не артиллерія, а по прежнему кавалерія царица полей сраженій, но

Куропаткинъ не имѣетъ кавалерійскихъ вождей, а исторія конницы это прежде всего исторія ея генераловъ.

Дальгренъ, несмотря на всю свою сдержанность, осуждалъ Куропаткина и обвинялъ его въ отсутствіи смѣлости и недостаткѣ рѣшительности. Опять была критика. Она проникла и въ Генеральный Штабъ. Критиковали много, но ничего не дѣлали для того, чтобы исправить недочеты.

«Итакъ», — думалъ Саблинъ, — «война ударила по зданію Россійской Имперіи. Царь, интеллигенція и народъ отбились другъ отъ друга. Народъ не вѣритъ Царю, интеллигенція не только не вѣритъ, но не любитъ и жаждетъ освободиться отъ него. Врагъ Царя не столько народъ, какъ интеллигенція, и борьба за Царя должна быть съ ней. Теперь, или никогда Царь долженъ былъ сказать какое-то слово, порвать съ пошлой, все критикующей интеллигенціей и пойти съ народомъ, потому что народъ еще могъ вернуться къ Царю. Но какое слово сказать народу, какъ привлечь его къ себѣ и съ нимъ ополчиться противъ интеллигенціи?» — Саблинъ этого не зналъ.

Чтобы лучше разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ, Саблинъ рѣшилъ добиться хотя бы временной поѣздки на фронтъ, чтобы тамъ повидать офицеровъ и солдатъ и прислушаться къ тому, чѣмъ живетъ и о чемъ думаетъ фронтъ.

XIV

Въ серединѣ сентября Саблинъ получилъ отъ Императрицы Александры Феодоровны приказаніе отправиться съ подарками отъ нея въ армейскій корпусъ, стоявшій подъ Мукденомъ. Подарки были заботливо приготовлены и многіе собственноручно уложены Государыней. Они состояли изъ большого красиваго платка, въ него были увязаны: смѣна бѣлья, четверка табака, чай, фунтъ сахара, коробка леденцовъ, гребенка, карандашъ, записная

книжка, бумага, конверты и большой фотографическій портретъ Императрицы, снятой съ новорожденнымъ наслѣдникомъ на рукахъ. Императрица любовно собрала всѣ эти вещи крестнымъ отцамъ своего сына.

Была золотая, сверкающая красками, тихая маньчжурская осень, когда Саблинъ съ четырьмя гвардейскими солдатами, сопровождавшими вагоны съ подарками, высадился въ Мукденѣ, и добывъ изъ ближайшаго транспорта подводы и лошадей, отправилъ ихъ къ штабу корпуса, а самъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ солдатъ — своего унтеръ-офицера и маленькаго транспортнаго солдатика, на монгольскихъ низкорослыхъ бѣлыхъ лошадкахъ поѣхалъ верхомъ черезъ Мукденъ, къ штабу.

Мукденъ кипѣлъ жизнью. Русскіе солдаты, кто въ сѣрыхъ, защитнаго цвѣта рубахахъ, кто въ рубахахъ зеленыхъ, кто въ голубыхъ, безпорядочною толпою наполняли улицы города. Отданія чести, той подтянутости, къ чему Саблинъ привыкъ въ Петербургѣ, не было. Не было и товарищескихъ, равныхъ отношеній, какія могла создать война, но было просто безразличное, полное равнодушія отношеніе однихъ къ другимъ. Сѣрые, запыленные, почти такіе же неопрятные, какъ солдаты, офицеры въ яркихъ золотыхъ и серебряныхъ погонахъ, толкались подлѣ китайскихъ торговцевъ, покупали всякую дрянь съ лотковъ, или безцѣльно шатались по пыльнымъ улицамъ. Китайцы синею толпою наполняли улицы. Тяжелыя китайскія повозки на двухъ лакированныхъ колесахъ съ широкими ободами и множествомъ тонкихъ точеныхъ спицъ съ синимъ полукруглымъ навѣсомъ надъ ними, запряженныя рослыми холеными мулами, медленно двигались сквозь толпу. Проѣзжали конные китайцы и съ ними русскій солдатъ-артельщикъ или фуражиръ въ китайской соломенной шляпѣ, въ рваной рубахѣ, безъ сапогъ, въ китайскихъ туфляхъ. Тяжелыя двухколесныя арбы, запряженныя лошадью, коровой и осломъ, жалобно скрипя, везли китайскій скарбъ: ящики, красные сундуки и узлы изъ черной и синей матеріи. На нихъ сидѣли пестро накрашенныя китаянки съ узки-

ми глазами. Пестрыя тряпки у вывѣсокъ, длинныя доски съ яркими золотыми китайскими буквами, красные шесты съ золотыми шарами, характерные китайскіе дома съ крутыми, загнутыми на краяхъ крышами, храмы, подлѣ которыхъ сидѣли каменныя шидзы — не то собаки, не то драконы; страшныя изображенія боговъ на черныхъ воротахъ — смѣсь самобытнаго, яркаго, китайскаго: черныхъ косъ, круглыхъ шапочекъ съ цвѣтными шариками чиновниковъ, брадобреевъ, бреющихъ на улицѣ полуголыхъ рабочихъ, пекарей, готовящихъ тутъ же на улицѣ на жаровняхъ китайскіе пельмени изъ сырого тѣста, или голубцы съ мясомъ, вонючія столовыя — чофаны, гдѣ за столами длинными рядами сидѣли китайцы — и русскаго: солдатъ и офицеровъ, темнозеленыхъ двуколокъ, везущихъ кисло пахнущій горячій ржаной хлѣбъ — поразила и развлекла Саблина. Онъ скоро замѣтилъ, что солдаты и офицеры были разные, разнаго качества и достоинства. Онъ видѣлъ прекрасно выправленныхъ и чисто одѣтыхъ молодцоватыхъ стрѣлковъ съ государевымъ вензелемъ на малиновомъ погонѣ. Эти отлично отдавали честь и смотрѣли бодро. Онъ видѣлъ части Петербургскаго округа со знакомыми по маневрамъ номерами на погонахъ, одѣтыя въ желтыя рубахи — и эти были хороши. Но рядомъ съ ними онъ видѣлъ оборванцевъ, потерявшихъ всякое подобіе солдата, одѣтыхъ въ полукитайскую одежду, оборванныхъ, наглыхъ и противныхъ. Отъ Саблина не ускользнуло, что тѣ, кто носилъ вензеля Государя на погонахъ, были чище и подтянутѣе другихъ. Имя Государево ихъ какъ будто къ чему-то обязывало, и они тянулись. Чтобы провѣрить себя, онъ заговорилъ съ транспортнымъ солдатомъ и спросилъ у него, какой части солдатъ, такъ отлично отдавшій ему честь?

— Перваго восточно-сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка. Первые щеголи у насъ, — отвѣтилъ солдатъ.

— А дерутся какъ?

— Однако, первый полкъ, — сказалъ солдатъ-сибирякъ. — Японецъ бѣжитъ передъ ними.

— А почему же не всѣ такіе, какъ они?

— Почему? — солдатъ, видимо, никогда не задавался этимъ вопросомъ. — Кто-жъ его знаетъ почему? Значитъ, такъ вышло. Это точно... разные есть... Иной полкъ хоть и на позицію не станови — все одно убѣжитъ, а эти одинъ на десять идутъ и пѣсни поютъ. Кто его знаетъ, почему такъ?

Черезъ ворота съ башней, продѣланныя въ толстой зубчатой стѣнѣ выѣхали за городъ и пошли между полей снятаго гаоляна, торчащаго острыми пеньками, мимо желтой колосящейся густой чумизы, мимо высокихъ, какъ кукуруза, уже сохнущихъ на корню гаоляновыхъ полей. Навстрѣчу попадались тяжелыя арбы, груженыя снопами гаоляна, мѣшками съ зерномъ, клѣтками съ курицами. Богатый край жилъ осенней жизнью. Широкая дорога вилась между полями. Слѣва и спереди туманными силуэтами рисовались на темномъ небѣ фіолетовыя горы и дымка тумана дали дрожала передъ ними въ тепломъ неподвижномъ воздухѣ. Въ полѣ китаецъ оралъ нескладную пѣсню, носились стаями черныя галки, собираясь въ путь, у дороги стояла небольшая сѣрая китайская кумирня, величиной съ голубятню. Въ ней были запыленныя доски съ изображеніемъ китайскихъ боговъ. На межахъ росли громадные карагачи со стволами въ нѣсколько охватовъ и осень не тронула желтизною ихъ ярко-зеленыхъ вершинъ. Большой ханшинный заводъ съ сѣрыми, высокими и прочными, какъ стѣны крѣпости стѣнами, съ башнями по краямъ, съ рядомъ сѣрыхъ черепичатыхъ кровель былъ по пути и у воротъ его толпились арбы, запряженныя мулами и ослами. Саблинъ ѣхалъ мимо домовъ китайскихъ помѣщиковъ. Изъ-за высокихъ стѣнъ груши протягивали темныя вѣтки, усѣянныя золотистыми плодами. Въ ворота видны были дорожки, уложенныя кирпичомъ, фуксіи и герани въ яркомъ осеннемъ цвѣту, сѣрыя фанзы съ длинными окнами съ частымъ переплетомъ и бумагою вмѣсто стеколъ.

Всюду было довольство, тишина теплой осени, покой и счастье, и ничто не говорило о войнѣ.

Саблинъ переѣхалъ быструю рѣчку съ усѣяннымъ камнями дномъ, проѣхалъ мимо китайскаго кладбища и попалъ въ небольшую деревушку. Часто стали попадаться солдаты. Во дворѣ большого дома стояли двуколки, а подлѣ, на коновязи, были привязаны рослыя россійскія лошади. Маленькая рѣчка съ массивнымъ каменнымъ мостомъ первобытной постройки отдѣляла деревушку отъ китайской усадьбы. Раскидистые карагачи росли у въѣзда, черныя ворота, прикрытыя стѣнкой отъ злого духа, были распахнуты настежь и подлѣ нихъ ходилъ въ сѣрой рубахѣ бравый оренбургскій казакъ. Это и былъ штабъ того корпуса, куда Саблинъ везъ подарки.

XV

Командиръ корпуса, высокій красивый старикъ, бывшій гвардеецъ и флигель-адъютантъ императора Александра II, ласково принялъ Саблина. Онъ помѣщался въ одной половинѣ китайской фанзы, въ другой жили его ординарцы. Ординарцы, гвардейскіе офицеры, знакомые съ Саблинымъ по петербургскому свѣту, шумно и радостно привѣтствовали его и стали разспрашивать про Петербургъ и про настроенія, что тамъ были. Саблинъ скоро почувствовалъ, что война имъ надоѣла, что ихъ тяготило отсутствіе комфорта, веселой жизни, баловъ, вечеровъ, свѣтскихъ знакомыхъ.

— Надоѣла эта война, — капризно говорилъ ординарецъ штабсъ-ротмистръ Купковскій. — То - есть, ты себѣ представить не можешь, какъ надоѣла. Все равно не побѣдимъ японцевъ. Они хитрѣе насъ.

— Наши какъ?...

— Чортъ ихъ знаетъ, какъ. То подвиги храбрости, то бѣгутъ безъ оглядки. А главное, все какъ-то глупо и безцѣльно. Неувѣренно какъ-то. Вотъ завтра наступленіе. Ляоянъ опять брать будемъ. А спроси меня пря-

мо: возьмемъ, или нѣтъ? Скажу откровенно — не возьмемъ.

— Такъ для чего же тогда наступать?

— Общественное мнѣніе требуетъ, — сказалъ Бобчинскій, другой ординарецъ корпуснаго командира.

Корпусный командиръ разсматривалъ подарки.

— Какъ это хорошо, — сказалъ онъ, — что Ея Величество свой портретъ прислала. Это ободритъ солдата передъ боемъ. Умирать за нее легче будетъ.

Командиръ корпуса лично рѣшилъ ѣхать послѣ обѣда въ ближайшую дивизію раздавать подарки. Отдали по телефону приказаніе собрать полки, и въ пять часовъ Саблинъ сѣлъ съ командиромъ корпуса въ просторную коляску, запряженную парою сытыхъ лошадей, и поѣхалъ на биваки. Его сердце билось. Онъ думалъ о томъ, что сейчасъ онъ увидитъ людей, уже знающихъ, что такое война и смерть, сейчасъ передъ нимъ будутъ люди, овѣянные славой войны, люди, которые завтра пойдутъ умирать. «Что это за люди?» — думалъ онъ,— «поднялись ли они духомъ въ предвидѣніи подвига и смерти, или полны мелочными заботами повседневной жизни?»

На широкомъ, желтомъ, истоптанномъ и пыльномъ полѣ показались ряды низкихъ палатокъ. Это былъ полковой бивакъ. Въ сторонѣ отъ него темносѣрыми квадратами вытянулись батальонныя колонны. На правомъ флангѣ ближайшаго полка тускло сверкали давно нечищенныя трубы музыкантовъ.

Полки взяли на караулъ и музыка заиграла встрѣчный маршъ.

Командиръ корпуса подошелъ къ первому полку, поздоровался съ нимъ и приказалъ взять «къ ногѣ».

Саблинъ стоялъ сзади командира корпуса. Передъ ними тянулись неподвижныя шеренги солдатъ. Сѣрыя фуражки, скатанныя шинели, надѣтыя черезъ плечо на рубахи, сѣрыя шаровары, высокіе сапоги, все было привычно для Саблина, мирное, хорошее, говорящее о манев-

рахъ, но не о войнѣ. Люди смотрѣли сѣро и тупо. Ихъ глаза ничего не выражали.

Корпусный командиръ старческимъ, но громкимъ голосомъ человѣка, привыкшаго къ строю, говорилъ о томъ, что Ея Императорское Величество среди своихъ царственныхъ заботъ не забыла про армію, вспомнила о солдатѣ и пожаловала каждому свой портретъ и подарокъ на память.

— Въ сердцѣ своемъ храни эту царскую милость, — говорилъ командиръ корпуса. — Помни матушку-царицу и иди смѣло умирать за нее и за Россію.

У командира корпуса на глазахъ были слезы. Онъ былъ глубоко растроганъ тѣмъ, что онъ сказалъ. Солдаты дружно крикнули: — «постараемся, ваше высокопревосходительство!» и опять замолчали.

Приказали составить ружья и стали выдавать по ротамъ подарки.

Саблинъ попросилъ разрѣшенія остаться на бивакѣ полка и пошелъ бродить между палатками. Онъ былъ чужой здѣсь. Онъ разговаривалъ съ офицерами и старые подполковники говорили съ нимъ, штабсъ-ротмистромъ, почтительнымъ тономъ. Солдаты только тупо смотрѣли на его вензеля и аксельбанты и улыбались. Саблинъ напился чая у командира полка и, сказавъ, что онъ пойдетъ въ штабъ корпуса пѣшкомъ, вышелъ изъ бивака.

Яркое манчжурское солнце тихо опускалось въ золотистую дымку тумана. И, какъ бы прикрѣпленная къ одному громадному коромыслу, по мѣрѣ того, какъ опускалось солнце, медленно поднималась изъ-за темныхъ горъ громадная красная луна. Вся красота красокъ манчжурской осени сверкала на небѣ пурпуромъ пламени закатнаго пожара, ударявшимся въ розовые нѣжные тона съ золотыми облаками, въ зеленые тона изумруда и въ темносинюю парчу глубокаго неба, начинавшую серебриться на востокѣ, гдѣ уже ярко сверкали хребты далекихъ горъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло. Каждый звукъ разносился далеко и пріобрѣталъ особое значеніе.

Лаяли въ деревнѣ собаки, кричалъ, икая и окая, оселъ, мычали коровы. Сѣрый бивакъ затихалъ. Отъ него пахло щами и хлѣбомъ и, укрываясь въ палатки, онъ гомонилъ и казался громаднымъ звѣремъ, съ тихимъ ворчаніемъ укладывающимся спать.

Саблинъ подошелъ къ краю бивака и сѣлъ у дороги подъ раскидистымъ карагачемъ, прислонившись къ его широкому стволу. Тѣнь отъ дерева, бросаемая луною, становилась отчетливѣе и темнѣе и, наконецъ, скрыла Саблина. На бивакѣ желтыми пятнами стали обозначаться палатки. Солдаты зажигали въ нихъ свѣчи, укладываясь спать. Неподалеку три голоса, и, должно быть офицерскихъ, теноръ, басъ и баритонъ, согласно пѣли пѣсню. Теноръ начиналъ, баритонъ ему вторилъ, басъ временами дрожалъ, создавая красивую гармонію. Пѣли печально и трогательно, видимо, хорошо спѣвшіеся ладные голоса. Саблинъ прислушался и ему гадко стало на душѣ:

Сѣрый день мерцаетъ слабо,
Я гляжу въ окно...

пѣли пѣвцы и пѣсня безотрадно грязная, противная, циничная, рисующая до мерзости гадко-сѣрую русскую жизнь, неслась въ красивомъ, за душу берущемъ напѣвѣ:

— Видъ чудесный, видъ прелестный,
Чисто русскій видъ...

закончили пѣвцы и замолчали.

«Неужели въ этой грязи, въ этомъ сплошномъ сквернословіи укрылась русская интеллигенція, неужели это, а не молитва, не гимнъ, не широкая, бодрая великая пѣсня русскаго солдата напутствуетъ ихъ въ бой?.. Вѣдь завтра походъ и бой!» — подумалъ Саблинъ, всталъ и пошелъ къ биваку.

XVI

Онъ проходилъ темной тѣнью, никому неизвѣстный и незнакомый мимо палатокъ и заглядывалъ въ тѣ, гдѣ горѣли огоньки, гдѣ слышны были солдатскіе голоса.

— Кто тамъ? — иногда спрашивали его изъ палатки.

— Свой, — отвѣчалъ Саблинъ, и шелъ дальше. Ему была пріятна сверкающая луною ночь, тепло, близость къ людямъ, идущимъ на подвигъ.

— Эхъ, и спасибо большое матушкѣ-царицѣ, — услышалъ Саблинъ сильный, задушевный голосъ, чуть нараспѣвъ, — вотъ угодила, вотъ подумала, и ладно все придумала. Или присовѣтовалъ ей это какой-нибудь разумный человѣкъ? И рубаху прислала. Ее и надѣну, въ ней и въ бой, и коли убьютъ меня, такъ въ Царицыной рубахѣ и въ царствіе Божіе предстану передъ трисіятельныя очи Господа моего и Бога.

— Ну и дуракъ, — перебилъ его мрачный хриплый голосъ.

— Отъ таковаго слышу, — сказалъ первый голосъ.

— Туши огонь, а то вишь, разложился какъ. Не одинъ. Да и огарокъ беречь надо.

— Да, ладно.

Саблинъ подкрался къ палаткѣ и заглянулъ въ нее. На гаоляновой соломѣ лежало четверо солдатъ. Пятый разложилъ у самаго входа платокъ отъ подарка и на него выкладывалъ вещи, присланныя Государыней. Онъ вынулъ теперь портретъ ея и долго смотрѣлъ на него.

— А вотъ за портретъ спасибо особое. Ухъ, и красавица она у насъ и съ дѣтями своими распрекрасными. Много господъ я на своемъ вѣку поперевидалъ, ну, то господа, а это особая статья, это и надъ господами господинъ.

— Холопъ! — сказалъ лежавшій ближе къ нему мрачнаго вида худой солдатъ.

— А вы, Филиппъ Ивановичъ, развѣ отъ крестьянства совсѣмъ отстали? — спросилъ лежавшій у стѣны палатки бородатый солдатъ съ добродушнымъ лицомъ.

— Я и не занимался имъ вовсе. Отецъ буфетъ держалъ на добровольномъ флотѣ и я съ малыхъ лѣтъ съ нимъ на «Саратовѣ» плавалъ. Много повидалъ я заморскихъ чудесныхъ странъ, четыре раза кругомъ земного шара обогнули. Да... Ну, а потомъ, какъ подросъ, завелъ я самостоятельное дѣло и прогорѣлъ. Вотъ тогда мнѣ и удалось устроиться буфетчикомъ въ N—скомъ драгунскомъ полку. Да. Славное это время было, знаете. И наживали, и проживали. И долговъ мнѣ не платили, и на волоскѣ я висѣлъ, и золотили меня, и колотили меня, а бросить я не могъ, потому весело мнѣ было. И господа меня любили, и я господъ, могу сказать, обожалъ совершенно.

— Потому, что холуй!

— А вы, Захаръ Петровичъ, не ругайтесь. Между прочимъ, и не для васъ это все говорится.

— Слушать противно ваши холуйскіе разсказы.

— А вы и не слушайте. Васъ къ этому не обязываютъ нисколько... Да... Перебилъ меня господинъ Закревскій, съ мысли столкнули... Весело жилось въ драгунскомъ полку. И такіе господа были хорошіе. Полкомъ командовалъ полковникъ фонъ Штейнъ. Бывало закутятъ, загремятъ, перепьются и начнутъ за столомъ собранскимъ полковое ученіе устраивать. Трубачи сигналы подаютъ, а они, значитъ, хоромъ командуютъ, ну, прямо, соловьями заливаются. Чудно! А потомъ фонъ Штейнъ и кричитъ: — «господъ нѣтъ!» — и, значитъ, всѣ, одинъ передъ другимъ стараются, чтобы скорѣе подъ столъ залѣзть. Толстый у насъ такой былъ подполковникъ Умовъ, тоже пыхтитъ, лѣзетъ. И сидятъ такъ подъ столомъ, притаясь. Щиплются, смѣются. А фонъ Штейнъ опять кричитъ: — «есть, господа!» — и, значитъ, всѣ кидаются изъ-подъ стола и каждый хочетъ проворство свое передъ командиромъ показать. Занятно!

— Вотъ, мерзавцы. А еще дворяне!... Холопы!

Филиппъ Ивановичъ скосилъ на говорившаго глаза, но промолчалъ.

— Помню еще какъ-то поручика Сережникова вдругъ хоронить вздумали.

— Умеръ, что ли? — спросилъ солдатъ, похожій на мужика.

— Ничего подобнаго. Живехонекъ. Только выпивши очень. Устроили ему изъ шинелей катафалку, читали всякое надъ нимъ, а потомъ съ пѣніемъ «со святыми упокой», понесли къ женѣ. И что вы думаете, черезъ мѣсяцъ на маневрѣ упала подъ нимъ, значитъ, лошадь и придавила. Промучился недѣли двѣ и умеръ. Что значитъ шутка-то была Господу силъ неугодная.

— Туда ему и дорога.

— И что вы все ворчите и всѣмъ недовольны? Ну, чѣмъ? Чѣмъ мѣшали вамъ эти господа?

— О! м-мерзавцы!

— Что, мѣшали они вамъ, Захаръ Петровичъ? Они баловались, а кому-нибудь убытка отъ того не было. Если кого побьютъ, или обидятъ, непремѣнно щедро заплатятъ и тотъ еще и доволенъ, что безъ труда нажилъ себѣ деньги... Да... былъ у насъ еще Красильниковъ, ротмистръ. Хорошій баринъ. Какъ-то вотъ такъ понапились всѣ и подъ утро рѣшили всѣ заведенія объѣзжать. Собрали извозчиковъ и поѣхали. Ну, а ему, не знаю уже какъ, не хватило извозчика. Выходитъ онъ со мной, я его поддерживаю, потому что хмельны они очень были, и говоритъ: — «Филиппъ Ивановичъ, скажи мнѣ, другъ сердечный, прилично, чтобы столбовой дворянинъ, будучи пьянъ, пѣшкомъ шелъ?» Я молчу, знаете. А онъ мнѣ опять: — «нѣтъ, Филиппъ Ивановичъ, дворянинъ, ежели пьянъ, никогда пѣшкомъ не пойдетъ, потому что тогда онъ достоинство свое дворянское утеряетъ. Хоть на чемъ ни на есть, а долженъ онъ ѣхать.» — А въ ту зорю ѣхали дроги погребальныя за покойникомъ. «Стой!» — кричитъ Красильниковъ, — «хоть и не вполнѣ прилична колесница сія, а все же лучше, чѣмъ пѣшкомъ мнѣ идти! Помогай, Филиппъ Ивановичъ!» Возсѣли они на колесницу и приказали гнать лошадь вскачь, догонять господъ къ заведенію Маріи Львовны!... Да, Захаръ

Петровичъ, вамъ не понять этого. Тонкіе были люди и веселая была жизнь!

— Плюнулъ бы я въ морду вамъ, Филиппъ Ивановичъ, кабы не считалъ это ниже себя, ибо и скотъ уважаетъ себя больше, чѣмъ вы. Уже очень вы подлы для меня и гадки!

Филиппъ Ивановичъ сдѣлалъ скорбное лицо, покачалъ головою и тихо сказалъ:

— Вижу, что металъ бисеръ передъ свиньями и не поняли меня... Нѣтъ, такихъ людей уже видно не будетъ!

Онъ тщательно завернулъ портретъ Государыни въ платокъ и уложилъ его въ сумку, потомъ сталъ укладываться самъ и, улегшись, спросилъ:

— Гасить, что-ль?

Никто не отвѣтилъ. Филиппъ Ивановичъ загасилъ огарокъ, и палатка погрузилась въ мракъ. Саблинъ тихо отошелъ отъ нея и сталъ выходить съ бивака. То тутъ, то тамъ гасли огни и бивакъ, посеребренный луною, стоялъ, какъ сонное видѣніе.

У края бивака два солдата встрѣтились съ Саблинымъ. Они шли пьяные и ругались скверными словами.

— У! манза проклятая, за сахаръ, да за рубаху всего три шкалика далъ. А портрета и вовсе брать не хотѣлъ, — говорилъ одинъ.

— И чего она портретъ прислала? — сказалъ второй. — Очень нуженъ онъ солдату!

— Куражится! Какъ же! импер'атриса, подумаешь! Брилліантовъ что на ней. Деревню купить можно. Она бы брилліанты продала, да солдату водки послала, вотъ то дѣло было бы. А то подарки... портреты.

— И весь-то подарокъ ходя косоглазый въ три шкалика оцѣнилъ. Вотъ те и царскій подарокъ!

Они разминулись съ Саблинымъ, и пошли, ругаясь и спотыкаясь о колышки палатокъ, искать свое мѣсто.

«И эти завтра тоже пойдутъ умирать, пойдутъ на подвигъ», — подумалъ Саблинъ. — «И Филиппъ Ивановичъ съ его любовью къ господамъ и мрачный Захаръ

Петровичъ, и мужичокъ, всѣ сѣрыми рядами пойдутъ брать Ляоянъ... И не возьмутъ... Какъ все непонятно и чудно. Какіе разные люди и какъ невозможенъ для нихъ одинъ шаблонъ, одинъ законъ!»

XVII

Чуть свѣтъ Саблинъ снова отправился на бивакъ. Но бивака уже не было. Кое-гдѣ горѣла подожженная солома, валялись жестянки, бумаги и кости на притоптанномъ пыльномъ полѣ. Вмѣсто палатокъ, тѣсными рядами, стояли густою колонною солдаты. Командиръ полка на рослой лошади, оборотясь лицомъ къ полку, ждалъ, когда появится адъютантъ со знаменемъ. Солнце поднималось изъ-за фіолетовыхъ горъ и бросало косые лучи на солдатъ. Штыки блестѣли и искрились.

«Будетъ ли штыковая работа?»—подумалъ Саблинъ. Онъ старался угадать, гдѣ стоитъ Филиппъ Ивановичъ, гдѣ пьяницы - солдаты и что они думаютъ.

Отъ деревни показался взводъ. Несли знамя. Заиграли армейскій походъ, полкъ взялъ на караулъ... Сзади, звеня и дымя, пристраивались кухни.

На глазахъ Саблина полкъ взялъ на плечо и сталъ вытягиваться въ колонну по отдѣленіямъ. Головная рота вышла впередъ и дозоры стали расходиться по сжатымъ полямъ. Сверкнули на поворотѣ штыки, музыка грянула маршъ «Разлуку» и колонна стала виться змѣею по пыльной дорогѣ.

Саблинъ стоялъ и смотрѣлъ. Солдаты шли мимо, кто въ ногу въ отдѣленіяхъ, кто шелъ свободно, стороною. Пѣсенники выходили изъ рядовъ и то тутъ, то тамъ начиналась пѣсня и полкъ становился все меньше, покрывался пылью, уходилъ въ даль. Уходилъ добродушный и благожелательный Филиппъ Ивановичъ, уходилъ желчный Захаръ Петровичъ, уходили тѣ, кто продалъ китайцу Царицыны подарки. Всѣхъ подхватила и влекла къ золотящимся на солнцѣ розовымъ горамъ судьба.

Всѣмъ несла тяжелыя испытанія, можетъ быть, раны, мученія и смерть.

Разлука, ты разлука,
Чужая сторона,

неслось отрывками изъ тумана сверкающей дали, гдѣ синѣли горы извилистою линіей, рисуясь на голубѣющемъ небѣ. Становилось жарко. Вѣтра не было. Густая пыль поднималась надъ колонною. Вправо шла такая же колонна, влѣво еще колонна. N—ская пѣхотная дивизія выдвигалась авангардомъ и шла къ рѣкѣ Шахэ.

Саблинъ долженъ былъ ѣхать обратно въ Петербургъ съ докладомъ Императрицѣ о всемъ, что онъ видѣлъ. Что же разскажетъ онъ ей? Разскажетъ ли умиленную рѣчь Филиппа Ивановича, или разскажетъ о томъ, какъ пропили ея подарки и ее же ругали за нихъ? Чувствовалъ Саблинъ, что ему придется лгать Императрицѣ, потому что правда сѣра, неинтересна и никому не нужна.

Уже нельзя стало различать отдѣльныхъ людей въ колоннахъ и только штыки сверкали и горѣли, какъ алмазы въ пыли, да иногда вдругъ донесется обрывокъ пѣсни, звуки корнета и тяжелые удары барабана, отбивающаго тактъ.

И кажется, что слышишь этотъ маршъ, отъ котораго вѣетъ печалью:

Разлука, ты разлука,
Чужая сторона!
Зачѣмъ насъ разлучила,
Японская война?

XVIII

Саблинъ вернулся въ Петербургъ. Дорогой у него было желаніе разсказать правду.

Но что правда? — Развѣ онъ ее зналъ? Онъ видѣлъ

прекрасныя части и видѣлъ оборванцевъ. Но почему однѣ прекрасны, а другія оборваны, онъ не зналъ. Кто командуетъ хорошими и кто плохими, онъ не могъ указать. Онъ представлялся Куропаткину и Куропаткинъ очаровалъ его. Все, что говорилъ Куропаткинъ, было мудро и разумно. Выходило такъ, что Куропаткинъ совсѣмъ не виноватъ въ томъ, что война неудачна. Онъ все предвидѣлъ и обо всемъ своевременно докладывалъ. Сказать это Государю, значило, обвинить самого Государя во всѣхъ неудачахъ. Саблинъ не могъ этого сдѣлать потому, что по чистой совѣсти не считалъ Государя виновнымъ. Это была судьба.

Саблинъ зналъ, что императрица будетъ его разспрашивать о томъ, какъ были приняты ея подарки. И Саблинъ рѣшилъ передать рѣчь корпуснаго командира, потомъ охарактеризовать Филиппа Ивановича мягкими теплыми штрихами, разсказать, какъ красиво уходила въ поля Шахейской долины N—ская дивизія. Создавалась красивая картина батальнаго свойства, въ родѣ нѣжныхъ акварелей Адама. Правда была прикрашена, приглажена, отполирована и лакомъ покрыта.

Саблину было совѣстно такой правды. Онъ любилъ Государя, онъ былъ ему искренно преданъ и онъ будетъ ему лгать. Кто же тогда скажетъ истину, если Саблинъ будетъ лгать! И Саблинъ мучился.

Но, когда насталъ день аудіенціи и Государь принялъ его вечеромъ, послѣ обѣда, вдвоемъ съ императрицей, въ присутствіи только одной фрейлины, Саблинъ весело, бодро и ярко разсказалъ тѣ сцены, что онъ видалъ. Армія была великолѣпна, порядокъ въ ней образцовый, Куропаткинъ талантливый и понимающій обстановку вождь, солдаты кроткіе, чудо богатыри, обожающіе Государя и идущіе въ огонь и въ воду. Все обстояло благополучно.

Государь большими печальными глазами смотрѣлъ на Саблина. Онъ какъ будто спрашивалъ, такъ почему же четырнадцатидневное Шахейское сраженіе окончилось въ ничью? Почему еще погибло пятнадцать тысячъ однихъ убитыхъ солдатъ и сколько, сколько раненыхъ;

почему война остановилась и затихла, и маленькая, злобная Японія не усмирена и не обуздана? Но Государь ничего не сказалъ. Онъ поблагодарилъ Саблина за его докладъ, наградилъ его боевымъ орденомъ за поѣздку на фронтъ и, прощаясь, какъ то особенно глубоко взглянулъ на Саблина, будто упрекнулъ его за ложь.

Когда Саблинъ вышелъ, онъ горѣлъ мучительнымъ стыдомъ, точно онъ сдѣлалъ подлость. Но когда думалъ о томъ, что онъ могъ бы сдѣлать, понималъ, что иного доклада онъ сдѣлать не могъ. Обвинять кого бы то ни было не было ни данныхъ, ни основаній и онъ долженъ былъ или молчать, или сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ...

Шла тревожная, печальная зима. Въ декабрѣ совсѣмъ неожиданно палъ Портъ-Артуръ... Сдался... Этого никогда не бывало въ исторіи Россіи. За всѣ столѣтія Россійскихъ городо-держцевъ — Василія Шуйскаго, оборонившаго отъ Батура короля Псковъ, защитниковъ Севастополя и Баязета. Оставляли крѣпости, — да, но сдавать никогда не сдавали. Это было ужасно потому, что показывало новое теченіе въ арміи — недостатокъ духа. Но обвинили во всемъ Стесселя, приклеили къ нему ярлыкъ измѣнника и какъ то слишкомъ скоро успокоились. Война была далекая и не затронула Петербурга. Петербургъ по прежнему жилъ шумною веселою жизнью. Веселились больше, чѣмъ всегда и если бы не появленіе то тутъ то тамъ громадныхъ лохматыхъ бараньихъ папахъ на головахъ людей, отправляющихся на войну, то о войнѣ и не думали бы. Все шло по заведенному порядку. 6-го января въ Крещенье на Невѣ было водосвятіе. Въ этотъ день былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ по Государю. Шрапнель, поставленная на картечь, была пущена рукою злоумышленника солдата отъ Биржи по Императорскому павильону. Но Богъ не допустилъ совершиться злодѣянію и пули пролетѣли поверхъ павильона, порвали знамена и выбили стекла во дворцѣ. Признать покушеніе не хватило мужества. Это затрагивало слишкомъ многихъ. Батарея была та самая, гдѣ служилъ Государь. Ею командовалъ раньше его дядя

великій князь Сергій Михайловичъ. Признать, что тамъ была крамола, что въ гвардіи могли найтись люди, посягнувшіе на Государя, не могли. И приписали все несчастному случаю. Такъ было проще.

Саблинъ, глубоко пораженный этимъ случаемъ, ожидалъ чего-нибудь со стороны командира батареи. Не оправданія, нѣтъ! оправданія тутъ быть не могло. Саблинъ ждалъ казни. «Вотъ», думалъ онъ, «тотъ случай, когда есть только два выхода — для маловѣрующаго и могущаго дерзать — самоубійство, для вѣрующаго и считающаго самоубійство грѣхомъ — монастырь».

Но командиръ батареи оправдывался, а самое дѣло затирали и ограничились только переводомъ его въ армію. Никто наказанъ не былъ.

Саблинъ возмущался, но нигдѣ не нашелъ сочувствія. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что загнивало и старое дворянство, внешнее общество, опора трона и Государя. Мы оказались дороже его. Честь мундира, свои традиціи, благополучіе отдѣльныхъ личностей были поставлены впереди Государя и гвардія промолчала и признала это. Государь въ своей безконечной добротѣ ничего не сказалъ, а тѣ, кто обязанъ былъ охранять его, не убѣдили поступить иначе и примѣрно покарать дерзнувшихъ.

Но, когда Саблинъ оглянулся кругомъ, онъ увидалъ, что некому было возмущаться, потому что всѣ были заняты личными дѣлами. Всѣ веселились и свое веселье ставили выше всего. Какъ ни странно: — всѣ были довольны и счастливы въ эти ужасные дни Русскаго позора!

XIX

На 9-е января между Саблиными, Палтовыми, Ротбеками, Воробьевымъ, Мацневымъ и Гриценко было условлено, что они поѣдутъ слушать цыганъ въ трактиръ за Стретоновымъ мостомъ. Рѣшено это было давно. Тогда,

когда палъ Портъ-Артуръ, на Наталью Борисовну Палтову нашло истерическое настроеніе веселиться во что бы то ни стало, чтобы забыть всѣ ужасы войны и позоръ пораженій. 9-го января произошли въ Петербургѣ крупные безпорядки, войска стрѣляли въ народъ, было убито много людей, на Невскомъ кое-гдѣ выбиты стекла въ магазинахъ и положжены газетные кіоски, и Саблинъ былъ увѣренъ, что поѣздка къ цыганамъ не состоится. Но въ одиннадцать часовъ, какъ то было условлено, пріѣхалъ Степочка Воробьевъ, за нимъ слѣдомъ въ роскошномъ вечернемъ туалетѣ изъ чернаго шелка съ пальетками графиня Палтова съ мужемъ, а потомъ и Ротбекъ со своей маленькой, веселой женой Ниной Васильевной, недоставало только Мацнева и Гриценки. Въ ожиданіи ихъ сидѣли въ гостиной и обмѣнивались впечатлѣніями дня.

— Я полагаю, господа, что поѣздку надо отложить, — сказалъ Саблинъ. — По моему ѣхать даже небезопасно.

— Ну вотъ, милый другъ, что за пустяки! Сегодня то лучше, чѣмъ когда бы то ни было. Не только вся полиція на ногахъ, но половина гарнизона бивакируетъ на улицахъ. Эти коновязи на площадяхъ, костры — прямо очаровательно. Какія то картины 1814 года. Точно Парижъ, — сказалъ Палтовъ. — Полагаю, что дамамъ интересно будетъ все это повидать.

Онъ былъ въ возбужденномъ, повышенномъ настроеніи. Его рота провела весь день на улицахъ, стрѣляла, дѣйствовала удачно и онъ былъ счастливъ тѣмъ, что все обошлось хорошо и что того, чего онъ такъ боялся утромъ, не случилось. А боялся онъ многаго. Говорили, что солдаты не пойдутъ, откажутся стрѣлять, а, когда ихъ начнутъ арестовывать, перебьютъ офицеровъ. Офицерамъ приказано было прибыть задолго до разсвѣта. Палтовъ вмѣстѣ со своими младшими офицерами въ шесть часовъ утра входилъ въ темныя, мрачныя казармы. Жутко было подниматься по лѣстницѣ, тускло освѣщенной прожженными, закоптѣлыми ламиочками и входить въ темные коридоры подлѣ спаленъ. Тамъ слышался гомонъ

людей, какіе то громкіе выкрики. Палтову показалось даже, что онъ услышалъ свистъ. Но, когда онъ открылъ тяжелую дверь на блокѣ, онъ увидалъ обычную картину поднятой до разсвѣта роты. Кисло пахло портянками, лампы скупо освѣщали большую залу съ койками, поставленными рядами, съ гимнастическими снарядами, литографіями и расписаніями въ рамочкахъ по стѣнамъ. Противъ оконъ — была еще зимняя ночь, — длинной шеренгой стояли люди въ шинеляхъ и фуражкахъ, съ патронными сумками на бѣлыхъ ремняхъ и ружьями у ноги. Фельдфебель скомандовалъ смирно. Все было, какъ всегда. Точно шли на обыкновенное ученье, или зимній маневръ. Палтовъ поздоровался, люди дружно отвѣтили на привѣтствіе и, когда онъ проходилъ вдоль фронта, онъ видѣлъ знакомыя, хмурыя, невыспавшіяся лица. Фельдфебель шелъ сзади, недовольно крякалъ и рукою оправлялъ у людей ремни аммуниціи. Палтовъ подумалъ, что, можетъ быть, нужно что-нибудь сказать людямъ, предупредить ихъ, напомнить о присягѣ. Но что сказать? Онъ и самъ хорошенько не зналъ, что происходитъ въ Петербургѣ. Говорили, что рабочіе собрались идти къ Государю съ какими то требованіями, кто говорилъ экономическими, чтобы поменьше работать и побольше получать, кто говорилъ политическими, что они, подстрекаемые соціалистами требуютъ Учредительнаго собранія, отреченія Государя отъ престола и немедленнаго мира съ Японіей. Государя въ Петербургѣ не было, но допустить безобразія было нельзя и потому приказъ былъ въ случаѣ неповиновенія — стрѣлять боевыми патронами. Что же сказать? Поймутъ-ли солдаты? Все было такъ туманно въ головѣ у самого графа Палтова, что онъ понялъ одно: лучше не говорить ничего. Онъ спросилъ ни къ кому не обращаясь: — «розданы патроны?» — Кто то изъ фронта глухо и мрачно сказалъ: — «розданы». Палтовъ скомандовалъ: «направо», рота тяжело, грузно, въ два пріема повернулась и замерла.

— Шагомъ маршъ! — Сапоги застучали и заскрипѣли по коридору.

На улицѣ казалось свѣтлѣе. Фонари еще горѣли, но уже были блѣдныя предразсвѣтныя сумерки. Прохожихъ не было. Дворники очищали тротуары и посыпали ихъ пескомъ. Былъ легкій морозъ и очень тихо въ воздухѣ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами выстраивавшейся роты. Выравнялись вдоль улицы, потомъ повернули, вздвоили ряды и пошли на назначенное мѣсто. Палтовъ отлично помнилъ, какъ спокойствіе и увѣренность вернулись къ нему. Ему только хотѣлось спать. На улицахъ появились рѣдкіе прохожіе, горничныя съ корзинками для булокъ, почтальоны, какіе то старики и старухи, какихъ только и можно видѣть въ Петербургѣ раннимъ утромъ. Фонари погасали сразу цѣлыми улицами, но отъ этого становилось свѣтлѣе. Разсвѣтъ уже наступилъ, небо казалось зеленымъ и легкія тучи тѣснились надъ домами. Изъ трубъ дружно валилъ дымъ. Въ церквахъ благовѣстили къ ранней обѣднѣ.

Потомъ было долгое и скучное стояніе на перекресткѣ двухъ улицъ. Не знали, что дѣлать. Одинъ изъ офицеровъ роты разыскалъ поблизости трактиръ, и графъ Палтовъ съ офицерами, оставивъ роту на фельдфебеля, пошли пить чай. Надо было протянуть время. Они сидѣли въ маленькой комнаткѣ за небольшимъ столикомъ, накрытымъ чистой скатертью, передъ ними стояли громадные бѣлые чайники съ кипяткомъ, граненые стаканы, тарелка съ баранками и масло. Рядомъ въ большой низкой комнатѣ пили чай извозчики и дворники. Приходили и уходили люди, дѣловито стучали мѣдными пятаками по стойкѣ и заказывали «пару чая» и ситный.

Когда, послѣ чая, вышли на улицу, былъ яркій день. Улица была полна народа, люди ходили взадъ и впередъ, одни спѣшили, другіе шли медленно, движеніе было необычайное, но ничего опаснаго въ немъ не было. Солдаты составили ружья въ козлы и толпились за ними. Нѣкоторые, сидя на тумбахъ, дремали. Прохожіе пытались

останавливаться подлѣ роты, но городовые, ихъ было много, прогоняли любопытныхъ.

Около полудня, гдѣ то неподалеку, квартала за два, раздался раскатистый залпъ и послѣ нѣкотораго затишья другой. Потомъ все смолкло. По улицѣ пробѣжало нѣсколько человѣкъ съ блѣдными лицами. Одинъ былъ безъ шапки. Толпа прохожихъ сразу стала рѣже. Палтовъ приказалъ разобрать ружья и построилъ роту. Прошло еще съ полчаса. Въ концѣ улицы появились люди. Они не только заполнили тротуары съ обѣихъ сторонъ, но стали выходить и на средину и скоро вся улица вдали затянулась сплошною черною массою народа. И вдругъ надъ народомъ развернулись въ двухъ, трехъ мѣстахъ красныя знамена. Въ толпѣ что то пѣли, но что, разобрать еще было нельзя. Отъ толпы отдѣлился извозчикъ и помчался къ ротѣ Палтова. Маленькая лошадка въ сѣрой попонкѣ неслась полнымъ карьеромъ. Въ саняхъ съ незастегнутой полостью сидѣлъ смертельно блѣдный полицейскій офицеръ съ оторванной шашкой, безъ шапки, съ синяками и кровоподтеками на лицѣ.

Онъ подскочилъ къ Палтову и, вылѣзая изъ саней и прикладывая руку къ головѣ, очевидно забывъ, что у него нѣтъ шапки, доложилъ прерывающимся голосомъ:

— Господинъ капитанъ! Не иначе, какъ стрѣлять придется. Озвѣрѣлъ народъ. Городового убили. Меня, сами видите, въ какой видъ привели.

Палтовъ завелъ роту поперекъ улицы и посмотрѣлъ на солдатъ. Они были спокойны и угрюмы. Озлобленіе на толпу накипало въ Палтовѣ. «Чего имъ надо», думалъ онъ. — «Дурачье, на рожонъ лѣзутъ! Жиды ихъ учатъ, а они и идутъ».

Толпа подошла совсѣмъ близко и остановилась. Надъ нею тихо рѣяли красныя, кумачевыя знамена, на которыхъ грубо, аляповато, черными буквами было что то написано. Палтовъ вглядѣлся въ эти надписи. «Долой самодержавіе!» — было написано на одномъ. «Да здравствуетъ соціализмъ. П. С. Р.», значилось на другомъ.

Палтовъ почувствовалъ какъ кровь отлила у него отъ головы. Темные круги пошли передъ глазами, зашумѣло въ ушахъ. Онъ уже плохо слышалъ то, что докладывалъ ему полицейскій офицеръ о какихъ то убитыхъ, о поваленныхъ столбахъ телефона, баррикадахъ. Онъ отдѣлился отъ роты и сопровождаемый горнистомъ, легко ступая по снѣгу, пошелъ къ толпѣ. Онъ никогда такъ легко не ходилъ. Снѣгъ былъ мѣстами глубокій, мѣстами, на раскатахъ отъ саней, придавленный полозьями, былъ скользкій. Палтовъ не замѣчалъ этого. Ему казалось, что онъ идетъ по паркету.

— Господа, — сказалъ онъ и самъ удивился, какъ твердо и спокойно звучалъ голосъ, но ему казалось, что это говорилъ кто то другой, такъ глухо доносились ему звуки собственнаго голоса.

— Я прошу васъ спокойно разойтись и не дѣлать безобразій.

Толпа молчала. Слышно было тяжелое дыханіе запыхавшихся, взволнованныхъ людей. Вдругъ отъ толпы отдѣлились двое. Гимназистъ лѣтъ шестнадцати съ блѣднымъ лицомъ и большими глазами шелъ, обнявъ за шею человѣка лѣтъ двадцати съ синевато бѣлымъ лицомъ, покрытымъ угольною копотью, худымъ, испитымъ и мрачнымъ. На немъ было темное пальто и простые длинные штаны.

Гимназистъ остановился въ двухъ шагахъ отъ Палтова и, обращаясь къ солдатамъ, заговорилъ громкимъ прерывающимся отъ волненія голосомъ.

— Товарищи! мы рабочіе и жители города Петербурга... наши жены, дѣти и безпомощные старцы родители... мы идемъ къ Государю, искать у Царя батюшки защиты и правды... Мы обнищали, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются... въ насъ не признаютъ людей... къ намъ относятся, какъ къ рабамъ... Мы и терпѣли, но...

— Я прошу васъ замолчать, — сказалъ громко и властно Палтовъ, — и разойтись немедленно.

— Не могу молчать, — воскликнулъ блѣдный гимназистъ.

— Расходитесь, господа! Я имѣю приказаніе стрѣлять. И я исполню свой долгъ! — твердо сказалъ Палтовъ.

— Отъ японцевъ побѣжали, а на насъ свою храбрость показываете! — выкрикнула изъ рядовъ женщина, одѣтая просто, но хорошо, въ шубкѣ и съ муфтой на рукѣ.

— Я еще разъ прошу васъ разойтись, иначе я открою огонь и вы — вы будете виноваты въ томъ, что падутъ невинные, обманутые вами люди, — сказалъ Палтовъ.

- Убійцы!.. Палачи!.. Опричники!.. воронье! — раздалось изъ толпы.

— Какъ Царь съ нами, такъ и мы съ Царемъ!.. Онъ хочетъ, чтобы мы за него умирали въ Маньчжуріи, пускай теперь дожидается! — сказалъ рабочій, бывшій съ гимназистомъ.

— Нѣтъ у насъ Царя!.. что это за Царь!.. — крикнула опять та же женщина.

— Разойдитесь, господа! Я сейчасъ открываю огонь.

Палтовъ повернулся и пошелъ за роту.

— Не бось, товарищи, вали впередъ. Холостыми вѣдь, — раздались крики изъ толпы.

Палтовъ подалъ команду. Рота послушно дрогнула и взяла на изготовку. Палтовъ почувствовалъ, что военный механизмъ его роты дѣйствуетъ вѣрно и безъотказно и сталъ совершенно спокоенъ.

Толпа мялась на мѣстѣ.

— Намъ назадъ хода нѣтъ, — кричали изъ толпы. — Такъ, или иначе подохнемъ.

Но никто не шелъ впередъ.

Тогда вышелъ передъ толпу тотъ человѣкъ, что шелъ обнявшись съ гимназистомъ и крикнулъ:

— Идемъ, товарищи, впередъ, не трусьте!.. Смотрите, я первый лягу за народъ!

Онъ пошелъ впередъ и толпа двинулась за нимъ.

Задніе напирали на переднихъ и передніе должны были идти.

— Рота! — скомандовалъ Палтовъ.

Наступила зловѣщая тишина. Кто то жалобно вскрикнулъ: — «холостыми, небось».

Толпа подалась впередъ.

— Пли! — едва выговорилъ Палтовъ. Сухой трескъ ружей прорѣзалъ воздухъ. Раздались отчаянные крики... Красныя знамена исчезли. Толпа бѣжала въ безпорядкѣ. На улицѣ остались лежать гимназистъ, та женщина, что размахивала муфтой, и еще нѣсколько человѣкъ. По всей улицѣ были видны бѣгущіе люди и слышались крики. Полицейскій офицеръ появился изъ-за толпы. Онъ былъ веселъ и счастливъ. Румянецъ возвратился на его щеки. Онъ вызвалъ дворниковъ убирать убитыхъ и раненыхъ и сердито кричалъ:

— Живо прибрать эту сволочь. Ахъ, мерзавцы, трусы паршивые!

— Вынь патронъ! — командовалъ Палтовъ. Онъ торжествовалъ. Его рота оправдала себя.

Въ шесть часовъ вечера пришло приказаніе идти въ казармы. Отведя роту, Павловъ поѣхалъ домой. Обѣдать ему не хотѣлось, слишкомъ онъ былъ взволнованъ. онъ прилегъ отдохнуть въ кабинетѣ на диванѣ и крѣпко заснулъ. Въ десять часовъ къ нему заглянула его жена.

— Что же, ѣдемъ? — спросила она его.

— Ну, конечно, ѣдемъ, — сказалъ Палтовъ и сталъ поспѣшно одѣваться. На душѣ у него былъ праздникъ. Побѣда осталась за ними. Онъ чувствовалъ себя героемъ дня. Ѣхать въ веселой компаніи ужинать и слушать цыганъ было теперь такъ хорошо и пріятно.

XX

Гриценко и Мацневъ, наконецъ, пріѣхали. Они опоздали потому, что рѣшили объѣхать городъ, чтобы убѣдиться, можно ли ѣхать. Саблинъ высказалъ имъ свои опасенія.

— Ну, конечно, можно ѣхать, — сказалъ лѣниво Мацневъ. — Отъ этихъ негодяевъ и слѣда не осталось.

— Въ театрахъ идутъ представленія, — сказалъ Гриценко, — я самъ видалъ, какъ туда ѣхали.

— Это удивительная мерзость, придуманная господами соціалистами. — сказалъ Мацневъ. — Какъ ваши солдаты? — спросилъ онъ у Палтова.

— Великолѣпны. Такой залпъ — ни одинъ не сорвалъ.

— И уложили много?

— Я думаю, человѣкъ тридцать.

— А я, признаться, немного сомнѣвался въ вашихъ. Въ Семеновскомъ полку восемь человѣкъ не выстрѣлило. Суду предаютъ. Московцы и егеря совсѣмъ не стрѣляли, — сказалъ Мацневъ.

— Сбиты съ толка этимъ негодяемъ Гапономъ. — сказалъ Саблинъ. — Несли хоругви, иконы, пѣли молитвы, чортъ ихъ знаетъ, галиматья какая то, ерунда. Откуда взялся этотъ попъ?

— Хорошъ попъ, — сказалъ Степочка. — Вы знаете ихъ требованія, я читалъ копію прошенія Государю: — передача земли народу и отмѣна выкупныхъ платежей: дешевый кредитъ. Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямымъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

— Ловко. — сказалъ Ротбекъ.

— Дальше лучше: — прекращеніе войны по волѣ народа.

— Это уже на японскія денежки очевидно. Это тогда, когда мы подходимъ къ побѣдѣ, — сказалъ Гриценко.

— Но самое хорошее я запомнилъ — это: — отвѣтственность министровъ передъ народомъ, отдѣленіе церкви отъ государства, созывъ учредительнаго собранія...

— Я самъ видѣлъ на ихъ знаменахъ «долой самодержавіе» — сказалъ Палтовъ.

— Что же это, революція? — спросила графиня Наталья Борисовна.

— Да, если хотите, — сказалъ Воробьевъ.

И когда! Во время войны, — сказалъ Ротбекъ.

— Нѣтъ, каковы мерзавцы! — сказалъ Саблинъ, — но я увѣренъ, что это придумали не рабочіе.

— Ну, конечно, нѣтъ, — сказалъ Мацневъ. — Это работа соціалистовъ. Это все наша интеллигенція, что ищетъ чего то, жаждетъ чего то и сама не знаетъ чего.

— Ваша фг'анцузская г'еволюція имъ головы вскг'ужила, — сказала Вѣра Константиновна.

— Ахъ, оставьте, въ моей французской революціи былъ Наполеонъ, — сказалъ Мацневъ.

— А здѣсь — попъ Гапонъ, — смѣясь, воскликнулъ Ротбекъ.

— И вы думаете, что все это кончено? — спросила Вѣра Константиновна.

— О, абсолютно, и навсегда, — сказалъ Палтовъ. — Пока есть наша прекрасная гвардія, пока солдатъ повинуется офицеру, а офицеръ вѣренъ Престолу, ничто не грозитъ Россіи. Когда я скомандовалъ сегодня ротѣ, я чувствовалъ, что я большой и сильный. Моя воля — была воля сотни людей. И сотни людей были, какъ послушная машина въ моихъ рукахъ.

— Ну, такъ и ѣдемъ, — сказалъ Ротбекъ. — Павелъ Ивановичъ, все готово у тебя?

— Все. Программа такова, mesdames, двѣ пѣвицы — одна лирическая.

— Конечно, Моргенштернъ, — сказалъ Саблинъ.

— Она, — со вздохомъ, нарочно потупляя глаза, отвѣтилъ Грищенко.

— О! — воскликнула Нина Васильевна, — наконецъ то мы увидимъ вашу... вашу пассію!

— Другая французская.

— Она очень? — спросила Вѣра Константиновна.

— Очень, — смѣясь, сказалъ Грищенко, — но во первыхъ я сказалъ, чтобы она была легче на поворотахъ...

— Зачѣмъ? — наивно сказала Нина Васильевна.

— Во-вторыхъ, mesdames, это будетъ на французскомъ языкѣ, а на французскомъ языкѣ многое прощается, чего нельзя простить на Русскомъ. Мы притворимся.

что не понимаемъ. Потомъ ужинъ. Послѣ, цыгане со Сашей и Сандро Давыдовымъ.

— Ахъ, какъ это будетъ интересно! Не будемъ терять золотого времени, — сказала Наталья Борисовна и первая пошла въ прихожую.

Первоначальный планъ былъ ѣхать на тройкѣ, но въ силу обстоятельствъ отъ него отказались и Саблины поѣхали въ своей каретѣ. Ротбеки въ парныхъ саняхъ, Палецъ на своемъ знаменитомъ буланомъ рысакѣ, Степочка съ Мацневымъ на извозчикѣ лихачѣ и Гриценко впереди всѣхъ на своей прекрасной одиночкѣ Воейковскаго завода.

XXI

Въ загородномъ ресторанѣ ихъ ждали. Швейцаръ распахнулъ передъ ними двери и они вошли на широкую деревянную лѣстницу, покрытую краснымъ ковромъ съ черными разводами. Зеркала въ золотыхъ рамахъ отражали красивыхъ, раскраснѣвшихся отъ мороза дамъ и офицеровъ.

Вѣра Константиновна была смущена. Она не того ожидала. Ей представлялась въ ея воображеніи сказочная роскошь, но этого не было. Роскошь была грубая, аляповатая, бьющая въ глаза, безвкусная. Толстый бритый татаринъ, лакей во фракѣ и бѣломъ жилетѣ провелъ ихъ по корридору, покрытому широкимъ ковромъ къ отведенному для нихъ кабинету. Полъ кабинета былъ тоже затянутъ сплошнымъ мягкимъ ковромъ. Посерединѣ былъ столъ, накрытый для ужина. У оконъ были засушенныя пальмы. Окна были плотно занавѣшены тяжелыми портьерами. Піанино у стѣны, широкая оттоманка, покрытая ковромъ, съ мутаками и подушками, стулья, кресла и пуфы, все это придавало кабинету нежилой и неуютный видъ. Дамы, презрительно morщась, осматривали обстановку. У дамъ была одна мысль: «Вотъ здѣсь наши

мужья ищутъ забвенія отъ насъ съ разными пѣвичками и танцовщицами. Вотъ онъ знаменитый отдѣльный кабинетъ.» Онѣ брезгливо клали свои шляпы на подзеркальникъ. «Кто, кто не клалъ сюда свои шляпки», — думали онѣ.

— Смотри, Вѣра, — сказала Наталья Борисовна, — все зеркало мутное отъ надписей.

— Ахъ, пг'авда. Сег'дце пг'онзенное стг'ѣлою. Внизу А. С. Не ты ли это, Александг'ъ?

— А тутъ, гляди Вѣра, кто то написалъ: — здѣсь былъ Мурчикъ, свѣжъ какъ огурчикъ, а другой добавилъ — и глупъ какъ оселъ!.. Какой душка!

— А здѣсь... Ой... ой... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ!

— Mesdames, — сказалъ Гриценко, — надписи на зеркалахъ и заборахъ вслухъ читать не принято. Раскросте чужія тайны. Что вы предпочитаете — провансаль къ рыбѣ, или соусъ изъ бѣлыхъ грибковъ?

Ужинъ былъ заказанъ, но до него, чтобы согрѣться, Гриценко приказалъ подать чай и шампанское. Дамы запротестовали было противъ шампанскаго, но Ротбекъ усѣлся за піанино и сквернымъ фальцетомъ, бренча на клавишахъ, запѣлъ: — «по обычаю петербургскому, отдавая дань чисто Русскому, мы не можемъ жить безъ шампанскаго и безъ табора, безъ цыганскаго!»..

Подали чай и шампанское. Разговоръ не клеился. Офицеры стѣснялись передъ полковыми дамами и не могли взять вѣрнаго тона, дамы нервно смѣялись. Ждали начала обѣщанной программы. Пришла пѣвица Моргенштернъ. Всѣ знали, что она живетъ съ Гриценко, что это поздняя, но прочная любовь Павла Ивановича и ожидали отъ разборчиваго жениха чего то особенно великолѣпнаго. Вошла скромно одѣтая въ бѣлое глухое платье барышня невысокаго роста, съ простоватымъ лицомъ, скрашеннымъ большими синими, испуганными глазами. Гриценко и Ротбекъ бросились къ ней.

— Александръ Николаевичъ, — громкимъ шопотомъ спросила у Саблина графиня Палтова, — какъ ей? Надо руку подавать?

Саблинъ пожалъ плечами. Выручилъ Мацневъ. Онъ подошелъ къ ней и представилъ ее дамамъ.

— Марья Өедоровна Онѣгина — графиня Наталья Борисовна Палтова. Вѣра Константиновна Саблина. Нина Васильевна фонъ Ротбекъ.

Дамы обмѣнялись съ нею холодными рукопожатіями. Какъ то незамѣтно сзади представляющихся гостей къ піанино проскочилъ молодой, но уже лысый черный человѣкъ во фракѣ и взялъ нѣсколько аккордовъ. Дамы усѣлись на оттоманкѣ, брезгливо подбирая платья, офицеры кругомъ на стульяхъ и креслахъ. Наступила минутная тишина. Пѣвица смущалась передъ дамами, дамы безцеремонно разглядывали ее и перешептывались на ея счетъ.

— Люди всегда ищутъ противоположностей, — тихо сказала Вѣрѣ Константиновнѣ графиня Палтова — черный Гриценко и Онѣгина — совсѣмъ хорошенькая чухонка.

— И не хог'ошенькая вовсе, — сказала Вѣра Константиновна.

Пѣвица показала глазами аккомпаніатору начинать и онъ взялъ нѣсколько плавныхъ аккордовъ.

> Утро туманное, утро сѣдое,

низкимъ полнымъ груднымъ голосомъ проговорила пѣвица и безотчетная грусть засверкала въ ея расширившихся, куда то ушедшихъ глазахъ.

> Нивы печальныя, снѣгомъ покрытыя,
> Нехотя вспомнишь и время былое,
> Вспомнишь и лица давно позабытыя.

Пѣла она хорошо, вѣрно, и вкладывала много силы въ каждое слово. Но она нагнала тоску и задумчивость, а не этого хотѣли гости.

Вѣра Константиновна тихо мѣшала чай въ чашкѣ.

— Попробуйте, — шепталъ ей Степочка, — глотокъ

шампанскаго и глотокъ чая, какъ самая лучшая конфета выходитъ.

— Ничего подобнаго, — тихо говорила Нина Васильевна. — Я пробовала, совсѣмъ монпасье.

Онѣгина кончила и обвела гостей печальными глазами.

— Уголокъ, — сказалъ Ротбекъ.

Онѣгина покорно начала:

«Дышала ночь восторгомъ сладострастья, —
Неясныхъ думъ и трепета полна...

— Какой вы нехорошій, что такъ обманули ее, блѣдную. — шептала задорно блестя глазами Нина Васильевна на ухо Гриценко.

Любовь сильна не страстью поцѣлуя,
Другой любви вы дать мнѣ не могли.
О, какъ же васъ теперь благодарю я,
За то, что вы, на зовъ мой не пришли!

пѣла со страстнымъ упрекомъ Онѣгина.

— Какъ это вѣг'но, какъ это вѣг'но, — шептала Вѣра Константиновна Палтовой, но Палтова улыбалась и ничего не говорила. Она думала другое. Гриценко почувствовалъ, что его «Муська» успѣха не имѣла и проводилъ ее. За нею покорно, какъ собака, вышелъ и аккомпаніаторъ.

Въ кабинетѣ было неловкое молчаніе.

— Эти романсы со слезою хороши, — сказала графиня Палтова. — но... они требуютъ другого настроенія.

— Ты, Павелъ Ивановичъ, не во-время подалъ это блюдо. — сказалъ Мацневъ. — Она хороша, когда уже много выпито, когда грусть бороздитъ пьяное сердце и тянетъ плакать и мечтать, вотъ тогда и эти русалочьи очи, и этотъ голосъ съ надрывомъ въ груди и слова печали и «Ахъ!» и «охъ!» и «ой!» и «ай!» И страсти не надо послѣ

страсти, а передъ страстью намъ надо огня. Мы и такъ холодны.

— По обычаю Петербургскому, — снова запѣлъ уже безъ аккомпанимента Ротбекъ. — мы не можемъ жить безъ шампанскаго и безъ табора безъ цыганскаго!

— Оставьте, Пикъ! — сказала Наталья Борисовна.

Въ эту минуту дверь кабинета распахнулась и живой розово-черный чертенокъ — какъ опредѣлила Нина Васильевна. — вбѣжалъ въ кабинетъ. Это была diseuse Jvette. Громадная копна черныхъ волосъ была вся усыпана бриллiантами и два тонкихъ черныхъ ésprit*) точно рога торчали изъ нихъ. Узкое декольте длиннымъ треугольникомъ спускалось до середины живота спереди и до конца спины, покрытой у хребта маленькими темными волосами. сзади. Черный корсажъ. обшитый кружевами, скрывалъ только бока и груди и отъ того она казалась совершенно раздѣтой. Черная. пышная. воланами, кружевная юбка едва доходила до колѣнъ. На юбку было брошено нѣсколько красныхъ розъ. На ногахъ были шелковые. вышитые черными цвѣтами ажурные чулки. такiе ажурные. что мѣстами нога выступала изъ нихъ. Mam'selle Jvette ни съ кѣмъ не здоровалась, но быстро. какимъ то танцующимъ шагомъ. пробѣгала между дамами и офицерами. чуть не садилась имъ на колѣни и говорила слова привѣта. Она наполнила весь кабинетъ раздражающимъ запахомъ мускуса. рисовой пудры. духовъ и острымъ запахомъ страсти. Вѣра Константиновна увидѣла. какъ отъ одного присутствiя ея раздувались ноздри у мужчинъ и глаза стали маслянными и... глупыми.

То стоя посрединѣ кабинета. то разваливаясь на стулѣ. то хватая бокалъ шампанскаго и жадно дѣлая глотокъ Mam'selle Jvette разсказывала живо. быстро. красиво грассируя. какъ пригласили гостей. какъ ихъ принимали. угощали. провожали. а потомъ ругали. Разсказъ былъ совершенно приличный и дамы были разочарованы.

---

*) Украшенiе въ волосахъ изъ перьевъ.

Гдѣ же тутъ о ч е н ь? — спросила Нина Ва-сильевна.

Сейчасъ, — сказалъ Гриценко. — Mademoiselle Jvette, «C'est ici», je vous en pris.*)

— Oh! — съ ужасомъ воскликнула Jvette, дѣлая большіе глаза и начала свой разсказъ.

Теперь дамы закрывались салфетками и вѣерами, чтобы не видѣть кавалеровъ. Имъ было стыдно своихъ мужей.

Послѣ разсказа Mam'selle Jvette хлопнула въ ладони и тотъ же аккомпаніаторъ, что аккомпанировалъ Онѣгиной, проскочилъ къ піанино. Она спѣла задорную пѣсенку «Les noisettes».**)

— Я никогда не думала, что смыслъ этой пѣсни такой, — сказала Нина Васильевна.

— Ужасъ... — сказала Вѣра Константиновна.

— Какъ мужчины развратны! — протянула графиня Палтова.

Охмѣлѣвшій Ротбекъ, заставлявшій каждую даму пригубить особый бокалъ и потомъ, выпивавшій его, напѣвалъ:

— Ils queillirent six noisettes dans leur aprés midi...***)

— Саша, ты бы могъ такъ? А... Six?..****) Я бы не могъ.

— Оставьте вы, Пикъ. Вы съ ума сошли! — говорила графиня Палтова, — бѣдную Нину въ краску вогнали.

— Петя, если ты не оставишь этого, — говорила со слезами на глазахъ Нина Васильевна, — я уйду.

— Six! а каково! Ну quatre еще бывало, а то six... Экій здоровяга былъ этотъ Colin!

---

*) — Госпожа Иветтъ «Это здѣсь», прошу васъ.

**) Орѣшки.

***) — Они послѣ полудня нашли шесть орѣшковъ.

****) — Шесть.

XXII

За ужиномъ было очень весело. Смѣялись, шутили, разсказывали анекдоты.

— Нѣтъ, ради Бога, — кричали дамы, — не ставьте точекъ надъ і, и такъ понятно.

И сейчасъ же ставили эти точки. Нина Васильевна разыгрывала изъ себя наивную и задавала совершенно невозможные вопросы. Теперь уже Ротбекъ, окончательно пьяный, останавливалъ ее укоризненными возгласами:

— Нина, постыдись!

Степочка былъ неподражаемъ. Саблинъ блисталъ анекдотами на русскомъ и французскомъ языкахъ. Дамы раскраснѣлись и обстановка отдѣльнаго кабинета сдѣлала ихъ для ихъ мужей какими-то новыми и заманчивыми. Уже кончили ѣсть мудреный пломбиръ и лакеи разставили стулья для цыганскаго хора, а хоръ все не шелъ. Метръ д'отель два раза подходилъ къ Гриценко и шептался съ нимъ и Гриценко выходилъ изъ кабинета и возвращался красный и чѣмъ-то недовольный.

— Что такое, что такое? — спрашивалъ его Степочка.

— Ерунда. Стешка отказывается пѣть. Говоритъ, что сегодня много народа убито.

— Ахъ, какъ глупо! Что она?... Изъ такихъ?... Лѣвая?... — спросила Наталья Борисовна.

— Просто дура!... Да придетъ... Это, чтобы только кокетничать, да цѣну себѣ набавлять.

И, дѣйствительно, хоръ входилъ въ кабинетъ. Впереди шли цыганки. Ихъ было восемь. Всѣ темныя, черноволосыя, некрасивыя, съ большими, хранящими тайну, глазами, одѣтыя въ вычурныя платья, смѣсь бальныхъ съ яркими цвѣтами дикаго табора, съ черными кружевными накидками. Сзади шли мужчины, кто въ сюртукахъ, кто въ короткихъ шитыхъ цыганскихъ курткахъ. Сандро Давыдовъ съ гитарой на бѣлой лентѣ выступилъ впередъ.

Они сразу, однимъ своимъ появленіемъ, внесли особый колоритъ въ кабинетъ съ разрозненнымъ столомъ, съ бутылками шампанскаго, торчащими изъ серебряныхъ вазъ со льдомъ, съ фруктами и цвѣтами. Пошлая позолота, красные ковры и темно-малиновыя бархатныя портьеры стали осмысленными и нужными. Съ ними вмѣстѣ вошли цѣлыя столѣтія кутежей, пьяной страсти, дикаго разгула и больной безудержной любви. Оленьи глаза цыганокъ, тонкіе и острые подбородки говорили о иномъ мірѣ и иныхъ страстяхъ. Съ ними вошли хмель и разгулъ, и ушелъ тотъ цинизмъ, что принесла француженка. Отъ страсти пахнуло кровью, отъ любви тяжелымъ надрывомъ, страданіемъ и мукой.

Дамы разглядывали цыганокъ, цыганки смотрѣли на дамъ, смѣялись и переговаривались между собою. Мужчины стояли сзади серьезные, важные и некрасивые. Толстый Сандро не походилъ на цыгана. Плѣшивый, бритый, онъ смахивалъ на актера.

Пара гнѣдыхъ, запряженныхъ съ зарею,
Тощихъ, голодныхъ и жалкихъ на видъ...

началъ Сандро красивымъ баритономъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ.

Это было для начала. Хоръ вторилъ ему, тихо гудя и всѣмъ извѣстный романсъ пріобрѣлъ новый характеръ.

Сейчасъ же послѣ раздалась лихая плясовая пѣсня. Цыганки взвизгивали и вскрикивали, сначала пустилась танцовать одна, потомъ другая...

Пѣсня шла за пѣсней. Въ кабинетѣ становилось жарко и душно. Сколько времени, никто объ этомъ не думалъ. Степочка предложилъ открыть на минуту окно.

— Сока Гриша, сока Гриша
Ту санъ барвалэ...

пѣли по-цыгански цыгане.

— Что же Гриша, что же Гриша
Хоть ты и богатъ,
А однако, а однако,
Ты не честенъ, братъ!
Любить вѣчно, любить вѣчно
Хоть ты обѣщалъ,
А цыганку, а цыганку
Замужъ ты не взялъ,
Ай-ай-а-а-а-я-яй!

Мацневъ оттянулъ портьеру. Блѣдное утро стояло за окномъ. Подняли штору. Въ окно были видны большія черныя деревья, маленькія деревянныя дачи, клумба съ деревяннымъ столбомъ, на которомъ былъ стеклянный серебряный шаръ и на всемъ этомъ толстымъ слоемъ лежалъ пушистый бѣлый снѣгъ. Мутный свѣтъ утра освѣщалъ землю. По пустой улицѣ проѣхало рысью трое чухонскихъ саней съ закутанными въ сѣрые большие платки чухонками. Въ городъ везли молоко.

Открыли форточку и въ душный кабинетъ вмѣстѣ съ паромъ ворвался крѣпкій запахъ свѣжести, мороза, снѣга и утра.

— Не простудите только дамъ, — сказалъ Степочка.

Въ окно вдругъ донесся обрывокъ стройной, величественно печальной пѣсни. Всѣ вздрогнули и прислушались. Цыганки сорвались со стульевъ и бросились къ окну. Пѣсня становилась слышнѣе и громче. На лицахъ у дамъ былъ испугъ. Нина Васильевна забилась лицомъ въ уголъ оттоманки. Вѣра Константиновна встала и оперлась на мужа. Всѣ смотрѣли въ окно.

Въ улицу медленно входила громадная черная толпа народа. Надъ нею тихо колебалось четыре гроба, простыхъ, дощатыхъ, убранныхъ красными лентами и бантами.

Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой,
Любви беззавѣтной къ народу,

Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу!

пѣла толпа молодыми мужскими и женскими голосами.

— Хоронятъ жертвы революціи, — низкимъ груднымъ голосомъ сказала Стеша. — Ваши, господа, жертвы! — и дико вскрикнувъ, бросилась изъ кабинета.

За нею сталъ выходить хоръ.

— Что такое? Что такое? — говорилъ Степочка.

— Увозите дамъ, я разсчитаюсь за все, — сказалъ Гриценко.

— Какая м-м-мерзость! — проговорилъ Мацневъ.

— Думаютъ что-то показать, — сказалъ Саблинъ, подавая ротонду на соболяхъ своей женѣ.

Ротбекъ и Палтовъ одѣвали своихъ женъ. Нина Васильевна тихо плакала. Вѣра Константиновна была блѣдна, графиня Палтова нервно смѣялась.

— Хамы! — сквозь смѣхъ говорила она. — Отреклись отъ Бога, отъ религіи и довольны!.. Жертвы!.. Борьба!... О, Боже мой!... Мало ихъ казнятъ.

Толпа удалялась. Никто не закрылъ форточку и вмѣстѣ съ утреннимъ морознымъ воздухомъ въ кабинетъ долетали слова волнующаго душу напѣва:

Настанетъ пора, и проснется народъ,
Великій, могучій, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Вашъ доблестный путь — благородный!

— Этакіе мер-р-р-завцы! — стиснувъ зубы, проговорилъ еще разъ Мацневъ.

XXIII

16-го октября 1905 года Саблинъ во главѣ двадцати конныхъ солдатъ въѣзжалъ во дворъ большой фабрики на окраинѣ города. Моросилъ мелкій, какъ самая тон-

кая пыль, холодный дождь. Во дворѣ фабрики выстраивались казаки. Саблинъ пріѣхалъ ихъ смѣнить. Рослые люди выводили изъ сарая легкихъ гнѣдыхъ лошадей и становились въ двѣ шеренги. Молодой подъесаулъ съ небольшой серебрящейся отъ мелкой капели рыжеватой бородкой стоялъ у подъѣзда подъ желѣзнымъ зонтомъ и дожидался Саблина.

— Нашли нашу дыру, штабсъ-ротмистръ? — сказалъ онъ, здороваясь съ Саблинымъ и представляясь ему. — Глупое мѣсто. Тутъ совсѣмъ тихо и никакой забастовкой не пахнетъ. Работаютъ больше женщины. А, между прочимъ, вы очень уютно проведете время. У васъ уголокъ въ конторѣ — и конторщица — просто прелесть и такая монархистка — одинъ восторгъ. Вотъ обѣдать придется у управляющаго. Стѣснительно немного, но управляющій такой славный шведъ, такъ хорошо кормитъ и такъ самъ любитъ покушать, что всякая неловкость пропадаетъ. Между прочимъ, очень образованный и просвѣщенный человѣкъ.

Взводный казачій урядникъ показалъ унтеръ-офицеру саблинскаго взвода, куда и какъ поставить лошадей. Казаки садились на коней.

— Ну, между прочимъ, до свиданья. Счастливо. По нелѣпой и непріятной для меня случайности я же васъ и смѣняю завтра. Весь нашъ полкъ въ разгонѣ, на прошлой недѣлѣ я трое сутокъ подрядъ просидѣлъ на Путиловскомъ заводѣ. Паршивая штука, но ничего. Рабочіе бастуютъ, но насъ не обижали. Глупо это все.

Подъесаулъ легко вскочилъ на свою лошадь и поѣхалъ въ ворота впереди казаковъ. Саблинъ посмотрѣлъ, какъ проскакивали, стуча по мокрымъ камнямъ, казаки въ ворота, посмотрѣлъ, какъ завели лошадей въ сарай его солдаты и сталъ подниматься по узкой каменной лѣстницѣ въ контору.

Контора представляла изъ себя большую въ три окна комнату со стѣнами, покрашенными масляной краской. Въ ней было пять столовъ. За тремя сидѣли какіе-то очень молодые вихрастые и прыщавые люди въ пиджа-

кахъ и писали, щелкая на счетахъ, за четвертымъ миловидная шатенка, немного растрепанная, съ непокорными локонами, набѣгавшими на лобъ, на уши, на щеки и на глаза. Носъ у нея былъ задорно вздернутый, губы пухлыя, полураскрытыя, влажныя, зубы прекрасные мелкіе, небольшой подбородокъ съ ямочкой и большіе, смѣлые, каріе глаза, опушенные длинными черными рѣсницами. Пятый столъ былъ предоставленъ Саблину. Саблинъ поклонился общимъ поклономъ.

— Здравствуйте, господинъ офицеръ, — быстро заговорила шатенка. — Какъ мы рады, что вы пришли. Мы такъ боялись, что останемся безъ войскъ и Борисъ Николаевичъ, это казачій офицеръ, все насъ пугалъ, что онъ уйдетъ, не дождавшись смѣны. А васъ какъ зовутъ?

— Александръ Николаевичъ.

— Вотъ это, Александръ Николаевичъ, вашъ столъ. Если хотите книгу, я вамъ дамъ. Только не знаю, понравится ли она вамъ. Князь Серебряный. Какое хорошее у васъ имя, Александръ Николаевичъ! А меня зовутъ Анна Яковлевна, только я больше люблю, чтобы меня звали просто — Нелли. Вы любите театръ?

— Да, — сказалъ Саблинъ.

— Я очень. Обожаю. И, знаете, всякій. Оперу, балетъ, но драму больше всего. Въ художественномъ театрѣ я видала «Три сестры», ахъ, какая прелесть! или у Суворина «Царь Θеодоръ Іоанновичъ» съ Орленевымъ. Я не знаю, что лучше? Чеховъ мой любимый писатель. А вамъ кто больше нравится: Чеховъ или Горькій?

Вопросъ остался безъ отвѣта.

— Но теперь съ этими забастовками стало ужасно трудно. Кому нужны эти забастовки? Кто отъ нихъ выигрываетъ? Знаете, нашъ заводъ ни одной минуты не бастовалъ. Отъ этого на насъ такъ злятся всѣ кругомъ. Сюда приходили студенты, насъ какъ-то обзывали, ну, да мы ихъ выгнали сами, а потомъ къ намъ казаковъ поставили. И какой милый этотъ Борисъ Николаевичъ, просто прелесть. Деликатный такой.

Сторожъ принесъ на подносѣ чай и хлѣбъ съ мас-

ломъ. Онъ поставилъ на каждый столъ по стакану, принесъ и Саблину. Саблинъ отказался, но Анна Яковлевна настояла, чтобы онъ взялъ.

— Пейте, кушайте на здоровье. Это отъ хозяина. Обѣдать вы къ управляющему пойдете. Оскаръ Оскаровичъ зовутъ его, чудесный человѣкъ. Такой занятный и очень умный.

Саблинъ слушалъ эту болтовню, а самъ, не раздѣваясь, сидѣлъ у окна и посматривалъ во дворъ. Дворъ былъ маленькій, узкій. Противъ оконъ былъ низкій сарай, крытый желѣзомъ. Коричнево-красная крыша блестѣла отъ дождя. За сараемъ были черные огороды, гдѣ уныло торчали кочерыжки, еще дальше мокрыя буро-зеленыя намокшія дождемъ поля. Вдали чернѣлъ густой лѣсъ. Туманъ застилалъ дали. Поѣздъ прорѣзалъ поля и густой бѣлый паръ сначала шелъ большими клубами, а потомъ разрывался и низко летѣлъ надъ темной землею. Все было сыро, сѣро и безотрадно грустно.

Какой-то человѣкъ въ черной мягкой фетровой, блестящей отъ дождя шляпѣ и черномъ мокромъ пальто заглянулъ съ улицы во дворъ, постоялъ въ нерѣшительности и потомъ вошелъ и пошелъ къ сараю. Изъ сарая вышелъ солдатъ Кушинниковъ. Саблину было видно его круглое лицо съ черными усами; онъ былъ безъ шинели въ разстегнутомъ мундирѣ. Онъ сталъ, опершись о притолоку двери, и закурилъ папиросу. Саблинъ залюбовался имъ, такъ онъ былъ красивъ. Человѣкъ въ черномъ подошелъ къ нему и заговорилъ. Кушинниковъ слушалъ внимательно. Человѣкъ въ черномъ досталъ изъ бокового кармана листочекъ и они стали вмѣстѣ читать. Кушинниковъ смѣялся. Потомъ взялъ листокъ и ушелъ въ сарай. Человѣкъ въ черномъ быстро ушелъ со двора.

«Это онъ ему прокламацію передалъ», — подумалъ Саблинъ и поспѣшно вышелъ во дворъ.

На дворѣ уже никого не было. Онъ вошелъ въ сарай. Въ сараѣ стояли посѣдланныя лошади и мирно жевали сѣно. Въ дальнемъ углу дремалъ дневальный. Са-

блинъ приказалъ позвать къ нему взводнаго и Кушинникова. Взводный явился заспанный, недовольный, онъ уже успѣлъ заснуть. Кушинниковъ пришелъ сейчасъ и смѣло, ясными сѣрыми глазами смотрѣлъ въ глаза Саблину.

— Кушинниковъ, — сказалъ Саблинъ, — здѣсь сейчасъ былъ вольный, штатскій человѣкъ и передалъ тебѣ бумажку. Гдѣ эта бумажка? Дай мнѣ сейчасъ ее.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, никакой бумажки я не видалъ. Никого здѣсь и не было, — сказалъ, блѣднѣя, Кушинниковъ.

— Зачѣмъ ты лжешь! Зачѣмъ?! Я видѣлъ. Ты вышелъ къ дверямъ сарая и закурилъ папиросу. Къ тебѣ подошелъ вольный въ черномъ пальто и далъ бумагу. Вы вмѣстѣ читали, ты смѣялся, потомъ ушелъ.

— Никакъ нѣтъ. Этого не было.

— Что же, я лгу, что ли?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе, только никакого вольного я не видалъ. Вотъ хоть подъ присягу пойду сейчасъ.

— Ахъ ты каналья! Лгать! Я подъ судъ тебя отдамъ!

— Воля ваша, — покорно сказалъ Кушинниковъ.

— Обыскать этого негодяя.

Взводный вывернулъ карманы, залѣзъ за пазуху, но нигдѣ ничего не нашелъ.

— Ничего нѣтъ такого. — сказалъ взводный.

— Осмотрите все помѣщеніе, а этого негодяя арестовать и отправить въ полкъ. До моего пріѣзда содержать на гауптвахтѣ. Лгать!... Получать прокламаціи...

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Я подъ присягу сейчасъ. Воля ваша! Вы засудить можете... вы офицеръ, — говорилъ, ставшій мертвенно блѣднымъ, Кушинниковъ...

— Молчать! — крикнулъ Саблинъ.

На дворѣ, привлеченные шумомъ, собрались рабочіе и работницы. Саблинъ сдержался и пошелъ въ контору. Кровь кипѣла въ немъ отъ негодованія. Онъ ошибиться

не могъ. Провѣрилъ себя — Кушинниковъ ли это былъ? Да, Кушинниковъ. Онъ отлично помнилъ, что подумалъ, какой это типичный русскій солдатъ, такъ и просится на картину... Впрочемъ, подумалъ онъ, у меня есть свидѣтели. Двое писцовъ и Анна Яковлевна сидѣли у оконъ. неужели никто изъ нихъ не видалъ штатскаго съ прокламаціей?... Онъ поднялъ голову къ окнамъ. Вся контора была у оконъ. Она интересовалась тѣмъ, что происходило на дворѣ. Она и тогда не могла не видѣть происшествія.

— Господа, — сказалъ Саблинъ войдя въ контору.— Минуту тому назадъ во дворъ вошелъ штатскій и разговаривалъ съ солдатомъ, вы не видали?

— Мы ничего такого не видали, — сказалъ за всѣхъ пятнадцатилѣтній юноша, садясь за свой столъ.

— Мы не смотрѣли въ окна, — подтвердилъ его товарищъ.

— Анна Яковлевна, а вы, неужели вы ничего не видали?

Анна Яковлевна смутилась. Ея милое личико стало пунцовымъ.

— Я не смотрѣла въ окно, Александръ Николаевичъ, я разговаривала съ вами... На дворѣ такъ неинтересно... Можетъ быть, кто и приходилъ... Я не замѣтила.

Саблинъ по ихъ глазамъ видѣлъ, что они всѣ видѣли, но всѣ держали сторону солдата и того чернаго, потому что боялись ихъ, а его, офицера, не боялись. Ему стало противно. Онъ снялъ амуницію, шинель, повѣсилъ на вѣшалкѣ противъ своего стола и сѣлъ на стулъ. Онъ досталъ книжку французскаго романа, привезенную съ собою и сдѣлалъ видъ, что читаетъ ее. Писцы щелкали на счетахъ и скрипѣли перьями по бумагѣ. Анна Яковлевна вздыхала. Наконецъ, она отважилась.

— Что вы читаете, Александръ Николаевичъ? — спросила она.

— Книгу.

— Ахъ, я очень люблю читать книги. Только мнѣ современная литература нравится меньше, чѣмъ старая.

Я ничего такъ не обожаю, какъ Обрывъ Гончарова. А вы кого предпочитаете, Леонида Андреева, или Тургенева?

Саблинъ не отвѣчалъ. Писцы фыркнули и громче защелкали на счетахъ. Анна Яковлевна покраснѣла и углубилась въ громадную конторскую книгу, но молчать она не могла.

— Вы знаете итальянскую бухгалтерію? — спросила она.

Саблинъ опять не отвѣчалъ. Писцы снова фыркнули. Анна Яковлевна надулась. — «А мнѣ что до нея?» — думалъ Саблинъ, — «чортъ съ нею совсѣмъ!»

XXIV

Въ три часа всѣ ушли. Писцы, не кланяясь и не прощаясь, Анна Яковлевна, протянувъ маленькую ручку дощечкой и жеманно сказавъ: au revoir,*) до завтра!

Въ конторѣ зажгли одну лампу подъ зеленымъ абажуромъ на столѣ у Саблина. Сторожъ подметалъ комнату и открылъ форточку. За окномъ безъ занавѣси сгущались осеннія сумерки непогожаго дня. Фабрика мѣрно стучала и весь корпусъ ея тревожно трясся.

Въ шесть часовъ за Саблинымъ пришелъ сторожъ.

— Господинъ управляющій просятъ васъ обѣдать. Я васъ провожу.

Замѣтивъ, что Саблинъ потянулся къ амуниціи, онъ добавилъ: — Это здѣсь оставьте, не извольте безпокоиться, все будетъ сохранно.

По лѣстницамъ и коридорамъ онъ вывелъ его къ двери, открылъ ее и Саблинъ очутился сначала въ большой свѣтлой, пахнущей лакомъ прихожей, а потомъ въ кабинетѣ, гдѣ навстрѣчу къ нему на низкихъ толстыхъ ногахъ, какъ бы подкатился маленькій лысый человѣкъ, бритый и пухлый, съ заплывшими жиромъ глазами.

---

*) До свиданія.

— Радъ, сердечно радъ принять васъ, — говорилъ онъ, пожимая теплой, мягкой рукой съ толстыми, жиромъ налитыми пальцами руку Саблина. — И прошу покорно сразу въ столовую, все готово... Ледяная смирновка насъ ожидаетъ.

Онъ говорилъ по-русски отлично, съ едва замѣтнымъ акцентомъ.

Въ столовой было тепло. Ярко горѣли дрова въ громадномъ каминѣ, висячая лампа съ абажуромъ освѣщала безупречной чистоты столъ со скатертью съ накрахмаленными складками, накрытый на два прибора. Громадный жирный копченый сигъ, блѣдно-розовая семга, нарѣзанная тонкими ломтями, бѣлые грибы въ соусѣ, сосиски, ветчина покрывали столъ.

— Я люблю, господинъ ротмистръ, покушать, — говоритъ управляющій, наливая въ толстыя хрустальныя рюмки кристальную водку. — И не такъ выпить, какъ именно закусить и покушать. Я шведъ. У насъ тоже этотъ обычай, что и въ Россіи, передъ обѣдомъ немного заморить червячка, раздразнить аппетитъ. Сига рекомендую особо. Самъ за нимъ на Неву ѣздилъ, самъ выбиралъ и приказалъ закоптить. Сливки, а не сигъ.

Оскаръ Оскаровичъ положилъ покрытую прозрачнымъ слоемъ жира спинку сига на тарелку Саблина. Сигъ былъ очаровательный.

— И семгу рекомендую. Я любитель нашей сѣверной рыбки, — говоритъ Оскаръ Оскаровичъ, наливая по второй.

Радушіе хозяина, водка, закуска, трескъ большихъ полѣньевъ въ каминѣ, уютъ столовой, радушный толстый человѣкъ, совсѣмъ чужой — прогнали черныя мысли Саблина и онъ съ аппетитомъ ѣлъ простой, но вкусно изготовленный обѣдъ.

Послѣ обѣда оба закурили сигары. Саблинъ хотѣлъ было встать, но Оскаръ Оскаровичъ удержалъ его пухлой рукой, и подкатывая кресло къ камину, сказалъ:

— Посидите, господинъ ротмистръ. У меня на заводѣ все спокойно. Да и вообще всѣ эти забастовки, рабо-

чіе безпорядки, все это вздоръ, это неумѣніе правительства понимать обстановку. Бьютъ по оглоблѣ, а не по лошади. Это все политика, имѣющая цѣлью уничтожить въ Россіи православіе и самодержавіе и поработить Россію. Сдѣлать русскихъ рабами.

— Какъ, Оскаръ Оскаровичъ, но революція идетъ къ намъ подъ знаменемъ свободы, — сказалъ Саблинъ.

Оскаръ Оскаровичъ положилъ горячую мягкую руку на колѣно Саблину и, пыхнувъ засипѣвшей у него во рту сигарой, сказалъ:

— Вы знаете, что такое интернаціоналъ?

— Слыхалъ что-то, но не знаю.

— Эге! И слава Богу, что не знаете! О немъ разно толкуютъ. Видятъ въ немъ нѣчто высшее христіанской религіи. Обще-человѣческое. Хотятъ создать не государство, не націи, а что-то особенное, обще-міровое, ну, словомъ: Вавилонская башня какая-то наизнанку. Да... Но только я смотрю на это иначе. Я не знаю, господинъ ротмистръ, вѣрующій вы или нѣтъ человѣкъ, но мнѣ кажется, что интернаціоналъ это есть ученіе Антихриста. Это начало конца міра и гибель культуры. Наше правительство близоруко и не видитъ его зла. Ему говорятъ: восьмичасовой рабочій день, участіе рабочихъ въ управленіи предпріятіемъ, доступъ рабочихъ къ управленію государствомъ. Отлично. Все это не такъ страшно. Но почему р а б о ч и х ъ, а не к р е с т ь я н ъ?

— Они всѣхъ допускаютъ.

— Нѣтъ, господинъ ротмистръ. Если бы всѣхъ, мы могли бы бороться. Они только с е б я допускаютъ. Всеобщая, прямая равная и тайная — построена для нихъ. Надо знать ихъ вождей, чтобы понять всю опасность такого голосованія. Судите сами. Всеобщее, прямое, равное, тайное... Вы пойдете?... — нѣтъ. Потому что вамъ это противно. Купецъ пойдетъ? Нѣтъ, потому что лѣнь. Крестьянинъ пойдетъ? — нѣтъ, потому что некогда, да и далеко ѣхать съ хутора, или изъ деревни. И вѣдь т а й н о е, тайное! Поймите, страха-то сколько въ этомъ словѣ. Кто же пойдетъ? Пойдутъ бездѣльники, преле-

таріи, хулиганъ, бездомный, безродный и никчемный. За кого подастъ онъ голосъ? За того, за кого ему укажутъ. Онъ проголосуетъ списокъ вождей, указанныхъ партіей, а партія настроена и приготовлена заграницей. Имъ нужна прежде всего амнистія, чтобы всѣ эти агенты сатаны могли прибыть и работать. Вы мнѣ сказали слово: свобода. Вѣрнѣе, вы его повторили. Что такое свобода? Понимаете ли вы это слово? Свобода отъ чего?

Свобода собраній, слова, стачекъ, неприкосновенность жилища и личности, такъ говорятъ они.

— Отлично, отлично. Но развѣ такой свободы нѣтъ? Развѣ вы не можете собраться въ театрѣ, въ церкви, на сходкѣ, въ клубѣ?... просто у себя на балу... Вамъ мѣшаютъ только собираться для разрушенія, для убійства, для казни. И развѣ это неразумно? Развѣ можете вы тронуть, или оскорбить послѣдняго нищаго? Предусмотрѣно уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями... Нѣтъ, господинъ ротмистръ, имъ нужна другая свобода.

— А вы знали ихъ вождей?

— Видалъ-съ. Не далѣе, какъ два мѣсяца тому назадъ былъ я по дѣламъ нашего предпріятія въ Швейцаріи. Тамъ я встрѣчался съ нѣкіимъ Коржиковымъ... Страшная личность.

Саблинъ вздрогнулъ и насторожился.

— Какъ вы назвали его?

— Коржиковъ. А вы слыхали про него?

— Нѣтъ, — глухимъ голосомъ сказалъ Саблинъ, — такъ что же этотъ Коржиковъ?

— Я не говорю про него самого. Онъ у нихъ подручный, такъ сказать, не посвященный во всѣ тайны, но у него есть мальчикъ девяти лѣтъ. Онъ его воспитываетъ... Представьте себѣ малютку съ лицомъ херувима. У итальянскихъ художниковъ есть такія головки. Можетъ быть, вы въ Эрмитажѣ видали картину Рейтерна, въ русской школѣ, жертвоприношеніе Авраама. Такъ вотъ, тамъ у Ангела такое лицо. Ахъ, господинъ ротмистръ, посмо-

тришь на этого малютку разъ и всю жизнь его будешь видѣть.

— Откуда у него этотъ мальчикъ? — спросилъ Саблинъ. Онъ опустилъ свою голову на ладони и устремилъ глаза на красныя головни въ каминѣ.

— Сынъ его.

— Сынъ?... Коржиковъ женатъ?

— Онъ овдовѣлъ... Жена, говорятъ, была писаная красавица, родила сына и умерла. И сынъ-то, говорятъ, не Коржикова, а плодъ любви несчастной...

Оскаръ Оскаровичъ замолчалъ. Онъ тщательно раскуривалъ потухшую сигару.

- И ваша потухла. Не хотите ли другую? Настоящая гавана.

— Ну, такъ что же сынъ?.. Отъ кого же этотъ сынъ?.. Какъ звали его мать?..

— Не знаю... Дѣло не въ матери, а въ томъ, какъ Коржиковъ этотъ воспитываетъ своего сына. Мальчикъ не знаетъ совсѣмъ Бога. Когда онъ видитъ храмы, иконы, Коржиковъ толкуетъ ему ихъ такъ, какъ толкуютъ какую-нибудь греческую миѳологію. У мальчика нѣтъ иллюзій. Онъ знаетъ, какъ онъ родился и ему внушено, что души нѣтъ, что «Я» уничтожается со смертью, а потому все позволено, потому что нѣтъ будущей жизни, нѣтъ ни награды, ни наказанія. Мальчику девять лѣтъ— онъ развращенъ до послѣдней степени, онъ нагль, онъ рѣзокъ до противнаго. Это будущій бѣсъ — антихристъ.

— Вы его сами видали?

— Да. При мнѣ онъ исподтишка подбилъ камнемъ ногу богатой дѣвочки - англичанки. Онъ рѣзалъ ножомъ котятъ и выковыривалъ имъ живымъ глаза. Я сказалъ отцу. Комкаетъ свою паршивую рыжую бородку и смѣется. «Пусть», — говоритъ, — «пріучается къ крови. Побѣдитъ тотъ, кто сможетъ дерзать. А ему придется дерзать». Вотъ, господинъ ротмистръ, какіе люди ведутъ въ Россію революцію. Вы думаете Гапонъ писалъ свое воззваніе и письма къ Царю?... Нѣтъ, это все сдѣлано тамъ, гдѣ хотятъ разрушить весь культурный европейскій

міръ, довести народъ голодомъ до отчаянія и тогда поработить его и создать свое царство, царство Сатаны. Коржиковъ говорилъ мнѣ откровенно и смѣло: — «у васъ три кита, на которыхъ держится вашъ христіанскій міръ: вѣра, надежда и любовь. Намъ надо разрушить вѣру и доказать, что Бога нѣтъ, намъ надо надежду замѣнить отчаяніемъ и любовь сначала классовою, а потомъ всеобщею ненавистью». Я говорю ему, что люди обратятся тогда въ животныхъ, станутъ ютиться по пещерамъ и избѣгать другъ друга. «Во - во», — говоритъ онъ, — «это-то намъ и нужно. Ибо мы останемся... А рабочіе, что рабочіе — это рабы. Ихъ взяли какъ орудіе, какъ темную силу, какъ пушечное мясо». «Соціалисты русскіе», — сказалъ мнѣ Коржиковъ, — «это послушные идіоты, это Маниловы. Мы ихъ дразнимъ краснымъ платкомъ, и они идутъ на плаху. Всѣ эти Рысаковы, Желябовы, Каляевы это — наши рабы». Трудно, господинъ ротмистръ, правительству. Оно всегда на пять минутъ опаздываетъ. Конституцію надо было дать при воцареніи Императора Николая II, — тогда Дума и отвѣтственное министерство, самое слово — «конституція», — подорвало бы работу этихъ бѣсовъ, — ее даютъ завтра, когда она завоевана забастовками и мятежами и вырвана у правительства. Ахъ, господинъ ротмистръ, они сильнѣе насъ. Съ ними зло, а зло сильнѣе добра.

Оскаръ Оскаровичъ замолчалъ. Его сигара мѣрно попыхивала, самъ онъ сопѣлъ.

— Что бы вы предпочли, господинъ ротмистръ, къ ужину — отварную осетрину въ шампиньонахъ и бѣломъ соусѣ, или бѣлыхъ куропатокъ съ брусничнымъ и клюквеннымъ вареньемъ? Есть то и другое.

— Вы меня простите, — сказалъ, вставая, Саблинъ, — если я откажусь отъ ужина. Мнѣ немного нездоровится. Я бы прошелъ къ себѣ и пораньше легъ спать.

— Промокли вѣрно, какъ сюда ѣхали, а можетъ быть, я надоѣлъ вамъ своею болтовней?... А знаете, — я вамъ пошлю и того, и другого, и бутылку согрѣтаго Бургундскаго. На ночь покушаете. Уже больно хороша осетри-

на и жирны куропатки. Самъ покупалъ. А мнѣ доставите такое удовольствіе сознавать, что и вы кушаете.

XXV

Странный видъ представляла ночью эта большая комната съ пятью столами и тремя окнами безъ шторъ и занавѣсокъ. Саблинъ погасилъ лампу, стоявшую на его столѣ. Въ углу была поставлена ему постель и умывальный столикъ. Но спать онъ не могъ. Внизу за окнами, на дворѣ, тусклымъ красноватымъ свѣтомъ горѣлъ фонарь. Дождь пересталъ, подморозило, грязь и лужи затянуло льдомъ. Наверху небо сіяло звѣздами и мѣсяцъ ясно свѣтилъ. Влѣво видны были бѣлыя стѣны кладбища и постройки Новодѣвичьяго монастыря. Тамъ кое-гдѣ мигали огоньки неугасимыхъ лампадъ на могилахъ. Прямо были огороды, кочерыжки капусты и поля; онъ присмотрѣлся къ нимъ утромъ. Надъ головою жужжала и стучала тысячью станковъ фабрика. Работала ночная смѣна. Монотонный ровный шумъ былъ хуже всякой тишины. Онъ будилъ воспоминанія, тревожилъ совѣсть, и призраки прошлаго вставали изъ глубины. На столѣ, освѣщенномъ луною, стояли тарелки и блюда, бутылка вина и чайный приборъ. Саблинъ ни къ чему не притронулся. Постель свѣжимъ холоднымъ бѣльемъ манила тѣло, уставшее быть цѣлый день въ мундирѣ, но Саблинъ не думалъ ложиться. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и смотрѣлъ, какъ мелькала по стѣнѣ его тѣнь, отброшенная лунными лучами. Иногда онъ останавливался у окна, заложивъ руки за спину, и долго вглядывался въ серебристую мглу лунной ночи.

«Мой принцъ! Мой принцъ!» На креслѣ, въ тряпьѣ, копошился его ребенокъ. Маруся молила Саблина его взять... Какъ могъ онъ взять его тогда? Нужна была жертва собою... Онъ не принесъ ее. Онъ бросилъ его тому странному, рыжему человѣку... Коржикову... Мужу...

«Прекрасный, какъ ангелъ на картинѣ Рейтерна и

злобный и жестокій, какъ дьяволъ...» Анархистъ... И въ немъ — кровь Саблина...

Взять теперь, пока не поздно... Сынъ Викторъ — внѣбрачный... и Коля... и Таня...

Погибнетъ семья... И никогда не отдастъ его Коржиковъ. Тогда — у тѣла Маруси, — не отдалъ, теперь не отдастъ ни за что... И куда дѣвать его?... А онъ растетъ... растетъ... батардъ... угроза «дворянамъ Саблинымъ» того темнаго подполья, что теперь, въ эти дни забастовокъ, подпимаетъ голову.»

Глухо шумѣла и стучала тысячью станковъ фабрика и содрогался ея флигель. Мерцали огоньки лампадокъ на кладбищѣ, желтымъ пятномъ печально горѣлъ на дворѣ фонарь. Непохожая на жизнь — уродливая и искусственная суета шла кругомъ него. Громадный городъ жилъ и копошился, какъ комокъ червей въ жестянкѣ. Въ каждомъ домѣ, въ каждомъ темномъ или свѣтломъ окнѣ совершалась тайна. Люди жили. Люди думали. Люди страдали. Вдругъ длинная страшная вереница самоубійствъ показалась Саблину во тьмѣ холодной ночи. Это петербургская ночь каждый часъ уноситъ новыя жертвы. Мы узнаемъ о нихъ изъ полицейскихъ протоколовъ, мы не видимъ ихъ, потому что они таятся отъ людей и умираютъ одни. Саблину почудился темный сарай на второмъ дворѣ, заставленный старою ненужною мебелью, диванами съ вылѣзшей изъ обивки мочалой, трехногими стульями съ прорваннымъ сидѣньемъ, мокрыми склизкими сырыми дровами, и среди этого хлама старикъ, мостящійся къ балкѣ, чтобы привязать веревку и сдѣлать себѣ петлю... О! какой ужасъ, какой холодъ мертвящаго одиночества долженъ быть у него на душѣ въ эти грозныя минуты разставанья съ жизнью... Ему казалось, что онъ видитъ дѣвушекъ въ платкахъ, бѣгущихъ къ темнымъ водамъ грязныхъ каналовъ и простирающихъ руки надъ омутомъ. Что видятъ онѣ въ эти страшныя минуты въ темной глубинѣ? Онъ видѣлъ маленькія комнаты грязныхъ гостиницъ или меблированныхъ квартиръ на окраинѣ города, чадъ и копоть, лос-

кутьями ободранныя обои и юношу съ револьверомъ въ рукахъ. Ему казалось, что во тьмѣ ночи онъ различаетъ деревья громадныхъ парковъ. Они стоятъ голыя, безъ листьевъ, черныя. Кривые сучья переплелись во мракѣ, и на нихъ висятъ вытянутыя тѣла юноши или дѣвушки. Ему грезились скамейки у самой воды, гдѣ уснули вѣчнымъ сномъ отравившіеся. Призраки ночи неслись, обступали, тянули его къ себѣ и за собою.

Лукаво мигали лампады на монастырскомъ кладбищѣ и тѣни мертвыхъ манили въ свой холодный покой. «Вѣра, Царь и Отечество», — шептали ему онѣ. «Мы теперь поняли, что ничего этого нѣтъ. Вѣра въ Бога? Но нѣтъ Его, потому что, если бы былъ Богъ, то было бы и чудо... Помолись горячо! Устреми глаза на юго-западъ. Тамъ Швейцарія!... Тамъ Коржиковъ и твой сынъ!... Ну, молись: Господи, покажи мнѣ его! Господи. со всею силою своей вѣры я молю Тебя, протяни мой взоръ далеко, пусть своими глазами увижу во тьмѣ ночной образъ того, кто отъ меня родился...» Саблинъ ждалъ. Ему казалось: чудо будетъ.

Раздвинется сумракъ холодной октябрьской ночи и, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря, онъ увидитъ лицо своего сына. Вѣдь есть же какія-то нити, связывающія ихъ незримыми путами. А, если нѣтъ ничего, то нѣтъ и Бога... Но стояла серебряная ночь, кротко мигали тихія звѣзды, блестѣла замерзшая крыша и желтый фонарь внизу говорилъ о томящей и вѣчной скукѣ.

Бога нѣтъ... Во что же вѣрить? Во имя чего же жить?

Отечество, состоящее изъ людей, подобныхъ Коржикову, людей, пишущихъ прокламаціи и развращающихъ народъ. Бастующіе рабочіе, попъ Гапонъ, это отечество? Любить этихъ лгуновъ, любить Кушнцикова, какъ это глупо!

Оставался Царь. Онъ предсталъ передъ Саблинымъ во всемъ своемъ царственномъ блескѣ и великолѣпіи и стоило жить за него. Царь семьянинъ, со своею прекрасной женою и прелестными дѣтьми. Уютъ своей семьи,

нѣжныя, чистыя ласки Вѣры Константиновны, Коля и Таня, такіе прекрасные вдругъ встали передъ нимъ и прогнали призраки.

На стѣнѣ висѣли его шашка и револьверъ. Было темно. Только свѣтъ фонаря на дворѣ тускло и скупо входилъ въ комнату, а Саблинъ видѣлъ револьверъ... Почему именно револьверъ? Не знаменіе ли это? Не отвѣтъ ли Господа на дерзкій вызовъ его? Возьми, рѣшись, дерзай и ты увидишь чудо.

Саблинъ вспомнилъ барона Корфа съ простреленною грудью въ гробу. Какъ холодно и презрительно было его лицо! Онъ точно узналъ что-то важное. Тамъ узналъ. Здѣсь же будетъ то же самое. Муки совѣсти... Сынъ Викторъ... оскорбленіе Любовина... Кушниниковы... забастовки и крики толпы: — опричники!..

Ему разсказывалъ графъ Палтовъ. Молодой офицеръ пѣхотнаго полка велъ караулъ. Какой-то рабочій подбѣжалъ къ нему, съ размаха ударилъ по лицу и убѣжалъ. Караулъ ничего не сдѣлалъ. Офицеръ растерялся. Онъ явился командиру полка, ничего не сказалъ о происшествіи, пришелъ домой, легъ на диванъ и провалялся до глубокой ночи. Ночью онъ застрѣлился. Солдаты разсказали о томъ, какъ ударилъ ихъ офицера рабочій. Ихъ спросили, почему они не задержали рабочаго? Одни сказали: — мы не смѣли сдѣлать это безъ приказа, другіе: — мы шли карауломъ и думали, что нельзя выйти изъ строя, третьи прямо сказали: — это дѣло его благородія, насъ не касается. Большинство тупо и мрачно молчало. Графъ и графиня Палтовы и тѣ гости-офицеры, что были у нихъ, считали, что офицеръ иначе поступить не могъ.

Саблинъ послѣ оскорбленія Любовина живетъ.

«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ!»

Эта месть встаетъ. Изъ туманнаго далека сверкаютъ наглые глаза мальчика, прекраснаго, какъ ангелъ. Месть идетъ оттуда.

Холодъ прошелъ по спинѣ и мурашками пробѣжалъ по рукамъ и ногамъ.

«Боишься?»

Саблинъ твердыми шагами подошелъ къ стѣнѣ и вынулъ револьверъ изъ кобуры.

— Я ничего не боюсь. — сказалъ онъ самъ себѣ.

«Нѣтъ, ты трусъ!» — отвѣтилъ тотъ же голосъ. «Дерзай! И ты увидишь, что нѣтъ ни Бога, ни вѣчной жизни. Ничего не будетъ... И твоего «я» не будетъ.»

Саблинъ чувствовалъ это «я» всѣми уголками своего тѣла. Нѣтъ, это невозможно, чтобы «я» пропало. Онъ посмотрѣлъ на кладбище, гдѣ чуть свѣтились огоньки лампадокъ. За кладбищемъ были стѣны монастыря и онѣ казались бѣлѣе. Ночь проходила.

Саблинъ разглядывалъ револьверъ. Онъ блестѣлъ, ярко никеллированный и, казалось, манилъ испытать свою силу.

Ясный бѣлесоватый день нарождался. Кочерыжки блестѣли на косыхъ лучахъ проглянувшаго изъ-за земли солнца. Фонарь уже не давалъ свѣта, но глядѣлъ желтымъ пятномъ.

Что-то ухнуло надъ нимъ, заревѣло страннымъ гуломъ, затопотало, затарахтѣло людскими криками. Саблинъ схватился за сердце. Фабричный гудокъ ревѣлъ густо и надоѣдливо, въ ушахъ звенѣло. Смѣна рабочихъ и работницъ съ крикомъ и шутками наполняла дворъ. Ночная смѣна кончила свою работу. День вступалъ въ свои права.

XXVI

Саблинъ получилъ по телефону приказаніе снять охрану и возвращаться въ казармы. Была объявлена конституція, дарована свобода совѣсти, личности, сходокъ, народъ получилъ то, чего онъ добивался.

Солнце тускло сверкало съ блѣднаго неба и растопляло лужи. На тротуарахъ и мостовой была липкая грязь. Толпы народа, по-праздничному, ходили по улицамъ и собирались въ кучки. На домахъ развѣвались флаги,

кое-гдѣ надъ толпою рѣяли красныя тряпки и раздавалась исковерканная марсельеза. Полиція ходила равнодушная, пришибленная. Она была побѣждена. Саблинъ со взводомъ чувствовалъ себя глупо. Онъ былъ ненужнымъ и лишнимъ въ ликующей толпѣ.

— Да здравствуетъ армія! — крикнулъ какой-то уже подвыпившій мастеровой.

— Опричники! — донеслось съ другого угла.

Толстый купецъ на легкой одиночкѣ обгонялъ взводъ.

— Кормильцы наши! Что то теперь будетъ? Не выдавайте, родимые! — воскликнулъ онъ, махая Саблину бобровой шапкой.

У Саблина было смутно на душѣ. Его поразила неожиданность манифеста. Три дня тому назадъ Саблинъ видѣлъ Государя въ Петергофѣ. Государь не шелъ ни на какія уступки. Онъ считалъ, что онъ не вправѣ отказываться отъ самодержавія изъ-за сына. Самъ онъ ничего себѣ не желалъ. Готовъ былъ удалиться совсѣмъ, но сына онъ не хотѣлъ лишить чего бы то ни было. Саблинъ видѣлъ во дворцѣ генерала Пестрецова. — «Помяни мое слово, Саша»,—сказалъ ему Пестрецовъ, — «какъ Сергѣй Юльевичъ укажетъ, такъ и будетъ. Россія уже во власти масоновъ. Исторія повторяется, Былъ Царь Өеодоръ Іоанновичъ умный, кроткій, богобоязненный Царь и былъ правитель Годуновъ. Мы нажили себѣ своего Годунова. Онъ изъ Америки вывезъ не только позоръ Портсмутскаго мира, но кое-что и много похуже!»...

Но Саблинъ твердо помнилъ, что и Витте, и Государь были противъ конституціи. Пріѣхавъ домой и переодѣвшись, Саблинъ схватился за газеты.

Да... Манифестъ былъ. И свободы были. Но оставались золотыя для Саблина слова: «Божіею милостью, мы... самодержецъ»... Пока Царь милостію Божіею, всѣ эти свободы не страшны. Саблинъ читалъ дальше о свободѣ печати, собраній, совѣсти, личности, о созывѣ Государственной Думы.

Краска залила его лицо. «Но вѣдь это обманъ», —

подумалъ онъ... — «Обманъ, подписанный именемъ Государя. Какъ могъ онъ это подписать?»

«А очень просто... Ему принесли манифестъ готовымъ и сказали, что его нужно подписать для блага народа.»

— «Для блага народа?» — сказалъ Государь и поднялъ свои прекрасные глаза на докладчика. О! Саблинъ, какъ бы видѣлъ чудный блескъ сѣрыхъ большихъ глазъ, твердую руку, медленно и четко выводящую свой характерный росчеркъ... Государя обманули... Саблинъ почувствовалъ, какъ еще пустѣе стало въ его сердцѣ. Разочарованіе въ Царѣ закопошилось въ немъ... Θеодоръ Іоанновичъ!.. Онъ слышалъ часто, какъ сравнивали Государя съ царемъ Θеодоромъ... Послѣдній Царь!... А тамъ... правитель Годуновъ, семибоярщина, Тушинскій воръ, Заруцкій и поляки, кровь и стоны, разбитая, порабощенная, Московія, долгіе годы смуты... и Михаилъ Θеодоровичъ... и Петръ... Исторія повторяется. Но доживу ли я до Петра?!

Безсонная, въ мукахъ совѣсти проведенная ночь сказывалась не утомленіемъ, но нервнымъ подъемомъ. Сердце билось горячо, въ виски стучала кровь и глаза сверкали въ опухшихъ красныхъ вѣкахъ. Отъ холодной воды лицо горѣло. Саблинъ справился у прислуживавшаго ему лакея, гдѣ Вѣра Константиновна.

— Онѣ-съ въ столовой! Васъ ожидаютъ съ завтракомъ. У нихъ господинъ Облѣнисимовъ, — отвѣчалъ лакей.

— А дѣти гдѣ?

— На прогулкѣ съ фрейлейнъ. Погода больно хороша. Совсѣмъ весна...

— Ну хорошо, — сказалъ Саблинъ и строго посмотрѣлъ на лакея. Онъ уже слышалъ и читалъ въ газетахъ это слово в е с н а. Онъ не вѣрилъ ему. Не бываетъ весна въ октябрѣ.

Егоръ Ивановичъ Облѣнисимовъ, мужъ родной сестры матери Саблина былъ крупный, рѣчистый мужчина, всѣмъ увлекающійся, земскій дѣятель. Онъ то беготво-

рилъ мужика и народъ, называлъ его народомъ богоносцемъ, ѣхалъ въ деревню, либеральничалъ тамъ, то проклиналъ мужиковъ, ругалъ ихъ хамами и уѣзжалъ въ Ниццу и Монте-Карло залѣчивать раны, нанесенныя его барству. Баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, рослый, дородный, съ сѣдѣющими висками и холеной бородкой на красивомъ, упитанномъ, сытомъ лицѣ, съ большими руками въ перстняхъ, всегда по модѣ одѣтый въ какіе-нибудь смокинги, пиджаки особаго цвѣта и фасона, умѣющій со вкусомъ и политическимъ значеніемъ завязать свой галстухъ и вставить цвѣтокъ въ петлицу пиджака. Облѣнисимовъ послѣднее время ударился въ политику и шумѣлъ, сочиняя петиціи и письма къ Царю и министрамъ. Саблинъ не любилъ его, потому что чувствовалъ въ его словахъ ложь и карьеризмъ, основанный на заигрываніи съ тѣмъ народомъ, который Облѣнисимовъ эксплоатировалъ и презиралъ. Но теперь ему интересно было посмотрѣть и послушать Облѣнисимова и узнать, что почуялъ онъ въ манифестѣ.

Саблинъ быстрыми шагами прошелъ въ столовую.

XXVII

— А, наконецъ-то, — вставая ему навстрѣчу и широко раскрывая объятія воскликнулъ Облѣнисимовъ. Красная гвоздика сверкала въ его пиджакѣ. — А мы чуть безъ тебя не сѣли. Ну поздравляю, Саша... А?! Весна?.. Весною повѣяло... Начинается новая эра жизни. Царь пошелъ съ народомъ. Народу вручена власть и законъ... Весна, Саша!.. А!..

— Чему вы рады, дядя, — холодно сказалъ Саблинъ, освобождаясь изъ его объятій и подходя къ женѣ.

— Вотъ я тоже говог'ю Егог'у Ивановичу, — сказала Вѣра Константиновна, — что г'адоваться пг'еждевг'еменно.

— Свобода! — сочно выговаривая оба «о» воскликнулъ Облѣнисимовъ. — А у меня духъ захватываетъ...

И мы теперь совсѣмъ Европа. Не нагайка, не кнутъ и тюрьма, а свобода! Народъ выбираетъ своихъ избранниковъ и они идутъ и наполняютъ законодательную палату.

— Кого избираетъ народъ?.. Чего требуетъ нашъ народъ — земли и воли!.. Чернаго передѣла, того, что требовалъ нѣкогда отъ Пугачева и что Пугачевъ давалъ ему именемъ Царя... Пугачевщины хотите вы, дядя, иллюминацій помѣщичьихъ усадебъ и гибели культуры?..

— И пусть и пусть!.. Безъ эксцессовъ не обойдется такое великое строительство... Народъ, Саша, не такъ дикъ и глупъ, какъ ты про него думаешь и потомъ у народа есть вожди.

— Кто эти вожди? Народные учителя — соціалисты. Вы читали ихъ девизы: «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь». Кто такое современный пролетарій, вы знаете?.. Максимъ Горькій набросалъ вамъ ихъ дивные образы во всей ихъ первобытной простотѣ. Что же Макары Чудра во главѣ управленія? Пролетаріи всѣхъ странъ — поймите, это — Россія по боку, — бездомники, ни къ чему негодные люди, не сумѣвшіе создать даже и личнаго своего благополучія, со всего свѣта приглашаются творить счастье Россіи. Люди, разрушающіе все, все презрѣвшіе приглашаются создавать силу и красоту страны, ея мощь!.. О! Боже мой, — при такомъ началѣ я не вижу хорошаго конца.

— Но кто сказалъ тебѣ, Саша, что босяки и хулиганы будутъ въ нашемъ парламентѣ?

— Пролетаріи.

— Нѣтъ! Партіи!.. Будетъ жизнь! Будетъ борьба партій. Я былъ вчера на собраніи нашей новой, молодой партіи. Конституціонно-демократической. Говорили Родичевъ и Муромцевъ. Боже мой — вотъ ума палата! Какъ ясно, четко, красиво нарисовали они счастливое будущее Россіи... Царь вручилъ Россію великому Русскому народу и народъ сумѣетъ сберечь достояніе Романовыхъ.

— Пролетаріи всѣхъ странъ, то есть жиды, армяне, греки, грузины, свои отбившіеся отъ рукъ семинаристы и

выгнанные изъ гимназій мальчишки, вотъ кого зоветъ вашъ народъ!

— Саша! Саша! грѣхъ!.. Профессора, свѣтила юридической и политической науки... Имена! Патріархъ съ сѣдою бородой Муромцевъ, авторы ученыхъ трудовъ, мужи свѣта и знанія.

— Я не читалъ.

— Ты не читалъ и стыдись. Ты, Саша, застылъ въ понятіяхъ средневѣковья. Рыцари, горожане, крестьяне... Рыцарь охотится и пируетъ, горожанинъ работаетъ на него, крестьянинъ пашетъ для него. Это дикость.

— И красота.

— Нѣтъ, красота въ общемъ трудѣ.

— Рыцарь пашетъ, а крестьянинъ жжетъ замокъ и ножомъ рѣжетъ Ванъ-Дейковъ и Теньеровъ — такъ что-ли?

— Ты бы послушалъ Муромцева.

— Ладно. Я одиннадцать лѣтъ бокъ-о-бокъ съ этимъ народомъ и знаю его. Потребности его ничтожны, культура плохая. Оставить его одного — онъ будетъ работать только на себя и на семью. Города подохнутъ съ голода, заграница тоже... Помѣщичьи земли истощатъ и бросятъ.

— О, какъ ты отсталъ! Что говорилъ вчера Родичевъ! Эти люди испытали тюрьму и ссылку. Имъ и книги въ руки.

— Преступникамъ?

— Нѣтъ, страдальцамъ за правду, за народъ!

Саблинъ только рукой махнулъ.

Пришли графъ и графиня Палтова. Наталья Борисовна, едва поздоровавшись съ Вѣрой Константиновной, бросилась къ Саблину и Облѣнисимому.

— Егоръ Ивановичъ, что же это такое? Александръ Николаевичъ, объясните мнѣ, я ничего не понимаю. Ужели это égalité, liberté и fraternité*) Наше Спасское отбирать будутъ? Я не графиня?

---

*) Равенство, свобода и братство.

— Гражданка — Наталья Борисовна! — пробасилъ Облѣнисимовъ, — чѣмъ гражданка хуже графини. Великіе завѣты французской революціи...

— При Русскомъ народѣ, — успѣла вставить графиня.

— Казньког'оля. Тег'г'ог'ъ. Г'обеспьег'ы. Маг'аты, Дантоны... — сказала Вѣра Константиновна.

— Я уже видалъ одного такого. На фонарномъ столбѣ сидѣлъ и призывалъ толпу идти въ Петропавловскую крѣпость освобождать преступниковъ. Насилу полиція стащила. Онъ вопитъ: — свобода! Ну и прописала же ему полиція эту свободу нагайками, — сказалъ Палтовъ.

— Графъ! Что вы! Какая косность! Нѣтъ, господа, вы не понимаете великаго акта Царской милости. Вы плохіе — Государевы слуги.

— Что же дѣлать? позволять натравливать однихъ на другихъ. Выпускать негодяевъ, — сказалъ горячо Саблинъ. — Государь подписалъ этотъ манифестъ противъ воли. Онъ не хотѣлъ этого. Его заставили.

— Что дѣлать? — гремѣлъ Облѣниссимовъ. — Идти на торжища и проповѣдывать слово царское, его волю святую. Да. Распускать армію, перековывать мечи на орала, отдавать землю крестьянамъ и, обнявшись съ рабочимъ и пахаремъ, идти къ Государю, и звать его съ собою въ святой Русскій народъ, въ Русь кондовую,*) избяную, православную тихую Русь! (Свобода!.. Весна!.. Весною вѣетъ, не могу сидѣть!.. Иду на улицы, слушать, что говорятъ, идти въ партіи и восхищаться тѣмъ, что «можетъ собственныхъ Невтоновъ и быстрыхъ разумомъ Платоновъ Россійская земля рождать». Великій день сегодня! Точно Пасха. Хочется Христосъ воскресе запѣть!

Облѣнисимовъ попрощался со всѣми и ушелъ.

---

*) «Конда» — собственно — боровая, крѣпкая сосна, мелкослойная и слоистая. Изъ нея въ старину строили крѣпко стоящіе дома. Отсюда — кондовый — основной, старый, крѣпкій.

— Что онъ, твой дядя, съ ума спятилъ? — спросилъ графъ Палтовъ.

— Да, хог'ошо ему, — сказала Вѣра Константиновна, — онъ два мѣсяца тому назадъ всѣ свои имѣнія очень выгодно пг'одалъ и деньги пег'евелъ въ Швейцаг'ію. Вотъ и куг'ажится.

- Чудной! — сказала Наталья Борисовна, — красную гвоздику въ петлицу вставилъ и оретъ, какъ... мастеровой.

— Ужасы надвигаются. Мнѣ отецъ изъ имѣнія писалъ. Сладу съ эстонцами нѣтъ. На пг'ошлой недѣлѣ пожгли молодыя лѣсныя посадки, на пять тысячъ слишкомъ убытка. Аг'енду нынѣшній годъ, кто заплатилъ, а кто и нѣтъ.

— У насъ подлѣ имѣнія, — сказалъ Палтовъ, — стражника убили. Papá вызвалъ казаковъ. Хорошо, что знакомъ съ губернаторомъ, а у сосѣдей всю экономію пожгли и наказывать некого. Міръ порѣшилъ. Виновныхъ нѣтъ.

— И кто эти Муромцевы, Родичевы, — ты не слыхалъ? — спросилъ Саблинъ.

— Нѣтъ, Саша, не слыхалъ. Ученые какіе-нибудь, писатели...

— Писатели! — задумчиво проговорилъ Саблинъ, — ну я понимаю Левъ Толстой, Менделѣевъ — это имена со всемірной славой, а то... пошли, Богъ ихъ знаетъ кто!!

— Цензъ имѣютъ, — ядовито сказала Наталья Борисовна.

— Какой? — спросилъ Саблинъ.

— Въ тюрьмѣ, сидѣли.

Саблинъ пожалъ плечами и ничего не сказалъ. Молчаніе было тяжелое. Каждый по своему переживалъ событіе, но всѣ были мрачны.

XXVIII

Шли годы. Все оставалось по старому — такъ хотѣлось думать Саблину. Государь писался самодерж-

цемъ и подчеркивалъ то, что онъ самодержецъ. Первую думу, заговорившую слишкомъ вольнымъ языкомъ, распустили. Она собралась въ Выборгѣ. Ее арестовали. Народъ отвѣтилъ кровавыми вспышками погромовъ и пожаровъ — войска усмирили мятежи. Смертная казнь, о которой давно не слыхали, стала частымъ явленіемъ. Вѣшали и разстрѣливали поджигателей, убійцъ и громилъ, подстрекателей къ мятежу. Саблинъ считалъ, что виноваты въ этомъ они сами, зачѣмъ идутъ противъ закона. Народъ во всемъ винилъ Правительство и... Государя. Явилось слово ненавистное Правительство.

Одни превозносили Государственную Думу — называли ее «думою народнаго гнѣва», пророчили ей великое будущее, другіе смѣялись надъ нею, называли говорильней.

Саблинъ спросилъ какъ то Пестрецова, что онъ думаетъ объ этомъ.

— Государь дѣлаетъ большую ошибку, — сказалъ ему Пестрецовъ, — идя по такому пути. Или Дума парламентъ, который правитъ и передъ которымъ трепещутъ отвѣтственные министры и которая является окомъ Государевымъ, или совсѣмъ не нужно думы и только «мы, Божіею милостью».

— Мнѣ кажется, что у насъ и есть второе, — сказалъ Саблинъ. — Сколько я знаю Государя, онъ и не думалъ отказываться отъ своего самодержавія.

— Тогда, Саша, не надо Думы.

— Отчего? Пусть говорятъ. Это забавляетъ народъ. Я прислушивался къ рѣчамъ въ Думѣ, читалъ отчеты. Боже мой! Какая пустота!.. Борьба партій... Исторія о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, вынесенная во всероссійскій масштабъ... Какъ будто что то и дѣлаютъ, а на дѣлѣ ничего, потому что министры не только ее не слушаютъ, но и не прислушиваются къ ней. Государь тѣмъ болѣе.

— Ты ошибаешься, Саша. Дума въ томъ видѣ, какъ она есть — страшный вредъ. Народъ черезъ своихъ

представителей не творитъ, но только критикуетъ. А критиковать легко. Дума готовитъ людей, способныхъ только говорить и критиковать, а страна скоро и весьма настойчиво потребуетъ творчества. Саша, волненія не прекращаются. Войска стали ненадежны, дисциплина шатается. Это Дума! Дума подтачиваетъ государство, Дума развращаетъ народъ. Своею критикою, основательною, или неосновательною, это все равно. Дума внушаетъ народу недовѣріе и презрѣніе къ министрамъ. Дума выноситъ язвы наружу и показываетъ всѣ темныя стороны правительства и Царя народу. Дума стала между Царемъ и народомъ. Она закрываетъ глаза на все то хорошее, что дѣлаетъ Царь и подчеркиваетъ одно худое. Саша, ты бываешь у Государя, ты говоришь съ нимъ просто, — скажи ему, что такъ быть не можетъ. Надо Думу сдѣлать отвѣтственной, надо привлечь ее къ управленію, а не къ критикѣ, не суживать, но расширять надо ея полномочія. Нужно все свалить на Думу, а самому остаться только Царемъ. Только царствовать... Или все взять на себя и тогда разойтись съ дворянствомъ, пойти съ народомъ и изъ своихъ рукъ подарить ему землю.

Саблинъ присматривался къ Государю. Да, въ немъ была перемѣна. Онъ сталъ задумчивъ, раздражителенъ. За обѣдомъ, или завтракомъ онъ иногда выпьетъ двѣ, три рюмки водки — точно забыться хочетъ отъ чего то, прогнать тяжелыя думы. Его глаза не блестятъ, но какъ то равнодушно смотрятъ вдаль и такая печаль въ нихъ, что сердце разрывается, глядя на него.

Саблинъ попрежнему боготворилъ Государя. Ему хотѣлось подойти и узнать причину его грусти. Но какъ подойти къ Богу?

Государю было тяжело. Министры валили все неріятное на него. Казни, разстрѣлы, осадное и военное положеніе — все дѣлалось именемъ Государя. Милости и льготы давала Дума. Она добивалась ихъ у Государя дерзкими наглыми рѣчами. Она требовала съ запросомъ и, когда появлялся законъ, выходило такъ, что Царь

урѣзалъ права народныя — дума хотѣла одного, Царь далъ другое. Государь не могъ не видѣть этого, не могъ не понимать этой игры съ нимъ тѣхъ, кого онъ поставилъ своими помощниками, кого осыпалъ милостями. Эти люди его предавали.

Въ царской семьѣ было неблагополучно. Императрица все чаще показывалась съ красными пятнами на лицѣ, или и вовсе не выходила къ столу. Она была больна. Подлѣ нея появились новыя лица и они оттѣснили Саблина. Императрица бросила честолюбивыя мечты и ушла въ семью и въ сына. А сынъ—Наслѣдникъ—былъ часто боленъ. Таинственная наслѣдственная болѣзнь кровотеченія, котораго не могли остановить врачи своими знаніями, разрушала здоровье прелестнаго мальчика, баловня всей семьи.

Императрица знала: это отъ нея эта ужасная болѣзнь! Это въ ихъ Гессенскомъ роду мальчики страдали и умирали отъ нея.

Гдѣ искать спасенія отъ нея, какъ не у Бога? Только Онъ могъ даровать чудо. Императрица безсознательно стремилась къ такимъ же удрученнымъ, такимъ же обиженнымъ Богомъ, какою считала себя. Случай столкнулъ ее съ молодою, глубоко несчастливою въ бракѣ женщиной — Анной Вырубовой. Въ ней она нашла ту же вѣру въ чудо, ту же жажду чуда.

Онѣ молились вмѣстѣ. Императрица въ тяжелыя безсонныя ночи, когда сынъ ея былъ боленъ, простаивала часами на колѣняхъ. Молила о сынѣ.

Раны были на ея колѣняхъ отъ этихъ моленій. Счастливый такъ не молится. Она была несчастлива.

Сердце Саблина разрывалось при видѣ горя Царской семьи. На дежурствѣ онъ наблюдалъ министровъ и Государя. Часто пріѣзжалъ высокій дородный председатель Думы Родзянко. Они дѣлали доклады, они убѣждали Государя, но дѣлали это все, не любя и не жалѣя Государя. Ихъ «я» стояло выше Государя. И Государь это чувствовалъ.

Саблинъ видѣлъ измученное лицо Государя послѣ докладовъ и хотѣлъ помочь.

«Гдѣ же», думалъ Саблинъ, «тѣ вѣрные холопы царскіе, что радѣли только о царскомъ имени и царской славѣ?..

Государь изнемогалъ въ этой борьбѣ. Онъ уже не противился. Ему пріятны были тѣ докладчики, которые радовали его хорошими вѣстями. Онъ любилъ Сухомлинова потому, что умный старикъ красно и спокойно говорилъ, умѣлъ поднести каждый докладъ ловко и просто. Онъ не любилъ Родзянко, потому что тотъ спорилъ и настаивалъ на своемъ, перечилъ Государю.

Прежняго веселья при дворѣ не было. Японская война прекратила большіе и малые дворцовые балы. Послѣ Портсмутскаго мира и пораженій въ японской войнѣ красивые парады въ апрѣлѣ на Марсовомъ полѣ казались неумѣстными. Толпа была натравлена на армію и можно было опасаться «эксцессовъ». Царь смотрѣлъ свою гвардію по полкамъ, въ дни полковыхъ праздниковъ, вызывая ихъ для этого въ Царское Село. Онъ обѣдалъ въ кругу офицеровъ, онъ хотѣлъ забыться и создать иллюзію вѣрности себѣ войска. Хотѣлъ заглушить тяжелыя раны, что нанесли ему его Преображенцы, волновавшіеся въ 1905 году.

Саблинъ видѣлъ, что съ появленіемъ Думы государство распалось. Въ Думѣ не было русскихъ людей, но были партіи. Армія отшатнулась отъ народа, и народъ ненавидѣлъ армію. Министры были отдѣльны отъ Думы и Дума и министры не были съ Царемъ. Царь былъ одинокъ.

Точно куски его сердца одинъ за другимъ отрывали отъ Саблина. Оторвали вѣру въ народъ, — потому что Саблинъ не могъ любить народъ, который въ лицѣ своихъ представителей шелъ противъ Россіи и Царя, поколебали вѣру въ армію и только Царь остался. Царь любимый, но Царь, котораго онъ жалѣлъ. А жалѣть Бога нельзя. Царь терялъ свое божеское начало и это было ужасно!

Въ эти дни Саблинъ тѣснѣе замкнулся въ семьѣ. Ро-

сти дѣти. Вѣра Константиновна была неизмѣнно прекрасна и любила ровною и нѣжной любовью. Она была приближена къ Императрицѣ, она облегчала муки Царицы и Саблинъ любилъ ее за это еще больше. «Что же?» — думалъ онъ. — «Царь и семья остались у меня. Есть для чего жить»...

«Пусть растетъ безумный Викторъ и, если встанетъ онъ противъ Царя, я пойду и противъ сына своего. Да и развѣ онъ мнѣ сынъ? Сынъ не тотъ, кого зачалъ я, а тотъ, кого воспиталъ. Важно не сѣмя, дающее тѣло, а важно сердце, дающее душу.»

XXIX

Былъ весенній вечеръ. Саблинъ сидѣлъ одинъ на квартирѣ. Сынъ былъ въ корпусѣ, Таня въ институтѣ. Вѣра Константиновна съ утра уѣхала въ Царское и не возвращалась. Съ улицы доносился стукъ копытъ и трескъ колесъ по мостовой и торцамъ, только что очистившимся отъ снѣга и льда. Къ Саблину пришелъ Облѣнисимовъ. Онъ былъ членомъ четвертой Думы, чѣмъ очень гордился, часто выступалъ съ рѣчами, красивыми, гладкими, полными либеральныхъ лозунговъ и... пустыми. Онъ часто заходилъ къ Саблину дѣлиться своими впечатлѣніями о Думѣ и хвастать своими рѣчами. Онъ и сейчасъ, уютно усѣвшись въ большомъ креслѣ въ полуосвѣщенномъ одною лампою, горѣвшею на громадномъ столѣ, кабинетѣ длинно и витіевато разсказывалъ, какъ громили они министра земледѣлія и министра внутреннихъ дѣлъ.

— Запросы, Саша, какіе! Факты отыскали вопіющіе къ небу. Если они честные люди, — въ отставку подадутъ! У насъ есть такіе молодчики, что на мѣста ѣздятъ и тамъ всю эту муть поднимаютъ. Понимаешь ли ты — клоака!... Форменная клоака... А мы за ушко, да на солнышко. Въ Джаркентѣ въ день празднованія 300-лѣтія Романовыхъ, буйные, пьяные казаки топтали лошадьми

и стегали нагайками таранчинцевъ!... А?... Каково!... Это насажденіе русской культуры!

— Да правда ли, дядя? Я хорошо знаю и Семирѣченскаго губернатора, и командира полка тамошняго. Не похоже на нихъ.

— Донесли, — прошепталъ, разводя руками, Облѣнисимовъ. — Пріѣхали гонцы оттуда и донесли.

— А если донесли по злобѣ? Если доносчики сами гадкіе люди? Да и можетъ ли хорошій быть доносчикъ?

— Ахъ, Саша! Шпіонъ, доносчикъ, что доноситъ по начальству это гадъ, но тотъ, кто освѣдомляетъ народныхъ избранниковъ о тѣхъ мерзостяхъ, что творятся чинами администраціи, исполняетъ только свой гражданскій долгъ.

— На опасный путь становитесь вы, дядя. У васъ двѣ правды — правда для насъ и правда для нихъ. Такъ и политическое убійство слѣва не убійство, а подвигъ, и казнь справа — насиліе и гнусность.

— О! Ты знаешь, — наша партія противъ смертной казни.

— Дядя! Я смѣю завѣрить, что первый противникъ смертной казни это Государь Императоръ. Онъ страшится и ненавидитъ ее всѣми силами души.

— И вѣшаетъ, и разстрѣливаетъ.

— Но что же дѣлать, если есть люди, проповѣдующіе убійство и поджоги, уничтожающіе Россію. Это борьба. И въ этой борьбѣ больше крови пролито тѣми, кто идетъ противъ Царя. Собери кровь невинныхъ городовыхъ, генераловъ и офицеровъ, стражниковъ, солдатъ, случайныхъ прохожихъ, что погибли отъ бомбъ, и повѣрь, что она зальетъ и потопитъ тѣхъ преступниковъ, которыхъ за это казнили.

— Наша партія противъ политическихъ убійствъ, — повторилъ Облѣнисимовъ.

— Но убійства продолжаются. Усадьбы горятъ... Помѣщики боятся жить въ своихъ домахъ, построенныхъ дѣдами и прадѣдами, а озвѣрѣлый народъ нищаетъ и гибнетъ. Вотъ уже восьмой годъ работаетъ Государст-

венная Дума, и что дала она?... Слова, слова и слова... Много прекрасныхъ словъ и ни одного дѣла Стало легче жить? Гдѣ свобода? Стоитъ разоренный Прибалтійскій край, морскіе офицеры боятся своихъ матросовъ, памятуя лейтенанта Шмидта, офицеры стали подлаживаться къ солдатамъ. Было что-то твердое и крѣпкое — вы разжижили это и ввели духъ критики и самооплеванія.

— О! Не говори такъ, Саша! Помни то, что сказалъ Макаровъ — «помни войну!» Рокъ преслѣдуетъ Россію — Макаровъ и Кондратенко погибли, а Куропаткинъ остался цѣлъ и невредимъ, Стесселя судили... А Цусима, а Рождественскій, а Мукденъ? — нѣтъ, Саша, Россія загнила! Она на двѣсти лѣтъ отстала отъ Европы и безъ Думы она никогда не нагонитъ ее.

— Но что сдѣлала Дума?

— Какъ что! Да развѣ ты не видишь, какъ Дума возстановила Армію! Военный министръ проситъ одно, а Гучковъ даетъ больше! Требуйте, берите то, что нужно, но помните, что армія не для парадовъ и игры въ солдатики, а для защиты Родины. Сухомлиновъ говоритъ о петлицахъ и выпушкахъ, а комиссія обороны о тяжелыхъ пушкахъ и пулеметахъ. Это мы прибавили содержаніе офицерамъ, это мы говоримъ о правахъ офицерства. Государь объ этомъ не подумалъ, ему министры этого не сказали — это сдѣлали — мы — Дума!

— Вы дали на грошъ, а взяли на рубль. Вы внесли политику въ армію. Появились и у насъ младотурки. Я временами не узнаю «Русскаго Инвалида», а что пишетъ «Развѣдчикъ», «Военный Голосъ»?...

— Прикрыли!

— И слава Богу.

— Неисправимый реакціонеръ! Мы возродимъ Россію! О, дайте Думѣ только работать, не вяжите ее и мы создадимъ великую Россію! Надо сдѣлать министровъ отвѣтственными передъ Думой, надо сдѣлать такъ, чтобы Дума составляла кабинетъ.

—Полная конституція?

— Да, полная.

— То же говоритъ и генералъ Пестрецовъ.

— Это говорятъ всѣ тѣ, кто любитъ Россію.

— Ну, хорошо, допустимъ, что это такъ. А готовъ у васъ кабинетъ министровъ, готовы люди, которые могли бы въ полномъ сознаніи своей отвѣтственности передъ страною вступить въ управленіе государствомъ и повести его по пути прогресса?

— Мы, какъ-то, признаюсь, не думали объ этомъ... Но... Поливановъ или Гучковъ могъ бы стать министромъ военнымъ.

— Штатскій во главѣ военнаго министерства?

— И, знаешь, Саша, это, можетъ быть, даже лучше. Онъ очиститъ атмосферу.

— Безъ знанія быта войскового, онъ сломаетъ армію. Ну, хорошо... Гучковъ, а дальше, дальше?

— Да, трудно сказать... Поднимется, конечно, борьба партій. Каждый дастъ своего. Вотъ у насъ Милюковъ или Родичевъ — ума палата. Эсъ-эры дадутъ Керенскаго... Найдутся... Не боги горшки обжигаютъ.

— Поднимется грызня партій за власть. Будутъ давать своего, не считаясь ни съ умомъ его, ни съ талантомъ, ни подготовкою къ той работѣ, что предстоитъ ему. Нѣтъ, дядя. Россіи не то нужно и не того она ожидаетъ отъ Думы. Россіи нужны люди. Такіе творческіе геніи, какихъ умѣли откапывать Петръ и Екатерина, нужны Меньшиковы, Шереметевы, Брюсы, нужны Потемкины, Ломоносовы, Бецкіе, нужны люди, что вели бы къ прогрессу и славѣ, а не топтались между входящими и исходящими и отчетами Думѣ... Гдѣ эти люди?... Назови мнѣ ихъ, и я пойду къ Государю и я умолю его поставить ихъ во главѣ управленія, дать имъ власть. Творчество отвѣтственно, оно никогда не было удѣломъ коллектива. Комиссія и комитеты, сваливая отвѣтственность одинъ на другого, никогда не дадутъ ничего сильнаго и могучаго. Мадонну Рафаэля творилъ одинъ художникъ, а не комитетъ художниковъ — потому она и Мадонна! Дядя!... Назови мнѣ людей, имена!... Людей, людей мнѣ дай, геніевъ, талантовъ, силы любви къ отчизнѣ

и безпредѣльной преданности ей!... Чтобы душу свою полагали за нее... Былъ Столыпинъ... Убили его... Витте оказался предателемъ и масономъ... Ну кто же, кто же?..

— Людей?.. Талантовъ, геніевъ?!.. Но... они... родятся вѣками...

— Ты молчишь, дядя... Ты молчишь!... И х ъ н ѣ т ъ!

XXX

Сказать и х ъ н ѣ т ъ! было тяжело. Но Саблинъ не просто сказалъ это слово: — онъ выстрадалъ его. Оно вылетѣло у него, какъ результатъ давнишней мучительной работы души и сердца. Онъ любилъ Россію больше всего. Для него Россія была выше партій, выше самого его. Россія, олицетворенная Царемъ. И, если бы для спасенія Россіи нужно было положить весь народъ — онъ не задумался бы сдѣлать это. Если бы для спасенія Россіи надо было убрать Царя, Саблинъ и на это пошелъ бы.

Облѣнисимовъ давно ушелъ. Во всей квартирѣ царила мертвая тишина, и только наверху кто-то, должно быть одинокій, изливалъ душу свою въ ноктюрнѣ. Бѣжали и переливались звуки, говорили о чемъ-то, томили душу. О безсонной ночи, о мукахъ душевныхъ говорили они и искали успокоенія въ мелодіи и молитвѣ.

О! Молиться!... Но надо знать о чемъ молиться. Легко говорить: — помоги, укрѣпи, подай, благослови!... Такъ молится всякая нищая старушонка, но отъ молитвы ея мало толка, надо знать, что нужно Россіи.

Оглянулъ Россію мысленнымъ окомъ, увидалъ маленькія курныя избушки, пеструю черезполосицу полей, грязь и уныніе, голодъ и нищету, увидалъ заволжскія степи, палимыя солнцемъ и мольбы о дождѣ, увидалъ чистыя хаты малороссовъ и услышалъ одинъ стономъ несущійся крикъ: — з е м л и!

Саблинъ зналъ, что не одна земля нужна народу русскому. Ему нужно уничтоженіе черезполосицы, орошеніе полей, древонасажденіе, нужны культура и обра-

зованіе, но въ первую голову, конечно, нужна — земля. Правды ищетъ мужикъ и не можетъ увидѣть ее въ томъ, что одному принадлежитъ четыре уѣзда и онъ никогда не бываетъ на своей землѣ, а другой всю жизнь топчется на полдесятинѣ. Золотая грамота о передѣлѣ земли давно ожидается народомъ. Еще до воли о ней говорили. И землю народу должна дать не Дума, не революція, не забастовки и погромы усадебъ, не убійства губернаторовъ, а Царь. Царю пора порвать съ интеллигенціей и пойти съ народомъ.

Но... всѣ эти земли жалованы прежними Государями за вѣрную службу и за кровь своимъ служилымъ людямъ, своимъ дворянамъ. На нихъ есть грамоты, Царями Московскими и Императорами всероссійскими писанныя. Можетъ Царь, внукъ и правнукъ этихъ Царей, нарушить ихъ Царское слово и подпись и безъ вины отнять земли?... Пойдетъ на это Государь?

Никогда не пойдетъ!...

Тихо переливался ноктюрнъ наверху, уходилъ къ самымъ тонкимъ нотамъ, звучалъ чуть слышно и вдругъ разражался громами, стонала и ревѣла вся клавіатура, то нажимала, то ослабѣвала педаль; о силѣ и мощи говорила музыка, звала на бой и на подвигъ.

Дворяне должны любить Государя, должны поддержать его въ ту минуту, когда тронъ шатается. Дворянство было опорою Россійскимъ Государямъ, оно должно подпереть ихъ и теперь. Всѣ эти богачи и милліонеры владѣльцы десятковъ тысячъ десятинъ, владѣльцы майоратовъ, должны придти къ Государю и сказать ему: — «возьми наши земли въ свою государеву казну и поступи такъ, какъ находишь нужнымъ!». Манифестомъ Царскимъ, волею Государевою, навѣки нерушимою, села и слободы, хутора и станицы должны получить себѣ прибавокъ земли, а на мѣстѣ усадебъ должны появиться земледѣльческія школы и образцовыя усадьбы. Въ народъ пойдетъ дворянская молодежь, но не для того, чтобы учить крестьянъ соціализму, готовить погромы и убійства, натравливать на Царя и учить ненавидѣть

Россію, а для того, чтобы учить патріотизму и правильному сельскому хозяйству. Пусть надъ усадьбою Саблиныхъ останется ихъ гербъ — золотая сабля на голубомъ полѣ, и надъ нимъ надпись: — «Императорская сельско-хозяйственная школа дворянъ Саблиныхъ». Пусть Коля и Таня живутъ тамъ, окруженные толпою крестьянскихъ дѣтей и учатъ тому, какъ сдѣлать Россію богатой и счастливой!...

Государь обратится къ дворянамъ съ призывомъ отказаться отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на землю и пойти съ крестьянствомъ, — ужели откажутся?

Сильнымъ аккордомъ оборвалъ піанистъ до бури дошедшій ноктюрнъ и снова заплакалъ и полился нѣжной мелодіей и заговорилъ о тоскѣ и молитвѣ.

— Это первый актъ спасенія Россіи.

Царь, дворянство, купцы, духовенство, мѣщане-ремесленники, крестьянство и служилые люди — вотъ что была Россія.

Теперь этого не осталось. «Буржуи и пролетаріи». Крестьяне и рабочіе, а внѣ этого — монархисты, октябристы, націоналисты, конституціоналисты, соціалъ-демократы, соціалисты-революціонеры, трудовики, анархисты, интернаціоналисты, коммунисты, — а можетъ быть и еще кто-нибудь есть!

Дворянство, купечество, духовенство, мѣщане, крестьяне и служилые люди радѣли о Россіи и Царѣ. Они враждовали между собою, дѣлали мелкія гадости, травили костры, кляузничали, судились — но въ вопросѣ Россіи они были солидарны и Россія была сильна и непобѣдима. Но дворянство прогнило. Это оно придумало всѣ эти партіи и не только придумало, но и вошло въ нихъ. Оно обратилось постепенно въ эту ужасную безсословную, непатріотическую, невѣрующую интеллигенцію, разбилось на партіи и идетъ губить Россію. Съ нимъ Россіи не быть. И Богъ съ нимъ, съ такимъ дворянствомъ, пусть погибаетъ и отдаетъ свои земли народу.

Духовенство обнищало, утратило духъ и вѣру въ

мелкой борьбѣ за существованіе, въ поискахъ хлѣба насущнаго, огрубѣло, спилось, потеряло вліяніе на паству, а духовенство безъ духа, это уже не духовенство. И раньше, чѣмъ говорить о приходѣ, какъ ячейкѣ и единицѣ, надо перебрать духовенство, создать его на иныхъ началахъ и поставить его въ матеріальную независимость отъ паствы. Или богатый и сытый пастырь, что не только не беретъ, но самъ даетъ и помогаетъ паствѣ, пастырь, подобный католическому патеру или англиканскому священнику—кладезь всяческихъ практическихъ и научныхъ знаній, или отшельникъ, пустынножитель, старецъ, кому ничего не нужно, но не попъ-хапала, тянущій за требы и не соглашающійся хоронить и вѣнчать безъ хабары. Да, — духовенство исчезло. Нѣтъ епископовъ Гермогеновъ, нѣтъ поповъ Сильвестровъ, нѣтъ Серафимовъ Саровскихъ — ихъ смѣнили люди, не имѣющіе ни власти, ни авторитета. Религія смѣнилась обычаемъ, смѣнилась предразсудками и разрушить ихъ легко. Да, — сгнило и духовенство.

Саблинъ опустилъ голову. На чемъ же удержаться Царю, на что опереться? Два главныхъ столба подгнили и готовы рухнуть и обратиться въ гніющую пыль... Мѣщанъ-ремесленниковъ смѣнили фабриканты и рабочіе. Внутри государства создалась сильная армія голодныхъ, озлобленныхъ и всѣмъ недовольныхъ людей. И, можетъ быть, для Россіи правильнѣе было бы разогнать эту армію по деревнямъ, паровыя машины смѣнить кустарными ткацкими станками и предоставить загранницѣ обслуживать себя предметами роскоши.

Оставались крестьяне и служилые люди. И было ясно, что крестьяне пойдутъ за тѣмъ и дадутъ свой трудъ тому, кто дастъ имъ землю. Имъ Царь привыченъ и удобенъ. Съ нимъ сжились они, его величаютъ въ пѣсняхъ, его поминаютъ въ поговоркахъ и сказкахъ и на крестьянство еще можно опереться.

Служилые люди...

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Саблина. «Меа

culpa», — прошепталъ онъ, — «Mea maxima culpa!»*) Мѣстничество и карьеризмъ были всегда въ натурѣ служилаго класса, но никогда не достигали они до такой степени, какъ теперь. Вотъ что прогнило безконечно. Столыпинъ головою выдѣлился надъ всѣми остальными и погибъ, неизвѣстно чьею рукою убитый. Были опричники, было у насъ «слово и дѣло», тайная канцелярія, было знаменитое третье отдѣленіе, много неправды творили они, много сводили личныхъ счетовъ, но берегли Государево имя. Увы, — охранное отдѣленіе и вся плеяда чиновниковъ, облѣпившихъ Царскій тронъ, о Царѣ не думаютъ. Чиновники либеральничаютъ въ Думѣ, чиновники подводятъ Государя, чиновники стали только рыцарями двадцатаго числа. Сгнила старая Россія. Нужно подводить новые столбы подъ великолѣпное зданіе Россійской Имперіи, безотлагательно нужны громадныя широкія реформы. Дума ихъ не дастъ и не должна давать — она сама гнилая, трухлявая, созданная изъ партій, а не изъ русскихъ людей и Дума не авторитетъ для народа. Ихъ долженъ дать Царь. Манифестъ за манифестомъ, указъ за указомъ — Царь долженъ все перевернуть, по-новому вспахать Россійскую ниву и отыскать людей и дать имъ власть. Царь! Все должно идти отъ Царя и его именемъ!

Наверху затихла музыка, разлившись властнымъ могучимъ аккордомъ. Саблинъ всталъ, взглянулъ на часы. Было четыре часа утра.

«Пойду къ Царю», — подумалъ онъ. — «Пойду и скажу ему все. Это мой долгъ! Пусть выслушаетъ меня. Онъ пойметъ, что я говорю ему, любя его безпредѣльно!...»

XXXI

Только въ шесть часовъ вечера Государь освободился отъ дѣлъ и прошелъ въ свой кабинетъ.

---

*) Моя вина. Тяжкая вина моя.

— Обождите маленько, ваше высокоблагородіе, — сказалъ полный почтенный камердинеръ Его Величества, — я доложу о васъ.

Иногда въ эти часы Государь призывалъ къ себѣ Саблина и бесѣдовалъ съ нимъ. Иногда приходили дочери, великія княжны, и Государь читалъ имъ по-англійски. Было въ эти часы тихо и спокойно въ кабинетѣ Царскосельскаго Дворца. Суета и заботы уходили куда-то, менѣе грустно глядѣли глаза Государя и онъ былъ доступнѣе для простого разговора.

Саблинъ остался одинъ въ библіотекѣ. По стѣнамъ стояли большіе шкапы со стеклянными дверцами, полные книгъ, посерединѣ на кругломъ столѣ лежали журналы и газеты. «Новое Время» и «Русскій Инвалидъ», отпечатанные на зеленой бумагѣ, были откинуты въ сторону. Государь читалъ ихъ утромъ.

За дверью краснаго дерева съ золотыми ручками былъ Государевъ кабинетъ. Тамъ было тихо. Саблинъ ждалъ, неподвижно стоя у стола, уже болѣе получаса. Бронзовые часы пробили шесть, потомъ половину седьмого.

Дверь въ пріемную рѣзко распахнулась и въ нее въ предшествіи камердинера прошелъ дежурный генералъ-адъютантъ. За нимъ шла какая-то странная личность. Средняго роста худощавый человѣкъ, съ густыми, въ скобку, по-мужицки, обрѣзанными волосами, темными усами и блестящей волнистой бородой на очень блѣдномъ лицѣ, былъ одѣтъ въ шелковую бѣлую расшитую по воротнику и поламъ рубаху, бархатные темные длинные штаны и мягкіе сапоги, въ которыхъ онъ неслышно ступалъ. Но всего замѣчательнѣе были глаза этого человѣка. Громадные, почти бѣлые, окаймленные черными рѣсницами и густыми бровями, въ темныхъ ввалившихся вѣкахъ они свѣтились и горѣли какимъ-то внутреннимъ огнемъ. Саблинъ невольно потупилъ свой взглядъ, когда человѣкъ этотъ внимательно и остро посмотрѣлъ на него.

Если бы этотъ человѣкъ вошелъ одинъ, безъ камер-

динера и генералъ-адъютанта, — Саблинъ задержалъ бы его и вызвалъ караулъ, — такъ необыченъ, страненъ и нелѣпъ былъ этотъ человѣкъ въ дворцовой обстановкѣ.

Генералъ-адъютантъ смутился, увидавъ Саблина въ библіотекѣ. Саблинъ вытянулся и сталъ смирно, глядя на генералъ-адъютанта. Спутникъ его остановился противъ Саблина и пронизалъ его своими необыкновенными глазами.

— Не на него смотри, милой, а на меня. Большая польза будетъ тебѣ съ того. На меня обопрись.

Саблинъ невольно обернулъ глаза на говорившаго. Онъ стоялъ противъ него. Очень длинный бѣлый носъ раздѣлялъ его лицо на двѣ части. Ярко блестѣла черная борода и темные волосы, изъ-подъ густыхъ бровей смотрѣли громадные нечеловѣческіе глаза. Они видѣли то, чего другіе не видѣли и не выражали своихъ мыслей. Было что-то демоническое въ этомъ проникающемъ глубокомъ взглядѣ.

— Большое дѣло задумалъ! Эво—на! Перекроимъ по своему! Ишь, ты! Гришѣ поклонись. Онъ тя научитъ... А болѣ того съ женою молодою сведи. Люблю... Бѣ-ѣ-ѣ-лая!... Крупичатая!...

И онъ отвернулся отъ Саблина, шмыгнулъ по-мужицки носомъ, плотоядно, похотливо улыбнулся длинными ярко-красными губами и, опережая генералъ-адъютанта, прошелъ къ двери, которую распахнулъ передъ нимъ камердинеръ и смѣло вошелъ въ Государевъ кабинетъ.

Генералъ-адъютантъ, молча, пожалъ руку Саблина и вышелъ изъ библіотеки.

— Кто это такое? — спросилъ Саблинъ у камердинера.

На лицѣ у стараго почтеннаго человѣка, замкнутомъ и строгомъ, скользнула презрительная улыбка, но сейчасъ же оно стало обычно спокойнымъ и безстрастнымъ.

— Григорій Ефимычъ-съ... Лампадникъ царскій. Теперь пріема больше не будетъ. Его Императорское Величество заняты. Вашему высокоблагородію дожидаться

не къ чему... Можете идти... Коли что-нибудь нужно, я доложу-съ!

Продуманная горячая рѣчь улетучилась изъ головы Саблина. Блѣдное лицо съ длинной темной бородой стояло передъ нимъ, бѣлые глаза прожигали насквозь и онъ слышалъ сладострастныя слова: — «а болѣ того съ женою молодою сведи! Бѣлая!... Крупичатая!...»

Саблинъ пожалъ плечами и вышелъ изъ библіотеки. Жуткое предчувствіе чего-то неотвратимо тяжелаго охватило его душу и первый разъ серьезно заколебалась его любовь къ Царю...

XXXII

Государь принималъ у себя полки гвардіи и угощалъ ихъ въ дни полковыхъ праздниковъ со своего Царскаго стола. Одному изъ самыхъ близкихъ къ Царю полковъ пришла въ голову дерзкая мысль отплатить за это Государю, пригласить его въ свое полковое собраніе, угостить его на славу и показать ему то, чего онъ не могъ видѣть вслѣдствіе этикета — дать послушать цыганъ, разухабистый русскій хоръ изъ Крестовскаго, румынскій оркестръ Гулески, пѣвичекъ изъ виллы Роде. Задумали вывести Государя изъ сказочной царской обстановки дворца, царской охоты, парада, маневра, бала, пріема и поставить въ простую обстановку офицерскаго кутежа. Будутъ все свои, офицеры полка, любимаго Государемъ и гдѣ каждаго онъ зналъ. Мысль дерзкая... Но она явилась въ тѣ дни, когда Государь тяготился властью, когда искалъ онъ хотя минутнаго забвенія отъ становившейся все болѣе тяжелой обстановки дворцовой и семейной жизни. И Государь согласился.

За этимъ полкомъ пошелъ другой. Отказать было нельзя и вошло въ обычай у полковъ принимать у себя Государя. Эти пріемы стоили безумно дорого. Годовой окладъ жалованья младшаго офицера уходилъ въ одинъ день. Для многихъ офицеровъ болѣе скромныхъ полковъ такой пріемъ знаменовалъ семейную драму, отказъ

женѣ въ покупкѣ платья, башмаковъ, слезы и стоны. Но жаловаться и протестовать не могли. Слишкомъ велика была милость Царская и высоко счастье принять Государя у себя. Но незамѣтно Богъ спускался съ облаковъ и люди видѣли уже не Бога, а простого человѣка. И не всѣмъ было дано понять это. Духъ критики былъ прочно привитъ русскому обществу и, видя Государя въ своей семьѣ, находились дерзкіе, критиковавшіе его.

Но некому было сказать о томъ Государю. Онъ видѣлъ искреннее веселье, онъ забывался среди полковой молодежи, онъ отдыхалъ отъ тяжелаго нравственнаго страданья. Но Богъ пересталъ быть Богомъ и сплетня и клевета, передаваемая потихоньку и не могшая проникнуть во дворецъ, легко приходила въ казармы.

Полкъ, гдѣ служилъ Саблинъ, ожидалъ Государя. Онъ долженъ былъ пріѣхать въ семь часовъ вечера на обѣдъ въ собраніе.

Люди въ парадной формѣ были разставлены по лѣстницѣ, убранной растеніями и устланной краснымъ сукномъ. Полиція и агенты охраннаго отдѣленія были на улицѣ.

Собраніе, со спущенными шторами, горѣло огнями люстръ, канделябровъ и настѣнныхъ бра. Закусочный столъ ломился отъ тяжелыхъ блюдъ съ окороками, громадными осетровыми балыками и хрустальными вазами со свѣжей икрой. Офицеры были выстроены по чинамъ въ большомъ залѣ. Рядомъ съ бильярдной помѣщались трубачи. Дежурный офицеръ ожидалъ внизу на лѣстницѣ. Ровно въ семь часовъ показался на улицѣ большой автомобиль Государя, управляемый преданнымъ Государю офицеромъ. Автомобиль подошелъ къ собранію. Въ народѣ снимали шапки, жидко и нестройно кричали ура. Государь поднялся въ собраніе, гдѣ за руку поздоровался съ офицерами. По залу гремѣлъ полковой маршъ. Обойдя офицеровъ, Государь остановился у окна и закурилъ папиросу. Трубачи кончили играть и любопытною толпою тѣснились у дверей зала. Первый разъ они смотрѣли на Государя не изъ строя, а въ при-

вычной обстановкѣ офицерскаго собранія. Въ залѣ было тихо. Офицеры стѣснялись говорить и смущали Государя. Онъ смотрѣлъ на нихъ блестящими ласковыми глазами. Выручилъ Саблинъ, онъ подошелъ къ Государю и заговорилъ просто, о домашнемъ. Государь улыбнулся и сказалъ:

— Курите, Саблинъ... Курите, господа!...

Саблинъ закурилъ тонкую папиросу и, улыбаясь, сталъ разсказывать о своей зимней поѣздкѣ въ лагери и славномъ старикѣ-дворникѣ, охранявшемъ бараки.

— Такая чистота у него была, Ваше Императорское Величество, что просто удивительно для русскаго человѣка. На столѣ стоитъ ящикъ изъ-подъ сигаръ и на немъ бумага съ надписью: «а окурки и недокурки прошу бросать сюда, а не сорить по полу».

— Мѣткое названіе—недокурки, — сказалъ Государь.

— Очень, — отвѣтилъ Саблинъ. — Чудное названіе, удивительно мѣткое названіе!...

Государь посмотрѣлъ на него и улыбнулся, но сейчасъ же улыбка исчезла съ его лица и глаза приняли грустное выраженіе, послѣднее время не сходившее съ него. Подошелъ командиръ полка и сталъ просить къ столу.

За столомъ по правую руку отъ Государя сидѣлъ командиръ полка, по лѣвую князь Рѣпнинъ, Стёпочка, Гриценко и Саблинъ сидѣли напротивъ. Государь былъ задумчивъ. Онъ разсѣянно выпилъ большую рюмку рѣдчайшей мадеры и слушалъ не столько то, что говорилъ ему командиръ полка, сколько общій шумъ разговора и музыку трубачей. Играли мексиканскую пѣсню Палому и всѣ смотрѣли на Государя, какъ онъ? — Говорили: это любимая его пьеса. Служили быстро и внимательно. Для этого въ помощь солдатамъ, прислугѣ собранія, были приглашены лакеи изъ лучшаго петербургскаго ресторана. Толстый метръ д'отель, бритый и важный дирижировалъ ими. Вино пили умѣренно. Но корнеты, предводительствуемые Ротбекомъ, ко времени то-

стовъ успѣли раскраснѣться и сдѣлаться шумнѣе. Тосты были офиціальные и короткіе.

— За Державнаго Вождя Россійской Арміи, — покрытый бѣшенымъ ура и трижды повтореннымъ гимномъ, за полкъ и офицеровъ полка, покрытый звуками марша.

Послѣ обѣда пошли пить кофе въ маленькую уютную гостиную. Государь не садился. Онъ подозвалъ къ себѣ Саблина.

— Какъ ваша супруга? — сказалъ Государь. — Я давно ее не видалъ, но знаю, что она часто бываетъ у Императрицы.

— Такъ точно, Ваше Величество. Моя жена даже иногда ночуетъ въ Царскомъ, когда засидится съ Ея Величествомъ у Анны Александровны.

Лицо Государя стало грустнымъ, оно чуть дрогнуло, точно о чемъ-то непріятномъ напомнили ему.

Онъ помолчалъ немного и сказалъ Саблину:

— Скучно, Саблинъ... Я сказалъ «недокурки мѣткое слово». Вы сказали: «удивительно мѣткое». За столомъ играли Палому. Я имѣлъ неосторожность лѣтъ двадцать тому назадъ въ моемъ гусарскомъ полку сказать, что мнѣ эта пѣсня нравится. И съ тѣхъ поръ, куда бы ни пріѣхалъ, меня вездѣ угощаютъ Паломой... Иногда, Саблинъ, мнѣ вспоминается разговоръ Гамлета объ облакѣ... Вы помните?

— Какъ же, Ваше Императорское Величество. Но я, правда, тоже считаю, что недокурки мѣткое и новое слово.

— Вѣрю, вѣрю, Саблинъ. Я вамъ вѣрю. Но иногда — грустно.

Онъ подошелъ къ столу, поставилъ недопитую чашку и обратился къ командиру полка:

— Вы окончили формированіе пулеметной команды?

— Совершенно. Въ лагерѣ приступимъ къ обученію стрѣльбѣ.

— Я давно считалъ нужнымъ дать кавалеріи пулеметы, да все возились съ бюджетомъ. Я понимаю, что ассигновывать деньги на войну скучное дѣло.

— Ваше Величество, — сказалъ, подходя къ Государю Гриценко, — осмѣлюсь просить васъ въ залъ послушать кое-что изъ новаго репертуара.

— Вотъ не старѣется человѣкъ, — сказалъ Государь, беря за локоть Гриценко. — Вѣдь вы одних лѣтъ со мною?

— Старше на два года, Ваше Величество.

— А какимъ молодцомъ!

— Что вы, Ваше Величество, всѣ волосы потерялъ. Голова, какъ у ксендза.

Перешли въ залъ. Тамъ была устроена эстрада и передъ нею въ живописномъ безпорядкѣ стояли кресла, стулья и диваны. Государь сѣлъ въ кресло.

На эстраду выпорхнула русская шансонетная пѣвица. У ней были башмаки и голыя ноги, прикрытыя небольшой, какъ у танцовщицъ, юбочкой. Громадное декольте открывало ея грудь. Она запѣла новыя модныя пѣсенки:

Сначала модель отъ Пакэна,
Потомъ пышныхъ юбокъ волна,
Потомъ кружева, точно пѣна,
Потомъ и она!... Она!...

Государь слушалъ. Сзади корнеты громко фыркали и Ротбекъ подмигивалъ пѣвицѣ.

Въ дверяхъ толпились трубачи и пѣсенники.

Саблинъ всталъ и пошелъ изъ зала. Ему было тяжело. Ему казалось, что здѣсь, въ полку, происходитъ: — оскорбленіе Его Величества.

XXXIII

Въ бильярдной трубачи курили и пили пиво. На столѣ стояли бутылки, лежали исклеванные хлѣба и французскія булки. Кто сидѣлъ, кто стоялъ. Всѣ были спиною къ Саблину, никто не ожидалъ, что можетъ войти офицеръ и никто не обернулся.

— Смотрю я, братцы, какъ Государь закуривалъ, — говорилъ высокій смуглый трубачъ, игравшій на геликонѣ. — Ну, и совсѣмъ просто, какъ человѣкъ. Командиръ полка ему говоритъ что-то, а онъ смѣется. Чудно! Царь, а какъ простъ! Домой приду, въ деревнѣ разскажу, ну, повѣритъ развѣ кто?

— А французиньку какъ разглядывалъ. А она, ей-Богу, братцы, ноги голыя и безъ трика даже. Вотъ срамъ-то! — сказалъ волторнистъ.

— Убить ее, стерву, мало за это, — сказалъ геликонистъ. — Передъ Царемъ и такъ! О, Господи! что же это будетъ — ноги голыя! Срамъ. Да деревня не то, что не повѣритъ, а за одинъ разсказъ побьетъ.

Саблинъ отошелъ за портьеру и слушалъ. Его сердце билось. Слезы надвигались на глаза, хотѣлось плакать.

Баритонистъ, вольнонаемный изъ консерваторскихъ учениковъ, болѣзненный, желчный и раздражительный юноша, брыжжа слюнями, говорилъ въ толпѣ трубачей:

— Царица съ Григоріемъ, ну и Царю утѣшиться надо. Выбирай любую.

— На что офицеры Царя толкаютъ, хорошо развѣ? — сказалъ геликонистъ.

- Дуракъ!

— Отъ таковсго слышу. Зачѣмъ лаетесь, что вы, унтеръ-офицеръ, что ли?

— Я артистъ, а вы — тьфу... Бу-бу-бу! и больше ничего, — баритонистъ обернулся снова къ штабъ-трубачу и, понизивъ голосъ, заговорилъ: — я ее знаю, эту самую Мери-Кэтъ, какая она Мери-Кэтъ, она изъ чухонокъ, ну, простая дѣвка, только что задора много.

— Государю Императору нравится, — сказалъ, улыбаясь, ясный трубачъ.

— Еще бы. Распутинъ его научилъ толку.

— И отчего силу такую взялъ человѣкъ? — сказалъ трубачъ, — говорятъ, простой мужикъ.

— Здоровый... — сказалъ баритонистъ, и всѣ грубо засмѣялись.

У Саблина было намѣреніе ворваться къ нимъ и бить чѣмъ попало эту грубую толпу. Кіемъ, шарами, бутылками, увидѣть кровь на разбитыхъ лицахъ, увидѣть страхъ въ подлыхъ глазахъ. Но онъ сдержался. Ахъ! Да и чѣмъ они виноваты, что имъ, непосвященнымъ, показали божество? Было досадно, больно, обидно... Да вѣдь это пропаганда, идущая черезъ офицеровъ, черезъ тѣхъ, кто долженъ беречь и спасать Государя! Сегодня у насъ, вчера у стрѣлковъ, на прошлой недѣлѣ у Преображенцевъ, тамъ раньше у гусаръ. Трубачи, прислуга собранія, пѣсенники. Что понимаютъ они во всемъ этомъ? Видятъ развратныхъ дѣвокъ съ голыми ногами, видятъ циничныя танго и кэкъ-уокъ, слышатъ раздражающую музыку румынъ и слова непотребныхъ пѣсенъ и среди всего этого Царя!

Царь — это Богъ! Ну, можно ли передъ алтаремъ протанцовать или пропѣть шансонетку?

Саблинъ вспомнилъ, какъ въ дни революціи 1905 года въ Казанскій Соборъ во время молебна ворвалась толпа молодежи въ шапкахъ и одинъ при смѣхѣ товарищей закурилъ папиросу о пламя лампадки.

А это не то же? Но тамъ были соціалисты, враги Бога и Царя, а здѣсь — мы! мы!

Ужасъ охватилъ Саблина, онъ схватился руками за голову и, шатаясь, вышелъ изъ собранія. Когда въ передней онъ надѣвалъ пальто, изъ зала слышался несдержанный смѣхъ и задорное тріо пѣло по-французски слишкомъ шаловливую пѣсню.

Бѣлая весенняя ночь была на улицѣ. У подъѣзда собранія стоялъ автомобиль. Толстый офицеръ сидѣлъ на мѣстѣ шофера и, не шевелясь, печальными глазами смотрѣлъ вдаль. Саблинъ подошелъ къ нему и пожалъ ему руку. Офицеръ посмотрѣлъ и вдругъ увидалъ слезы на глазахъ у Саблина. Онъ приподнялся на своемъ мѣстѣ, горячо обнялъ Саблина и поцѣловалъ. Они поняли другъ друга. Оба страдали ужасно.

XXXIV

Весною Рѣпнинъ принялъ полкъ, Саблинъ на Пасху былъ произведенъ въ полковники. Степочка получилъ армейскій полкъ, Ротбекъ второй эскадронъ, Мацневъ вышелъ въ отставку.

Саблинъ завѣдывалъ хозяйствомъ. «Творчество, творчество», — думалъ онъ, и сталъ высчитывать, что нужно сдѣлать. Онъ не переѣзжалъ въ лагерь и жилъ на два дома. Вѣра Константиновна должна была уѣхать съ дѣтьми въ имѣніе, но откладывала свой отъѣздъ со дня на день. Она зачастила въ Царское Село, гдѣ стала постоянной гостьей у Вырубовой. Сынъ былъ въ лагерѣ въ корпусѣ, дочь кончала институтъ. Этотъ домашній распорядокъ сильно не нравился Саблину, но онъ былъ слишкомъ занятъ полковыми дѣлами, чтобы вмѣшиваться въ него. У него шла борьба съ командиромъ полка.

Въ началѣ лѣта Саблинъ получилъ письмо отъ казачьяго полковника Павла Николаевича Карпова, командовавшаго полкомъ на австрійской границѣ. Съ Карповымъ онъ познакомился на охранѣ во время безпорядковъ въ N—ской губерніи. Послѣ они ни разу не видались. Карповъ не принадлежалъ къ тому кругу, гдѣ вращался Саблинъ. Онъ былъ хорошей старой фамиліи, имѣлъ гербъ съ пушками, но не служилъ въ гвардіи. На охранѣ ихъ связала общая любовь къ Родинѣ и къ Государю. Они разошлись и изрѣдка переписывались. Карповъ посылалъ Саблину письма ко дню имянинъ, къ новому году, къ Пасхѣ. Письма были короткія, безличныя. Писать было нечего. Это было первое длинное письмо, написанное изъ Заболотья Карповымъ:

«...Думаете ли вы о войнѣ?» — писалъ Карповъ. — «Мои всѣ мысли о ней. Учу полкъ, готовлю къ страшному бою. Не хочется повторить позора Японской войны. Тогда — *мы не знали* — теперь этого оправданія у насъ не можетъ быть. Мы знаемъ. Только слѣпой можетъ не видѣть того, что Англія и Германія не могутъ не подраться. Если Англія теперь не уничтожитъ Герма-

нію, она погибнетъ сама. Здѣсь, на границѣ, я чувствую біеніе военнаго пульса. Германія хочетъ войны, она упустила случай въ 1911 году, когда у насъ не было ни пулеметовъ, ни тяжелыхъ пушекъ, когда Франція не провела своей программы и не увеличила кавалеріи. Германія справилась бы. Теперь поздно. Мы побѣдимъ. Вы спросите меня, при чемъ тутъ Россія и Франція, когда борьба идетъ между Англіей и Германіей, но такова всегдашняя политика коварнаго Альбіона, онъ умѣетъ другихъ заставить вынимать каштаны изъ огня. У меня вся надежда на Государя Императора и на его миролюбіе, ибо хочу войны, но и боюсь войны. Тревожитъ меня то, что крупные здѣшніе евреи хотятъ войны. Значитъ она имъ выгодна. А если она выгодна жидамъ, то не выгодна Россіи. Готовьтесь и вы, Александръ Николаевичъ, потому что настроеніе умовъ послѣ 1905 года таково, что гвардіи придется идти.

«А, можетъ быть, ничего и не будетъ. Вотъ, приходили ко мнѣ мои подрядчики Мандельтортъ и Рабиновичъ заключать контрактъ. Говорятъ, что еврейскій кагалъ рѣшилъ не допустить до войны. Мы здѣсь вѣримъ во всемогущество еврейства, да проститъ насъ Господь Богъ... А я сына этимъ годомъ въ училище сдалъ. Славный мальчикъ, на три года старше вашего и учится отлично. Ежели будете въ училищѣ, посмотрите: и собой красавецъ, и добрый казакъ. Обласкайте его. Онъ гордиться этимъ будетъ...»

Саблинъ задумался. Да, громы гремѣли, но не вѣрилось въ возможность міровой войны. Однако, переглядѣлъ цейхгаузы и просмотрѣлъ неприкосновенные запасы. Теплыхъ шапокъ не было, не было полушубковъ, подковы не были подогнаны, офицерскихъ вьюковъ не было, обозъ былъ не въ порядкѣ, прокатка его никогда не производилась, привыкли пользоваться обывательскими подводами. Лазаретныя линейки были тяжелаго старомоднаго фасона. Рѣпнинъ настаивалъ на обновленіи кирасъ и касокъ, супервесты моль поѣла. Саблинъ требовалъ покупки лазаретныхъ линеекъ, обновленія обоза.

постройки полушубковъ, заведенія офицерскихъ вьюковъ, пересмотра мобилизаціи.

Шли жаркіе споры. Саблинъ совѣщался съ подрядчиками, ѣздилъ въ Финляндію заказывать двуколки, посылалъ въ Козловъ за обозными лошадьми. Творчество захватило его. Черныя мысли о народѣ, о Царѣ, о Думѣ, о сынѣ Викторѣ ушли далеко. Онъ дѣлалъ расчеты и рѣшилъ не задаваться многимъ, но дѣлать свое маленькое дѣло по крайнему разумѣнію и съ полнымъ усердіемъ.

Онъ третій день жилъ на городской, по-лѣтнему прибранной квартирѣ. Вѣра Константиновна пріѣзжала и уѣзжала. Она показалась ему страшной. У ней блестѣли глаза, она нервно смѣялась, куталась въ оренбургскій платокъ, ее лихорадило.

— Ты больна, Вѣра?

— Нѣтъ, а что? — тревожно спросила она. — Ты замѣтилъ что-нибудь?

— Ты какъ будто не въ себѣ.

Она истерично засмѣялась.

— Я во власти демона, Александг'ъ, — сказала она, надѣла пальто и ушла съ квартиры. Она вернулась ночью. Саблинъ занимался съ дѣлопроизводителемъ въ кабинетѣ.

— Ты занятъ? — сказала она.

Ея лицо горѣло.

Саблинъ вышелъ къ ней.

— Спаси меня... — сказала она. — Молись за меня. Я не могу молиться.

— Вѣра, что съ тобой?

— Ахъ, ничего... Ничего... Господь можетъ быть и помилуетъ меня.

— Вѣра, не хорошо, что ты бываешь въ этомъ кружкѣ, вѣра хороша, но слѣпой мистицизмъ это уже не вѣра!

— Пг'ости, Александг'ъ, и если услышишь что — пг'ости. Я устала. Ты ског'о кончишь? Я спать пойду.

Она перекрестила его и ушла.

Саблинъ, кончивъ занятія съ дѣлопроизводителемъ, прошелъ въ спальню жены. Вѣра Константиновна спала. Ея лицо было блѣдно. Темные круги окружали глаза. Во снѣ она металась. Иногда сурово сжимались брови и тяжелый вздохъ вырывался изъ ея груди.

XXXV

Цвѣла сирень. Петербургъ пустѣлъ, разъѣзжался по дачамъ. Саблинъ пріѣхалъ изъ лагеря подъ вечеръ. Вечеромъ у него было совѣщаніе съ подрядчиками. Когда онъ вернулся съ него на квартиру въ одиннадцатомъ часу, жены его не было дома. Она уѣхала въ Царское. Саблинъ сѣлъ заниматься въ кабинетѣ. Шли часы. Вѣра Константиновна не возвращалась. Наконецъ, въ третьемъ часу ночи она пріѣхала на автомобилѣ. Не заглядывая въ кабинетъ, она прошла въ спальню и тамъ заперлась. Саблинъ рѣшилъ серьезно поговорить съ нею. Онъ не допускалъ и мысли о томъ, чтобы жена ея могла полюбить кого-нибудь и измѣнить ему. Но поведеніе ея было странно. Онъ постучалъ въ спальню.

—Сейчасъ, — сказала Вѣра Константиновна глухимъ голосомъ.

Онъ вошелъ.

Она, уже раздѣтая, сидѣла съ растрепанными волосами у зеркала. При его входѣ она встала и заломила руки. Прекрасные синіе глаза выражали нечеловѣческую муку.

Саблинъ сѣлъ въ кресло и хотѣлъ посадить ее къ себѣ на колѣни, но она увернулась отъ него, надѣла темный капотъ, сѣла въ уголъ и стала поспѣшно причесывать волосы.

— Вѣра, милая, дорогая моя, — тихимъ ласковымъ голосомъ началъ Саблинъ, — я уже давно вижу, что съ тобою что-то творится. Откройся мнѣ... Ну, если полюбила кого, скажи мнѣ. Ну, что же... Бываетъ это... Обсудимъ вмѣстѣ, что дѣлать.

— Я никого кг'омѣ тебя не любила и не люблю. — глухо сказала Вѣра Константиновна.

— Такъ что же съ тобою? Какой демонъ овладѣлъ тобою?

Вѣра Константиновна вздрогнула и пугливо взглянула на Саблина.

— Александг'ъ, — сказала она печально.—Если можешь, оставь меня одну... Я стг'адаю... Можетъ быть, завтг'а я все тебѣ скажу...

— Хорошо, — сказалъ Саблинъ. — Да хранитъ тебя Господь! До завтра, моя дорогая. И что бы ни было, откройся мнѣ. Я все снесу, только бы ты снова стала счастлива.

Но завтра она ничего не сказала. Она притворялась веселой, сказала, что все пустяки и когда нужно, она все скажетъ. Она потребовала, чтобы онъ выписалъ дѣтей, взяла Таню изъ института, Коля сталъ ѣздить изъ лагеря. Временами Саблину казалось, что она стала прежняя. Но проходили дни, онъ снова видѣлъ устремленные въ одну точку глаза, она не слышала того, что онъ ей говорилъ и вздрагивала, когда онъ ее окликалъ. У ней были свои думы, свое горе и она не считала нужнымъ подѣлиться съ нимъ.

Былъ іюльскій вечеръ. Она вошла къ Саблину, только что пріѣхавшему изъ лагеря и сказала:

— Александг'ъ, я вижу, что ты нестег'пимо стг'адаешь. Готовься къ худшему. Молись. Молись, мой дог'огой мальчикъ и спаси дѣтей... Завтг'а ты все узнаешь.

Она долго крестила его и смотрѣла ему въ глаза затуманенными слезами глазами и была она, какъ безумная. Пустые глаза смотрѣли на него. Не свѣтилась изъ нихъ ея чистая, ясная душа. Онъ рванулся къ ней — она отстранилась отъ него. «Завтг'а», — сказала она ему и пошла къ дѣтямъ.

Саблинъ не спалъ эту ночь. Нѣсколько разъ онъ тихонько подходилъ къ спальнѣ жены и прислушивался къ тому, что тамъ дѣлается. Но тамъ было тихо. «Вѣрно спитъ», — думалъ онъ; — «спи, спи, моя дорогая и

знай, что бы ни было, я прощу тебя». Мучительныя думы тѣснились у него въ головѣ. Почему-то Саблинъ вспомнилъ, что застрѣлившійся за годъ до ихъ свадьбы баронъ Корфъ былъ двоюроднымъ братомъ Вѣры. «Самоубійство наслѣдственно. Это болѣзнь... А что, если Вѣра больна?... Если ее нужно везти къ психіатру? Но почему? Такъ... вдругъ... какъ тогда баронъ Корфъ? Какая причина? А что, если она узнала всю исторію Любовина и Маруси? Что, если Любовинъ, чтобы отомстить, написалъ письмо, приложилъ его письма къ Марусѣ и она все знаетъ про Виктора!» Холодный потъ проступилъ у него на лбу. «Какая мука!» — подумалъ онъ. — «Никуда не уйдешь отъ мести, никуда не уйдешь отъ наказанія Божьяго!»

Предчувствія томили. Въ квартирѣ было тихо. Теплая влажная ночь стояла надъ городомъ. Съ Невы доносились свистки и гудки. Гдѣ-то ревѣлъ фабричный гудокъ.

Къ утреннему чаю Вѣра Константиновна не вышла. Дѣти безпокоились.

— Папа, пойди къ мамѣ, — сказала Таня. — Мама странная, больная. Вчера она такъ долго насъ крестила, какъ никогда, точно навѣки съ нами прощалась. Пойди, пойди къ мамѣ, у ней что-то есть на душѣ.

Саблинъ пошелъ. Онъ постучалъ у двери — никакого отвѣта. Прислушался — тихо. Холодомъ смерти вѣяло отъ запертой двери. Онъ нажалъ на ручку — дверь была заперта. Тревога дѣтей увеличивалась.

— Папа, не случилось ли что?! — настойчиво повторяла Таня. — Мама вчера была не своя.

Послали за слесаремъ, открыли тяжелую дверь. Вѣра Константиновна, одѣтая въ лучшее платье, со тщательно убранными волосами, лежала съ посинѣвшимъ лицомъ поперекъ кровати. Она была мертва. Она отравилась. На ночномъ столикѣ стоялъ пузырекъ съ ядомъ и подъ нимъ обычная записка: — «въ смерти моей никого не винить». Подлѣ большой запечатанный пакетъ съ над-

писью: — «Моему мужу, Александру. Прочесть послѣ похоронъ».

Долго стояли всѣ трое, Саблинъ и дѣти, у постели и, молча, глядѣли на омертвѣвшія дорогія черты. Рыданія Коли и Тани пробудили Саблина, онъ нагнулся, уложилъ дорогой прахъ вдоль постели, покрылъ поцѣлуями холодное лицо и вышелъ, уводя дѣтей.

XXXVI

Вѣру Константиновну похоронили. Бабушка увезла дѣтей изъ Петербурга. Саблинъ вернулся около семи часовъ вечера съ кладбища на пустую квартиру. Въ ней пахло елками, живыми цвѣтами и тѣмъ особымъ неуловимымъ запахомъ лакированнаго дерева, глазета и куреній, смѣшаннаго съ терпкимъ запахомъ формалина, что говоритъ о покойникѣ. Зеркала были завѣшены плотной кисеей и стояли, какъ бѣлыя привидѣнія, сумрачныя и печальныя. Мебель была въ чехлахъ, картины закрыты. Печальное эхо отдавало шаги по гостиной и коридору.

Саблинъ пошелъ въ кабинетъ. Всѣ картины и большой портретъ Вѣры Константиновны въ уборѣ невѣсты были закрыты. На письменномъ столѣ все было убрано. Саблинъ собирался уѣхать совсѣмъ въ лагерь. Онъ снялъ кисею съ портрета Вѣры Константиновны и долго смотрѣлъ на него, освѣтивъ его лампами. Она стояла передъ нимъ во весь ростъ, какъ живая. Невинные голубые глаза смотрѣли изъ темныхъ рѣсницъ и пухлыя губы точно хотѣли что-то сказать.

Задвинувъ портьеры оконъ, Саблинъ усѣлся въ креслѣ, зажегъ небольшую лампу и сѣлъ такъ, чтобы портретъ ему былъ виденъ. Ему хотѣлось призрака. Онъ не только не испугался бы, если бы Вѣра явилась передъ нимъ, но онъ обрадовался бы ей. Теперь, вскрывая пакетъ съ ея посмертнымъ посланіемъ, онъ чувствовалъ, какъ горячо и глубоко онъ ее всегда любилъ. Сем-

надцать лѣтъ прожили они вмѣстѣ душа въ душу, онъ ни разу не измѣнилъ ей, онъ ее ни разу не оскорбилъ и она была вѣрна ему.

— Правда, Вѣра? — сказалъ онъ, и взглянулъ на портретъ.

Юное лицо улыбалось съ холста. Свѣтъ отъ лампы круглымъ бликомъ ложился на краски и отсвѣчивалъ и было видно, что это не живое лицо, а картина. Саблинъ погасилъ лампу. Такъ было лучше. Изъ мрака кабинета, она въ бѣломъ платьѣ выступала полная тайны. Вечернія тѣни играли на ея лицѣ и оно казалось живымъ.

Саблинъ разорвалъ конвертъ и нѣсколько мелко исписанныхъ листковъ выпали изъ него на столъ. Онъ подобралъ ихъ по числамъ и сталъ читать.

«Простишь ли?... Знаю, что нѣтъ... А все надѣюсь... Уже больно жизнь хороша, уже слишкомъ я люблю тебя и дѣтей и тяжело уходить изъ нея... Скрыть все, забыть, что это было и лгать, лгать тебѣ и дѣтямъ всю жизнь, чтобы ты не зналъ ничего. Пробую и чувствую, что не могу лгать. Думала разсказать тебѣ все, чтобы ты понялъ и простилъ. (И не поймешь и не простишь... А, если и простишь, то-есть, скажешь, что простилъ, — то въ душѣ будешь всегда это помнить. Не попрекнешь, словами не выдашь, а все буду видѣть, что я прощена, но то, что было, не забыто... А впрочемъ, что прощать?

Что же было? Боюсь, что и теперь не сумѣю всего разсказать, не посмѣю сказать главнаго. Уже слишкомъ оно необычно и... грязно.

Ты вѣришь въ демоновъ?... Я не вѣрила раньше... Теперь вѣрую... Потому что это была бѣсовская сила,— не иначе.

Попробую разсказать все по порядку, но не знаю, сумѣю ли?»

«...мая. Я попала, Александръ, въ дурное общество... Смѣю ли я сказать: — дурное?... Оно наше — это общество. Все — княгини и графини, близкія ко Двору дамы свѣта, и такъ просто и естественно, что я въ немъ вращалась. Сначала шуточками, потомъ намеками и, наконецъ, сегодня мнѣ прямо сказали, что онъ хочетъ со мною познакомиться. Я вспылила. Я сказала, что не имѣю ни малѣйшаго желанія его видѣть, что это грязный мужикъ и что я удивляюсь, что его допускаютъ во дворецъ.

А. А. очень огорчилась. Она заплакала и сказала, что, если бы я знала правду, если бы я знала, что онъ для А. Ѳ. и вообще для всей семьи, я бы никогда этого не сказала.

— Онъ святой человѣкъ, — говорила она. — На немъ почіетъ Божія благодать. И все то, что про него болтаютъ — сплетни и клевета тѣхъ, кто его ненавидятъ за то, что часто Богъ говоритъ его устами. Все, что онъ говорилъ, всѣ совѣты, какіе онъ давалъ — все было разумно.

Я смягчилась.

— Но мнѣ какое дѣло до всего этого? — сказала я. — Онъ мнѣ не нуженъ и я его не желаю видѣть.

— Но онъ хочетъ васъ видѣть, — сказала А. А. — И, если бы вы знали, что онъ для А. Ѳ., вы никогда и ни въ чемъ ему не отказали бы».

«...мая. Я нашла случай и спросила А. Ѳ. Она очень смутилась. Ея лицо покрылось пятнами, что всегда бывало признакомъ ея большого волненія.

— Это такое больное для меня мѣсто, — сказала она. — Только онъ можетъ утишить страданія моего сына. Онъ творитъ чудеса... Развѣ можетъ скверный человѣкъ дѣлать святое дѣло?... Да, онъ изъ народа. Онъ не такой, какъ мы. И, можетъ быть, потому онъ ближе къ Богу.

Я заговорила о его дурной славѣ.

А. Ѳ. раздражилась.

— Это ужасно, — сказала она. — Я это давно слышу. Насъ не могутъ оставить въ покоѣ. Даже родственники вмѣшиваются въ это дѣло и пишутъ письма, чтобы его убрали... Я знаю... Можетъ быть, и нужно его убрать... Его и убирали... Но какъ удалить его, когда тогда заболѣваетъ мой сынъ?... Всѣмъ, всѣмъ есть до насъ дѣло... Онъ никогда ни во что не мѣшается и, если онъ что говоритъ, то говоритъ то, что думаетъ народъ.

Я не смѣла больше настаивать.

...м а я. — Я слишкомъ много о немъ думаю. Совсѣмъ помимо моей воли.»

«...і ю н я. — Ты пріѣзжалъ изъ лагеря утромъ. Я еще была въ постели... Какой ты милый!... Мы поѣхали завтракать на острова. Еще цвѣла сирень. Подъ балкономъ плавно текла Нева и откуда-то съ того берега доносилась музыка. Кто-то игралъ на рояли... Ты помнишь?... Мнѣ жизнь казалась такой прекрасной и мое счастье такимъ полнымъ, такимъ незаслуженно большимъ, что — думала я — оно должно оборваться.

И оно оборвалось.

Какъ странно, страшно и какъ мерзко!»

«А. А. прикатила ко мнѣ въ закрытой машинѣ.

— Поѣдемъ! О н ъ тебя ждетъ.

Это было такъ неожиданно.

— Да чего ты боишься? — сказала она. — Насъ будетъ много. Всѣ свои. Что можетъ съ тобою случиться?

Я такъ была полна счастьемъ быть съ тобою, міръ

казался мнѣ такимъ прекраснымъ, что я не могла отказать А. А. Все мнѣ казалось милымъ приключеніемъ.

Ну, мужикъ... Чай съ мужикомъ!.. Что же тутъ такого? Разскажу тебѣ, и послѣ вмѣстѣ посмѣемся.

И, точно какая-то сила меня толкнула идти за А. А... Да уже и вечеръ наступалъ такой прекрасный. Тихо гудѣлъ Петербургъ. И вездѣ была сирень. На улицахъ продавали большіе букеты. Ея ароматныя гроздья свѣшивались изъ садовъ и скверовъ. Сиреневый былъ день.

Смѣясь и шутя, я поѣхала.

Представь себѣ: небольшая, въ одно окно, длинная и не скажу, чтобы опрятная, комната. Въ ней былъ какой-то особый запахъ, не то чтобы скверный, но и не пріятный. Въ ней столъ подъ скатертью, и на столѣ сладкіе пироги, конфеты, пирожныя, вино... Въ углу самоваръ. И шумъ женскихъ голосовъ.

Да... все свои... знать... аристократія...

Дурное общество?»

«Я сразу, какъ вошла, вздрогнула. Точно какой-то токъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ. И уже я не могла оторвать отъ него своихъ глазъ. Онъ показался мнѣ ужаснымъ. Безцвѣтные, точно безъ зрачковъ глаза тянули, какъ омутъ. Я едва различала простое некрасивое лицо съ прямымъ и длиннымъ носомъ. Онъ былъ въ блѣдно-фіолетовой рубашкѣ до колѣнъ, въ черныхъ штанахъ и, мнѣ показалось, въ туфляхъ на босу ногу.

Если бы во главѣ стола сидѣлъ Сатана съ хвостомъ и рогами — я бы меньше смутилась. Я какъ-то всѣмъ существомъ своимъ почувствовала, что я исполню все, что онъ мнѣ прикажетъ, и что онъ можетъ, Богъ знаетъ, что потребовать.

И была быстрая, какъ молнія, мысль: — бѣжать.

Но... это несчастье: — приличіе... свѣтъ... «что подумаютъ»... «что будутъ говорить»...

И — съ трепетомъ въ душѣ, съ сердцемъ, дрожащимъ, какъ осиновый листъ, я пожимала руки, я слушала слова привѣта, цѣловалась съ толстой княгиней О., что-то говорила маленькой княжнѣ Б... Да, все: — свои. Нечего было бояться. Но я чувствовала, что и она, всѣ, какъ бы не въ себѣ. Онѣ обмѣнивались громкими фразами. Л. въ углу разливала чай. И все было точно во снѣ.

«Это былъ настоящій кошмаръ.

Онъ уже былъ подлѣ меня. Онъ гладилъ своей горячей рукой мою руку, и точно какой-то токъ входилъ въ меня и я уже ничего не видѣла, кромѣ этихъ бѣлесыхъ, горящихъ тайнымъ огнемъ, глазъ.

Передо мной былъ чай. Я замѣтила, что все, что было на столѣ, было отборное, очень дорогое, въ лучшихъ магазинахъ купленное. И эта комната съ темными, грязными обоями и запахъ, — не то мужицкій, не то мѣщанскій, что не могли вытѣснить духи дамъ, такъ не гармонировали одно съ другимъ.

Кто, что говорилъ — не слышала.

Повторяю — кошмаръ.

Видѣла, или мнѣ показалось только, что я это видѣла, — онъ подозвалъ маленькую Л., и та послушно подошла къ нему, раскрыла ротъ, и онъ положилъ ей въ ротъ конфету.

— Вотъ, — какъ во снѣ, слышала я: — Марья меня любитъ... Хочешь, Марья, со мной въ баньку? Ноги мнѣ мыть будешь?... Мужику — графиня... Гордость уничтожать... Плоть умерщвлять... Святое дѣло...

И, обращаясь ко мнѣ:

— Ты Богу потрудись... Ты не чванься... Я вижу...

Онъ точно вонзилъ въ мои глаза свои бѣлесыя звѣзды, и я почувствовала себя потерянной.»

Гипнозъ?... Нѣтъ... Въ гипнозѣ спятъ. И то, что было въ гипнозѣ — того не помнятъ... Я помню все, до страшныхъ, противныхъ мелочей...

Александръ! Развѣ это измѣна тебѣ?... Это насиліе... Это убійство... Это непередаваемый ужасъ и мерзость...

Меня и сейчасъ тошнитъ, когда я вспоминаю объ этомъ.

«Я пріѣхала — точно разбитая и хотѣла сейчасъ же все разсказать тебѣ. Ты былъ занятъ, у тебя были посторонніе люди.

Да и что сказать?

Это убило бы тебя... Убить его?

Но, если онъ демонъ? — его не убьешь... А, если онъ нуженъ А. Ѳ., чтобы не болѣлъ ея сынъ?

Жертва?

Ужасъ... Боже мой! Боже мой!»

«...іюня. — «Научи мя оправданіемъ Твоимъ!»

«...іюля. — Молюсь... Молюсь... И не нахожу покоя. Передъ тобою молчать?... Тебѣ лгать!... «Окропиши мя ѵссопомъ и паче снѣга убѣлюся!...» Окропи!... Обѣли!.. Окропи!.. Спаси!..»

«...іюля. — Сегодня былъ разговоръ. Тамъ вѣрятъ, что если онъ погибнетъ — погибнетъ весь ихъ родъ. Погибнетъ Россія!...

Это онъ внушилъ имъ.

Возможно...

Но тогда остается уйти самой?? Потому что жить и обманывать тебя не могу. Живую ты меня не простишь. Можетъ быть, простишь мертвую.»

..іюля. — Ты былъ у меня... Ты былъ ласковъ, какъ всегда. Ты меня называлъ святой, чистой, своимъ вѣрнымъ другомъ. Ты говорилъ о Колѣ и о Танѣ...

Мое сердце все разодрано. Я не могу принимать твои ласки.

. . . .

Я твердо рѣшила умереть.»

«...іюля. — Жить!... Жить во что бы то ни стало! Быть твоею рабою! — но жить... Побей меня, изувѣчь, но скажи, что ты простилъ... Какъ это просто у мужиковъ!

Хочешь?... Уйду въ монастырь?...

Но, только, чтобы было мнѣ это солнце, трава, живительный теплый воздухъ.

Поѣхала на острова... Прощалась съ ними... Какъ были они прелестны. Отъ Невы шла тихая свѣжесть и липы благоухали. Въ коляскѣ пахло лошадью и дегтемъ и все это вмѣстѣ говорило мнѣ о жизни, о счастьи, о радости.

Я вернулась.

Дѣти пріѣхали... Ты... Было такое полное, яркое счастье... Не могу.»

«Я не имѣю права на счастье.

Долгъ!

Помнишь, въ началѣ Японской войны мы говорили о долгѣ?

И у меня есть долгъ: — твоей жены и матери моихъ дѣтей.

То, что было, искупается только кровью... Моей, или его.

Его — нельзя... Ты понимаешь — почему.

Значитъ — я... Мой долгъ...

«Сейчасъ ночь. У меня все готово... Давно готово. Тогда, когда рѣшилась на это. Мои послѣднія слова:

Знай: — я тебѣ не измѣнила!

Насъ разсудитъ Богъ... Прости меня, мертвую, въ моемъ страшномъ страданіи... Живую не простишь.

Христосъ съ тобою!... Будь счастливъ!

Прости!»

XXXVII

Саблинъ долго смотрѣлъ на этотъ послѣдній листокъ, написанный порывистымъ, неровнымъ почеркомъ.

Какія нечеловѣческія муки пережила его бѣдная Вѣра прежде, чѣмъ рѣшиться на свой страшный шагъ въ неизвѣстность могилы. Какая мимолетная случайность, какой пустякъ приводитъ къ такимъ роковымъ послѣдствіямъ.

Пустякъ!...

Со всею силою мужчины почувствовалъ мучительную, разъѣдающую сердце боль отъ сознанія того непоправимо ужаснаго, что было. Сжалъ пальцы въ кулаки. Лицо исказилось тоскою и злобою. Саблинъ поднялъ глаза. Изъ полумрака — тихо убывала лѣтняя ночь и сверху въ щель, между портьеръ, проходилъ бѣлесый мутный свѣтъ — чуть выдвигалось лицо Вѣры Константиновны на ея портретѣ.

Грустной казалась улыбка на немъ. Точно спрашивала она съ портрета:

— Простилъ?

«Что я могу прощать?»—тяжело подумалъ Саблинъ. — «Развѣ ты, Вѣра, виновата?»

И стиснулъ руками вдругъ начавшіе сѣдѣть въ эти дни виски.

Вотъ когда вспомнилъ съ полною четкостью ночной разговоръ въ собраніи Мацнева, Гриценко и Киселева послѣ самоубійства Корфа... А вѣдь она тоже изъ рода Корфовъ... Говорятъ, самоубійство наслѣдственно... какъ гемофилія.

И только пришло это странное, чуждое и, будто, страшное медицинское слово на умъ, какъ съ поразительною ясностью стали работать мозги.

Когда Саблинъ увидалъ во Дворцѣ этого страннаго человѣка въ длинной рубашкѣ, съ загадочными глазами, обратившагося къ нему со словами, разгадка которыхъ лежала теперь передъ нимъ въ дневникѣ его покойной жены, онъ сталъ доискиваться о причинахъ такой приближенности его къ Царской Семьѣ.

Честный и преданный Государю офицеръ, Саблинъ не повѣрилъ гнуснымъ сплетнямъ, что мутными волнами ходили по городу и захлестывали Императорскій Дворецъ. Онъ спросилъ тѣхъ, кто зналъ все, что происходитъ при Дворѣ и кто такъ же горячо и вѣрно любилъ Государя, какъ любилъ его и онъ.

Тогда услышалъ это слово: — гемофилія.

Наслѣдникъ страдалъ этою болѣзнью. Малѣйшій ушибъ, царапина кровоточили и кровь нельзя было остановить. Кроткій мальчикъ страдалъ чрезвычайно, онъ слабѣлъ и таялъ на глазахъ родителей. Врачи были безсильны ему помочь. Медицина отказывалась передъ этимъ рѣдкимъ и мало изученнымъ явленіемъ.

И тогда явился онъ. Этотъ странный сибирскій мужикъ. Онъ приходилъ, смотрѣлъ на кровоточащую рану, бормоталъ несвязныя молитвенныя слова, гладилъ Наслѣдника по головѣ и кровь останавливалась, зажи-

вала рана и веселѣлъ Наслѣдникъ. Кто онъ былъ: — гипнотизеръ, знахарь, колдунъ, святой, или грѣшникъ, все равно, — онъ творилъ чудеса. Онъ, простой мужикъ, былъ сильнѣе ученыхъ профессоровъ, съ нимъ шла великая мудрость народная и нѣчто отъ Бога.

Онъ явился несчастной Императрицѣ, какъ откровеніе, какъ спаситель ея сына. Она не хотѣла слышать ничего, что про него говорили. Въ немъ нашла она, наконецъ, «святого», посланнаго ей Богомъ, и съ нимъ она совѣтовалась, ему она вѣрила... Какъ было не вѣрить: — чудо было налицо!

Не ея была вина, что злые люди, — увы, люди изъ интеллигенціи, изъ общества, изъ служилыхъ людей, использовали этого мужика, какъ орудіе своихъ интригъ, дали ему возможность утопать въ грязи и распутствѣ.

Эта грязь и распутство не доходили до Дворца. Къ чистому грязь не приставала — но эта грязь мутила свѣтлыя чувства людей, любившихъ Государя.

«Убить! убить этого демона!» — шепталъ Саблинъ. И вспоминалъ его предсказаніе: — «Я умру — и всѣ Романовы умрутъ... и погибнетъ Россія».

Была какая-то мистическая сила въ этомъ предсказаніи. Вѣрили ему Императоръ и Императрица.

«Убью... А какъ же Наслѣдникъ?...»

Страшная высокая каменная стѣна точно замыкалась вокругъ Саблина и уже не было выхода.

«Да... убить нельзя... Надо молчать! Надо въ себѣ, никому не открываясь, носить эту страшную тайну смерти его безконечно несчастной Вѣры! Никто, никогда не узнаетъ его тайны. Онъ унесетъ ее съ собою въ могилу.»

Да... Наступилъ часъ, когда самоубійство было оправдано, когда не было другого выхода. Ибо всѣ оскорбленія, всѣ ужасы, сыпавшіеся на Саблина, были извѣстны только ему. Онъ одинъ, внутри себя, долженъ былъ ихъ выпапивать.

Все теперь, въ эту безсонную тихую ночь, встало передъ нимъ. Оскорбленіе Любовина... «Сволочь, мерзавецъ», — заставлявшіе и сейчасъ кровь приливать къ

вискамъ, остались не смытыми. Смерть Маруси — и этотъ маленькій красный паучокъ, сучащій ручками и ножками на грудѣ тряпья въ креслѣ — это такія минуты!... Какъ ихъ забыть?!... Она просила его взять и воспитать его сына. Онъ не взялъ и не воспиталъ... Онъ не могъ взять... и вотъ воспитали... Сынъ Викторъ, его и Маруси сынъ, не знающій Бога атеистъ, холодный, жестокій звѣренышъ, воспитанный соціалистомъ Коржиковымъ. Что же онъ дѣлаетъ, чтобы спасти его?... Ничего... Онъ молчитъ. Какъ тогда, въ ту страшную ночь на фабрикѣ, девять лѣтъ тому назадъ, призраки самоубійцъ обступили его. Теперь среди нихъ была его прекрасная Вѣра!

Замыкалась высокая каменная стѣна и вотъ — замкнулась.

Какъ броситъ онъ всему обществу упрекъ въ потерѣ своей жены, позоръ, который онъ не можетъ смыть кровью, потому что не можетъ пожертвовать для этого здоровьемъ Наслѣдника, спокойствіемъ Императрицы, династіей... Россіей?!..

Молчать и носить въ себѣ, какъ носитъ въ себѣ и прошлыя оскорбленія? И никто никогда не долженъ ни догадаться, ни понять, какъ безумно страдаетъ блестящій полковникъ Саблинъ!

Лицо его неизмѣнно красиво, завиты и подкручены въ стрѣлку душистымъ бриллянтиномъ его холеные усы и чуть проступившая эти дни на вискахъ сѣдина только краситъ его... Онъ богатъ, прекрасно одѣтъ — онъ украшеніе Морского клуба! Какъ въ «Портретѣ Доріана Грея» Оскара Уайльда — наружность Грея остается все такою же юной и привлекательной, старѣетъ только скрытый отъ людей на башнѣ его портретъ, отражающій всѣ горести прекраснаго Доріана... Такъ у Саблина неизмѣнна его наружность, и только старѣетъ и разрушается его душа!

Онъ вѣрилъ въ Россію, въ ея народъ, вѣрилъ въ Царя, любилъ и жилъ для своей семьи.

Россія безъ геніевъ, Россія безъ людей — показа-

лась ему сѣрою и холодною пустыней. Сплошная тундра. Вмѣсто вѣры — мистицизмъ, доходящій до изувѣрства!

Народъ! — О, какимъ подлымъ казался ему народъ, давшій Распутина, Кушникова, забастовки рабочихъ, проигранную Японскую войну. Сверху до низу подлъ. Вспомнилъ, какъ учащаяся молодежь посылала телеграмму Микадо, поздравляя его со взятіемъ Портъ-Артура, вспомнилъ ямщика: — «намъ все одно, что Микола, что Микадо...» Народъ!... Для этого народа жить? Да будь онъ проклятъ совсѣмъ...

Царь?...

Между нимъ и Царемъ легла теперь страшная жертва — его мертвая Вѣра.

И семья... Викторъ... Коля... и Таня... Все его дѣти. Равно сироты... Безъ матерей...

Да, за все это наступитъ когда-нибудь и расплата. И больно ударитъ она по народу, хватитъ и по Царю, всю Россію заставитъ страдать и научитъ понимать, что такое Россія...

Пришелъ часъ и его расплаты. Страшный ночной часъ. Онъ вѣрилъ, что Россія, Царь и семья — каменный домъ на прочномъ фундаментѣ, что можетъ противостоять какимъ-угодно бурямъ. Анъ — оказался карточный домикъ; что, шутя и балуясь, поставили дѣти. Строили на вѣрѣ, что устоитъ, — а вотъ пошатнулся и все полетѣло во прахъ. Народъ оказался темнымъ и жаднымъ, Россія въ рукахъ соціалистовъ, Царь зависитъ отъ грязнаго развратнаго мужика — проходимца Распутина.

Сомкнулись стѣны. Точно на днѣ высокой башни стоялъ Саблинъ и не было дверей, чтобы выйти изъ нея.

Уже давно стоялъ день. Онъ прокрадывался во всѣ щели между окнами и занавѣсами и золотыми струями лился въ сумракъ кабинета. Лакей два раза заглядывалъ въ двери, не смѣя безпокоить Саблина.

Саблинъ вздохнулъ. Онъ бережно уложилъ въ пакетъ листки дневника Вѣры Константиновны и опечаталъ его большою тяжелою сюргучною печатью.

Твердо, не дрогнувшею рукою, совсѣмъ крупнымъ по-

черкомъ, онъ написалъ: — «Этотъ пакетъ положить, не вскрывая, ко мнѣ въ гробъ».

Онъ дѣлалъ всѣ распоряженія спокойно, какъ писалъ бы наставленіе управляющему на случай своего отъѣзда.

Теперь онъ не испугается никакого шума и ничто не остановитъ въ его рѣшеніи. Онъ досталъ свой тяжелый, новый, темный Наганъ. Не для такого употребленія онъ выписывалъ его себѣ съ казеннаго завода. Онъ написалъ и записку, все положилъ въ столъ, въ пустой ящикъ, на видное мѣсто.

«Еще одна папироса... Говорятъ, и обреченнымъ на смерть передъ казнью даютъ выкурить папиросу».

Онъ закурилъ ее... Бездумна была голова.

«Теперь остановить меня можетъ только чудо... Или Богъ?... Но Бога нѣтъ, если возможенъ такой ужасъ... Еще разъ посмотрѣть на небо?... Я такъ любилъ его... На солнце... Тамъ... не будетъ солнца... Тамъ будетъ вѣчный мракъ...»

Онъ положилъ револьверъ на столъ, прикрылъ его бумагами и подошелъ къ окну. Походка была тверда. Нѣтъ, онъ не боялся смерти... Можетъ быть, опять былъ далекъ отъ нея.

Что же?... Чудо?...

Широкимъ движеніемъ раздвинулъ онъ тяжелыя портьеры, поднялъ сборчатую тонкую штору и распахнулъ на обѣ половинки высокое окно. Онъ вздрогнулъ... Будто не повѣрилъ тому, что увидалъ и что услышалъ, и высунулся въ окно. Такъ провелъ онъ нѣсколько мгновеній. Потомъ сошелъ съ окна. Перекрестился, упалъ лицомъ на столъ, на ладони, и зарыдалъ.

Онъ увидалъ надъ собою простертую Божію руку и понялъ:

Чудо совершилось.

XXXVIII

Разговоры о войнѣ шли давно — съ самаго Сараевскаго убійства. Саблинъ, поглощенный работой, своими внутренними переживаніями, смертью и похоронами Вѣры Константиновны, какъ-то упустилъ эту возможность.

Онъ хотѣлъ уйти изъ жизни по личному дѣлу:— теперь Родина и Царь требовали его жизнь, предъявляли ему счетъ уплаты за все то, что они дали ему.

Народъ не былъ равнодушенъ въ эту грозную минуту. Онъ былъ съ Царемъ. Это увидѣлъ Саблинъ, когда пошелъ проститься съ небомъ.

Вся улица была полна свѣтомъ, солнцемъ и народомъ. На ней и на народѣ лежала сверкающая торжественность. Съ нея неслись звуки, какіе не могъ Саблинъ холодно и равнодушно слушать. Въ толпѣ громко и грозно звучалъ народный гимнъ.

Послѣднія слова его доносились теперь до Саблина, врывались въ его кабинетъ, заглушаемые криками «ура!»

Все было неправдой! И Микадо, вмѣсто Миколы, и Купшинниковъ съ прокламаціями, и Распутинъ, — все было частность, а цѣлое, главное было: — вотъ оно что!..

«Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояніе Твое!...»

Вотъ что говорила толпа и ея устами весь народъ.

Побѣды, — просилъ онъ. Побѣды, — жаждалъ онъ.

Саблинъ позвонилъ. Лакей точно ждалъ этого звонка: онъ сейчасъ же появился.

Саблинъ схватилъ пачку свѣжихъ, еще сырыхъ, пахнущихъ краской газетъ.

Да... конечно... Война объявлена... Послѣ сорокачетырехлѣтняго мира Европу объяла война. Передъ грознымъ лицомъ врага Царь соединился съ народомъ. Они простили другъ другу все прошлое и стали «заедино»!... Сильна оказалась великая Русь — придетъ къ побѣдѣ. Не партіи, но Россія пришла къ Царю въ лицѣ этой торжественной толпы. Саблинъ смотрѣлъ на нее

изъ окна. Надъ нею колыхались образа и хоругви церквей, надъ нею въ золотой рамѣ возвышался портретъ Государевъ. Онъ точно велъ толпу за собою.

Рабочіе, студенты, гимназисты... всѣ тѣ антимилитаристы, что такъ злобно спорили когда-то съ Саблинымъ у Мартовой, теперь шли восторженные, махая шапками, крича «ура» — Царю.

Саблинъ, въ томъ возбужденномъ состояніи, въ какомъ онъ провелъ ночь, не могъ оставаться холоднымъ ко всему этому. Онъ надѣлъ фуражку и въ вицъ-мундирѣ, безъ оружія, выбѣжалъ на улицу. И только вышелъ на подъѣздъ, толпа подхватила его. Тысячи рукъ тянулись къ нему.

— Да здравствуетъ армія!.. Ура!.. ура!.. ура!.. — неслось ему навстрѣчу. Его затолкали, его увлекли, протиснули въ первые ряды — къ портрету Государя, въ колеблющуюся тѣнь золотыхъ хоругвей. Грянулъ гимнъ — и не могъ не пѣть его Саблинъ.

Съ Исаакіевскаго собора навстрѣчу толпѣ ударилъ колоколъ и пошли его перезвоны колыхать петербургскія небеса. Въ раскрытыхъ окнахъ были лица... Сквозь ревъ толпы доносилось со стороны собора стройное пѣніе митрополичьяго хора:

— Спаси, Господи, люди Твоя!...

И кругомъ шелъ восторженный шопотъ, пожатія жесткихъ рукъ и поцѣлуи:

— Спаси Христосъ и помилуй васъ, голубчиковъ нашихъ, офицеровъ царскихъ!

Слезы туманили глаза Саблину. Такъ хотѣлось оправдать эти пожеланія, отблагодарить за эти пожатія чужихъ, невѣдомыхъ, мозолистыхъ, но, странно, — родныхъ рукъ!

Толпа сгрудилась у ступеней собора. Оттуда въ обрывки тишины впадалъ рокочущій діаконскій басъ:

— Христолюбивому, побѣдоносному воинству — многая лѣта...

— Ура!...

— И... Многая лѣта... Многая, многая, многая лѣта...

Заплатить за это надо! За эти мгновенія, за слезы, за сладостный трепетъ сердца, за всю прошлую блестящую, сытую жизнь, за металлъ погонъ, за цвѣта фуражки, за свой полкъ, заплатить кровью, лишеніями, если надо — жизнью... но и побѣдой!...

— Побѣды благовѣрному Государю нашему Николаю Александровичу, на сопротивныя даруяй!...

Выше поднимался надъ толпой Государевъ портретъ. Велъ ее, благословлялъ, увлекалъ на брань и на славу— Царь православный!

Легкой казалась побѣда!

Не гигантъ на глиняныхъ ногахъ была Россія, но кремневая скала, что не рубитъ булатъ, но лишь мечетъ огневыми искрами.

Съ нею и за нее — къ великой, славной побѣдѣ!

Конецъ второй части.

1918 — станица Константиновская 1919 — Зеленый Мысъ подлѣ Батума. 1920 — Шлахтензее подлѣ Берлина и *1922 — Гаутингъ подлѣ Мюнхена.*

Чт – 2,750у

Редкое издание коллекц.!

Тома 1–3 (вышли 3 издания)

Т. 4 (одно в 1922г.)

3 тома попадаются т.к. вышло 3 изд. Т. 4 большая редкость

3 изд. объясняется большим спросом у рус. эмиграции

было строжайше запрещен в СССР до 1990 г. выдавали в Б-ки Ленина только по разрешению КГБ

Автора расстреляло КГБ в 1947 году"

после выдачи англичанами [illegible] после войны

